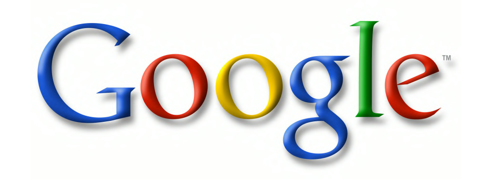
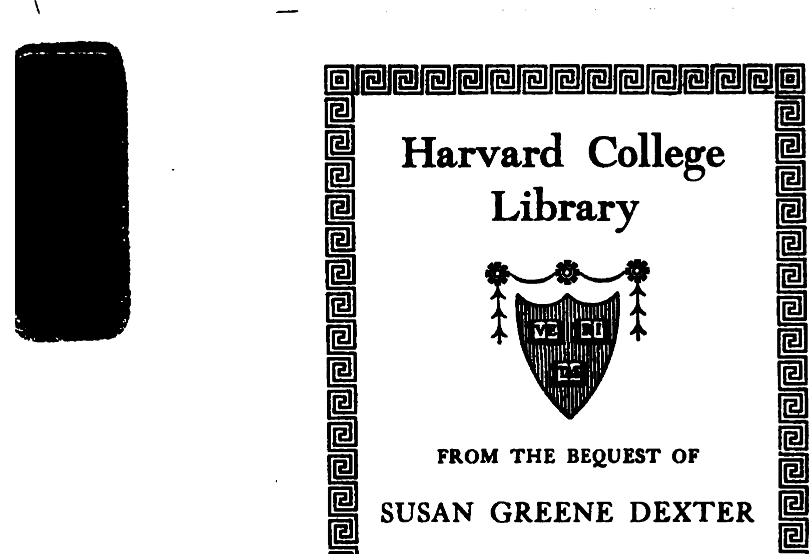
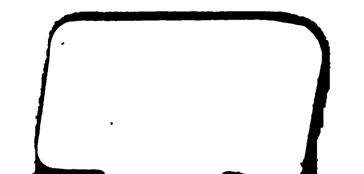






ЧТЕНІЯ

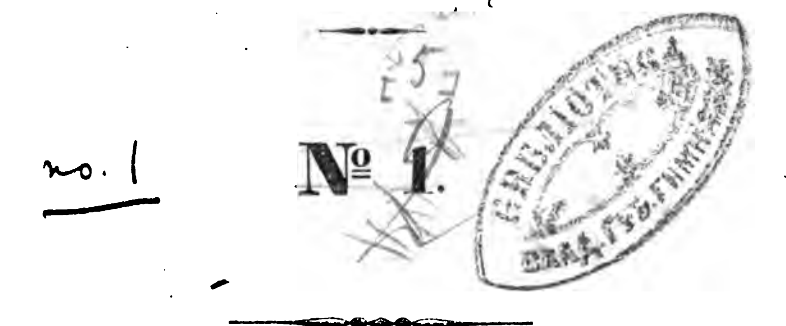
ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Засѣданіе 1-го іюня, 1846 года.



№ 1.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1846.

По опредѣленію Общества. 1846 года, іюня 1-го дня.

Секретарь Общества О. Бодянскій.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ОБЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ НОВГОРОДА
КЪ
ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЬЯМЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

С. Соловьева.

ОБЪ

ОТНОШЕНІЯХЪ НОВГОРОДА

КЪ

ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЬЯМЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ. *

„Хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ," говоритъ Іоаннъ III посламъ Новгородскимъ, и тѣ отвѣчаютъ: „Просимъ В. Князя объявить, какъ онъ желаетъ государствовать въ своей отчинѣ, В. Новгородѣ, потому что Новгородъ не знаетъ Московскаго обычая" [1].

Мало можно найти въ отечественной исторіи словъ, которыя были бы знаменательнѣе приведенныхъ! Два Русскіе города, два города, называющіе себя *отчинами* одного и того же владѣтеля, такъ отдалились другъ отъ друга на своемъ историческомъ пути, что одинъ обнаруживаетъ совершенное незнаніе объ устройствѣ другаго.

Прислушаемся къ отвѣту Іоаннову: изъ него мы узнаемъ главныя черты различія между устройствами Новгородскимъ и Московскимъ.

„Для того, чтобъ Новгородъ своимъ устройствомъ уподобился Москвѣ, говоритъ В. Князь, въ немъ не должно быть ни Вѣча, ни Посадника, а будетъ одна власть государева." [2] И такъ прежде всего мы должны опредѣлить, что такое вѣче, показать отношеніе его ко власти Княжеской, и потомъ уяснить причины существованія его въ Новгородѣ и отсутствія въ Москвѣ.

Въ извѣстіяхъ, лѣтописцами сообщаемыхъ, мы различаемъ троякій родъ вѣча: 1) вѣче, собираемое Княземъ; 2) вѣче, собирав-

---

* Изслѣдованіе это было написано для полученія ученой степени; но какъ оно выпущено въ свѣтъ въ весьма маломъ количествѣ экземпляровъ, а между тѣмъ требованія на него безпрестанно слышатся, то Общество опредѣлило удовлетворить этѣмъ послѣднимъ помѣщеніемъ его въ своемъ изданіи, съ нѣкоторыми, впрочемъ, пополненіями въ источникахъ, сдѣланными самымъ сочинителемъ.

шееся противъ Князя; 3) вѣче судное. Перваго рода вѣче собиралось по распоряженію Князя или, въ его отсутствіе, по распоряженію посадника [3] звономъ колокола, обыкновенно на дворѣ Ярослава; о другихъ же подробностяхъ касательно порядка совѣщанія мы, не имѣемъ никакого права заключать по совершенному недостатку извѣстій. Еще неопредѣленнѣе былъ характеръ остальныхъ родовъ вѣча. Вѣче, собиравшееся противъ Князя, было не иное что, какъ народное возстаніе: оно могло приготовляться въ тайныхъ вѣчахъ по домамъ недовольныхъ, и потомъ обнаруживаться въ разныхъ концахъ города, при чемъ иногда одна часть граждавъ становилась противъ Князя, другая вступалась за него, и дѣло рѣшалось битвою [4].

Наконецъ третій родъ вѣча, вѣче судное носило тотъ же самой характеръ, какъ и вѣче, собиравшееся противъ Князя; такъ иногда жалобщикъ созывалъ одно вѣче, обвиненный другое: слѣдствіемъ было междоусобіе [5]. Судъ и расправа производились слѣдующимъ образомъ: обиженный созывалъ вѣче, излагалъ жалобу; если въ собраніи было согласіе, то немедленно приступали къ исполненію приговора: отправлялись въ улицу, гдѣ жилъ обвиненный, били его, если находили, грабили имущество, жгли домъ [6]; иногда обиженный схватывалъ самъ обидчика и влекъ за собою, созывая вѣче; изложивъ жалобу, самъ становился исполнителемъ приговора, другіе помогали ему управиться съ обидчикомъ [7]. Иногда узнавъ, что жители извѣстной улицы совершили преступленіе, вѣче шло на эту улицу и сожигало дома виновныхъ [8]. При этомъ случалось, что жители улицы, противъ которой направлена была месть вѣча, вооружались и шли отражать нападеніе: сила должна была рѣшить дѣло. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что каждый гражданинъ могъ собирать вѣче, когда хотѣлъ и гдѣ хотѣлъ, при чемъ не обращалось вниманіе, всѣ ли граждане присутствовали, или нѣтъ: первая толпа народа была вѣчемъ, имѣла значеніе верховнаго народнаго собранія, и, если сила была на ея сторонѣ, могла перемѣнять существующій порядокъ вещей, смѣнять Князя, сановниковъ, судить и наказывать. Присутствіе на вѣчѣ не было обязанностію гражданина, равно какъ не было правомъ извѣстныхъ сословій: каждый могъ участвовать въ собраніи, или не участвовать.

Узнавъ характеръ вѣча, мы должны приступить теперь къ объясненію отношеній власти Княжеской ко власти этого верхов-

наго народнаго собранія. Прежде всего наше вниманіе останавливается на правѣ вѣча смѣнять Князя; но для объясненія этого права, для показанія его происхожденія, необходимо уяснить значеніе Князя въ Новгородѣ, границы его власти, и потому начнемъ съ изслѣдованія значенія Князя какъ судьи, отношенія суда княжескаго къ суду вѣчевому. Нѣкоторые изслѣдователи отрицаютъ у Князя право суда, уступая ему только власть военную и полицейскую [9]; но всѣ источники единогласно и положительно свидѣтельствуютъ о противномъ; приведемъ нѣсколько изъ ихъ свидѣтельствъ: Въ лѣтописи, подъ годомъ 1360, сказано: „Тогожъ лѣта присла Князь Великій Дмитрій послове свои, намѣстникы; и посадиша Новогородци Намѣстникы княжи у себе, и судъ даша [10].“ Въ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ читаемъ: А бесь посадника ти, княже, суда не судити [11].“ Тамъ же: „А что, княже, тебѣ было гнѣва на Посадника и на весь Новгородъ, то ти, княже, все нелюбье отложити, и отъ мала и отъ велика не мщати ти ни *судомъ* ни чимъ же.“ — „А старостѣ ни холопа ни рабы, безъ господаря, твоимъ судіямъ не судити.“„ А Бориса Константиновица кърмилъ Новгородъ Корѣлою, и онъ Корѣлу всю истерялъ, и за Нѣмцѣ загонилъ; надъ тимъ рубежь учинилъ на Новѣгородѣ; чего не пошло про рубежь, Господине. Како будешь въ Новѣгородѣ у отца своего у Владыцѣ, и у своихъ мужь, намъ съ нимъ судъ предъ тобою, Господине.“ — Въ позднѣйшихъ договорахъ Новгородцы обязываются: „А суда намъ у Великихъ Князей намѣстниковъ не отъимати [12].“ Или: „А безъ намѣстниковъ Великаго Князя посаднику суда не кончати [13].“ Этихъ свидѣтельствъ достаточно для устраненія всякаго сомнѣнія на счетъ судной власти Князя въ Новгородѣ. Какія же были границы судной власти Князя, какія лица и какія дѣла подлежали его суду? Всѣ граждане безъ исключенія подлежали суду княжескому: „А намѣстнику твоему судити съ посадникомъ во владычни дворѣ, на пошломъ мѣстѣ, какъ боярина, такъ и житьего такъ и молодшего такъ и селянина; а судити ему [14] въ правду, по крестному цѣлованью, всѣхъ равно“. — „И отъ мала и отъ велика не мщати ти ни судомъ ни чимъ же [15].“ Не было ли исключенія для лицъ правительственныхъ, для чиновниковъ, народомъ избираемыхъ? Есть свидѣтельства, что не было: Князь могъ судить и лишать должностей всѣхъ чиновниковъ: „А безъ вины мужа волости не лишити [16].“ Не было ли по крайней мѣрѣ, исключенія для посадника, этого товарища князева въ судѣ?

Не было и для него: въ 1171 году Князь Рюрикъ Ростиславичь отнялъ посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ города [17]; въ 1218 году Князь Святославъ Мстиславичь посылалъ сказать на вѣче, что отнимаетъ посадничество у Твердислава; народъ спросилъ: „Какая же его вина?“ и на отвѣтъ Князя: „безъ вины,“ сослался на слова договора: „безъ вины мужа не лишати,“ и воспротивился смѣнѣ посадника. Здѣсь народъ не отрицалъ право Князя судить и смѣнить посадника; но только право смѣнять безъ вины и суда, отвергнутое въ договорѣ [18]. Наконецъ въ 1476 годя Іоаннъ III, еще не прикасаясь ни къ одному изъ правъ Новгородскихъ, еще показывая себя вѣрнымъ хранителемъ старины, принялъ жалобу на посадника, судилъ и наказалъ его [19]. Но какъ могъ судить Князь сановника, безъ котораго онъ не могъ судить никого? Форма упомянутаго суда Іоаннова надъ посадникомъ Васильемъ Ананьинымъ служитъ намъ отвѣтомъ: В. Князь держалъ судъ въ присутствіи Архіепископа и всѣхъ старыхъ посадниковъ [20]. Теперь намъ остается рѣшить послѣдній вопросъ: былъ ли судъ Князя подчиненъ суду вѣчевому, судъ Князя былъ ли окончательный, могло ли дѣло, рѣшенное Княземъ, перерѣшаться на судѣ вѣчевомъ? Обратимся къ послѣднему случаю, къ суду Іоанна III надъ посадникомъ и его товарищами въ преступленіи. В. Князь судилъ его въ присутствіи Архіепископа и старыхъ посадниковъ, нашелъ виновнымъ, произнесъ приговоръ: отослать въ оковахъ въ Москву на заточеніе; что подобный поступокъ не былъ нарушеніемъ старины, доказательствомъ служитъ поступокъ Святослава Ольговича, который въ 1140 году заточилъ въ Кіевъ семерыхъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ [21]. Не смотря на то, Новгородцы не были довольны судомъ Іоанна: Архіепископъ и посадники молили его освободить виновныхъ. Іоаннъ отвѣчалъ: „вы сами мнѣ жаловаловались на разбой посадника и его друзей, я принялъ жалобу и судилъ по вашему обычаю, а именно: слѣдовалъ дѣло не я одинъ, но ты самъ, Владыка, и вы, посадники, и весь Новгородъ, нашли, что обвиненные причинили много зла городу; я ихъ наказалъ, какъ слѣдуетъ: чего же вы теперь отъ меня хотите?“ [22] Если бы судъ князя не былъ окончательнымъ, если бы дѣло отъ него можно было переносить къ суду высшему, вѣчевому, то Владыка и посадники могли бы возразить: „Нѣтъ, Князь, ты не соблюлъ всей старины; осудивъ, ты уже и наказалъ, тогда какъ надъ тобою есть еще судъ высшій, приговора котораго ты долженъ дожидаться.“ Ничего подобнаго: имъ оставалось толь-

ко просить верховнаго судію о помилованіи. Изъ этихъ примѣровъ видно, какова была судная власть В. Князя въ Новгородѣ: В. Князь былъ здѣсь судіею верховнымъ, его суду подчинены были всѣ лица безъ исключенія и всѣ важнѣйшія дѣла безъ всякаго переноса къ суду высшему. Теперь мы должны рѣшить вопросъ объ исполнительной власти Князя: мы видѣли, что Святославъ Ольговичь заточилъ семерыхъ вельможъ, Рюрикъ Ростиславичь выгналъ посадника; въ 1209 году Новгородцы отдали дѣтей посадника Дмитрія вмѣстѣ съ четырьмя другими боярами Князю Святославу, который заточилъ ихъ въ Суздальскую область [23]; въ 1218 году посадникъ отдалъ преступника Князю для наказанія [24], наконецъ Іоаннъ III послѣ суда тотчасъ приводитъ въ исполненіе свой приговоръ, велитъ заточить виновныхъ въ Москву; изъ этихъ примѣровъ ясно видно, что исполнительная власть также принадлежала Князю; въ одномъ только случаѣ вѣче выговаривало себѣ власть исполнительную, а именно, когда кто нибудь возметъ судную грамоту по напрасну: „А кто на кого возметъ грамоту судную, а будетъ ему дѣло до судьи или до истца, ино ему переговариваться съ ними мѣсяцъ; а не почнетъ переговариваться въ тотъ мѣсяцъ, ино взять на него приставы съ вѣча да имать его въ городѣ и въ селѣ съ тыми приставы; а почнетъ хорониться отъ приставовъ, ино его казнить всимъ Великимъ Новымгородомъ [25].“ И такъ изо всѣхъ вышеприведенныхъ случаевъ открывается, что судная власть князя исключала судную власть вѣча, что послѣднему было не надъ кѣмъ и не надъ чѣмъ произнесить свой судъ, а между тѣмъ есть свидѣтельства, которыя показываютъ совершенно противное. Въ 1218 году, гражданинъ, совершивъ преступленіе, бѣжалъ, преступника схватили на дорогѣ, и посадникъ отдалъ его Князю; вдругъ пронеслась вѣсть, что посадникъ поступилъ въ этомъ случаѣ несправедливо; такъ какъ судъ надъ посадникомъ принадлежалъ Князю, то послѣдній долженствовалъ, по жалобѣ гражданъ, разсмотрѣть справедливость обвиненія, и потомъ уже, если вина была доказана, свергнуть посадника и созвать вѣче для избранія новаго. Ничего подобнаго не случилось: два конца встали на посадника, два вступились за него, жители пятаго смотрѣли равнодушно на борьбу, кончившуюся кровопролитіемъ; испуганный Князь выпустилъ преступника; вѣче продолжалось цѣлую недѣлю [26]. Въ 1228 году обвиненъ былъ Тысяцкій: народъ прямо съ вѣча пошелъ грабить домъ его [27]. Въ 1230 году поссорились двое знаменитыхъ гражданъ, изъ которыхъ одинъ

былъ посадникъ, — слуги послѣдняго прибили противника. Оскорбленный гражданинъ созвалъ вѣче на дворъ Ярослава, которое разграбило дворъ посадника; этотъ, въ свою очередь, собралъ другое вѣче: убійство и сожженіе домовъ были слѣдствіемъ [28]. Противъ приведенныхъ двухъ случаевъ могутъ возразить: въ 1228 году городъ былъ въ ссорѣ съ Княземъ, а въ 1230 году Князь, Михаилъ Черниговскій былъ въ отсутствіи. Но въ 1287 году, когда Новгородъ спокойно повиновался Димитрію Александровичу, возникли жалобы на одного изъ старыхъ посадниковъ: весь Новгородъ всталъ на него безъ *исправы*; говоритъ лѣтописецъ, домъ его былъ разграбленъ; его самаго едва уберегъ Архіепископъ [29]; въ 1290 году, при томъ же Князѣ, жители Прусской улицы убили одного гражданина: вѣче сожгло всю улицу вмѣстѣ съ церквами [30]; въ слѣдующемъ году произошелъ грабежъ на торгу: вѣче свергнуло съ мосту двоихъ грабителей. Подъ 1332 годомъ читаемъ: встали крамольники, смѣнили посадника, поставили другаго, пограбили домы и села граждáнъ: [31] это было при Іоаннѣ Калитѣ, когда онъ еще не думалъ ссориться съ Новгородомъ и держалъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Въ 1342 году, при Симеонѣ Гордомъ, одинъ гражданинъ, мимо суда княжескаго, жаловался вѣчу на убійство своего отца: явилось два враждебныхъ вѣча; едва Владыка успѣлъ положить конецъ насиліямъ [32]. Этихъ примѣровъ довольно для показанія, что вѣче, наравнѣ съ княземъ, имѣло власть судить и наказывать всѣхъ граждáнъ безъ исключенія, отъ посадника до простаго грабителя. Скажутъ: такого рода вѣча не были законными; это были мятежи крамольковъ, какъ ихъ и называетъ лѣтописецъ, и были терпимы только по причинѣ слабости Князя, не могшаго заставить уважать права свои. Но во первыхъ, между этими вѣчами и законными нѣтъ никакаго различія; лѣтописецъ всѣ одинаково называетъ вѣчами: результаты тѣхъ и другихъ также одинакіе, крамольники избираютъ посадника и онъ остается законнымъ; обиженный жалуется вѣчу: никто не называетъ эту жалобу незаконною, никто не напоминаетъ о судѣ княжескомъ, лѣтописецъ говоритъ объ этомъ, какъ объ дѣлѣ обыкновенномъ; во вторыхъ, мы имѣемъ свидѣтельство, что вѣче судъ и расправу независимо отъ суда княжескаго, считало правомъ своимъ: въ 1209 году Всеволодъ III, на время отсутствія сына своего, бывшаго намѣстникомъ его въ Новгородѣ, далъ гражданамъ позволеніе управиться съ чиновниками, заслужившими ихъ негодованіе: лѣтописецъ говоритъ, что

В. Князь возвратилъ Новгородцамъ ихъ прежнюю волю „любить добрыхъ и казнить злыхъ [33]." И такъ мы видимъ, что подлѣ власти князя стояла власть вѣча съ одинакими правами, и опредѣлить отношенія между обѣими властями нѣтъ никакой возможности для изслѣдователя: ему остается одно средство: объяснить исторически это странное двоевластіе, показать, какъ произошло первое столкновеніе обѣихъ властей и обстоятельства, содѣлавшія возможнымъ ихъ долгое пребываніе другъ подлѣ друга въ показанныхъ отношеніяхъ. Для этого мы должны обратиться къ первому появленію Княжеской власти въ Новгородѣ.

Писатели, какъ иностранные, такъ и своенародные, не оставили намъ особенныхъ извѣстій о городовомъ быту у Славянъ, и потому мы должны заключать объ немъ изъ краткихъ свидѣтельствъ, оставленныхъ ими вообще о бытѣ племенъ Славянскихъ. Лѣтописецъ отечественный говоритъ, что Славяне вели жизнь патріархальную: каждый жилъ особенно съ родомъ своимъ, на своемъ мѣстѣ, и владѣлъ своимъ родомъ [34]. Писатели иностранные указываютъ также на этихъ родоначальниковъ, старшинъ народныхъ [35], свидѣтельствуя однако, что при своемъ соединеніи въ большія массы, Славяне не знаютъ единодержавія, но обо всѣхъ дѣлахъ разсуждаютъ сообща въ народныхъ собраніяхъ [36]. Изъ этого мы имѣемъ право заключить, что и городъ у Славянъ первоначально былъ не иное что, какъ соединеніе многихъ родовъ въ одномъ мѣстѣ, привлеченныхъ выгодою его положенія. Первоначально, каждый родъ управляется своимъ патріархомъ, съ кончины послѣдняго наступаетъ нужда въ избраніи старшины: „когда умретъ глава племени, говоритъ одна старинная пѣснь Славянъ, то всѣ дѣти вмѣстѣ пользуются имуществомъ, выбравши себѣ изъ рода своего владыку [37]." Мы знаемъ, какой законъ господствовалъ при этомъ избраніи; владычество принадлежало *всегда* старшему въ родѣ; но мы знаемъ также, какія были послѣдствія этого закона, когда родъ дробился болѣе и болѣе, линіи расходились и родственная связь ослабѣвала: столкновеніе правъ различныхъ линій было необходимо, ибо часто нужда заставляла нарушать законъ старшинства, когда личному достоинству младшаго отдавалось преимущество предъ правомъ старшаго; линія, оскорбленная въ особѣ своего старшины, начинаетъ питать непримиримую вражду къ линіи, похитившей право, и пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ для возбужденія неудо-

вольствія въ членахъ рода противъ соперника: отсюда внутренніе раздоры и усобицы необходимы. Право, разъ нарушенное, ведетъ къ дальнѣйшимъ нарушеніямъ: спорность правъ увеличивается, вмѣстѣ съ нею увеличиваются волненія и безпорядки. Эти безпорядки еще болѣе усиливаются близкимъ сосѣдствомъ другихъ родовъ, въ одномъ городѣ обитающихъ; они принимаютъ участіе въ распряхъ и питаютъ междоусобія. Если столкновенія между линіями одного и того же рода могли вести ко внутреннему неустроенію, то послѣднее было необходимо при безпрестанномъ столкновеніи многихъ родовъ чуждыхъ. Очевидно, что старшины отдѣльныхъ родовъ, въ общемъ совѣтѣ соединенные, должны были составить правительство города; но заключало ли это правительство въ самомъ себѣ условія силы и единства? Каждый старшина былъ представителемъ своего рода, блюстителемъ его выгодъ; если произойдетъ между членами разныхъ родовъ враждебное столкновеніе и дѣло будетъ отдано на рѣшеніе старшинъ, то спрашивается, можно ли ожидать совершеннаго безпристрастія въ ихъ рѣшеніи? Каждый старшина *обязанъ* не выдавать своего родича, въ противномъ случаѣ навлечетъ на себя негодованіе цѣлаго рода, какъ слабый, недостойный блюститель его выгодъ. Кто будетъ посредникомъ въ распрѣ между старшинами? Ясно, что она должна вызвать участіе цѣлаго народонаселенія: является общенародное *вѣче*. Здѣсь соберутся члены всѣхъ родовъ; распря, начавшаяся въ совѣтѣ старшинъ, должна повториться на вѣчѣ общенародномъ; каждый родъ заступится за своего члена, *родъ встанетъ на родъ*, и междоусобіе необходимо. Исторія Новгорода представляетъ самое лучшее доказательство вышесказаннаго. Съ теченіемъ времени родовыя отношенія здѣсь исчезли; но *пять концовъ* съ своими старостами *напоминали о пяти родахъ*, изъ которыхъ составилось первоначальное народонаселеніе, и вражда между концами заступила мѣсто родовой вражды; какъ прежде возставалъ родъ на родъ, такъ послѣ возставалъ конецъ на конецъ, остальные брали сторону того или другаго, а иногда оставались спокойными зрителями борьбы. Общество не долго могло существовать въ подобномъ положеніи; оно должно было искать силы, которая бы внесла миръ, нарядъ въ его среду, правительство, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорахъ безпристрастнаго. Но къ отсутствію мира внутренняго присоединялось еще отсутствіе средствъ ко внѣшней безопасности. Разрозненный бытъ Славян-

скихъ племенъ былъ причиною ихъ всегдашней слабости, постоянно подвергалъ ихъ насилію воинственныхъ полчищъ, стремившихся чрезъ ихъ страны во всѣхъ направленіяхъ. Нѣсколько родовъ соединялись въ одномъ мѣстѣ, но приносили съ собою прежнюю разрозненность; выгодное положеніе города и случайное единеніе силъ, возбужденное общею опасностію, могло дать средства къ войнѣ оборонительной; но общество, ограничивающееся постоянно только одною оборонительною войною, тѣмъ самымъ ставитъ себя цѣлію безпрестанныхъ нападеній со стороны хищныхъ сосѣдей, а избраніе единаго общаго вождя для войны наступательной, для битвы въ чистомъ полѣ, сопряжено было съ величайшею трудностію среди вѣчныхъ родовыхъ распрей. Такимъ образомъ новое правительство, къ установленію котораго стремилось общество, должно было удовлетворять двумъ потребностямъ; во первыхъ, дать миръ внутренній, прекратить всѣ споры и междоусобія судомъ безпристрастнымъ, дать *нарядъ* городу, по старинному выраженію, а во вторыхъ, дать безопасность внѣшнюю, однимъ словомъ потребенъ былъ *судья и полководецъ*: слѣд. Князь въ Новгородѣ долженъ былъ необходимо удовлетворять этимъ двумъ условіямъ: должность вождя не была его должностію исключительною; онъ былъ столько же необходимъ какъ судья, какъ блюститель внутренняго наряда, верховный посредникъ въ безконечныхъ спорахъ родовъ. Лѣтопись говоритъ, что князья были *призваны для* возстановленія *наряда*, нарушеннаго усобицами *родовъ*, не говоря ни слова о необходимости внѣшней защиты. Изслѣдователи изумляются такому необыкновенному явленію; другіе, при его объясненіи, преимущественно останавливаются на завоеваніи или, по крайней мѣрѣ, на необходимости внѣшней защиты для племени, привыкшаго къ мирнымъ занятіямъ: но развѣ послѣдующая исторія Новгорода не представляетъ намъ множество примѣровъ подобнаго рода, развѣ это призваніе князя не повторяется безпрестанно? Если Рюрикъ съ братьями завоевалъ Новгородъ, то не уже ли во всѣхъ послѣдующихъ призваніяхъ имѣло мѣсто завоеваніе? Лѣтописецъ начальный говоритъ, что Варяги были изгнаны, и потомъ снова призваны; другіе лѣтописцы послѣдующіе говорятъ, что какъ скоро одинъ князь былъ изгоняемъ, или добровольно оставлялъ Новгородъ, то граждане немедленно посылали за другимъ: они не терпѣли сидѣть безъ князя, говоритъ лѣтописецъ; [38] есть извѣстіе, что одинъ изъ В. Князей хотѣлъ наказать Новгородцевъ тѣмъ, что

долго не посылалъ къ нимъ князя [39]. Рюрикъ завоевалъ Новгородъ: но у внука Рюрикова Новгородцы просятъ князя и въ случаѣ отказа грозятся найти другаго. Имъ нуженъ былъ князь только для защиты отъ враговъ внѣшнихъ: но послушаемъ, что говорятъ они сыну Ростиславову: „не хотимъ тебя; мы призвали твоего отца для установленія *наряда*, а онъ вмѣсто того усилилъ безпокойство [40]". Сравнимъ теперь это свидѣтельство со свидѣтельствомъ о призваніи Рюрика, и увидимъ, что цѣль призванія одна и таже въ обоихъ случаяхъ. Князь призывается для установленія *наряда внутренняго*, какъ судья, миротворецъ. Но если князь былъ необходимъ въ Новгородѣ болѣе въ качествѣ судьи, нежели полководца, то ясно каковы долженствовали быть границы его судной власти? Если князь призывался какъ посредникъ, на судъ котораго всѣ стороны должны были полагаться: то очевидно, что надъ судомъ князя не могло быть никакого другаго верховнаго суда; княземъ могли быть недовольны, если онъ судилъ пристрастно, если онъ, вмѣсто того, чтобы умирить стороны, еще болѣе усиливалъ раздоръ, князя могли изгнать за это при возможности, но не могли подчинить его судъ суду высшему, ибо тогда уничтожилось бы все значеніе князя, исчезла бы его необходимость. Вотъ причина, почему князь въ Новгородѣ является судьею верховнымъ, не признающимъ надъ собою никакого высшаго суда. Князь, призванный въ качествѣ судьи, посредника, исключалъ собственно судную власть вѣча, но граждане не могли понимать идеи исключительнаго представительства, которую мы соединяемъ съ идеею властителя, и потому вѣче не отказалось отъ правъ своихъ рѣшать судьбу города во всѣхъ важныхъ случаяхъ; оно смотрѣло на Князя, какъ на лицо необходимое, какъ на посредника, долженствующаго постоянно присутствовать среди гражданъ, чтило въ немъ это достоинство, никогда не думало подчинять его себѣ, дѣлать изъ него своего чиновника, но между тѣмъ само не подчинялось ему, городъ оставался по прежнему государемъ самовластительнымъ, а Князь является подлѣ него также, какъ владѣтель независимый, избранный для посредничества и военачальства. Это странное двоевластіе, сопоставленіе власти Княжеской и власти вѣча другъ подлѣ друга на правахъ равныхъ, выражается повсюду, повсюду подлѣ князя является Великій Новгородъ [41]. Но ясно, что такое сопоставленіе двухъ властей, такая неопредѣленность ихъ отношеній, вызывала постоянное столкновеніе: князь, въ качествѣ верховнаго судьи, смотрѣлъ на

каждое самоуправство вѣча, какъ на мятежъ, похищеніе правъ своихъ; съ другой стороны граждане смотрѣли на князя, какъ на посторонняго посредника, и не понимали, что должны отказаться отъ права любить добрыхъ и казнить злыхъ. Когда князь, оскорбленный своеволіемъ вѣча, изъявлялъ свой гнѣвъ и приказывалъ намѣстнику своему удалиться, то граждане съ удивленіемъ спрашивали: „за что гнѣвается Князь, развѣ мы его оскорбили, вѣдь мы казнили свою братью?“ [42]. Такой порядокъ вещей, такая неопредѣленность въ отношеніяхъ между двумя сопоставленными властями, могли существовать только въ началѣ, ибо съ теченіемъ времени постоянныя столкновенія вызывали необходимо борьбу, при чемъ отношенія должны были опредѣляться въ пользу той или другой власти; но что же мы должны заключить, когда, по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, находимъ въ Новгородѣ первоначальный порядокъ вещей, первоначальную неопредѣленность? Мы должны заключить, что обѣ власти были задержаны въ своемъ развитіи: власть вѣча не могла развиваться далѣе извѣстнаго предѣла; призвавъ на помощь власть чуждую, власть княжескую, вѣче тѣмъ самымъ показало, что оно не заключаетъ въ самомъ себѣ необходимыхъ условій для достиженія общественной цѣли; правда, ослабленіе власти княжеской дало вѣчу возможность смѣнять князя, предписывать ему извѣстныя условія; но смѣнивъ одного князя, вѣче немедленно призывало другаго, и тѣмъ самымъ показывало необходимость послѣдняго и собственную недостаточность, слѣд. князь былъ необходимъ не какъ чиновникъ, подчиненный вѣчу, но какъ верховный судья и посредникъ независимый; на это значеніе князя вѣче не могло посягнуть: вотъ предѣлъ, далѣе котораго власть его не могла усиливаться, вотъ почему князь сохранялъ постоянно характеръ судьи верховнаго и независимаго. Но если князь былъ призываемъ какъ лице, необходимое для наряда, для мира внутренняго, то откуда проистекаетъ явленіе, что князь не пользуется выгодою своего положенія, необходимостію, которую городъ въ немъ чувствовалъ, и вмѣсто того, чтобы предлагать самому условія, принимаетъ ихъ отъ вѣча? Это явленіе проистекаетъ отъ того, что выгода, бывшая на сторонѣ князя, какъ лица необходимаго, перевѣшивалась на сторонѣ вѣча возможностію выбирать изъ многихъ князей, мѣнять ихъ по произволу. Слѣд. вотъ причина ослабленія власти княжеской; вотъ почему князь такъ долго не могъ опредѣлить своихъ отношеній къ вѣчу, въ свою пользу, позволялъ послѣдне-

му существовать подлѣ себя на правахъ равныхъ. Теперь мы должны обратиться къ изслѣдованію причинъ, произведшихъ въ Новгородѣ возможность выбирать изъ многихъ князей, должны рѣшить вопросъ, основывалась ли эта возможность на грамотѣ, данной извѣстнымъ княземъ въ слѣдствіе извѣстнаго случайнаго обстоятельства, послѣ чего Новгородъ отдѣлился отъ остальныхъ городовъ Русскихъ, пошелъ своимъ путемъ, составилъ свой особый міръ; или эта возможность зависѣла отъ явленій общихъ для всей Руси, при чемъ Новгородъ составлялъ всегда нераздѣльную часть послѣдней, жилъ съ ней одною жизнію, отражалъ въ стѣнахъ своихъ всѣ отношенія, попеременно въ ней господствовавшія.

Призванные князья не долго оставались въ Новгородѣ; преемникъ Рюрика уходитъ на Югъ и основывается въ Кіевѣ; послѣдующіе князья стремятся далѣе къ завѣтной цѣли своей—Византіи; области нынѣшней Россіи остаются для нихъ по прежнему только путемъ къ этой цѣли, на города, разсѣянные по этѣмъ областямъ, они смотрятъ, какъ на временныя стоянки, по окружнымъ племенамъ Славянскимъ разсылаютъ они дружину кормиться на зиму. Такое непостоянство, такая непрочность пребыванія первыхъ князей была одною изъ главныхъ причинъ, замедлившихъ опредѣленіе отношеній княжеской власти къ городамъ и окружному народонаселенію. Крещеніе Св. Владиміра отъ Греческой Церкви положило предѣлъ стремленію князей далѣе на Югъ, ограничило сферу ихъ дѣятельности областями нынѣшней Россіи; но этимъ не остановилось ихъ движеніе, напротивъ оно стало производиться еще съ большею силою внутри означеннаго круга; перемѣщенія князей изъ одного города въ другой, изъ одной области въ другую не прекратились и не переставали отвлекать ихъ отъ дѣлъ внутреннихъ, отъ точнѣйшаго опредѣленія и утвержденія своихъ отношеній къ народонаселенію подчиненному. Какія же были причины такого движенія?

Осенью 1195 года, говоритъ лѣтописецъ, Мономаховичи: Рюрикъ Кіевскій, Давидъ Смоленскій и Всеволодъ, В. К. Владимірскій, послали въ Черниговъ сказать Ольговичамъ: „Дайте слово не отнимать у насъ и дѣтей нашихъ отчинныхъ нашихъ городовъ: Смоленска и Кіева; ибо, по раздѣлу Ярослава Великаго, вы получили земли по ту сторону Днѣпра, и Кіевъ принадлежать вамъ не можетъ [43].“ Ольговичи отвѣчали: „Соглашаемся оставить

Кіевъ во власти Всеволода и Рюрика, но вовсе отступиться отъ него не можемъ: мы не Венгры, не Ляхи, но потомки одного предка." Эти многознаменательныя слова, сказанныя при сношеніи двухъ враждебныхъ линій потомства Ярославова, могутъ указать намъ причины всѣхъ княжескихъ движеній и междоусобій, происходившихъ въ такъ называемый періодъ удѣловъ. Слова Ольговичей: „мы всѣ потомки однаго предка," показываютъ намъ, что князья смотрѣли на себя, какъ на членовъ одного семейства, и на области Русскія, какъ на нераздѣльную собственность этого семейства, при чемъ старшіе владѣли областями лучшими, и старѣйшій изъ всѣхъ сидѣлъ на главномъ столѣ, въ Кіевѣ. Но слова Мономаховичей: „оставайтесь въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ за Днѣпромъ и не вступайтесь въ наши родовые города" показываютъ, что существовало какое-то ограниченіе въ вышесказанномъ способѣ владѣнія, что было стремленіе нѣкоторыхъ линій Ярославова потомства ограничить другія извѣстными областями и отнять у нихъ право доискиваться старѣйшаго стола. Общность, нераздѣльность владѣнія однаго рода всею землею, съ правомъ старшихъ на лучшіе удѣлы, условливало постоянное движеніе, перемѣщеніе князей изъ одной области въ другую, изъ однаго города въ другой. Если бы эти перемѣщенія слѣдовали постоянно порядку старшинства, если бы они были подчинены постоянно одному, всѣми равно признаваемому, закону, то это отстранило бы всякія враждебныя столкновенія между князьями, и постоянство ихъ взаимныхъ родовыхъ отношеній дало бы имъ возможность сообщить постоянство и своимъ отношеніямъ къ народонаселенію управляемому. Но стремленіе нѣкоторыхъ линій исключить другія изъ права, необходимо вызывало со стороны послѣднихъ стремленіе поддержать его, слѣдствіемъ чего были междоусобія. Какъ скоро сильна князей перестала подчиняться одному общепринятому закону старшинства, какъ скоро получили мѣсто частыя изъ него исключенія въ пользу достойнѣйшаго, сильнѣйшаго, или болѣе смѣлаго, то города не могли долго оставаться праздными въ этой борьбѣ, гдѣ дѣло шло объ ихъ судьбѣ или, по крайней мѣрѣ, объ ихъ потеряхъ, или выгодахъ; какъ скоро послѣдовало нарушеніе права всѣмъ извѣстнаго и всѣми принятаго, то силѣ открылось обширное поприще продолжать нарушеніе права, силу же должно было употреблять и для поддержанія права: при такомъ господствѣ силы, сила городоваго народонаселенія, способная дать перевѣсъ той или другой сторонѣ, не могла

остаться безъ важнаго значенія; борющіеся за свои права князья начали стараться пріобрѣтать эту силу, начали стараться пріобрѣтать приверженность жителей тѣхъ городовъ, владѣнія которыми добивались; но за эту приверженность они должны были необходимо давать нѣкоторое вознагражденіе, т. е., поступаться нѣкоторыми правами своими въ пользу граждань. Раздѣленіе, распри въ семействѣ князей, въ родѣ правителей, должны были необходимо отражаться въ раздѣленіяхъ и распряхъ городскаго народонаселенія; безпрерывная смѣна правителей, частое ихъ отсутствіе, заставляли граждань находиться въ постоянномъ движеніи, принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ правленія, что поддерживало древнія формы вѣчеваго народовластія. Обратимся къ событіямъ, долженствующимъ подтвердить сказанное.

Къ преступленію братоубійства Святополкъ присоединилъ еще попытку развратить граждань, подкупомъ пріобрѣсть ихъ привязанность: лѣтописецъ говоритъ, что Святополкъ, по совершеніи трехъ братоубійствъ, началъ княжить въ Кіевѣ, и, призывая граждань, давалъ имъ богатые подарки [44]. При послѣдующихъ усобицахъ княжескихъ, обязанность самосохраненія должна была вывести граждань изъ страдательнаго положенія и заставить ихъ присвоить себѣ право изъ многихъ искателей выбирать достойнѣйшаго. Старшій сынъ Ярослава I-го измѣнилъ одной изъ самыхъ главныхъ своихъ обязанностей, убѣжавъ съ поля битвы; Кіевляне созываютъ вѣче и требуютъ отъ князя оружія и коней для отраженія враговъ: [45] исполнить это требованіе значило отказаться отъ своей главной обязанности, и съ тѣмъ вмѣстѣ отъ своего главнаго права, потерять свое значеніе. Князь отказалъ, народъ находитъ себѣ защитника въ другомъ потомкѣ Св. Владиміра, Всеславѣ Полоцкомъ, котораго Изяславъ вѣроломно заключилъ въ темницу; покинутые Всеславомъ Кіевляне должны были обратиться къ первому князю, пришедшему на нихъ съ чужою помощію; при посредствѣ братьевъ Великаго Князя они получаютъ его прощеніе, но сынъ Изяслава казнью главныхъ вѣчниковъ возбуждаетъ нелюбье Кіевлянъ къ своему роду, которое еще болѣе усилилось въ княженье брата его, Святополка [46]. Потомство втораго сына Ярославова также не могло пользоваться расположеніемъ граждань, по слѣдующимъ причинамъ: они ничего не могли ожидать отъ Олега Святославича, кромѣ возобновленія насилій Святополковыхъ. Этотъ князь, изгнанникъ съ ранней молодости, Варягъ въ полномъ значеніи сло-

ва, долженъ былъ мечемъ отыскивать свои права, свою отчину; большая часть жизни его протекла не въ городѣ, наслѣдіи предковъ, но въ лагерѣ воинскомъ; съ ранней юности онъ былъ окруженъ смѣлыми воинами, неутомимыми и вѣрными товарищами его изгнаннической жизни, которые служили ему единственною опорою, на которыхъ онъ полагалъ всю свою надежду: ихъ только привыкъ онъ уважать, съ ними исключительно держалъ свой совѣтъ и презиралъ городскихъ старцевъ и пастырей Христіанскихъ, какъ совѣтниковъ, храбраго князя недостойныхъ [47]. Ясно было, что такой князь, при столкновеніяхъ своихъ дружинниковъ съ горожанами не усумнился бы принести послѣднихъ въ жертву первымъ, что Кіевляне испытали уже разъ отъ младшей дружины слабаго Всеволода [48], и что послѣ испытали отъ тіуновъ сына Олегова. Во вторыхъ: Олегъ и всѣ его родичи были ненавистны жителямъ городовъ Русскихъ, потому что эти князья измѣняли постоянно одной изъ самыхъ священныхъ своихъ обязанностей въ отношеніи гражданъ, а именно, вмѣсто защиты Русской земли отъ враговъ, они безпрестанно наводили на нее Половцевъ. Совершенно противоположнымъ характеромъ и поведеніемъ отличался сынъ Всеволода, Владиміръ. Съ ранней юности онъ стоялъ на стражѣ Русской земли, былъ грозою и бичемъ невѣрныхъ [49]; въ дѣлахъ внутреннихъ онъ является врагомъ всякой неправды, грозою насилія: ему Кіевляне были обязаны тѣмъ, что Святополкъ на давалъ всей воли страстямъ своимъ [50]. Отсюда понятна любовь Русской земли къ Мономаху, благоговѣніе къ его памяти, отсюда понятно, почему Кіевляне не хотѣли имѣть своимъ княземъ никого, кромѣ Мономаха, оставались вѣрными только его потомству [51]. По смерти Святополка, вѣче Кіевское опредѣлило звать Мономаха на столъ отца и дѣда. Владиміръ, разъ отказавшись отъ старшинства по смерти отца своего, въ пользу Святополка, не хотѣлъ и тутъ нарушить право Олега: онъ отказался отъ предложенія Кіевлянъ. Тогда послѣдніе отправили къ нему вторичное посольство съ угрозою, что если онъ не явится немедленно въ Кіевъ, то возметъ на себя отвѣтъ въ страшномъ кровопролитіи и оскверненіи святыни. Мономахъ долженъ былъ принять великокняжеское достоинство [52]. Такимъ образомъ граждане нарушили право старшинства, избравъ достойнѣйшаго мимо старѣйшаго. На этотъ разъ никто не воспротивился волѣ Кіевлянъ, ибо никто не посмѣлъ состязаться съ Мономахомъ. Старшій сынъ его Мстиславъ наслѣдовалъ потъ отца своего, гово-

ритъ Лѣтописецъ, и потому наслѣдовалъ безпрепятственно и старшинство между князьями. Но дѣла приняли другой оборотъ по смерти Мстислава; Олеговичи, пользуясь раздоромъ, возникшимъ въ потомствѣ Мономаха, доискивались старшинства. Тогда Кіевляне испытали всю невыгоду смѣны родовыхъ линій княжескихъ. Всеволодъ Ольговичь привелъ своихъ Черниговскихъ дружинниковъ, которымъ роздалъ должности предпочтительно предъ старою дружиною Кіевскою [53]. Пришельцы сильно тѣснили гражданъ. Негодованіе послѣднихъ выразилось по смерти Всеволода; они до тѣхъ поръ не хотѣли признать княземъ брата его, Игоря, пока онъ не заключилъ съ ними клятвеннаго договора наблюдать самому за правосудіемъ и давать гражданамъ тіуна по ихъ волѣ [54]. Это былъ первый примѣръ на Югѣ ряда или договора княжескаго съ гражданами; онъ не остался единственнымъ: лѣтописецъ говоритъ, что не только Олеговичи, но и Мономаховичи, заключали ряды съ гражданами Кіевскими [55]. Такимъ образомъ безпрерывное движеніе, безпрерывная смѣна князей, въ слѣдствіе родовыхъ отношеній, воспрепятствовала развитію княжеской власти въ старыхъ городахъ, привыкшихъ къ вѣчевому народовластію, и дала даже имъ возможность опредѣлять иногда свои отношенія къ князьямъ въ свою пользу. Еще сильнѣе, чѣмъ въ Кіевѣ, является власть вѣча въ другихъ старыхъ городахъ: возможность выбора между многими враждебными князьями дала имъ возможность смѣнять ихъ безнаказанно: такъ этою возможностію пользуются жители Смоленска и Полоцка [56]; однимъ словомъ во все продолженіе, такъ называемаго, удѣльнаго періода въ старыхъ городахъ власть князя и власть вѣча находятся другъ подлѣ друга въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, и вѣче является у лѣтописца принадлежностію всѣхъ городовъ старыхъ, при чемъ Новгородъ причисляется къ послѣднимъ безо всякаго особаго отличія [57].

Но подлѣ этихъ городовъ, изъ которыхъ многіе существовали еще гораздо прежде прихода князей Варяжскихъ и привыкли къ вѣчевому народовластію, основалось въ послѣдствіи множество другихъ новыхъ. Семейныя Славянскія понятія, отразившіеся на отношеніяхъ князей, отразились также и на отношеніяхъ городовъ, въ слѣдствіе чего города новопостроенные вошли къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, т. е. должны были находиться въ волѣ послѣднихъ; отсюда младшіе города, или пригороды, не имѣли самостоятельнаго быта и во

всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тіуна; эта совершенная зависимость выражается въ лѣтописи такъ: „на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ [58]." Ясно, что въ этихъ младшихъ городахъ, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ приговорамъ старшихъ, княжеская власть могла развиваться гораздо свободнѣе, ясно что въ этихъ-то городахъ долженъ былъ родиться новый порядокъ вещей, должно было произничь самодержавіе. Но этотъ новый порядокъ вещей, изъ городовъ новыхъ не могъ произойти на Югѣ, ибо здѣсь старыхъ городовъ было такъ много, что они могли пересиливать вліяніе младшихъ; въ старыхъ городахъ старшіе князья утвердили свои столы, и тѣмъ сообщили имъ вѣсъ и знаменитость, съ распространеніемъ членовъ княжескаго семейства, новые города начали отдаваться въ младшіе удѣлы младшимъ членамъ; пріобрѣтши чрезъ это независимость отъ старшихъ, они не могли не слѣдовать ихъ близкому примѣру, ибо вступали въ подобныя же отношенія къ своимъ князьямъ; эти князья при своей неосѣдлости ждали только случая покинуть младшій удѣлъ для старшаго, и не имѣли ни времени, ни охоты пользоваться выгоднымъ положеніемъ своимъ въ новыхъ городахъ. Не такъ было на Сѣверѣ. Въ обширной области, граничащей съ одной стороны съ областями, принадлежавшими изгнанной линіи Святославичей, а съ другой соприкасавшейся съ владѣніями Великаго Новгорода, въ этой суровой и почти дикой странѣ, возвышался только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода Варяговъ: то былъ Ростовъ Великій, отъ котораго вся окружная страна получила названіе земли Ростовской [59]. Бывши удѣломъ Св. Бориса, отдаленный Ростовъ, во время разсылки дѣтей Ярославовыхъ, утратилъ свое мѣсто между старшими удѣлами и причисленъ былъ къ области Переяславской, удѣлу Всеволодову. Скоро начали возникать около него города новые: сынъ Мономаха, Юрій, особенно прославилъ себя, какъ строитель неутомимый. Такимъ образомъ Ростовская область наполнилась городами младшими, среди которыхъ возвышался одинокій Ростовъ. Такое преобладаніе младшихъ городовъ не могло оставаться безъ послѣдствія, особенно если обратить вниманіе на то, что всѣ они были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностію. Такимъ образомъ на Сѣверѣ, въ области Ростовской, вокругъ старыхъ вѣчниковъ, князь

создалъ себѣ особый міръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограничснымъ, хозяиномъ полновластнымъ. Развитію этого полновластія въ области Ростовской благопріятствовали еще другія обстоятельства: какъ прежде стремленіе князей Варяжскихъ съ дружинами было направлено на Югъ, къ Византіи, и области нынѣшней Россіи были для нихъ только путемъ (Восточнымъ Греческимъ), а города ея мѣстомъ остановки, такъ въ послѣдствіи это стремленіе не перемѣнило своего направленія на Югъ; но получило уже другую цѣль, другую Византію — то былъ Кіевъ, старѣйшій и богатѣйшій изъ городовъ Русскихъ, владѣніе которымъ давало старшинство между братьею; около него толпились которующіеся князья; города имѣли знаменитость и привлекательность по мѣрѣ отдаленія отъ Кіева; домогались: Переяславля или Владиміра Волынскаго, Вышегорода или Бѣлгорода, не любили дальняго Новгорода, презирали еще болѣе отдаленнымъ Ростовомъ, въ странѣ бѣдной и дикой. Отсюда область Ростовская считалась мѣстомъ изгнанія, удѣломъ самымъ младшимъ. Мономахъ отдалъ ее младшему изъ сыновей — Юрію. Послѣдній раздѣлялъ общую всему княжескому роду привязанность къ Югу, къ Кіеву и землѣ Русской, и считалъ себя отлученнымъ изгнанникомъ на Сѣверѣ; съ горестію говорилъ онъ: „Не уже ли и дѣтамъ моимъ не будетъ части въ землѣ Русской! [60]." и всѣми силами старался добыть Кіева. Не такъ уже думалъ сынъ его, Андрей. Рожденный и воспитанный въ помѣстьяхъ отца, въ городахъ, имъ основанныхъ, Андрей любилъ Сѣверъ, какъ родину, и еще болѣе любилъ новые города за ихъ приверженность къ потомству основателя, за ихъ повиновеніе безприкословное. Чего было ожидать ему на Югѣ? При жизни сыновей старшаго изъ Мономаховичей, онъ не имѣлъ никакого права заступить мѣсто отца своего; видѣлъ своеволіе гражданъ, ихъ нелюбовь къ князьямъ Сѣвернымъ [61], не имѣлъ на Югѣ довольно силы, чтобъ идти на перекоръ и правамъ Князей, и нерасположенію народа. Все это заставило его, вопреки волѣ отцовской, удалиться въ наслѣдственную область; [62] Юрій завѣщалъ ее самымъ младшимъ сыновьямъ; но Ростовцы измѣнили клятвѣ, данной старому князю, и охотно приняли Андрея, спасаясь тѣмъ отъ позора быть всегда достояніемъ самыхъ младшихъ въ родѣ. Но они ошиблись въ своемъ разсчетѣ: на Сѣверѣ пробилъ часъ для господства старыхъ городовъ и старыхъ формъ, господство младшихъ городовъ и новаго порядка вещей начиналось. Андрей, прибывъ на Сѣверъ, утвердилъ свое

пребываніе не въ Ростовѣ, и даже не въ Суздалѣ, но въ городахъ новыхъ, Владимірѣ и Боголюбовѣ, предпочитая второй, какъ новѣйшій. Здѣсь, окруженный преданностію и покорностію новаго народонаселенія, Андрей принимаетъ характеръ Самодержца [63]. Бывъ на Югѣ самымъ безстрашнымъ изъ бойцевъ, даже въ геройской семьѣ Мономаховичей, на Сѣверѣ Андрей сложилъ съ себя характеръ полководца, доселѣ господствовавшій въ князьяхъ, и принялъ характеръ правителя: онъ уже не ходилъ болѣе самъ на войну [64], но посылалъ сыновей и воеводъ, въ слѣдствіе чего и дружина, сонмъ храбрецовъ, безотлучныхъ товарищей, друзей храбраго князя, измѣнила свой воинскій характеръ и стала *Дворомъ*. Однимъ словомъ въ областяхъ Андрея все принимаетъ совершенно другой видъ, чѣмъ на Югѣ, все принимаетъ характеръ осѣдлости, прочности, постоянства. Мы видѣли, что этотъ новый характеръ произошелъ изъ природы новыхъ городовъ, господствовавшихъ по числу своему на Сѣверѣ, изъ природы ихъ отношеній къ Князю; мы видѣли что эти города, по своему происхожденію, смотрѣли на Князя, какъ на господина полновластнаго, и Князь смотрѣлъ на нихъ, какъ на собственность неотъемлемую; отсюда понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ Князя - владѣльца, имѣющаго право располагать имъ, начинаетъ господствовать на Сѣверѣ, въ противоположность господствующему на Югѣ понятію общности, нераздѣльности владѣнія; на Сѣверѣ является въ первый разъ *завѣщаніе*, знакъ, что Князь завѣщавающій имѣетъ собственность, которою можетъ располагать произвольно, чего не могло быть на Югѣ, гдѣ В. Князь не имѣлъ ничего, собственно ему принадлежащаго; вся страна была въ общемъ владѣніи рода, и при каждой смѣнѣ В. Князя новый, какъ старшій въ родѣ, дѣлалъ рядъ съ младшею братьею, чѣмъ кому владѣть, или вѣрнѣе сказать, чѣмъ кому кормиться. Пусть на Сѣверѣ повторятся тѣже самыя явленія, что на Югѣ, пусть Ростовская область раздробится и Великое Княженіе со стольнымъ городомъ Владиміромъ, будетъ переходить къ старшему въ родѣ: въ самомъ способѣ дѣленія лежитъ уже другое начало, которое необходимо повлечетъ за собою другія явленія. Здѣсь членъ княжескаго семейства, получивъ удѣлъ, смотритъ на него, какъ на собственность неотъемлемую; пусть получитъ онъ великое княженіе, онъ не поѣдетъ жить въ стольный городъ, но останется въ своемъ родовомъ, отчинномъ городѣ, въ своемъ наслѣдствен-

номъ удѣлѣ, гдѣ онъ всѣхъ знаетъ, и его всѣ знаютъ, и всѣ къ нему привержены; при смерти онъ опять раздробитъ этотъ удѣлъ между сыновьями; но это раздробленіе будетъ носить тотъ же самый характеръ: каждый Князь будетъ отдѣльнымъ владѣльцемъ въ своемъ удѣлѣ, и не перемѣнитъ его ни на какой другой; на немъ сосредоточитъ всѣ свои попеченія, его будетъ улучшать, его увеличивать; но какъ можетъ произойти это увеличеніе? На Югѣ В. Князь, по праву старшаго, по праву отца, могъ наказать ослушнаго Князя отнятіемъ у него удѣла; но тотчасъ отдавалъ отнятый городъ другому Князю, сыну или племяннику, и при новомъ рядѣ между Князьями этотъ городъ могъ перейти совершенно въ другую линію, и потому здѣсь отнятіемъ удѣловъ, изгнаніемъ Князей одинъ родъ исключалъ другой, но область одного княжества не увеличивалась на счетъ другаго. Совершенно другое явленіе видимъ мы на Сѣверѣ. Здѣсь собственность господствуетъ надъ родовыми отношеніями; каждый Князь смотритъ на себя какъ на отдѣльнаго владѣльца извѣстной области, а не какъ уже на члена извѣстнаго рода, извѣстной линіи; отсюда родственная связь слабѣетъ, а послѣ и совершенно рушится; В. Князь отнимаетъ какой нибудь удѣлъ, и тотчасъ присоединяетъ его къ своему наслѣдственному удѣлу, называетъ это своимъ примысломъ, прибыткомъ и не дѣлится съ родомъ, съ братьями: отсюда открывается свободный путь увеличенію одного княжества на счетъ другаго, сильнѣйшаго на счетъ слабаго. На Югѣ В. Князь былъ силенъ только своимъ нравственнымъ вліяніемъ, какъ старшій въ родѣ, [65] политической же силы не имѣлъ никакой, особенно въ послѣдствіи, когда удѣлъ великокняжеской ограничивался почти однимъ Кіевомъ; на Сѣверѣ наоборотъ, В. Князь былъ необходимо сильнѣе всѣхъ прочихъ, ибо по раздробленіи Ростовской области на отдѣльные удѣлы, владѣлецъ однаго изъ нихъ, становясь В. Княземъ, не отчуждалъ своего прежняго наслѣдственнаго удѣла, слѣд. къ удѣлу, равнявшему его въ силѣ съ остальными Князьями, онъ присоединялъ еще область В. Княженія, никогда не дробившуюся, и такимъ образомъ увеличивалъ свою силу, не въ примѣръ предъ остальными князьями. Отсюда необходимое слѣдствіе: если какимъ нибудь случаемъ В. Княжеское достоинство будетъ нѣсколько разъ сряду доставаться Князьямъ одного и того же удѣла, то эти Князья, пользуясь своею силою, необходимо поработятъ всѣхъ прочихъ и станутъ единовластителями: такъ точно и поступали Московскіе Князья. При-

томъ обычаи Сѣверныхъ Князей, при полученіи В. Княжескаго достоинства оставаться въ отчинномъ городѣ, повлекъ къ раздѣленію на многія Великія Княжества, слѣд. къ совершенному разрушенію единства рода Ярославова и Мономахова, къ совершенному ослабленію родственныхъ отношеній. Прежде единство княжеской семьи поддерживалось *однимъ* В. Княземъ, однимъ общимъ патріархомъ, въ которомъ всѣ остальные Князья чтили отца, Боголюбскій, овладѣвъ Кіевомъ, не поѣхалъ туда, и остался во Владимірѣ Клязьменскомъ; Кіевъ въ глазахъ всѣхъ Князей и всѣхъ Русскихъ не могъ утратить своего прежняго величія, прежняго достоинства, какъ старѣйшій городъ въ Русской землѣ; его Князья, особенно умѣвшіе поддержать свое достоинство, какъ на пр. Святославъ Всеволодовичь, назывались также В. Князьями; съ другой стороны Владиміръ разъ ставши стольнымъ В. Княжескимъ городомъ, не утратилъ этого значенія, и Князья его продолжали именоваться Великими: такимъ образомъ, съ появленіемъ двухъ Великихъ Князей, единство потомства Ярославова рушилось, Россія раздѣлилась на двѣ части, княжеская семья на два особые рода, съ двумя старшими, двумя патріархами; тоже явленіе повторилось въ Сѣверной Руси, когда Тверской Князь, ставши Великимъ, остался въ Твери, Московскій въ Москвѣ: Тверь и Москва стали Великими Княженіями, Рязань и Нижній Новгородъ послѣдовали ихъ примѣру, явилось нѣсколько особыхъ родовъ княжескихъ, особыхъ государствъ, независимыхъ и враждебныхъ другъ другу; Князья были уже не братья, не дѣти одного отца, но владѣльцы-соперники; сила получила право прекратить борьбу, соперничество въ свою пользу, и Москва воспользовалась этимъ правомъ. Такъ для собранія земли Русской въ одно могущественное цѣлое, для сообщенія ей единства государственнаго, необходимо было раздѣленіе областей, ослабленіе родственныхъ связей въ потомствѣ Ярослава, отчужденіе родовъ и линій княжескихъ другъ отъ друга. Это могло произойти только тогда, когда понятія собственности, наслѣдственности владѣнія, начали господствовать надъ понятіями семейными, когда родовыя отношенія Князей между собою замѣнились отношеніями ихъ, какъ правителей къ своимъ подданнымъ, когда земля, область, городъ, привязали къ себѣ Князя тѣсными узами собственности, сдѣлали его осѣдлымъ. Эта осѣдлость Князей, начавшаяся на Сѣверѣ, въ области Ростовской, оканчиваетъ, такъ называемый, періодъ удѣльный, періодъ, характеризуемый господствомъ родовыхъ отноше-

ній. Андрей Боголюбскій, оставшись во Владимірѣ, и по признаніи себя старѣйшимъ въ родѣ, или Великимъ Княземъ, начинаетъ новый періодъ, періодъ борьбы между старымъ порядкомъ вещей и новымъ. Начало этой борьбы обозначилось борьбою старыхъ городовъ съ новыми, а именно: Ростова Великаго съ Владиміромъ Клязьменскимъ; окончательное торжество новаго порядка вещей надъ старымъ обозначилось борьбою Новгорода съ Москвою и торжествомъ послѣдней: но для уразумѣнія второй борьбы мы должны обратить вниманіе на первую, ибо отношенія, въ ней раскрывшіяся, бросаютъ свѣтъ на послѣдующія явленія.

По смерти Андрея, зародышу новаго порядка вещей грозило совершенное подавленіе отъ стараго, еще во всей своей силѣ находившагося. Мы видѣли что Ростовцы, по смерти Юрія, нарушили присягу, данную этому Князю, и приняли Андрея вмѣсто законныхъ наслѣдниковъ, младшихъ его братьевъ. По смерти Боголюбскаго, Ростовцы возобновили прежнюю попытку взять къ себѣ Князя мимо законныхъ наслѣдниковъ, возвратить своему городу прежнее старшинство, и унизить ненавистный Владиміръ, привести его въ свою волю, распоряжаться имъ какъ пригородомъ. Съ этою цѣлію они, миновавъ опять младшихъ дѣтей Долгорукаго, призвали сыновей старшаго его сына, Ростислава, съ условіемъ, чтобы старшій изъ нихъ Мстиславъ оставался въ Ростовѣ, и такимъ образомъ возвратилъ этому городу прежнее достоинство. Владимірцы, не привыкшіе къ самостоятельному быту, охотно бы повиновались вѣчевому приговору городовъ старшихъ, если бъ съ одной стороны тому не препятствовала ихъ правда [66], ихъ крестное цѣлованіе, а съ другой стороны безразсудство Ростовцевъ, грозившихъ Владиміру или совершеннымъ истребленіемъ, или, по крайней мѣрѣ, совершенною зависимостію. При такихъ обстоятельствахъ Владимірцы должны были дѣйствовать рѣшительно: они принимаютъ Михаила Юрьевича, затворяются съ нимъ, и выдерживаютъ семинедѣльную осаду; наконецъ голодъ заставляетъ ихъ проститься съ добрымъ Княземъ, который, въ такой крайности, самъ разрѣшилъ ихъ отъ присяги. Они со слезами проводили Михаила и вышли на встрѣчу Ростиславичамъ, бывъ, по крайней мѣрѣ, утѣшены тѣмъ, что не подчинятся Ростовцамъ, но будутъ имѣть своего особаго Князя, хотя младшаго [67]. Однако и эта радость ихъ была непродолжительна: Ростиславичь привелъ къ нимъ изъ Руси свою дружину; мы видѣли, какъ

тяготились Кіевляне пришлецами Черниговскими и Суздальскими; точно также тягостны были пришлецы Русскіе гражданомъ Владимірскимъ: несправедливостямъ ихъ въ судахъ не было конца; всего болѣе раздражало гражданъ похищеніе казны и волостей, принадлежавшихъ храму Богородицы; въ народѣ слышались слова: „Мы приняли Князей добровольно, утвердили съ ними рядъ крестнымъ цѣлованьемъ; а они смотрятъ на нашъ городъ, точно какъ на чужой, грабятъ не только уже всю волость, но даже и церкви, мы должны сами подумать о себѣ [68]." Но Владимірцы и тутъ, по старому обычаю, обратились сперва съ жалобою къ старымъ городамъ, Ростову и Суздалю. Граждане послѣднихъ на словахъ были за нихъ, а на дѣлѣ радовались ихъ горю и не мыслили о помощи, особенно бояре, крѣпко державшіеся Ростиславичей [69]. Тогда Владимірцы снова послали за Михаиломъ, которому и удалось, съ Черниговскою помощію, выгнать Ростиславичей. Снова Владиміръ сталъ главнымъ городомъ всей Ростовской земли; Ростовцы потеряли опять свое старшинство, къ нимъ даже не пошелъ и младшій братъ В. Князя, Всеволодъ, а предпочелъ Переяславль Залѣскій [70], по утвердившемуся уже у Сѣверныхъ Князей обычаю предпочитать пригороды городамъ старымъ. Но этимъ борьба не кончилась. Доблестный Михаилъ княжилъ не долго; по смерти его Владимірцы тотчасъ послали въ Переяславль за Всеволодомъ и присягнули ему и *дѣтямъ его* [71]. Но вторичное торжество Владиміра озлобило еще болѣе Ростовцевъ: они послали опять за Мстиславомъ Ростиславичемъ, и безпрестанно понуждали его идти войною на Всеволода и ненавистныхъ Владимірцевъ; тщетно Всеволодъ предлагалъ мировую сдѣлку, обѣщаясь оставить Мстислава спокойнымъ владѣльцемъ въ Ростовѣ; Ростовцы сказали послѣднему: „Если ты хочешь мириться, то мы не хотимъ, Владиміръ не имѣетъ права быть особымъ княженіемъ, то нашъ пригородъ, въ немъ живутъ наши смерды, холопы, каменьщики, плотники и мужики [72]." Война должна была рѣшить споръ и рѣшила его въ пользу Всеволода и Владимірцевъ; Ростовъ въ третій разъ потерялъ старшинство, но все еще не оставилъ на него своихъ притязаній. Всеволодъ послалъ въ Ростовъ старшаго сына своего, Константина, бывшаго прежде въ Новгородѣ, этотъ Князь напитался тамъ понятіями о старшинствѣ городовъ и началъ смотрѣть глазами Ростовцевъ; видѣлъ въ Ростовѣ городъ старшій, несправедливо лишенный В. Княжескаго пребыванія, а во Владимірѣ пригородъ, беззаконно

похитившій право старшаго. Слѣдствіемъ такихъ понятій было то, что, когда Всеволодъ, предъ смертію своею, вызывалъ Константина во Владиміръ, желая отдать ему, какъ старшему, эту столицу Велико-Княжескую, Константинъ велѣлъ объявить отцу: „Я твой старшій сынъ, и у тебя, какъ вижу, нѣтъ намѣренія лишить меня этого старшинства; но какъ же ты хочешь отнять у меня старшій городъ, и отдать одинъ младшій? Дай мнѣ, какъ старшему, старшій Ростовъ, и къ нему уже пригородъ его, Владиміръ." Всеволодъ разгнѣвался на ослушнаго сына, и, созвавъ соборъ, объявилъ В. Княземъ и старшимъ въ родѣ втораго сына своего, Юрія, далъ ему Владиміръ, со всѣми людьми, укрѣпилъ къ нему всѣхъ крестнымъ цѣлованіемъ и поручилъ ему младшихъ братьевъ [73]. Это явленіе есть одно изъ самыхъ обильнѣйшихъ послѣдствіями въ нашей исторіи. Торжество младшаго города влечетъ за собою торжество младшаго въ родѣ. Мы видѣли, что на Сѣверѣ, въ слѣдствіе господства новопостроенныхъ городовъ, собственности княжеской, начало преобладать понятіе о собственности, и Князья начинаютъ располагать городами, какъ неотъемлемымъ достояніемъ, откуда является завѣщаніе, необходимо повлекшее за собою постоянное пребываніе Князей въ своихъ, полученныхъ по завѣщанію, удѣлахъ; ибо сдѣлать новый рядъ, перемѣнить удѣлъ, значило бы нарушить святость завѣщанія родительскаго. Юрій Долгорукій завѣщалъ область, наполненную новопостроенными городами, младшимъ сыновьямъ своимъ; торжество Владимірцевъ надъ Ростовцами, было вмѣстѣ торжествомъ правды, вѣрности къ завѣщанію [74]. Наконецъ, Всеволодъ III, въ наказаніе за ослушаніе, завѣщаніемъ своимъ торжественно исключаетъ старшаго изъ старшинства, и даетъ его младшему; здѣсь, въ первый разъ, освящено нарушеніе права старшинства въ пользу младшихъ; освящено волею Князя, волею отца-завѣщателя, которую всѣ поклялись исполнить. Такимъ образомъ по смерти Всеволода III прежнія отношенія стали запутаннѣе, прежняя вражда сложнѣе, ибо теперь къ борьбѣ старыхъ городовъ съ новыми присоединилась еще борьба младшихъ Князей со старшими, борьба древняго права старшинства съ правомъ по завѣщанію.

Въ этой знаменитой борьбѣ самое дѣятельное участіе принимаетъ Новгородъ, къ исторіи котораго теперь и обратимся.

Преемникъ Рюрика оставилъ Новгородъ, но не отказался отъ владычества надъ нимъ: вмѣстѣ съ другими покоренными племе-

нами, Новгородцы принуждены были признать зависимость свою отъ князя Кіевскаго, знакомъ которой служила дань къ Кіеву, въ двѣ тысячи гривенъ. Кромѣ этой ежегодной дани, Новгородцы обязаны были давать посаднику своему сперва 300, а потомъ 1000 гривенъ для раздачи дружинѣ, которая блюла за сохраненіемъ внутренняго наряда, общественной безопасности [75]. Новгородцы принимаютъ постоянное участіе въ походахъ княжескихъ [76]; ополченія ихъ, вѣроятно вмѣстѣ съ Кривскими или Смоленскими, называются въ лѣтописи *верховными*, т. е. *верхними воинами* [77]. Мать Святослава устанавливаетъ повозы, оброки и дани въ земляхъ Новгородскихъ [78]. Узнавъ, что Святославъ отправляется на Дунай, и посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, а Ольга въ Деревахъ, Новгородцы послали также просить себѣ князя съ угрозою, что если Рюриковичи не пойдутъ, то они отыщутъ себѣ князя изъ другаго рода. Причину, побудившую Новгородцевъ къ такому настоятельному требованію, объяснить не трудно. Святославъ отправлялся въ дальній походъ, Кіевъ и Древляне получили особенныхъ, другъ отъ друга независимыхъ владѣтелей, Новгородцы также хотѣли имѣть подобнаго; съ другой стороны мы знаемъ религіозное уваженіе, которое питали Сѣверные народы къ князьямъ, какъ потомкамъ боговъ, одареннымъ въ слѣдствіе того особеннымъ счастіемъ на войнѣ [79]. Лѣтописецъ нѣсколько разъ упоминаетъ о необходимости князя въ битвѣ, присовокупляя, что бояръ не такъ слушались [80]. Тоже самое побужденіе, которое заставляло Святослава стремиться на Югъ, заставило и старшихъ сыновей его отказаться отъ далекаго Сѣвернаго владѣнія.. Новгородцы получили третьяго сына Владиміра. По смерти Святослава они не долго пользовались независимостію отъ Кіева. Владиміръ, убоявшись единовластія Ярополка, отправился къ Варягамъ за море для набора многочисленнѣйшей дружины; Посадники Ярополковы явились въ Новгородѣ. Владиміръ скоро возвратился, но ушелъ на Югъ; Новгородъ снова увидѣлъ въ стѣнахъ своихъ посадника, которымъ былъ Добрыня, дядя Владиміровъ [81]. Послѣ него являются опять князья: Вышеславъ и за нимъ Ярославъ. Ярославъ, еще при жизни отца своего, объявляетъ себя независимымъ, т. е. отказывается платить дань Кіеву, которую платили всѣ предшествовавшіе посадники; Лѣтописецъ, прибавляя послѣднія слова, указываетъ намъ на причину поступка Ярослава: его заставляли дѣлать то, что дѣлали прежніе посадники, слѣд. князь Новгородскій былъ посадникомъ Кіевскаго князя, тогда

какъ остальные князья въ своихъ удѣлахъ были совершенно независимы отъ послѣдняго, касательно внутренняго управленія, и не обязаны были ему никакою данью; эта разница въ отношеніяхъ Новгорода и другихъ удѣловъ къ В. Князю видна изъ того, что Ярополкъ Владиміровичь Мономашичь требуетъ отъ Новгорода дани, а отъ Смоленска только дара [82]. Ярославъ не хотѣлъ быть посадникомъ князя Кіевскаго, хотѣлъ одинакой независимости съ прочими братьями и потому отказался платить дань. Готовясь къ войнѣ съ отцемъ, Ярославъ призвалъ толпы Варяговъ; наемники начали поступать съ Новгородскими гражданами, какъ съ побѣжденными; раздраженные Новгородцы перебили ихъ. Тогда князь заманилъ на совѣщаніе главныхъ виновниковъ убійства и велѣлъ лишить ихъ жизни. Это событіе ясно показываетъ намъ, въ какихъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ находились призванные князья къ призывавшимъ гражданамъ: обѣ власти существовали другъ подлѣ друга, каждая съ своими особыми интересами, заключали другъ съ другомъ союзы и вели войны при взаимныхъ недоразумѣніяхъ. Въ ту же ночь, въ которую Ярославъ перебилъ знатнѣйшихъ Новгородцевъ, пришла къ нему вѣсть о смерти отца и злыхъ намѣреніяхъ Святополка; онъ собралъ вѣче и со слезами объявилъ народу о своемъ положеніи; Новгородцы тронулись несчастіемъ князя, и выразили готовность свою слѣдовать за нимъ противъ братоубійцы [83]. Причина таковаго великодушія ясна: по тогдашнимъ понятіямъ, Ярославъ убійствомъ Новгородцевъ исполнилъ долгъ мести за истребленную дружину, а съ другой стороны выгоды Новгородцевъ были тѣсно связаны съ благомъ Ярослава; послѣдній предпринялъ войну противъ отца съ намѣреніемъ дать независимость Новгороду отъ Кіева; если бъ граждане отказались помочь Ярославу, то онъ убѣжалъ бы къ Варягамъ, и вмѣсто князя Новгородцы опять принуждены были бы принять посадниковъ отъ Кіевскаго князя, да кромѣ того жить въ безпрестанномъ опасеніи отъ прихода раздраженнаго Ярослава съ многочисленными толпами Варяговъ. Они не усумнились подать вторично помощь разбитому на Бугѣ Ярославу, ибо не могли ждать ничего хорошаго отъ Святополка, раздраженнаго первымъ заступничествомъ ихъ за врага его; наконецъ въ Новгородѣ же Ярославъ нашелъ убѣжище въ третій разъ, послѣ пораженія отъ Мстислава Тмутараканскаго. Такое усердіе Новгородцевъ не могло остаться безъ награды, и точно мы встрѣчаемъ упоминовеніе о какихъ-то грамотахъ Ярославовыхъ, служившихъ основаніемъ правъ

и вольностей Новгорода. Какого же рода были этѣ грамоты? Изъ условій, въ соблюденіи которыхъ послѣдующіе В. Князья клялись Новгородцамъ, мы можемъ имѣть полное понятіе о правахъ послѣднихъ въ отношеніи къ В. Князю. Главное, основное изъ этихъ правъ есть право ограничивать власть князя народнымъ чиновникомъ, посадникомъ: изслѣдуемъ, можно ли уступку этого права отнести ко временамъ Ярослава 1-го.

Мы видѣли, что главною обязанностію князя въ Новгородѣ была обязанность верховнаго судьи; въ судѣ своемъ онъ соображался съ законами, имѣющими силу въ городѣ; если бы князь родился, воспитывался и постоянно пребывалъ въ Новгородѣ, то онъ зналъ бы законы своей родины, и умѣлъ бы измѣнять ихъ, сообразуясь съ требованіями. Но князья смѣнялись безпрестанно; они приходили изъ странъ отдаленныхъ, изъ областей Кіевскихъ, Волынскихъ, Смоленскихъ, Черниговскихъ, Суздальскихъ; въ каждой изъ этѣхъ областей, несмотря, быть можетъ, на одинаковость главныхъ положеній, законы были различны [84], слѣд. князья-пришлецы не имѣли никакого понятія о судѣ Новгородскомъ, точно такъ какъ Новгородцы не вѣдали обычаевъ Низовской земли; отсюда въ судѣ княжескомъ долженствовали происходить безпрестанные недоразумѣнія, безпорядки и насилія. Для предотвращенія всѣхъ этихъ неудобствъ, Новгородцы требовали отъ всякаго новаго князя, чтобъ онъ судилъ всегда въ присутствіи чиновника, избраннаго изъ гражданъ, свѣдущаго въ законахъ и обычаяхъ страны; вотъ самое первое ограниченіе власти княжеской, первое условіе, исполненія котораго Новгородцы требовали у каждаго новоприбывшаго князя: „А безъ посадника ти, княже, не судити.“

Вторымъ правомъ князя въ Новгородѣ было право назначать правителей по областямъ. Но мы уже имѣли случай видѣть, какую невыгоду въ этомъ отношеніи имѣло для горожанъ частое перемѣщеніе князей изъ одного удѣла въ другой; каждый приводилъ съ собою своихъ любимцевъ, которые съ одной стороны не знали обычаевъ новаго отечества, съ другой смотрѣли на новыхъ согражданъ, какъ на чужихъ и не стыдились обогащаться на ихъ счетъ, продавая справедливость. Мы видѣли, какъ Черниговскіе Тіуны раздражали своимъ мздоимствомъ гражданъ Кіевскихъ, и потомъ Владимірскихъ, видѣли, что первый рядъ Кіевлянъ съ князьями состоялъ въ томъ, чтобы послѣдніе смѣнили

Тіуновъ чужеземныхъ. Въ Новгородѣ это неудобство долженствовало быть еще чувствительнѣе, ибо смѣна князей происходила чаще: отсюда второе главное условіе, чтобы князья назначали въ судьи не своихъ мужей, но граждань Новгородскихъ; но такъ какъ безпрестанно смѣнявшіеся князья не могли знать граждань, достойныхъ довѣренности, и притомъ могли этимъ средствомъ пріобрѣтать себѣ многочисленныхъ доброжелателей въ городѣ, то здѣсь присоединялось необходимое условіе, чтобы князь не раздавалъ волостей безъ посадника: „А безъ посадника, ти, княже ни волостей раздавати [85]." Третьимъ правомъ князя было право давать грамоты, сообщать и скрѣплять своимъ именемъ извѣстныя права: и здѣсь Князья-пришлецы не могли обойтись безъ руководства туземнаго сановника, ибо не знали обычныхъ границъ правъ и могли вредить выгодамъ общественнымъ въ пользу частныхъ лицъ, къ нимъ приверженныхъ; отсюда третье необходимое условіе: „А безъ посадника, княже, ни грамотъ ти даяти."

Безпрерывная смѣна князей, почти всегда враждебныхъ другъ другу, влекла за собою еще другія неудобства, а именно: каждый новый князь, враждебный своему предшественнику, естественно недоброжелательнымъ окомъ смотрѣлъ на всё, сдѣланное послѣднимъ: чиновники, назначенные Ольговичемъ, естественно не нравились Мономаховичу, грамота, данная Мстиславичемъ, должна была являться незаконною въ глазахъ Юрьевича: отсюда каждая перемѣна князя влекла за собою перемѣну чиновниковъ и лишеніе пріобрѣтенныхъ правъ; для отвращенія этого неудобства, каждый новый князь обязывался: во-1) не лишать никого безъ суда, безъ вины, должностей, во-2) не пересуживать грамотъ, данныхъ предшественникомъ: „А безъ вины ти, княже, мужа безъ вины не лишати волости; а грамотъ ти не посужати." Но посадникъ былъ лице, необходимое при каждомъ судѣ и пересудѣ.

Такимъ образомъ самыя главныя ограниченія власти князя, слѣд. самыя главныя права граждань Новгородскихъ, состояли въ сопоставленіи съ княземъ посадника, *выборнаго* изъ народа, со значеніемъ послѣдующихъ цѣловальниковъ; уничтоженія должности посадника Іоаннъ III требуетъ вмѣстѣ съ уничтоженіемъ вѣча. Мы видѣли значеніе вѣча, теперь должны обратить вниманіе на значеніе посадника, и преимущественно на время его появленія въ качествѣ народнаго чиновника; ибо, если ограниче-

ніе власти княжеской присутствіемъ посадника, при всѣхъ ея отправленіяхъ, было самымъ главнымъ правомъ Новгородцевъ, если оно является неизмѣнно первымъ условіемъ во всѣхъ договорахъ съ В. Князьями и если это право уступлено Новгороду Ярославомъ I-мъ, то посадникъ тотчасъ же послѣ уступки права долженъ явиться въ качествѣ чиновника народнаго, ограничивающаго власть князя; но если онъ является съ такимъ характеромъ гораздо позднѣе, то мы должны естественно заключить, что и право ограничивать власть князя посадникомъ не могло быть дано Ярославомъ I-мъ.

Слово *посадникъ* происходитъ не прямо отъ глагола *посадить*; но по сравненію съ другими словами того же окончанія, на пр. *ключникъ*, *вирникъ*, *мечникъ*, происходитъ отъ существительнаго: *посадъ* или *посада*; какъ вирникъ, мечникъ, ключникъ, означаютъ отношеніе лица къ извѣстному предмету, имя котораго лежитъ въ корнѣ слова, обыкновенно означаютъ власть надъ предметомъ; такъ и слово: посадникъ, должно означать отношеніе къ посадѣ, должно означать чиновника, которому ввѣрено смотрѣніе, власть надъ посадою. Слово посада или посадъ, означало и означаетъ въ Славянскихъ языкахъ пришлый элементъ народонаселенія. (Польское posada знач. колонія). Относительно города, означаетъ ту часть народонаселенія, которая живетъ за городскими стѣнами и отличается отъ собственно городскихъ жителей. Изъ этого легко заключить, что̀ должно было называться посадою въ старыхъ городахъ Славянскихъ въ первый періодъ отечественной исторіи? не иначе, какъ элементъ пришлый, чуждый первому народонаселенію, а мы знаемъ, что этотъ пришлый, чуждый элементъ, *насельницы*, по выраженію лѣтописца, были Варяжскія дружины князей, слѣд. посадою называлась та часть дружины, которую князья оставляли въ городахъ, признавшихъ надъ собою власть ихъ, а посадникомъ назывался начальникъ этого отряда. Лѣтописецъ говоритъ, что Рюрикъ разослалъ своихъ спутниковъ по городамъ [86], Олегъ сажалъ мужей своихъ въ новозанятыхъ городахъ [87], Владиміръ роздалъ города лучшимъ изъ наемныхъ Варяговъ [88]. Послѣ этого ясно, что посадникъ былъ чиновникъ княжескій, мужъ изъ его дружины, намѣстникъ его. Въ послѣднемъ значеніи посадникъ является постоянно въ двухъ первыхъ періодахъ Русской Исторіи, въ этомъ же значеніи посадникъ является и въ Новгородѣ до смерти Ярослава, и въ

первое время послѣ нея, до смерти Мстислава Великаго. Ярополкъ, узнавъ о бѣгствѣ Владиміра, отправилъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ [89]; Владиміръ, удалясь на Югъ, оставилъ въ Новгородѣ посадникомъ дядю своего Добрыню [90]. Ярославъ, получивъ престолъ Кіевскій, далъ посадничество Новгородское сыну Добрыни Константину, котораго послѣ велѣлъ заточить, а потомъ и умертвить [91]; по смерти Владиміра Ярославича, Изяславъ поручилъ столъ брата своего посаднику Остроміру [92]. Мономахъ и сынъ его Мстиславъ посылаютъ въ Новгородъ посадниковъ изъ Кіева [93]. Изъ этого мы должны заключить, что первоначально посадникъ Новгородскій былъ то же самое, что въ послѣдствіи Намѣстникъ, — бояринъ, присылаемый В. Княземъ вмѣсто себя изъ Твери или изъ Москвы. Но какое же значеніе имѣли въ Новгородѣ посадники, присылаемые изъ Кіева Мономахомъ и сыномъ его, когда въ Новгородѣ и безъ нихъ былъ уже намѣстникъ, именно сынъ Мстислава, Всеволодъ, какое значеніе имѣлъ посадникъ при князѣ, какъ чиновникъ послѣдняго, а не народный? Естественно, что онъ былъ помощникомъ князя, помогалъ ему въ судѣ, исполнялъ его приказанія, преимущественно же заступалъ мѣсто князя во время отсутствія послѣдняго; возможность существованія посадника при князѣ, въ качествѣ его чиновника, доказываетъ намъ примѣръ Полоцка [94]. Теперь остается рѣшить вопросъ: когда и какъ посадникъ изъ чиновника княжескаго сталъ народнымъ и ограничилъ власть князя? Мы сказали, что главная обязанность посадника состояла въ томъ, чтобы замѣнять князя на время его отсутствія изъ города, слѣд. посадникъ всего болѣе былъ необходимъ въ томъ городѣ, гдѣ отсутствіе князя случалось чаще; но мы знаемъ, что всего чаще смѣнялись князья въ Новгородѣ по причинамъ, о которыхъ будетъ рѣчь послѣ. Если князь смѣнялся народомъ въ слѣдствіе неудовольствія, то до прибытія новаго необходимъ былъ посадникъ, который бы заступалъ его мѣсто; но могъ ли оставаться посадникомъ чиновникъ изгнаннаго князя и слѣд. его приверженецъ: смѣна князя необходимо влекла за собою и смѣну его посадника; но кто же будетъ заступать княжеское мѣсто до прибытія новаго князя? Ясно, что народъ долженъ былъ самъ выбрать правителя: отсюда необходимость народнаго избранія, превратившаяся послѣ въ право. Но, какъ увидимъ въ послѣдствіи, князья смѣнялись не столько по волѣ народа, сколько въ слѣдствіе собственныхъ родовыхъ отношеній и подчиненности Новгорода В. Князю: въ этомъ случаѣ

сказанное нами выше обо всѣхъ вообще должностныхъ лицахъ относилось и къ посаднику; послѣдній долженъ былъ перемѣняться съ каждою перемѣною князя, и притомъ, если Новгородцы, не смотря на всѣ свои усилія, не могли имѣть у себя постояннаго князя, то должны были стараться уменьшить невыгоды смѣны, по крайней мѣрѣ постоянствомъ намѣстника, помощника княжескаго; а единственнымъ къ тому средствомъ было — освободить посадника отъ произвола безпрерывно мѣняющихся князей, превратить его изъ чиновника княжескаго въ чиновника народнаго, хотя и здѣсь назначеніе посадника не изъято было совершенно изъ подъ вліянія князя: князь избиралъ его вмѣстѣ съ народомъ [95]. Но чѣмъ народъ руководствовался при этомъ избраніи, и каковъ былъ срокъ отправленія должности посаднической, ибо кромѣ настоящаго посадника, или степеннаго мы видимъ еще старыхъ посадниковъ, прежде исправлявшихъ должность, изъ которыхъ часто опять возводились въ санъ степеннаго? Если посадникъ сперва былъ назначаемъ княземъ, то срокъ отправленія его должности естественно зависѣлъ отъ воли князя; въ послѣдствіи, когда посадникъ сталъ чиновникомъ народнымъ, воля народа смѣнила волю князя; кромѣ того посадникъ, вмѣстѣ съ прочими должностными лицами, подлежалъ надсмотру князя: послѣдній имѣлъ право отрѣшить и даже наказать посадника, объявивъ прежде вину его на вѣчѣ. Что же касается до опредѣленнаго срока для отправленія посаднической должности, то назначать его мы не имѣемъ никакого права, ибо въ лѣтописи постоянно встрѣчаемъ только слова: *отъяша и даша*, что указываетъ на смѣну насильственную; при этомъ также легко замѣтить, что старые посадники вступаютъ снова въ должность степеннаго въ слѣдствіе торжества своей стороны, низложеніе которой повлекло ихъ смѣну. Впрочемъ касательно избранія посадника въ лѣтописи есть слѣды ограниченія произвола народнаго, именно правомъ старшинства: такъ сказано, что въ 1211 году Твердиславъ соступился посадничества въ пользу Димитрія Якунича, ибо послѣдній былъ старше его [96]. Все вышесказанное о превращеніи посадника изъ чиновника княжескаго въ народнаго объясняется примѣромъ Тысяцкаго. Тысяцкій до 2-й половины XIV вѣка существовалъ вездѣ подлѣ князя въ качествѣ его чиновника; въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстія, что такой-то князь далъ тысячу такому-то изъ своихъ приближенныхъ:

въ Новгородѣ и этотъ чиновникъ, вмѣстѣ съ посадникомъ, сталъ подлежать народному избранію.

Изслѣдовавъ, какимъ образомъ посадникъ изъ чиновника княжескаго превратился въ народнаго, мы должны обратиться теперь къ опредѣленію времени, когда произошло это превращеніе. Мы имѣли уже случай сказать, что не только старшій сынъ Ярослава 1-го назначилъ отъ себя посадника въ Новгородъ, но и Владиміръ Мономахъ, равно какъ и сынъ его Мстиславъ, посылалъ туда посадниковъ изъ Кіева. Ясно, что такіе чиновники не могли имѣть значенія посадниковъ позднѣйшихъ, упоминаемыхъ въ договорныхъ грамотахъ, т. е. ограничивать власть князя, ибо какъ могъ ограничивать власть князя чиновникъ, имъ избранный и отъ его произвола зависящій, какъ могъ блюсти интересы Новгорода противъ князя Кіевлянинъ, присланный отцомъ этого князя? И такъ мы должны заключить, что посадникъ въ значеніи народнаго сановника, огриничивающаго власть князя, явился гораздо позднѣе временъ Ярослава 1-го, и потому право ограничивать власть князя посадникомъ не могло быть уступлено Новгороду этимъ государемъ.

То же должно сказать и о другихъ условіяхъ, встрѣчающихся въ позднѣйшихъ договорахъ, какъ на пр.: „А и Суждальской ти земле Новагорода не рядити, — ни волостей ти раздавати." Или: „А на Низу, княже, Новгородца не судити," ибо мы знаемъ, что Мономахъ рядилъ Новгородъ, судилъ Новгородцевъ и раздавалъ волости изъ Кіева. Къ этому должно прибавить еще, что сами Новгородцы, требуя отъ В. князей клятвы въ соблюденіи вышеозначенныхъ условій, и приводя въ примѣръ прежнихъ князей, дававшихъ подобную клятву, нигдѣ однако не упоминаютъ имени Ярослава 1-го. Приведенное обстоятельство тѣмъ болѣе важно, что въ другихъ случаяхъ Новгородцы именно указываютъ на грамоты Ярославовы. О содержаніи этѣхъ грамотъ мы должны заключить по обстоятельствамъ, въ которыхъ онѣ упоминаются. Въ 1228 году Новгородцы поссорились съ Княземъ своимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ за то, что онъ поступалъ не по граматамъ Ярославовымъ, а именно присвоилъ себѣ новую пошлину, и посылалъ судей по волостямъ, что обогощало казну княжескую во вредъ жителямъ [97]. На слѣдующій годъ прибылъ къ нимъ князь Михаилъ изъ Чернигова и цѣловалъ крестъ

на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, въ слѣдствіе чего тотчасъ же сдѣлалъ финансовое распоряженіе, а именно далъ свободу смердамъ на пять лѣтъ не платить дани [98]. Въ 1230 году Ярославъ, снова призванный, уступилъ Новгородцамъ и цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ [99]. Въ 1339 году, когда В. Князь Іоаннъ Даниловичь прислалъ требовать у Новгородцевъ ханскаго запроса, то они отвѣчали: „того у насъ не бывало отъ начала міра, а ты князь цѣловалъ крестъ къ Новгороду по старой пошлинѣ и по Ярославовымъ грамотамъ" [100]. Вотъ всѣ случаи, въ которыхъ Новгородцы упоминаютъ о грамотахъ Ярославовыхъ! Видя, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о финансовыхъ льготахъ, мы имѣемъ полное право заключить, что льготныя грамоты Ярославовы касались только финансовыхъ постановленій: и точно въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы получили подобную грамоту отъ Ярослава 1-го [101].

Мы сказали, что льготныя грамоты Ярославовы касались только финансовыхъ распоряженій; ибо Новгородцы упоминаютъ объ нихъ только тогда, когда дѣло идетъ о нарушеніи ихъ финансовыхъ льготъ. Но въ степенной книгѣ (1300) находится извѣстіе, что Ярославъ своею грамотою далъ Новгородцамъ право выбирать себѣ князей по произволу, но только между его потомками *въ роды и роды во вѣки*. Повѣркою справедливости этого извѣстія должны служить послѣдующія отношенія Новгорода къ В. Князьямъ [102].

Ярославъ 1-й посадилъ въ Новгородѣ сына свего Илью, а по смерти его Владиміра [103]; по кончинѣ послѣдняго Новгородъ достался Изяславу, который, оставивъ въ немъ посадника Остроміра, удалился въ Кіевъ, откуда отправилъ въ Новгородъ сына своего Мстислава. Такимъ образомъ Новгородъ достался на долю князя Кіевскаго, или Великаго, точно такъ, какъ Ростовъ достался на долю князя Переяславскаго, и Тмутораканъ на долю Черниговскаго, и какъ жители Тмутораканя, вѣрные распоряженію Ярослава, просятъ себѣ князя отъ руки Святослава Черниговскаго [104], такъ Новгородцы постоянно просятъ князя отъ руки державца Кіевскаго, сообразуясь со всѣми перемѣнами, въ столицѣ Великокняжества происходящими, и никогда не упоминая о правахъ, данныхъ имъ знаменитою грамотою Степенной книги.

Изгнаніе Изяслава изъ Кіева необходимо повлекло перемѣны и въ Новгородѣ: здѣсь является княземъ сынъ Святослава

Глѣбъ; но послѣдній, въ свою очередь, долженъ былъ оставить Новгородъ въ слѣдствіе вторичнаго торжества Изяслава, который послалъ сына своего Святополка [105]. Въ 1088 году Святополкъ добровольно покинулъ Новгородъ, и Всеволодъ Ярославичь, бывшій тогда В. Княземъ, послалъ на его мѣсто внука своего Мстислава Владиміровича. Такимъ образомъ Новгородъ скоро ощутилъ слѣдствія княжескихъ междоусобій: онъ увидѣлъ, что будетъ постоянно игрушкою переворотовъ, въ Руси происходящихъ, что его правители будутъ смѣняться безпрестанно въ слѣдствіе безпрестанно новыхъ рядовъ между князьями старшими, въ слѣдствіе перевѣса, какой возметъ та или другая княжеская линія.

Въ 1095 году В. Князь Святополкъ и двоюродный братъ его Владиміръ выводятъ изъ Новгорода Мстислава, котораго граждане любили, какъ у нихъ взросшаго, и посылаютъ на его мѣсто Давида Святославича. Новгородцы покорились рѣшенію князей, однако нерадушно приняли Давида; послѣдній, замѣтивъ нерасположеніе гражданъ, оставилъ добровольно Новгородъ, и на мѣсто его опять пріѣхалъ Мстиславъ [106]. Между тѣмъ власть великокняжеская все никла болѣе и болѣе: Святополкъ Изяславичь не умѣлъ подержать ее, и день ото дня терялъ всеобщее расположеніе; особенно не любили его Новгородцы за то, что онъ ушелъ отъ нихъ. Въ 1101 году они узнаютъ, что по учиненному между Святополкомъ и Владиміромъ ряду, Новгородъ становится родовымъ удѣломъ Святополка, что любимый Мстиславъ отнимается у нихъ во второй разъ, и на его мѣсто пришлется внукъ Изяслава. Тогда Новгородцы, выведенные изъ терпѣнія тѣмъ, что судьба ихъ будетъ зависѣть отъ безпрестанныхъ сдѣлокъ между разными князьями, объявляютъ рѣшительно свое несогласіе на мѣну, представляя законную причину, а именно, что В. Князь Всеволодъ далъ имъ Мстислава, котораго они вскормили и хотятъ удержать навсегда [107]. Позднѣйшіе лѣтописцы упрекаютъ Новгородцевъ въ непостоянствѣ, въ безпрерывной смѣнѣ князей, въ безчестьи, которое они наносятъ имъ этою смѣною; но по обращеніи надлежащаго вниманія открывается, что̀ было причиною смѣны князей Новгородскихъ. Въ продолженіе 17 лѣтъ, отъ 1054 до 1101 года, въ Новгородѣ шесть разъ смѣнялись князья: двое изъ нихъ ушли сами, остальные выводились въ слѣдствіе смѣны В. Князей или ряду ихъ съ другими. При этомъ надобно обратить еще вниманіе на запутанность, происшедшую

въ отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ по смерти Ярослава, неизвѣстно было, зависѣлъ ли онъ отъ Изяслава, какъ отъ В. Князя, или отданъ былъ ему въ родъ; оба отношенія смѣшались и повели къ недоразумѣніямъ. Если Святополкъ былъ родовой князь Новгорода, то онъ потерялъ на него всѣ свои права, добровольно отказавшись отъ него и позволивъ утвердиться въ немъ другой линіи; это ясно выражается въ отвѣтѣ Новгородцевъ: „ты ушелъ отъ насъ." Если же Святополкъ хотѣлъ располагать Новгородомъ въ качествѣ В. Князя, то онъ не долженъ былъ нарушать распоряженія Всеволода. Эта ссылка на распоряженіе Всеволода имѣла также смыслъ въ устахъ Новгородцевъ: надобно припомнить только, что на предшествовавшемъ съѣздѣ князей въ Любечѣ положено было — касательно всѣхъ измѣненій, послѣдовавшихъ по смерти Ярослава, держаться распоряженій Всеволода [108]. Если-бъ у Новгородцевъ была грамота, дававшая имъ право произвольнаго выбора между князьями, то имъ было бы всего приличнѣе основать свой отказъ въ принятіи Святополкова сына на этой грамотѣ; нѣтъ, они основываютъ его на естественномъ правѣ искать себѣ другаго князя, когда одинъ добровольно отказался управлять ими, и потомъ на волѣ В. К. Всеволода, давшаго имъ Мстислава. Такимъ образомъ вмѣсто непостоянства Новгородцевъ въ началѣ такъ называемаго удѣльнаго періода, мы видимъ со стороны ихъ совершенно противоположные поступки, а именно усиленное стараніе достать себѣ такого князя, который бы постоянно оставался въ ихъ городѣ. Но всѣ ихъ усилія были тщетны: Князья шли въ Новгородъ, когда не было другаго удѣла лучшаго; при первомъ случаѣ они уходили изъ него, стремясь на Югъ, къ Руси, поближе къ Кіеву, главной цѣли ихъ желаній. Съ другой стороны Русская земля раздирается отъ усобицъ; различныя линіи княжескія хотятъ исключить одна другую изъ владѣнія Кіевомъ; этотъ городъ безпрестанно мѣняетъ властителей; Мономаховичи старшіе, Олеговичи, младшіе Мономаховичи, изгоняютъ другъ друга; каждый изъ нихъ, ставъ В. Княземъ, державцемъ Кіевскимъ, требуетъ отъ Новгородцевъ повиновенія, хочетъ назначить имъ князя отъ себя, и велитъ изгнать присланнаго предшественникомъ; Новгородцы повинуются этимъ требованіямъ, изгоняютъ прежнихъ князей, принимаютъ новыхъ; о грамотѣ Ярославовой, давшей имъ право избирать князей, какихъ хотятъ, нѣтъ ни малѣйшаго упоминовенія. Но ясно, что такія безпрестанныя смѣны не могли остаться

безъ вліянія на внутренній бытъ Новгорода. На Югѣ они произвели ослабленіе власти княжеской, заставили спорящихся князей покупать приверженность гражданъ уступками, договариваться съ ними; тѣ же самыя явленія должны были повториться и въ Новгородѣ; часто являлось нѣсколько притязателей на великокняжеское достоинство: которому изъ нихъ должны были повиноваться Новгородцы, отъ котораго требовать себѣ князя? На ихъ сторонѣ было право выбора, слѣд. на ихъ сторонѣ было право предложенія условій, тѣмъ болѣе необходимыхъ, что каждый князь могъ приносить свой обычай, нарушать старину Новгородскую. Далѣе, безпрестанныя междукняжья должны были условить постоянное присутствіе помощника княжескаго, и дать этому чиновнику высокое значеніе. Наконецъ смятеніе въ землѣ Русской, безпрестанныя междоусобія князей и смѣны ихъ, должны были необходимо отразиться и въ Новгородѣ. Одинъ В. Князь смѣняетъ другаго; эта смѣна необходимо влечетъ за собою и смѣну князя въ Новгородѣ; но прежній князь успѣлъ составить себѣ сторону между гражданами, пріобрѣсть многочисленныхъ приверженцевъ; сторона прежняго князя хочетъ удержать его, другая ему неблагопріятная желаетъ его изгнанія, основываясь на требованіи В. Князя: что рѣшитъ тутъ дѣло? одна сила, одно вѣчевое междоусобіе; сторона прежняго князя побѣждена, однако не хочетъ отказаться отъ своихъ прежнихъ желаній, усиливается въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. Вдругъ происходитъ новая перемѣна В. Князя, она пользуется теперь случаемъ подкрѣпить свое требованіе, противная сторона не хочетъ уступить — и новое вѣче, новое кровопролитіе необходимо. Часто недовольнымъ не нужно было дожидаться смѣны В. Князя, ибо князь Смоленскій, Волынскій, Черниговскій, могли имѣть равныя права на Великое Княженіе, и недовольные могли выбирать между ними; особенно это начало имѣть мѣсто тогда, когда въ Россіи появилось двое В. Князей: Кіевскій и Владимірскій. Отсюда уясняется причина столь частыхъ вѣчей, привычка къ нимъ, привычка рѣшать дѣла силою; отдаленіе и слабость В. Князя препятствовали ему имѣть непосредственное вліяніе на дѣла Новгородскія; приговоръ вѣча не встрѣчалъ ни откуда сопротивленія. Частыя междукняжья необходимо должны были пріучить Новгородъ къ вѣчевому народовластію, ибо особа посадника, народомъ избраннаго, въ слѣдствіе перевѣса одной какой нибудь стороны, могла ли внушать уваженіе всеобщее, могла ли быть неприкосновенною при перевѣсѣ пар-

тіи противной? Иногда князья, помирившись, сдѣлавши рядъ, не хотѣли снова ссориться за отдаленныхъ Новгородцевъ, и оставляли на ихъ волю выбрать себѣ правителя изъ того или другаго рода; иногда В. Князь, постоянно верховный судья въ глазахъ Новгородцевъ, озабоченный дѣлами ближайшими, не могъ самъ отправиться сотворить нарядъ, и потомъ, желая еще оказать Новгородцамъ благоволеніе за какія нибудь услуги, позволялъ имъ самимъ управлять своими дѣлами, уполномочивалъ вѣче казнить нелюбимыхъ чиновниковъ и награждать достойныхъ. Всѣ эти обстоятельства, особенно возможность выбора изъ многихъ князей, при частой смѣнѣ и борьбѣ Великихъ, обратившаяся послѣ въ право, и возможность предлагать условія князьямъ избраннымъ, превратившаяся также послѣ въ право, наконецъ отдаленность и небреженіе Князей Великихъ, соизволявшихъ самоуправству вѣча, всё это дало Новгороду, особенно въ сравненіи съ младшими городами, безпрекословно волѣ князя подчиненными, видъ города вольнаго, и жителямъ его право на званіе людей вольныхъ. Обратимся къ событіямъ, долженствующимъ подтвердить всё сказанное.

Не долго Новгородцы жили съ своимъ любимымъ Мстиславомъ. Въ 1116 году, В. К. Владиміръ Мономахъ, желая упрочить Кіевъ за своимъ родомъ, вызвалъ его поближе къ себѣ и далъ Бѣлгородъ; въ Новгородѣ былъ оставленъ сынъ Мстислава Всеволодъ [109]. Юность князя и смерть двухъ посадниковъ, почти въ одинъ годъ послѣдовавшая [110], подала поводъ ко внутреннимъ смятеніямъ; нѣкоторые бояре и сотскій Ставръ позволили себѣ грабежъ. Тогда В. К. Владиміръ вмѣстѣ съ сыномъ Мстиславомъ вызвали всѣхъ бояръ изъ Новгорода въ Кіевъ, и взяли съ нихъ присягу повиноваться молодому Всеволоду и не замышлять безпокойствъ. Невинные въ упомянутомъ преступленіи были отпущены, виновные оставлены и заточены [111]. Кѣмъ былъ избранъ въ то время посадникъ Константинъ Моисѣевичь, неизвѣстно: вѣроятно В. Княземъ, если обратимъ вниманіе на обстоятельства. На слѣдующій годъ онъ умеръ, и на его мѣсто В. Князь прислалъ изъ Кіева Бориса [112]. Въ 1125 году умеръ Мономахъ; сынъ его Мстиславъ сѣлъ въ Кіевѣ, однако не перевелъ старшаго сына своего къ себѣ на Югъ, но утвердилъ вторично въ Новгородѣ [113]. На слѣдующій годъ Всеволодъ отправился къ отцу въ Кіевъ; въ отсутствіе его умеръ старый посадникъ, и гра-

жданe, оставшись безъ князя и его намѣстника, принуждены были сами избрать послѣдняго [114]. Однако, кажется, В. Князь и сынъ его были недовольны этимъ народнымъ избраніемъ: черезъ годъ, при жизни стараго посадника, назначенъ былъ ему преемникомъ Давидъ Дмитріевичь, шуринъ В. Князя [115]. Новоизбранный посадникъ умеръ въ томъ же году: тогда В. Князь послалъ на его мѣсто изъ Кіева Даніила [116]. Но въ слѣдующій годъ лѣтопись упоминаетъ о избраніи уже другаго посадника Петрила, вѣроятно также въ отсутствіи Всеволода, ходившаго къ отцу [117]. Такъ еще при жизни Мстистава началось колебаніе въ избраніи посадника между княземъ и народомъ. Смерть Мстислава и послѣдовавшія за нею событія, ослабивъ, уничиживъ власть великокняжескую и раздравъ Русь, имѣли сильное вліяніе на бытъ Новгорода, были главною причиною измѣненій, въ немъ происшедшихъ, главною причиною усиленія народовластія на счетъ власти княжеской.

Старшій по Мстиславѣ изъ Мономаховичей, Ярополкъ, сталъ В. Княземъ, и по уговору съ покойнымъ братомъ, послалъ въ Новгородъ за Всеволодомъ, съ тѣмъ, чтобъ посадить его на столъ Переяславскій. Боясь болѣе всего перемѣны Князя, Новгородцы еще прежде взяли со Всеволода клятву не разлучаться съ ними до смерти; но вдругъ послѣдовалъ вызовъ отъ Ярополка, и Всеволодъ, прельщенный Переяславлемъ, равно какъ надеждою получить Кіевъ по смерти дяди, позабылъ клятву и покинулъ Новгородъ, не оставивъ преемника [118]. Между тѣмъ дядя Всеволода Георгій, въ приближеніи племянника къ Кіеву видѣлъ явный признакъ своего исключенія изъ старѣйшинства, и переходъ его въ родъ Мстислава [119], и потому вооружился для защиты правъ своихъ. Утромъ въѣхалъ Всеволодъ въ Переяславль, и до обѣда еще былъ выгнанъ Юріемъ [120]. Изгнанникъ принужденъ былъ отправиться назадъ къ Новгороду, который между тѣмъ, будучи оставленъ самому себѣ, предоставлялъ зрѣлище страшнаго волненія народнаго, усиленнаго приходомъ Псковитянъ и Ладожанъ, вѣроятно требовавшихъ смѣны посадниковъ Всеволодовыхъ. Въ это время является Всеволодъ; раздраженный народъ сперва не хочетъ и слышать о князѣ, презрѣвшемъ клятву свою, потомъ, вѣроятно убѣжденный приверженцами сына Мстиславова, согласился опять принять его [121]. Однако это принятіе имѣло уже другой характеръ, нежели первое вступленіе Всеволода на столъ Новгородскій; теперь Новгородцы были люди вольные [122], ибо

освобождены были удаленіемъ Всеволода, и потому могли принять его на всей волѣ своей, съ условіями и рядомъ; изгнанникъ долженъ былъ на всё согласиться. Вѣроятно въ это время было положено начало тѣмъ условіямъ, развитіе которыхъ видимъ въ послѣдующихъ рядахъ Новгородцевъ съ князьями; вѣроятно въ это-то время посадникъ перемѣнилъ свой характеръ чиновника княжескаго на характеръ чиновника народнаго, отъ вѣча избираемаго; по крайней мѣрѣ лѣтописецъ говоритъ, что тогда было выбрано два посадника, одинъ для Новгорода, другой для Пскова [123]. Что-же дѣлалъ Великій Князь? Ярополку было не до Новгорода: дѣла въ Руси запутывались всё болѣе и болѣе. Не желая нарушить клятвы, данной покойному брату, Ярополъ вывелъ Георгія изъ Переяславля, и отдалъ этотъ городъ другому сыну Мстислава, Изяславу. Но скоро онъ началъ забывать данное слово и склоняться къ убѣжденіямъ братьевъ, желавщихъ отстранить племянниковъ отъ Кіева, или даже совершенно исключить ихъ изъ удѣловъ въ землѣ Русской. Съ этою цѣлію В. Князь убѣдилъ Изяслава отдать Переяславль дядѣ Вячеславу, и въ замѣнъ взять Туровъ и Пинскъ, въ прибавокъ къ прежней своей Минской области. Изяславъ согласился, но скоро Вячеславъ отнялъ обратно у племянника старый свой удѣлъ, а между тѣмъ Ярополкъ отдалъ Переяславль Долгорукому. Мстиславичи, увидавъ замыслъ дядей, рѣшились оружіемъ достать себѣ удѣлы. Въ такомъ намѣреніи они просили помощи у Ольговичей: тѣ обрадовались случаю вмѣшаться въ распри Мономахова потомства, надѣясь возвратить себѣ утраченное старшинство и Кіевъ; земля Русская раздралась, говоритъ Новгородскій лѣтописецъ [124]: онъ имѣлъ причину употребить столь сильное выраженіе, ибо вмѣстѣ съ Русскою землею раздрался и Новгородъ.

Несчастный Всеволодъ, послѣ бѣгства изъ Переяславля, терялъ всё болѣе и болѣе въ уваженіи и привязанности Новгородцевъ. В. Князь, не имѣя ни охоты, ни возможности вмѣшиваться во внутреннія дѣла ихъ, не думалъ однако отказаться отъ дани Печерской, ему слѣдующей. Всеволодъ, при своемъ слабомъ вліяніи на гражданъ не могъ получить съ нихъ этой дани для отсылки къ дядѣ, и Ярополкъ принужденъ былъ послать за нею Изяслава, когда тотъ держалъ еще удѣлъ Туровскій и охотно исполнялъ повелѣнія В. Князя; Изяславъ получилъ дань [125]. На слѣдующій годъ онъ опять явился въ Новгородъ, но уже не за

Печерскою данью, а съ просьбою о помощи противъ дядей, лишившихъ его удѣла. Всеволодъ созвалъ гражданъ на вѣче, и предложилъ имъ идти въ Ростовскую землю, достать удѣлъ Изяславу. Вѣче было самое шумное: граждане, чтившіе память отца Изяславова и Всеволодова, требовали похода для защиты ихъ отъ дядей хищниковъ; другіе упорствовали [126]. Однако большинство было на сторонѣ гражданъ, преданныхъ Мстиславичамъ; они воспользовались этимъ большинствомъ, побили противниковъ и походъ былъ назначенъ [127]. Оба Мстиславича отправились, взявъ съ собою и посадника Петрила; но едва достигли они до рѣки Дубны, какъ несогласія городскаго вѣча повторились въ полкахъ: противники похода опять возвысили голосъ. Здѣсь мы должны обратить вниманіе на причину, почему эта война казалась имъ беззаконною, ибо ту же самую причину привели послѣ на вѣчѣ и граждане Кіевскіе, отказываясь слѣдовать въ походъ за тѣмъ же самымъ Изяславомъ Мстиславичемъ: какъ Новгородцы такъ и Кіевляне не хотятъ поднимать рукъ на дѣтей Мономаховыхъ и негодуютъ на Мстиславичей, соединявшихся со врагами ихъ рода [128]. Вѣче на Дубнѣ имѣло совершенно другой конецъ, чѣмъ Новгородское: противники похода пересилили, заставили князя возвратиться, и тутъ же, отнявъ посадничество у Петрила, желавшаго войны, отдали его Ивану Павловичу [129]. Приходъ войска, возвратившагося ни съ чѣмъ, подалъ поводъ къ новымъ волненіямъ: сторона, преданная Мстиславичамъ, снова пересилила, и снова Всеволодъ пошелъ съ полками воевать землю Ростовскую. На Ждановой горѣ Новгородцы показали необыкновенное мужество, но побѣда осталась не за ними: въ другой разъ возвратились они безъ успѣха. Между тѣмъ, какъ Новгородъ волновался въ слѣдствіе усобицъ князей, послѣдніе не думали прекращать которъ своихъ. Ольговичи, пользуясь враждою въ семьѣ Мономаховой, вздумали дать силу потеряннымъ правамъ своимъ на старшинство. Новгородцы еще не предугадывали, что распри князей, давъ имъ возможность выбора между многими, послужатъ основаніемъ всѣхъ будущихъ вольностей ихъ. Боясь болѣе всего междоусобій, при чемъ князь ихъ не могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ, и необходимо вовлекалъ ихъ въ безполезныя войны, Новгородцы послали посадника своего Мірослава мирить Мономаховичей съ Ольговичами [130]. Какъ же поступили князья въ этомъ случаѣ? Они не приняли посредничества Новгородцевъ, и каждый началъ переманивать ихъ на свою сторону [131], т. е.

давать имъ право выбора. Вотъ начало права Новгородскаго касательно выбора Князей: оно досталось имъ въ слѣдствіе распри между Ярополкомъ Владиміровичемъ и Всеволодомъ Ольговичемъ, а не дано Ярославомъ I-мъ; Новгородцы не замедлятъ воспользоваться этимъ правомъ, но кого же выберутъ они? Судьба битвы, судъ Божій, по тогдашнимъ понятіямъ, будетъ руководствовать ихъ выборомъ. Побѣда осталась на сторонѣ Ольговичей; Ярополкъ былъ принужденъ уступить ихъ требованіямъ [132]. Это обстоятельство поставило Новгородцевъ въ затруднительное положеніе: Князь ихъ Всеволодъ, бывшій сперва на сторонѣ Ольговичей, потомъ, примирившись съ дядею, началъ возбуждать ихъ противъ Всеволода Черниговскаго, и такимъ образомъ вовлекалъ ихъ во вражду съ побѣдителемъ. При такомъ положеніи дѣлъ Новгородцы рѣшились пріобрѣсть расположеніе побѣдителя принятіемъ себѣ Князя отъ его руки. Въ 1136 году они изгнали Всеволода; по ихъ объявленію онъ нарушилъ всѣ обязанности Князя: 1) отказывалъ въ защитѣ своей простому народу; 2) нарушилъ клятву, оставаться до смерти своей въ Новгородѣ, уѣхалъ въ Переяславль, покинулъ городъ въ жертву безначалію; 3) какъ верховный вождь, посрамилъ себя постыднымъ бѣгствомъ въ битвѣ при Ждановой горѣ; 4) вовлекаетъ гражданъ безпрестанно въ войны междоусобныя: сперва вступилъ въ союзъ съ Ольговичами противъ своего рода, теперь идетъ противъ нихъ [133]. Но изгнаніе сына Мстиславова не могло обойтись безъ важныхъ послѣдствій: кровопролитныя усобицы Мономаховичей и Ольговичей перенеслись въ Новгородъ со всѣми ихъ ужасами. Множество гражданъ благопріятствовало Всеволоду и не хотѣло перемѣны. Въ годъ прибытія Святослава Ольговича лѣтописецъ извѣщаетъ уже о мятежѣ и убійствахъ; не смотря на неудачу своего намѣренія умертвить Ольговича [134], приверженцы Всеволода вызвали его опять изъ Вышегорода, гдѣ пріютилъ его незлопамятный Ярополкъ; самъ посадникъ Константинъ побѣжалъ на встрѣчу къ старому князю. Страшный мятежъ возгорѣлся въ Новгородѣ, какъ скоро узнали о прибытіи Всеволода: противная ему сторону пересилила и заставила бѣжать его друзей, которыхъ имущество было разграблено; но во Псковѣ перемогла сторона Всеволодова, и область Новгородская раздѣлилась, какъ Русь: Новгородъ остался за Олѣговичами, Псковъ за Мономаховичами [135]. Всеволодъ умеръ въ томъ же году (1136): Псковитяне взяли на его мѣсто брата его Святополка [136]. Между тѣмъ Новгородцы увидѣли, что обманулись въ своемъ расчетѣ, взявши Ольговича,

какъ сильнѣйшаго. На Югѣ опять приготовлялась война между враждебными родами, и можно было предвидѣть, что успѣхъ не останется на сторонѣ Ольговичей; а на Сѣверѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ владѣніями Мономаховичей, Новгородъ видѣлъ прекращеніе своей торговли, и нуждался въ необходимыхъ жизненныхъ потребностяхъ [137].

Но и здѣсь враждебное раздѣленіе, послѣдовавшее въ княжескомъ семействѣ, помогло Новгороду выдти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Мы видѣли, что причиною торжества Ольговичей было раздвоеніе въ самой семьѣ Мономаха: племянники хотѣли исключить младшихъ дядей изъ старшинства, но едва сами не подпали было исключенію. Такимъ образомъ въ семьѣ Мономаховой произошелъ раздѣлъ между сыновьями старшаго сына его Мстислава и дядьми ихъ; Мстиславичамъ легко было управиться съ слабыми и добродушными Ярополкомъ и Вячеславомъ, но трудно было отстранить отъ притязаній на старшинство и Кіевъ третьяго дядю Юрія Ростовскаго. Слѣд. главная борьба должна была происходить между дѣтьми Мстислава и Юріемъ съ передачею въ потомство ихъ. Пользуясь этою страшною борьбою между двумя линіями Мономаховичей, Ольговичи часто успѣваютъ дать силу своимъ утраченнымъ правамъ, часто получаютъ старшинство съ Кіевомъ. Это тройное раздѣленіе потомства Ярославова чрезвычайно важно въ отношеніи исторіи Новгорода, ибо съ одной стороны частая смѣна В. Князей изъ трехъ враждебныхъ линій заставляла Новгородцевъ, постоянно признававшихъ зависимость свою отъ старѣйшаго въ родѣ Ярослава, сообразоваться съ этою смѣною и перемѣнять своихъ князей, что усиливало внутреннія волненія, производимыя приверженцами смѣняемыхъ князей и врагами ихъ; съ другой стороны давала Новгороду возможность выбора изъ трехъ линій, что необходимо усиливало произволъ народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивало его требованія, давало ему значеніе народа вольнаго. Такъ Новгородъ, сообразуясь съ перемѣною, послѣдовавшею на Югѣ въ пользу Ольговичей, смѣняетъ Мономаховича; будучи приведенъ этою смѣною въ затруднительное положеніе, онъ находитъ средство изъ него выйти безъ всякой потери пріобрѣтеннаго значенія, не имѣетъ нужды признать себя мятежнымъ въ отношеніи къ Ярополку, подчиниться ему на всей волѣ его, онъ можетъ примириться съ Мономаховичами и мимо Князя Кіевскаго, а именно можетъ отдаться въ покровительство

сильнѣйшаго изъ нихъ, т. е. Юрія Суздальскаго: этотъ князь защититъ его отъ Ольговичей, какъ ближайшій сосѣдъ, и примиритъ съ Мономаховичами, избавивъ отъ уничиженія принять Святополка, т. е. признать торжество своего пригорода — Пскова; наконецъ призваніе Юрьевича примиряло въ Новгородѣ всѣ стороны: для приверженцевъ фамиліи Мономаха онъ былъ внукъ его, для враговъ Всеволода онъ не былъ Мстиславичемъ. Расчетъ казался вѣренъ: Ростиславъ Юрьевичь призванъ на столъ Новгородскій [138].

Но въ слѣдующемъ году (1139) умеръ Ярополкъ, и Всеволодъ Ольговичь Черниговскій, изгнавъ Вячеслава Владиміровича, утвердился на старѣйшемъ столѣ Русскомъ. Новгородцы опять стали между двухъ огней, опять война была необходима, опять вовлекались они въ междоусобіе; опять должны были поднять оружіе противъ В. Князя. Юрій, собравшись на Всеволода, потребовалъ войска у Новгородцевъ: граждане рѣшительно отказались поднять руки на В. Князя, какъ прежде отказывались идти противъ Юрія. Отказъ на требованіе отца послужилъ знакомъ къ отъѣзду сына: Ростиславъ уѣхалъ въ Смоленскъ, Новгородъ остался безъ Князя. Въ такой крайности Новгородцы обратились ко Всеволоду, и принуждены были принять снова Святослава Ольговича, прежде изгнаннаго, т. е. должны были воспламенить въ нѣдрахъ своего города всѣ потухшія было вражды, а между тѣмъ озлобленный Юрій взялъ у нихъ Торжекъ. Новый Князь не забылъ враговъ своихъ, болѣе другихъ бывшихъ причиною его изгнанія: шесть самыхъ знаменитыхъ изъ нихъ были отосланы въ Кіевъ въ оковахъ [139]. Волненіе усилилось; самъ Святославъ наконецъ соскучился жить среди безпрестанныхъ мятежей; онъ послалъ къ брату жаловаться на Новгородцевъ и просить другаго удѣла [140]. Всеволодъ прислалъ въ Новгородъ взять брата и объявить гражданамъ, что даетъ имъ сына своего. Новгородцы согласились, отправили епископа и лучшихъ гражданъ за сыномъ В. Князя, а между тѣмъ боясь болѣе всего междукняжья, просили Святослава подождать прихода племянникова. Онъ обѣщалъ и потомъ, боясь задержки, тайно ночью убѣжалъ изъ города вмѣстѣ съ посадникомъ Якуномъ, своимъ приверженцемъ. Этотъ поступокъ въ высочайшей степени раздражилъ Новгородцевъ: они догнали бѣглецовъ, взяли Якуна, едва не умертвили его, взыскали большую пеню, и сослали въ Чудь съ братомъ, откуда вывелъ его къ себѣ Юрій Ростовскій, и держалъ съ честію, чтя вѣрность къ Князю

хотя и врагу своему [141]. Раздраженный Всеволодъ задержалъ Епископа и пословъ Новгородскихъ. Тогда послѣдніе, желая избавить себя отъ неволи, а гражданъ своихъ отъ безкняжья, предложили Всеволоду послать въ Новгородъ шурина своего Святополка Мстиславича [142]. Мы уже прежде видѣли, какъ Новгородцы, желая избѣжать враждебныхъ столкновеній, старались выбрать себѣ Князя, который болѣе другихъ могъ бы быть нейтральнымъ: такъ и въ этомъ случаѣ они хотятъ согласить выгоды враждебныхъ линій княжескихъ, остаться вѣрными роду Мономахову, а между тѣмъ не перемѣнить отношеній своихъ къ В. Князю: для этого они требуютъ отъ Всеволода къ себѣ въ князья Мономаховича, но его шурина. Всеволодъ, не желая, какъ говоритъ лѣтописецъ, чтобъ Новгородъ перешелъ въ родъ Мономаховъ, не соглашается на просьбу пословъ, продолжаетъ держать ихъ въ Кіевѣ и даетъ Святополку Берестій, съ условіемъ не думать о Новгородѣ [143]; „пусть посидятъ ихъ одни, говоритъ онъ, пусть сами найдутъ себѣ Князя, гдѣ хотятъ [144]". Тогда Новгородцы, не имѣя возможности сидѣть безъ князя, принуждены были снова обратиться къ Юрію и снова принять въ себѣ Ростислава, а между тѣмъ Всеволодъ, узнавъ о призваніи Юрьевича, согласился отправить къ нимъ желаннаго Святополка. Что было тогда дѣлать Новгородцамъ? Изъ двухъ золъ они рѣшились выбрать меньшее, т. е. предпочли вражду Юрія враждѣ В. Князя и Мстиславичей: Ростиславъ принужденъ былъ уѣхать, Святополкъ былъ принятъ [145].

Пріѣздъ желаннаго князя успокоилъ волненія внутреннія: лѣтопись не упоминаетъ болѣе о вѣчахъ; но которы княжескія не давали покоя Новгороду. По смерти Всеволода Ольговича, Кіевляне свергнули брата его Игоря и передались Изяславу Мстиславичу. Новгородцы не могли желать ничего лучше; ибо теперь отношенія ихъ къ В. Князю совершенно совпадали съ отношеніями ихъ къ роду Мономахову, съ ихъ привязанностію къ потомству старшаго его сына, теперь возобновлялось для нихъ счастливое время Владиміра и Мстислава; но, къ несчастію, обстоятельства уже были не тѣ. Изяславъ занялъ Кіевъ мимо дядей; Юрій Ростовскій не могъ смотрѣть равнодушно на такое нарушеніе правъ своихъ, и пылалъ неукротимою ненавистію къ племяннику [146], а этотъ Юрій былъ ближайшій сосѣдъ Новгороду, могъ, по волѣ, заморить его голодомъ, прекратить торговлю. Ни

походъ Святополка со всею областью Новгвродскою [147] на владънія Юрія, ни мирныя предложенія, подкръпляемыя увъщаніями Епископа Нифонта, мужа святаго, повсюду славнаго своею ревностію къ правдъ, ничто не могло укротить Долгорукаго [148]: онъ требовалъ непремънно, чтобы Новгородцы измънили В. Князю и снова приняли Ростислава, и не хотълъ слушать пословъ Новгородскихъ, представлявшихъ ему, что Новгородъ не можетъ измънить В. Князю и вмъстъ сыну Мстислава, роду котораго они прежде клялись въ върности, но пусть Юрій станетъ В. Княземъ, и тогда Новгородцы будутъ повиноваться ему [149]. Своевольная пересылка съ заклятымъ врагомъ, объщаніе повиноваться ему въ случаъ удачи его замысловъ, все это раздражило Изяслава: онъ послалъ выговоръ Новгородцамъ за ихъ непостоянство, и думая, что сынъ будетъ върнъе брата, послалъ къ нимъ Ярослава Изяславича и вывелъ Святополка во Владиміръ [150], а между тъмъ собравши сильную рать, двинулся на съверъ, дабы защитить свой Новгородъ [151] отъ Юрія. Новгородцы, услышавъ о приближеніи В. Князя, изъявили необыкновенную радость, и выразили всю свою привязанность къ роду Мстиславову: многіе вышли къ нему на встръчу за три дня пути, другіе за день пути. Вступивъ съ такимъ торжествомъ въ городъ, Изяславъ отблагодарилъ гражданъ великолъпнымъ пиромъ для всего народа и, созвавъ въче, объявилъ, что пришелъ нарочно изъ Руси защитить ихъ отъ злобы Юрія, но что отдаетъ на ихъ волю — воевать или мириться. Отвътомъ были трогательныя восклицанія: „ты нашъ Князь! ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ! ради съ тобою мстить свои обиды, пойдемъ всъ отъ мала до велика, пусть остаются одни только духовные молить за насъ Бога!" [152]. Изяславъ выступилъ въ походъ и причинилъ страшное опустошеніе области Юрьевой; только оттепель заставила его возвратиться назадъ. Исполнивъ свою обязанность въ отношеніи къ Новгороду, Изяславъ возвратился въ Кіевъ, гдъ ожидала его превратность счастія. Юрій оставался спокойнымъ, по крайней мъръ не дъйствовалъ рѣшительно противъ племянника, пока В. Князь ласкалъ сына его Ростислава, пріютивъ его въ Руси и давъ пять городовъ во владъніе. Но узнавъ, что Ростиславъ лишился своего удъла по несправедливости Изяслава, повърившаго клеветникамъ, Юрій съ горестію воскликнулъ: „не ужели и дътямъ моимъ не будетъ части въ Руси!" и пошелъ на Кіевъ. Началось страшное междоусобіе, ка-

кого никогда еще не бывало на Руси: Кіевъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Что же дѣлали тогда Новгородцы? Не должны ли они были, слѣдуя за переходомъ Кіева, мѣнять своихъ князей, намѣстниковъ Великаго, не говорили ли они Юрію, что будутъ повиноваться ему, какъ скоро онъ добудетъ Кіевъ? Не должны ли были усобицы Русскія отразиться и въ Новгородѣ? Они отразились: лѣтописецъ говоритъ, что нарядъ былъ нарушенъ.

Для его возстановленія Новгородцы прибѣгнули къ своему постоянному правилу выбирать князя, который былъ бы угоденъ всѣмъ враждующимъ сторонамъ: для этого они смѣняютъ Ярослава Изяславича и берутъ дядю его Ростислава изъ Смоленска, ибо Ростиславъ былъ любимъ Юріемъ [154]. Этимъ удачнымъ выборомъ они сохранили вѣрность ко Мстиславичамъ и примирялись съ Юріемъ, который оказалъ имъ большое расположеніе, отпустивъ Епископа ихъ Нифонта, заключеннаго Изяславомъ за несогласіе на выборъ Митрополита Климента. Однако Новгородцы хитрили напрасно; смерть Изяслава опять перемѣнила порядокъ дѣлъ: Ростиславъ, вызванный дядею Вячеславомъ, покинулъ Новгородъ, для Кіева, оставивъ въ немъ сына Давида; волненія усилились. Мы видѣли, какъ раздражало Новгородцевъ удаленіе князей; теперь Ростиславъ разрушилъ всѣ ихъ планы и надежды: Ростиславу не удержать Кіева вопреки правамъ Долгорукаго, расположеніе послѣдняго къ нему теперь должно перемѣниться во вражду, тогда что станется со владѣніями сѣверными, съ богатыми данями, которыя безпрестанно будетъ останавливать князь Ростовскій. Новгородцы призвали Рюрика изъ-за моря для возстановленія внутренняго спокойствія: Ростиславъ только увеличилъ мятежъ. Граждане, озлобленные на отца, указали путь сыну, и послали къ Юрію просить князя; онъ отправилъ къ нимъ сына Мстислава [155]. Но усобицы не прекратились на Руси: не могли прекратиться и волненія Новгородскія. Вячеславъ умеръ; Изяславъ Давыдовичь изгналъ Ростислава изъ Кіева, но самъ, въ свою очередь, былъ изгнанъ Юріемъ Ростовскимъ. Тишина была возстановлена, но не на долго. Ростовскаго Князя не терпѣли на Югѣ; Мстиславичи и Давыдовичь соединились для его изгнанія. Смерть Юрія предотвратила кровопролитіе въ Руси, но была поводомъ къ страшному мятежу въ Новгородѣ. Здѣсь нѣкоторые граждане, вѣрные своей зависимости только отъ В. Князя и приверженные къ роду Мстислава, вызываютъ Ростислава Мстисла-

вича; но Юрьевичь успѣлъ пріобрѣсть себѣ приверженцевъ: торговая сторона стала за него, и усобица между Мстиславичами и Юрьевичами повторилась въ Новгородѣ. Однако дѣло не дошло до кровопролитія; прибытіе сыновей Ростиславовыхъ, а потомъ и самаго Ростислава, усилило приверженцевъ ихъ и заставило Мстислава уступить. Ростиславъ вознаградилъ Новгородцевъ за прежній свой поступокъ: онъ примирилъ стороны, учинилъ нарядъ, и оставивъ сына Святослава въ Новгородѣ, а Давида въ Торжкѣ, отправился назадъ въ Смоленскъ [156].

Скоро Ростиславъ былъ позванъ племянникомъ на столъ Кіевскій. Казалось это обстоятельство упрочитъ тишину въ Новгородѣ, но вышло противное. Ближайшимъ сосѣдомъ вольныхъ людей былъ сынъ Долгорукаго, который, сидя въ своемъ Владимірѣ, ненавидѣлъ старые города и замышлялъ быть *самовластцемъ* на Сѣверѣ [157]. Желая получить старшинство надъ всѣми князьями и зная, что Новгородъ есть неотъемлемая собственность В. Князя, Андрей послалъ сказать его гражданамъ: „да будетъ вамъ вѣдомо: хочу искать Новгорода и добромъ и лихомъ [158].“ Услышавъ грозное слово, Новгородцы не знали, что дѣлать: послѣдовали смятенія и частыя вѣча [159]. Не желая оскорбить В. Князя Кіевскаго, сына любезной памяти Мстислава, они начали дѣйствовать полумѣрами, надѣясь, что Святославъ догадается и самъ выѣдетъ отъ нихъ. Для этого они просили его, чтобъ вывелъ брата Давида изъ Торжка, ибо содержаніе двухъ князей тяжко для ихъ области [160]. Святославъ исполнилъ просьбу, однако не казался оскорбленнымъ и не думалъ оставить города. Тогда граждане принуждены были приступить къ мѣрамъ рѣшительнымъ: они выслали его въ Ладогу, и отправили пословъ къ Андрею за княземъ. Князь Владимірскій далъ имъ племянника Мстислава Ростиславича. Но это не положило конца Новгородскимъ бѣдамъ: Андрей не любилъ племянниковъ; притомъ же скоро заключенъ былъ рядъ между нимъ и Ростиславомъ [161], на основаніи котораго Новгородъ переходилъ къ Ростиславу. В. Князь Кіевскій отправилъ снова въ Новгородъ сына Святослава: что могли Новгородцы противъ согласной воли двухъ князей, двухъ сильнѣйшихъ властителей въ Россіи? Святославъ, пользуясь своимъ положеніемъ и помня оскорбленіе, причиненное ему Новгородцами, потребовалъ отъ нихъ покорности безусловной [162], и они принуждены были принять его *на всей волѣ его*. Послѣднее выраженіе въ первый разъ упомянуто здѣсь лѣтописцемъ. Если Свято-

славъ былъ принятъ на всей волѣ его, то мы должны прямо заключить, что предшественники его были принимаемы на всей волѣ Новгородской, т. е. что прежде Святослава начали заключаться между Новгородомъ и Князьями условія, изложеніе которыхъ находимъ въ послѣдующихъ грамотахъ. Иначе и быть не могло въ смутное время, послѣдовавшее за смертію Мстислава Владиміровича. Такимъ образомъ, принявъ вторично Святослава Ростиславича, Новгородцы вошли къ нему и отцу его въ тоже отношеніе, въ какомъ находились ко Мстиславу и отцу его Мономаху, ко Всеволоду, и отцу его Мстиславу. Вторичное принятіе Всеволода Мстиславича, послѣ бѣгства его изъ Переяславля, съ достовѣрностію можно считать временемъ, въ которое возникли первыя условія, первый рядъ Новгородцевъ съ княземъ; вторичное принятіе Святослава, когда онъ данъ былъ Новгородцамъ противъ воли ихъ силою двухъ соединенныхъ князей, нарушало установившійся было порядокъ вещей и снова подчиняло Новгородцевъ неограниченной власти князя. Это лишеніе пріобрѣтенныхъ вольностей произвело сильную ненависть Новгородцевъ къ Святославу, которая видна будетъ изъ послѣдующихъ событій. Первымъ дѣломъ неограниченной власти Святослава была смѣна посадника [163]. Нежата былъ врагомъ Святослава: онъ былъ избранъ послѣ его изгнанія. Новгородцы не стерпѣли новаго порядка дѣлъ: Святославъ встрѣчалъ безпрестанныя препоны своей волѣ. Услыхавъ объ этомъ, В. К. Ростиславъ отправился самъ изъ Кіева въ Новгородъ, дабы вторично учинять тамъ нарядъ [164]; заболѣвъ тяжко въ Великихъ Лукахъ, онъ не поѣхалъ далѣе, вызвалъ туда сына и знатнѣйшихъ граждань Новгородскихъ и взялъ съ нихъ клятву повиноваться Святославу [165]. Но едва узнали въ Новгородѣ о смерти Ростислава, какъ уже недовольные начали собирать вѣча по домамъ. Приверженцы Святослава увѣдомили его объ опасности; князь созвалъ дружину и спрашивалъ совѣта; отвѣтъ былъ единогласенъ: „Надобно промышлять намъ самимъ о себѣ, а то объ насъ начнутъ промышлять другіе [166].“ Святославъ выѣхалъ изъ Новгорода, засѣлъ въ Великихъ Лукахъ, и послалъ оттуда сказать Новгородцамъ: „не хочу быть вашимъ княземъ!“ Долго сдерживаемая злоба выразилась во всей силѣ; Новгородъ въ первый разъ явилъ примѣръ народнаго изступленія: граждане поклялись Богородицею не хотѣть Святослава, собрали полки и пошли на него. Святославъ удалился къ Торопцу, а Новгородцы послали въ Русь къ новому В. Князю Мстиславу Изяславичу за сыномъ [167]. Съ этого времени исторія Новгорода принимаетъ другой характеръ. Мы видѣли, что сначала Новгородцы безу-

словно повиновались В. Князьямъ, чтó продолжалсь до смерти Мстислава Владиміровича Мономашича. Послѣ злыя которы, возникшія въ Руси между князьями, появленіе трехъ соперничествующихъ линій, высвободили Новгородцевъ изъ-подъ вліянія Великихъ Князей, дали имъ возможность выбора, дали возможность предлагать условія избранному князю. Въ продолженіе этого періода отъ смерти Мстислава Великаго до вторичнаго прихода Святослава Ростиславича Новгородцы постоянно слѣдуютъ за смѣною В. Князей, и стараются избрать въ ихъ намѣстники къ себѣ угоднаго всѣмъ враждебнымъ сторонамъ или, по крайней мѣрѣ, сильнѣйшей изъ нихъ. Святославъ Ростиславичъ сдѣлалъ первую попытку принудить Новгородцевъ отказаться отъ пріобрѣтенныхъ вольностей. Эта попытка вызвала со стороны Новгородцевь энергію, которую доселѣ въ нихъ не замѣчали, а между тѣмъ попытка Святослава не останется безъ повторенія: подлѣ Новгорода образовалось княжество, новая Русь, въ которой господствуетъ совершенно иной порядокъ вещей; здѣсь явился первый Самовластецъ, который утвердилъ свое пребываніе въ пригородѣ и началъ страшную, долголѣтнюю борьбу между Старою и Новою Русью, между Русью Старыхъ и Новыхъ городовъ, между Русью со старыми родовыми отношеніями, и Русью съ господствомъ понятія собственности, владѣнія, постоянно въ родѣ остающагося. Новгородъ долженъ принять самое дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, какъ представитель городовъ старыхъ; скоро южная Русь будетъ подавлена Татарами, и надолго отторгнута Литвою отъ сѣверной; одинъ Новгородъ останется представителемъ стараго порядка вещей, стараго быта Руси; послѣдній изъ городовъ Славянскихъ, онъ долго будетъ защищать свою Славянскую особность, свой бытъ, отрѣшенный отъ общей жизни цѣлаго народа, свое право жить особо и владѣть самъ собою, имѣть свой обычай. До сихъ поръ Новгородъ выражалъ негодованіе на которы княжескія, ибо онѣ лишали его спокойствія, подавали поводъ къ народнымъ волненіямъ, вовлекали въ войны дальнія и безплодныя; теперь онъ узналъ пользу ихъ для себя, узналъ выгоду въ безпрестанной смѣнѣ князей, узналъ, какъ опасно ихъ соединеніе, какъ опасна ихъ сила, теперь онъ начнетъ дѣйствовать иначе: онъ будетъ радоваться продолженію княжескихъ которъ, будетъ стараться объ ихъ продолженіи, о продоженіи стараго быта Руси. Въ своемъ ожесточеніи противъ Святослава Новгородцы забыли прежнее благоразуміе, не разочли, что требуя князя отъ Мстислава Кіевскаго, они возбуждаютъ противъ себя гнѣвъ могущественнаго Андрея,

нетерпѣвшаго Мстислава [168], точно такъ какъ отецъ его не терпѣлъ отца Мстиславова. Святославъ удалился изъ Торопца на Волгу; получивъ помощь отъ Андрея, онъ сжегъ Торжекъ, жители котораго удалились къ Новгороду; домы и села ихъ были истреблены. Съ другой стороны братья Святослава, Князья Смоленскіе, сожгли В. Луки; Полочане пристали также къ Смолянамъ и Суздальцамъ; союзники захватили всѣ пути и не пропускали никакого извѣстія изъ Новгорода въ Кіевъ; они хотѣли силою дать Святослава Новгородцамъ, говоря: „нѣтъ вамъ другаго князя, кромѣ Святослава!“ Но это еще болѣе ожесточило Новгородцевъ: они убили посадника Захарію и съ нимъ еще двоихъ чиновниковъ, считая ихъ приверженцами Святослава, и дали посадничество умному Якуну, который прославился отраженіемъ Святослава отъ Русы. При помощи энтузіазма, примирившаго всѣ стороны, Якунъ одинъ могъ управить Новгородомъ въ долгое междукняжье, а между тѣмъ Даниславъ Лазутиничь успѣлъ пробраться изъ Новгорода въ Кіевъ ко Мстиславу [169]. Въ 1168 году прибылъ наконецъ Романъ Мстиславичь изъ Кіева на столъ Ногородскій, и Новгородцы обрадовались исполненію своего желанія. Храбрый Романъ тотчасъ пошелъ мстить за ихъ обиды: онъ опустошилъ область Полоцкую и пожегъ Торопецъ [170]. Но между тѣмъ прибытіе Романа въ Новгородъ еще болѣе раздражило Андрея противъ Мстислава [171]. Пользуясь неудовольствіемъ большаго числа князей на В. Князя Кіевскаго, Андрей рѣшился отыскивать старшинства: онъ собралъ страшную рать и послалъ ее къ Кіеву; Мстиславъ не могъ противиться соединеннымъ усиліямъ одиннадцати князей. Старшинство Андрея было признано, но Князь Владимірскій, пренебрегшій прежде Великимъ Ростовомъ, теперь пренебрегъ матерью городовъ Русскихъ, и остался въ своемъ пригородѣ: дурное предвѣщаніе для Великаго Новгорода!

Управившись со Мстиславомъ, Андрей приготовлялся управиться и съ сыномъ его, княземъ Новгородскимъ. Узнавъ, что Даниславъ Лазутиничь, славный умѣньемъ своимъ пробиваться сквозь полки непріятельскіе и вѣрно исполнять повелѣнія Государя Новагорода, пошелъ за Волокъ для собранія даней, Андрей выслалъ противъ него войска. Новгородскій отрядъ состоялъ только изъ 400 человѣкъ, Суздальцевъ было 7000; но Даниславъ не испугался множества непріятелей, истребилъ у нихъ 1300 человѣкъ, отступилъ съ потерею 15 человѣкъ своихъ, потомъ возвратился

опять, взялъ дань съ Двинянъ, да еще другую съ жителей Суздальской области, и прибылъ благополучно въ Новгородъ [172]. Тогда Андрей вознамѣрился нанести ударъ рѣшительный: онъ послалъ на Новгородъ всю землю просто Русскую, по выраженію лѣтописца [173]. Новгородцы знали, что уступить силѣ значитъ подвергнуться насилію, принять князя на всей волѣ его, нажить себѣ новаго Святослава, и потому рѣшились обороняться съ Романомъ и Якуномъ. Мстиславъ Андреевичь обложилъ городъ, но скоро былъ наказанъ за собственную неосторожность: онъ опустошилъ всѣ окрестности, слѣдствіемъ чего былъ страшный голодъ въ полкахъ Суздальскихъ; сынъ Боголюбскаго принужденъ былъ отступить безъ успѣха, и потерялъ множество людей, подобранныхъ Новгородцами [174].

Новгородъ освободился отъ опасности, но не могъ долго оставаться во враждѣ съ В. Княземъ: угрозы его продолжались, а между тѣмъ дороговизна усиливалась въ городѣ, лишенномъ сообщенія съ восточными областями; притомъ по смерти соперника Андреева, Мстислава Изяславича, онъ долженъ былъ подчиниться В. К. Владимірскому, какъ единственному. Пользуясь несчастнымъ отступленіемъ Андреева войска, Новгородцы послали во Владиміръ просить себѣ князя [175]: здѣсь они явились опять въ видѣ вольныхъ просителей, и слѣд. съ правомъ предложить условіе; Андрей, освобождаемый ихъ покорностію отъ необходимости употребить снова оружіе, согласился на условія и отправилъ къ нимъ Рюрика Ростиславича, брата Святославова: Новгородцы снова получили князя на всей волѣ своей [176]. Братъ Святослава не долго жилъ въ Новгородѣ; отнявъ посадничество у Жирослава, въ тотъ же годъ самъ добровольно оставилъ столъ свой. Граждане отправили къ Андрею посольство просить князя; В. Князь обѣщалъ прислать сына, а на время отправилъ къ нимъ опять посадникомъ Жирослава, нашедшаго во Владимірѣ убѣжище отъ гоненій Рюриковыхъ. Въ слѣдующій годъ явился въ Новгородѣ княжить Георгій Андреевичь, а Архіепископъ Илья ходилъ къ В. Князю для приведенія въ порядокъ дѣлъ Новгородскихъ [177], слѣдствіемъ чего было врученіе посадничества Ивану Захарьичу [178].

Въ 1174 году Андрей былъ убитъ; Ростовцы взяли къ себѣ на столъ сына старшаго брата его Ростислава; новый Князь послалъ смѣнить князя Новгородскаго, и на мѣсто его далъ сво-

его сына. Возникли неустройства въ новомъ В. Княженіи, и Новгородцы были предоставлены самимъ себѣ. Изгнанный Михаиломъ Юрьевичемъ изъ Ростовской области, Мстиславъ Ростиславичь пришелъ самъ въ Новгородъ и сѣлъ на мѣсто сына. По смерти Михаила, позванный снова Ростовцами, и снова побѣжденный Всеволодомъ Юрьевичемъ, онъ явился въ Новгородъ, но не былъ принятъ гражданами, оскорбленными его удаленіемъ; они послали просить князя у Всеволода и получили племянника его Ярослава Мстиславича. Однако на слѣдующій годъ Новгородцы раскаялись въ изгнаніи Мстислава, узнавъ, что онъ чудеснымъ образомъ получилъ въ Смоленскѣ зрѣніе [179]; они взяли его вмѣстѣ съ братомъ Ярополкомъ, думая, что Всеволодъ не вооружится на мужей, любимыхъ Богомъ; но В. Князь думалъ иначе. Когда Новгородцы по смерти Мстислава, случившейся тотчасъ по прибытіи его въ Новгородъ, посадили княземъ брата его Ярополка, Всеволодъ велѣлъ задержать купцовъ ихъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ знакѣ великокняжескаго гнѣва, Новгородцы поспѣшили выслать Ярополка; но князь новыхъ городовъ замыслилъ уже примышлять къ своей собственности: онъ отправился къ Торжку, и требовалъ отъ жителей его подданства и ежегодной дани; они обѣщались, но замедлили исполненіемъ: тогда В. Князь взялъ городъ и предалъ его разграбленію. Узнавъ что Всеволодъ, не довольствуясь покорностію, забираетъ ихъ владѣнія, Новгородцы снова обратились къ Смоленскимъ Ростиславичамъ и приняли изъ нихъ Романа [180]. Романъ не долго оставался въ Новгородѣ, уѣхалъ добровольно въ Смоленскъ, а на его мѣсто Новгородцы послали звать брата его, знаменитаго Мстислава.

Здѣсь начинается союзъ Новгорода съ двумя Мстиславами— отцемъ и сыномъ, знаменитѣйшими изъ князей, потомковъ старшаго сына Мономахова. Интересы Новгорода и обоихъ Мстиславовъ были одинакіе: какъ тотъ, такъ и другіе хотѣли поддержать старый порядокъ вещей противъ новаго, поддержать родовыя отношенія между князьями, и вмѣстѣ съ тѣмъ старый бытъ старыхъ городовъ. Мстиславъ сначала не хотѣлъ идти въ Новгородъ, увлекаемый, подобно предкамъ, сильною любовію къ Руси, къ Кіеву, но, уговоренный братьями, отправился въ старѣйшій изъ городовъ [181].

Въ Ноябрѣ пришелъ храбрый на столъ свой, а на зиму уже пошелъ мстить обиды Новгородскія: онъ пожегъ всю Чудскую землю, а жителей загналъ къ морю [182]. Но не судьба была Новгородцамъ имѣть князя по сердцу: среди воинскихъ замысловъ храбрый былъ пораженъ смертію. Теперь Новгородцамъ предлежалъ выборъ, у котораго изъ В. Князей требовать намѣстника, у Кіевскаго Святослава Всеволодовича или Владимірскаго Всеволода III-го. Не трудно было рѣшиться: Всеволодъ показалъ уже свою непріязнь къ Новгороду, показалъ, что былъ сыномъ Долгорукаго и братомъ Боголюбскаго; Новгородцы обратились къ Святославу и взяли въ князья сына его Владиміра [183]. Скоро возгорѣлась война между обоими В. Князьями; Святославъ пошелъ на Всеволода и вызвалъ на помощь сына съ Новгородцами [184]. Всеволодъ, котораго характеръ имѣетъ необыкновенное сходство съ характеромъ поздняго потомка его Іоанна III, подобно послѣднему отличался необыкновенною осторожностію въ битвахъ: онъ остановился въ неприступныхъ мѣстахъ и никакъ не хотѣлъ начать бой съ полками Святослава; послѣдній принужденъ былъ удалиться ни съ чѣмъ, и отправился въ Новгородъ [185], который тогда впервые увидалъ въ стѣнахъ своихъ В. Князя изъ Ольговичей. Скоро противники примирились; Святославъ уступилъ Новгородъ Всеволоду, но послѣдній, любя племянницу свою, жену Владиміра Новгородскаго, оставилъ послѣдняго спокойно княжить [186]. Это спокойствіе продолжалось недолго: Новгородцы имѣли неосторожность посадить въ Торжокъ Ярополка Ростиславича, заклятаго врага Всеволодова. Ярополкъ началъ своевольно раззорять Суздальскія области; Всеволодъ осадилъ его, взялъ въ плѣнъ, выжегъ Торжекъ, и жителей его увелъ въ оковахъ во Владиміръ. Новгородцы, устрашенные неравною борьбою съ Княземъ Владимірскимъ, дабы умилостивить его, просили Владиміра Святославича выѣхать изъ города, и послали ко Всеволоду просить князя отъ руки его: они получили Ярослава Владиміровича, внука Мстислава Великаго [187]. Новый князь не учинилъ наряда въ Новгородѣ: побужденный безпрестанными жалобами граждан, Всеволодъ вывелъ его отъ нихъ и не имѣя никого около себя, позволилъ имъ выбрать кого хотятъ изъ племени Владимірова: они выбрали Мстислава, сына Давида Смоленскаго [188].

Выведенный князь оставилъ по себѣ приверженцевъ, и потому правленіе Мстислава Давыдовича не могло быть спокойно.

Въ 1185 году шумное вѣче окончилось кровопролитіемъ, а въ слѣдующемъ году приверженцы Ярослава пересилили, показали путь Мстиславу и послали просить Всеволода отпустить къ нимъ опять Ярослава [189]. Восемь лѣтъ протекли спокойно въ Новгородѣ, благодаря спокойствію на Сѣверѣ, гдѣ Всеволодъ твердою рукою держалъ правленіе. Въ 1195 году возгорѣлась война между Ольговичами и Мономаховичами. Всеволодъ, собравшись въ походъ, велѣлъ и Новгородцамъ за собою слѣдовать; они не ослушались: огнищане, гридьба и купцы выступили въ походъ, но едва прибыли въ Торжекъ, какъ получили отъ В. Князя приказаніе возвратиться. Думая, что послушаніемъ заслужили расположеніе Всеволода, Новгородцы отправили во Владиміръ посадника Мирошку и съ нимъ еще двоихъ знатныхъ гражданъ просить у Всеволода сына вмѣсто свояка. Всеволодъ, озабоченный войною съ князьями Черниговскими и негодуя на докуки Новгородцевъ, задержалъ пословъ, не обратилъ вниманія на вторичное посольство, молившее объ отпущеніи задержанныхъ, и повелъ ихъ съ собою въ походъ. По вступленіи его въ области Черниговскія дѣло не дошло до кровопролитія; заключенъ былъ миръ между враждующими князьями, при чемъ они согласились, чтобъ Новгородъ оставался нейтральнымъ и выбиралъ себѣ князя изъ какой линіи хочетъ [190]. Это второе позволеніе, которое Новгородцы получили отъ князей выбирать себѣ правителя по волѣ [191]. Всеволодъ согласился на это условіе, зная, что Новгородъ не избѣгнетъ его власти и самъ отречется отъ права безполезнаго. Возвратившись домой, В. Князь отпустилъ въ Новгородъ одного изъ задержанныхъ, но другихъ оставилъ у себя. Новгородцы, оскорбленные этимъ поступкомъ, и желая воспользоваться вышесказаннымъ правомъ, выгнали Ярослава и послали къ Черниговскому князю за сыномъ [192]. Но уже прошло то время, когда изгнанные князья выѣзжали, не думая о мести; уже Святославъ Ростиславичь, надѣясь на помощь Андрея, не хотѣлъ спокойно оставить области Новгородскія; Ярославъ Владиміровичь послѣдовалъ его примѣру: онъ засѣлъ въ Торжкѣ, и спокойно бралъ дани по верху, Мстѣ и даже за Волокомъ, а В. Князь перехватывалъ вездѣ Новгородцевъ и не пускалъ изъ Владиміра [193]. Тогда сильная сторона Ярославова опять восторжествовала [194]: рѣшено было выслать Ярополка Ярославича Черниговскаго и снова принять Ярослава. Всеволодъ, не желая, чтобъ Новгородцы присвоивали себѣ право ссориться и мириться съ своими князь-

ями безъ вѣдома Великаго, вызвалъ Ярослава изъ Торжка во Владиміръ, и заставилъ Новгородскихъ пословъ пріѣхать за нимъ туда и просить его отъ руки В. Князя [195]. Самые лучшіе граждане отправлены были послами: они едва могли испросить прощеніе, и должны были отдаться на всю волю В. Князя [196]. Такъ во второй разъ Новгородъ лишился пріобрѣтенныхъ вольностей; съ этихъ поръ Всеволодъ началъ поступать съ Новгородомъ, какъ поступалъ Мономахъ и старшій сынъ его: въ 1199 году онъ вызвалъ Ярослава, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ явиться Епископу, посаднику и лучшимъ гражданамъ за сыномъ своимъ, десятилѣтнимъ Святославомъ. На дорогѣ преставился Епископъ Мартирій: Всеволодъ, вопреки старому обычаю Новгородцевъ — выбирать Владыку на вѣчѣ, самъ выбралъ и послалъ къ нимъ Епископа Митрофана, котораго потомъ отправили къ Митрополиту на поставленіе съ Новгородскими мужами и Всеволодовыми [197]. Тишина водворилась въ Новгородѣ, какъ во времена Мономаха. Чрезъ пять лѣтъ Всеволодъ вывелъ Святослава за малолѣтствомъ, и прислалъ старшаго сына своего, Константина: Новгородцы обрадовались, увидавъ у себя взрослаго и самостоятельнаго князя, избавлявшаго ихъ отъ управленія бояръ Владимірскихъ, опекуновъ Святославовыхъ. Смѣна князя повлекла за собою, по обыкновенію, смѣну посадника [198]. Въ 1208 году В. Князь показалъ въ Новгородѣ всё свое самовластіе, ибо условіе не казнить безъ объявленія вины не существовало болѣе: онъ послалъ въ Новгородъ мужа своего Лазаря и посадникова брата, Бориса Мирошкинича, съ повелѣніемъ убить какого-то Алексѣя Сбыславича на дворѣ Ярослава, и убили его *безъ вины*, прибавляетъ лѣтописецъ [199]. Въ 1209 году пошелъ Всеволодъ на Черниговъ [200] и велѣлъ Новгородскому князю съ полками слѣдовать за собою въ походъ. Войска соединились въ Москвѣ, но вмѣсто Чернигова пошли на Рязань. Довольный Новгородцами за ихъ храбрость, В. Князь отпустилъ ихъ изъ Коломны домой, одаривъ безъ числа и, такъ какъ онъ оставлялъ Константина при себѣ, то въ отсутствіе князя позволилъ имъ управиться по прежнему съ нелюбимыми чиновниками, сказавъ: „любите добрыхъ и казните злыхъ.“ Новгородцы обрадовались случаю: они ненавидѣли посадника Дмитрія Мирошкинича за его корыстолюбіе, и такъ какъ посадникъ самъ, по причинѣ ранъ, оставленъ былъ В. Княземъ во Владимірѣ, то граждане созвали вѣче на братьевъ его (которые, какъ мы видѣли, были ревностными исполнителями воли В. Князя вопреки правамъ

В. Новгорода), зажгли ихъ домы, разграбили имущество, поклялись не держать у себя дѣтей Дмитріевыхъ и просили прибывшаго между тѣмъ князя Святослава Всеволодовича отправить ихъ въ Ростовскую область въ заточеніе.

Новгородцы думали, что Всеволодъ возвратилъ имъ опять прежнія вольности, но обманулись въ своей надеждѣ. Святославъ началъ поступать по Суздальскому обычаю, т. е. не обращая вниманія на старые ряды Новгородцевъ съ князьями. Нѣкоторые изъ оскорбленныхъ имъ гражданъ попытались возвратить прежній порядокъ вещей, принять князя на всей своей волѣ, и между тѣмъ такого, который бы умѣлъ защитить ихъ отъ гнѣва В. Князя. Въ Торопцѣ княжилъ тогда знаменитый сынъ славнаго отца, Мстиславъ Мстиславичь Удалой, наслѣдственный врагъ потомства Юріева и вводимаго имъ новаго порядка вещей. Новгородцы обратились къ нему съ просьбою избавить ихъ отъ насилія Суздальскаго. Удалой согласился. Зная однако, что въ случаѣ избранія его Новгородцами месть Всеволода падетъ на несчастный Торжекъ, Мстиславъ поспѣшилъ занять этотъ городъ и оттуда послалъ ко Св. Софіи предложить гражданамъ избавленіе отъ насилій; Новгородцы охотно его приняли, а Святослава заключили въ домѣ архіепископскомъ. Новый князь немедленно отправился въ походъ на встрѣчу рати Всеволодовой; однако дѣло не дошло до кровопролитія: В. Князь, боясь за сына своего, задержаннаго Новгородцами, зная необыкновенную храбрость и воинское искусство Удалаго, помня пораженіе, претерпѣнное войскомъ могущественнаго Андрея отъ отца Мстиславова, примирился съ Новгородцами и Княземъ ихъ, довольствуясь тѣмъ, что Святославъ былъ освобожденъ и Мстиславъ призналъ себя сыномъ В. Князя, который, съ своей стороны, отпустилъ всѣхъ захваченныхъ имъ купцовъ Новгородскихъ. Такъ разсказываетъ это событіе лѣтопись Новгородская и нѣкоторые другіе списки; совершенно иначе представляетъ дѣло Татищевъ: В. Князь, по словамъ его, отправилъ на Мстислава троихъ сыновей своихъ Константина, Юрія и Ярослава; Новгородцы испугались и послали къ Константину просить міра, отправивъ вмѣстѣ и захваченнаго ими Святослава и надлежащую В. Князю дань. Константинъ, слѣдуя всегдашней своей умѣренности, вопреки совѣту младшихъ братьевъ, согласился на миръ, въ слѣдствіе котораго Мстиславъ удалился назадъ въ Торопецъ, и на его мѣсто В. Князь прислалъ сына своего Владиміра. Новгородцы, видя тщету своего возстанія, излили ярость на тѣхъ, которые

уговорили ихъ къ нему: они хотѣли умертвить друзей Мстиславовыхъ, и едва были укрощены Владыкою. Но въ 1211 году Новгородцы снова послали за Мстиславомъ; тогда Владиміръ, опасаясь участи брата, уѣхалъ тотчасъ къ отцу, а Мстиславъ безпрепятственно вступилъ въ Новгородъ и удержался въ немъ [201]. Къ этому-то второму вступленію Мстислава въ Новгородъ и должно отнести договоръ его со Всеволодомъ о старшинствѣ послѣдняго. В. Князь, чувствуя приближеніе смерти и ослабѣвъ духомъ, вѣроятно не хотѣлъ оставить дѣтямъ своимъ непримиримаго врага въ особѣ храбрѣйшаго изъ потомковъ Мономаховыхъ. Какъ бы то ни было, Новгородцы освободились отъ В. Князя Владимірскаго и приняли къ себѣ князя на всей волѣ своей; но ихъ хотѣніе исполнялось не долго. Въ 1215 году Мстиславъ, призываемый дѣлами на Югъ, оставилъ Новгородъ, не назначивъ преемника, но давъ гражданамъ волю выбирать себѣ князя какого хотятъ [202]. Новгородцы долго думали, наконецъ послали за Ярославомъ Всеволодовичемъ, братомъ новаго В. Князя Владимірскаго, Юрія II-го. Мы видѣли, какъ въ Ростовской области борьба старшихъ городовъ съ младшими, или пригородами, и побѣда послѣднихъ, повлекли за собою преимущество младшаго брата надъ старшимъ, торжественно признанное Всеволодомъ III въ слѣдствіе непослушанія старшаго сына его Константина, хотѣвшаго-было возвратить прежній порядокъ вещей. Всеволодъ III умеръ; ни Ростовцы, ни князь ихъ не хотѣли подчиниться волѣ покойнаго; вражда между братьями нѣсколько разъ вспыхивала, но Константинъ не имѣлъ довольно силы противиться Юрію: скоро дождался онъ вѣрнаго союзника. Братъ его Ярославъ принесъ въ Новгородъ Владимірскія првычки; Новгородцы не отставали отъ своихъ обычаевъ, считая Ярослава княземъ, призваннымъ на всей волѣ ихъ. Тогда Ярославъ, наскучивъ старыми вѣчниками, вздумалъ поступить съ ними также, какъ дядя его Андрей поступилъ съ Ростовцами. Онъ покинулъ Новгородъ, оставивъ въ немъ своего намѣстника, а самъ удалился въ пригородъ Торжекъ [203], утвердилъ тамъ свое пребываніе, и для приведенія Новгорода въ свою волю, запретилъ пускать туда съѣстные припасы. Удручаемые голодомъ, Новгородцы молили князя возвратиться къ Св. Софіи: Ярославъ не внималъ просьбамъ. Тогда геній старой Руси, Удалой является внезапне среди гражданъ и воспламеняетъ ихъ мужество: „не быть Торжку Новгородомъ и Новгороду Торжкомъ", сказалъ онъ [204] и пошелъ на Ярослава, и повелъ за собою старую Русь — Новгородцевъ,

Псковичей, Смольнянъ. Старшій князь старшаго города, Константинъ соединилъ со Мстиславомъ свою дружину; Георгій Владимірскій и братъ его Святославъ соединились съ Ярославомъ; страшно было глядѣть, говорятъ лѣтописцы: сынъ шелъ на отца, братъ на брата [205]. Тщетно старые бояре говорили молодымъ князьямъ: „Новгородцы, Псковичи и Смольняне окрѣпли въ битвахъ междоусобныхъ; Владимірцы и Суздальцы къ нимъ не привыкли: имъ не выдержать удара храбрѣйшаго и опытнѣйшаго изъ вождей [206]." Князья не слушались ихъ и уже дѣлили заранѣе города, и Новгородъ, и Кіевъ, и Галичъ, надѣясь, что превосходство силъ ихъ сокрушитъ разомъ древнюю Русь и дастъ имъ возможность начать новую исторію; но молодость обманула ихъ: потребна была не одна битва, но цѣлые вѣка бѣдствій и кровопролитій для утвержденія новаго порядка вещей. Предсказаніе старыхъ бояръ сбылось: побѣда осталась за старою Русью. Новгородъ со Мстиславомъ восторжествовали надъ Ярославомъ, Константинъ надъ Георгіемъ, но это торжество было не продолжительно. Чувствуя приближеніе смерти, Константинъ передалъ старшинство опять Георгію; Мстиславъ снова покинулъ Новгородъ для Юга. Оставленные самимъ себѣ, Новгородцы призвали изъ Смоленска Святослава Мстиславича, сына Кіевскаго князя Мстислава Романовича [207]: такъ Липецкая битва освободила ихъ отъ страха предъ Владимірскими князьями, и они снова обратились къ старшей линіи Мономаховичей. Они приняли Святослава на всей волѣ своей: между прочимъ онъ цѣловалъ имъ крестъ не лишать никого ни должности, ни имущества, ни жизни, безъ объявленія вины [208]. Въ это время Новгородцы находились на высшей степени своего могущества: они свергнули иго самовластныхъ князей, одержали блистательную побѣду надъ ними, возвратили своею храбростію право, похищенное у старшаго князя; наконецъ по удаленіи Мстислава, оставленные самимъ себѣ, они могли вызвать князя, какого хотѣли, не опасаясь ни откуда стѣсненія; въ это время они могли по справедливости говорить: „кто противъ Бога и В. Новгорода!" слѣд. къ этому времени должно отнести самое полное развитіе Новгородскаго народовластія. Въ 1206 году одинъ гражданинъ, совершивъ преступленіе, бѣжалъ. Посадникъ Твердиславъ велѣлъ догнать его и отдалъ князю для наказанія. Вдругъ пронеслась вѣсть по городу, что посадникъ выдалъ князю преступника несправедливо. Два конца: Онипoловскій и Неревскій собрали вѣче противъ Твердислава; князь, испуганный волненіемъ, освободилъ захваченнаго преступника, безъ

оправданія и безъ обвиненія, въ угоду двумъ только отдѣленіямъ города. Но возставшій народъ не удовольствовался робостію князя, вооружился и пошелъ на посадника; за послѣдняго стали два другіе конца, а жители пятаго спокойно смотрѣли на междоусобіе: 8 человѣкъ были убиты, множество переранено, вѣче продолжалось цѣлую недѣлю, наконецъ враждебные концы примирились [209]. Но сколько Новгородцы были небрежны въ установленіи внутренняго наряда въ городѣ, столько на оборотъ ревностно охраняли права свои въ отношеніи къ князю. Святославъ, видя недоброжелательство извѣстной части народонаселенія къ посаднику, ему непріятному, послалъ тысяцкаго объявить гражданамъ о смѣнѣ посадника; граждане спросили объ винѣ смѣняемаго; князь, позабывъ скрѣпленныя присягою условія, отвѣчалъ „безъ вины!" тогда граждане напомнили ему клятву, и Твердославъ остался посадникомъ [210]. Въ 1219 году В. Князъ Кіевскій Мстиславъ Романовичь смѣнилъ Святослава и на мѣсто его прислалъ другаго сына, Всеволода. Всеволодъ наслѣдовалъ вражду брата своего къ Твердиславу; однако граждане стали опять за посадника, и князь принужденъ былъ мириться при посредствѣ Владыки [211]. Новгородцы, призывая Князя для наряда, ненавидѣли его нарушителей, и потому положили выслать Всеволода, что могли сдѣлать безпрепятствнно, ибо съ одной стороы не могли опасаться мести отъ далекаго В. Князя Кіевскаго, а съ другой имѣли еще В. Князя, Юрія Владимірскаго, который, помня Липецкую битву, не будетъ неуступчивъ при заключеніи условій: и точно Юрій обрадовался предложенію Новгородцевъ, осыпалъ дарами пословъ нхъ, и отпустилъ сына Всеволода на всей волѣ Новгородской [212]. Такъ обстоятельства заставили Сѣверныхъ князей отложить на время борьбу со старымъ городомъ, однако не надолго. Прежніе князья Южные часто оставляли Новгородъ, стремясь поближе къ Кіеву; Сѣверные князья покидаютъ Новгородъ, не любя господствующаго въ немъ порядка вещей, отъ котораго они отвыкли въ своихъ новопостроенныхъ городахъ. Осьмилѣтнему Всеволоду или, лучше сказать, боярамъ его, не понравилось въ Новгородѣ: они взяли малютку князя и удалились тайно ночью въ Суздальскую область. Опечаленные Новгородцы послали къ В. Князю просить брата его Ярослава, надѣлавшаго имъ столько зла предъ Липецкою битвою [213]. Но и этотъ недолго у нихъ оставался: въ слѣдующемъ же году онъ выѣхалъ въ свой Переяславль, не смотря на всѣ просьбы Новгородцевъ; они послали опять за Всеволодомъ [214]. На слѣду-

ющій годъ (знаменитый 1224) В. Князь рѣшился возобновить съ Новгородцами поведеніе отца своего: Всеволодъ вторично оставилъ Новгородъ, но, подражая дядѣ, занялъ Торжокъ; къ нему на помощь пришелъ самъ отецъ, братъ его Ярославъ, племянникъ Василько Ростовскій и шуринъ Михаилъ Черниговскій. Новгородцы прислали просить В. Князя вывести войско изъ ихъ областей, и отпустить къ нимъ опять Всеволода. Георгій требовалъ выдачи семи гражданъ, наиболѣе его сыну непріязненныхъ. Новгородцы не забыли еще Липецкой битвы, и поклялись умереть за Св. Софію, а не выдавать братью на вѣрную гибель. Юрій, видя рѣшимостъ Новгородцевъ, предложилъ имъ въ Князья шурина своего, Михаила Черниговскаго, а за обвиненныхъ гражданъ требовалъ выкупа въ 7000 гривенъ. Новгородцы согласились [215].

Южный князь изъ стараго города былъ по нраву Новгородцамъ: имъ было легко при немъ [216]; но Михаилъ любилъ Югъ, и покинулъ Новгородъ, подобно Мстиславу, не смотря на всё усердіе и просьбы гражданъ, которые принуждены были снова послать за княземъ Переяславскимъ. Три года жилъ Ярославъ въ Новгородѣ; неповиновеніе Псковитянъ и согласіе Новгородцевъ съ своими младшими братьями раздосадовали князя; онъ уѣхалъ въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ двоихъ сыновей Александра и Өеодора съ двоими боярами. Отсутствіе князя нарушило нарядъ и подало поводъ къ вѣчамъ. Приписывая продолжительную оттепель недостоинству своего Архіепископа, суевѣрные Новгородцы изгнали кроткаго Святителя, разграбили домы многихъ знатныхъ гражданъ, и не будучи въ состояніи сидѣть безъ князя, послали сказать Ярославу: „пріѣзжай къ намъ, но безъ самоуправства; будь на всей нашей волѣ, исполняй свято грамоты Ярославовы, а иначе намъ тебя не нужно [217].“ Вмѣсто отвѣта бояре Ярослава взяли обоихъ молодыхъ князей, и ночью убѣжали съ ними къ отцу. Тогда Новгородцы послали опять за Михаиломъ Черниговскимъ, который цѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, далъ большія льготы смердамъ и подтвердилъ распоряженіе прежнихъ князей [218]. Приверженцы Ярослава принуждены были отплачиваться деньгами, но самъ Ярославъ не думалъ угождать Новгородцамъ: послѣдніе послали требовать у него Волока и захваченныхъ волостей и товаровъ; князь отвѣчалъ: „захваченнаго не отдаю и креста вамъ не цѣлую, между мною и вами нѣтъ теперь ничего общаго [219].“

Частая смѣна В. Князей, производившая смѣну князей въ Новгородѣ, равно какъ добровольный уходъ послѣднихъ, ослабили связь между ними и гражданами, заставили послѣднихъ недовѣрять имъ, принимать мѣры для своей безопасности, ограничивать власть ихъ. Съ другой стороны это самое ограниченіе, условія, изгнаніе въ случаѣ ихъ неисполненія, отвратили князей отъ Новгорода: они смотрѣли на него, какъ на удѣлъ въ случаѣ крайней нужды, и оставляли его при первой возможности. Князья Сѣверные, болѣе сильные, начали дѣлать безпрестанныя попытки перемѣнить существующій въ Новгородѣ порядокъ вещей, упрочить свои къ нему отношенія, сдѣлать его своею собственностію; князья Южные, менѣе сильные и неумѣющіе понимать новаго порядка вещей, начавшагося на Сѣверѣ, поступали противоположнымъ образомъ: не имѣя вовсе притязаній на постоянное обладаніе для себя и для потомства, они усиливали вольности гражданъ для пріобрѣтенія ихъ расположенія, для чести именоваться княземъ старѣйшаго изъ городовъ, для нѣкоторыхъ денежныхъ выгодъ, для того, чтобъ имѣть готовый удѣлъ на всякій случай, чтобъ *кормить имъ* дѣтей своихъ. Такъ Михаилъ, принявъ достоинство князя Новгородскаго, не думалъ объ исполненіи своей обязанности, занимался исключительно дѣлами Юга, и былъ постоянно въ отлучкѣ, оставляя въ Новгородѣ малолѣтнаго сына Ростислава безъ власти и вліянія. Новгородцы, имѣя повидимому князя, были однако совершенно предоставлены самимъ себѣ: страшныя смятенія господствовали во все время отсутствія Михаилова. Степенный посадникъ Водовикъ началъ котору съ сыномъ знаменитаго Твердислава, цѣлый городъ принялъ въ ней участіе: вѣча, усобицы, грабежи, кровопролитія не прерывались [220], Михаилъ не возвращался, вопреки обѣщанію, сынъ его уѣхалъ въ Торжекъ, Ярославъ грозилъ войною, Новгородцы слѣд. нуждались и въ нарядѣ внутреннемъ, и въ защитѣ внѣшней, князь былъ необходимъ; они объявили Михаила лишеннымъ этого достоинства, какъ измѣнившаго обѣщанію, и послали за Ярославомъ [221]. Каковы же долженствовали быть условія принятія Ярослава? Необходимость была на сторонѣ Новгородцевъ, а не Ярослава, слѣд. условія не могли быть въ пользу пêрвыхъ, т. е. Новгородцы должны были принять князя на всей волѣ его, такъ говорятъ источники, которыми пользовался Татищевъ, совершенно иначе Новгородская лѣтопись [222]; всё заставляетъ насъ вѣрить болѣе первымъ, нежели второй, которая могла погрѣшить

въ пользу своихъ. Какъ бы то ни было, Ярославъ прибылъ въ Новгородъ, но чрезъ двѣ недѣли уѣхалъ опять въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ вторично сыновей Ѳеодора и Александра: такъ бѣдный, но *свой* пригородъ былъ пріятнѣе Сѣверному князю, чѣмъ богатый, но невѣрный Новгородъ. Отсутствіе князя условливало отсутствіе наряда: въ Новгородѣ произошелъ сильный мятежъ, ибо князя не было, говоритъ лѣтописецъ [223]. Пренебрегая одною изъ своихъ обязанностей, обязанностію судьи и миротворца, Ярославъ не пренебрегалъ однако второю, и во всѣхъ нужныхъ случаяхъ являлся защитникомъ Новгорода отъ враговъ внѣшнихъ. Въ 1239 году ему достался Кіевъ; знаменитый Александръ остался одинъ въ Новгородѣ [224]. А между тѣмъ пришли Татары и довершили раздвоеніе Руси: Русь новая, Сѣверо-восточная освободилась совершенно отъ вліянія старой, Южной, стала жить своимъ собственнымъ обычаемъ, въ ней самой начало воспріявшимъ; города и области уже не переходятъ здѣсь отъ одного князя къ другому, или лучше сказать, князья не странствуютъ изъ одного города въ другой, наблюдая старшинство. Ярославъ Всеволодовичь, получивъ В. Княженіе, не поѣхалъ во Владиміръ, но остался въ своемъ Переяславлѣ, который онъ и прежде предпочиталъ Новгороду; одинъ Новгородъ Великій являлся на Сѣверѣ представителемъ стараго быта Руси, былъ одинокъ и потому безсиленъ среди маленькихъ пригородовъ, но могущественныхъ своимъ соединеніемъ; на одинъ Новгородъ будетъ обращена теперь ненависть этихъ новыхъ городковъ къ старымъ вѣчникамъ, ихъ прежнимъ владыкамъ; ихъ князья будутъ стараться княжить въ немъ какъ въ своихъ пригородахъ, и кто защититъ его отъ ихъ притязаній? Ни одинъ воинственный князь не явится изъ Южной Руси для обороны стараго города: Липецкій герой побѣжденъ Татарами за то, что которовался съ братіею на Калкѣ; Михаилъ замученъ тѣми же Татарами; тщетно Новгородъ будетъ обращаться къ старой Руси, выбирать между Москвою и Кіевомъ: выборъ будетъ тяжелъ для стараго города, ибо на Югѣ дѣла идутъ уже не по старинѣ: тамъ Литва, тамъ Латинство!

Новгородцы любили сражаться подъ знаменами Невскаго героя, но часто не могли ужиться съ нимъ, какъ съ правителемъ: Александръ былъ родной внукъ Всеволода III-го! Въ 1240 году онъ долженъ былъ выѣхать изъ Новгорода, разсорившись съ

гражданами. Новгородцы послали къ В. Князю просить другаго сына его, Андрея. Ярославъ согласился; но Литва, Нѣмцы и Чудь напали на область Новгородскую: надобно было опять Александра, и Новгородцы его выпросили [225], на какихъ условіяхъ, неизвѣстно, но вѣроятно не на всей своей волѣ: мы увидимъ послѣ самовластіе Александра [226] въ Новгородѣ: жалобы гражданъ на это самовластіе остались въ договорахъ ихъ съ братомъ Александровымъ. Скоро Невскій сталъ В. Княземъ, и отдалъ Новгородъ сыну Василью. Отношенія и тутъ не перемѣнились; Новгородцы послали Владыку Далмата къ В. Князю для подтвержденія старыхъ грамотъ, Александръ медлилъ; эта медленность вывела изъ терпѣнія вольныхъ людей: они выгнали Василія и призвали дядю его Ярослава Ярославича. Новгородцы поступили по старому своему обычаю, изгнанный князь и отецъ его по новой привычкѣ Сѣверныхъ князей: Василій остался въ Торжкѣ и ждалъ отца; послѣдній не замедлилъ явиться съ войскомъ; устрашенный Ярославъ убѣжалъ, и граждане были оставлены на жертву гнѣвному В. Князю и гибельному раздвоенію, господствовавшему въ стѣнахъ самого города: Бояре отдѣлили свои интересы отъ интересовъ остальнаго народонаселенія, и составили заговоръ побѣдить младшихъ гражданъ и ввести князя на всей волѣ своей. Но заговоръ не удался, младшіе граждане вооружились и дали другъ другу клятву не уступать князю, если онъ будетъ требовать выдачи своихъ враговъ. Александръ точно потребовалъ сперва выдачи посадника, но увидя стойкость народа, согласился на его смѣну и заключилъ миръ на всей своей волѣ, говорятъ источники Татищева; на всей волѣ Новгородской, говоритъ Новгородская лѣтопись [227]. И тѣ, и другая правы: Новгородская воля исполнилась потому, что граждане не выдали князю свою братью, а княжеская потому, что посадникъ былъ смѣненъ и все осталось по прежнему. Но спокойствіе было непродолжительно: страшная вѣсть о переписи Монгольской подала поводъ къ волненіямъ. Посадникъ сталъ-было уговаривать народъ къ покорности: его убили [228]. Самъ сынъ Александра былъ противъ переписи и удалился во Псковъ; раздраженный В. Князь послалъ ослушника въ Восточныя области и жестоко наказалъ его совѣтниковъ. Власть В. Князя и сила Татарская, подкрѣпленная согласіемъ богатѣйшей части народонаселенія, принудили остальную къ покорности; перепись была сдѣлана; Александръ далъ Новгородцамъ другаго сына своего Димитрія [229]. Самовластіе В. Князя въ отношеніи къ Новгороду кон-

чилось смертію Александра: весь Сѣверъ повиновался послѣднему, слѣд. у Новгородцевъ не было возможности выбора; но теперь снова начнутся усобицы, снова ослабѣетъ на время власть В. Князя, опять представится возможность выбора изъ многихъ соперниковъ, и народовластіе въ Новгородѣ опять усилится. Ярославъ Ярославичь Тверской занялъ по старшинству престолъ великокняжескій: Новгородцы выслали Димитрія Александровича, и послали къ Ярославу въ Тверь съ предложеніемъ княжескаго достоинства и условій. Ярославъ сдѣлалъ шагъ впередъ въ отношеніяхъ Новгородскихъ: до сихъ поръ Новгородъ принадлежалъ В. Князьямъ, какъ В. Князьямъ, которые посылали туда сыновей своихъ или родичей. Ярославъ по примѣру отца, хочетъ владѣть Новгородомъ, какъ пріобрѣтенною собственностію, для чего принимаетъ титулъ Великаго Князя Новгородскаго, не посылаетъ въ Новгородъ ни сыновей, ни родичей, но правитъ имъ самъ, или чрезъ намѣстниковъ-бояръ. Ярославъ видѣлъ соперниковъ въ дѣтяхъ Невскаго, зналъ, что право старшинства теперь болѣе ненадежно, и согласился на условія [230]. Рядъ Новгородцевъ съ Ярославомъ дошелъ до насъ во всей полнотѣ въ двухъ грамотахъ; Новгородцы называютъ предложенныя В. Князю условія древними [231], и справедливо: быть можетъ они были предложены въ первый разъ Всеволоду, внуку Мономахову; Новгородцы не забыли внести въ условія, чтобъ поступки Невскаго не повторялись [232]. Они повторились, Ярославъ не исполнилъ условій. Новгородцы, объявивъ вины князя, требовали, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ города ихъ [233], надѣясь найти защитника въ сынѣ Невскаго, но на этотъ разъ обманулись въ надеждѣ: Димитрій Александровичь, гнѣваясь за прежнее изгнаніе, велѣлъ повѣстить Новгородцамъ, что не можетъ занять ихъ стола мимо воли старшаго, а между тѣмъ Ярославъ послалъ въ Орду съ клеветою на Новгородцевъ въ непослушаніи Хану и съ просьбою о помощи. Страшная опасность начинала грозить Новгороду, какъ вдругъ явился защитникъ въ особѣ брата великокняжескаго, Василія Ярославича: онъ поѣхалъ въ Орду, и оправдалъ тамъ Новгородцевъ. Ярославъ былъ предоставленъ собственнымъ силамъ: противъ нихъ Новгородцы могли еще бороться, и поклялись не уступать князю. Уступчивость Ярослава еще болѣе усилила ихъ рѣшимость; наконецъ Митрополитъ вступился въ дѣло и примирилъ враждующихъ на всей волѣ Новгородской: Ярославъ снова обязался условіями [234]. Такъ усиленіе и ослабленіе Новгородскаго народовластія слѣдовало за

ослабленіемъ и усиленіемъ власти великокняжеской; такъ Новгородцы утратили права при Всеволодѣ III-мъ, возвратили ихъ во время борьбы его наслѣдниковъ, снова утратили при Александрѣ и опять возвратили при его преемникѣ, слабомъ силами матеріальными и личнымъ достоинствомъ. Теперь наступаетъ періодъ времени, который для Новгородскаго народовластія въ особенности былъ столь же благопріятенъ, какъ и періодъ времени отъ смерти Мстислава Великаго до Боголюбскаго; наступаетъ время борьбы между дѣтьми Невскаго, а потомъ между Тверью и Москвою. Но между борьбою Мономаховичей съ Ольговичами, Мстиславичей съ Юрьевичами, и борьбою Андрея Городецкаго съ Димитріемъ Переяславскимъ, и Москвы съ Тверью, было большое различіе: тамъ боролись за старшинство, за первенство между князьями равными, здѣсь борятся за то, кому быть сильнѣе всѣхъ, кому подчинить себѣ всѣхъ прочихъ, и потому первая борьба окончилась всеобщимъ безсиліемъ, вторая усиленіемъ одного княжества на счетъ всѣхъ другихъ; при окончаніи первой борьбы Новгородъ явился могущественнымъ и независимымъ, при окончаніи второй онъ долженъ былъ необходимо пасть, хотя бы въ продолженіе ея и успѣлъ усилить свое народовластіе.

По смерти Ярослава Тверскаго, князья предоставили Новгородцамъ право выбора: Василій Ярославичъ Костромской, старшій въ родѣ Ярослава Всеволодовича, и Димитрій Переяславскій, старшій изъ сыновей Невскаго, прислали въ Новгородъ просить княженія [235]. Новгородцы выбрали Димитрія; Татищевъ представляетъ причину такого поступка: Василій, по его словамъ, какъ В. Князь, отправилъ въ Новгородъ намѣстниковъ съ повелѣніемъ отвергнуть грамоты брата своего [236], слѣд. Новгородцы выбрали того, кто согласился княжить у нихъ на всей ихъ волѣ. Однако В. Князь, по примѣру всѣхъ предшественниковъ, не думалъ уступать своихъ правъ: при помощи Татаръ и племянника своего, князя Тверскаго, онъ воевалъ Новгородскія волости и захватывалъ купцовъ въ землѣ Низовской: тогда Новгородцы *захотѣли* Василія, говоритъ лѣтопись, и Димитрій, не дожидаясь изгнанія, добровольно удалился въ свой Переяславль [237]. Какъ былъ принятъ Василій въ Новгородѣ, можно судить по слѣдующимъ извѣстіямъ: въ лѣтописи сказано, что Новгородцы *поклонились* ему, а Татищевъ говоритъ, что В. Князь наказалъ своихъ противниковъ, въ числѣ которыхъ былъ Тысяцкій [238]; судя по обстоятель-

ствамъ, съ вѣроятностію можно положить, что условія были отмѣнены.

Въ 1276 году Василій скончался: Новгородцы призвали Димитрія Александровича. Новый Князь просилъ у Новгородцевъ позволенія поставить для себя крѣпость Копорье на ихъ землѣ они сперва согласились, но потомъ, когда Димитрій, въ качествѣ строителя, началъ располагать новою крѣпостью, какъ своимъ достояніемъ, и ввелъ въ неё свою дружину, перемѣнили мысли; В. Князь не хотѣлъ отдать имъ назадъ разъ уступленнаго, за что и возгорѣлась вражда. Димитрій явился съ войскомъ въ области Новгородской и причинилъ ей сильное опустошеніе; Владыка содѣйствовалъ заключенію мира на волѣ князя [239]; послѣдній оставилъ дружину свою въ Копорьѣ. Но скоро В. Князь былъ смѣненъ и Новгородцы освободились отъ обязанности исполнять волю Димитрія. Андрей возсталъ на брата и привелъ Татаръ; изгнанный изъ Переяславля, Димитрій хотѣлъ было водвориться въ своемъ новомъ городкѣ Копорьѣ, но Новгородцы воспользовались его несчастіемъ, и силою не пустили его въ Копорье. Новый В. Князь былъ признанъ и Новгородцами и принятъ съ честію; зная непрочность своего положенія, предвидя, что Димитрій можетъ воспользоваться имъ же самимъ указанными средствами, Андрей хотѣлъ обезпечить себя на счетъ Новгорода, имѣть тамъ на всякій случай безопасное убѣжище. Съ этою цѣлію онъ пріѣхалъ въ Торжекъ, и вызвавъ туда посадника съ знатнѣйшими гражданами, цѣловалъ крестъ не уступать никому никогда Новгорода. Новгородцы не предвидя ничего добраго со стороны оскорбленнаго ими Димитрія, съ радостію поклялись не искать другаго князя, кромѣ Андрея, но жестоко были обмануты послѣднимъ. Въ томъ же году страшный Ногай прислалъ грамоту въ пользу Димитрія: Андрей отказался отъ В. Княженія и отъ Новгорода; мало того, когда Новгородцы, съ своей стороны, хотѣли исполнить обѣщаніе, онъ самъ пошелъ на ихъ волость съ полками Димитріевыми [240]. Новгородцы принуждены были признать Димитрія, вѣроятно не на выгодныхъ для себя условіяхъ: они отдали ему Волокъ; Татищевъ говоритъ также о наказаніи людей, ему непріязненныхъ [241]; страшное возстаніе на пріятеля Андрея, знаменитаго боярина и посадника Семена Михайловича, было безсмысленнымъ выраженіемъ народнаго негодованія на неудачу, отъ обстоятельствъ зависѣвшую [242]. Между тѣмъ и другіе города не были спокойнѣе, ибо усобицы братьевъ не прекращались: Андрей

привелъ опять Татаръ на Димитрія; Новгородцы опять передались Андрею, и взяли обратно Волокъ у Димитрія [243]. — Димитрій скоро умеръ; правленіе Андрея было бурно; смерть его подала поводъ еще къ бо̀льшимъ смятеніямъ, причиненнымъ борьбою Москвы съ Тверью [244]. Тверичи, обрадовавшись, что городъ ихъ будетъ столицею В. Князя, ибо право старшинства было на сторонѣ Михаила, и пользуясь случаемъ унизить ненавистныхъ вѣчниковъ стараго города, отправили, въ отсутствіе князя, намѣстниковъ въ Новгородъ; Новгородцы не пустили ихъ, пославъ сказать Тверичамъ, что еще неизвѣстно, получитъ ли князь ихъ старшинство отъ Хана [245]. Михаилъ возвратился изъ Орды съ ярлыкомъ и былъ принятъ Новгородцами на всей ихъ волѣ [246]. В. Князю нельзя было много спорить: у нихъ была возможность выбора изъ двоихъ соперниковъ. Между тѣмъ новый порядокъ вещей, утвердившійся на Сѣверѣ, произвелъ перемѣну въ отношеніяхъ В. Князей къ Новгороду: на Сѣверѣ удѣлъ князя, разъ ему данный, былъ отъ него неотъемлемъ; В. Князь не могъ уже перемѣщать своихъ родственниковъ изъ одного города въ другой, заставлять ихъ ѣздить въ Новгородъ въ качествѣ его намѣстниковъ; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ оставить свой вѣрный удѣлъ для невѣрнаго Новгорода: отсюда В. Князь нашелся въ необходимости посылать въ Новгородъ намѣстниками уже не князей, но бояръ своихъ. Это появленіе великокняжескихъ бояръ въ Новгородѣ съ одной стороны содѣйствовало усиленію народовластія, ибо князя чтили болѣе, чѣмъ простаго мужа, а съ другой, намѣстники, присланные изъ чуждаго княженія, смотрѣли враждебно на Новгородъ и на существующій въ немъ порядокъ вещей, пренебрегая выгодами ненавистныхъ старыхъ вѣчниковъ этсюда новыя причины неудовольствій [247]. Въ 1312 году началась ссора Новгородцевъ съ Михаиломъ, ссора опасная по близкому сосѣдству столицы великокняжеской: Михаилъ тотчасъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода, не пустилъ туда съѣстныхъ припасовъ, занялъ Торжекъ и Бѣжецкій Верхъ со всею волостью. Новгородцы принуждены были послать Владыку Давида въ Тверь за миромъ: Михаилъ отправилъ опять своихъ намѣстниковъ, *отворилъ ворота* въ Новгородъ [248], но взялъ за это съ него 1500 гривенъ серебра. Новгородцы увидѣли всю опасность своего положенія отъ сосѣдства Твери, и начали стараться какъ бы прекратить свою зависимость отъ ея князя; скоро представился къ этому благопріятный случай. Михаилъ уѣхалъ въ Орду и жилъ

тамъ два года; Новгородцы слѣд. были предоставлены вполнѣ его намѣстникамъ, которыхъ поведеніе не могло улучшиться послѣ недавняго событія; граждане обратились къ сопернику Михаилову, Князю Московскому, съ просьбою избавить ихъ отъ насилія Тверичей [249]; Юрій согласился, сперва отправилъ къ нимъ князя Θеодора Ржевскаго, а потомъ, когда послѣдній не допустилъ сына Михаилова вторгнуться въ Новгородскую область, пріѣхалъ самъ съ братомъ своимъ Аθанасіемъ и былъ принятъ съ радостію, ибо на всей волѣ Новгородской [250]. Новгородцы пользовались борьбою князей для утвержденія правъ своихъ, но должны были трепетать за нихъ каждую минуту, должны были заботливо слѣдить за склоненіемъ побѣды то на ту, то на другую сторону, и это безпрестанное склоненіе, эта жизнь среди безпрерывнаго безпокойства усиливали волненія внутреннія, но между тѣмъ усиливали энергію народа. Новгородцы, предавшись Князю Московскому, кончили навсегда съ Тверскимъ, отъ котораго не могли ожидать ничего болѣе, кромѣ вражды непримиримой, и потому должны были рѣшиться на отчаянную борьбу: они рѣшились. Ханъ, по жалобамъ Михаила, вызвалъ Георгія въ Орду; гибель Московскаго князя влекла за собою гибель Новгорода; они должны были поддерживать другъ друга: Новгородцы отправили въ Орду, вмѣстѣ съ Юріемъ, пословъ своихъ ходатайствовать за Московскаго Князя [251]. Между тѣмъ Михаилъ приближался съ войскомъ; Новгородцы съ княземъ Аθанасіемъ вышли къ нему на встрѣчу, но не съ просьбою о мирѣ. Сѣча была злая, говоритъ лѣтописецъ: Новгородцы потерпѣли страшное пораженіе и затворились въ Торжкѣ. Михаилъ не столько былъ озлобленъ на Новгородцевъ, сколько на брата Юріева и князя Ржевскаго; онъ обѣщалъ миръ съ условіемъ выдачи Аθанасія, Новгородцы отвергнули предложеніе; Михаилъ требовалъ, покрайней мѣрѣ, выдачи Θеодора: Новгородцы принуждены были согласиться, и кромѣ того обѣщались заплатить огромную сумму денегъ — 12,000 гривенъ серебра [252]. Потомъ В. Князь вызвалъ въ Тверь Аθанасія со многими боярами, для утвержденія ряда, и началъ принуждать ихъ къ уничтоженію условій: они не согласились принять на себя отвѣтственность предъ гражданами въ такомъ поступкѣ. Тогда раздраженный князь оставилъ ихъ у себя заложниками, раззорилъ Торжекъ, распродалъ его жителей, послалъ въ Новгородъ намѣстниковъ, и далъ посадничество изъ своей руки Михаилу Клементьевичу и Ивану Дмитріевичу [253]. Такъ,

казалось, долженъ былъ рушиться старый бытъ Новгорода предъ могуществомъ Тверскаго князя, однако Новгородцы еще не отчаявались: Михаилъ не былъ властителемъ независимымъ—надъ нимъ висѣлъ мечь Ханскій. Они отправили пословъ въ Орду съ жалобою на Михаила, послы были перехвачены [254]. Михаилъ рѣшился нанести послѣдній ударъ: онъ собралъ всю Низовскую землю, Новгородцы собрали всю свою волость и умертвили приверженцевъ Михаиловыхъ, виновныхъ или только подозрѣваемыхъ [255]; но не приспѣло еще время паденія Новгорода: собственная болѣзнь, моръ лошадей и дурныя вѣсти изъ Орды, заставили Михаила отступить [256]; отступленіе по дорогамъ невѣдомымъ было гибельно [257]. Новгородцы, надѣясь на примѣръ Боголюбскаго, который послѣ несчастнаго похода войскъ своихъ далъ имъ миръ и князя на всей ихъ волѣ, отправили Владыку къ Михаилу просить о выкупѣ задержанныхъ гражданъ; Михаилъ не согласился [258], думая управиться силою со старыми вѣчниками, но на этотъ разъ Москва спасла Новгородъ.

Въ 1318 году пришелъ Юрій изъ Орды. Михаилъ тотчасъ отправилъ въ Новгородъ пословъ съ требованіемъ присылки уполномоченныхъ для заключенія мира. Новгородцы прибыли въ Торжекъ и обѣщались Михаилу не держаться ни чьей стороны, потому что не имѣли еще о Георгіи никакой вѣсти [259]. Послѣдній скоро явился въ Тверскихъ предѣлахъ, вступилъ въ бой съ Михаиломъ, былъ разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ; Новгородцы охотно приняли зятя Ханскаго; это родство Юрія съ Узбекомъ заставило и Михаила примириться съ побѣжденнымъ. Тверскій Князь отказался ото всего захваченнаго насильемъ у Новгородцевъ и обязался не препятствовать ихъ торговли [260a]. Юрій не ссорился съ Новгородцами; обоюдныя выгоды заставили ихъ щадить другъ друга: Новгородцы видѣли въ Юріи защитника, которымъ они могли стращать Тверскихъ князей; Юрій, съ своей стороны, зналъ что Ханская благосклонность не можетъ быть постоянною и потому держался Новгорода и ходилъ всюду на враговъ его, хотя интересы обѣихъ, тамъ странно сопоставленныхъ въ Новгородѣ властей не могли не столкнуться почему лѣтопись и упоминаетъ о размолвкахъ Князя съ гражданами, которыя однако не могли имѣть важныхъ слѣдствій по самому вышеозначенному единству интересовъ [261]. Но скоро Новгородцы должны были разстаться съ Юріемъ; Димитрій Михайловичь Тверской выходилъ себѣ ярлыкъ;

Князь Московскій поѣхалъ въ Орду, и Новгородцы должны были, въ его отсутствіе, признать власть Димитрія [262]; однако примѣръ Михаила предохранилъ ихъ отъ насилія сыновей его. По смерти Георгіевой и Димитріевой они признали княземъ Александра Михайловича, признаннаго Ханомъ, но продолжали недоброжелательствовать Твери и были склоннѣе къ Московскимъ князьямъ. Такъ, когда Александръ, спасаясь отъ мести Узбековой, думалъ найти въ Новгородѣ убѣжище, граждане послѣдняго отказали ему [263], и съ охотою приняли намѣстниковъ брата Георгіева, но скоро увидѣли, что перемѣнилось только имя, и что роль Твери, въ отношеніи къ Новгороду, приняла Москва. Что же теперь спасетъ Новгородъ? Отъ Твери спасла его Москва, отъ Москвы долженъ былъ спасти его другой какой-нибудь городъ, Москвѣ враждебный: слѣд. Новгородцы должны были искать враговъ Московскимъ Князьямъ, пользоваться ссорами въ семействѣ послѣднихъ; но когда этѣ ссоры прекратятся, когда уже не будетъ другихъ князей кромѣ Московскаго, что тогда останется Новгородцамъ? Останется или отказаться отъ своего стараго быта, приравняться къ Москвѣ, или искать соперника князю Московскому въ Литвѣ.

Но сила Москвы еще зависѣла отъ Хана: 50,000 Татаръ, и Москва могла пасть въ пользу Твери или Нижняго; слѣд. Московскимъ князьямъ для поддержанія своего могущества нужна была Ханская благосклонность, а для этого нужны были деньги: вотъ почему Новгородъ могъ еще на нѣсколько времени сохранять свои вольности, удовлетворяя денежнымъ требованіямъ В. Князей, усиливая послѣднихъ на свой счетъ. Въ 1332 году Калита запросилъ у Новгородцевъ закамскаго серебра, старинной дани Печерской, и за отказъ взялъ Торжекъ, Бежецкій Верхъ, и засѣвъ въ Торжкѣ, опустошалъ области Новгородскія, доправляя на нихъ ханское серебро [264]. Тщетно Новгородцы присылали къ нему Владыку за миромъ, предлагая 500 рублей: война была выгоднѣе, Калита не согласился [265]. Новгородцы начали искать другихъ князей, враждебныхъ Московскому, обратились было къ Александру Тверскому, жившему тогда въ Псковѣ, какъ вдругъ представился, по ихъ мнѣнію, болѣе надежный защитникъ, князь Литовскій. Югозападная, старая Русь подчинилась тогда Гедимину, Новгородъ, по формамъ своего быта, принадлежалъ къ старой Руси, и потому стоялъ во враждебномъ отношеніи къ новой; Новгородцы привыкли ждать спасенія съ Юга, оттуда приходили къ нимъ

Мстиславы и Михаилы, и потому съ радостію приняли сына Гедиминова — Наримаита-Глѣба, предложившаго службу свою Св. Софіи, и дали ему въ отчину Ладогу, Орѣховъ, Кексгольмъ, всю Корелу и половину Копорья, слѣд. духъ времени проникъ и къ Новгородцамъ, ревностнымъ поборникамъ старины: они призываютъ Князя Литовскаго въ защитники отъ потомковъ Св. Владиміра, и хотятъ упрочить себѣ этого защитника чѣмъ же? — собственностію! отдаютъ ему нѣсколько пригородовъ въ отчину и дѣдину; Гадиминъ Литовскій, съ своей стороны, посылаетъ къ Новгородцамъ сына, но уже хочетъ для него удѣла, собственности на Новгородской землѣ [266]. Такъ начались связи Новгорода съ Литвою, связи необходимыя по тогдашнимъ обстоятельствамъ, но безполезныя изначала. На слѣдующій годъ В. Князь примирился съ Новгородцами; но въ 1337 отправилъ полки въ Двинскую область [267], желая перехватить сокровища Новгородскія; походъ былъ неудаченъ; примиреніе Александра Тверскаго съ Ханомъ отвлекло на время вниманіе Калиты отъ Новгорода; но погубивъ Александра, онъ опять возобновилъ свои притязанія на ихъ богатства [268].

Въ 1339 году, получивъ отъ пословъ Новгородскихъ выходъ или дань Ханскую, Калита отправилъ своихъ пословъ съ требованіемъ другой [269]. Новгородцы отвѣчали, что такъ не водилось отъ начала міра, и что В. Князь нарушаетъ свою клятву соблюдать старину и грамоты Ярославовы [270]. Іоаннъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода, но дѣла Смоленскія и смерть В. Князя помѣшали борьбѣ. Ее возобновилъ Симеонъ Гордый. Мы видѣли, какъ въ слѣдствіе преобладанія новаго порядка вещей на Сѣверѣ, должны были ослабнуть здѣсь родовыя отношенія между князьями, какъ В. Князь изъ старшаго брата между младшими долженъ былъ стать сильнѣйшимъ владѣльцемъ между слабѣйшими, ему подчиненными. Уже первый Сѣверный князь, Андрей Боголюбскій, почувствовавъ перемѣну въ своемъ значеніи, перемѣнилъ обращеніе съ прочими князьями; но эта новизна вызвала сильное противодѣйствіе со стороны князей старой Руси, гордой своими Мстиславами. Однако торжество послѣднихъ было недолговременно, и скоро одинъ изъ преемниковъ Андреевыхъ возобновилъ его обращеніе съ князьями, на которыхъ смотрѣлъ не какъ на братьевъ, но какъ на подручниковъ [271]. Противодѣйствія на этотъ разъ не было: не было болѣе Мстиславовъ, неоткуда

было имъ явиться, не было болѣе старой Руси; жалобы старыхъ городовъ и князей ихъ на притѣсненіе Москвы и ея властителя были тщетны: отъ нихъ осталось только названіе Гордаго, приданное Симеону недовольною братіею. Гордый, повелительный съ князьями, Симеонъ не могъ быть ласковъ съ господиномъ Новгородомъ Великимъ. Не успѣлъ онъ придти изъ Орды, не успѣлъ извѣстить гражданъ о своемъ ярлыкѣ, какъ уже послалъ въ Торжекъ брать дань, желая вознаградить издержки, въ Ордѣ понесенныя. Новгородцы послали сказать В. Князю: „Ты не сѣлъ еще у насъ на княженіи, а бояре твои уже насильничаютъ [272].“ Вмѣсто отвѣта Симеонъ явился съ войскомъ въ Торжокъ, окруженный сонмомъ князей - подручниковъ. Устрашенные Новгородцы послали, по обыкновенію, просить мира на старыхъ условіяхъ. Симеону еще не было нужды касаться условій; ему нужны были деньги и униженіе пословъ стараго города: деньги для покупки ярлыка, униженіе пословъ для торжественнаго признанія своего могущества давать и отнимать ихъ по волѣ. Новгородцы смирились, заплатили 1000 рублей и получили свои старыя грамоты, радуясь, что заключили миръ на всей волѣ своей [273].

Отъ обидъ Андрея и Всеволода Новгородцы находили защиту въ князьяхъ Южныхъ, которые приходили возстановлять прежнія права стараго города, избавлять его отъ безчестія повиноваться пригородамъ; и теперь Южная, старая Русь, существовала независимо отъ Сѣверной, подъ рукою В. Князя Литовскаго, независимаго и болѣе чѣмъ Московскій могущественнаго. Но если Симеонъ являлся въ своемъ обращеніи съ Новгородцами наслѣдникомъ Андрея и Всеволода, то князья Литовскіе, съ своей стороны, вовсе не показывали охоты подражать Мстиславу и Михаилу, и тѣмъ давали знать Новгородцамъ, что теперь уже имъ предстоитъ выборъ не между двумя или тремя князьями, которые наперерывъ будутъ стараться заслужить ихъ расположеніе уступками, но между двумя самовластителями, которые потребуютъ отъ нихъ одинакой покорности. Мы видѣли, съ какимъ восхищеніемъ Новгородцы приняли сына Гедиминова, думая обрѣсти въ немъ надежнаго защитника; но Наримантъ даромъ ѣлъ хлѣбъ Новгородскій, уѣхалъ въ Литву, оставивъ намѣстниковъ въ своихъ городахъ, и не явился, когда Новгородцы, нуждаясь въ защитѣ, призывали его [274]. Псковъ сдѣлалъ было также попытку принять къ себѣ сына Олгердова, и столь же неудачно. Самъ Олгердъ посту-

малъ еще хуже съ Новгородомъ: узнавъ, что прежній посадникъ, Евстафій Дворянинецъ отзывался объ немъ въ неучтивыхъ выраженіяхъ, онъ явился съ огромнымъ войскомъ въ предѣлахъ Новгородскихъ, взялъ на щитъ два города, и съ двухъ другихъ собралъ окупъ [275].

Новгородъ хотѣлъ существовать независимо отъ Москвы, постарину, особѣ, свой обычай имѣть. Онъ достигъ своей цѣли: Русь, отказываясь все болѣе и болѣе отъ стараго обычая, все болѣе и болѣе соединялась въ одно могущественное тѣло, съ одною главою, съ однимъ обычаемъ, и враждебно смотрѣла на Новгородъ, который чуждался ея, не хотѣлъ жить съ нею одною жизнію. Московскіе князья соглашались на условія, имъ предлагаемыя, утверждали граматы прежнихъ князей, но за то исключали Новгородъ изъ своихъ владѣній, смотрѣли на него какъ на владѣніе самостоятельное. Если Новгородъ хотѣлъ быть вольнымъ и самостоятельнымъ, то онъ долженъ былъ поддерживать эту самостоятельность собственными силами; если же не могъ существовать безъ помощи другихъ городовъ Русскихъ, то долженъ былъ слиться съ ними въ одно государство. Согласно ли было съ честію князя Московскаго ходить съ полками своими въ отдаленные предѣлы Финляндіи; продавать кровь своихъ подданныхъ за Новгородскія гривны, быть наемникомъ старыхъ вѣчниковъ? Было время, когда князья были предводителями дружинъ; тогда они охотно брались защищать богатые города, не обращая большаго вниманія на свои отношенія къ гражданамъ; но теперь князь становился уже главою государства; теперь онъ былъ обязанъ защищать только своихъ подданныхъ, а Новгородцы не хотѣли быть подданными В. Князя; у нихъ Государемъ былъ В. Новгородъ: зачѣмъ же имъ были нужны полки Московскіе? И сынъ Калиты не намѣренъ былъ посылать ихъ на защиту города, который толковалъ только о старинѣ и прошедшемъ, когда Москва направляла Русь къ ея великому будущему. Симеонъ недѣятельно помогалъ Новгороду войсками противъ Шведовъ [276], ибо Новгородъ помогалъ Москвѣ только деньгами, насильно взятыми.

Симеонъ умеръ. Мы видѣли, что Новгородцы единственнымъ средствомъ къ поддержанію своей старины считали борьбу между князьями, дававшую имъ возможность перехода отъ одного къ другому, болѣе уступчивому; мы видѣли какъ они, желая избѣ-

виться отъ Твери, поддерживали князя Московскаго и отправляли пословъ своихъ въ Орду для ходатайства за послѣдняго. Теперь Москва стала для нихъ тѣмъ же, чѣмъ была прежде Тверь; Новгородцамъ необходимо было найти соперника Князю Московскому. Наслѣдникъ Симеона былъ сильнѣйшимъ изъ князей, и слѣд. самымъ опаснымъ для Новгородцевъ: они послали въ Орду просить и задаривать Хана, чтобъ отдалъ В. Княженіе Константину Суздальскому, какъ отдаленнѣйшему и слабѣйшему [277]. Но Ханъ не послушался ихъ и отдалъ великокняженіе брату Симеонову, Іоанну. Новый В. Князь, оскорбленный столь явнымъ недоброжелательствомъ, хотѣлъ было идти на Новгородъ войною; но, любя миръ, послушался ходатайства князя Суздальскаго, и склонился на предложеніе Новгородцевъ, послать къ нимъ намѣстниковъ на прежнихъ условіяхъ [278]. По смерти Іоанна исполнилось желаніе Новгородцевъ: Ханъ далъ ярлыкъ Димитрію Константиновичу Суздальскому; намѣстники новаго князя были приняты радушно, и старыя условія подтверждены. Но радость Новгородцевъ была непродолжительна. Пользуясь смутами въ Ордѣ, малолѣтный князь Московскій выходилъ себѣ ярлыкъ; князь Суздальскій безъ помощи Хана не могъ противиться сильной Москвѣ; могъ ли противиться ей Новгородъ? Его молодежь грабила иностранныхъ купцовъ, вредила торговлѣ: Димитрій Московскій объявилъ было войну Новгородцамъ, но согласился на миръ по старинѣ, имѣя враговъ сильныхъ [279]. Михаилъ Тверской вздумалъ возобновить знаменитую борьбу дѣда своего съ Москвою, позабывъ, что обстоятельства уже были не тѣ: Георгій дѣйствовалъ только съ помощію Татарскою, Димитрій собственными силами, и силы Москвы превышали Тверскія. Новгородъ въ этой борьбѣ возобновилъ прежнее поведеніе, признавая то того, то другаго князя, смотря по тому, на чьей сторонѣ былъ успѣхъ. Но въ борьбѣ сильныхъ невыгода всегда на сторонѣ нейтральнаго слабаго: такъ въ 1372 году Михаилъ, озлобленный отпаденіемъ Новгорода на сторону Димитрія, взялъ и страшнымъ образомъ опустошилъ Торжокъ [280]. Въ 1375 Новгородцы, желая отомстить злому сосѣду, примкнули войска свои къ полкамъ князя Московскаго и были свидѣтелями опустошенія Тверской области и смиренія Михаила, принужденнаго заключить миръ на всей волѣ В. Князя и Новгородской [281]. Димитрій былъ доволенъ усердіемъ Новгородцевъ, и въ слѣдующій годъ принялъ съ большою ласкою и почестями Владыку ихъ Алексѣя [282]. Въ знаменитый 1380 годъ Владыка со многими зна-

тыьми гражданами снова явился въ Москву по дѣламъ своего города. В. Князь, слыша ополченіе Мамая, не хотѣлъ и не могъ ссориться съ Новгородцами: онъ съ любовію принялъ пословъ и цѣловалъ крестъ на всей старинѣ Новгородской [283]. Мамай нахлынулъ; новая, собранная Москвою Русь стала подъ Московскія знамена; были ли тутъ Новгородцы? Мы увидимъ, какъ они будутъ просить у грознаго Іоанна III послѣдней милости — не посылать войскъ своихъ на защиту Россіи; договариваясь съ Димитріемъ на всей волѣ своей, неужели они позабыли это условіе? Какъ бы то ни было, лѣтописи, не исключая и Новгородской, молчать объ участіи Новгородцевъ въ Куликовской битвѣ [284]. Не научившись изъ примѣра Наримонта, они продолжали принимать Литовскихъ князей на кормленіе; но эти князья приносили въ Новгородъ не нарядъ, а большія смуты. Въ 1383 году Патрикій Наримантовичъ получилъ отъ Новгородцевъ на кормленіе нѣсколько пригородовъ; въ слѣдующемъ году жители послѣднихъ пріѣхали съ жалобою на пришельца; городъ раздѣлился: одна часть стала за пригородъ, другая за князя; два вѣча, одно на дворѣ Ярослава, другое у Св. Софіи, готовы были оружіемъ рѣшить споръ, но Богъ сохранилъ отъ междоусобія, говоритъ лѣтописецъ: положено было перемѣнить князю пригороды [285]. Наконецъ князь Московскій рѣшился напомнить о себѣ Новгородцамъ: въ 1386 году онъ явился съ страшнымъ ополченіемъ подъ стѣнами ихъ города, разгнѣвавшись за то, что вольница Новгородская разграбила Кострому и Нижній. Опустошивъ область, поплѣнивъ жителей, заставивъ Новгородцевъ изъ опасенія осады выжечь всѣ предмѣстія, В. Князь согласился на миръ, взявъ 8,000 рублей за вину гребителей [286], и оставивъ памятные слѣды своего гнѣва, которые принуждали вольныхъ людей искать сбѣ защитника отъ угрозъ Московскихъ. Въ годъ смерти Донскаго (1389) явился къ нимъ Симеонъ-Лугвеній Олгердовичь, который далъ записъ брату своему Ягайло не отступаться съ людьми В. Новгорода отъ Короля Польскаго [287]: но Лугвеній былъ дурнымъ *опекальникомъ* В. Новгорода, Московскіе Князья не преставали тѣснить вольныхъ людей. Донской наложилъ на Новгородъ тяжкую пеню за разбои его вольницы: сынъ Донскаго ходилъ войною на вѣчниковъ за покушеніе ихъ освободиться отъ власти Митрополита Московскаго. Мы видѣли, что Новгородцы, любя особность, однимъ изъ главныхъ условій своихъ съ В. Князьями ставили, чтобы не звать

ихъ къ суду въ Низовые города. Въ 1385 году они вздумали пріобрѣсть тоже право и въ отношеніи къ суду церковному: торжественно положили на вѣчѣ не ѣздить въ Москву на судъ Митрополита, но разбираться у своихъ Архіепископовъ [288]. Это покушеніе должно было озаботить князя Московскаго гораздо болѣе, чѣмъ волжскіе разбои; ибо при спорахъ князей за первенство, Новгородцы могли выбирать между соперниками: но Митрополитъ былъ единственнымъ верховнымъ пастыремъ церкви Русской; при раздробленіи Руси на нѣсколько отдѣльныхъ независимыхъ владѣній, при изчезновеніи прежнихъ родственныхъ отношеній между князьями, при превращеніи удѣловъ въ независимыя В. Княжества, единство Руси всего сильнѣе поддерживалось единымъ Митрополитомъ; Москва не была старшимъ столомъ во всей Руси, какъ прежде Кіевъ, ибо Рязань, Тверь и Нижній имѣли также князей великихъ; Владиміръ все еще имѣлъ притязаніе на первенство между городами сѣверной Руси и, по слову Хана, могъ примкнуть къ Твери, Рязани или Нижнему; однако постоянное пребываніе Митрополита въ Москвѣ сообщало ей характеръ главнаго города Руси. Умные князья Московскіе очень хорошо цѣнили эту выгоду, очень хорошо понимали, что зависѣть отъ Митрополита значило зависѣть отъ Москвы, и потому такъ усердно стояли за нераздѣльность Русской Митрополіи. Вотъ почему Московскій князь не могъ позволить Новгородцамъ отложиться отъ суда Митрополичьяго. Въ 1391 году Митрополитъ Кипріанъ отправился въ Новгородъ и много уговаривалъ гражданъ его подрать грамоты, въ которыхъ они обязались не ходить къ нему на судъ: убѣжденія остались тщетны. Въ 1393 году В. Князь Василій извѣстилъ Новгородцевъ, чтобы отдали Митрополиту эти грамоты, получилъ отказъ, и вооружился. Съ обѣихъ сторонъ было много кровопролитія, говоритъ лѣтописецъ, и Новгородцы принуждены были наконецъ уступить требованію В. Князя [289]. Но послѣдній очень хорошо видѣлъ, что и зависимость отъ Митрополита, въ Москвѣ живущаго, не можетъ служить вѣрнымъ ручательствомъ за постоянную зависимость Новгорода отъ Москвы, въ то самое время, когда главою Литовской Руси явился могущественный Витовтъ. Уже и во время такъ называемаго удѣльнаго періода, обѣ Руси вступали въ кровавые бои за Новгородъ, но тогда у нихъ были различныя цѣли: Русь новая хотѣла сравнять старый городъ съ пригородами, Русь старая хотѣла поддержать величіе стараго горо-

да. Теперь снова сошлись обѣ Руси у В. Новгорода, но обѣ съ одною цѣлію: хитрый Витовтъ не хочетъ, подобно Мстиславамъ, поддержать вольности Новгородскія противъ Москвы — нѣтъ, подобно князю Московскому, онъ хочетъ присоединить Новгородъ къ своимъ владѣніямъ; но оба властителя боятся вступить въ бой рѣшительный: нѣсколько разъ полки ихъ сходятся и расходятся безъ битвы; они ждутъ отъ Новгорода рѣшенія, и точно Новгородъ въ это время могъ рѣшить судьбу Россіи, поддавшись Литвѣ съ своею огромною областію. Витовтъ требуетъ этого подданства, Новгородъ не соглашается, пользуется опасеніемъ, медлительностію обоихъ противниковъ для продленія своего стараго быта: „мы съ Москвою въ мирѣ, съ Витовтомъ въ мирѣ, съ Нѣмцами въ мирѣ [290],“ говорятъ они В. Князю Московскому. Василій очень хорошо понималъ, что такое благоразуміе не надежно и невыгодно для Москвы, что вѣче можетъ раздѣлиться между Литвою и Москвою, что въ междоусобной битвѣ между концами В. Новгорода сторона Литовская можетъ пересилить Московскую, Новгородъ поддастся со всею своею областію Витовту, и тогда будетъ ли возможность Москвѣ бороться съ послѣднимъ? Свѣдавъ, что Витовтъ требуетъ подданства отъ Новгорода, Василій рѣшился предупредить его [291]. Отложеніе одного Новгорода съ его вѣчемъ, не могло быть тяжкою потерею для Москвы, если бы его обширныя владѣнія остались за нею; Василій очень хорошо понималъ, что, захвативъ заволоцкія владѣнія, онъ заставитъ Новгородъ быть въ зависимости отъ Москвы, ибо его богатство зависѣло отъ безпрепятсвенной торговли въ томъ краю: такъ предки Василія, начиная съ Долгорукаго, заставляли Новгородъ отлагаться отъ князей южной Руси, такъ и Василій хотѣлъ заставить его прервать сношеніе съ Витовтомъ. Оставивъ В. Князя Литовскаго договариваться съ Новгородскимъ вѣчемъ, онъ послалъ воеводъ своихъ въ Двинскую область, предложить жителямъ ея добровольное подданство Московскому Князю. Двиняне согласились. Тогда В. Князь занялъ Волокъ, Торжокъ, Вологду, Бѣжецкій Верхъ, со всѣми ихъ волостями, и сложилъ съ себя крестное цѣлованіе. Устрашенные такимъ поступкомъ Новгородцы прервали сношеніе съ Витовтомъ [292] и послали въ Москву просить мира на старинныхъ условіяхъ. В. Князь, довольный своимъ богатымъ примысломъ, не согласился возвратить его, и думая, что Новгородцы не осмѣлятся на вторичное завоеваніе потеряннаго, пренебрегъ послать достаточное подкрѣпленіе въ

захваченныя области, однако обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Новгородцы, не успѣвъ ничего мирными предложеніями, рѣшились дѣйствовать силою и послали на Двину посадника Тимофея Юрьевича, который и успѣлъ возвратить все потерянное. Тогда Василій увидалъ, какъ еще трудно для Москвы удерживать столь отдаленныя владѣнія, и потому, при вторичной просьбѣ со стороны Новгородцевъ, явился снисходительнѣе: удовольствовавшись прерваніемъ сношеній съ Витовтомъ, онъ отказался отъ Новгородскихъ земель и заключилъ миръ по старинѣ [293].

В. Князь былъ раздраженъ неудачею своего намѣренія; при этомъ онъ не могъ забыть, что однимъ изъ главныхъ виновниковъ ея былъ Архіепископъ Іоаннъ, благословившій Новгородцевъ на походъ для возвращенія отнятыхъ волостей [294]. Василій жаловался Митрополиту на вмѣшательство духовнаго пастыря въ политическія дѣла паствы, и Митрополитъ, вызвавъ Іоанна, обличилъ его въ недостаткѣ смиренія, заставилъ отказаться отъ Епископіи и болѣе трехъ лѣтъ не пускалъ въ Новгородъ [295]. Въ то же время В. Князь свѣдалъ, что не смотря на миръ съ Новгородомъ, непріязненныя дѣйствія не прекращаются на Двинѣ между областными начальниками Московскими и Новгородскими. Московскіе намѣстники сами доставляли себѣ управу въ обидахъ, Новгородскими посадниками причиняемыхъ; послѣдніе платили тѣмъ же. В. Князь, съ своей стороны, не упускалъ случая показывать жителямъ областныхъ городовъ свою власть и безсиліе Новгорода: такъ въ 1401 году онъ послалъ въ Торжокъ схватить двоихъ непріязненныхъ ему гражданъ и взять ихъ имѣніе даже изъ церкви [296].

Въ 1408 году явился въ Новгородѣ намѣстникомъ братъ великокняжескій Константинъ Дмитріевичь. Неизвѣстно долго ли былъ Константинъ въ Новгородѣ, но подобно тому, какъ одноименный предокъ его Константинъ Всеволодовичь, поживъ въ Новгородѣ, и потомъ въ старомъ Ростовѣ, напитался тамъ стараго духу, и Константинъ Дмитріевичь возвратился изъ Новгорода со старыми понятіями о правахъ дядей предъ племянниками: онъ возсталъ противъ воли В. Князя, хотѣвшаго, чтобъ всѣ братья его, по примѣру Владиміра Храбраго, присягнули служить племяннику Василью, былъ лишенъ за сопротивленіе удѣла и понесъ свои старыя права въ городъ, крѣпко стоявшій за старину. Новгородцы съ радостію приняли изгнан-

ника [297]: вражда въ семействѣ Московскагò князя обѣщала имъ долговременныя междоусобія и возможность выбора между противниками. Съ какою честію Константинъ былъ принятъ въ Новгородѣ, съ такою же и отпущенъ обратно [298]: Новгородцы на него надѣялись. Этимъ событіемъ лѣтопись оканчиваетъ Исторію отношеній Новгорода къ В. Князю въ правленіе сына Димитріева. Въ слѣдующее княженіе Новгородъ, предъ кончиною своего народовластія, былъ порадованъ возобновленіемъ княжескихъ усобицъ. Во время войны Василія съ дядею Юріемъ Новгородцы были предоставлены самимъ себѣ, и едва не были покорены Витовтомъ, вошедшимъ въ область ихъ съ многочисленнымъ войскомъ; тяжкій выкупъ въ 10,000 рублей спасъ ихъ отъ Литвы [299]. Въ смутахъ Московскихъ они слѣдовали правилу признавать побѣдителя, но между тѣмъ принимать къ себѣ побѣжденнаго на случай вражды съ первымъ. Такъ въ 1435 году нашелъ въ Новгородѣ убѣжище Василій Васильевичь, въ томъ же году явился тамъ противникъ его Василій Юрьевичь [300]. Но управившись съ Косымъ, Василій показалъ Новгородцамъ, что онъ отчичь и дѣдичь на Московскомъ престолѣ, прямой наслѣдникъ своихъ предковъ. Еще угрожаемый безпокойнымъ Юрьевичемъ, В. Князь заключилъ рядъ съ Новгородомъ на томъ условіи, что ему отступиться отъ Новгородскихъ волостей, а Новгородцамъ отъ великокняжескихъ, и послать бояръ для размежеванія границъ. Новгородцы въ назначенный срокъ отправили бояръ, которые однако тщетно дожидались посланцевъ Василія [301]: преемникъ Калиты зналъ свою наслѣдственную обязанность— собирать землю Русскую, и потому не хотѣлъ размежевываться съ Русскими владѣніями. Въ 1440 году, по примѣру дѣда и отца, Василій рѣшился показать своимъ полкамъ дорогу къ Новгороду. Узнавъ о походѣ, Новгородцы, по старому обычаю, отправили Архіепископа и бояръ просить о мирѣ: они удержали старину, давъ за нее выкупа 8,000 рублей [302]. Съ одной стороны Московскій князь приходилъ съ войскомъ за тяжкими данями, съ другой Нѣмцы и Тверичи грабили Новгородскія волости: дорого начали обходиться Новгороду его особность и вольность; для ихъ обороны они безпрестанно нанимали Князей Русскихъ и Литовскихъ; но прошла пора наемныхъ князей и дружинъ: слабые наемники оставались въ Новгородѣ не долго, когда не имѣли еще удѣла постояннаго; владѣтели сильные требовали прочнаго подданства. Въ 1444 году Казиміръ Литовскій повторилъ предложеніе Витовта о подданствѣ; Нов-

городцы отказались [303]: перемѣна не приносила никакой выгоды. Скоро возобновленіе смутъ и междоусобій въ Москвѣ подало имъ надежду снова выбирать изъ соперниковъ любаго князя на всей волѣ своей. Шемяка, выгнавъ Василія, но не полагаясь на прочность своей власти, договорился съ Новгородомъ на всей волѣ его; Василій, въ свою очередь, взявши перевѣсъ надъ Шемякою, но угрожаемый еще замыслами послѣдняго, подтвердилъ договоръ врага своего. Новгородцы отдохнули; притомъ у нихъ еще оставался выборъ: Шемяка не отказывался отъ В. Княженія [304] и потому находилъ всегда прибѣжище въ Новгородѣ: здѣсь и умеръ онъ, послѣдній двойникъ В. Князя, необходимый для поддержанія стараго быта Новгородскаго. По смерти Шемяки Новгородцамъ не оставалось болѣе выбора въ Московскихъ владѣніяхъ; остался только выборъ между Москвою и Литвою: увидимъ, былъ ли онъ для нихъ удаченъ. Василій, освободившійся отъ Шемяки, рѣшился разгромить притонъ всѣхъ враговъ В. Князя, всѣхъ усобниковъ Русской земли, разгромить городъ, который держался междоусобіями, питался ими, питался кровію Русскою. Въ 1456 году В. Князь двинулъ сильную рать. Новгородцы въ своихъ сношеніяхъ съ В. Князьями любили говорить о старинѣ, но теперь они сами забыли её, теперь В. Князь долженъ былъ напоминать имъ о старинѣ. Старинные договоры, въ соблюденіи которыхъ клялись дѣды и отцы, говорили, что князю принадлежитъ право раздавать грамоты, хотя не безъ посадника [305]. Но вдругъ вѣче вздумало отнять это право у князя, вздумало само раздавать грамоты [306]. Это уже была не старина! Великій Князь вступился за свое право. Обезопасивъ себя со стороны Литвы обѣщаніемъ Казиміра не вступаться въ Новгородскія дѣла [307], онъ выступилъ въ походъ. Узнавъ, что полки со всѣхъ сторонъ собираются въ Волокѣ, Новгородцы, по обычаю, послали просить мира на старыхъ условіяхъ; В. Князь отвергнулъ просьбу, войско его заняло Русу: надобно было сражаться: Московскій отрядъ, состоявшій только изъ 200 человѣкъ, встрѣтилъ 5,000 конныхъ Новгородцевъ; искусные вожди великокняжескіе — Стрига и Басенокъ велѣли стрѣлять не по людямъ, а по лошадямъ: не умѣя владѣть ни бѣшеными животными, ни длинными копьями, Новгородцы, не взирая на свою многочисленность, потерпѣли совершенное пораженіе. Вѣсть объ немъ навела ужасъ на городъ: вѣче упросило Архіепископа отправиться въ станъ В. Князя и вымолить миръ на всевозможныхъ условіяхъ [308]. Василій согласился: онъ взялъ съ Новгорода 8,500 рублей, вмѣстѣ съ

обязательствомъ платить черную дань, не утаивать виръ и пошлинъ; новизна Новгородская — вѣчевыя грамоты были отмѣнены; печать В. Князя смѣнила городскую; наконецъ граждане поклялись не вмѣшиваться въ междоусобія княжескія, не принимать къ себѣ враговъ Василія и его сына [309]. Что оставалось Новгородцамъ послѣ такихъ условій? Въ Суздальской землѣ, какъ они продолжали именовать новую Русь [310], теперь одинъ В. Князь; Тверской и Рязанской, по своему относительному безсилію, готовы стать его подручниками или отказаться отъ своихъ владѣній; въ семействѣ Московскаго Князя утвердился надолго миръ; смерть Василія не произведетъ ни какой перемѣны: Іоаннъ уже давно именуется В. Княземъ; Татары уже не вступаются въ дѣла князей, ихъ ярлыки не дѣйствительны; послѣдній походъ показалъ Новгородцамъ ихъ безсиліе предъ полками Московскими: теперь эти полки постоянно будутъ готовы устремиться къ Новгороду, ибо не будутъ болѣе заняты усобицами. Новгородцы понимали всю трудность своего положенія, что произвело въ нѣкоторыхъ изъ нихъ неукротимую ненависть къ Московскому Князю. Въ 1460 году Василій съ сыновьями—Юріемъ и Андреемъ — поѣхалъ въ Новгородъ: вѣчники начали сговариваться какъ бы умертвить его и съ дѣтьми; намѣреніе не было приведено въ исполненіе только потому, что Архіепископъ представилъ всю его безполезность: съ Василіемъ не было старшаго сына — соправителя, смерть стараго князя могла бы только возбудить всеобщую ненависть къ Новгородцамъ, навлечь на нихъ страшную месть Іоанна [311], который и безъ того уже исчислялъ въ умѣ своемъ всѣ ихъ старые неправды. Онъ понималъ близость минуты рѣшительной, предвидѣлъ, что наступаетъ время рѣшительнаго боя между Москвою и Литвою за Новгородъ; но на сторонѣ Москвы былъ могущественный союзникъ, которымъ Литва безумно пренебрегала: этотъ союзникъ былъ — Православіе. Витовтъ хотѣлъ-было ослабить этотъ союзъ раздѣленіемъ Митрополіи, но раздѣленіе мало помогло при Католицизмѣ его преемниковъ: иновѣрная Литва заслоняла единовѣрный Кіевъ. Осторожный Іоаннъ видѣлъ однако опасность и, какъ умный вождь, старался —какъ можно болѣе укрѣпить слабое мѣсто. До насъ дошла грамота его къ Новгородскому Владыкѣ Іонѣ, въ которой онъ убѣждаетъ его быть вѣрнымъ своему обѣту — зависѣть только отъ Москвы и не имѣть никакого сообщенія съ Митрополитомъ Кіевскимъ Григоріемъ [312]: „Тебѣ извѣстно" пишетъ В. Князь къ Архіепископу: „откуда пришелъ этотъ Григорій и

„отъ кого поставленъ: пришелъ онъ изъ Рима, отъ Папы, и поставленъ въ Римѣ же бывшимъ Цареградскимъ Патріархомъ Григоріемъ, который повиновался Папѣ съ осьмаго Собора. Ты знаешь „также, за сколько лѣтъ раздѣлилась Греческая Церковь отъ Латинской, и Святыми Отцами утверждено, чтобъ не совокупляться „съ Латинствомъ. Послышавъ о приходѣ самозванца Григорія, „отецъ мой писалъ къ Королю: не принимай Митрополита отъ „Рима, когда еще живъ нашъ общій отецъ Іона, и не нарушай „нашей старины, а старина эта идетъ отъ нашего прародителя, „В. Князя Владиміра; отъ него и до послѣдняго времени избраніе Митрополита принадлежало нашимъ предкамъ, а не В. „Князьямъ Литовскимъ; кто будетъ намъ любъ, тотъ будетъ у „насъ на всей Руси, а отъ Рима Митрополиту у насъ не бывать. — Король не послушалъ словъ отца моего, не внялъ „правдѣ и старинѣ, и раздѣлилъ Церковь Божію. Долженъ ли я „напоминать тебѣ, отецъ мой, объ обѣтахъ, данныхъ тобою троимъ Митрополитамъ: Іонѣ, Θеодосію и Филиппу, объ обѣтѣ — „не отступать отъ Москвы? Такъ, если тотъ Григорій начнетъ „подсылать къ тебѣ или къ Новгородцамъ съ какими-нибудь рѣчами или письмами, то ты, богомолецъ нашъ, поберегись, и „своимъ дѣтямъ внуши, чтобъ Григорьеву посланію не вѣрили, „рѣчей его не слушали и даровъ не принимали; а ты, отецъ „мой, помни свой обѣтъ, данный Митрополиту Іонѣ и его преемникамъ.“ — Такъ Іоаннъ старался внушить Новгородцамъ, чтобъ они, слѣдуя своему обычаю, сохранили старину, что эта старина сохраняется только въ Москвѣ, а что въ Кіевѣ вводятся новизны, что тамъ сообщаются съ Латинствомъ; онъ зналъ, что если любовь къ религіозной старинѣ и не удержитъ совершенно Новгородъ отъ попытки поддаться Литвѣ, то, по крайней мѣрѣ, возбудитъ негодованіе къ отступничеству хотя въ половинѣ гражданъ, и тѣмъ облегчитъ успѣхъ Московскаго оружія.

Вскорѣ по смерти отца Іоаннъ свѣдалъ о неисполненіи Новгородцами условій. Мы видѣли, къ какому порядку вещей привыкли они въ періодъ времени отъ смерти Мстислава В. до Іоанна III: при первомъ неудовольствіи на лице правительственное являлось шумное вѣче съ требованіемъ смѣны чиновника, возбудившаго народное негодованіе; послѣ, когда которы княжескія дали Новгороду возможность выбора между многими князьями, и сами князья стали подвергаться подобной же участи: отсюда Новгородцы получи-

ли привычку громко изъявлять свое неудовольствіе на поступки князя, или его намѣстника. Отъ этой привычки они не могли отстать и послѣ похода Темнаго: лѣтописецъ говоритъ, что они присылали съ вѣча на городище многихъ людей съ укорою намѣстникамъ В. Князя [313]; послѣдній видѣлъ въ этомъ поступкѣ нарушеніе условія: держать имя его честно и грозно [314]. Далѣе: однимъ изъ условій, съ Василіемъ Темнымъ заключенныхъ, Московскіе подданные, тяжущіеся съ Новгородцами, судились Новгородскимъ бояриномъ вмѣстѣ съ Московскимъ, и въ случаѣ несогласія судей дѣло оставлялось до пріѣзда В. Князя или его ближайшаго родственника [315]. И это условіе было нарушено: двое князей, неизвѣстно какихъ, отказались удовлетворить принесенной на нихъ жалобѣ, ссылаясь на право Московскихъ подданныхъ, въ случаѣ несогласія судей, дожидаться рѣшенія В. Князя или кто вмѣсто его будетъ въ городѣ; вѣче пренебрегло условіемъ, схватило силою обоихъ князей, повело ихъ съ городища въ городъ, людей ихъ схватили, мучили, многихъ убили [316]. Наконецъ порубежныя несогласія не прекращались и рѣшались силою; судебныя пошлины затаивались, по прежней привычкѣ, въ размежеваніи границъ было поступлено несправедливо [317]. Что же дѣлалъ В. Князь? Отъ чего онъ, по примѣру отца, дѣда и прадѣда, не отправился вдругъ съ многочисленнымъ войскомъ требовать возстановленія своихъ правъ и взять пеню за вину Новгородцевъ? Между положеніемъ Іоанна и положеніемъ предковъ его была большая разница: Іоанну предстоялъ послѣдній, рѣшительный шагъ, ибо онъ хорошо видѣлъ, что продолженіе стараго Новгородскаго быта не совмѣстно съ бытомъ Московскимъ; Новгородъ зналъ это также; оба — В. Князь и Новгородъ боялись приступить къ дѣлу, и ждали, кто начнетъ. Начать первому было несообразно съ необыкновенно-осторожнымъ характеромъ Московскаго Князя; онъ медлилъ по разсчету или нѣтъ, все равно, по крайней мѣрѣ эта медленность послужила ему гораздо болѣе, чѣмъ рѣшимость. Мы видѣли, что Новгороду оставалось на выборъ: или покориться безусловно властителю Московскому на всей волѣ его, т. е. на всемъ обычаѣ Московскомъ, или попытаться — стать яблокомъ раздора между двумя В. Князьями — Московскимъ и Литовскимъ, возобновить споръ между старою и новою Русью, и по прежнему воспользоваться этимъ споромъ. Образовалась сторона, склонная къ такой попыткѣ, готовая для сохраненія старыхъ правъ дерзнуть на новизну; въ челѣ этой стороны была знаменитая фамилія Бо-

рецкихъ, старшинство въ которой принадлежало тогда женщинѣ, умѣвшей поддержать его — славной Марѳѣ. Сторона Борецкихъ, видя нарушеніе условій со стороны Новгородцевъ, и принимая вѣроятно въ немъ самое дѣятельное участіе, съ нетерпѣніемъ ждала рѣшительнаго шага отъ В. Князя. Многочисленные полки Московскіе подъ стѣнами Новгорода и грозныя требованія Іоанновы были бы для нея самыми лучшими средствами показать народу необходимость Литовскаго покровительства; необходимость сохраненія прежнихъ правъ побѣдила бы отвращеніе къ Латинскому государю, требованія В. Князя, нарушавшія старину, дали бы Новгородцамъ право также нарушить её съ своей стороны: тогда какъ отложиться вдругъ, безъ всякаго повода со стороны Москвы, значило первымъ нарушить старину, наложить на себя пятно измѣны, облечь В. Князя величіемъ правды въ глазахъ всей Россіи и большей части собственныхъ согражданъ. Только необходимость могла рѣшить сторону Борецкихъ на послѣднее. В. Князь довелъ её до этой необходимости. Новгородцы нарушили условія: Іоаннъ посылалъ къ нимъ съ увѣщаніемъ, чтобъ держались старины [318]: необыкновенное искусство пользоваться обстоятельствами! До сихъ поръ въ отношеніи къ В. Князьямъ Новгородцы имѣли важное преимущество дѣйствовать во имя старины; теперь, замышляя подданство Литовское, они теряли это преимущество, которое переходило на сторону В. Князя. Сперва Новгородцы не требовали отъ Князей ничего болѣе, кромѣ подтвержденія старинныхъ условій; теперь В. Князь требуетъ отъ Новгородцевъ сохраненія старины. Пріѣхалъ посолъ отъ Новгорода, Посадникъ Василій Ананьинъ, билъ челомъ В. Князю о земскихъ дѣлахъ, а о прежнихъ требованіяхъ его ни слова: Новгородъ не обратилъ на нихъ вниманія и ничего не приказалъ послу. Іоаннъ поручилъ Ананьину напомнить опять гражданамъ о старинѣ [319], и ждалъ отвѣта. Смерть Архіепископа, казалось, случилась нарочно для того, чтобъ помочь обѣимъ сторонамъ выдти изъ нерѣшительнаго положенія. Новгородцы, при избраніи новаго Владыки, поступили по старинѣ: бросили жребій, который палъ на инока Ѳеофила [320]. Но теперь предстоялъ вопросъ: куда послать его на поставленіе? Старина требовала держаться Православной Москвы, за нёе стояло большинство народонаселенія, люди съ вліяніемъ сильнымъ; но съ Московскимъ Княземъ Новгородъ былъ въ разладѣ, сторонѣ Литовской представлялся тогда самый благопріятный случай приступить къ исполненію своего замысла: они

могли разсчитывать, что В. Князь воспользуется обстоятельствами наказать Новгородъ безъ оружія, и какъ предки его мстили Новгородцамъ, заставляя ихъ сидѣть безъ князя, такъ онъ заставитъ ихъ сидѣть безъ Архіепископа: тогда всего легче будетъ убѣдить раздраженный народъ, что у него есть еще возможность выбора, что въ старославномъ Кіевѣ есть также Митрополитъ [321], который можетъ поставить имъ Архіепископа, что въ старой Руси есть также В. Князь, который можетъ защищать ихъ отъ притѣсненій Московскаго: крайность оправдывала новизну, давала ей видъ справедливости. Вотъ почему сторона Борецкихъ не приступала къ дѣлу до посольства въ Москву съ просьбою опаса для избраннаго Владыки: она ждала отъ В. Князя перваго шага, но Іоанна нельзя было перехитрить. Онъ припялъ посла съ честію, увѣрилъ въ готовности своей исполнить желанія Новгородцевъ и — снова напомнилъ о старинѣ, прибавя, что не только готовъ свято исполнять прежніе условія, но даже отступиться отъ нѣкоторыхъ своихъ требованій въ пользу Новгорода [322]. Разсчетъ былъ вѣренъ; Іоаннъ своею снисходительностію или поражалъ, обезсиливалъ Литовскую сторону, показывалъ безполезность, неосновательность ея опасеній и требованій, или выводилъ её изъ терпѣнія, заставлялъ приступить къ дѣлу при всѣхъ невыгодахъ ея положенія. Сбылось послѣднее. Большинство умѣреннѣйшихъ гражданъ, узнавъ объ отвѣтѣ В. Князя, обрадовалось его миролюбивому расположенію [323]; планы Борецкихъ рушились: надобно было дѣйствовать силою и рѣшительно, надобно было вынудить согласіе вѣча на отложеніе отъ Москвы. Природа вѣча давала къ тому легкія средства: стоило только обратиться къ людямъ, которые за деньги готовы предаться кому угодно, къ этимъ нечистымъ, вреднымъ членамъ общества, которые питаются междоусобіями, плотію и кровію согражданъ [324]; богатство Борецкихъ и друзей ихъ, увеличенное сокровищами казны архіепископской, обезпечивало торжество Литовской стороны надъ противниками [325]. Наемники Борецкихъ явились на площадяхъ и завопили о притѣсненіяхъ Москвы, о золотой волѣ подъ покровительствомъ Казиміра Литовскаго; предстатели стороны противной тщетно напоминали о священной старинѣ: наемники Борецкихъ камнями заставляли молчать Московскихъ приверженцевъ [326]. Не смотря на дурное поведеніе Литовскихъ князей въ отношеніи къ Новгороду, не смотря на недавній примѣръ послѣдняго изъ нихъ, Михаила Олельковича, который, возвращаясь изъ Новгорода, ограбилъ Ру-

су [327], на вѣчѣ положено было отправить посольство въ Литву съ предложеніемъ Казиміру подданства отъ людей вольныхъ, слѣд. на всей волѣ ихъ [328]; они предложили Казиміру условія, давно намъ извѣстныя, тѣже самыя, которыя были предлагаемы всѣмъ князьямъ Русскимъ, начиная, быть можетъ, со Всеволода Мстиславича. Прибавлено было только, чтобъ намѣстникъ королевскій былъ православнаго исповѣданія, чтобъ король не посягалъ на перемѣну православія, не ставилъ Римскихъ церквей въ областяхъ Новгородскихъ, касательно суда не дѣлалъ различія между Новгородцемъ и Литвиномъ, оборонялъ Новгородъ отъ Московскихъ нападеній, наконецъ для утишенія негодованія преданной старинѣ партіи, выговорена была свобода въ выборѣ между Московскимъ и Кіевскимъ Митрополитами [329]. Но это не помогло: подданство иновѣрному властителю было сочтено измѣною православію; такъ думали всѣ въ областяхъ Московской Руси, что видно изъ словъ лѣтописцевъ [330], такъ думали и въ самомъ Новгородѣ; Іоаннъ достигалъ своей цѣли — онъ шелъ на Новгородъ, имѣя въ стѣнахъ его многочисленныхъ союзниковъ во всѣхъ гражданахъ, приверженныхъ къ старинѣ и православію. Для большаго подкрѣпленія этого союза Іоаннъ послалъ въ Новгородъ Ивана Товаркова сказать гражданамъ, что вся правда на его сторонѣ, что они не могутъ пожаловаться ни на одинъ его насильственный поступокъ, что онъ свято сохранялъ старину и условія, что они сами нарушили ихъ, сами вызываютъ мщеніе праведное [331]. Митрополитъ писалъ тоже самое: грозилъ казнію небесною за отступничество [332]. Никогда Новгородъ не находился еще въ столь затруднительномъ положеніи, ибо граждане его были лишены нравственной опоры, которая заключается въ сознаніи своей справедливости; прежде они клялись стоять за одно, вмѣстѣ умереть за Св. Софію и за правду Новгородскую, но теперь за какую правду умрутъ они, отступники, измѣнники въ глазахъ всей Россіи? Прежде, при сознаніи своей справедливости они могли говорить: кто противъ Бога и В. Новгорода! но теперь они сами шли противъ Бога, ибо Латинство считалось наравнѣ съ богоотступничествомъ. Сперва В. Князья ходили на нихъ съ требованіемъ нарушенія старины, съ цѣлію обогатиться серебромъ богатаго города: тогда противъ перваго требованія они выставляли твердую рѣшимость умереть за свою правду, тогда деньгами могли удовлетворить второму; но теперь В. Князь шелъ въ видѣ грознаго судіи, мстителя за грѣхъ, шелъ окруженный всѣмъ ве-

личіемъ правды. Сперва неравенство силъ физическихъ рѣшало борьбу почти постоянно въ пользу В. Князей: теперь къ нему присоединялось еще неравенство силъ нравственныхъ, и торжество Іоанна было несомнительно. Однако теперь Новгородъ не былъ предоставленъ самому себѣ, теперь онъ имѣлъ сильнаго защитника. Къ несчастію Новгородцевъ расчетъ ихъ и здѣсь былъ невѣренъ: Казиміръ не имѣлъ ни доблести Мстиславичей, ни силы и талантовъ Витовта; онъ принялъ даръ, но не имѣлъ возможности упрочить его за собою. Не смотря на это, осмотрительный Іоаннъ опасался Литвы, и принялъ тѣ же предосторожности, какія дѣдъ его Василій Дмитріевичъ хотѣлъ принять противъ властолюбія Витовта: В. Князь прежде всего послалъ воеводъ захватить области Двинскія, дабы не предать Литвѣ, по крайней мѣрѣ, богатый сѣверъ Россіи [333]. Новгородцы знали, что Іоаннъ повторитъ поступокъ дѣда и потому спѣшили предупредить его: наемникъ ихъ, Суздальскій князь Василій Шуйскій-Гребенка, отправленъ былъ на защиту Двинской области; Новгородцы ждали Казиміра съ полками старой Руси: В. Князь Московскій торжественно объявилъ Руси Новой объ измѣнѣ стараго города. Предки его старались обыкновенно нечаяннымъ походомъ напасть врасплохъ на Новгородцевъ, и заставить жителей его дать богатый окупъ; но теперь обстоятельства перемѣнились: Іоаннъ хотѣлъ представить походъ Новгородскій дѣломъ всей Россіи, походомъ священнымъ для наказанія страшной измѣны, богоотступничества, для образумленія падшихъ гражданъ, для предотвращенія гибельныхъ слѣдствій ихъ поступка. Для достиженія этой цѣли, Іоаннъ употребляетъ необыкновенную торжественность, созываетъ братьевъ своихъ, Епископовъ, Князей, Бояръ, и представляетъ имъ необходимость похода; однако спрашиваетъ совѣта, идти ли немедленно, или дожидаться благопріятнѣйшаго времени года [334]: всѣ совѣтовали не отлагать похода. Тогда Іоаннъ послалъ въ Новгородъ разметныя грамоты; богатыя милостыни по монастырямъ, церквамъ и нищимъ, торжественныя молебствія [335], всё служило для приданія походу характера религіознаго, и точно, такимъ онъ былъ въ глазахъ современниковъ: лѣтописцы сравниваютъ его съ походомъ Донскаго на Татаръ [336]. Если въ Москвѣ питали столь сильное отвращеніе къ союзу Литовскому, то и въ Новгородѣ не могло быть иначе; послѣ, въ годину междуцарствія въ Москвѣ повторена была ошибка Новгородская и съ такими же послѣдствіями: къ счастію безразсудство властителей Литовскихъ

въ обоихъ случаяхъ помогло скорому исправленію ошибки. Казиміръ и не думалъ о подаміи помощи вольнымъ людямъ, какъ Іоаннъ уже обступилъ Новгородъ: Татары, полки Тверскіе и Псковскіе были въ его распоряженіи. Страшныя опустошенія возвѣстили Новгородцамъ о приближеніи Московскаго войска [337]. Новгородцы, по старому обычаю, отправили въ станъ В. Князя просить опасныхъ грамотъ для пословъ своихъ, а между тѣмъ выслали отрядъ войска, надѣясь побѣдою вынудить условія легчайшія; но трудно было побѣдить городу, гдѣ господствовало раздвоеніе между гражданами, гдѣ большая часть ихъ смотрѣла на предпринятую войну, какъ на тяжкое преступленіе и хотѣла остаться чистою отъ него: новоизбранный Владыка Ѳеофилъ, тогда еще ревностной приверженецъ Москвы и старины, далъ тайный приказъ своему полку не сражаться съ войскомъ великокняжескимъ. Это погубило Новгородскую пѣхоту при Коростени [338]. Вѣсть о проигранной битвѣ возбудила сильное волненіе въ гражданахъ: друзья Москвы и Православія ободрились, но голосъ ихъ снова былъ заглушенъ вѣчниками: ихъ били, грабили, бросали въ Волховъ и наконецъ заставили молчать [339]. Набрали новое войско: увѣдавъ, что Коростенское пораженіе произошло отъ недостатка въ конницѣ, господствующая сторона думала помочь злу, заставивъ простыхъ гражданъ, купцовъ и ремесленниковъ сѣсть на коней и отправиться въ походъ противъ опытныхъ конныхъ дружинъ Низовыхъ и Татаръ, всю жизнь на конѣ проводящихъ; бо́льшая часть новобранцевъ шла неволею не по недостатку храбрости, но по недостатку силы нравственной, убѣжденія въ своей правдѣ [340]. Что случилось въ послѣдній походъ Василія Темнаго при Русѣ, то повторилось теперь при Шелонѣ: 40,000 Новгородцевъ не могли выдержать натиска 5,000 Москвитянъ; Татарская конница рѣшила дѣло: непривычные всадники Новгородскіе, сбиваемые лошадьми, обратились въ бѣгство или попа́дали, полумертвые отъ страха [341]. Новгородцы ждали побѣды, которая могла дать имъ выгодныя условія; но теперь эта побѣда была на сторонѣ В. Князя, на его сторону перешло право предписать условія. Онъ далъ опасную грамоту для переговорщиковъ, а между тѣмъ, узнавъ, что изъ Новгорода отправился гонецъ въ Литву, понуждать Казиміра къ поданію скорой помощи, велѣлъ казнить смертію взятыхъ при Шелонѣ знатнѣйшихъ зачинщиковъ Литовской измѣны, въ томъ числѣ Димитрія Борецкаго; другихъ въ цѣпяхъ разослалъ по городамъ Низовымъ [342]. О Казимірѣ

не было никакой вѣсти; посла Новгородскаго не пропустили къ нему въ Ливонію[343]; казнь Борецкаго съ товарищами обезсилила Литовскую сторону и возвысила Московскую; народъ роптал на виновниковъ войны, столь несчастной[344]. Не смотря на все это, друзья старой воли хотѣли защищаться отъ В. Князя, со стороны котораго не могли ожидать умѣренныхъ условій; но доброжелатели послѣдняго также не были въ бездѣйствіи: въ одну ночь заколочено было 55 пушекъ[345]. Рѣшились испытать счастія въ переговорахъ, отправили новоизбраннаго Ѳеофила бить челомъ Іоанну за виновныхъ гражданъ. В. Князь не отринулъ челобитья, не нарушилъ старины, взялъ тяжкую пеню за проступокъ[346], но удовольствовался условіями, заключенными въ послѣдній разъ отцемъ его; прибавлено было только, что Новгородъ обязывается не отступать отъ Москвы ни въ политическомъ, ни въ церковномъ отношеніяхъ, и даже не принимать на пригороды князей Литовскихъ[347].

Какъ объяснить такую умѣренность В. Князя? Необыкновенною осторожностію, наслѣдственною въ потомствѣ Всеволода III? Въ самомъ дѣлѣ, судя по другимъ поступкамъ Іоанна, можно предположить, что онъ былъ неспособенъ къ предпринятію мѣръ рѣшительныхъ и, что другой на его мѣстѣ сдѣлалъ бы однимъ разомъ, то Іоаннъ совершалъ въ два; можно сказать, что Іоаннъ оробѣлъ предъ мыслію нанести рѣшительный ударъ Новгороду, и отложилъ предпріятіе до другаго разу, чтобъ собраться съ силами, подумать. Съ другой стороны можетъ представиться вопросъ: былъ ли Іоаннъ способенъ возвыситься до мысли покорить Новгородъ, приравнять его къ городамъ Низовымъ? Не хотѣлъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ только поддержанія старины въ отношеніи къ Новгороду, какъ сначала поддерживалъ ее въ отношеніи къ Твери и Рязани? Софія Палеологъ еще не пріѣзжала въ Россію; ей современники приписывали внушеніе Іоанну всѣхъ важнѣйшихъ его замысловъ, весь новый порядокъ вещей, начавшійся въ его правленіе[348]; великая мысль государственнаго объединенія, выраженная въ словахъ: „Хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ,“ не принадлежитъ ли Софіи? и вотъ объясненіе, почему эти слова были произнесены въ 1477 году, а не въ 1471. Всѣ эти предположенія съ перваго взгляда могутъ показаться основательны; но разсмотримъ обстоятельнѣе поведеніе Іоанново во все время борьбы его съ Новго-

самый, который пріѣзжалъ въ Москву до перваго похода и не хотѣлъ отвѣчать В. Князю на жалобы его противъ Новгородцевъ [350]; въ числѣ его товарищей встрѣчаемъ: Селезневыхъ — Матвѣя и Якова, которыхъ братъ Василій былъ казненъ вмѣстѣ съ Димитріемъ Борецкимъ; Андрея Телятева и Моисея Ѳедорова: изъ этѣхъ фамилій Яковъ Ѳедоровъ и Павелъ Телятевъ были схвачены въ Шелонской битвѣ; наконецъ Аѳанасьевыхъ, которыхъ Іоаннъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, считалъ самыми жаркими приверженцами Литвы. Угнетенные приверженцы Москвы обратились къ своему естественному защитнику, Князю Московскому [351]: Іоаннъ не замедлилъ явиться. Новгородцы встрѣтили его, по обычаю, съ богатыми дарами; В. Князь хотѣлъ окружить себя необыкновенною торжественностію, хотѣлъ явиться настоящимъ главою Новгорода, хотѣлъ возстановить уваженіе къ В. Князю, потерянное слабыми его предшественниками, позволявшими себѣ вымаливать на вѣчѣ прощеніе въ нарушеніи условій. Владыка Ѳеофилъ прислалъ къ дворецкому и конюшему великокняжескимъ двухъ незначительныхъ людей для распоряженій на счетъ съѣстныхъ припасовъ; В. Князь разгнѣвался на архіепископа, и послѣдній едва успѣлъ умилостивить его, прислався съ припасами своего намѣстника [352]. Въ городскихъ воротахъ Іоаннъ велѣлъ [353] Владыкѣ встрѣтить себя съ крестами. Между тѣмъ жалобщики стремились со всѣхъ сторонъ, потому что, говоритъ лѣтописецъ, Новгородцы долго жили на своей волѣ, а о В. Князѣ небрегли; оттого въ землѣ ихъ было много зла, безпрестанныя убійства, грабежи, раззоренія домовъ: кто былъ сильнѣе, тотъ и раззорялъ и увѣчилъ слабаго противника [354]. Наконецъ явились и главные жалобщики: жители улицъ Славковой и Никитиной и бояре Понарьины: В. Князь далъ судъ въ присутствіи архіепископа и знатнѣйшихъ Новгородцевъ, нашелъ неправду обвиненныхъ и велѣлъ захватить ихъ; въ то же время отдалъ подъ стражу Ивана Аѳанасьева съ сыномъ Алферіемъ за преданность Литвѣ [355]. На третій день послѣ суда архіепископъ и другіе знатные граждане пришли бить челомъ, чтобы В. Князь смиловался, простилъ виновныхъ; Іоаннъ удивился просьбамъ Владыки: „Ты самъ, отецъ мой, знаешь, отвѣчалъ онъ, сколько и прежде эти люди причинили зла Новгороду, да и теперь все зло, какое ни есть въ нашей отчинѣ, все отъ нихъ: какъ же мнѣ ихъ жаловать [356]!" Изъ этихъ словъ видно, что обвиненные всѣ были приверженцы Литвы и враги Москвы; ибо В. Князь прямо сказалъ, что отъ нихъ

произошло все прежнее зло, т. е. союзъ Литовскій. Өеофилу нечего было возразить на слова Іоанна. Оставить въ Новгородѣ предводителей Литовской стороны было бы величайшею безразсудностію со стороны В. Князя; отправить ихъ въ Москву — значило оставить партію безъ главъ, низложить ее совершенно, и тѣмъ приготовить себѣ легкое покореніе; Іоаннъ поспѣшилъ отослать ихъ въ Москву. Отмѣна стараго Новгородскаго быта была рѣшена; Іоаннъ искалъ только случая объявить объ этомъ гражданамъ. Въ Февралѣ 1476 года В. Новгородъ опять отправилъ своего Владыку и знатнѣйшихъ гражданъ въ Москву бить челомъ объ освобожденіи заключенныхъ бояръ: В. Князь не отпустилъ ни одного. Вѣче умолкло, ибо обиженные толковали о притѣсненіи сильныхъ не на дворѣ Ярослава, ни у Св. Софіи, но на дорогѣ въ Москву; право судиться только въ Новгородѣ было забыто, ибо для обиженныхъ величайшее право есть право требовать защиты. Въ 1477 году такое положеніе дѣлъ принудило посадника Захарію Овина явиться въ Москву отвѣчать на жалобы, просить управы на непослушныхъ. Лѣтописецъ говоритъ, что этого не бывало отъ начала, какъ земля стоитъ, какъ В. Князья начали быть отъ Рюрика до Ивана III [357]; лѣтописецъ позабылъ отдаленную старину.

Іоаннъ видѣлъ, что все было приготовлено: противная партія безмолствовала безъ главъ своихъ; народъ привыкъ видѣть верховнаго судію въ Князѣ Московскомъ; вѣче молчало, но могло заговорить при первомъ удобномъ случаѣ, при первой побѣдѣ Ахмата или Хана Казанскаго, и посадникъ все еще сидѣлъ въ судѣ подлѣ Московскаго намѣстника; надобно было освободиться и отъ вѣча, и отъ посадника. Въ томъ же 1477 году послы Новгородскіе: Назаръ, Подвойскій, да Захарія, дьякъ вѣчевой, говоря отъ имени Новгорода, назвали Іоанна, вмѣсто господина, Государемъ [358]. Господинъ было простымъ выраженіемъ учтивости, Государь или Господарь значало отношеніе служебное, зависимость безусловную. Псковитяне давно уже въ сношеніяхъ съ В. Княземъ употребляли титулъ Государя [359], сохраняя при этомъ вѣче и посадника; но положеніе Новгорода не допускало такихъ неопредѣленныхъ учтивостей. В. Князь тотчасъ послалъ спросить обстоятельнѣе: «Какого государства хотятъ Новгородцы? Назвать Московскаго князя государемъ значитъ безусловно ему покориться, т. е., посадить по всѣмъ улицамъ для суда его тіуновъ, отдать ему дворъ Ярослава,

повиноваться одному его намѣстнику безъ посадника [360]." Вѣче изумилось; оно не ожидало такой скорой перемѣны старины, и отъ того Князя, который показалъ себя прежде такимъ ревностнымъ ея охранителемъ. Оно вспомнило свой старый обычай: не смѣя обвинять В. Князя, обвинило собственныхъ граждань, обманувшихъ его и Новгородъ, и умертвило ихъ; потомъ думали шесть недѣль, честили посла великокняжескаго, и наконецъ отправили съ отвѣтомъ: „Умоляемъ не нарушать старины, но вѣрно исполнять условія Коростынскаго договора, сохранять старый титулъ, старый судъ: перевѣтники хотѣли насъ поссорить; казни ихъ самъ; мы, съ своей стороны, казнимъ также, кого сыщемъ." Теперь Новгородцы опять начали говорить о старинѣ; но у В. Князя была своя старина: прежде, говорилъ онъ, Новгородцы не лгали, не говорили въ Москвѣ одно, а въ Новгородѣ другое; прежнихъ В. Князей они не называли лжецами [361]. Іоаннъ объявилъ походъ, собралъ огромное войско, но зналъ, что битвы не будетъ: при первомъ волненіи народномъ приверженные къ Москвѣ бояре явились ко двору В. Князя и обстоятельно донесли о состояніи дѣлъ Новгородскихъ [362]. Вмѣсто опасной грамоты, какъ просили Новгородцы, Іоаннъ отправилъ къ нимъ складную. На дорогѣ онъ не встрѣтилъ враждебныхъ войскъ, готовыхъ къ сраженію: вмѣсто нихъ безпрестанно являлись Новгородскіе бояре, съ просьбою о вступленіи въ службу В. Князя. Увѣренный въ успѣхѣ, Іоаннъ велѣлъ представить къ себѣ Новгородскихъ пословъ, задержанныхъ, по его приказу, въ Торжкѣ; они били ему челомъ объ опасной грамотѣ для Владыки и назвали Государемъ: Іоаннъ далъ опасъ. Ѳеофилъ явился съ посадниками и выборными отъ Житыхъ, прося о прекращеніи войны и о прощеніи виновныхъ бояръ, заключенныхъ въ Москвѣ. Іоаннъ угостилъ пословъ обѣдомъ и отправилъ къ своимъ боярамъ для переговоровъ. Здѣсь они просили возстановленія вполнѣ Коростынскихъ условій, да кромѣ того еще требовали подчиненія Московскихъ подданныхъ Новгородскому суду. В. Князь велѣлъ отвѣчать: „Вы отправили къ намъ пословъ, которые называли насъ Государями; мы послали спросить васъ, что вы разумѣете подъ этимъ именемъ, и вы заперлись, что посламъ не наказывали и упрекали насъ насиліемъ. Послѣ этого мы долго ожидали вашего исправленія, но тщетно, и потому рѣшились управиться судомъ Божіимъ. Теперь вы напоминаете о задержанныхъ боярахъ вашихъ; но на ихъ грабежи и насилія жаловался весь Новгородъ; ихъ вина была найдена въ присут-

ствіи Владыки и васъ, посадниковъ, послѣ чего надлежало казнить ихъ смертію; но, снисходя на ваше челобитье, я перемѣнилъ казнь на заключеніе: чего больше вы можете отъ меня требовать?" Въ заключеніе сказано было посламъ: „Если Новгородъ хочетъ просить помилованія, то онъ знаетъ, какъ онъ долженъ просить его [363]." Послы просили отсрочки, посовѣтовались съ гражданами, и возвратились съ повинною, что точно посылали Назара и Захара съ извѣстнымъ предложеніемъ. „Если такъ, велѣлъ сказать имъ В. Князь, если вы признаетесь, что хотѣли имѣть меня Государемъ, то сами знаете, что это значитъ: мое государство въ Новгородѣ должно быть такое, какое оно въ Москвѣ [364]!" Послы просили подумать, Іоаннъ далъ имъ два дня сроку. Ѳофилъ возвратился съ выборными изо всѣхъ сословій, и просилъ поговорить съ боярами; Іоаннъ приказалъ. Посадники начали предлагать условія, и между ними одно, въ которомъ Новгородъ показалъ всю вину свою предъ Россіею, всю необходимость уничтоженія своего стараго быта, несовмѣстность его съ могуществомъ и благомъ общаго отечества, показалъ, что онъ неспособенъ къ новой жизни, къ которой Москва призвала Россію, и хочетъ удержать свой старый, особный бытъ, съ своимъ обычаемъ: послы просили позволенія — не проливать крови за Россію вмѣстѣ съ другими городами и защищать только свои собственные предѣлы тамъ, гдѣ они сходятся съ народами чуждыми [365]. Бояре донесли Іоанну о требованіяхъ Новгородцевъ; онъ велѣлъ отвѣчать: „Вы назвали меня Государемъ, т. е., властителемъ неограниченнымъ, какимъ я на Москвѣ, а теперь предлагаете мнѣ условія, указываете, какъ править вами!" Послы отвѣчали: „Мы не указываемъ, но желаемъ только знать, какъ Государю угодно править въ Новгородѣ, ибо Новгородъ не знаетъ обычаевъ Низовскихъ странъ." В. Князь велѣлъ сказать имъ обычай Низовскихъ странъ: „Ни вѣчу, ни посаднику у васъ не быть, быть одной власти государевой." Послы согласились; Новгородъ вошелъ вторично въ общую жизнь Россіи; лѣтописецъ говоритъ, что Новгородскій вѣчевой колоколъ привезли въ Москву и повѣсили на площади *звонить, вмѣстѣ съ другими колоколами* [366].

Обозрѣвъ исторію отношеній Новгорода къ В. Князьямъ, какое же заключеніе мы должны вывести о характерѣ этихъ отношеній, равно какъ о характерѣ Новгородскаго народовластія?

Былъ ли Новгородъ республикою, въ которой развивался особый бытъ, не имѣвшій ничего общаго съ бытомъ другихъ городовъ Русскихъ? Отдѣлился ли онъ своимъ бытомъ при Ярославлѣ I-мъ, который грамотами утвердилъ его особное устройство, или отдѣлился отъ новой Руси вмѣстѣ со старою и, потомъ, оставшись одинъ представителемъ послѣдней, не могъ удержать старины и преклонился предъ городами юными? Что показали намъ событія?

Событія показали намъ, что не ко временамъ Ярослава I-го должно относить начало Новгородскаго народовластія, и не въ грамотахъ этого князя искать опредѣленія и утвержденія правъ его. Начало Новгородскаго народовластія совпадаетъ съ началомъ самого города, относится къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда нѣсколько родовъ Славянскихъ поселились впервые на берегахъ Волхова. Мы видѣли, какія причины препятствовали этому обществу къ развитію изъ самого себя правительственнаго начала; наконецъ это начало явилось извнѣ, было принесено князьями Варяжскими. Вѣче умолкло, междоусобіе прекратилось, но не надолго: между самыми князьями скоро возникли которы; сила была призвана для ихъ рѣшенія; городовое народонаселеніе не замедлило объявить, что и оно можетъ въ немъ участвовать; вѣча снова зашумѣли въ старыхъ городахъ, въ Новгородѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Вѣрные обыкновенію, со временъ Олега утвердившемуся и скрѣпленному распоряженіемъ Ярослава I-го, Новгородцы постоянно признавали своимъ княземъ старшаго въ родѣ Ярослава, державца Кіевскаго, ему посылали дань, отъ него принимали намѣстника или посадника, князя, или простаго боярина. Но престолъ великокняжескій сталъ переходить изъ одной линіи въ другую, за его обладаніе возникли споры и междоусобія: вмѣстѣ съ Кіевомъ и Новгородъ долженъ былъ подвергнуться безпрестаннымъ перемѣнамъ, переходить отъ одного князя къ другому, слѣд. всѣ которы между членами рода Ярославова, всѣ междоусобія, отъ того происшедшія, должны были найти отзвучіе и въ Новгородѣ; внутренній нарядъ снова былъ нарушенъ; шумныя вѣча, волненія, междоусобія, участились. Народъ привыкъ къ нимъ, привыкъ самъ рѣшать судьбу свою, привыкъ, при первомъ неудовольствіи, требовать новаго порядка вещей и силою подкрѣплять свои требованія. Таковы были для Новгорода слѣдствія господствовавшаго въ старой Руси порядка вещей — нераздѣльности владѣнія между членами княжеской семьи и правъ

старшаго въ родѣ. Этотъ порядокъ вещей измѣнился на сѣверо-востокѣ, въ сосѣдней Новгороду области Ростовской. Здѣсь, благодаря господству новыхъ городовъ и предпочтенію, которое Андрей и его преемники умѣли оказать имъ, явилось новое понятіе собственности неотчуждаемой. Безпрерывный переходъ князей изъ одного города въ другой прекратился; они усѣлись каждый въ своемъ удѣлѣ, каждый старался, вопреки старшинству, получить городъ стольный съ его областію, но уже не для одной чести считаться старшимъ въ родѣ, а для усиленія себя на счетъ остальныхъ князей, для распространенія своего удѣла на счетъ сосѣдей. Для утвержденія новаго порядка вещей Сѣверной Россіи должно было освободиться на время отъ Россіи Южной, гдѣ старый бытъ господствовалъ и откуда являлись на сѣверъ непобѣдимые князья, съ угрозою задавить новорожденное государство. Этому освобожденію помогли Монголы. Геній старой Руси, герой Липецкій, не измѣнилъ старинѣ и на берегахъ Калки завелъ котору съ братіею и принужденъ былъ обратить тылъ предъ невѣдомыми врагами. Старая Русь, испепеленная Татарами, поддалась князьямъ Литовскимъ и потеряла свой прежній бытъ: Новгородъ остался одинокимъ представителемъ прошедшаго, одинъ напоминалъ о старинѣ, уже непонятной и враждебной. Лишенный помощи южныхъ князей, старый городъ не могъ бороться противъ соединенныхъ пригородовъ, и потому видѣлъ единственное средство спасенія въ ихъ разъединеніи, въ междоусобіяхъ князей и въ ихъ зависимости отъ степныхъ варваровъ, т. е., видѣлъ единственное средство спасенія въ бѣдствіяхъ, въ безсиліи Россіи, ея уничиженіи; можно сказать, что одряхлѣвшій городъ поддерживалъ свое безполезное существованіе кровію, слезами, стыдомъ городовъ юныхъ Стѣсненный сильною Тверью, онъ старался противопоставить ей Москву; Москвѣ, усилившейся на счетъ Твери, хотѣлъ противопоставить Нижній Новгородъ: послѣднее желаніе не исполнилось: Москва была могущественна, Орда въ изнеможеніи. Тогда Новгородъ сдѣлалъ послѣднюю отчаянную попытку: онъ обратился къ другому В. Князю Русскому, снова хотѣлъ возбудить силы старой Руси противъ новой, завязать смертельный бой между Литвою и Москвою; но враждебный рокъ увлекалъ Литву къ западу, и союзъ съ нею положилъ только на Новгородъ пятно тяжкой измѣны, измѣны вѣрѣ предковъ.

Съ 1478 года въ Новгородѣ уже не было болѣе ни вѣча, ни посадника; но представитель старыхъ городовъ не могъ вдругъ забыть своей старины, спокойно подчиниться формамъ быта ненавистныхъ пригородовъ, и потому движенія въ пользу прежняго порядка вещей долженствовали находить въ немъ сильныя отзвучія. Мы видѣли, что старый бытъ Новгорода поддерживался княжескими междоусобіями, дававшими ему возможностъ выбора между соперниками; прекращеніе междоусобій смертію Шемяки возвѣстило надеміе Новгорода: ихъ возобновленіе должно было снова воззвать къ жизни умолкнувшее вѣче. Двое братьевъ Іоанна III — Андрей Большой и Борисъ, негодуя на В. Князя за то, что онъ назначилъ, мимо ихъ, соправителемъ сына своего, Іоанна Молодаго, вздумали вооруженною рукою заставить его отказаться отъ новаго порядка престолонаслѣдія. Разумѣется, что въ этой попыткѣ оживить старину удѣльные князья должны были надѣяться самого ревностнаго содѣйствія отъ знаменитаго поборника старины — В. Новгорода. Въ 1479 году В. Князь получилъ тайное извѣстіе, что Новгородъ измѣнилъ присягѣ и снова соединился съ Литвою. Король обѣщалъ немедленно явиться съ полками и послалъ, съ одной стороны, къ Хану Большой Орды звать его на Москву, а съ другой къ Папѣ съ просьбою о денежномъ вспоможеніи для успѣха въ дѣлѣ, которое неминуемо повлечетъ за собою присоединеніе огромной области къ Римской Церкви; Папа назначилъ на военныя издержки сборъ со всѣхъ Церквей Польскихъ и Литовскихъ. Новгородцы послали и къ Ордену съ просьбою о союзѣ противъ Москвы, но Нѣмцы отреклись, боясь Псковитянъ, которые ничего не знали о намѣреніяхъ своихъ старшихъ братьевъ и ревностно держались Московскаго Государя. Послѣдній показалъ въ этихъ опасныхъ обстоятельствахъ благоразуміе и рѣшительность необыкновенную. Взявъ съ собою только тысячу человѣкъ, онъ поспѣшно отправился къ Новгороду миромъ, надѣясь внезапнымъ своимъ появленіемъ задавить крамолу, а между тѣмъ, подъ предлогомъ войны Ливонской, велѣлъ сыну набирать войска и спѣшить за собою слѣдомъ; заставы были разставлены повсюду, дабы не дать къ Новгороду вѣсти о наборѣ и приближеніи многочисленной рати. Но всѣ этѣ предосторожности были тщетны: на границахъ Московской области Іоаннъ свѣдалъ, что Новгородцы затворились и не намѣрены пускать его миромъ. Тогда В. Князь дождался своихъ полковъ и немедленно приступилъ къ Новгороду. Тѣже обстоятельства, которыя способство-

вали первому торжеству его, помогли ему и теперь: единственное средство избавиться отъ Москвы — союзъ съ Литвою былъ ненавистенъ приверженцамъ древняго Православія; они противились Литовскимъ сторонникамъ на вѣчѣ и толпами перебѣгали въ станъ Московскій. Тогда Архіепископъ послалъ къ В. Князю требовать опаса, позабывъ, что имѣетъ дѣло съ Іоанномъ III. Послѣдній очень хорошо зналъ, что дать опасъ и вступить въ переговоры съ Новгородомъ значило дать послѣднему видъ независимой державы, и потому отвѣчалъ: „Я самъ опасъ для невинныхъ и государь вашъ; отворите ворота: невинные не потерпятъ отъ меня ни малѣйшаго оскорбленія«, а между тѣмъ разрушительная стрѣльба изъ пушекъ не прекращалась: „бѣ бо Аристотель искусенъ зѣло,“ говоритъ лѣтопись. Наконецъ отворились ворота, и Архіепископъ, въ сопрожденіи посадника, тысяцкаго (ибо Новгородцы поспѣшили возстановить свои древнія формы правленія), старостъ пяти концевъ, бояръ и всего народа вышелъ на встрѣчу къ В. Князю. Виновные граждане пали ницъ и просили прощенія. Іоаннъ спокойно благословился у Архіепископа и сказалъ во всеуслышаніе; „Я, Государь вашъ, даю миръ всѣмъ невиннымъ, не бойтесь ничего!“ и отправился, по обычаю, къ Св. Софіи, а потомъ въ домъ Ефима Медвѣдева, новаго посадника, гдѣ и остановился. Въ тотъ же день 50 человѣкъ главныхъ крамольниковъ были захвачены и пытаны: тутъ только В. Князь узналъ объ участіи Архіепископа въ заговорѣ и о сношеніяхъ братьевъ своихъ съ Новгородцами. Ѳеофилъ былъ взятъ и отосланъ въ Московскій Чудовъ монастырь подъ стражу, богатство его отобрано въ казну; 100 главныхъ крамольниковъ подверглись смертной казни; 100 семей дѣтей боярскихъ и купцовъ разосланы по Низовымъ городамъ; 7,000 семей купцовъ и черныхъ людей разведены по посадамъ и тюрьмамъ: „И тако конечнѣ укроти В. Новгородъ“, говоритъ лѣтописецъ [367].

Д. Ч. С. Соловьевъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Соф. врем. II, 190.
[2] Тамъ же.
[3] Ипатьев. лѣтоп. стр. 40: На утріи же день пославъ Изяславъ на Ярославль дворъ, и повелѣ звонити вѣче и проч.
[4] Новгород. пер. лѣт. стр. 12, 36; Ипатьев. 97.
[5] Новгород. пер. стр. 46.
[6] Тамъ же.
[7] Новгород. втор стр. 136.
[8] Новгород. пер. 65.
[9] Историч. разгов. о древн. Новгорода, стр. 51.
[10] Новгород. пер. стр. 87.
[11] Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, т. I.
[12] Акты арх. экспед. т. I. No. 91.
[13] Тамъ же, No. 92.
[14] Тамъ же, No. 87.
[15] Собр. г. г. и. д. т. I.
[16] Тамъ же.
[17] Новгород. пер. стр. 15.
[18] Тамъ же, стр. 37.
[19] Соф. врем. II, 164 и слѣд.
[20] Тамъ же.
[21] Новгор. пер. стр. 8.
[22] Соф. врем. II, 183.
[23] Новгор. пер. стр. 31.
[24] Тамъ же, стр. 36.
[25] Акты арх. эксп. т. I, No. 92.
[26] Новгор. пер. стр. 37.
[27] Тамъ же. стр. 44.
[28] Тамъ же, стр. 46.
[29] Тамъ же, стр. 65.
[30] Тамъ же.

31 Тамъ же, стр. 76.

32 Тамъ же, стр. 82.

33 Тамъ же, стр. 30.

34 Лѣтоп. по Лавр. сп. изд. Тимк. стр 5.

35 Script. Hist. Byz. XXII, p. 78.

36 Procop. de bello Goth. t III, c. 14.

37 Краλодвор. рукопись, Snĕm.

38 Ипатьев. стр. 17.

39 Тамъ же.

40 Новгор. пер. стр. 11.

41 Акты арх. эксп. т. I, No 91: А позовъ по волостямъ Ноугородскимъ позывати позовникамъ Великихъ Князей, да Новгородскимъ; а въ городѣ позывати Князей Великихъ подвойской, а Ноугородской подвойской. — Тамъ же, N⁰. 92: А кого утяжуть въ наѣздѣ и въ грабежи ино взять Великимъ Княземъ и Великому Ноугороду на виноватомъ и проч.

42 Новгор. пер. стр. 44: Той же зимѣ побѣже Өедоръ Даниловиць съ тіуномъ Якимомъ, поимъше съ собою два княжичи Өедора и Алъксандра... тъгдаже Новгородцы рѣша: дажь что зло съдумавъ на Святую Софію, а побѣглъ, а мы ихъ не гонили, нъ братью свою есме казнили, а князю есме зла не створили никотораго же.

43 Ипатьев., стр 146.

44 Лавр. стр. 100: «Святополкъ же окаянныи нача княжити Кыевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другымъ кунами и раздая множьство.“ — Еще прежде, тотчасъ по смерти Владиміра, онъ поступилъ подобнымъ же образомъ, см. тамъ же стр. 94.

45 Кёнигсбегр. стр. 118.

46 Патерикъ Печер. житіе Св. Прохора.

47 Кёнигсберг. стр. 142: Въ лѣто 6604. Святополкъ и Володиміръ посласта ко Ольгови, глаголюще сице: »Пойди Кіеву, да Урядъ положимъ о землѣ Русской предъ Епископы и Игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили Русскую землю отъ поганыхъ.“ Олегъ же восприимъ смыслъ буй и словеса величава, рекъ сице: »Нѣсть мене лѣпо судити Епископу или Игумену, или смердомъ.“

48 Кёнигсберг. стр. 133.

49 Ипатьев. 10: Володимеръ Мономахъ, иже просвѣти Русскую землю, аки солнце луча пущая; егоже слухъ произиде по всимъ странамъ, наипаче же бѣ страшенъ поганымъ, братолюбецъ, и нищелюбецъ и добрый страдлецъ, за Русскую землю. — Тамъ же, стр.

15: Се бо Мьстиславъ Великый наслѣди отца своего потъ Володимера Мономаха Великаго. Володиміръ самъ собою постоя на Дону, и много пота утеръ за землю Русскую.

[50] Патер. печер. житіе Св. Прохора: Сія слышавъ князь Святополкъ, устыдѣся о дѣлѣ своемъ, и шедъ въ Печерскій монастырь, смирися со Игуменомъ Іоанномъ: прежде бо вражду имѣяше на него, обличенія ради о несытствѣ богатства, и озлобленіи людей: тѣмъ же и въ Туровъ того заточилъ, обаче убоявся востанія на ея Христолюбиваго Князя Владиміра Мономаха, скоро возврати съ честію въ Печерскій монастырь.

[51] Ипатьев. стр. 31: Кіяне же рекоша (Изяславу): »княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володиміре племя руки възняти; олня же Ольговичь хотя и съ дѣтми.« См. тамъ же стр. 55.

[52] Тамъ же стр. 4.

[53] Въ лѣтописи мы различаемъ два рода дружинъ: дружину городскую и дружину собственнокняжескую. Если князь, по какому бы то ни было случаю, оставлялъ городъ, то дружина его оставалась въ старомъ удѣлѣ и вступала въ службу новаго князя; но часто нѣкоторые изъ ея членовъ, или изъ особенной привязанности къ князю, или отъ нерасположенія къ его преемнику, оставляли старый удѣлъ и слѣдовали за любимымъ княземъ въ новый, или куда бы то нибыло: эту-то дружину мы назвали собственно княжескою. Такъ читаемъ въ Ипатьев. лѣт. стр. 27: »И тако побѣже Святославъ (Олеговичь) изъ Новгорода (Сѣверскаго) Корачеву; дружина же его, они по немъ идоша, а друзіи осташа его.« Или стр. 54: »Изяславъ же (Мстиславичь) рече дружинѣ своей: »вы есте по мнѣ изъ Рускые земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизній лишився, а язъ пакы своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти: но любо голову свою сложю, пакыли отчину свою налезу и вашю всю жизнь.« — Ясно, что такая дружина пользовалась особенною привязанностію князя, предпочтительно предъ старою дружиною, найденною въ новомъ удѣлѣ: отсюда ропотъ послѣдней и негодованіе гражданъ; старая дружина, отстраненная новою и униженная ею, всѣми силами старалась сбыть пришлецовъ; такъ Кіевляне, убѣждая Изяслава Мстиславича смѣнить Ольговичей, говорили: »Ты намъ князь, поѣди Ольговичь не хочемъ *быти акы въ задничи,*« т. е. отстраненными въ пользу Черниговцевъ (Ипатьев. стр. 23).

[54] Тамъ же, стр. 22: А нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ хрестъ, и съ братомъ своимъ: аще кому насъ обида, то ты прави. „Святославъ же рече имъ: язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ вы насилья ни которого же, а се вамъ и тивунъ, а по

вашей воли .... Игорь же ссъдѣ съ коня, и цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ воли.

[55] Ипатьев. стр. 76: Мужи же бороняхутъ ему (Ростиславу) поити Чернигову, рекучи ему: „се Богъ поялъ строя твоего Вечеслава, а ты ся еси еще съ людьми Кіевѣ не утвердилъ; а поѣди лѣпле въ Кіевъ же, съ людми утвердися. — Тамъ же, стр. 96: о рядѣ Мстислава Изяславича съ Кіевлянами; о томъ же Густин. стр. 930: Мстиславъ же внійде въ Кіевъ и сотвори рядъ съ Кіяны.

[56] Тамъ же стр. 66, 82 Никонов. II. 224.

[57] Кёнигсберг. стр. 261: Новгородци бо изначаля; и Смоляне и Кіяне и Полочане, и вся власть яко же на думу на вечье сходятся, на что же старѣйшіи здумаютъ, на томъ же и пригороди станутъ.

[58] См. примѣч. предшествовавшее.

[59] Суздаль, вѣроятно, основанъ при Св. Владимірѣ, ибо упоминается уже при Ярославѣ 1-мъ (см. Никонов. I, 130, Воскр. I, 181; Соф. врем. I, 150); Ярославль при Ярославѣ 1-мъ, ибо упоминается уже при сынѣ его Изяславѣ (см. Воскр. I, 198; Соф. вр. I, 165; Соф. 126; Никон. I (161). Юрій Долгорукій утвердилъ столъ свой въ младшемъ Суздалѣ: отсюда названіе земли Суздальской смѣняетъ иногда названіе Ростовской, однако послѣднее преобладаетъ. Ипатьев. стр. 61: Вячеславъ же рече (Юрію): „у тебя сыновъ 7........ поѣди же у свой Переяславль и въ Курескъ, и съ своими сыны, а онамо у тебе *Ростовъ великій* и проч. См. тамъ же, стр. 81, 82, 87, 99, 102, 105. Объ относительномъ богатствѣ и великолѣпіи Ростова свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто лѣтописи: (Ипатьев. стр. 88). Томъ же лѣтѣ погорѣ Ростовъ, и церкви вся, и сборная дивная великая церкви святая Богородица, якоя же не было, николи же ни будетъ.

[60] Ипатьев. стр. 41.

[61] Это нелюбье Кіевлянъ Долгорукій раздѣлялъ вмѣстѣ съ потомствомъ Святослава Ярославича; причины были тѣже: своевольство Суздальской дружины въ Кіевѣ и частые союзы Юрія съ Половцами. Ипатьев. стр. 81.

[62] Тамъ же стр. 78.

[63] Тамъ же, стр. 91.

[64] Исключая одного похода на Болгаръ въ 1164 г.

[65] Вотъ какъ современники смотрѣли на отношеніе удѣльныхъ князей къ Великому: „Володимеру бо еще въ Кіевѣ сущю, сбирающу ему вои многи и молящю Бога о насильи и о гордости Ярославли, бѣ бо и Мстислава пустилъ передъ собою къ Володимерю съ маломъ вой, а самъ хотя поити по немъ съ всими вои: и бысть

велика помощь Божія благовѣрному князю Володимеру, съ своими сынъми, за честьное его житье и за смиреніе его, оному бо младу сущю и гордящюся *противу строеви своему, и паки противу тьсти своему Мьстиславу* " (Ипатьев. стр. 9). Здѣсь Ярославъ виноватъ, по мнѣнію современниковъ, тѣмъ, что не уважалъ дяди и тестя: исключительно одни родственныя отношенія, ни слова о государственныхъ.

[66] Правда = клятва, крестное цѣлованіе: И рече имъ Князь великій Святополкъ: межи нами Богъ и *правда* есть, како урядилисъ есмя съ Володимиромъ и проч. (Кёнигсберг. стр. 166). — Инача (Андрей Иванов. Старицкій) со княземъ съ Иваномъ ссылатися, и у князя Ивана учалъ *правды* просити; что его Великому Князю и его матерѣ Великой Княгинѣ не поймати.......... и Князь Великій и его мати В. Княгиня, на Князя на Ивана на Овчину о томъ словесную опалу великую наложили, что безъ ихъ велѣнія Князю Андрею *правду* далъ (Кн. Царств. стр. 71) — И тую всю грамоту послали къ тебѣ съ твоими послы, учиня на ней *правьду* передъ твоими послы (Кн. Посольская Метрики В. К. Литовскаго т. I, № 78).

[67] Ипатьев. стр. 116: Пріѣхаша же со всею силою Ростовьскія земли на Михалка къ Володимерю и много зла створиша, и Мюромьцѣ и Рязаньцѣ приведоша, и пожьгоша около города. Володимерьцѣ же бьяхутся съ города, святѣй Богородици помогающи имъ; и стояша около города 7 недѣль и святая Богородице избави градъ свой. Володимерци же, не терпяще глада, рѣша Михалку: „мирися, любо промышляй собѣ;" онъ же отвѣщавъ и рече: „прави есте, ци мене дѣле хочете погинути?" поѣха въ Русь, проводиша его Володимирьци съ плачемъ великымъ. Потомъ же Володимерци утвердившеся съ Ростиславичема крестьнымъ цѣлованіемъ, како не створити има никакого зла городу, и выйдоша, со кресты, противу Мьстиславу и Ярополку изъ города. И вьшедъша въ городъ утѣшиста Володимерцѣ, и роздѣливше волость Ростовьскую и сѣдоста княжить; а Ярополка Князя посадиша Володимерьцѣ, съ радостью въ городѣ Володимерѣ на столѣ, въ святѣй Богородици весь порядъ положивше. Не противу же Ростиславичема бьяхуться Володимерьци, но не хотяче покоритися Ростовьчемъ и Суждальцемъ и Муромьцемъ, зане молвяхуть: „пожьжемъ Володимерь, аль пакъ иного посадника въ немъ посадимъ; то суть наши холопѣ каменьници."

[68] Тамъ же.

[69] Тамъ же: И послашася къ Ростовьцемъ и къ Суждальчемъ, являюще имъ обиду свою. Они же словомъ суще по нихъ, а дѣломъ суще далече; а бояре Князю тою крѣпко держахуся.

70 Кёнигсбергъ. 262.

71 Тамъ же, стр. 263: Володимирцы же помянувше Бога и крестное цѣлованіе къ Великому Князю Георгію, и вышедше предъ золотая ворота, цѣловаша крестъ Всеволоду Князю, брату Михалкову, и на дѣтехъ его.

72 Тамъ же, стр. 264: молвяхуть бо ему: „аче ты миръ даси ему, а мы ему не дамы.“

73 Никонов. II, 310, 311: Князь же Константинъ не пойде в Володимеръ къ отцу своему, и посла къ нему сице глаголя: „отче чюдный и любезный .... даждь ми старый начальный градъ Ростовъ, и кнему Володимеръ ... Князь Великой же Всеволодъ Юрьевичь посла кнему второе, да пріидетъ къ нему; онъ же не пойде. И паки третие посла кнему, да приидетъ кнему в Володимеръ; онже не послуша отца своего, и не поѣхаша кнему, глаголя: да ми даси и Володимеръ к Ростову.

74 Кёнигсбергъ. 261: и бысть радость велика въ Володимири. За 7 недѣль безъ Князя будуще, въ Володимирѣ градѣ только возложиша всю надежю на Бога и на пречистую его матерь и на свою правду .... городы старыи Ростовъ и Суждаль, и вси бояре хотяще свою правду поставити, а не хотѣху правды Божіея творити, но како намъ любо, рекоша, тако же сотворимъ; Володимиръ есть пригородъ нашъ. Противящесь Богу и пречистой его матери и правдѣ Божіей, слушающе злыхъ человѣкъ развратниковъ, не хотящихъ намъ добра завистью, ни граду сему и живущимъ въ немъ .... Ростовцы и Суждальцы давніе старшіи творящесь, новіи жь людіи и мизенніи Володимирстіи уразумѣвше, яшась по правду крѣпко, и рѣкоша вси: „любо Михалка князя налѣземъ собѣ и брата его Всеволода, а любо главы своя за святую Богородицу и за тые князи сложимъ:“ .... Се бо Володимирцы прославлени Богомъ по всей земли, за ихъ правду Богу имъ помогающу.

75 Лавр. стр. 15: Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани Словеномъ Кривичемъ, и Мери; и Варягомъ данъ даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяша Варягомъ. — Тамъ же стр. 92: Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урокомъ дающи Кіеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху а тако даяху (вси) посадници Новгородьскіе.“ Въ первомъ извѣстіи племя Славянъ (собственно такъ называемыхъ или Ильменскихъ) отдѣлено отъ главнаго ихъ города: Славяне платятъ данъ наравнѣ съ Кривичами и Мерею, Новгородъ же платитъ особую данъ въ 300 гривенъ. Въ первомъ извѣ-

стіи сказано: Варягомъ, ибо въ началѣ дружина преимущественно составлялась изъ нихъ; послѣ же, когда эта преимущественность исчезла, и слово *Варяги* замѣнено *гриди*. Назначеніе этой особой дани опредѣлено словами: *мира дѣля:* здѣсь *миръ* означаетъ внутреннее спокойствіе, общественную безопасность — главную цѣль общины, въ слѣдствіе чего *миръ* и *община* суть слова однозначущія, какъ у насъ, такъ и на западѣ. Миръ былъ нарушаемъ безпрестанными усобицами: постоянное войско, дружина княжеская, Варяги, гриди, должны были предотвращать ихъ вооруженною рукою, и получали за это особую дань. Это мѣсто лѣтописи ясно намекаетъ на недавнія безпокойства въ городѣ и на необходимость укрощать ихъ вооруженною силою. По смерти Ярослава 1-го, когда, въ слѣдствіе ослабленія власти княжеской, Новгородъ пріобрѣлъ извѣстныя права и вольности, пребываніе многочисленной дружины княжеской было опасно для гражданъ; они прекратили платежъ и такимъ образомъ заставили князя ограничиться малымъ числомъ приближенныхъ; вотъ по чему сказано, что они давали эту дань до смерти Ярослава, т. е., до начала ослабленія княжеской власти и усиленія народовластія въ Новгородѣ. (Въ Никонов. спискѣ вмѣсто словъ: „еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ" читаемъ: „еже и нынѣ даютъ)".

[76] Густин. лѣт. стр. 239: Иде Олегъ на Грекы .... и поятъ съ собою множество Варягъ, *Славянъ*, Чудь, Мерю Кривичи, Поляны, Сѣверы, Древляны, Радимичи и проч.—Лавр. стр. 19: Игорь же совкупивъ вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словѣни и Кривичи и проч.

[77] Тамъ же, стр. 90: Володимеру же шедшю Новгороду по верховьнѣ воѣ на Печенѣгы.

[78] Тамъ же, стр. 31.

[79] У Сѣверныхъ народовъ было повѣрье, что князья, какъ потомки боговъ и находившіеся постоянно съ ними въ общеніи, имѣли особенное доброе счастіе (Kongs-hamingià, Kongs-gipta), которое они могли сообщить также и своимъ дружинникамъ; такъ въ Сагѣ Олафа Тригвисона читаемъ, что когда Галлфредъ перемогъ Торлефа Мудраго, то послѣдній сказалъ ему: „Вѣдь ты это не одинъ сдѣлалъ, ибо счастіе королевское за тобою всюду слѣдуетъ."

[80] Ипатьев. стр. 59: Бѣ бо въ то время пославъ (Изяславъ) сына своего Мьстислава въ Угры, да тѣмъ не твердъ ему бѣ бродъ, зане не бяшеть ту князя, а боярина не вси слушаютъ. — Тамъ же, стр. 70: Черниговцемъ же бьющимся изъ города, князи же сдумавши, се не крѣпко бьются дружина и Половци, оже съ ними не ѣздимы сами "

[81] Лавр. стр. 48.
[82] Кёнигсберг. 188.
[83] Тамъ же, стр. 101.
[84] См. Татищева предисловіе къ изд. Русской Правды въ продолж. Древ. Вивліоѳ. т. I, стр. 6.
[85] Образчикъ грамоты княжеской извѣстному лицу на волость см. въ Актахъ Арх. Эксп. т. I. No. 2-й.
[86] Лавр. стр. 12.
[87] Тамъ же, стр. 14.
[88] Тамъ же, стр. 47.
[89] Тамъ же. стр. 44.
[90] Тамъ же, стр. 48.
[91] Никонов. I, 129.
[92] Соф. врем. I, 156; см. также припись къ Остромірову Евангелію.
[93] Новгор. пер. стр. 5.
[94] Истор. Татищ. т. III. стр. 407.
[95] Новгор. пер. стр. 63; Того же лѣта (1281) отьяша посадничество, Князь Дмитрій и Новгородцы, у Михаила у Мишинича, и даша Семену Михаилову, выведши изъ Ладоги.
[96] Тамъ же, стр. 31: Приде Дмитръ Якуниць изъ Руси, и съступися Твърдиславъ посадничьства по своей воли старѣишю себе.
[97] Тамъ же, стр. 44: А къ князю Ярославу послаша на томъ: поѣди къ намъ, забожницы отложи, судье по волости не слати; на всеи. воли нашеи и на вьсѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь. — Забожничьемъ, по согласному мнѣнію изслѣдователей, называлась дань, собираемая съ церквей (божницъ); Карамзинъ прибавляетъ: съ церквей нѣмецкихъ, потому что божницами преимущественно именовались у насъ латинскіе храмы. Истор. Г. Р. III, примѣч. 324. Арцыб. Повѣств. о Россіи, кн. 2, стр. 327.
[98] Тамъ же: Приде Князь Михаилъ изъ Чернигова въ Новгородъ.... и цѣлова крестъ на всеи воли Новгородстѣи и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ; и вда свободу смьрдомъ на 5 лѣтъ даніи не платити и проч. Соф. врем. I, 236: Прииде князь Михайло изъ Чернигова въ Новгородъ, и цѣлова князь крестъ, что ходити по Ярославлимъ грамотамъ, а болѣе того не изневолити Новгорода. Никоно. II, стр. 361.
[99] Новгород. пер. стр. 47.
[100] Тамъ же, стр. 79. Соф. врем. I. 322.
[101] Соф. врем. I, 152: и людемъ написа грамоту, рехъ: по сей грамотѣ дадите дань. — Никон. I, 133.
[102] О Судной грамотѣ Ярослава, или, такъ называемой, Русской Правдѣ,

въ нашемъ изслѣдованіи не можетъ быть рѣчи, ибо та грамота не есть льготная.

[103] Лѣтопись во 2-й части продолженія Древ. Вивл. стр. 312.

[104] Патерикъ Печер., житіе Св. Никона: Умершу же Ростиславу Владиміровичу князю острова того, умоленъ бысть преподобный отецъ нашъ Никонъ отъ людей страны тоя, поити къ Святославу Ярославичу Князю Черниговскому, и молити его да пуститъ имъ сына своего Глѣба на престолъ Тмутораканскій.

[105] Изгнанный Глѣбъ убитъ былъ далеко на Сѣверѣ, въ странахъ Чуди Заволоцкой. Объ изгнаніи Глѣба см. лѣтопись во 2-мъ Томѣ продолж. Древ. Вивл.: И посади Святослав. .... всего Глѣба. И выгнаша ... и бѣжа за волокъ, и у .... и Чюдь.—Пропуски эти дополняются тождественною съ напечатанною въ Вивл. лѣтописью, находящеюся въ Румянцов. Музеѣ подъ No. CCXLIX: И посади Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша изъ города и бѣжа за Волокъ и убиша и Чюдь.— Если Изяславъ и Всеволодъ изгнали племянниковъ отовсюду, то ясно они не могли спокойно оставить Глѣба въ Новгородѣ: отсюда понятно, почему *выгнаща* и *бѣжа*. см. Арцыб. кн. II, стр. 31, примѣч. 181.

[106] Карам. т. II, прим, 172: Въ харат. Новгород. стр. 8: въ лѣто 6603 иде Святополкъ и Володимеръ на Давыда Смольньску, и вдаша Давыду Новгородъ. Въ Новгород. попа Іоанна стр. 313: „княживъ пять лѣтъ (Мстиславъ въ Новгородѣ), иде къ Ростову; а Давыдъ прииде къ Новгороду княжить, и по *двою лѣту* выгнаша и, и приде Мстиславъ опять."—„Если Давидъ (замѣчаетъ Карамзинъ) какъ сказано выше, въ 1095 году изгнанъ изъ Смоленска, то онъ не жилъ двухъ лѣтъ въ Новгородѣ: ибо Мстиславъ возвратился изъ Ростова въ томъ же 1095 году." — Невѣрность показанія лѣтописи попа Іоанна объясняется, если сличимъ ее съ показаніемъ, находящимся у Татищева, кн. II, стр. 157: равно какъ съ Кёнигсб. 141 и Никон. II, 11. Слова: *выгнаша и* относятся не къ первой смѣнѣ Мстиславомъ Давида въ 1095 году, ибо тогда Новгородцы не выгоняли Давида: онъ самъ добровольно ушелъ отъ нихъ; но относятся ко вторичному прибытію его въ Новгородъ, когда уже тамъ былъ Мстиславъ и когда граждане точно прогнали или, лучше сказать, не пустили Давида. У Татищева читаемъ такъ: „Давидъ Святославичь, хоть былъ князь кроткій, милостивый и справедливый, но не могъ Новгородцамъ по ихъ непостоянству во всемъ угодить, выѣхалъ въ Смоленскъ и тутъ остался на княженіи, а Изяслава сына Владимірова выслалъ. Новгородцы же послали ко Владиміру просить, чтобъ имъ далъ сына своего Мсти-

слава изъ Ростова. Володиміръ согласясь со Святополкомъ, поѣхалъ самъ въ Новгородъ, и Мстиславу изъ Ростова велѣлъ туда ѣхать.... Но Давидъ увѣдавъ, что Владиміръ въ Новгородъ поѣхалъ, а сына своего тамъ хощетъ посадить, оставя Смоленскъ, поѣхалъ паки въ Новгородъ, а Новгородцы увѣдавъ, что онъ идетъ, а у нихъ уже былъ Мстиславъ, послали ему сказать, чтобъ онъ не ходилъ къ нимъ, понеже они князя имѣютъ; онъ же, слышавъ то, возвратился къ Смоленску."

[107] Кёнигсберг. стр. 167: Святополкъ рядъ имѣлъ съ Володимеромъ, яко Новгороду быти Святополчу; а посадити сынъ свой въ немъ, а Володимиру посадити сынъ свой въ Володимирѣ. И пріиде Мстиславъ къ Кіеву, и сѣдоша въ Истьбѣ, и рѣша мужи Володимири: »Се прислалъ Володимиръ сына своего Мстислава съ Новгородцы да поимше сына твоего идутъ къ Новгороду, а Мстиславъ да идетъ къ Володимерю.« И рече имъ князь великій Святополкъ: »межи нами Богъ и правда есть; како урядилися есмя съ Володимиромъ; яко Новгородъ мнѣ есть: да идетъ въ Новгородъ сынъ мой." И рѣша Новгородцы Святополку: „Се мы, княже, присланы къ тобѣ, рѣкли намъ тако: не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли двѣ главѣ имѣетъ сынъ твой, то посли; а се ны далъ Всеволодъ, да вскормили есмо себѣ Князя, а ты еси шелъ отъ насъ." Также точно поступили Полочане въ 1132 году: когда Изяславъ Мстиславичъ промѣнялъ ихъ столъ на Переяславскій, то они съ негодованіемъ отреклись отъ Мономаховичей (Лавр. 132). Псковитяне говорили Князю Андрею въ 1349 году: „А Псковъ повергъ то, уже еси самъ лишилъ Пскова, а намѣстникъ твоихъ нехотимъ. (Псков. изд. Погод. стр. 28).

[108] Кёнигсберг. стр. 151.

[109] Иде Мстиславъ Кыеву на столъ изъ Новгорода, Марта въ 17, а сынъ посади Новѣгородѣ Всеволода на столѣ. Новгор. пер. стр. 4.

[110] Тамъ же: Въ се же лѣто (1116) преставися Добрына, посадникъ Новгородьскыи. Въ лѣто 6626 преставися Дъмитръ Завидиць, посадникъ Новгородьскыи, іуля въ 9, посадниця въ 7 мѣсяць одину.

[111] Тамъ же: Томѣ же лѣтѣ приведе Володимиръ съ Мьстиславомъ вся бояры Новгородьскыя Кыеву, и заводи я къ честьному хресту, и пусти домовь, а иныя у себя остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю, и на сочьскаго на Ставра, и заточи я вся.

[112] Тамъ же, стр. 5: Въ то же лѣто преставися Къснятинъ Мосѣовиць, посадникъ. — Въ лѣто 6628 приде Борисъ посадницать въ Новгородъ.

113 Преставися Володимиръ великыи, Кыевѣ, сынъ Всеволожь; а сына его Мьстислава посадиша на столѣ отни........ Въ то же лѣто посадиша на столѣ Всеволода Новгородѣ. — Тамъ же.

114 Тамъ же: Въ лѣто 6634 ходи Всеволодъ къ отцю Кыеву, и приде опять Новгороду на столъ, въ то же лѣто вдаша посадницьство Мирославу Гюрятиницю.

115 Въ лѣто 6630 Преставися Мьстиславляя Хрьстина. Того же лѣта оженися Мьстиславъ Кыевѣ поя Дмитровьну Новѣгородѣ Завидиця. Тамъ же.

116 Тамъ же: Въ лѣто 6636. Въдаша посадницьство, Новѣгородѣ, Завиду Дмитровицю...... Въ се же лѣто.... и Завидъ посадникъ Новгородскыи умре Дъмитровиць. Въ лѣто 6637. Въниде изъ Кыева Данилъ посадницать Новугороду.

117 Тамъ же, стр. 6: Въ то же лѣто ходи Кыеву къ отцю.... а Петрилу даша посадницать Новугороду.

118 Въ се же лѣто (1132) ходи Всеволодъ въ Русь Переяславлю, повелѣніемъ Ярополцѣмъ, а цѣловалъ крестъ Новгородцемъ, яко хоцю у васъ умерети. Новг. пер. стр. 6.

119 Тамъ же: И рече Георги и Андреи: се Ярополкъ, братъ наю, по смерти своеи хощеть дати Кыевъ Всеволоду, братану своему.

120 Ипатьев. стр. 12: Ярополкъ приведе Всеволода Мьстиславича изъ Новгорода, и да ему Переяславль; съ завтріи же сѣде въ немъ, а до обѣда выгна Юрьи стрый его.

121 Новгор. пер. стр. 6: И приде (Всеволодъ) опять Новугороду; и бысть въстань велика въ людьхъ и придоша Пльсковици и Лодожане Новугороду, и выгониша Князя Всеволода изъ города; и паки съдумавше въспятиша и.

122 Такъ Владимірцы, принявъ къ себѣ Ярополка Ростиславича, и заключивши съ нимъ условія, говорятъ: „мы есмо вольніи, а князя пріяли къ себѣ." Кёнигсберг. стр. 258.

123 Новгор. пер. стр. 6: А Мирославу даша посадницяти въ Пльсковѣ, а Рагуилови въ городѣ.

124 Тамъ же: И раздьрася вся земля Русьская. - Ипатьев. стр. 13: То же все ея створи, оже выгна Гюрги Всеволода изъ Переяславля, а потомъ Изяслава выгна Вячьславъ, а потомъ Изяслава же выгна тотъ же Вячьславъ изъ Турова, а они приступиша къ Олговичемъ, и бысть въ томъ межи ими пря, велика злоба, идяху слово рекуче Олговичи: „Яко вы начали есте перво насъ губити."

125 Татищ. II, 244.

126 Причина упорства ясна: помогая Мстиславичамъ, Новгородцы должны были идти противъ В. Князя; ниже увидимъ еще другую причину.

127 Новгор. пер. стр. 6: Почаша мълъвити о Суждальстѣи воинѣ Новъгородци; и убиша мужы свои и съвьргоша и съ моста.

128 Татищ. II, 247: Новогородцы шедъ Волгою до Дубны, и тутъ возмутясь поворотились, представляя вину ту, для чего Мьстиславичи съ Черниговскими противъ дядьевъ своихъ союзъ учинили, естьлибы оныхъ яко злодѣевъ племени Владимирова не присовокупляли, то бы мы готовы за обиду дѣтей Мьстиславлихъ воеваться, или ихъ примирить, а съ Черниговскими никакъ въ союзѣ быть не хотѣли. — Ипатьев. стр. 31: Кіяне же рекоша (Изяславу): княже, ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимире племя руки възняти; олия же Ольговичь хотя и съ дѣтми."

129 Новгор. пер. стр. 6: Томъ же лѣтѣ ходи Всеволодъ съ Новгородьци хотя брата своего посадити Суждали, и воротишася на Дубнѣ опять, и на томъ же пути отяша посадницьство у Петрила и даша Иванку Павловицю.

130 Тамъ же стр. 7: Въ лѣто 6643 ходи Мирославъ посадникъ изъ Новагорода мирить Кыянъ съ Церниговьци, и приде не успѣвъ ницто же; сильно бо възмялась вся земля Русьская.

131 Тамъ же: Ярополкъ къ собѣ зваше Новгородьцѣ, а Церниговьскыи князь къ собѣ.

132 Ипатьев. стр. 14:

133 Новгор. пер. стр. 7: А се вины его творяху: 1. не блюдеть смердь; 2. чему хотѣлъ еси сѣсти Переяславли; 3. ѣхалъ еси съ пълку переди всѣхъ; а на то много на початьи, велѣвъ ны, рече, къ Всеволоду приступити, а паки отступити велить.

134 Томъ же лѣтѣ, наставъшю Индикта 15 убиша Гюрга Жирославиця и съ моста съвергоша.... Въ то же лѣто стрѣлиша князя милостьници Всеволожи, нъ живъ бысть.

135 Тамъ же: Въ лѣто 6645.... бѣжа Костянтинъ посадникъ къ Всеволоду, и инѣхъ добрыхъ мужь нѣколико.... въ то же лѣто приде князь Мьстиславичь Всеволодъ Пльскову, хотя сѣсти опять на столѣ своемъ Новгородѣ, позванъ отаи Новгородскыми и Пльсковьскыми мужи, пріятели его: поиди княже, хотять тебя опять, и яко услышано бысть се, яко Всеволодъ Пльсковѣ съ братомъ Святопълкомъ и мятежъ бысть великъ Новѣгородѣ, не въсхотѣша людье Всеволода; и побѣгоша друзіи къ Всеволоду Пльскову, и възяша на разграбленіе домы ихъ.... Потомъ же Святославъ Олговицъ съвкупи всю землю Новгородьскую, и брата своего приведе Глѣба, Куряны съ Половьци идоша на Пльсковъ прогонить Всеволода; и не покоришася Пльсковици имъ, ни выгнаша князя отъ себя.

[136] Тамъ же.

[137] Тамъ же.

[138] Тамъ же, стр. 8.

[139] Тамъ же: Приде Гюрги Князь изъ Суждаля Смольньску, и зваше Новгородцѣ на Кыевъ на Всеволодка, и не послушаша его и тъгда бѣжа Ростиславъ Смольньску къ отцю изъ Новгорода...... и разъгнѣвася Гюрги, идя опять Суждалю възя Новыи Търгъ и послашася Новгородци Кыеву по Святослава по Олговиця, зъходивьше ротѣ; и бѣ матежь Новгородѣ, а Святославъ дълго не бяше. Въ то же лѣто вниде Князь Святославъ Ольговицъ Новгороду ... Въ лѣто 6648. потопиша Кыеву къ Всеволоду Къснятина Микулъцицѣ а пакы по немъ инѣхъ мужь 6 оковавъши.

[140] Ипатьев. стр. 17: Посла къ брату Всеволоду, река ему: »тягота, брате, въ людехъ сихъ, а не хочю въ нихъ быти, а кого тобѣ любо посли въ онь.«

[141] Новгор. пер. стр. 9.

[142] Тамъ же; Ипатьев. стр. 17.

[143] Ипатьев. стр. 17: Всеволодь же, не хотя перепустити Новгорода Володимерю племени, призва шюрина своя, да имъ Берестій река: »Новагорода не березѣта, ать сѣдять сами о своей силѣ, кдѣ князя не налѣзуть.»

[144] Эти слова В. Князя также ясно показываютъ, что Новгородцамъ не дано было прежде Ярославомъ никакого права произвольнаго избранія князей.

[145] Новгор. пер. стр. 9: Епископъ, и купьцѣ, и слы Новгородьскыя не пущаху изъ Руси, и они не хотяху иного князя, развѣ Святопълка; и вда имъ Святопълка изъ своею руку. въротивъся Гюрги оже пустилъ сына свои Новугороду. и услышаша Новѣгородѣ, яко Святопълкъ идетъ къ нимъ съ всѣми людьми ихъ, и яше Ростислава и въсадиша въ Епископль дворъ сидѣвша 4 мѣсяца. Въ тоже лѣто вънидѣ Святопълкъ Новугороду; и пустиша Ростислава къ отцю. — Ипатьев. стр. 18: посла Всеволодъ Святополка въ Новъгородъ, шюрина своего, смолвися съ Новъгородьци, которыхъ то былъ пріялъ; пояша и Новгородци и сѣде на столѣ, и Дюрдевича стрьичича своего пусти къ отцю. — Странно, что у Татищева разсказывается это событіе совершенно иначе (II, стр. 264): Юрій же не медленно отпустилъ къ нимъ паки сына Ростислава; и какъ еще Ростиславъ не пріѣхалъ, но былъ близъ Новгорода, получили извѣстіе, что Всеволодъ Олговичъ отпустилъ къ нимъ шурина своего Святополка, паки пришли Новгородцы въ недоумѣніе; но вздумавъ послали ко Святополку на встрѣчу съ дарами довольными, прося

его, чтобъ безъ гнѣва возвратился (куда?), извиняя себя народнымъ ко пріятію Юріева сына принужденіемъ, а о немъ вѣдомости тогда не было. Святополкъ же вельми разгнѣвася на нихъ, взялъ Новъгородской области Торжескій городецъ.« Здѣсь ясна перемѣшка именъ и пропускъ; надобно читать: но вздумавъ послали къ Ростиславу, а не Святополку, тогда *возвратился* будетъ имѣть смыслъ; послѣ слова *возвратился* находится пропускъ начальныхъ словъ Новгородцевъ къ Святополку уже; но въ началѣ слѣдующей фразы должно читать опять: Ростиславъ, а не Святополкъ.

[146] Ипатьев. 77: Ростиславъ же ту стоя, посласе къ Дюргеви, прося у него мира, река »отцѐ! кланяютися, ты переди до мене добръ былъ еси, и азъ до тебѣ; а нынѣ кланяютися, стрый ми еси яко отецъ;« Гюрги же рече: „право, сыну, съ Изяславомъ есмь не моглъ быти, а ты ми еси свой братъ и сынъ.“

[147] Новгор. пер. 10.

[148] Тамъ же.

[149] Татищ. II, 322.

[150] Такъ у Татищева (см. выше); въ лѣтописи (Новг. пер.): тои жи осени присла Изяславъ изъ Кыева сына своего Ярослава, и пріяша Новгородьци, а Святополка выведе, злобы его ради.

[151] Ипатьев. 39: Се стрый мой Гюргій изъ Ростова, обидитъ мой Новгородъ, и дани отъ нихъ отоималь, и на путѣхъ имъ пакости дѣетъ, а хочю пойти нань и то хочю управить, любо миромъ, любо ратью.

[152] Тамъ же, 39 и слѣд.

[153] Тамъ же, 41: Гюрги же, въ соромѣ сына своего сжаливъ собѣ, рече: таколи мнѣ части нѣту вь Руской земли, и моимъ дѣтемъ?“

[154] См. выше, примѣч. 146; тамъ же стр. 58: Изяславъ же рече брату своему Ростиславу: „ты ми еси, брате, много понуживалъ, яко же положити честь на стрыи своемъ и на отци своемъ.“ — Вотъ за что дядья любили Ростислава.

[155] Тъгдаже иде Ростиславъ изъ Новагорода Кыеву настолъ, оставилъ сына Давыда Новѣгородѣ и възнегодоваша Новгородцы, зане нестворп имъ ряду, но болѣ раздьра, и показаше путь по немъ сынови его. Новг. пер. 11.

[156] Лѣтописецъ Новгородскій поставилъ котору своихъ гражданъ прежде смерти Юрьевой; но естественно, что онъ долженъ былъ событія своего города описывать прежде и обстоятельнѣе, а потомъ уже кратко упоминать о событіяхъ въ другихъ княжествахъ, въ этотъ годъ случившихся, и потому я слѣдую здѣсь Никонов. списку и Татищеву. Татищ. III, 106; Новгор. пер. 12.

157 Ипатьев. стр. 91: Се же створи (Андрей) хотя самовластецъ быти всей Суждальской земли.

158 Тамъ же, 88.

159 Тамъ же: И оттолѣ начашася Новгородци мясти и вѣче часто начаша творити.

160 Тамъ же.

161 Новг. пер. стр. 13.

162 Тамъ же: и Святослава въведоша опять на всей воли его.

163 Новгор. пер. стр. 13.

164 Ипатьев. 94: Того же лѣта исходяча, пойде Ростиславъ Новугороду, занеже не добрѣ живяху Новгородцы съ Святославомъ сыномъ его.

165 Тамъ же. Новгор. пер. 13 и 14.

166 Ипатьев. 97.

167 Новгор. пер. стр. 14.

168 Ипатьев. 99: въ тоже время бѣ Андрей Гюргевичь въ Суждали княжа, и тъ бѣ не имѣя любьви къ Мьстиславу,

169 Новгор. пер. 14.

170 Тамъ же.

171 Ипатьев. 99.

172 Новгор. перв. 15.

173 Тамъ же.

174 О пораженіи Мстислава упоминаетъ Новгородская лѣтопись; но и въ ней нѣтъ тѣхъ прибавокъ, какія находимъ въ Никоновскомъ спискѣ, и Степенной Книгѣ.—При извѣстіи о походѣ Мстислава Андреевича подъ Новгородъ въ нѣкоторыхъ спискахъ находится любопытное мѣсто, гдѣ выразилась непріязнь Новой Руси, непріязнь новыхъ городовъ къ старымъ, представителемъ которыхъ былъ Новгородъ (Ипатьев. 105): „Не глаголемъ же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени *прадѣды князь нашихъ*; но злое невѣрьствіе въ нихъ вкоренилося, крестъ къ княземъ преступити, и князѣ внукы и правнукы обесчествовати и соромляти, а крестъ честный къ нимъ цѣловавши переступати. То доколѣ Господеви терпѣти надъ ними? за грѣхы навелъ и наказа, по достоянью, рукою благовѣрнаго князя Андрея."—Это мѣсто также доказываетъ, что не знали о льготной грамотѣ Ярослва I-го, ибо здѣсь просто сказано: „прадѣды князь нашихъ."

175 Въ Ипатьев. стр. 105. это происшествіе разсказано самымъ естественнымъ образомъ: Романъ, узнавъ о смерти отца, которая лишила его права оставаться въ Новгородѣ княземъ, удалился добровольно:

„того же лѣта исходяща, и приде вѣсть къ Романови о отни смерти, Романъ же яви дружинѣ своей и пріятелемъ своимъ, Новгородцемъ; и сгадавше дружина, и рькоша ему: „не можемы княже уже здѣ быти," и проч.

[176] Новгор. пер. 15: Бысть дорогьвь Новѣгородѣ и съдумавше Новгородьци показаша путь князю Роману, а сами послаша къ Ондреева по миръ на всей волѣ своей. — По Никонов. списку и Соф. Врем., согласно съ Ипатьев., Новгородцы выгнали Романа, узнавъ о смерти отца его.

[177] Новгор. пер. 15: ходи Архіепископъ Новгородьскый Илія къ Ондреева Володимирю, на всю правьду.

[178] Вѣроятно Жирославъ былъ виновенъ и потому Новгородцы не вступились за него при Рюрикѣ; по этому то они и послали Архіепископа къ В. Князю просить о смѣнѣ этого чиновника.

[179] См. Карам. III, гл. III.

[180] Новгор. пер. 17.

[181] Ипатьев. стр. 120: прислаша Новгородци мужи свои ко Мьстиславу къ Ростиславичу, зовуче и Новугороду Великому; онъ же не хотяше ити изъ Русской земли, река имъ: „яко не могу ити изъ отчины своей и со братьею своею разойтись." Но понудиша и братья своя и мужи свои, рекуче ему: „брате! аже зовуть тя съ честью, иди; а тамо ци не наша отчина?"

[182] Тамъ же; Новгор. пер. 17.

[183] Новгор. пер. стр. 17.

[184] Тамъ же.

[185] Тамъ же, стр. 18.

[186] Татищ. III, 246.

[187] Новгор. пер. 18.

[188] Тамъ же; Татищ. III, 272.

[189] Новгор. пер. стр. 19.

[190] Тамъ же 23: а Всеволодъ вьшьдъ въ землю ихъ, и не вда Богъ межи ими кръви пролитія больша и взяша миръ межи собою, а Новгородъ выложиша вси князи въ свободу, кдѣ имъ любо туже собѣ князя поимають

[191] См. выше; Всеволодъ позволилъ имъ выбрать Мстислава Давидовича.

[192] Новгор. пер. стр. 23.

[193] Тамъ же.

[194] Тамъ же. Что у Ярослава была сильная партія, видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: иде князь Ярославъ на Новый Търгъ, и пріяше и Новоторжьци съ поклономъ, и жаляху по немъ въ Новѣгородѣ добріи, а зліи радовахуся.

[195] Тамъ же, стр. 24.

[196] Татищ. III, 327.

[197] Новгор. пер. стр. 25.

[198] Тамъ же. стр. 29.

[199] Тамъ же, стр. 30.

[200] Тамъ же.

[201] Татищ. III, 367. Что Татищевъ этихъ обстоятельствъ отъ себя не выдумывалъ, доказательствомъ служитъ мѣсто Пушинскаго списка: „Всеволодъ посла сыны своя Константина съ братьею на Мстислава на Торжекъ. Мстиславъ же изыде изъ Торжку Новугороду; а оттуда иде въ Торопецъ, въ свою волость. Константинъ же возвратися со Тфери, и Святославъ приде съ нимъ изъ Новгорода." См. также Пол. Собр. Рус. лѣт. т. I, стр. 183, 184. — Къ этой запутанности присоединяется сюда смѣшеніе двухъ князей — Владиміра Всеволодовича и Владиміра Мстиславича, брата Удалаго, княжившаго во Псковѣ. Новгородская лѣтопись говоритъ о походѣ Новгородцевъ на Литву съ княземъ Владиміромъ прежде прихода Мстислава въ Торжекъ, а Карамзинъ приписываетъ этотъ походъ Владиміру Мстиславичу Псковскому; Татищевъ ставитъ походъ послѣ пріѣзда Мстислава Удалаго, послѣ мира съ В. Княземъ и приписываетъ его Владиміру Всеволодовичу. Послѣдній родился въ 1194 году, слѣд. въ 1209 долженъ былъ имѣть 15 лѣтъ. Здѣсь, вѣроятно, ошибка на сторонѣ Татищева, который и прежде смѣшалъ Романа Ростиславича Смоленскаго съ Романомъ Мстиславичемъ Волынскимъ. Смѣшать двухъ одноименныхъ князей онъ могъ; но выдумать приведенныя подробности—это другое дѣло!

[202] Новг. пер. 32.

[203] Тамъ же, 33.

[204] Тамъ же: Князь же Мстиславъ створи вѣце на Ярославли дворѣ: и пойдемъ, рече, поищемъ мужь своихъ вашей братьи и волости своей; да не будетъ Новый търгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тържькомъ, но гдѣ Святая Софія, ту Новгородъ; а и въ мнозѣ Богъ, и въ малѣ Богъ и правда.

[205] Никон. II, 323: Сиеже дивно бѣ, пойдоша дѣти на отцевъ, и отцы на дѣти, и братья на братью. Пол. Собр. Рус. лѣтоп. т. I, стр. 212.

[206] Тамъ же стр. 325: „но убо не забывайте, яко Ростиславле племя князи мудрыи и храбрыи, а Новгородцы и Псковичи и Смолняне усердни суть къ бою, а самаго князя Мстислава Мстиславича и сами вѣсте, каковъ есть, и яко отъ Бога дана ему храбрость паче всѣхъ.

[207] Новгор. пер. стр. 36.

[208] Тамъ же, стр. 37.

[209] Тамъ же.

[210] Тамъ же: князь же Святославъ присла свои тысяцкыи на вѣче, рече: не могу быти съ Твердославомъ, и отъимаю отъ него посадницьство, рекоша же Новгородци: еле вина его? онъ же рече: безъ вины, рече Твердославъ: тому есмъ радъ, оже вины моей нѣту; а вы, братье, въ посадничьствѣ и въ князехъ. Новгородци же отвѣщаша: княже, оже нѣту вины его, ты къ намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа не лишити; а тобѣ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ; а въ то ся не вдадимъ, и бысть миръ.

[211] Тамъ же стр. 38: и вложи дьяволъ князю грѣхъ въ сердци, гнѣвъ до Твердислава, и безъ вины; и приде въ Новъгородъ, и възвади всь городъ, хотя убити Твърдислава.

[212] Тамъ же,

[213] Тамъ же,

[214] Тамъ же, стр. 39.

[215] Тамъ же, стр. 41.—Татищевъ (III, 433) разсказываетъ это событіе нѣсколько иначе: Новгородцы должны были заплатить Юрію съ Торжку 3,000, съ Новогорода 7,000 новою, и старою 3,500 гривенъ серебра.... Новгородцы долго не хотѣли Михаила Всеволодича шурина его принять, и въ пенѣ просили убавки, но видя, что неизбѣжно принуждены учинить, приняли князя Михали съ честію, злодѣевъ дали Тысяцкому Юріеву наказать, который такъ наказалъ, что два славныхъ возмутителей дни въ два померли.

[216] Тамъ же. Приде князь Михаилъ въ Новъгородъ, сынъ Всеволожь внукъ Ольговъ, и бысть льгъко по волости Новугороду.

[217] Новгор. пер. стр. 44.

[218] Тамъ же.

[219] Тамъ же, стр. 45: и рече Ярославъ: того не отступаю, а крьстъ не цѣлую, вы собѣ, а я собѣ.

[220] Новгор. пер. стр. 46.

[221] Тамъ же стр. 47: а княжицю Ростиславу путь показаша къ Торжьку къ отцеви въ Цьрниговъ: какъ отецъ твой реклъ былъ въсѣсти на конь на войну съ Въздвиженія и крестъ цѣловалъ, а се уже Микулинъ день; съ насъ крестное цѣлованіе, а ты пойди прочь, а мы собѣ князя промыслимъ.

[222] Татищ. III, 457. Ярославъ выслушавъ присланныхъ отъ Новгородцевъ, сказалъ имъ: „естьли данную Михаиломъ неистовую грамоту отринутъ, и учинятъ ему роту по прежнему обычаю, то онъ къ нимъ пойдетъ, и отъ непріятелей ихъ Нѣмецъ своими войсками обо-

ронять будетъ; естьли же оной не отрекутся, то не пойдетъ. Послы послали наскоро въ Новгородъ, и Новгородцы многу распрю имѣли, напослѣдокъ принуждены оную грамоту оставить и отдать ему, а сами учинили роту Ярославу по прежнему. Новг. пер. стр. 47: и послаша по Ярослава на всеи воли Новгородстѣй, Ярославъ же въбързѣ приде въ Новгородъ и створи кѣце, и цѣлова Святую Богородицю на громотахъ на всѣхъ Ярославлихъ.

[223] Новгор. пер. стр. 48: въ Новѣ же городѣ бысть мятежь великъ, не бяше бо князя Ярослава, но въ Переяславли бѣ тъгда.

[224] Тамъ же стр. 50.

[225] Тамъ же стр. 53: Вниде князь Олександръ изъ Новагорода къ отцю въ Переяславль, съ матерью и женою и со всѣмъ дворомъ своимъ, роспрѣвся съ Новгородци.

[226] Никонов. лѣт. говоритъ что Александръ, прибывъ въ Новгородъ, перевѣшалъ многихъ крамольниковъ. III, 14.

[227] Татищ. IV, стр. 27. Лавр. 203. Новгор. пер. стр. 56. Соф. врем. I, 269: Воскр. III, 232.

[228] Тамъ же.

[229] Тамъ же, стр. 57.

[230] Тамъ же, стр. 58. 62.

[231] Собр. гос. гр. и дог. т. I. N0. 1. На семъ, княже, цѣлуй крестъ къ всѣму Новугороду, на цѣмъ то цѣловали Дѣди и Отци.

[232] Тамъ же: А что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насилие въ Новѣгородѣ, а того ся, княже, отступи.

[233] Новг. пер. стр. 61: а князю послаше на городище, исписавше на грамоту всю вину его: чему еси отъялъ Волховъ гогольными ловци, а поле отъялъ еси заячими ловци? чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткинича? чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничи, и на Романѣ Болдыжевичи, и на Вареоломѣи? а иное чему выводишь отъ насъ иноземца, которыи у насъ живутъ? а того много вины его.

[234] Новг. пер. 61 и 62: и присла Ярославъ съ поклономъ въ Новгородскый полкъ, и взяша миръ на всей воли Новгородской. См. Собр. гос. гр. и дог. т. I, № 3.

[235] Тамъ же. И присла Димитрій князь послы своя въ Новгородъ съ поклономъ, хотя сѣсти въ Новѣгородѣ. а Василій Ярославичь также присла съ поклономъ, хотя сѣсти на столѣ.

[236] Татищ. IV, 45. Извѣстіе Татищева тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣры, что Новгородцы, будучи облагодѣтельствованы Василіемъ, безъ сомнѣнія предпочли бы его Димитрію, если бы требованіе В. Князя не заставило ихъ забыть старое добро.

237 Новгор. пер. стр. 63: и възмѣтошася люди и нъсхотѣша Василія; и съступися Дмитреи съ стола волею, и поиде прочь съ любовію.

238 Тамъ же: и оттолѣ идоша къ Василію и поклонишася. — Татищ. IV, 46.

239 Новгор. пер. стр. 64.

240 Тамъ же.

241 Татищ. IV, 68.

242 Новгор. пер. стр. 65.

243 Тамъ же, стр. 66.

244 Тамъ же стр. 68: и сопростася два князя о великое княженіе..... и много бысть замятни Суждальской земли во всѣхъ градѣхъ.

245 Тамъ же.

246 См. договор. грам. Новгор. съ Михаиломъ въ I мъ томѣ Соб. гр. и дог, — Еще при жизни Андрея Новгородцы заключили съ Михаиломъ оборонительный и наступательный союзъ; этотъ союзъ должно отнести къ 1296 году, когда В. Князь Андрей поссорился съ братомъ Даніиломъ Московскимъ и съ племянникомъ Иваномъ Переяславскимъ; Михаилъ Тверской принялъ сторону послѣднихъ; онъ пишетъ къ Владыкѣ Новгородскому: „То ти, отьче, повѣдаю: съ братомъ своимъ со старѣйшимъ съ Даниломъ одинъ есмь, и съ Иваномъ; а дѣти твои, Посадникъ и Тысяцьскыи, весь Новъгородъ, на томъ цѣловали ко мнѣ крестъ. Аже будетъ тягота мнѣ отъ Андрѣя, или отъ Татарина, или отъ иного кого, вамъ потянути со мною, а не отступити вы ся мене ни въ которое же время.“ — Ясно, что въ это смутное время Новгородъ былъ предоставленъ самому себѣ, ибо, не признавая власти Тверскаго князя, заключалъ съ нимъ союзъ противъ Великаго. Слѣдствіемъ такого положенія было еще бо́льшее отчужденіе между В. Княземъ и Новгородомъ, еще больше раздѣленіе ихъ интересовъ; такъ въ договорной грамотѣ Новгородцевъ съ Михаиломъ, уже В. Княземъ, встрѣчаемъ слова: „А коли будетъ Новгороду розмирье съ Нѣмчи, или съ Литвою, или съ иною землею, пособляти ти, княже, по Новѣгородѣ бесъ хытрости.“ Здѣсь обязанность защищать свое владѣніе превращается уже въ обязанность союзника. Тутъ же находимъ новое условіе: „А безъ Новгородскаго ти слова, княже, войны не замышляти.“

247 Собр. гос. гр. и дог. т. I, No. 10 и 11.

248 Новгор. пер. стр. 70.

249 Татищ. IV. 93: Того же лѣта Новгородцы сотвориша вѣче, понеже нелюбы имъ быша намѣстники В. Князя Михаила, яко много обида и нужа бысть имъ отъ нихъ, и восхотѣша ихъ изгнати.

[250] Новгор. пер. стр. 70.
[251] Карамз. IV, примѣч. 219.
[252] Новгор. пер. стр. 71.
[253] Такъ въ Никонов. и у Татищева (IV, 95).
[254] Воскрес. II, 278.
[255] Новгор. пер. стр. 71.
[256] Татищ. IV, 96: Князь же Великій пришедъ на усть Цны первѣе самъ заболѣ, потомъ пріиде моръ на кони; слыша же, яко Юрій Московскій готовится нань со братіею хотяще волость его по губити, возвратися въ Тверь.
[257] Новгор. пер. стр. 71.
[258] Тамъ же, стр. 72. С. Г. Г. и Д. N0 13-й.
[259] Тамъ же.
[260] Собр. Гос. Гр. и Догов. Т. I-й, N0 14-й.
[261] Новгор. перв. стр. 72. Никонов. III, 126.
[262] Собр. гос. гр. и дог. т. I, N0. 15.
[263] Новгор. пер, стр. 74.
[264] Тамъ же, стр. 76.
[265] Тамъ же, 77.
[266] Тамъ же.
[267] Тамъ же, стр. 78.
[268] Тамъ же, стр. 79.
[269] Тамъ же: Князь же присла послы свои, прося другого выхода: а еще даите ми запросъ царевъ, чего у мене царь запрошалъ.
[270] Новгор. пер. стр. 79: И они ркоша: того у насъ не бывало отъ начала міра; а ты цѣловалъ крестъ къ Новугороду, по старой пошлинѣ Новгородской и по Ярославлимъ грамотамъ.
[271] Воскрес. II, 312: И всѣ князи Рускія подъ руцѣ его даны.— Соф. врем. I. 324.
[272] Новгор. пер. стр. 80.
[273] Новгор, пер. стр. 80.— Татищ.. IV, стр. 147: Князь же великій рече имъ: аще хощуть милости и мира отъ меня, да пріидуть предъ мя посадники и тысяцкій боси, и просять при всѣхъ князехъ на колѣняхъ и проч.
[274] Новгор. пер. 78.
[275] Тамъ же, стр. 83: пріѣха князь великій Олгердъ, съ своею съ братіею съ князи и съ всею Литовьскою землею, и ста въ Шелонѣ на усть Пшаги рѣкы, а позывая Новогородцевъ: хощу съ вами видѣтися, лаялъ ми посадникъ вашь Остафеи Дворянинецъ, назвалъ мя псомъ.
[276] Новгор. пер. стр 84: а къ князю Семену Ивановичю послаша послы, а рекъ тако: поиди, княже, къ намъ боронити своеа отчины,

яко идетъ на насъ король Свѣискій, на крестное цѣлованіе; великій же князь Семенъ отвѣщалъ Новогородцемъ: радъ иду къ вамъ. Медливъ же князь долго, поиде въ Новгородъ; отшедши же отъ Тръжку до Ситна, и възвратися назадъ на Москву, а въ Новгородъ посла брата своего Ивана; князь же Иванъ пришедши въ Новъгородъ, нъ не поидяше къ Новогородцемъ въ Ладогу.... князь же Иванъ слышавъ, яко взяша Нѣмци Орѣховецъ, и поидяше изъ Новагорода назадъ, не прiявъ владычьня благословенiя и Новогородского челобитiя.

277 Тамъ же стр. 86.

278 Татищ. IV, стр. 180.

279 Новгор. перв. стр. 88.

280 Новгор. перв. стр. 90: ни отъ поганыхъ не бывало таково зло.« — Въ началѣ 1372 года Новгородцы заключили съ В. Княземъ и братомъ его Владимiромъ Андреевичемъ договоръ быть за одно на всѣхъ непрiятелей. См. Акты арх. эксп. т. I. No. 8.

281 Тамъ же.

282 Тамъ же, стр. 91.

283 Тамъ же.

284 Молчанiе Новгородскаго лѣтописца объ участiи гражданъ его въ Куликовской битвѣ не оставляетъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнiя, хотя въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти о нашествiи Мамая и упоминается о приходѣ Новгородскихъ посадниковъ на помощь Димитрiю съ 7000, а по инымъ съ 40,000 войска. См. Карамз. т. V, примѣч. 65. Въ Новгородской лѣтописи встрѣчаемъ только злостное извѣстiе о трусости Москвитянъ, служащее отвѣтомъ на Московскiя приписки въ лѣтописяхъ, дышащiя враждою на Новгородъ и обличающiя ненависть, между старыми и новыми городами существовавшую. Новгор. перв. стр. 92: Москвичи же мнози не бывалци, видѣвше множество рати Татарскои, устрашишася и живота отчаявшися, а инiи на бѣгы обратишася и проч. Въ той же лѣтописи, подъ годомъ 1238 встрѣчаемъ подобный же намекъ на трусость Москвитянъ: „Москвичи же побѣгоша, ничего же не видѣвше“. — Новгородцы упрекали Москвитянъ въ трусости, Москвитяне Новгородцевъ въ буйствѣ (Троицк. лѣт. у Карамз. V, прим. 148: Таковъ бо есть обычай Новгородцевъ: часто праваютъ ко князю къ Великому, и паки рагозятся и не чудися тому: бѣша бо человѣци суровы, не покориви, упрямчиви, не поставни........ Тоя же весны въ самый Великъ день сшедшеся нѣцiи отъ Новгородцевъ, вѣчницы, крамольници, суровiи человѣци, свирѣпiи людiе и проч.

285 Новгор. перв. стр. 93.

[286] Соф. врем. I, 379; у Татищ. нѣсколько иначе, VI, 317.

[287] Акты, относ. къ Истор. Западной Руси, I, No. 10.

„Мы Князь Семенъ, инымъ именемъ Лыгвеній, чинимъ знамени-то симъ листомъ, кто нань возрить, или прочитаеть, ижъ коли освящены Господинъ Володиславъ, Божьею милостью Король Полскій, Литовскій и Рускій и иныхъ земль многихъ господарь братъ нашь милѣйшій, поставилъ насъ опекальникомъ мужемъ и людемъ Великаго Новагорода: и мы тому Королю, и Ядвизѣ, Королицѣ Королевства Полского, и съ тыми людми съ Великого Новагорода, како жь долго держимъ у нашемъ опеканью, слюбили есмы, и еще симъ листомъ слюбуемъ, ижъ хочемъ при нихъ, при корунѣ Королевства Полского пристати, и съ нашею силою и съ нашими помочми, и съ нашею радою, и съ нашимъ остраженьемъ, безо всякой льсти и хитрости: не хочемъ такожъ николи отступити ихъ, коруны Королевства Полского; а сему на свѣдетство, нашя печать привѣшена есть."

[288] Никонов. IV, 146.

[289] Новгор. перв. стр. 96. Соф. врем. I, 403; Карамз. V, примѣч. 147, 148, 149.

[290] Соф. врем. I, 417.

[291] Татищ. IV, 388: Того жъ лѣта Князь Великій Василій увѣдавъ, что Новгородцы ссылаются съ тестемъ его Витовтомъ хотя отложитися, и кресть ему цѣловаше, посла за Волокъ и проч.

[292] Новгор. перв. стр. 100. Князь великій Витовтъ Литовскія земля Кестутьевичь присла въ Новъгородъ грамоту разметную, рекъ тако: обезчествовали мя есте, что было вамъ за мене ятися, а мнѣ было вамъ княземъ великимъ быти, и васъ мнѣ было боронити; и вы за мене не ялися.

[293] Тамъ же.

[294] Тамъ же стр. 98: И биша челомъ посадникъ Тимоѳей Юрьевичь, посадникъ Юрьи Дмитреевичь, Василіи Борисовичь, и бояре, и дѣти боярьскія, и житьи люди, и купечскіи дѣти, и вси ихъ вои: благослови, господине отче Владыко, поискати Святѣи Софіи пригородовъ и волостей; или пакы изнаидемъ свою отчину къ святѣи Софіи и къ великому Новугороду, пакы ли свои головы положимъ за Св. Софѣю и за своего господина за великіи Новъгородъ, и владыка Іоаннъ благослови своихъ дѣтеи, и воеводъ Новогородскыхъ, и всихъ вои.

[295] Никонов. IV, 300. Того же лѣта Іванъ владыка архіепискупъ Новогородскии прииде из Новогорода на Москву х Кипріану Митрополиту Киевскому і всеи Русии позванъ о святительскихъ дѣлехъ,

и пребысть у Киприана Митрополита в наказаніи и смиреніи.... Того же лѣта бысть соборъ на Москвѣ.... на томъ священнемъ соборе отписася архіепискупъ Іванъ Новогородцкии своея епискупьи ... и повелѣ имъ присвещенныи Киприанъ Митрополитъ отъ себѣ с Москвы не изъѣзжати, бѣ бо на нихъ бранъ возложилъ. — Архангел.: „Пріѣха Владыка Иванъ Новогородскій на Москву бити челомъ В. Князю о Торжку, и Кипріанъ, по В. Князѣ слову, Владыку поймалъ, да посадилъ въ Чудовскомъ монастырѣ, *за мѣсячной судъ*, что не дали.“ — Здѣсь не сообразность: или Митрополитъ посадилъ Іоанна за мѣсячный судъ, тогда не по В. Князя слову или посадилъ по В. Князя слову, тогда не замѣсячный судъ. — Татищ. IV. 404: В. Князь Василій, увѣдавъ яко Новогородцевъ Владыка Іоаннъ на нихъ зло поучаетъ и въ волости заволоцкой ропта возстаетъ, рекъ Митрополиту Кипріану: отче! недобрѣ творитъ Владыка Іоаннъ съ Новогородцы: посылая на Волокъ дани емлютъ и людей отчины моея нужаютъ и солѣщаютъ къ себѣ; а вы поставлены къ миру и любве учити, мнѣже имѣніе собирати и возноситися. И Митрополитъ вскорѣ посла въ Новгородъ стольника своего Новосильца, повелѣ ему развѣдати добрѣ и Владыку звати о святительскихъ дѣлѣхъ.

296 Новгор. перв. стр. 101. Татищ. IV, 407.

297 Новгор. перв. стр. 109.

298 Тамъ же.

299 Никонов. V, 95.

300 Новгор. перв. стр. 111.

301 Тамъ же, стр. 112.

302 Тамъ же, стр. 113.

303 Никонов. V, 191: Тое же осеніи Князь великіи Литовскіи Казимеръ Ягайловъ сынъ присла, въ Новгородъ глаголя, возмите себѣ моихъ намѣстниковъ на городище и язь васъ оборонію, а с великимъ княземъ Московскимъ не взяли есмя миръ васъ деля, и Новгородцы за то не яшася.

304 Акты Историч. т. I. No. 40: Посланіе Росс. Духовенства Углицк. князю Димитрію Юрьевичу: »и ты въ цѣлованьи съ Великимъ Новымгородомъ, да къ Новугороду къ Великому цѣлованія не сложилъ, да еще посылалъ еси къ Великому Новогороду и посла своего, а зоучи себе Княземъ Великимъ, да просилъ еси у нихъ себѣ помочи, а вводя то слово, что Татарове изневолили нашу отчину Москву, а вы ми дайте на нихъ помочь.

305 См. условіе въ Новгород. грамотахъ: А безъ посадника ти, княже, ни грамотъ даяти.

306 Образецъ вѣчныхъ грамотъ см. въ актахъ арх. эксп. I, NO. 42; форма: се пожаловаша посадникъ Великаго Новагорода Дмитрій Васильевичь и вси старыи посадники, и тысяцкой В. Новагорода Михайло Ондреевичь и вси старыи тысяцкіи, и бояре, и житьи люди, и весь Господинъ Великій Новгородъ, на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ. См. также акты историч. т. I, NO. 17.

307 Сборн. Муханова, NO. 7: „А коли мнѣ В. Князю Василію Новгородцы и Псковичи згрубять, а ухочу ихъ показнити, и тобе королю Казимиру за нихъ не вступатися.“

308 Никонов. V, 282. Соф. врем. II, 64.

309 Акты арх. эксп. т. I, NO. 58.

310 Тамъ же, NO. 58.

311 Соф. врем. II, 66.

312 Акты арх. эксп. т. I, NO. 80.

313 Соф. врем. II, 111: а на дворѣ В. Князя, на городище съ большаго вѣчья присылали многихъ людей, и намѣстниковъ его, да и послу В. Князя лаяли и безчествовали.

314 Акты арх. арх. эксп. т. I. NO. 57.

315 См. выше, примѣч. 307.

316 Соф. врем. II, 111: да въименѣ В. Князя, за отказомъ, на городище дву князей поимали силно, а людей перебили, и переимали, и въ городъ сводили.

317 Тамъ же.

318 Тамъ же: Благочестивый же государь, В. Князь Иванъ Васильевичь всея Руси колкое къ нимъ о томъ къ своей отчинѣ, посылалъ своихъ пословъ, чтобы ни котораго лиха не учинили, а исправили бы ся во всемъ его отчина, и жили бы на старинѣ.

319 Соф. врем. II, 112: а и съ Васильемъ приказалъ въ Великій Новгородъ: исправитеся предо мною, отчина моя, сознайтеся; а въ земли, въ воды мои В. Князя не вступуйтеся, а имя мое В. Князя держите честно и грозно по старинѣ, а ко мнѣ В. Князю посылайте бити челомъ по докончанію; а язъ васъ, отчину свою, жаловать хочу и въ старинѣ держу.

320 Соф. врем. II, 113; Никонов. VI, 16; Царств. лѣт. 402.

321 Въ случаѣ отказа Ѳеофила, преданнаго (по крайней мѣрѣ тогда) старинѣ, у нихъ былъ на готовѣ другой кандидатъ Пименъ, объ участіи котораго въ замыслахъ Борецкихъ см. Соф. врем. II, 115: онъ же лукавый чернецъ Пименъ отъ того Григорія богоотметнаго и поставленіе себѣ требоваше, извѣстуя людемъ сице глаголаше: хотя на Кіевъ мя пошлите, и тамъ на свое поставленіе буду.

[322] Никонов. VI, 17; Царств. лѣтоп. 402: князь же великій по ихъ челобитію и прошенію, ничтоже къ прежнему промышляя, но и легча жалуя.

[323] Никонов. VI, 17; царств. лѣт. стр. 403.

[324] Эти вѣчники, наемные крикуны необыкновенно умножились въ послѣднее время, когда Новгородъ былъ предоставленъ самому себѣ, и когда слѣд. борьбѣ сторонъ открывалось обширное поприще. См. акты историч. т. I. No. 44, посланіе Митрополита Іоны въ Новгородъ о прекращеніи междоусобій; Митрополитъ пишетъ къ Архіепископу, „и о семъ, сыну и брате, прошю тебе, яко да не позазриши смѣренію нашему, о ихъ же вещехъ слышахомъ творящихся отъ нѣкоторыхъ твоихъ дѣтей православныхъ христіянъ, еще же, паче рещи, и отъ честныхъ человѣкъ, въ твоей паствѣ, В. Новѣгородѣ: нѣкая междособная спиранія, и раздоры, и убійства, и кровопролитіа, и нѣколикія створившаася и творящаася душегубства православному христіаньству, и на то на злое и богомерзьское дѣло наимованія, съ обою страну, злорадныхъ и хотящихъ кровопролитству піанчивыхъ и о своихъ душахъ нерадящихъ злотворныхъ человѣкъ."

[325] Соф. врем. II, 116: и сей Пиминъ такоже упова на множество злата, и даваша лукавѣи той женѣ Марѳѣ, а веляше ей давати въ народъ людемъ многымъ, дабы имъ помогали на ихъ волю.

[326] Царств. лѣт. стр. 403.

[327] Псков. лѣтоп. изд. Погод. стр. 113. Этотъ Олельковичь, вѣроятно подосланный Казиміромъ и Кіевскимъ Митрополитомъ, и принятый Новгородцами по старому ихъ обычаю, былъ самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ замыслахъ Борецкихъ, см. Соф. врем. II, 114.

[328] Акты арх. эксп. т. I, No. 87.

[329] Тамъ же.

[330] Никонов. VI, 18: Мнозіижъ отъ нихъ глаголаху къ нимъ: нелзя братья тому такъ быти, якоже вы глаголатѣ за короля намъ датися, и архиепискупа поставити отъ его Митрополита Латынина суща.... и отъ того святого и Великого Князя Владимера даже и до сего господина нашего Великаго Князя Ивана Васильевича за Латынною есмы не бывали. Соф. врем. II, 115.

[331] Соф. врем. II, 119.

[332] Тамъ же, стр. 118.

[333] Царств. лѣтоп. 411; Соф. врем. II, 120.

[334] Царств. лѣтоп. 410.

[335] Тамъ же, стр. 414.

[336] Тамъ же, стр. 415; якоже и прежде прадѣдъ его благовѣрный Великій Князь Дмитрій Ивановичь на безбожнаго Мамая, и на богомерзкое того воинство Татарское. Тако и сей благовѣрный Великій Князь Иванъ на сихъ отступниковъ и проч.

[337] Соф. врем. II, 122.

[338] Сунодал. Новгород. лѣтоп. N0 46, стр. 409. Карамз. т. VI, пр. 49.

[339] Царств. лѣтоп. стр. 421.

[340] Тамъ же: А окаяннія измѣнницы Новгородскіе посадницы и тысяцкіе, и бояре и купцы, и всякіе ремесленницы, съ проста рещи плотницы и гончары, и весь народъ гражанъ совокупишася всея ихъ рати и прочія, которой и родился на лошади не бывалъ, и на помыслѣ которымъ того не бывало, что руки подняти противъ В. Князя, всѣхъ тѣхъ они измѣнники силою выгнали.

[341] Соф. врем. II, 126.

[342] Лѣтоп. сунодал. типограф. стр. 175.

[343] Тамъ же.

[344] Тамъ же, стр. 176: И бысть на лучшихъ людей молва: яко вы приведосте на Новгородъ Великаго Князя; и бысть дороготня хлѣбу въ Новѣгородѣ.

[345] Сунодал. Новгород. лѣтоп. стр. 411. Карамз. VI, прим. 61.

[346] Акты арх. эксп, т. I, N0. 90: Се добилъ челомъ В. Князю Ивану Василіевичю всея Руси.... за Новгородскую проступку, полушестьминадцати тысячи рублевъ денгами.

[347] Тамъ же, N0. 91

[348] См. Герберштейн.—Также отзывъ Берсеня Максиму Греку. Акты арх. эксп. т. 1, N0. 172.

[349] Соф. врем. II, 168.

[350] Тамъ же стр. 112.

[351] Псков. лѣтоп. стр. 135: тояжъ осени мѣсяца Ноября въ 23 день пріѣха Князь Великій Иванъ Васильевичь съ великою силою въ Новгородъ на судъ и на управу.... А Новгородцы люди житіи и моложшіи сами призвали на тыя управы, что на нихъ насилье держать какъ посадники и Великіе Бояре." — Но мы ясно видимъ, что это не была борьба сословій, но борьба партій, ибо между обиженными являются и бояре

[352] Соф. врем. II, 166: Владыка же прислалъ къ дворецкому и къ конюшему Никиту Савина да Тимофея Лунева брата кормы отдавати; и Князь велики тѣхъ не похотѣлъ, да и на Владыку о томъ озлобися, что тѣ къ тому дѣлу не пригожи, да и корму взяти не велѣлъ. Архіепискупъ же добилъ челомъ о томъ В. Князю бояры его,

а велѣлъ кормы отдавати Намѣстнику своему Юрью Репехову, а тѣ съ нимъ же въ поддатныхъ, и Князь велики нелюбіе Владыцѣ отложилъ, и пожаловалъ и кормы велѣлъ имати.

[353] Тамъ же, стр. 167: Архіепископъ Θеофилъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ въ священныхъ одеждахъ града того, вси Архимандриты и игумени, и іереи, и діакони и весь чинъ священническый и иноческій срѣтоша В. Князя съ кресты, якоже повеле имъ самъ князь велики.

[354] Понеже бо земля она отъ многа лѣтъ въ своей волѣ живяху, а о Великихъ Князѣхъ, отчинѣ своей, небрежаху и не послушаху ихъ, и много зла бѣ въ земли той, меже себе убійства и грабежи и домомъ разореніе отъ нихъ напрасно, кой съ котораго сможаше.

[355] Тамъ же, стр. 170.

[356] Соф. врем. II. 170.

[357] Тамъ же, стр. 173.

[358] Тамъ же.

[359] Псков. лѣтоп. стр. 107, 145; Соф. врем. II, 178.

[360] Псков. лѣтоп. стр. 144.

[361] Соф. врем. II, 174.

[362] Тамъ же.

[363] Соф. врем. II, 185.

[364] Тамъ же, стр. 188: ино мы, Великіе Князи, хотимъ государьства своего какъ есмя на Москвѣ такъ хотимъ быти на отчинѣ своей, Великомъ Новѣгородѣ.

[365] Тамъ же стр. 189: "да всѣ били челомъ о томъ чтобъ въ Низовскую землю къ берегу службы намъ Новгородцемъ не было; а которые рубежи сошлися здѣсь съ Новугородскими землями и по своихъ государехъ повелѣнію мы отчина ихъ ради того боронити.

[366] Тамъ, стр. 201.

[367] Всѣ этѣ подробности взяты изъ рукописи, находящейся въ библіотекѣ М. П. Погодина, и носящей названіе; *Часть четвертая древней лѣтописи Русской.*

ДОПОЛНЕНІЕ.

НОВГОРОДСКІЯ ГРАМОТЫ.

Необходимымъ дополненіемъ къ своему изслѣдованію: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ," я считаю сводную Новгородскую Грамоту, которая должна облегчить трудъ будущимъ изслѣдователямъ. Грамоты, въ которыхъ означены отношенія Новгорода къ Великимъ Князьямъ, напечатаны:

I) Въ 1-мъ Томѣ Собранія Государственныхъ Грамотъ и договоровъ, N0. 1-й договорная съ В. К. Ярославомъ Ярославичемъ, отнесена къ началу 1265; N0. 2, договорная съ тѣмъ же В. Княземъ отнесена къ тому же году; N0. 3 договорная съ тѣмъ же В. К., отнесена къ 1270 году; N0. 6-й съ В. К. Михаиломъ Ярославичемъ, между 1305 и 1308 годами; N0. 7-й съ тѣмъ же В. К., между тѣми же годами; N0. 8-й съ тѣмъ же, между тѣми же годами; N0. 9-й съ тѣмъ же, между тѣми же годами; N0. 10 и 11-й съ тѣмъ же, между 1307 и 1308 годами; N0. 12-й съ тѣмъ же, 1317 года; N0. 13-й съ тѣмъ же, того же года; N0. 14-й съ тѣмъ же, 1318 года; N0. 15-й съ В. К. Александромъ Михайловичемъ, 1327 года; N0. 20-й двѣ договорныя съ В. К. Іоанномъ Васильевичемъ и съ сыномъ его В. К. Іоанномъ Іоанновичемъ, 1471 г.

II) Въ Актахъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею, Т. I, N0. 8-й, договорная съ В. К. Димитріемъ Іоанновичемъ и Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1372 года; N0. 32-й, Данная В. К. Василію Васильевичу на Черный боръ, по Новоторжскимъ волостямъ, около 1437, или 1456—1462; N0. 57-й договорная съ В. К. Василіемъ Васильевичемъ и Іоанномъ Васильевичемъ, 1456 года; N0. 58-й договорная съ тѣми же, того же года; N0. 59-й, грамота объ уплатѣ В. К. Василію Васильевичу залоговъ, по Демонскому докончанію, 1456 года; N0. 87-й договорная съ Польскимъ Королемъ Казимиромъ IV, 1470 — 1471

годами; NO. 90-й, объ уплатѣ В. К. Іоанну Васильевичу и Іоанну Іоанновичу пятнадцати тысячь пяти сотъ рублей, 1471 года; NO. 91-й двѣ договорныя съ В. К. Іоанномъ Васильевичемъ и Іоанномъ Іоанновичемъ, 1471 года; NO. 92-й Судная Новгородская грамота, 1471 года; NO. 93-й Отказная грамота на Двинскую землю, 1471 года; NO. 103-й, запись Новгородская о Церковномъ судѣ, прежде 1477 года.

III) Въ Актахъ Историческихъ, собранныхъ и изданныхъ Археографическою Коммиссіею, Т. I, NO. 258-й договорная съ В. К. Василіемъ Василіевичемъ, 1434 года.

При составленіи сводной грамоты, я распредѣлилъ статьи въ слѣдующемъ порядкѣ: а) Обычная форма грамотъ въ началѣ и концѣ. б) Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Правителя. в) Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Судьи. г) Условія, опредѣляющіе финансовые права Князя. д) условія, опредѣляющія отношенія между областію Великокняжескою и областью Новгородскою, какъ между двумя отдѣльными владѣніями. е) Условія и цѣлыя грамоты историческія, опредѣляющія какое нибудь случайное отношеніе, возстановленіе прежнихъ отношеній, нарушенныхъ войною и т. п.

Условія каждаго изъ означенныхъ разрядовъ слѣдуютъ одни за другими въ порядкѣ историческомъ; на сторонѣ выставлены измѣненія, претерпѣнныя условіями въ разныхъ грамотахъ.

а) *Форма.*

1) Начало: Благословление отъ Владыкы, покланяние отъ Посадника, и отъ Тысяцьскаго, и отъ всѣго Новагорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ, къ Князю. (а) [1]).

Благословление отъ Владыкы, поклонъ отъ Посадника, и отъ Тысяцьскаго, и отъ всехъ Соцьскыхъ, и отъ всехъ старѣйшихъ, и отъ всего Новагорода, къ Князю. (б).

Или, если грамота составлялась послѣ войны: По благословенію пресвященаго Архіепископа Великого Новагорода и Пькова владыки (такого-то), отъ По-

(а) С. Г. Г. и Д. No. 1. (б) Тамъ же No. 2.

садника Ноугородского (такого-то), отъ тысеского Ноугородского (такого-то), и отъ всего Великого Новагорода. Се пріѣхали послове къ В. Князю (такіе-то), посадники, тысятскіе, а отъжитьихъ такіе-то; и докончали миръ по крестнымъ грамотамъ. (а).

2) На семь, Княже, цѣлуй хрестъ къ всѣму Новугороду; на цѣмь-то цѣловали Дѣди и Отци, и Отець твой, Новъгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошлинѣ. (б).

На семь, Господине, Новгородъ весь хрьстъ цѣлуеть. Княжение твое честьно дьржати по пошлинѣ, безъ обиды; а тобѣ, Господине, тако же Новгородъ дьржати по пошлинѣ, безъ обиды. (в) Или: на чемь цѣловали пьрвии Князи и Дѣдъ твой и Отьць твой. (г).

3) А намъ мужемъ Новогородцомъ Княжение ваше держати честно и грозно, безъ обиды. (д) [2]).

4) *Заключеніе.* А на томъ ти, Княже, на всѣмь хрестъ цѣловати, безъ перевода, при нашихъ послѣхъ: а мы ти ся, Господине Княже, клапяемъ. Тако, Княже Господине, пошло отъ Дѣдъ и отъ Отецъ, и отъ твоихъ, и отъ нашихъ, и отъ твоего отчя. (е).

На томь ти на всемь хрестъ цѣловати по любъви, безъ всякого извѣта, въ правьду, при нашихъ послехъ. (ж). Или: А на томъ на всемъ, Господине Кн҃зь Великии всея Руси (такой-то и такой-то), целуйте Господень крестъ ко всему Великому Новугороду, безо всякого извѣта; также и мы Посадники и Тысяцкие, и весь Великий Новъгородъ целуемъ крестъ ко своей Господѣ къ Великимъ Княземъ всея Руси, по любви въ правду, безо всякие хитрости. (з)

(а) А. а. э. No. 57. (б) С. Г. Г. и Д. No. 1. (в) Тамъ же, No. 2. (г) Тамъ же, No. 10 и 11. (д) А. а. э. No 8. (е) С. Г. Г. и Д. No 1. (ж) Тамъ же, No 2. (з) Тамъ же, No 20.

б). *Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Правителя.*

1) Что волостий всѣхъ Новгородьскыхъ, того-ти, Княже, не держати своими мужи, нъ дьржати мужи Новгородьскыми. (а).

2) А бесъ Посадника тобѣ волостий не раздавати, (б) ни грамотъ даяти. (в).

3) А и Суждальской ти земле Новагорода не рядити, ни волостий ти не роздавати. (г) [3]).

4) А безъ вины ти мужа волости не лишити. (д).

5) А въ Немецьскомъ дворѣ тобѣ торговати нашею братиею, а двора ти не затворяти, а присгавовъ ти не приставливати. (е).

6) А что ти грамотъ крестныхъ Новугороду съ всими городы съ Нѣмѣчкыми, на тѣ ти грамоты, Княже, не поступатися; а Новгородьской ти души блюсти. (ж). [4]).

7) А печати быти Князей Векихъ. (з).

8) А вѣчнымъ грамотамъ не быти. (и).

в) *Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Судьи.*

1) А грамотъ ти, Княже, не посуживати. (і).

2) А куда пошло судии твоему ездити по волости, ехати имъ межень по Петровѣ дни. (к).

А судье слати на Петровъ день, тако пошло. (л).

(а) С. Г. Г. и Д. No. 1. (б) Тамъ же. (в) Тамъ же, No. 2. (г) Тамъ же. (д) Тамъ же No. 1. (е) Тамъ же, No 3. (ж) Тамъ же, No. 8. (з) Тамъ же, No. 20. (и) Тамъ же. (і) Тамъ же, No. 1. (к) Тамъ же, No. 2. (л) Тамъ же, No. 3.

3) А бесъ Посадника ти, Княже, суда не судити. (а).

4) А холопъ или роба почнеть вадити на господу, тому ти вѣры не яти. (б).

5) А ряду въ Новгородьской волости тобѣ, Княже, и твоимъ судиямъ не посужяти, а самосуда [6]) не замышляти; а старостѣ ни холопа, ни робы, безъ господаря, твоимъ судиямъ не судити. А за рубежь изъ Новгородьской волости твоимъ Дворяномъ суда не водити, ни судити, (г). А вязчего не пошло по Новгородьской волости, то судиямъ твоимъ отложити. (д).

6) Аже възъидеть къто бѣ, Княже, на мужа овада, тому ти вѣры не яти, дати тому исправа (ж).

7) А за Волокъ ѣздити судьи, како пошло, по Новгородьской пошлинѣ. (з).

8) Повелѣхомъ судъ дати на Городищѣ: отъ Великихъ Князей Бояринъ судьею, а отъ Великаго Новагорода Бояринъ; судити имъ Князей Великихъ человѣка съ Новогородцомъ, а судити имъ какъ право, по крестному цѣлованію. А оже ся сопрутъ о каковѣ дѣлѣ, а не возмогутъ управити; и коли будетъ Князь Велики въ Новѣго-

А ряду вольного не посужати (в). [5]) А холопа и половника не судити твоимъ судиямъ безъ господаря, судити Князю въ Новѣгородѣ, тако пошло; и купцины въ силу [7]) не судити въ волости. А кто живетъ въ Тържку на Новотързькой земли, а къ святому Спасу не тягнеть къ Търъжку, Княземь отъемься, а тии идутъ и съ Торъжку, куда имъ годно. (е).

(а) С. Г. Г. и Д. No. 3. (б) Тамъ же No. 3. (в) Тамъ же, No. 15. (г). С. Г. Г. и Д. No 6. (д) Тамъ же, No. 10 и 11. (е) Тамъ же (ж) Тамъ же. (з) Тамъ же, No. 15.

родѣ, или Великого Князя сынъ, или Великого Князя братъ, и тому дѣлу тогды учинить на Городище съ Посадникомъ конецъ. А что закладъ въ рядныхъ грамотахъ, а то имати Великимъ Княземъ со Владыкою на виноватомъ отъ сего докончания. А что грамота докончалная въ Новѣгородѣ промежь собе о судѣ; ино у той грамоты быти имени и печати Великихъ Князей. А что закладъ въ той въ Новугородской грамотѣ въ докончалной написанъ на наѣздъщиковъ, и на грабежщиковъ, и на доводщиковъ; ино Княземъ Великимъ взяти половина отъ сего докончания, а Великому Новугороду половина взяти. А кто иметъ посулъ давати, или кто и начнетъ имати по концемъ, и по рядомъ, и по станомъ, и по улицамъ у грабежщиковъ, и у наводщика и у наѣздщика; ино взяти на томъ той же закладъ Великимъ Княземъ половина по Новгородской грамотѣ, а Великому Новугороду половина. (а).

9) А суда намъ у Великихъ Князей Намѣстниковъ не отнимати, опрочѣ ратные вѣсти, или коли имутъ городъ дѣлати безъ хитрости. (б).

10) А Сотцкимъ и рядовичемъ, безо Князей Великихъ Намѣстника и безъ Посадника, не судити нигдѣ. (в).

(а) Тамъ же, No. 20. (б) Тамъ же. (в) С. Г. Г. и Д. No. 20.

11) А позовъ по волостемъ Новогородскимъ позывати позовникомъ Великихъ Князей, да Новугородскимъ; а въ городѣ позывати Князей Великихъ подвоискои, а Новугородцкой подвоискои. (а) [8]).

г) *Условія, опредѣляющія финансовыя права Князя.*

1) Чко волостий всѣхъ Новгородьскыхъ, даръ имати тобѣ отъ техъ волостий. (б).

2) А что ти, Княже, пошло на Торожку и на Волоцѣ тивунъ свой дьржати, на своей чясти дьржьти; а Новъгородьцъ на своей чясти држати. (в).

3) А въ Бежицахъ, Княже, тобе, ни твоей Княгыни, ни твоимъ Бояромъ, ни твоимъ Двоояномъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ примати, и по всей волости Новгородьской. [9]) А се, Княже, волости Новгородьскые: Волокъ со всеми волостьми, Тържькъ, Бежицѣ, городьць Палиць; потомъ Мелѣчя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Трѣ, Перемь, Печера, Югра (г).

Бежиче, Городець, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера (д).

Тиргъ вм. Тре. (е) Тирь. (ж) Тигрь (з).

4) А въ Русу ти, Княже, ездити осень, а лѣтѣ не ездити; ездити на озвадо звѣри гонитъ. А въ Ладогу ти, Княже, слати осетрьникъ и медовара. (и).

Ехати ти въ Русу на третиюю зиму, а въ Ладогу, Княже, ехати на третие лѣто (і), на възвадъ [10]) вм. на озвадо. (к).

(а) Тамъ же. (б) Тамъ же, No. 1. (в) Тамъ же. (г) Тамъ же. (д) Тамъ же, No. 2. (е) Тамъ же, No. 20. (ж) А. э. I, No. 57. (з) Тамъ же No 91. (и) С. Г. Г. и Д. No. 1. (і) Тамъ же, No. 2. (к) Тамъ же, No 20.

5) А пожне, Княже, что пошло тобе и твоимъ мужемъ, то твое. (а).

6) Дворяномъ твоимъ и тивунимъ погонъ имати, какъ то пошло. (б).

7) А дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, развѣ ратной вести (д). [11]).

8) А свиньи ти бити за ѯ҃ верстъ отъ города, (е), а дале куда кому годно (ж).

9) А за Волокъ ти своего мужа не слати, слати Новгородца; (и) а тобѣ серебро емати. (і).

10) А свободъ ти ни мытъ на Новгородьской волости не ставити. (л) [12].

11) А на Имоволозьскомъ погостѣ куны ти имати и на Важаньскомъ. (м).

А дворяномъ твоимъ, како пошло, погонъ имати отъ Князя по , кунъ, а отъ тивуна по в҃ куне (в).

Или: а отъ тиуна по двѣ долгѣи. (г).

А свиньи ти, Княже, гонити за шестьдесятъ верстъ около города; а въ тои шьстидесятъ Новгородьцю гонити, Князя докладая Князя, а дале куды кому годно. (з).

А за Волокъ ти слати своего мужа изъ Новагорода въ дву носаду по пошлинѣ, а опять ѣхати туды же на Новъгородъ; а съ Низу ти не слати, тако же и въ Бѣжицѣ. (к) [13]).

Или: А за Волокъ ти, Княже, своего мужа не слати, продаяти ти дань своя Новгородцю. (н).

(а) Тамъ же. No. 1. (б) Тамъ же, (в) Тамъ же, No. 3. (г) Тамъ же No. 6. (д) Томъ же, No. 1. (е) С. Г. Г. и Д. No. 2. (ж) С. Г. Г. и Д. No. 10. (з) Тамъ же, No. 15. (и) Тамъ же No. 9. (і) Тамъ же, 2. (к) Тамъ же, (л) Тамъ же. No. 3. (м) Тамъ же, (н) Тамъ же No. 10.

12) А на Низу, Княже, Новгородца не судити, ни даний ти раздавати. (а).

13) А что пошлинъ Князю въ Новогородьской волости, того вы мене не таити во всѣхъ волостьхъ. (б).

14) А въ Вълъгдѣ ти тиуна не държати. (д).

15) А коли, Княже, поедешь въ Новгородъ, тъгда тобѣ даръ емати по постоянiямъ; а коли поѣдешь изъ Новагорода, тъгда даръ не надобѣ. (в). [15]).

16) А въ Вотцкую землю слати Княземъ Великимъ ежегодовъ по старинѣ. (ж).

17) А коли приведется Княземъ Великимъ взяти Черной Боръ, и намъ Черной Боръ дати по старинѣ. (з) [16]).

18) А крюкъ Великимъ Княземъ по старинѣ, на третей годъ. А отъ волостей даръ имати по старинѣ. (и) [17]).

19) А пошлины вамъ Великимъ Княземъ и вашему отьцу Митрополиту отъ Владыки имати по старинѣ, и лишнего не прибавливати. А на Волоцѣ и на Вологдѣ церкви, и десятина и пошлина своя вѣдати по старинѣ; а что Юрьевъского монастыря земля на Волоцѣ, а та земля къ Юрьеву манастырю по старинѣ. (i).

А Новгородьцемъ волости [14]) и оброковъ Княжихъ не таити (в). А виры имати Княземъ Великимъ по старинѣ, а Новгородцомъ не таити (г).

(а) Тамъ же, No. 3. (б) Тамъ же No. 6. (в) Тамъ же, No. 15. (г) Тамъ же, No. 20. (д) Тамъ же, No. 10. (е) Тамъ же, No. 10. (ж) Тамъ же, No. 20. (з) Тамъ же. (и) Тамъ же. (i) Тамъ же.

д) *Условія, опредѣляющія отношенія между областію Великокняжескою и областью Новгородскою, какъ между двумя отдѣльными владѣніями:*

1) А изъ Бежицъ, Княже, людий не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородьской; ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни Княгыни твоей, ни Бояромъ твоимъ, ни Дворяномь твоимъ, ни смерда, ни купцины. (а).

2) А что, Княже, мытъ по твоей земли, и по иной волости, и по всей Суждальской земли; а то, Княже, имати по 2 векши отъ лодье, и отъ воза, и отъ лну, и отъ хмелна короба (б).

3) А гости нашему гостити по Суждальской земли, безъ рубежа, по Царевѣ грамоте (в)[18].

4) А на Низу, Княже, Новгородца не судити (г), также намъ Новогородцемъ вашихъ Великихъ Князей торговцевъ изо всего Великого Княжения вашего въ Новѣгородѣ не судити (д).

5) А холопы и поручникы выдавати, а всему тому судъ въ Новѣгородѣ. (е).

А холопъ или половникъ забѣжить въ Тфѣрьскую волость, а тѣхъ, Княже, выдавати; который ли въстворить судъ собѣ, судити его въ Новѣгородѣ (ж).

6) А рубежь ти, Княже, межю Суждальскою землею и Новгородьскою дати ти старый, ка-

А рубежь ти дати правый по старому рубсжю, въ хрестьное цѣлованіе, како было при Отци

(а) С. Г. Г. и Д. No, 1. (б) Тамъ же. (в) Тамъ же, No. 3. (г) Тамъ же, No. 3. (д) С. Г. Г. и Д. No 20. (е) Тамъ же, No. 6. (ж) Тамъ же, №. 10.

ко было при дѣдѣ твоемъ и при отци твоемъ. (а).

7) А приставовъ ти съ Низу въвсю въ Новгородьскую волость не всылати (г).

8) А про послы и про купци Новогородские, тѣхъ вамъ не приимати. (д) [19].

9) А Сужьдальскому гости гостити въ Новъгородъ безъ рубежа, безъ пакости. (е).

10) А Пъсковьскимъ Посломъ ездити къ Великимъ Княземъ, также и отъ Великихъ Князей назадъ ко Пъскову черезъ Новугородскую землю, путь чистъ доброволно: также и Новугородскимъ Посломъ ѣздити черезъ Пьсковьскую землю, гдѣ ни есть, путь чистъ изъ Новагорода и въ Новгородъ. (ж).

11) А учинится татба или разбой въ Великомъ Княжении Новугородцу; ино Великимъ Княземъ обыскать то дѣло въ праву, по крестному целованию: а доспѣется Великого Княжения торговцу въ Новугородской земли татба или разбой; ино то дѣло Новугороду обыскать въ праву, по крестному целованию. (з).

твоемь (б). Или: А рубежь ти, Княже, дати правый бесъ перевода межю отчиною своею и Новгородьскою всею волостью (в).

е) *Условія и цѣлыя грамоты историческія.*

1) А кому раздаялъ волости братъ твой Александръ, или

Повторено. Собр. Гос. Гр. и Дог. No 3-й.

(а) Тамъ же, No. 6. (б) Тамъ же, No. 10. (в) Тамъ же, No. 15. (г) Тамъ же, No 8. (д) Тамъ же, No. 5. (е) Тамъ же. (ж) Тамъ же. (з) Тамъ же.

Дмитрий съ Новгородци, тобе техъ волостий безъ вины не лишати (а).

2) А се, Княже, волости Новгородьские: Волокъ съ всеми волостьми, Тържькъ, Бежицѣ, городьцѣ Палиць, а то *есми дали Иванкови.* (б).

А Городець, Княже, далъ Дмитрий съ Новгородци Иванку; а того ти, Княже, неотъяти (в).

3) А въ Ладогу ти, Княже, слати осетрьникъ и медовара, *по грамотѣ отця своего Ярослава.* А судъ, Княже, отдалъ Дмитрий съ Новгородци Бежичяномъ и Обонижаномъ на г҃ лѣта, судье не слати. (г) [20].

4) А что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожне, а то ти, Княже, ненадобѣ. А что, Княже, братъ твой Александръ дѣялъ насилие на Новѣгородѣ, а того ся, Княже, отступи. (д)-

А что твой братъ отъялъ былъ пожне у Новагорода, а того ти, Княже, отступитися: что Новгородцевъ, то Новгородьцемъ; а что пошло Князю, а то Княже (е). Повторено Собр. Гос. Гр. и Дог. No 3-й.

5) А въ Ладогу, Княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамоте отца своего Ярослава: а ту грамоту, Княже, отъялъ еси, а та грамота, Княже, дати ти назадъ. (ж).

6) А что, Княже, грамоты посудилъ еси отца своего и брата своего, а свое грамоты подаялъ еси на ты грамоты; ты грамоты отъимати, а старые оправливати (з).

7) А что еси, Княже, отъимъ у Кюрили Хотуниче, далъ еси попу святаго Михаила, а

(а) Тамъ же, No. 1. (б) Тамъ же. (в) Тамъ же. (г) Тамъ же. (д) Тамъ же, No. 2. (е) Тамъ же. (ж) С. Г. Г. и Д. No. 3. (з) Тамъ же.

городискымъ попомъ не пошло дани имать на Новгородьскомъ погосте; вдай опять (а).

8) А что, Княже, тобе было гнѣва на Посадника и на вcь Новгородъ; то ти, Княже, все нелюбье отложити, и отъ мала и отъ велика не мщати ти ни судомъ, ни чимъ же: а кто почнеть вадити къ тобе, тому ти веры не яти. А про Послы, Княже, и про купче Новгородьскые, что въ Костромѣ и по инымъ городомъ; то исправивъ, пусти въ Новъгородъ съ товаромъ. А про полонъ, кто где заточенъ, ими человѣкъ, или конь Русьскый и Новгородьскый, то исправи. А село Святой Софии исправи къ Святой Софии. А до Владыкы отча нашего гнѣва ти не держати. А что закладниковъ за Гюргомъ на Торожку, или за тобою, или за Княгынею, или за мужи твоими, кто купець, тотъ въсто, а кто смердъ, а тотъ потягнеть въ свой погостъ: тако пошло въ Новѣгородѣ; отпусти всихъ процѣ (б).

9) Что свободъ Дмитриевыхъ и Андрѣевыхъ, и что сельць тягнуло къ тымъ свободамъ, того всего тобѣ състyпитися, то все

А гнѣва ти, Княже, до Новагорода не дьржяти, ни до одиного человѣка. Повторено Собр. Гос. Гр. и Дог. NNo 7-й, 8-й, 9-й и 10-й: А нелюбие, Княже, тобѣ отложити и отъ старѣйшихъ, и отъ мьншихъ, и отъ всѣхъ. No. 15-й, Ак. Арх. Эк. I, No 57-й.

Повторено, С. Г. Г. и Д. No 15-й.

Повторено, Собр. Гос. Гр. и Дог. NNo 6-й, 7-й, 8-й и 9-й. Ак. Ист. I. No 258-й.

А смердъ потянеть въ свой *потугъ* (в). [21]).

Повторено С. Г. Г. и Д. NO. 7-й, NO. 8-й, NO. 10-й, съ перемѣною: А что селъ и свободь Дмитриевыхъ, то дали есме былѣ Андрѣю, до живота Андрѣева, въ хрестьное цѣлованіе, а потомъ Новугороду то все; а тобѣ, княже, въ то не въ ступитися.

(а) Тамъ же. (б) Тамъ же. (в) Тамъ же, No. 20.

къ Новугороду бесъ кунъ. А что, Княже, селъ твоихъ, и Владычьнихъ, и Княгынинихъ, и Бояръ твоихъ, и слугъ твоихъ на Новгородьской земли, которое село зашло бесъ кунъ, то бесъ кунъ поидеть къ Новугороду, а кто купилъ, а тый знаеть своего истьца, или дѣти его: истьца ли не будеть, ни дѣтий его, цѣловати ему хрестъ; како истьца не свѣдаеть, взяти ему куны, колико будеть далъ по исправѣ, а земля къ Новугороду (а).

10) А коли будеть Новугороду розмирье съ Нѣмчи, или съ Литвою, или съ иною землею, пособляти ти, Княже, по Новѣгородѣ бесъ хытрости; а безъ Новгородьского ти слова, Княже, войны не замышляти (г).

11) А вынесуть тобѣ изъ Орды Княжение Великое, намъ еси Князь Великый: или пакъ не вынесуть тобѣ Княжения Великого изъ Орды, поити твоимъ Намѣстникамъ изъ Новагорода проць, и изъ Новгородьскыхъ пригородовъ; а въ томъ Новугороду измѣны нѣту (д).

12) А что подѣялося доселѣ межи тобою и твоими мужи Новугороду до хрестьного цѣлования, то ти все, Княже, отложити, и твоимъ мужемъ (е).

Повторено С. Г. Г. и Д. N0. 9 и 10.

....кто будеть даромъ отъялъ, или сильно; а то поидеть безъ кунь къ Новгороду и т. д. (б).

....а земля поидеть къ Новгороду; или не окупять сѣдѣти, ему, доколѣ окупять (в).

(а) Тамъ же, N0. 15. (б) Тамъ же, N0. 6. (в) С. Г. Г. и Д. N0. 6. (г) Тамъ же, N0. 8. (д) Тамъ же. (е) Тамъ же, N0. 10.

13) *Грамота отъ Новгорода къ В. К. Михаилу Ярославичу:* (а).

Благословление отъ Владыкы, поклонъ отъ Посадника, и отъ Тысячкого, и отъ всего Новагорода, Князю Михаилу Ярославицю. Князь Великый Андрѣй, и вьсь Новгородъ дали Федору Михайловицю городъ стольный Пльсковъ, и онъ едъ хлѣбъ; а како пошла рать, и онъ отъехалъ, городъ повьргя, а Новагорода и Пльскова поклона не послушалъ; приехавъ въ село, Новгородьскую волость пусту положилъ, братию нашю испродалъ. Тобѣ, Княже, не кърмити его Новгородьскимъ хлѣбомѣ, кърмити его у себе; а на селѣхъ его куны ему даемъ. А Бориса Костянтиновица кърмилъ Новгородъ Корѣлою, и онъ Корѣлу всю истерялъ, и за Нѣмцѣ загонилъ; надь тимь рубежь учинилъ на Новѣгородѣ, чего не пошло про рубежь, Господине. Како будешь въ Новѣгородѣ у отца своего у Владыцѣ, и усвоихъ мужь, намъ съ нимъ судъ передъ тобою, Господинс; а нынѣ серебра ему не вели емати. А тобѣ, Господине, Новгородьскымъ хлѣбомъ не кърмити его, а изъ Новгородьской волости поидеть; а на селѣхъ его куны даемъ по исправѣ на купленыхъ, а которое не куплено, а съ тѣхъ поидеть бесъ кунъ. [22].

14) *Договорная съ тѣмъ же В. Княземъ:* (б).

Се докончалъ Великый Князь Михаило съ Владыкою Давыдомъ и съ Посадникомъ, и со всімь Новымъ городомъ. Что ся учинило промежи Князя и Новагорода розратье, что взято въ Княжи волости въ замятню, или у Намѣстниковъ, или у Пословъ, или гостиный товаръ, или купецьскый, или въ церквахъ, или у котораго Боярина, или по всей волости; то все Князь отложилъ. А что взято товара Новгородьского, или купецьского, или гостиного, или по всей волости Новгородьской; а того всего Новугороду не поминати. А что селъ или людий Новгородьскыхъ въ сю замятню заложилося за Князя и за Княгыню, или за дѣти, или за Бояры, или села кто купилъ; куны ему емати, а села къ Новугороду по Фектистовѣ грамотѣ, что на Тфери докончалъ. А что головы поимано по всей волости Новгородьской, а тѣ поидуть къ Новугороду безъ окупа. А Князю Великому Михаилу не

(а) Тамъ же, No. 11. (б) Тамъ же No. 12.

наводити на Новъгородъ, ни Бояромъ его, ни про что же; ни гостя рути въ Суждальской земли, ни гдѣ же; а за все за то взяти Князю у Новагорода двѣнадчать тьсячи серебра. Буди Андрѣевѣ дѣти, буди Машко съ дѣтми, или Юрьи Калѣка и вси талщикы, и что взялъ Федоръ Юрьевичь, и Елферий Жидь Славичь у талщиковъ и у Машка зъ дѣтми; а то поиде въ ту же двѣнадчать тысячи серебра. А срокъ тремъ тысячамъ и двема стома взяти Князю на сборъ въ Низовьскый весъ. А како възметь Князь г҃ и двѣ стѣ, тако ему пустити хлѣбъ и всякый гость; а другыи г҃ взяти Князю на Средокрестье въ Низовьскый же вѣсъ; а третьии г҃ поиша хопьли къ собѣ, дати имъ на Вербьницю безъ к҃ сту и безъ полутрьтиядчати серебра въ Низовьскый же вѣсъ; а четвертыи г҃ взялъ Федоръ и Елферий у талщиковъ: а что переиде чересъ срокъ д҃ дни, а въ томъ Князю измѣны не учинити. А како Князь серебро поемлеть, тако ему вся таль пустити по цѣлованью. А не любье Князь отложилъ отъ Новагорода, и отъ Пьскова, и отъ пригородовъ; а Посаднику и Тысяцьскому и всему Новугороду, кто мои недругы, мнѣ выдалъ въ Торжьку, тѣмъ ся имъ не мьщати. А Новугороду Княженье мое честно държати безъ обиды, а Князю Великому дьржати Новъгородъ безъ обиды въ пошлинѣ. А опять сѣлъ Князь Великый Михаило на Фектистовѣ грамотѣ, что доконьчалъ съ Владыкою и съ Послы Новгородьскыми на Тфѣри. А на семь на всемь Князь Великый Михаило кресть цѣловалъ, по симъ грамотамъ. А исплатить Новъгородъ то серебро двѣнадчать тысячи; то Великому Князю грамота изрѣзати, что докончали на городкѣ на Волзѣ, и другая грамота Новоторзьская что въ Торжьку доконьчали.

15) *Договорная съ тѣмъ же В. Княземъ.* (а).

Отъ Посадника отъ Михаила, отъ Тысячкого отъ Матфѣя, отъ Бояръ, и отъ житьихъ людей, и отъ чорныхъ людей, и отъ всего Новагорода, послаше Новъгородъ Юрья и Якима къ Князю къ Михаилѣ на Тверь, а велѣлѣ миръ имати на семъ. А же братью нашю попущати безъ окупа, Новгородскихъ Бояръ и Новоторьскихъ Бояръ, житьихъ людѣй и чорныхъ людѣй, и сиротъ Нов-

(а) Тамъ же No. 13.

городской волости и Новоторьской волости; или хто данъ на поруке Новгородѣчь или Новоторжанинъ, а съ тыхъ порука на землю; или кого къ челованью привелъ, а съ тыхъ челованье на землю; или грамоты дерноватыи накого написалъ, а тѣ грамотѣ подереть. А что Князь Михаило товаръ порубилъ братьи нашей до Новоторьского взятья, а того товара весь Новъгородъ велѣлъ Юрьи и Якиму отступитися; а что товаръ Новгородскый и Новоторскый въ Торьшку взять въ полонъ, а того товара весь Новгородъ велѣлъ Юрьи и Якиму отступитися. А землѣ и водѣ старый рубежь по старымъ грамотамъ. А Намѣстникы свои съ Торъшку сведетъ. А на семъ повелѣше весь Новгородъ Юрьи и Якиму миръ взяти съ Княземь съ Михаиломъ; а повелѣша печати приложити изо всѣхъ пяти кончевъ къ сей грамотѣ. Аже Князь Михаила почне Пословѣ свои слати въ Новгородъ повелѣ Юрьи и Якиму Пословѣ Михаиловѣ поняти въ Новъгородъ.

16) *Договорная В. К. Михаила Ярославича съ Новгородомъ при Князѣ его Юріѣ Даниловичѣ.* (а)

Се доконча Князь Великый Гюрги съ братомъ своимъ Великимъ Княземъ съ Михаиломъ, и съ Посадникомъ, и съ Тысяцкимъ, и съ всѣмь Новымь городомь. Дати Князю Михаилу... рубежь правый но старому рубежю межю Торжькомъ и..... омь имежю Кашиномь, такоже..... гдѣ по старому рубежю..... дати. А что Княгыни покупила села въ Волог.... и въ Бѣжицкой.... имати ей куны у истьцевъ,...... святой Софии; также и дѣтемъ его, и Княгыни его, и Бояромъ его въ все Княжение Михаилово знають своего.... а земля бесъ кунъ...... и Кня..... и при... Тфѣри... Дмитр..... возмуть..... рубежемъ въ Нов.......ца, или у сына, и...... на томь ему хресть..... како истьца не вѣдаеть, а куны ему имати у Новагорода, колко далъ, хресть цѣловавъ. А кто живеть въ Новоторьскомъ уѣздѣ у Святого Спаса, а тѣ потягнуть къ Торжьку; буди закладьщикъ, буди пришлецъ, буди..... буди дѣтѣй его, буди Княгининъ, буди Бояръ.... такоже и Василисинъ, такоже и въ ...... волости Новгородьской...... въ Торжьку, и въ Тфѣри положено, на стырыхъ людехъ..... прочьной справѣ. А въ котораго чоловѣка почнуть окупать села въ Новгородьской волости, окупити ему и доброе и худое. А что поимали на Вологдѣ кре-

---

(а) С. Г. Г. No. 14.

четы и серебро, и бѣлу, и ...... свободамъ и Посломъ и у Волоцѣ и у Ладожанъ, или .... ихъ людей, дати имъ назадъ по исправѣ; а головы..... имали въ полку и....то попущати безъ окупа. А что взялъ Михаило Княвь.... ру.... на смердѣхъ на Пруте.. скыхъ,.. земля къ Новугороду. А гости всякому гости слитно: гостити безъ рубежа; а ворота ти отворити, а хлѣбъ ти пустити, и всякый ти гость пустити въ Новъгородъ; а силою то гостя въ Тфѣрь не персимати. А чересъ ти рубежь въ Новъгородьскую волость Дворянъ и приставовъ не въсылати; а обидному на рубежи судъ. А Посломъ Новгородьскымъ и Новгородьцемъ ѣздити сквозѣ Михаилову волость безъ пакости; а холопи и должьникы выдавати по исправѣ. А что грамота на Городцѣ писана, и что въ Торжьку писана при Тантемери и Владыцѣ, серѣбреная, а тѣ грамотѣ Михаило Князь порѣзалъ. А насемь на всемь Князь Михаило цѣловалъ хрестъ къ намъ, по любви въ правду, безъ всякого извѣта.

17) А что Олександровыхъ Княжихъ селъ купленыхъ, или его мужь, а то поидеть къ Олександру Князю по исправѣ, по хрестьному цѣлованью, по заводъ; а ись тыхъ селъ суда имъ не судити, ни Дворяномъ ѣздити, ни людей Новгородьскыхъ приимати, ни земли. — А што ся дѣяло до твоего Княженія; и въ твое Княженье, того ти не поминати; што продано Княжихъ волостей съ Велика дни, а што будеть не продано по Велицѣ дни, то по цѣлованью повѣдати. — А што будеть Дѣдъ твой сильно дѣялъ или ины Князь на Новѣгородѣ, того ти не дѣяти (а).

18) *Договорная грамота Великаго Князя Димитрія Іоанновича и Князя Владиміра Андреевича съ Псковомъ городомъ* (б).

Се пріѣхали ко мнѣ къ Великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, отъ отца моего владыки Олексѣя, и отъ Посадника Юрья, отъ Тысяцкаго Олисѣя, и отъ всего Новагорода Иванъ Посадникъ, Василей Ѳедоровъ, Иванъ Борисовъ, а отъ черныхъ людей Воиславъ Поповичь, Василей Огаѳоновъ. Кончалъ есмь съ своими мужи въ одиночество, цѣловали есмы крестъ съ своимъ братомъ со Княземъ съ Володимеромъ Андреевичемъ: а натомъ къ намъ цѣловали кресть Иванъ Посадникъ, Василей Ѳедоровъ,

---

(а) Собр. Г. Г. и Д. No. 15. (б) А. а. э. I, No. 8.

Иванъ Борисовъ, Воиславъ Поповичь, Василей Огаѳоновъ. Натомъ цѣловати кресть ко мнѣ ко Князю къ Великому къ Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и къ моему брату ко Князю къ Володимеру, въ одиначство всему Новугороду. Ажъ будетъ обида со Князми Литовскими, или съ Тферьскимъ Княземъ съ Михаиломъ, Новугороду всѣсти на конь со мною со Княземъ съ Великимъ, и съ моимъ братомъ со Княземъ съ Володимеромъ съ одного; а коли будетъ мнѣ Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и моему брату Князю Володимеру, всѣсти на конь на Князя на Литовскогго, или на Тферьского на Князя на Михаила, мнѣ Князю Великому самому быти въ Новѣгородѣ, а любо брата ми послати Князя Володимера въ Новгородъ всѣсти: или будетъ обида Новугороду съ Литовскимъ Княземъ, или съ Тфѣрьскимъ Княземъ съ Михаиломъ, или съ Нѣмци, мнѣ Князю Великому Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и моему брату Князю Володимеру, всѣсти по Новѣгородѣ съ одного, по цѣлованью; а до колѣ ся Новъгородъ съ Литовскимъ Княземъ, и со Тферьскимъ Княземъ Михаиломъ, не умиритъ, или съ Нѣмци, мнѣ Князю Великому Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и моему брату Князю Володимеру, Новагорода не метати, любо ми самому быти Князю Великому въ Новѣгородѣ, или брата пошлю, доколѣ Новъгородъ умирю, а быти ми въ Новѣгородѣ или брата пошлю; а пойдетъ на насъ рать, ѣхати ми отъ васъ или брату моему безъ хитрости, а то намъ не въ измѣну. А княженье бы великое мое держати честно и грозно, безъ обиды: а мнѣ Князю Великому Дмитрею Ивановичю всеа Руси, держати Новъгородъ въ старинѣ, безъ обиды [23]).

19) *Данная В. К. Василію Васильевичу, на черный боръ по Новоторжскимъ волостямъ* (а).

Отъ Посадника Великого Новагорода степенного Ѳеонаса Остафьевича, и отъ всѣхъ старыхъ Посадниковъ, и отъ Тысяцкого Великого Новагорода степенного Михайла Ондреевича, и отъ всѣхъ старыхъ Тысяцкихъ, и отъ Бояръ, и отъ житьихъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей, и отъ всего Великого Новагорода. На вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ, се дахомъ черный боръ на сей годъ Великому Князю Василью Васильевичю всея

(а) А. а. э. No. 32.

Руси, а послалъ Князь Велики на черный боръ Семена Яковлича въ Торжокъ: а брати Князя Великого черноборцемъ на Новоторжьскихъ волостѣхъ на всѣхъ, куды пошло по старинѣ, съ сохи по гривнѣ по новой, а писцу Княжу мортка съ сохи; а въ соху два коня да третьее припряжь, да тшанъ Кожевничской за соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнець за соху, четыре пѣшци за соху, ладья за двѣ сохи, црѣнъ за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьи на томъ взяти за полсохи; а гдѣ будетъ Ноугородець заѣхалъ лодьею, или лавкою торгуетъ, или староста, на томъ не взяти; а кто будетъ одерноватый емлетъ мѣсячину, на томъ не взяти; а кто поверга свой дворъ, а вбѣжитъ въ боярьскій дворъ, или кто иметъ соху таити, а изобличатъ, на томъ взяти вины вдвое за соху. А кормъ съ десяти сохъ Князя Великого Черноборцемъ взяти тридцать хлѣбцовъ, баранъ а либо полоть мяса, трое куровъ, сито заспы, два сыра, бѣкарь соли; а коневого корму пять коробей овса въ старую коробью, три возы сѣна съ десяти сохъ какъ пошло; по двѣ подводы отъ стану до стану. А брати имъ, куды и переже сего черноборци брали, по старинѣ.

20) А что, Княже, гнѣвъ будетъ на Владыку, или на Посадника и на весь на Великый Новъгородъ, то ти, Княже, нелюбіе отложите; а про Дмитрея про Тарасова не мщатись, ни судомъ, ничимъ же; а кто почнетъ вадити, тому ти вѣры не яти (а).

21) А что земли Ростовскія и Бѣлозерскія, что покупили наши Новгородци, а тыхъ земль Княземъ Великимъ съступилися и грамоты подавали. А полонъ съ обѣ половины безъ окупа; а кто будетъ продавалъ полонъ въ Книженьи въ Великомъ, а тому серебру погребъ съ обѣ стороны; а кто будетъ продалъ полоняники своему, тому ся увѣдати самому, а полоняникъ пойдетъ прочь. А съ Новоторъжцевъ Князи Великіи цѣлованіе сложили; а что серебро и хлѣбъ Княземъ Великимъ недобранъ въ Торъжку, или на губахъ, а то Княземъ Великимъ ненадобѣ; а детъ данъ на поруцѣ въ серебрѣ; или въ хлѣбѣ, съ тыхъ покто бурука доловъ, а что собрано а то Княземъ Великимъ; а Новгороду въ томъ дѣлѣ на Новоторъжцовъ нелюбіа не держати, ни мщатись никоторою хитростью. А что война была Князей

(а) А. Истор. I, No. 258.

Великихъ надъ Новгородскою волостію, или Новогородская война была надъ Великихъ Князей волоетьми, тому всему погребъ; а послѣ сего крестного цѣлованіа, аже доспѣется война съ обѣ половины, а не вѣдая сего докончаніа, иманое назадъ отдати съ обѣ половины; а учинятся мертвые, а почнутъ клепати мертвыми илиграбсжомъ съ обѣ половины, ино судъ тому на Городищѣ передъ тыми судьями; а что были войны и грабежи изъ Великого Княженіа и изъ Новгородской вотчины, до складной грамоты Великого Князя, съ обѣ половины, тому судъ на Городищѣ. — Также что наши братіа Новгородци покупили земли Ростовскія и Бѣлозерскія, или даромъ поимали, и намъ тыхъ земль обыскавъ, отетупитися вамъ Великимъ Княземъ, по крестному цѣлованію; а кто которой земли запритца, тому судъ и исправа по крестному цѣлованію. А пріѣдутъ къ намъ къ Великимъ Княземъ отъ Великого Новагорода послы Новогородскые о какихъ обидныхъ дѣлѣхъ исправы просити а наѣдутъ насъ обѣихъ Великихъ Князей въ Русской землѣ, ино имъ посольство правити обѣма Великимъ Княземъ и исправы просити у обѣихъ, а имъ исправа дати Великому Новугороду, по крестному цѣлованію, а отвѣтъ дати Великому Новугороду; а наѣдутъ одного Великого Князя въ Руской землѣ, ино одному посольство правити, а ему исправа дати Великому Новугороду, по томужъ крестному цѣлованію, и отвѣтъ дати Великому Новугороду. А Великому Новугороду Князя Ивана Андреевича Можайскаго и его дѣтей, и Князя Ивана Дмитреевича Шемякина и его дѣтей, и его матери Княгини Софьи и ее дѣтей и зятьи, Новугороду не пріимати. А послѣ сего докончаніа, изъ Московской земли изъ Великого Княженія кто пріѣдетъ лиходѣй Великихъ Князей въ Великій Новгородъ, и Новугороду ихъ не пріимати; или кто лиходѣй Великихъ Князей побѣжитъ изъ Руской земли изъ Московского Княженіа въ Литву или въ Нѣмци, а изъ Литвы или изъ Нѣмецъ прибѣжитъ къ Великому Новугороду, и Новугороду тыхъ лиходѣевъ не пріимати. А коихъ людей привели къ цѣлованію за Великихъ Князей, кои живутъ на Новгородской землѣ въ Торъжку, или за Волокомъ, индѣ гдѣ ниесть, а съ тыхъ людей Князи Великіи цѣлованіе сложиша; а земли и воды къ Великому Новугороду, по старинѣ и по старымъ крестнымъ грамотамъ; а натыхъ людей Новугороду про то нелюбіа не держати, по крестному цѣлованію. А что нятцевъ или полону у Великихъ Князей, или Новгорода нятцевъ и полону, и старого полону Великихъ Князей и его братьи молодшой изо всего его Великого

Княженіа, ино тыи нятци и той полонъ отпустиша безъ окупа на объ поливинъ, и старой и новой. (а) Повторено А. а. э. I, NO. 91.

22) *Грамота объ уплатъ В. К. Василію Васильевичу залоговъ по Демонскому докончанію.* (б)

Се заплатиша отъ Великого Новагорода подвойскіе Ноугородскіе Степанъ Иліинъ, Степанъ Григоріевъ, и вѣчный дьякъ Яковъ, Ивану Володимеровичю тысячю рублевъ да сто рублевъ послѣднего платежа, что добили челомъ Бояре Ноугородскіе Великому Князю въ Яжелбицахъ, посадникъ Григорей Даниловичь, посадникъ Өедоръ Яковличь, посадникъ Василей Степановичь, тысяцкой Яковъ Ивановичь, тысяцкой Василей Пантелеевичь, а отъ житьихъ Өоносъ Микулиничь, Иванъ Юріевичь, Яковъ Ивановичь, полудевятою тысячею рублевъ, и грамоту дали Великому Князю въ той полудевятѣ тысячѣ рублевъ и въ залозѣхъ отъ Демонского докончаніа, за своими печатми, и честной креетъ цѣловали: ино та полдевяты тысячи рублевъ Великому Князя дошла чисто вся, а залоги отъ Демонского докончаня осталися за Новымъ городомъ. И мы ту грамоту у Ивана взяли, а въ залозѣхъ есмя Великого Князя, что ея за нами остало отъ Демонского докончанья, дали на собя сю грамоту, что справити намъ всѣ залоги по крестному цѣлованью, по тому какъ цѣловали въ Яжелбицахъ Посадникъ Григорей Даниловичь, Посадникъ Өедоръ Яковличь, Посадникъ Василей Степановичь, Тысяцкіе Яковъ Ивановичь, Василей Пантелеевичь, а отъ житьихъ Өоносъ Микулиничь, Иванъ Юрьевичь, Яковъ Ивановичь, къ Великому Князю; а какъ залоги дойдутъ всѣ Великого Князя, ино ся грамота подрати. А запечатали есмя сю грамоту печатію Посадничею степенного Ивана Лукинича, и Тысяцкого степенного печатію Михаиловою Андреевича.

23) *Договорная съ Казимиромъ Литовскимъ* (в) [24].

Се язъ честны Король Полскій и Князь Велики Литовскій докончялъ есми миръ съ нареченнымъ на Владычьство съ Өеофиломъ, и съ Посадники Новогородцкими, и съ Тысяцкими, и съ Бояры, и съ житьими, и съ купци, и со всемъ Великимъ Но-

---

(а) А. а. э. I, NO. 58. (б) Тамъ же, NO. 59. (в) А. а. э. I, NO. 87.

вымгородомъ. А пріѣхаша ко мнѣ послове отъ нареченаго на Владычьство Феофила, и отъ Посадника степенного, и отъ Тысяцкого степенного Василья Максимовича, и отъ всего Великого Новагорода мужей волныхъ, Посадникъ Новогородцкій Офонасъ Остафьевичь, Посадникъ Дмитрей Исаковичь и Иванъ Кузминъ сынъ Посадничь, а отъ житьихъ Панфилей Селифоновичь, Кирило Ивановичь, Якимъ Яковличь, Яковъ Зиновъевичь, Степанъ Григорьевичь. Докончалъ есми съ ними миръ и со всемъ Великимъ Новымгородомъ, съ мужи волными. А держать ти, честны Король, Велики Новгородъ на сей на крестной грамотѣ. А держати тобѣ, честному Королю, своего Намѣстника на Городищѣ отъ нашей вѣры отъ Греческой, отъ православного хрестьянства; а намѣстнику твоему безъ Посадника Новогородцкого суда не судити, а отъ мѣста кунъ не имати; а Великому Новугороду у твоего Намѣстника суда не отъимати, опричь ратной вѣсти и городоставленія [25]); а судити твоему Намѣстнику по Новогородской старинѣ. А дворецкому твоему жити на Городицѣ на дворцѣ, по Новогородской пошлинѣ; а дворецкому твоему пошлина продавати и Посадникомъ Новогородскимъ по старинѣ съ Петрова дни [26]). А тіуну твоему судити въ Одринѣ [27]) съ Новогородцкими приставы. А Намѣстнику твоему и дворецкому и тіуну быти на Городищѣ въ пятидесятъ человѣкъ. А Намѣстнику твоему судити съ Посадникомъ во Владычнѣ дворѣ, на пошломъ мѣстѣ, какъ Боярина такъ и житьего такъ и молодшего такъ и селянина; а судити ему въ правду, по крестному цѣлованью, всѣхъ равно; а пересудъ ему имати, по Новогородцкой грамотѣ по крестной, противъ Посадника, а опричь пересуда посула ему не взяти; а во владычень судъ и въ Тысяцкого, а въ то ся тебѣ не вступати, ни въ монастырскіе суды, по старинѣ. А пойдетъ К. В. Московскій на Велики Новъгородъ, или его братъ, или которую землю подъиметъ на велики Новгородъ, ино тебѣ нашему Господину честному Королю всѣсти на конь за Велики Новгородъ, и со всею съ своею радою Литовскою, противъ Великого Князя, иборонити Велики Новгородъ; а коли Господине честны Король, не умиривъ Великого Новагорода съ Великимъ Княземъ, а поѣдешь въ Литцкую землю или въ Нѣмецкую, а безъ тебе, Господине, поидетъ Князь Велики, или его сынъ, или его братъ, или кою землю подойметъ на Велики Новгородъ, ино твоей радѣ Литовской всѣсти на конь за Велики Новгородъ, по твоему крестному цѣлованію, и боронити Новгородъ. А что Ржова, и Великіи Луки, и

Холмовски погостъ, четыре перевары, а то земли Новгородцкія, а въ то ся тебѣ честному Королю не вступати, а знать тебѣ своя черна куна, а тѣ земли къ Великому Новугороду; а Ржевѣ и Лукомъ, и Холмовьскому погосту, и инымъ землямъ Новгородцкимъ и водамъ, отъ Литовской земли рубежь по старинѣ. А сведется Новгородцу судъ въ Литвѣ, ино его судити своимъ судомъ, а блюсти Новгородця какъ и своего брата Литвина, по крестному цѣлованью: а сведется судъ Литвину въ Великомъ Новѣгородѣ, ино его судити своимъ судомъ Новгородцкимъ, а блюсти его какъ и своего брата Новгородця, по крестному цѣлованію, такожъ. А сведется поле Новгородцу съ Новгородцомъ, ино Намѣстнику твоему взяти отъ поля гривна, а двѣма приставомъ двѣ деньги, а учнуть ходити за срѣчкою на поле, ино взяти твоимъ приставомъ двѣ денги. А въ Русѣ ти имати за проѣзжей судъ, черезъ годъ, сорокъ рублевъ, а держати десять варницъ въ Русѣ; а въ Водцкой землѣ плата за проѣзжей судъ, черезъ годъ, тридцать рублевъ; а въ Ладогѣ ти пятнадцать рублевъ, а съ Ижеры два рубля, а съ Лопщи рубль, за проѣзжей судъ, черезъ годъ; а по инымъ волостемъ по Новогородцкимъ имати тобѣ пошлины по старинѣ, а Новугороду пошлинъ не таити по крестному цѣлованію. А вывода ти, честны Король, изъ Новогородцкой отчины не чинити, а челяди не закупати, ни даромъ не примать. А подводъ по Новогородцкой отчинѣ не имати, не твоимъ посломъ, ни твоему Намѣстнику ни иному никому жъ въ твоей державѣ. А черны куны имати по старымъ грамотамъ и по сей крестной грамотѣ: а на Молвотицяхъ взяти ти два рубля, а тіуну рубль за Петровщину; а на Кунскѣ взяти ти рубль; а на Стержи тридцять куницъ да шестьдесятъ бѣлъ; а съ Моревы сорокъ куницъ да восмьдесятъ бѣлъ, а Петровщины рубль, а въ осенинѣ полрубля; а въ Жавнѣ двадцать куницъ да восмьдесятъ бѣлъ, а Петровщины рубль; а медъ и пиво съ перевары по силѣ; а на Лопастицяхъ и на Буйцяхъ у чернокунцовъ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а слугамъ бѣла; а на Лукахъ нашъ тіунъ, а твой другой, а судъ имъ на полы, а Торонецкому тіуну по Новогородцкой волости не судити; а въ Лубоковѣ и въ Заклиньѣ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а Петровщины сорокъ бѣлъ; а во Ржевѣ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а съ перевары медъ и пиво по силѣ; а въ Новогородцкихъ волостѣхъ, ни на Демонѣ, ни на Цнѣ ни на Полоновѣ, ненадобѣ иное Литвѣ ничто жъ, ни черны куны не брати; а иныхъ пошлинъ тобѣ, честны Король, на Новогородцкія

волости не вкладывать черезъ сію крестную грамоту. А сведется вира, убьютъ Сотцкого въ селѣ, ино тебѣ взяти полтина, а не сотцкого, ино четыре гривны, а намъ виръ не таити въ Новѣгородѣ, а о убиствѣ виръ нѣтъ. А что волости, честны Король, Новгородцкія, ино тебѣ не держати своими мужи, а держать мужми Новогородцкими; а что пошлина въ Торжку и на Волоцѣ тивунъ свой держать на своей части, а Новугороду на своей части Посадника держати. А се волости Новогородцкія: Волокъ со всѣми волостми, Торжокъ, Бѣжици, Городець, Палець, Шипино, Мелеця, Егна, Заволочье, Тиръ, Пермь, Печера, Югра, Вологда съ волостми. А пожни, честный Король, твои и твоихъ мужь, а то твои, а что пожни Новогородцкія, а то къ Новугороду, какъ пошло. А Дворяномъ съ Городищя и извѣтникомъ позывать по старинѣ. А на Новгородцкой землѣ тебѣ, честны Король, селъ не ставити, ни закупать, ни даромъ ни примать, ни твоей Королевой, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ Княземъ, ни твоимъ Паномъ, ни твоимъ слугамъ. А холопъ или роба, или смердъ, почнетъ на осподу вадити, а тому ти, честны Король, вѣры не нять. А купець пойдетъ во свое сто, а смердъ потянетъ въ свой потугъ къ Новугороду, какъ пошло. А приставовъ тебѣ, честны Король, не всылати во всѣ волости Новогородцкія. А у насъ тебѣ, честны Король, вѣры Греческіе Православные нашей но отъимати; а гдѣ будетъ намъ Великому Новугороду любо въ своемъ Православномъ хрестьянствѣ, ту мы Владыку поставимъ по своей воли, а Римскихъ церквей тебѣ, честны Король, въ Великомъ Новѣгородѣ не ставити, ни по пригородомъ Новогородцкимъ, ни повсей земли Новогородцкой. А тіуну твоему въ Торжку судити судъ съ Новогородцкимъ Посадникомъ, такожъ и на Волоцѣ, по Новогородцкой пошлинѣ, Новогородцкимъ судомъ, и виры и полевое по Новгородцкому суду; а что во Псковѣ судъ и печать и земли Великого Новагорода, а то къ Великому Новугороду по старинѣ. А умиришь, Господине, честны Король, Велики Новгородъ съ Великимъ Княземъ, ино тебѣ взяти честному Королю Черны боръ по Новогородцкимъ волостемъ по старинѣ одинова, по старымъ грамотамъ, а въ иные годы Черны боръ не надобѣ. А Нѣмецкого двора тебѣ не затворяти, ни приставъ своихъ не приставливати, а гостю твоему торговати съ Нѣмци нашею братьею. А посломъ и гостемъ на обѣ половины путь имъ чистъ, по Литовской землѣ и по Новогородцкой. А держать тебѣ, честны Король, Велики Новгородъ въ воли мужей волныхъ, по нашей старинѣ

и по сей крестной грамотѣ. А на томъ на всемъ, честны Король, крестъ цѣлуй ко всему Великому Новугороду за все свое Княжество и за всю раду Литовскую, въ правду, безо всякаго извѣта: а Новогородцкіе послове цѣловаша крестъ Новогородцкою душею къ честному Королю за весь Велики Новгородъ, въправду, безъ всякого извѣта.

24) *Грамота объ уплатѣ В. К. Іоанну Васильевичу и Іоанну Іоанновичу пятнадцати тысячъ пяти сотъ рублей* (а).

Се добилъ челомъ Великому Князю Ивану Василіевичю всея Руси, и сыну его Великому Князю Ивану Ивановичю всея Руси, наречены на архіепископство Великого Новагорода и Пскова священноинокъ Өеофилъ, и Посадники Новгородскіе Иванъ Лукиничь, Посадникъ Яковъ Александровичь, Посадникъ Өеофилатъ Захарьиничь, Посадникъ Лука Остафьевичь, Александръ Клементіевичь, Өедоръ Іевличь, Онкифъ Васильевичь, Дмитрей Михайловичь, по Ноугородскому велѣнію всего Новагорода, за Новогородскую простуику, полушестьминадцати тысячи рублевъ денгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ. А дати намъ то серебро своей господѣ Великимъ Княземъ, на Рожество Святіе Богородици полтретьи тысячи рублевъ, а на Крещеніе Господне три тысячи рублевъ, а на Великъ день пять тысячь рублевъ, а на Успеніе Святые Богородици, въ той же годъ, пять тысячь рублевъ; а дати намъ тое серебро на тые сроки, по крестному цѣлованію. А сія грамота писана лѣта 79 Августа 9.

---

25) А за Короля и за Великого Князя Литовского, кто Король или Велики Князь на Литвѣ нибуди, отъ васъ отъ Великихъ Князей намъ вашей отчинѣ Великому Ноугороду, мужемъ волнымъ, не отдатися никоторою хитростію, а быти намъ отъ васъ отъ Великихъ Князей неотступнымъ ни къ кому; а Князей намъ у Короля и у Великого Князя Литовского собѣ на пригороды не просити, ни пріимати изъ Литвы Князей въ Великій Новгородъ. А на владычьство намъ Великому Новугороду избирати собѣ по своей старинѣ; а ставитися нашему Владыцѣ въ дому Пречистые и у гроба Святаго Петра Чюдотворца на Москвѣ, у

(а) А. а. э. I, No. 90.

васъ у Великихъ Князей и у вашего отца у Митрополита, которой Митрополитъ у васъ у Великихъ Князей на Москвѣ нибуди; а индѣ намъ владыкы, опрочь Московского Митрополита, нигдѣ не ставити (а).

26) *Отказная Новгородская грамота на Двинскую землю* (б).

По благословенію нареченного на Архіепископьство Великаго Новагорода и Пскова священноинока Ѳеофила. Отъ Посадника степенного Новгородского Тимоѳея Остафьевича и отъ всѣхъ старыхъ Посадниковъ, и отъ Тысяцкого степенного Василія Максимовича и отъ старыхъ Тысяцкихъ, и отъ Бояръ, и отъ житьихъ людей, и отъ купцевъ, и отъ черныхъ людей, и ото всего Великого Новагорода, съ вѣчя съ Ярославля двора, на Пинегу, и на Кевролу, и на Чаколу, и на Пермьскые, и на Мезень, и на Пиліи горы, и на Немьюгу, и на Пинежку, и на Вью, и на Суру на Поганую, къ старостамъ и ко всѣмъ христіяномъ. Что тые земли на Пинезѣ, Кевролу, и Чаколу, и Пермьскія, и Мезень, и Пильи горы, и Немьюгу, и Пинежку, и Вью, и Суру поганую, поимали за себе наши братья Ноугородци и васъ къ цѣлованію привели на Новугородское имя: ино то земли осподы нашей Великихъ Князей, Великаго Князя Ивана Василіевича всея Руси, и сына его Великого Князя Ивана Ивановича всея Руси; а то крестное цѣлованіе Новугороду съ васъ доловъ.

(а) Тамъ же N0. 91. (б) Тамъ же N0. 93.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Здѣсь подъ старѣйшими разумѣются: лица правительственныя—Посадникъ Степенный и старые Посадники, Тысяцкій Степенный и Старые, и Соцкіе, далѣе Бояре и Житые люди; подъ меньшими разумѣются купцы и черные люди (См. примѣч. 8). Житыми людьми назывались богатые, *зажиточные* собственники; черными — все остальное народонаселеніе, не принадлежащее къ извѣстнымъ и упомянутымъ разрядамъ (О значеніи слова: „Черный" см. мою статью въ Историч. и Статистич. Сборникѣ, изд. Валуевымъ); такъ въ Новгородѣ дѣти бѣлаго Духовенства, какъ не принадлежащіе ни къ какому сословію, причислялись къ чернымъ людямъ: „Се пріѣхали ко мнѣ къ В. Князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, отъ отца моего Владыки Олексѣя, и отъ посадника Юрья, отъ Тысятцкаго Олексѣя, и отъ всего Новагорода Иванъ Посадникъ, Василей Ѳедоровъ, Иванъ Борисовъ, а отъ черныхъ людей Воиславъ *Поповичь*, Василей Огаѳоновъ (А. а. э. I, No. 8)." Здѣсь 5 пословъ, по числу 5-ти концевъ. — Иногда мы видимъ, что послы пріѣзжаютъ только отъ однихъ старѣйшинъ, отъ лицъ правительственныхъ и житьихъ людей, а иногда и отъ черныхъ; этого обстоятельства нельзя оставлять безъ вниманія, ибо оно показываетъ борьбу партій въ Новгородѣ, Аристократической и Демократической, и если первая побѣждала, то исключала вторую отъ представительства. Указанія на эту борьбу см. Новгород. лѣтоп. стр. 57 и 136.

[2] Слово: „Грозно" встрѣчается только въ грамотахъ къ Московскимъ Князьямъ и вѣроятно вошло въ употребленіе со временъ Симеона Гордаго.

[3] На это условіе Новгородцы настаивали потому, что въ противномъ случаѣ Новгородъ являлся бы областью, зависящею отъ земли Низовой, тогда какъ вольные люди признавали власть только своего Новгородскаго Князя, а не Владимірскаго или Московскаго; такъ въ лѣтописи В. Князь наз. В. Княземъ Новгородскимъ: »Преставися Князь Великыи Новгородьскыи Ярославъ Ярославичь, въ Татарѣхъ. (Новгор. перв. стр. 62)."

[4] А Новгородьской ти души блюсти „т. е. блюсти, чтобъ Новгородцы не взяли грѣха на душу, будучи принуждены нарушить клятву, данную Нѣмцамъ.

[5] *Рядъ вольный*, когда соперники добровольно уладятъ дѣло между собою.

[6] Самосуда не замышлять, т. е., не судить самимъ, или однимъ безъ участія Новгородскихъ Правительственныхъ лицъ; хотя, впрочемъ самосудъ имѣетъ еще другое значеніе въ нашемъ древнемъ юридическомъ языкѣ: „А самосудъ-то, кто изымавъ татя съ поличнымъ да отпуститъ, а собѣ посулъ возметъ, а намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опричь того самосуда нѣтъ.“— Уставная Двинская грамота, А. а. э. I, No. 13.

[7] Потому что купецъ тянетъ въ свое сто, и тамъ только можетъ быть судимъ.

[8] Прибавленія изъ Судной Новгородской грамоты: А посаднику судити судъ свой съ намѣстники Великого Князя, по старинѣ; а безъ намѣстниковъ В. Князя посаднику суда не кончати; а намѣстникомъ В. Князя и тіуномъ пересудъ свой вѣдати по старинѣ. А кто наведетъ наводку на Посадника, или на Тысетцкого, или на Владычна Намѣстника, или на иныхъ судей, или на докладшиковъ, или истецъ на истца у суда или у доклада или у Поля, ино взять В. Княземъ и В. Ноугороду на виноватомъ на Бояринѣ 50 рублевъ, а на житьемъ двадцять рублевъ, а на молодшемъ десять рублевъ за наводку, а истцю убытки подоймеŧъ. — А кого утяжутъ въ наѣздѣ и въ грабежи, ино взять В. Княземъ и В. Ноугороду на виноватомъ, на Бояринѣ пятьдесятъ рублевъ, а на житьемъ двадцать рублевъ, а на молодчемъ десять рублевъ.—А кой посадникъ, межника давъ, а поѣдетъ прочь изъ города не кончавъ того суда, ино В. Княземъ и В. Новугороду на томъ Посадникѣ пятдесятъ рублевъ, а истцю убытки подойметъ; или тысетцкой поѣдетъ прочь изъ города не кончивъ суда, или владыченъ намѣстникъ, ино взять В. Княземъ и В. Новугороду пятдесятъ рублевъ.

Изъ Записи о Церковномъ Судѣ: А будетъ одинъ человѣкъ простый истецъ миряниnъ, а не церковный человѣкъ съ церковнымъ, ино судитъ Князю и Посаднику съ Владычнимъ Намѣстникомъ въбчи, такоже и судьямъ. — Кто передъ господою ударитъ на судѣ своего истьця, ино его въ рубли выдати тому человѣку, а Князю продажа.

[9] Это условіе, кажется, болѣе всѣхъ другихъ подвергалось нарушенію, что видно изъ словъ, повторяемыхъ въ послѣдующихъ грамотахъ: „А что, Княже, селъ твоихъ, и Владычьнихъ, и Княгынининыхъ, и

Бояръ твоихъ, и слугъ твоихъ на Новгородьской земли, кто будетъ даромь отъялъ, или сильно; а то поидетъ бесъ кунъ къ Новугороду и т. д.“ Калита въ своемъ завѣщаніи (С. Г. Г. и Д. I, No 22); упоминаетъ о Новгородскихъ селахъ имъ купленныхъ: „А опричь Московьскихъ селъ, даю сыну своему Семену села своя купленая: село Аваковское въ Новѣгородѣ, на Улалѣ.“— Впрочемъ, иногда сами Новгородцы давали Князьямъ слободы и села въ пожизненное владѣніе, но преемники этихъ Князей присвоивали, обыкновенно, себѣ эти села: „А что селъ и свободъ Дмитриевыхъ, то дали есме были Андрѣю, до живота Андрѣева, въ хрестьное цѣлование, а потомъ Новугороду то все, а тобѣ, Княже, въ то не въ ступитися.“ Не одни Новгородцы, но и всѣ Князья, договариваясь другъ съ другомъ, необходимымъ условіемъ ставили: „А тобѣ въ моемъ удѣлѣ селъ ти не купити, ни твоимъ Бояромъ, ни закладневъ ти ни оброчниковъ не держати.“ (С. Г. Г. и Д. Т. I)

[10] Озвадо, или Взвадъ, урочище: „Велѣлъ имъ (В. К) стояти на Бронничи: а ждати вѣсти отъ себе; а инымъ воеводамъ у езера Илмеря на Взвадѣ и на Ужинѣ (Карамз. т. VI, примѣч. 155.).“

[11] То есть, если повозъ нуженъ для извѣщенія о приближеніи непріятеля.

[12] Изъ записи о церковномъ судѣ: „Княжимъ людемъ корчмы по дворамъ не дръжать, ни во Пскови, ни на пригородѣ, ни въ ведро ни въ корецъ ни бочкою меду не продавати.“

[13] Здѣсь разумѣется Волокъ по пути къ Сѣверной Двинѣ, отъ озера Онеги, или отъ рѣки Водлы, до рѣки Онеги (см. Арцыб. Повѣств. о Росс. т. I, Кн. I, стр. 3). Новгородцы, опасаясь за свои заволоцкія сокровища, выговаривали, чтобъ В. К. не посылалъ своего мужа, но за извѣстную сумму денегъ продавалъ Новгороду свое право собирать дань: „слати Новгородца, а тобѣ серебро емати, продаяти ти дань своя Новгородцю;“ или, если Князь не соглашался, то могъ посылать своего мужа, но только изъ Новгорода, въ двухъ насадахъ, а никакъ не съ Низу, и потомъ посланный долженъ былъ возвращаться опять въ Новгородъ, для повѣрки, а не прямо къ В. Князю. — Отношенія В. Князя къ Новгороду касательно заволоцкихъ земель объясняютъ двѣ грамоты: одна отъ В. К. Андрея Александровича на Двину (А. а. э. т. I, No. 1.): „Отъ В. К. отъ Ондрея къ посадникомъ, и къ скотникомъ, и къ старостамъ. Како есмь докончалъ съ Новымгородомъ ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ватамманъ (?) Ондрей Критцкый, отъ даютъ съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ; а сынъ его Кузма како пойдетъ съ моря съ потками съ даныыми по данничу пути, дадятъ ему кор-

му и подводы, по пошлинѣ, съ погостовъ; а какъ пошли, при моемъ отцѣ и при моемъ братѣ, не ходити на Терскую сторону (Тре, Тиргъ, Тирь, Тигрь, см. выше) Ноугородцемъ, и нынѣ не ходять."—Вторая грамота В. Князя Іоанна Даниловича также на Двину (А. а. э. т. I, No. 2): „Отъ В. К. отъ Ивана, отъ посадника Даниила, отъ тысяцского Аврама и отъ всего Новагорода къ Двинскому посаднику на Колмогоры, и къ бояромъ Двиньскимъ. Приказалъ есмь Печерскую сторону Михайлу, а ходить на море въ двадцати человѣкъ: а вы, бояре Двинскіе, не вступайтеся въ гнѣздные потки, ни въ мѣста; а погость Кегролскій Волокъ вѣдаетъ Михайло по пошлинѣ, какъ то было при моихъ дядяхъ и при моемъ братѣ при старѣйшемъ; а Микифору не надобѣ вступатись нивочтожъ, атъходить Микифоръ въ Михайловѣ ватазѣ."

[14] Волостью наз. все то, надъ чѣмъ имѣли власть, чѣмъ можно было владѣть, будь то земля, или какое-нибудь право, пользованіе чѣмъ-нибудь, на пр.: „А изъ городскихъ волостий даю Княгини своей осмничее; а тамгою и иными волостми городьскими подѣлятся сынове мои. (С. Г. Г. и Д. т. I.)."

[15] Такъ встрѣчали Новгородцы Ивана III въ 1476 году, см. Соф. врем. II, 164: „Въѣхалъ (В. К.) въ Торжокъ ... да туто же стрѣтилъ его отъ Владыки Феофила съ поминки Василей Микифоровъ сынъ Панкова, Ноября 3-го стоялъ К. В. на Виру, ту срѣте его отъ Новагорода подвойской Козаръ съ поминки.... на Волмѣ стрѣтили В. Князя Посадници Новугородстіи ... съ поминки отъ Новагорода и отъ себе; да туто же стрѣтилъ его Феодоръ Исаковъ съ поминки.... А изо Влукова стоялъ Князь Велики въ Рыдынѣ на рѣцѣ на Холовѣ: ту его стрѣтилъ В. Новагорода Архіепископъ Феофилъ, а съ нимъ Кн. Вас. Вас. Шуйской.... отъ Владыки двѣ бочки вина красного едина, а бѣлого другаа, а отъ тѣхъ ото всѣхъ по мѣху вина и проч." Древнѣйшее указаніе объ этомъ обычаѣ встрѣчать Князя по постояньямъ, находимъ въ Ипатьев. лѣт. стр. 40: „Слышавше Новгородци, оже Изяславъ идеть къ нимъ, и възрадовашася радостью великою, и тако изъидоша Новгородци противу ему три днищь, а иніи всими силами, усрѣтоша и днище отъ Новагорода."

[16] Подъ именемъ черныхъ кунъ, или чернаго бора разумѣлась въ Новгородѣ общая дань, которая съ нѣкоторыхъ волостей шла въ городовую казну, а съ другихъ въ казну Княжескую; такъ видимъ условіе: „А на Имоволозьскомъ погосте куны ти имати и на Важаньскомъ. „Для Князя была отдѣлена также половина двухъ волостей Новгородскихъ: Торжка и Волока; что здѣсь не было смежнаго владѣнія двухъ Государствъ — В. Новгорода и В. Князя Ни-

зовской земли, что Торжокъ и Волокъ принадлежали вполнѣ къ Новгородскимъ владѣніямъ, и половина ихъ была выдѣлена для пользованія Великому Князю, какъ Князю Новгородскому, доказательствомъ служатъ: 1) Новгородцы, въ своихъ договорахъ, постоянно говорятъ: „А се, Княже, волости Новгородьскые: Волокъ *со всеми волостьми*, Тържькъ.“ 2) Заключая договоръ съ Казиміромъ Литовскимъ, Новгородцы отдаютъ ему ту половину Волока и Торжка, которая была за В. К. Московскимъ, слѣд., распоряжаются ею, какъ своею волостью. — Въ 1259 году Новгородцы обязались платить общую подать, или черный боръ въ Орду, и хотя въ извѣстіи сказано, что они ялись по число (Новгор. I, стр. 57), но изъ этого не слѣдуетъ еще, что имѣло мѣсто поголовное перечисленіе, тѣмъ болѣе, что мы не видимъ Баскаковъ въ Новгородѣ, но сами Новгородцы отдаютъ В. Князю черный боръ для отвоза въ Орду и, слѣд., имѣютъ возможность распредѣлить его по своему старому обычаю; т. е.“ по сохамъ, приравнивая къ нимъ и другіе промыслы (см. Данную Новгород. грамоту В. К. Вас. Вас. на черный боръ по Новоторжскимъ волостямъ). Ясно, что этотъ черный боръ безпрестанно измѣнялся, то увеличивался, то уменьшался, то вовсе прекращался, смотря по запросамъ изъ Орды, по степени зависимости В. Князей отъ Хановъ, и по степени зависимости Новгорода отъ В. Князей. Лѣтописцы говорятъ, что когда была тяжелая Ордынская дань, тогда и на Новгородъ былъ черный боръ (Суздал. II, 186), этимъ-то и объясняется наше условіе: „А коли приведется взять Княземъ Великимъ черный боръ, и намъ дати черный боръ по старинѣ.“ Любопытно, что съ нѣкоторыхъ Новгородскихъ волостей дань издавна шла В. К. Литовскому; такъ въ договорѣ Новгорода съ Казиміромъ читаемъ: „А что Ржова, и Великія Луки, и Холмовски погостъ, четыре перевары, а то земли Новгородцкія, а въ то ся тебѣ честному Королю не вступати; а знать тебѣ своя черна куна, а тѣ земли къ В. Новугороду; а Ржевѣ и Лукомъ, и Холмовьскому погосту, и инымъ землямъ Новгородцкимъ и водамъ, отъ Литовской земли рубежъ по старинѣ.“ Далѣе: „А черны куны имати по старымъ грамотамъ и по сей крестной грамотѣ: а на Молотвицяхъ взяти ти два рубля, а тіуну рубль за Петровщину; а на Кунскѣ взяти ти рубль; а на Стержи тридцать куницъ да шесть десятъ бѣлъ; а съ Моревы сорокъ куницъ да восмьдесятъ бѣлъ, а Петровщины рубль, а въ осенинѣ полрубля; а въ Жавнѣ двадцать куницъ да восмьдесятъ бѣлъ, а Петровщины рубль; а медъ и пиво съ перевары посилѣ; а на Лопастицяхъ и на Буйцяхъ у чернокунцовъ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а слугамъ бѣла; а на Лу-

кахъ нашъ тіунъ, а твой другой, а судъ имъ на полы, а Торопецкому тіуну по Новогородцкой волости не судити; а въ Лубоковѣ и въ Заклиньѣ по двѣ куницы и по двѣ бѣли, а Петровщины сорокъ бѣлъ; а во Ржевѣ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а съ переверы медъ и пиво по силѣ; а въ Новогородцкихъ волостѣхъ, ни на Демонѣ, ни на Цснѣ, ни на Полоновѣ, не надобѣ иное Литвѣ ничтожъ, ни черны куны не брати." — Здѣсь сказано: „А черны куны имати по старымъ грамотамъ;" и точно, тѣже самыя условія мы встрѣчаемъ въ одной изъ прежнихъ договорныхъ грамотъ съ Казиміромъ; мы выпишемъ ихъ здѣсь по причинѣ нѣкоторыхъ измѣненій: „А на Молвятичахъ взяти мнѣ Князю Великому два рубли, а тивуну рубль за Петровщину. На Кунску взяти мнѣ К. В. рубль, а тивуну полтина. На Березовцѣ взяти мнѣ К. В, полтора рубля да двадцать куницъ; на Стержи тридцать куницъ да шестьдесятъ бѣлокъ, а Петровщыны рубль; у Моревѣ сорокъ куницъ да два сорока бѣлокъ, да Петровщыны рубль; а въ Сенянѣ полъ-рубля (вм. а въ осеннѣ (осенью): Петровщина и осенина сроки платежа), а въ Жабнѣ дванадцать куницъ да сорокъ бѣлокъ, да Петровщины рубль; а пиво съ переверы, а медъ сытити по силѣ. А на Лопастичахъ и на Буйчахъ у чорнокуньцовъ по двѣ куницы да по двѣ бѣлки, а слугамъ тремъ по бѣлцѣ. А на Лукахъ вашъ тивунъ, а нашъ тивунъ: судъ имъ наполъ. А Торопецкому тивуну по Новгородскимъ волостемъ не судити, ни Ржовскому. А въ Любоковѣ и въ Заклиньи по двѣ куницы да по двѣ бѣлцѣ, а медъ сытити по силѣ съ переверы; а тивуну ѣздити по перевaромъ у пятинадцати человѣкохъ, а по чорнокуньцомъ потомужъ въ пятинадцати человѣкохъ. А въ Новогородской волости ненадобѣ ништо иное Литвѣ: ни на Демяни, ни на Цснѣ, ни на Полоновѣ, не надобѣ брати чорноѣ куны, ни иное ничтожъ. (Акты, относящ. къ Исторіи Запад. Россіи, т. I, N0. 39)." Касательно дани Ржевской мы имѣемъ также любопытный актъ: это Запись о Ржовской дани, напечат. также въ Актахъ, относ. къ Истор. Запад. Россіи, т. I, N0. 71: „Дань Ржовская здавна потому шла, Господару его милости, и къ Новугороду, и къ Москвѣ: съ Ошевского погосту Королю шло сто рублевъ да три рубли и проч. такожъ съ тыхъ третей, съ Ошевского погосту, идетъ В. К. Московскому рубль за два соколы и проч. Такожъ зъ Ратъчина шло боярину одному Новгородскому, на имя Кипріяну, и предкомъ его пятый снопъ и проч. Такъ, старыи мужи повѣдають, издавна бывало и до сихъ мѣстъ: то пакъ, какъ Князь Великій Московскій взялъ Новгородъ и вѣчо имъ сказилъ, ино взъѣхалъ на Ржову Князь Иванъ Лыко, и ѣхалъ черезъ Влицы, и судилъ и грабилъ люди, што хо-

тѣлъ, то нанихъ бралъ, и оставилъ слугъ своихъ Тимоѳея а Бурця; и тые его слуги судили и грабили люди, што хотѣли, то брали и проч.“—Такое странное явленіе, что волость принадлежала одному Государству, а дань съ нея шла другому, мы видимъ не въ однѣхъ Новгородскихъ областяхъ, въ договорахъ В. К. Тверскихъ съ В. К. Литовскими читаемъ: „А которыи мѣста порубежныи потягли будуть къ Литвѣ, или къ Смоленску, а подать будуть давали ко Тферы: ино имъ и нынѣчы тягнути по старому: а которыи мѣста порубежныи потягли будуть ко Тфери, а подать будуть дапвали къ Литвѣ или къ Смоленьску: ино имъ и нынѣчы тягнути по давному, а подать давати по давномужъ. (Акты, относ. къ Ист. Запад. Росс. I, No. 33, 51, 79).“ Здѣсь говорится о мѣстахъ порубежныхъ; но въ XII вѣкѣ одна Суздальская волость тянула данью къ Смоленску! Смоленскій Князь Ростиславъ Мстиславичь говоритъ въ своей уставной грамотѣ Епископіи Смоленской 1150 года: „Суждали Залѣская дань, аже воротитъ Гюгри, а что будетъ въ ней, изъ того Святѣй Богородица десятина (Дополнен. къ Акт. Историч. т. I, No 4).“

[17] Подъ крюкомъ, кажется, надобно разумѣть объѣздъ Новгородскихъ волостей для иманія дара, на что указываетъ сопоставленіе этихъ двухъ условій: „А крюкъ В. Княземъ по старинѣ, на третей годъ. А отъ волостей даръ имати по старинѣ.“

[18] Грамота, которую, вѣроятно, Новгородцы купили въ Ордѣ, и которая обязывала В. Князей не препятствовать ихъ торговлѣ на Низу.

[19] Т. е, не переманивать и не принимать Новгородскихъ Пословъ и купцовъ въ свою службу или въ свою область.

[20] Т. е., Князь, за извѣстную сумму денегъ, позволилъ Вѣжичанамъ и Обонижанамъ выбрать судей изъ среды себя, какъ въ послѣдствіи Московскіе Государи позволяли жителямъ извѣстныхъ волостей избирать изъ среды себя излюбленныхъ головъ: „а тѣмъ выборнымъ судьямъ во всякихъ дѣлѣхъ судити и управа чинити.“ См. Уставныя и губныя грамоты въ I-мъ т. Актовъ Археогр. Экспед.

[21] *Потугъ* отъ слова: потягнуть, слѣд. „а смердъ потянетъ въ свой потугъ“ собственно значитъ: а смердъ потянетъ туда, куда тянетъ.“

[22] Эта грамота очень любопытна. Здѣсь мы видимъ нарушеніе одного изъ самыхъ главныхъ условій, что волостей Новгородскихъ Князю не держать своими мужами, но держать мужами Новгородскими, что Федоръ Михайловичь и Борисъ Константиновичь не были мужи Новгородскіе, видно, во первыхъ, изъ ихъ поведенія относительно Новгорода, а во вторыхъ, изъ просьбы Новгородцевъ: „Тобѣ.

Княже, не кърмити его Новгородскимъ хлѣбомъ, кърмити его у себе," равно какъ изъ выраженія: „а изъ Новгородской волости поидеть." Потомъ здѣсь видимъ еще другое нарушеніе условія: оба Боярина имѣли села въ Новгородскихъ волостяхъ: „а на селѣхъ его куны даемъ по исправѣ на купленыхъ, а которое некуплено, а съ тѣхъ поидеть безъ кунъ"— „Городъ *стольный* Плѣсковъ," т. е., такой, въ которомъ прежде Князья держали свой столъ, на пр., Всеволодъ Мстиславичь.

[23] О смыслѣ такихъ договоровъ см Изслѣдованіе, примѣч. 246.

[24] При этой грамотѣ надобно прежде всего замѣтить, что Новгородцы не знають Короля Польскаго, но только В. Князя Литовскаго и Русскаго: „А пойдетъ В. К. Московскій на В. Новгородъ, или его сынъ, или его братъ, или которую землю подъиметъ на В. Новгородъ, ино тебѣ нашему Господину честному Королю всѣсти на конь за В. Новгородъ, и *со всею съ своею Радою Литовскою*, противъ В. Князя; а безъ тебе, Господине, поидетъ Князь Велики... ино *твоей Радѣ Литовской* всѣсти на конь за В. Новгородъ. – А на томъ на всемъ, честны Король, крестъ цѣлуй ко всему В. Новугороду *за все свое Княжество и за всю Раду Литовскую*."

[25] Т. е., подсудимые должны являться къ суду, исключая двухъ случаевъ: 1) Когда жители будутъ встревожены вѣстію о приближеніи непріятеля; 2) Когда будутъ заняты укрѣпленіемъ города.

[26] Это можно объяснить двоякимъ образомъ: 1) Продавать — отдавать на откупъ; 2) Продавать пошлины, взятыя натурою.

[27] *Одринъ судъ* собирался въ домѣ Новгородскаго Архіепископа, въ его *одриной*, т. е., престольной компатѣ; слово *одръ* означало тогда не одну постель, но и престолъ (срав. lit de justice). См. Куницына — *Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи*, отрывокъ изъ котораго напечатанъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1843 г. N0. 136.

II

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

ЛѢТОПИСЬ

САМОВИДЦА

О

ВОЙНАХЪ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО

и

О МЕЖДОУСОБІЯХЪ, БЫВШИХЪ ВЪ МАЛОЙ РОССИИ

ПО ЕГО СМЕРТИ.

Доведена продолжителями до 1734 года

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Такъ какъ нѣкоторыя изъ Украинскихъ лѣтописей не имѣютъ опредѣлительныхъ заглавій и означенія имени лѣтописца, то потому эта лѣтопись, въ отмѣну отъ другихъ и для точности ссылокъ, названа *Лѣтописью Самовидца*, на томъ основаніи, что сочинитель ея, какъ видно изъ текста, жилъ и дѣйствовалъ отъ начала войнъ Богдана Хмельницкаго, можетъ быть, до послѣднихъ годовъ XVII столѣтія. Думаемъ такъ потому, что съ оныхъ годовъ разсказъ теряетъ свою описательную форму и переходитъ въ хронологическую перечень событій. Начало Лѣтописи, судя по языку и по особенному краткому изложенію, заимствовано Самовидцемъ изъ другой хроники Украинской. И такъ *Лѣтопись Самовидца* въ собственномъ смыслѣ начинается съ заглавія: «Лѣтописецъ о началѣ войны Хмелницкого (на стр. 6).»

П. Кулѣшъ.

Получивъ отъ П. А. г. Кулѣша списокъ этой, чрезвычайно важной, Лѣтописи на Малороссійскомъ языкѣ своего времени, я тотчасъ вспомнилъ, что въ Библіотекѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, имѣется что-то, похожее на нее. И дѣйствительно, въ Отд. I. подъ N. 131, я нашелъ рукописный списокъ ея, но не на Малороссійскомъ, а Великороссійскомъ, языкѣ, т. е., переводъ, неизвѣстно кѣмъ и когда сдѣланный, впрочемъ, отзывающійся слогомъ прошлаго столѣтія и писанный разными почерками. Онъ подаренъ Обществу въ 1824 г., генваря 23-го, Д. Ч. его, С. Д. Нечаевымъ, а Д. же Ч. онаго, Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ, представлены были въ Засѣданіе 29-го февраля, упомянутаго года, замѣчанія на оный, напечатанныя въ приложеніяхъ къ протоколу этого засѣданія. Списокъ этотъ сдѣланъ весьма неотчетливо касательно письма: безпрестанно попадаются самыя грубыя описки и недосмотры, которыя показываютъ, что онъ писанъ

въ Великороссіи. При всемъ томъ, не имѣя другаго Малороссійскаго списка, я и въ немъ нашелъ, при свѣркѣ, довольно такого, что значительно рознится отъ этого послѣдняго и собой исправляетъ и пополняетъ его. Съ 1677-го года почти подъ каждымъ годомъ встрѣчаемъ въ немъ, послѣ перевода, множество прибавленій, отмѣченныхъ знакомъ, поставленнымъ въ началѣ и концѣ каждаго изъ нихъ и очень замѣчательныхъ своимъ содержаніемъ. Неизвѣстно, откуда и кто ихъ внесъ сюда. По крайности, прибавлявшій всюду отмѣчалъ свои привнесенія. Если бы этому примѣру слѣдовали всѣ, подобные ему, то мы имѣли бы теперь лѣтописи наши какъ въ ихъ первичномъ видѣ, такъ равно и съ наростами, вездѣ строго обличающими свою природу. Разнословія и прибавленія я отмѣтилъ при печатаніи особыми числами и предлогаю ихъ отдѣльно, подъ конецъ списка. Кромѣ того, для мало знакомыхъ съ языкомъ подлинника присоединяю Словарь невразумительныхъ словъ и выраженій; а для большаго удобства при употребленіи этой лѣтописи, прибавляю еще Указатель замѣчательнымъ предметамъ и именамъ, въ ней заключающимся.

О. Бодянскій.

МОСКВА.

Сентября 19-го, 1846 года.

ЛѢТОПИСЕЦЪ
ВЪ МАЛОЙ РОССІИ
ПРЕЖДЕ ХМЕЛНИЦКАГО БЫВШИХЪ ГЕТМАНОВЪ
и при нихъ дѣйствія.

Когда послѣ самодержавія великаго князя Владиміра и междуусобнаго сыновъ его убійства, такожъ послѣ великаго разоренія, Батыемъ нанесеннаго, нескоро Гедымъ [1], великій князь литовскій, пришедши на Кіевъ, побилъ надъ рѣкою Ирпенемъ князей рускихъ и прилучилъ къ своей землѣ княженіе Кіевское, постановивши въ немъ намѣстника Миндона князя Олшанскаго, то съ тѣхъ поръ Литва обладала Кіевомъ ажъ до смерти князя Симеона Олельковича, который церковь Печерскую, чрезъ 230 лѣтъ по Батыи пустовавшую, обновилъ.

Въ 1340 року, по смерти князя Олельковича, король польскій Казимиръ I княженіе Кіевское на воеводство перемѣнилъ и всю Малую Россію на повѣты роздѣлилъ; изъ Русиновъ постановилъ воеводы, каштеляны, старосты, судіи и протчіи урядники и многихъ рускихъ людей честію и волностію польскимъ чиновникамъ и шляхтѣ соравнилъ и наслѣдниками своими присягою утвердилъ. И потомъ король 1 Ягтелонъ [2], 2 Владиславъ Ягтеловичъ, 3 Александръ Казимировичъ, ажъ до 1410 року, тіежъ права, отъ I Казимира Руси наданные, при коронаціяхъ своихъ присягою подтверждали и держали ненарушимо, а Жикгимонтъ I [3] и по немъ другіе короли польскіе въ подтвержденіе давнихъ правъ ихъ козацкихъ и привилегіи свои давали имъ.

И въ 1506 року первый былъ гетманъ войскъ запорожскихъ изъ фамиліи сенаторской именуемый Прецславъ [4] Лянцкронскій. Сей многократно землю Турецкую съ козаками щастливо воевалъ. За сего гетмана и за короля полскаго Жикгимонта I козакамъ за службы ихъ давано волности и привернено землю, которую король полскій Казимиръ I, въ року 1340, заобладавши, изъ княженія Кіевскаго воеводство учинилъ, выше и ниже пороговъ по обоихъ сторонахъ Днѣпра во владѣніе вѣчное, дабы Туркамъ и Татарамъ на Рускую землю козаки нападать не допускали.

Послѣ того былъ гетманъ запорожскій князь Димитрій Вишневецкій.

А того послѣ былъ же гетманъ запорожскій князь Евстафій Ружинскій.

По доволномъ же времени Ляхи, владѣящія Кіевомъ и Малою Россіею, усовѣтовали въ работѣ и подданствѣ людей Малоросійскихъ Украинскихъ держать. Но которыи не пріобыкли невольничей службѣ, обрали собѣ мѣсто пустое около Днѣпра низше пороговъ днѣпровскихъ на житло, где въ дикихъ поляхъ упражняяся звпрыми ловлями, также и рыбными, при томъ и безсурманъ на морѣ розбивали, называяся козаками отъ древнихъ Козаровъ, рода тогожъ Руского, при Какганѣ еще бывшихъ.

1516 року, за отшествіемъ вышпомянутаго короля Жикгмонта I, въ Москву великаго государя россійскаго воевать, ханъ татарскій Мелинъ Гирей, напавши на Рускую землю, огнемъ, мечемъ и плѣненіемъ многіе мѣста разорилъ. Тогда возвратясь изъ походу, король собралъ охотные войска, якъ Поляковъ, такъ и козаковъ, которые, повоевавши Бѣлгородъ, и воротяся съ добычами, какъ на нихъ напали Турки и Татаре, хотячи отнять корысти, такъ еще и тѣхъ нападшихъ Турковъ и Татаръ побѣдили. И зъ того времени нетокмо козаки козаками, и Поляки названы были козаками, акибы волными безплатными жолнѣрами. Да съ тогожъ времени козаки въ храбрость и силу произойшли, воюя часто на Турковъ, и въ тѣхъ войнахъ жаждѣ и алчбѣ, морозу и зною приобыкли, а жилище свое прозвали *Кошемъ* или *Сѣчею*. Какимъ же порядкомъ жили и нынѣ еще живутъ и какое у нихъ оружіе и пища, о семъ всякому извѣстно можетъ быть. Да они жъ въ покои жити никогда не любятъ, но и для малой корысти великую нужду подымаютъ и море, было, преплавати отважуются и, суднами подъѣздя подъ турецкія городы и разоряя оные, съ користьми до Коша возвращаются. И для такихъ воинскихъ дѣлъ ихъ не возгнушалися изъ высокихъ фамилій персоны быть у нихъ гетманами, какъ выше описано.

Послѣ того былъ гетманомъ запорожскимъ козакъ Венжикъ Хмелницкій и побилъ великую Орду подъ Заславемъ [5] на Волыню [6], 1534 году.

Опослѣ же, при королѣ полскомъ Генгрѣки Французѣ, былъ гетманъ запорожскій Свѣрговскій [7], который съ Иваніемъ, господаремъ волоскимъ по 14 щасливыхъ имъ на обѣихъ войнахъ на Турковъ, наостатокъ отъ Турковъ въ Волохахъ убитъ зосталъ съ всѣмъ войскомъ.

1576 року былъ гетманъ Богданко. Сей повоевалъ Крымъ.

При Стефанѣ же Баторіи, королѣ польскомъ, въ томъ же 1576 годѣ, козаки въ лутшій порядокъ устроены, который, ради ихъ мужества, поставилъ самъ имъ гетмана, давъ ему хоруговъ, бунчукъ, булаву и печать съ гербомъ, то есть рыцеръ съ самопаломъ, на головѣ колпакъ перекривленный и рогъ при боку, а армать и военныхъ припасовъ, воюя Турковъ, сами добули себѣ. Да тотъ же король Баторій и старшину войсковую въ нихъ учредилъ: обозныхъ, судей, писарей, асауловъ, полковниковъ, сотниковъ и атамановъ, и еще, опрочъ ихъже стариннаго

синодоваго [8] города Чигирина, далъ Терехтемировъ съ монастыремъ для зимовыхъ квартиръ, а платилъ всякому въ годъ по червонцу золотому и по кожуху.

Въ то время козаки, напавши на Азію, на 1000 миль повоевали, Трапезонтъ взяли и изсѣкли, Синопъ до фундаменту опровергли и подъ Константинополемъ корысти побрали. Видячи же король Баторій, началъ и самъ опасоватися ихъ и хотѣлъ всѣхъ выгубити. Но козаки, познавши королевскій замыселъ, первые отъ кочевискъ своихъ пошли къ Донскимъ и тѣмъ самимъ болшій еще Полякамъ страхъ задали, а потомъ знову въ луги днѣпровскіе пріишли и войною противъ Татаръ забавлялися попрежнему.

1577 року гетманъ былъ козакъ славный Подкова. Произведенъ на господство волоское съ помочю Шаха гетмана, изгнавшаго съ господарства Петра воеводу. Но и сего Подкову, когда по двукратной его съ козаками надъ Волохами побѣдѣ, не похотѣлъ самъ волоскимъ воеводою быть, не повѣрась Волохамъ, и пришелъ на Подоле, где Ляхи, лестю поймавши, отослали до короля, который повелѣлъ ему Подковѣ голову отсѣкти въ Львовѣ. Тѣло же его козаки въ Каневскомъ монастырѣ погребли.

Да въ томъ же 1577 годѣ былъ гетманъ запорожскій помянутый Шахъ, при которомъ козаки, мстячися за Подкову, многіе бѣды Волохамъ нападками дѣлали.

Опослѣ былъ гетманъ Скалозубъ. Сей отъ Турковъ на морѣ пропалъ.

А въ 1593 року былъ соборъ нѣкоторыхъ архіереовъ рускихъ, именно: митрополита Михайла Ракозы [9] и другихъ епископовъ, въ Брестѣ Литовскомъ для уніи съ римскою вѣрою, которую и постановили, поклонившись папѣ, а благословеніе цареградскаго патріархи оставили. За что шляхтичъ Косѣнскій [10], когда по благочестію возревновалъ и, козацкимъ гетманомъ учинившися, сталъ воевать Ляховъ, тогда онаго подъ Пяткою Ляхи убили 1594 года.

1597 року, за тую жъ Унію взявшися потомъ противъ Ляховъ Гетманъ Запорожскій Наливайко, съ козаками Слуцкъ и Могилевъ опаливъ и Ляховъ многихъ побилъ. Но онаго гетмана [11] коронный Жолковскій подъ Лубнями, на урочищѣ Солоницѣ, поймавъ и съ нимъ полковника Лободу и Мазепу якогось отослалъ въ Аршаву [12], где его на мѣдномъ волу спалено. И зъ тѣхъ поръ война межъ козаками и Ляхами начиналась.

Петръ Конашевичъ Сагайдачный гетманомъ озвался, который съ козаками Кафу, турецкій городъ, надъ моремъ звоевалъ и, многихъ христіанъ оттуду освободивши, съ богатыми корыстьми вернулся.

Въ 1620 року, за Жикмонта II, короля полскаго, гетманъ Жолковскій ходилъ съ козаками украинскими на Цоцору противъ Турковъ, где и Михайло Хмелницкій былъ надъ козаками сотникомъ, который прежде сего, при нѣкоторомъ Иванѣ Даниловичѣ, старостѣ чигиринскомъ, писаремъ былъ зборовъ податей и оженил-

ся и родилъ сына Зѣновія, послѣ названнаго Богданомъ, котораго отецъ измолоду въ наученіе руское, потомъ и въ латынское отдалъ а во время помянутаго походу туда жъ на Цоцору и сынъ Хмелницкаго пойшолъ съ отцемъ на войну. Между симъ были гетманы запорожскіе Самойло Кушка, котораго Турки живаго въ полонъ взяли, а по немъ Бородавка. На Цоцорѣ же, когда Османъ, царь турецкій, избилъ Ляховъ, то и Михайла Хмелницкаго убито тамъ, а сына его Зѣновія въ полонъ взято, откуду по двохъ годахъ выкупленъ ясыромъ татарскимъ.

1621 року Сагайдачный паки учиненъ гетманомъ, который, убивши гетмана Бородавку и собравши 6000 реестровыхъ козаковъ (бо уже такому только числу козаковъ опредѣлено быть, а протчіихъ всѣхъ въ подданство повертано), ходилъ съ Ляхами подъ Хотѣнъ [13] на Турка, котораго тамъ и побѣдили. Помянутый Петръ Сагайдачный гетманъ, ктиторъ Кіево-Братскаго монастыра и школъ [14], умеръ же тамъ въ Братствѣ и погребенъ, 1622 года.

Около сихъ годовъ князь Острогскій Константинъ Ивановичъ, котораго статуя въ Печерскомъ монастырѣ имѣется мраморная, за общенародные обиды рускіе суппликовалъ до всего сенату, такожде и король шведскій, а полскій королевичъ, Владиславъ до трибуналу.

1628 року, ради великихъ тягостей и озлобленій, нетокмо козакамъ, но и церквамъ рускимъ, отъ Поляковъ творимыхъ, повставши козаки на ихъ, обрали гетмана Тараса, и, учинивши съ Ляхами баталію подъ Переясловлемъ, множество Ляховъ побили и примирилися.

Року 1629, Зѣновій Михайловъ сынъ Хмелницкій, при другихъ вѣрныхъ службахъ своихъ въ королевствѣ Полскомъ, двохъ Кантимировъ живо до короля привелъ, за что имѣлъ у короля особливую милость, ибо изъ природы былъ разуменъ и полатынѣ изученъ. Общенародное о Русѣ челобите, а паче отъ козаковъ, зъ великимъ жалемъ въ крывдахъ и утѣсненіяхъ, Ляхами дѣючихся, посылано на енералный сеймъ въ Варшаву, но ничего по тому облегченія не получено.

1632 года еще былъ гетманъ нѣкоторый Семенъ Перевязка.

Между тѣмъ въ року 1634 король подъ Смоленскомъ взялъ Шеина съ войскомъ великороссійскимъ и донскимъ, и съ арматами и съ обозомъ, и нѣмецкую пѣхоту съ командиромъ Александромъ Аеславусемъ [15], где при войску полскомъ и козацкое, въ томъ числѣ помянутый Зѣновій Хмелницкій найдовался. Да тогда жъ Поляки, пошедши далѣе въ Москву, облегли городъ Белѣовъ [16] и тамо миръ, своей сторонѣ полезный, съ великимъ государемъ россійскимъ здѣлали.

Когда же Ляхи, мстячися на козаковъ, изнову начали ихъ зѣло озлоблять и хватая явно вбивать, тогда козаки, паки збунтовавшись, выбрали себѣ гетмана Павлюка и здѣлали войну подъ Кумейками, где отъ гетмана коронного Конец-

полскаго побѣждены, а протчіи подъ Боровицею примирилися, 1637 году, декабря 6 дня.

1638 року вскорѣ Поляки, гетмана Павлюка поймавъ, въ Варшавѣ голову отксѣкли и на палю взбили. Видя же козаки, что Ляхи умыслили ихъ всѣхъ выгубить, знову поставили межъ собою гетмана Остраницю, придавши къ въ нему помощъ козака Гуню, и въ степу, надъ рѣкою Старицею, войною Ляховъ побѣдили, гдѣ уже Ляхи, миръ учинивши съ козаками, присягли, что не будутъ волностей ихъ нарушать и не мститимутся. Но потомъ, присягу зломивши, Остраницю и Гуню убили въ Варшавѣ, а Кизима[17] сотника кіевскаго съ сыномъ его на пали взбили и многихъ знатныхъ четвертовали, а инныхъ на гакахъ вѣшали. И зъ того времеми всякую свободу козакамъ отняли и тяжкіе и вымыслные подати наложили необычно, церкви и обряды церковные жидамъ запродали, дѣтей козачихъ въ котлахъ варили, жонкамъ перси деревомъ вытискали, и протчая, и протчая.

Въ томъ же року 1638 собралися были козаки съ Полторакожухомъ гетманомъ на Мерлѣ, но тамъ разбѣглися, послышавши о приходѣ князя Вышневецкаго. Однакожъ тогда и безъ войны Поляковъ многое число погибло отъ жестокихъ морозовъ.

Гетманъ коронный Конецполскій, опасаючися, чтобы козаки не собралися на Запорожьѣ для помсты, устроилъ надъ порогомъ городъ Кодакъ и осадилъ Нѣмцами полскими для поскромленія козаковъ. При которомъ гетманѣ Конецполскомъ, подъ бытность его самого въ Кодаку, и Зѣновій Михайловъ сынъ Хмелницкій съ протчими козаками найдовался, и на вопросъ гетманскій: „Угоденъ ли же вамъ, козакамъ, Кодакъ сей?" отвѣтствовалъ полатынѣ, что ничего рукою человѣческою сотворенннаго нѣтъ, жебы не могло быть разорено.

1640 року былъ еще гетманъ козацкій Булюкъ, на которомъ Ляхи гетманство запорожское окончивши, наслали козакамъ, вмѣсто гетмана, комисаровъ и вождовъ своея лядскія державы, породы и вѣры, которые, для своего зыску и прихотей, такъ были козаковъ утѣснили, яко ледво кто имѣлъ что либо свое собственное въ дому, опрочъ жены, якъ и сами описали.

Между симъ имѣлъ Зѣновій Хмелницкій землю Суботовъ, отцу его Михайлѣ отъ вышпомянутого Даниловича, старосты чигиринскаго, наданную, и за поворотомъ отъ короля, въ надѣю службы отческой, въ которой на войнѣ отъ Турковъ и убитъ, также и для своихъ услугъ, на означенной землѣ поселилъ людей, чему подстаростій чаплинскій позавидѣвши, обнесъ старостѣ чигиринскому, „недостоитъ де простому козаку въ слободѣ селитися",[18] и потому староста оную слободу отнялъ у Хмелницкого и далъ Чаплинскому во владѣніе 1647 року. И за тое Хмелницкій, оскорбився зѣло, сказалъ: „Еще де козацкая мати не умерла; не все и Чаплинскій забралъ, когда еще есть шабля въ рукахъ". А Чаплинскій, сіе послышавши, Хмелниц-

кого въ турму велѣлъ вкинуть, сына же его Тимоша въ два кія посередъ города бити; и заледво по прошенію жены Чаплинскаго изъ турмы Хмелницкаго выпущено.

Того жъ року король Владиславъ, по плачевному козацкому челобитю въ обѣдахъ несказанныхъ, написалъ листъ, за своею королевскою печатю до Барабаша, асаула войсковогo, въ тѣ слова: „Ежели де жолнѣры есте добрые, шаблю и силу имѣете, и что вамъ за себе стать воспящаетъ?“ Какій королевскій листъ Зѣновій, да онъ же и Богданъ, Хмелницкій досталъ фортелно у Барабаша, во время дытыны его воспріемникомъ бывшаго, и вычитавъ предъ козаками и усовѣтовалъ ступать на Запорожже, и рушилъ декабра 7 дня, 1647 года, первѣе въ островъ Бучный [19], потомъ въ Рогъ Микитинъ, где найшолъ козаковъ съ 300 человѣка, съ которыми въ Сѣчи жолнѣровъ полскихъ всѣхъ выколовъ, послалъ до Исламъ Гирея хана помочи просить на Ляховъ, и выпросилъ.

По веснѣ гетманъ коронный и каштелянъ Павелъ Потоцкій комендировалъ сына своего Стефана въ 6-ти тысячахъ Ляховъ полемъ, а Барабаша, учинивши за присягою гетманомъ запорожскимъ, въ 6-ти тысячахъ реестровыхъ козаковъ водою Днѣпровою, при жолнѣрахъ нѣмецкихъ, зовемыхъ *гусарія,* на Запороже выправилъ ловить тамъ и разгромить Хмелницкаго; ибо знову для збунтовавшагося Хмелницкого козакамъ гетманство привернено въ концу 1647 року. Но Хмелницкій выйшолъ съ луговъ въ поле на Жовтые Воды, первые посла̀лъ Дандру [20] до реестровыхъ козаковъ къ Днѣпру перемовлять ихъ на свою сторону, и перемолвилъ. Где заразъ Барабаша Филонъ Джеджелій скололь сонного, а потомъ и всю старшину ихъ и полковниковъ ладскихъ то побили, то потопили ихъ драгуніею нѣмецкою, Ляхамъ измѣнившою, до Хмелницкого прійшли [21]. И тамъ когда генералъ, сынъ Потоцкого наспѣлъ съ войскомъ своимъ до Жолтыхъ Водъ, тотъ часъ баталія здѣлалась, и прогнали Ляховъ къ Княжимъ байракамъ, где Потоцкій убитъ зосталъ, а съ нимъ и комисаръ козацкій, и войско его иное въ полонъ взято, въ томъ числѣ и Шемберка и Сапѣгу съ протчіими козаками и полковниками, а иныхъ посѣчено съ помочію Татаръ, туда до Хмелницкаго прибувшихъ съ Тугабеемъ мурзою. Тамъ же и Ивана Виговскаго Хмелницкій въ полонъ взялъ, что сталося въ року 1648, мая 2 дня.

Послѣ же того что происходило, нижей сего въ лѣтописцѣ Хмелницкого пространно и ясно и удивително показанно и явствуетъ всѐ [22].

ЛѢТОПИСЕЦЪ

О НАЧАЛѢ ВОЙНЫ ХМЕЛНИЦКОГО [23].

Початокъ и причина войны Хмелницкого есть едино отъ Ляховъ на православіе гоненіе и козакомъ отмщеніе, тогда бо онымъ не хотячи, чего не звыкли были, панщины робити, на службу замковую обернено, которыхъ зъ листами и въ городѣ до хандожанія коней старостовъ держали, въ дво-

рахъ грубу, то есть печи, палити, псовъ хандожити, дворѣ змѣтати и до инъшихъ неизносныхъ дѣлъ приставляли; знову засъ, которые зоставали козаками реестровыми, а надъ оными полковникове, панбве, шляхта отъ гетмана коронного посыланные были, которые бы объ [24] ихъ волности бынаймнѣй не дбаючи, але [25] яко могучи о ихъ мѣрали, легце поважаючи плату, которая постановлена была на козака отъ короля его милости и речи посполитой по золотыхъ тридцать на рокъ, тое на себе отбѣрали, съ сотниками дѣлячися бо сотниковъ не козаки обѣрали и наставляли, але полковники кого хотѣли зъ своей руки, жебы онымъ жичливыми были. Также полковникове козаковъ до всякой домовой незвычайной работы приставляли. Въ поля засъ пойшовши, любо якій козакъ достане у Татаръ коня доброго, того отоймуть. Зъ Запорожья чрезъ поля дикіе зъ рарогомъ, раструбомъ [26], орломъ, съ хортомъ козака бѣдного шлеть въ городы, кому подарокъ шлючи якому пановѣ, не жалуючи козака, хочай бы згинулъ, якъ не трудно отъ Татаръ. Знову засъ хочай бы якого языка татарского поймали козаки, то съ языкомъ татарскимъ, на кого ласкавъ полковникъ, якого жолнѣра своего высылаеть до гетмана коронного, а козацькую отвагу потлумляеть. Въ городахъ засъ отъ жидовъ тая была кривда, же не волно козаковѣ въ домѣ своемъ жадного напитку на потребу свою держати: не тилко меду, горѣлки пива, але и браги. Которые засъ на рыбу хожували козаки за порога, то на Кодаку на комисара рыбу десятую [27] отбѣрали; а полковникомъ особливо треба дати и сотникамъ, асаулѣ и писаревѣ; ажъ до великого убозства козацтво прійшло, а болше шести тысячей не повинно козаковъ быти. Хочай и сынъ козацкій, тую же панщину мусѣлъ робити и плату давати. Тое надъ козаками было. Надъ посполитствомъ засъ, любо во всемъ жили обфито, въ збóжахъ въ бидляхъ, въ пасѣкахъ, але однакъ чего не звыкла была Украина терпѣти, вымыслы [28] великіе были отъ старостовъ и отъ намѣстниковъ и жидовъ; бо сами державцы на Украинѣ не мешкали, тилко урядъ держали, и такъ о крывдахъ посполитыхъ людей мало знали, альбо любо и знали, только заслѣплены будучи подарками отъ старость и жидовъ арандарей, же того не могли узнати, же ихъ саломъ по ихъ же шкурѣ и мажуть, съ ихъ подданыхъ выдравши, онымъ дарують, що и самому пану вольно бы узяти у своего подданного и не такъ бы подданный его жалковавъ; а то леда шевлюга, леда жидъ богатится, по килька цуговъ коней справляеть, вымышляючи чинши великіе, поволовщины, дуди, бсыпъ, мѣрочки сухіе, зъ жорновъ плату и иное отниманіе фолфарковъ [29], що натрафили на человѣка на одного, у которого отняли пасѣку, которая всей землѣ Полской начинила бѣды. А тимъ способомъ.

Въ Чигиринѣ мѣстѣ мешкалъ сотникъ Богданъ Хмелницкій, козакъ ростропный въ дѣлахъ козацкихъ военныхъ и у писмѣ вѣжливый и часто у двора королевского въ посе́лствѣ будучій, и подъ часъ бытности своей съ козакомъ значнымъ переясловскимъ, зъ Иваномъ Илляшемъ (а тотъ Илляшъ

барзо зычливый королевѣ его милости), и упросили писмо, албо привиле́й, на робленіе челновъ на море мимо вѣдомости гетмановъ коронныхъ, що и одержавши, тое скрыто держали отъ полковниковъ въ Переясловле. А подъ тотъ часъ у вышъ менованного Хмелницкого подстаростій чигиринскій Чаплинскій, зостаючій отъ Конецполского, отнялъ хуторъ съ пасѣкою и млиномъ на урочищѣ Суботовѣ, полторы милѣ отъ Чигирина, и за той хуторъ посваръ сталъ съ подстаростимъ Хмелницкому. И Хмелницкій, видячи, же оного вѣчистіе до́бра оному кгва́лтомъ выдрано, старался фо́ртелемъ, жебы тотъ привиле́й, данный отъ короля отъ его милости, на робленіе челновное волное козакамъ, достати; що и доказалъ, бо ма́ючи въ дому своемъ у гостя́хъ того Илляша Ормянчина и у оного вывѣдавшися о схованю того привилея, упоивши оного, ключь у пяного взявши, послалъ свое́го посланця́ по тотъ привилей, данный отъ короля его милости Владислава IV, который оному и привезъ его посланéць. Итакъ зъ онымъ привиле́емъ Хмелницкій за пороги пойшолъ и козакамъ ознаймилъ, же на волности козацкіе мѣетъ привилей короля его милости. До ко́торого много войска козацкого почалось горнути. Аже на Запороже зоставати не могъ задля налоги, которая на тотъ часъ съ полковниками лядскими пополу зъ жолнѣрами зоставала, пошолъ на Низъ къ мору на поля къ Лиману, и тамъ войско къ оному рушилось, утѣкаючи отъ полковниковъ лядскихъ. Которого Хмелницкого полковникове посылали на тіе поля имати и разгромити; але оный тихъ посланныхъ лядскихъ погромилъ, а козацтво до оного пристало. Итакъ Хмелницкій, видячи, же уже́ учинилъ задоръ зъ Ляхами, и свое́го набытку албо и грунтовъ жалуючи, выслалъ своихъ посланцо́въ до хана крымского, чинячи зъ оными згоду и пріймуючи братерство, жебы ему помогали войска лядскіе зносити. Що ханъ крымскій зъ солтаномъ ордами зъ радостію на тое позволивъ и, приславши своихъ мурзъ до Хмелницкого, межи собою присягу съ обоихъ сторонъ выконали на Низу, и заразъ ханъ посылаетъ съ ордами великими Тугайбея до Хмелницкого. Зъ которою ордою Хмелницкій на Запорожже наступилъ, до которого все войско, зостаючое на Запорожу, пристало и Хмелницкого себѣ за старшо́го приняли.

ВОЙНА САМАЯ,

РОКУ 1648.

Взявши вѣдомость отъ комисара козацкого пано́ве гетма́нове, такъ коронный Миколай Потоцкій, яко тежъ и полній Калиновскій, же юже ку́па немалая войска зобралося на Запорожжи, до Хмелницкого приставши, заразъ со всѣми войсками коронными притягли на Украину до́ города Черкасъ и тамъ, отправу́ючи свята великіе Воскресенія Христова, усе войско козацкое съ полковниками ихъ скупили и казали онымъ присягти, же не мають зрадити полковниковъ своихъ и до Хмелницкого приставати. Итакъ заразъ по Воскресеніи Христовомъ гетма́нове ко-

ронные высылаютъ войска немалые водою Днѣпромъ у чолнахъ, посадивши посполу съ козаками и пѣхоту нѣмецкую. А землею полемъ посылаетъ гетманъ Потоцкій сына своего Стефана съ комисаромъ козацкимъ, зъ которыми войска коронного тысячей шесть, а козацкого съ тыми, що у чолнахъ пошли еще при комисару, тысячей шесть, приказавши онымъ, жебы ишли просто на Запорожже до Сѣчи зловити Хмелницкого албо осадити его зъ войскомъ. И сами гетма́нство зъ войсками коронными за ними въ тропи помалу ишли съ тяжарами войсковыми и пѣхотами. Хмелницкій, узявши вѣдомость о наступленію войскъ коронныхъ, не ожидаючи приходу ихъ, але переправившися зъ войсками татарскими немалыми, напротивъ пойшолъ войскъ коронныхъ и, испоткавшися въ поляхъ у урочища Жолтой Воды, тамъ осадилъ каштелянича Стефана Потоцкого и комисара козацкого зъ войсками ихъ. А войска, которые ишли Днѣпромъ водою чолнами, минувши городы, не доходя пороговъ, старшину, зостаючую при нихъ, и пѣхоту нѣмецкую, въ чолнахъ будучую, выкололи и покидали въ Днѣпръ и послали своихъ посланцо́въ до Хмелницкого. По которыхъ прислалъ Хмелницкій зъ Ордою, и Орда, на свои кони оныхъ побравши, привезла на Жовтые Воды, где посполу того войска коронного достали. Войска зась козацкіе, зостаючіе при тихъ войскахъ коронныхъ, видячи, же южъ и тое войско, которое водою ишло, зостаетъ при Хмельницкомъ и Ордѣ, и тіе усѣ съ войска коронного пристали до Хмелницкого и до Орды и на то жъ войско начали бити, где презъ килка днѣй безъ престанку тая война трива́ла, и войско, осаженное будучи въ степахъ, не могучи вытривати, рушило таборомъ оттоля ку Княжимъ байракамъ оборонною рукою, уступаючи назадъ къ городамъ. Але въ томъ отходѣ не пощастилося имъ, бо, не допустивши оныхъ до тихъ Княжихъ байраковъ, почала Орда съ козаками таборъ ихъ розривати, а въ тіе Княжіе байра́ки запровадивши войско козацкое пѣхоту, покопали ровы, до которыхъ пришовши та́буръ войска полского, змѣшалися и тамъ усе тое войско разбито, въ неволю по́брано татарскую и каштелянича Стефана Потоцкого посполу съ комисаромъ взято, который въ молодыхъ лѣтехъ на Запорожжѣ животъ свой скончилъ, бо Хмельницкій оного, не даючи Ордѣ, на Запорожже до Сѣчи отослалъ, и тамъ отъ ранъ померъ. А иншіе паната въ неволю пошли татарскую. Гетманове зась коронные и полній съ потугами своими на Чигиринъ ишли въ тропы за тимъ войскомъ, хотячи оныхъ посилкова́ти; але, по розгромленію войска полского у Княжихъ байра́ковъ, нѣкоторые, съ того погро́му поутѣка́вши, дали знати, же юже нѣкого посилковати, бо войско до остатку знесено, отвернули Гетманове Миколай Потоцкій, каштелянъ краковскій, коронный, и Калиновскій, гетманъ по́лній, зъ войсками назадъ къ городамъ, не идучи на Чигиринъ, але просто шляхомъ на поворотмя къ Корсуновѣ мѣсту ишли. За которыми Хмелницкій зъ Ордами немалыми ишолъ, наступаючи на нихъ. Где Гетманове, переправивши рѣку Рось у Корсуню и насдпусто́шив-

ши мѣста, поминовали Корсунь. Которыхъ заразъ настигнувши Хмелницкій за Корсуномъ, учинилъ потребу; где Гетманове оборонною рукою уступовали, беручися въ поля. А припало онымъ ити промежу лѣсами въ милѣ отъ Корсуна, где Хмелницкій казавъ запровадити пѣхоту козаковъ корсунскихъ въ тіе лѣски; которые шляхъ перекопали и тамъ позасѣдали, не допущаючи переходу таборовѣ лядскому. А Хмелницкій, съ тылу и около зъ войсками и Ордами наступивши, оное войско розгромилъ зъ допущенія Божеского. Где Гетмановъ обоихъ, великого коронного и полного, въ неволю взято и все войско выгубленно, же мало хто зъ того погрому увойшолъ. Где Орда неошацованную здобычъ узяла, такъ въ коняхъ и риштункахъ, яко найболше въ неволникахъ знатныхъ пановъ и панятъ и посполитого войска. А козаки знову збогатилися зъ обозу полского такъ великихъ пановъ, же сребро малою цѣною продавали. Которая-то потреба, албо война, подъ Корсуномъ была на томъ тижню по святой Тройцѣ. Была тая поголоска на всей Украинѣ, албо хвалка, отъ шляхты, же по знесенію тоей своеволѣ съ Хмелницкимъ, мѣли панове Украину плюдровати и болшую часть осажовати людми Нѣмецкими и Полскими. Также и у вѣри руской помѣшка великая была отъ унѣятъ и ксендзіовъ, бо юже нетилко Унѣя у Литвѣ, на Волынѣ, але и на Украинѣ, почала гору брати. Въ Чернѣговѣ архимандритове одинъ по другомъ зоставали; по иншихъ городахъ церкви православные запечатовали. До чого помощниками онымъ шляхта, урядъ и ксіонзы были, бо уже на Украинѣ, що городъ, то костелъ былъ. А въ Кіевѣ тежъ утискъ немалый церквамъ Божіимъ старожитнымъ чинили, такъ воевода Кіевскій Тишкевичъ, на тотъ часъ будучій, яко тежъ Езуиты, Доменѣканы, Бернадыны и иные законы наѣздами правами митрополиту утискуючу и науки школъ забороняючи, зголa староруску православную христіянскую вѣру собѣ прекладаючи нерозную отъ поганъ, бо лѣпшое пошанованния абы жидищевѣ спроскому было, анѣже найлѣпшому христіяниновѣ Русиновѣ. А найгоршое насмѣвиско и утиски терпѣлъ народъ Рускій (отъ тыхъ?) которыи зъ руской вѣры приняли римскую вѣру. И такъ народъ посполитый на Украинѣ, послышавши о знесенню войскъ коронныхъ и гетмановъ, заразъ почали ся купити въ полки, не толко тіе, которые козаками бывали, але кто и нѣгды козацтва не зналъ. Що видячи панове державцѣ украинскіе, нетолко панове старостове, зостаючіе по городахъ, але и самъ князь Вишневецкій, который усе Заднѣпря мѣлъ въ своемъ подданствѣ, имѣючи при себѣ килканадцять тысячъ люду военного грошового, опрочъ драгунѣей и выбранцовъ, которыхъ съ подданныхъ своихъ начинилъ былъ по всѣхъ городахъ неизлѣчоную рѣчъ, мусѣлъ утѣкати и уступовати зъ Украины зъ городовъ своихъ зъ княгинею и зъ сыномъ своимъ Михайломъ, который напотомъ королемъ полскимъ зосталъ былъ. Отъ боку засъ Хмелницкаго, гетмана войска Запорожского (который южъ по знесеню войскъ коронныхъ цале гетманство принявши за упрошеніемъ усёго войска козацкого, бо до того ча-

су гетманомъ не звался, ажъ покуля́ обоихъ гетмановъ коронныхъ знаки войсковые, то есть булавы и бунчуки, у свои руки узялъ, все войско оного гетманомъ настановило и на тотъ урядъ упросило), заразъ отъ року оного козацство по розныхъ городахъ разійшо́вшися, полко́вникове сотниковъ собѣ постановлявши и гдеко́лвекъ знайшлася шляхта, слуги замковые, жиды и уряды мѣскіе, усе забивали не щадячи́ а нѣ жонъ и дѣтей ихъ, мае́тности грабова́ли костели палили, отва́лювали, ксіонзовъ забивали, дворы зась и за́мки шляхетскіе и дворы жидовскіе пусто́шили, не зоставляючи жадного цѣлого. Рѣдкій въ той крвѣ на тотъ часъ рукъ своихъ не умочилъ и того грабленія тихъ добръ не чинилъ. И на тотъ часъ туга великая людямъ всякого стану значнымъ была и наруганія отъ посполитыхъ людей, а найболше отъ гултяйства, то есть отъ брова́рниковъ, ви́нниковъ, могилниковъ, бу́дниковъ, на́ймитовъ, пастуховъ, же лю́бо якій человѣкъ значный и нехотѣлъ привязоватися до того козацкого войска, тилко му́сѣлъ задля позбытя того насмѣви́ска и нестерпимыхъ бѣдъ въ побояхъ, на пояхъ и кормахъ незвычайныхъ, и тіи мусѣли у войско приставати до того козацства. Где по городахъ, по за́мкахъ шляхту доставано, гдеко́лвекъ позачиня́лись были, то есть въ *Нѣжинѣ, Чернѣговѣ, Стародубовѣ, Го́млю.* Все тое подостававши, вы́стинали, бо пе́ршей устрашившися шляхта, жидовъ повыдавали зъ мае́тностями, а напотомъ и самихъ подоставали и вы́стинали. И многіе на тотъ часъ зъ жидовъ, боячи́ся смерти, христіянскую вѣру приняли; але́ зась знову часъ углядѣвши, до Полщи поутѣкавши, жидами позоставали, ажъ рѣдко который додержалъ вѣры христіянской. И такъ на Украйнѣ жа́дного жи́да не зостало, а жо́ны шляхетскіе зостали жо́нами козацкими. Также и на потомтой сторонѣ Днѣпра, ажъ по самій Днѣстръ, тое жъ ся стало спустоше́ння за́мкомъ, костеломъ и дворомъ шляхе́тскимъ, жидовскимъ урядомъ мѣскимъ и шляхтѣ, ксіонзо́мъ. Усюда тое вы́трачено, а найболше жидовъ пропало въ Немеровѣ и въ Тулчинѣ незличо́ная личба́.

Орда зась, збогатившися ясы́ромъ зна́чнымъ того войска коронного, и гетма́новъ обоихъ взявши, зоставивши часть малую Орды, въ Крымъ повернули, отпрова́жуючи гетма́новъ Потоцкого и Калино́вского и незличо́ную рѣчь пановъ зна́чныхъ, на томъ по́грбо́мѣ узятыхъ. А Хмелницкій, скупивши войско, тягнулъ зъ Украйны къ полскимъ городамъ, где притягши подъ Пилявцѣ, не доходячи Константинова Великого, тамъ спотка́лися съ войскомъ короннымъ, надъ которыми южъ гетмановали ксіонже Острожскій Домѣнѣкъ и панъ Сеню́та спра́вцами тихъ войскъ были, которыхъ незличо́ная лѣчба́ была. Такъ тежъ и козацкого войска при гетману Хмелницкому болей сто тысячъ было, которыхъ войско коронное ба́рзо спирало, же троха́ не въ обложе́ню зоставали козаки. Въ чомъ ничо́го не во́нпилъ Хмелницкій, бо послалъ по Орду. И такъ, скоро Орда притягнула великою поту́гою, за́развъ того часу войско коронное собою стривожили, и такъ Орда съ козаками тое войско розгромили, же

мусѣли утѣкати въ Константинову Великому, оставивши тяжáры военные, тилко зъ скарбными возами; але постарому и тое въ руки козакамъ и Татарамъ досталося, бо, наганяючи шляхомъ, оныхъ рубали, а которые и до Константинова прійшли, тамъ мостъ подъ самимъ мѣстомъ обламали и такъ переправу утративши, мýсѣли тамъ погибати; а и хто и въ Константиновъ увойшолъ, и тіе не одержалися въ Константиновѣ, але усе розно у Полщу пойшло розгромленное войско, а многіе зъ пановъ и шляхты въ неволю пойшли, а инныхъ постинано много, бо Орда не брала въ полону, задля того жебы не обтяжáтися, але усé стинáли. Итакъ Хмелницкій зъ войсками своими и Татарми, или съ ордами великими, просто къ Лвову потягли, пустошили усѣ городы и подъ Илвовъ подступивши, пустошилъ, тилко самый городъ Лвовъ окупъ за себе далъ Ордѣ и Хмелницкому. Итакъ оттоля Хмелницкій зо всѣми потýгами потягнулъ подъ Замбстя, а тамъ стоячи, Орда съ козаками по самую Вислу пустóшили; также на Волыни городы значные повыймали: Острогъ великій, Заслáвя, Лýцко, Владимеръ, Кóбринъ, ажъ по Брéстя Литовское: и хто можетъ зраховáти такъ неошацóванную шкóду въ людехъ, що Орды позабѣрáли, а маéтности козаки позабѣрали? бо въ тотъ часъ не было милосердія межи народомъ людскимъ. Нетилько жидовъ губили и шляхту, але и посполитымъ людемъ, въ тихъ краяхъ живучимъ, тая жъ бѣда была. Многіе въ неволю татарскую пойшли, а найбáрзѣй ремесники молодые, которые головы себѣ голили пополску, чуприну пускаючи на верхъ головы. Але прéдся Русь христіяне въ тихъ повѣтахъ въ городахъ позоставали и, ежели якого Поляка межи собою закрыли, то тотъ живъ Костéлѣ засъ рымскіе пустóшили, склепы съ трупами откопували, мертвыхъ тѣла зъ гробовъ выкидали и обдирали и въ томъ одѣянію ходили. Где тое спустошéння того лѣта тривáло, ажъ почавши отъ Петрова поста до Филипова посту, тамъ подъ Замбстямъ зоставалъ Хмелницкій, бо Господь Богъ за грѣхи навидѣлъ землю такою тяжкою войною и отнялъ у оной господаря, то есть короля щасливого Владислава, который на початку тоей нещасной войны померъ, выѣхавши зъ Вилня у Меречу. И тамъ не могли панóве сенаторове по тому запобѣгчи згóдою, але що порвалися войною, на себѣ понесли. Ажъ видячи такъ великій упадокъ своей шляхты, пановъ значныхъ и войска подданныхъ утраты, въ тотъ часъ почали старатися о королю себѣ и обобрали на королевство полское Яна Кизимѣра, рожóного брата зéйшлого короля Владислава. Где зоставши королемъ, обосдалъ гетмáна Хмелницкого писмомъ, напоминаючи, жебы панства не пустóшилъ. Що гетмáнъ Хмелницкій, на писмо королевское, вернулся на зиму на Украйну до Чигирина и тамъ жону собѣ понялъ куму Чаплинскую, маючую мужа живого; а Орды въ Крымъ пойшли зъ добычу.

Того жъ року, по розказанню гетмáна Хмелницкого, полкъ Нѣжинскій ходилъ доставати Кодакá и, идучи по Днѣпру, чинили великіе крывды людемъ. Где люде,

розумѣючи оныхъ за войско литовское и якобы то они идутъ на оборону Кодака́, а не доставати, и несподѣванне напавши, нѣкотрые сотнѣ погромили въ Ра́шевцѣ за Комышнымъ. Але зась ску́пившись тотъ полкъ у Максимовцѣ надъ Днѣпромъ, тое войско розбили, же мало который зъ ихъ увойшолъ, и переправивши Днѣпръ, потягнули подъ Кодакъ, который держачи въ осаду, перезъ килка недѣль онымъ докучали, ажъ му́сѣлися здати. Итакъ усѣхъ жолнѣровъ съ Кодаку́ спровадили въ цѣлости до Чигирина, и тамъ Чигиринцѣ оныхъ пожаловали, а коменданта узяли за сторогу, которого напотомъ Хмелницкій въ Полщу отпустивъ.

Того жъ року саранча барзо великая на усей Украйнѣ была и ба́рзо шко́ды великіе починила, збо́же позъѣдала и травы, же не было где сѣна косыти; а зѣма барзо великая была и не было чимъ ста́тку кормити. Тая саранча зазѣмовала на Украйнѣ, съ которой знову икры́ на весну другая уродилася, итакъ великую дорожне́ту учинила.

ВЪ НАЧАЛѢ РОКУ 1649.

О Рождествѣ Христовомъ присылаетъ король его милость пословъ своихъ великихъ, то есть князя Четвертинского и пана воеводу кіевского Адама Киселя́ съ иншими зъ пановъ благочестивыхъ, въ поселство до гетма́на Хмелницкого и усего войска Запорожского, задля которыхъ приходу зложилъ раду гетманъ Хмельницкій въ Переясловлю и тамъ по Рождествѣ Христовомъ приѣхалъ со всѣми полковниками и сотниками. И тамъ въ Переясловлю въ той радѣ отдавали пано́ве посло́ве королевскіе при поселствѣ привилей на волности и булаву, бунчукъ, короговъ, бубны, знаки войсковые отъ короля его милости, хотячи упокоити тую войну. Тамъ же и послове отъ короля венгерского на той же радѣ были: такъ зоразъ по усѣхъ земляхъ слава козацкая и Хмелницкого пойшла, же монархи разные отзывалися съ приязню и подарки присылали, бо послове его царского величества зъ Москвы, отъ господарей волоскихъ, мултянского зъ великими подарками почали приходити, що до болшаго заятреня и пыхи гетмана Хмелницкого побужали, и за для того слушной згоды зъ монархою полскимъ, якъ съ паномъ своимъ не чинилъ, по принявши пословъ великихъ короля его милости.... [31] учинити и тоей войны понехати, тилко жебы при стародавнихъ волностяхъ своихъ козацкихъ зоставали, але тутъ заразъ высылаетъ своихъ пословъ въ Крымъ, вытягаючи самого хана со всѣми ордами въ нашу землю. Въ чемъ ханъ радъ и учинилъ на оного жада́ння со всѣми ордами Крымскими, Бѣлгородскими, Нагайскими, Черкаскими незлично́ными силами вытягнулъ на веснѣ до Хмелницкого на спустоше́ння христіянства.

ПОЧИНАЕТСЯ ВОЙНА ЗБАРАЖСКАЯ,

РОКУ 1649.

Отмѣнивши Хмелницкій пріязнь и постанову зъ королемъ полскимъ, заразъ на веснѣ затягши самого хана, зъ великими потугами татарскими и незличоными своими войсками козацкими, которыхъ полковъ было: полкъ Чигринскій, полкъ Черкаскій, полкъ Корсунскій, полкъ Каневскій, полкъ Лисянскій, полкъ Бѣлоцерковскій, полкъ Паволоцкій, полкъ Уманскій, полкъ Калнискій [32], полкъ Могилевскій, полкъ Животовскій, бо тамъ козацтво звалося ажъ и поза Днѣстромъ коло Галича и замковъ доставали, межи иными и Плевского замку за Надворкою доставали; а тутъ волостѣ усѣ и городы опрочъ тилко самого единого Подолскаго Каменця, ажъ поза Константиновъ Старый, въ Шулжинцехъ, Грицевѣ, Чорторіей, козацтво зоставало. У Овручомъ особливый полковникъ зоставалъ, до котораго усе Полѣся належало. Знову зась на Заднѣпру полки, которые до гетмана жъ Хмелницкого притягнули: полкъ Переяславскій, полкъ Нѣжинскій, полкъ Чернѣговскій со всею Сѣверью ажъ по Гомель и Дроковъ и Мглинъ, полкъ Прилуцкій, полкъ Ичанскій, полкъ Лубенскій, полкъ Ирклѣевскій, полкъ Миргородскій, полкъ Полтавскій, полкъ Зѣнковскій. Тіе усѣ полки были при гетману Хмелницкому, въ которыхъ незличоная личба войска была, бо иншій полкъ мѣлъ козацтва тысячъ болше двадцати, бо що село, то сотникъ, а иная сотня мѣла люду тысячу. Такъ усе, що живо, поднялося въ козацтво, же заледво знайшолъ въ якомъ селѣ такого человѣка, жебы не мѣлъ албо самъ, албо сынъ до войска ити; а ежели самъ не здужалъ, то слугу парубка посылалъ. А иные, килко ихъ было, всѣ ишли зъ двора, тилко одного зоставали, же трудно было о наймитахъ. А то усе дѣялось задля того, же прошлого року збогатилися шарпаниною добръ шляхетскихъ и жидовскихъ и иныхъ людей, бываючихъ на прихоженствѣ, же наветь где въ городахъ были и права Магдебурскіе, и присяглые буймистрове и райцы свои уряды покидали, и бороды голили, и до того войска ишли, бо тіе себѣ зневагу держали, которые бы зъ бородою неголеною въ войску зоставали. Такъ діяволъ учинилъ себѣ смѣхъ съ людей статечныхъ. И такъ Хмелницкій на почамку посту святыхъ Петра и Павла, на Чорномъ Шляху за Животомъ скупившися зъ тими полками и ханомъ крымскимъ, просто потягнули были подъ Межибоже, гдѣ зоставало козацтво въ облеженню отъ войска коронного, але увѣдомившися жолнѣрове о толь великихъ потугахъ козацкихъ и татарскихъ, зоставивши Межибоже, втекомъ уступили, которыхъ орда и здогонила, але увойшли до Збаражжя. Гетманъ Хмелницкій со всѣми потугами просто тягнулъ противо войска коронного, которое зоставало подъ Збаражемъ обозомъ, надъ которыми былъ старшій ксіонже Еремѣй Вишневецкій, съ которымъ войско великое было. И такъ притягнувши гетманъ Хмелницкій до Каменя Човганского и оставивши таборъ ити помалу, самъ съ ханомъ комонникомъ пойшовши,

осадили тое войско подъ Збаражжемъ на святыхъ апостолъ Петра и Павла, и напотомъ таборъ прійшолъ и доставали того войска, которые му́сѣли, зоставивши окопы, около за́мку и въ мѣстѣ тѣсно стали, которыхъ въ обложе́нню ажъ до Успенія Богородицы держали, але оныхъ не достали. На которыхъ барзо трудно было, же му́сѣли стерво исти, а и того мало было, бо собакъ и кошокъ вы́или. Король зась его милость Янъ Казимиръ, подъ Топоровомъ стоячи зъ сенаторами и посполитое руше́ння скупивши, оттоль рушилъ со всѣми поту́гами на о́тсѣчъ войску, зостаючому въ обложенню у Збара́жя. О которомъ узявши пе́вную вѣдомость гетманъ Хмелницкій, осадивши збаражское войско, зъ комо́нникомъ и ханомъ пойшолъ противко короля его милости, и спотка́лися подъ Зборовомъ. Юже́ зъ Зборо́ва выйшло войско было и самъ король его милость. Где спотка́вшися войско зъ войскомъ, много шко́ды орда учинила войску коронному, же зале́два могли справитися и назадъ до Зборова уступали. И тамъ осаженно короля его милость, и безъ мало до того не пришло было, же и узято бы было, бо уже нѣотколя помочи сподѣва́тися было; можная рѣчъ, любо не приступомъ, але и голодомъ оныхъ звоевати. Однакже и гетманъ Хмелницкій не зычилъ того, жебы мѣлъ ся достати монарха христіанскій въ руки и въ неволю бесурманскую. И такъ зъ собою трактовати почали презъ дней два и учинили зго́ду, же не имѣли по самую Случъ жолнѣре на Украи́ну бывати, тылко опрочъ урядове сторосто́ве по городахъ албо сами пано́ве, жебы уже болшъ задору и причинъ до войны не даванно. А ордѣ плата полономъ городовъ дванадцяти, которые могуть ви́няти. И по тихъ трактатахъ, узявши заставу пановъ значныхъ у войско, гетманъ Хмелни́цкій бытностію своею былъ у короля его милости въ Зборовѣ, где оного шано́вано, ударо́вано и другого дня отпущено до войска. Итакъ король его милость повернулъ назадъ до Львова; а Хмелницкій, пришедши подъ Збара́же, приказалъ зъ шанцовъ войску уступити и южъ межи собою зъ войскомъ коронным болше задору не чинити; бо и отъ короля его милости посланцо́ве до князя Вишневецкого пришли, поспо́лу при гетману Хмелницкому, и до всего того войска, зостаючого въ обложе́ню въ Збаражу, ознайму́ючи о той згодѣ. И Хмелницкій зъ ханомъ крымскимъ, розправивши орду, то есть мурзѣ придавши козаковъ, и такъ многіе городы козаки позводили, и людей Татаре въ неволю побрали, и козаки мае́тность побрали, и мѣста значные спустѣли. И днемъ передъ Успеніемъ Богородицы уступило войско козацкое и Орды отъ Збаражя, тягнучи просто на Украину.

Того жъ року войско литовское подъ Заганьмъ и Хвойниками розбили полкъ Кіевскій зъ Кричевскимъ.

Того жъ року саранча великая была и збо́же зъсовала, же дороже́та великая была на хлѣбъ, на соль и на сѣно. И такъ по оной зго́дѣ поназдѝли урадове на Украину были, и самъ воевода кіевскій Адамъ Кисѣль зъ жоною

въ Кіевѣ зоставалъ, бо, якъ благочестивый панъ, въ згодѣ зъ гетманомъ Хмелницкимъ былъ. По той згодѣ выкупили обоихъ гетмановъ коронныхъ, Потоцкого и Калиновского, и при нихъ гетманства зоставили.

РОКУ 1650.

Не хотячи войско порожніовати, а зваща зъ такимъ поганиномъ и ворогомъ вѣры христіянской збратавшися, Волоская земля христіянство любо зостаетъ въ подданствѣ Турчиновъ, али однакъ, же южъ почали обфито жить при одномъ господарѣ спокойно Василю Липулѣ, и потому позавидѣвши, жебы оныхъ уменшати, же христіянство, а зваща Рось, гору узяла, такъ розумѣю, же за повелѣніемъ Турчина, ханъ крымскій зъ гетманомъ Хмелницкимъ несподѣванно со всѣми потугами козацкими и татарскими, напавши на Волоскую землю, нѣвець все обернули, звоевали по самые горы, людей побрали въ полонъ и набытки ихъ, тилко замки моцные одержалися, и самъ господаръ уступилъ былъ зась мѣста столечного, але знову ся навернулъ. А Хмелницкій стоялъ зъ ханомъ у Прута. А тую землю чатами звоевали. А напотомъ господаръ поедналъ орду, а зъ гетманомъ Хмелницкимъ, жебы ся вернулъ зъ его землѣ, учинилъ сватовство, дочку свою за сына Хмелницкого пріобицалъ дати, що напотомъ и учинилъ. А войско коронное зъ гетманами стояло подъ Каменцемъ Подолскимъ, не даючи жадной причины козакамъ до войны, Итакъ того року жадной войны зъ коронным войскомъ не было, але, повернувши о Покровѣ зъ Волохъ упокоемъ сидѣли въ домахъ.

РОКУ 1651.

Зимою почали давати жолнѣрове поводъ до войны, бо залоги козацкіе почали наѣжати, а войска затягати. О чомъ увѣдомившися гетманъ Хмелницкій, скупятися полкомъ приказалъ и заразъ по Рождествѣ Христовомъ выйшолъ и сталъ самъ въ Ставищахъ, а войска по разнихъ городахъ въ тихъ повѣтахъ коло Богу стали и такъ ажъ до весны зоставали, покуля ханъ зъ Крыму зъ ордами притягнулъ. А скоро ханъ зъ Крыму наспешилъ зъ ордами, того жъ часу Хмелницкій зо всѣми потугами пойшолъ противъ короля его милости. А король стоялъ подъ Берестечкомъ, и тамъ всѣ войска съ посполитымъ рушеніемъ зоставали. Где притягши гетманъ Хмелницкій першой недѣли Петрова поста, дали бой слушній войску королевскому. Аже не статечная пріязнь вовку зъ бараномъ, такъ христіяниновѣ зъ бусурманомъ. Ханъ крымскій почалъ зъ королемъ его милостю щось згодного, и учинили потребу еще, и ханъ заразъ зъ ордами уступилъ, зоставивши самихъ козаковъ. Що видячи, гетманъ Хмелницкій зъ писаремъ скочили до хана, унимаючи оного, але не дался намовити, просто пошолъ подъ Ожеховцѣ милъ килканадцять и сталъ. Которого гетманъ упросилъ, жебы оному орды далъ учинити отсѣчъ войску, поневажъ самъ не хотѣлъ верну-

тися. Що ханъ и учинилъ: на прозбу Хмельницкого далъ мурзѣ въ килканадцять тысячъ. Зъ которыми самъ ходилъ Хмелницкій, але юже не справедливая пріязнь; бо тилько прійшовши до Пляшева рѣчки, болше милѣ отъ войска, и вернулися. Зъ которыми ити мусѣлъ и Хмелницкій, зоставивши войско и усѣ призна́ки и гармати войсковые, що при Хмелницкомъ козацтва и тридцяти кóней не было. Итакъ ханъ пойшолъ у свою землю, зоставивши орды тилко тысячей двадцять при мурзахъ. И не дохо́дячи Константинова Старого, Хмелницкій, въ малой купѣ, отвернулъ къ Грицко́ву и на Любаръ, а тилко при нема усего козацтва зобралось зъ ордою отъ хана человѣка семдесятъ. Такъ-то нефортуна оному послужила зъ тимъ великого щастя, а найболше зашкодила татарская невычли́вость, который уходячи и самъ Хмелницкій Татаромъ не увѣрилъ. Итакъ идучи Хмелницкій городами отъ Любара, многихъ козаковъ заставалъ на залогахъ, а инихъ, которые до войска не дойшли и по городахъ зоставали за труднимъ проходомъ отъ Татаръ, также и тихъ, которіе въ тихъ городахъ меновались козаками. Усе тое му́сѣло уступовати на Украину за Хмелницкимъ, боячися пановъ своихъ и жолнѣрства. Итакъ тое усе ку́пилося до боку гетмана Хмелницкого, которій, прійшовши до Па́володи, знову почалъ войско збирати и изъ городовъ выгоняти оста́нцовъ приказалъ. А тое зась войско, зоста́лое подъ Берестечкомъ, презъ увесь постъ Петровицу сами безъ орды маючи щоденную потрéбу зъ войскомъ коронинимъ и видячи, же юже́ безъ орды о нихъ не посилку́ютъ, що и въ далшій часъ не мѣли би помочи, такъ юже́ не дба́ючи и приказанія старшихъ своихъ, знявшися, просто пойшли черезъ переправы Икву и Пляшову, зоставивши гарма́ты; на которыхъ переправахъ много козацтва погинуло. А такъ тое войско безъ та́буру увойшло на Украйну и, заставши Хмелницкого, при нему ску́пившися, стали та́боромъ подъ Бѣлою Церквою и по орду за́разъ послали. Войска зась коронніе зъ гетмани полнимъ и коронинимъ въ тропу за войскомъ козацкимъ потягнули на Украину и, прійшовши подъ Трилѣсся, мѣсто оное достали и ви́стинали. А войско зась литовское зъ князем Радивиломъ гетма́номъ своимъ, притягнувши подъ Лоевъ, мѣли потрéбу зъ козаками, которіе тамъ зоставали на заставахъ, немалое войско: полкъ Чернѣговскій и Нѣжинскій. Которіе зоставали безпéчне, болшей ба́вячися панствомъ, а нѣже́ли осторожностію, розумѣючи, же юже́ незвитя́жними зостали. Которихъ зоставала сторожа у самого Днѣпра, а войско задля пространности зоставали подъ Ропками. А когда дала сторожа знати, же войско литовское переправуется презъ Днѣпръ, старшій козацкій Небаба, полковникъ чернѣговскій, порвавшись несправне, скочилъ противно тому войску исправному. Которого заразъ тое войско литовское зломило и много козаковъ порубали, и того самого Небабу, неува́жного полковника, тамъ же стято. А остатокъ войска козацкого, зъ полковникомъ нѣжинскимъ, уступили до Чернѣгова. За которимъ князь

Радивилъ притягнулъ подъ Чернѣговъ, але, юже̂ тамъ нѣчого не вскура́вши, назадъ повернулъ на Любечъ и, прійшовши до Любеча зъ своими людми военными, городъ Любечъ осадилъ, и самъ, знову переправивши за Днѣпръ, потягнулъ на Кіевъ и, тамъ притягнувши на долное мѣсто, не малъ пустое засталъ, бо съ козаками и мѣщане кіевскіе уступили суднами у низъ Днѣпра къ Переяславлю, Черкасомъ и къ инымъ мѣстамъ коло Днѣпра, где могли пройти байдаками и иными суднами. А митрополита кіевскій Силвестръ Коссовъ не уступовалъ съ катерды, але́ зостава́лъ при церкви святой Софіи. Такъ же и архимандрита печерскій Іосифъ Тризна зъ братіею зоставали у монастыру Печерскомъ, любо великую шкоду. и небезпечность здоровя имѣли. И, поплюдрова́вши въ Кіевѣ, войско литовское потягнуло подъ Бѣлую Церковъ, где ску́пившись съ войскомъ коронньмъ, наступили на Хмелницкого гетма́на. Але однакъ гетма́нъ Хмелницкій собою не зво́нпилъ: далъ добрый бой обо́мъ тимъ войскамъ, коронному и литовскому, же оныхъ много пало и отъ козаковъ трудность великую и обиду мѣли, а ба́рзей о живность задля́ ко́ней. Итакъ зъ собою сто́ячи презъ недѣль двѣ, почали до зго́ды прихо́дити презъ воеводу кіевского Адама Киселя́, который на той зго́дѣ великую шко́ду понеслъ отъ Татаръ, бо оного пожако́вано. Итакъ на той згодѣ гетманове коронные вымогли тое на Хмелницкомъ, же позволивъ войску коронному въ Браславлю на зббже, а части другой войска стати на Заднѣпру въ полкахъ Нѣжинскомъ и Чернѣговскомъ и въ Вишневичѣ, а войску литовскому у Стародубовщинѣ. Итакъ тую зго́ду принявши, войска розійшлися. А що до инших пактовъ, на збаражскихъ пунктахъ стало. Тилко то новая, що войско стало въ тихъ городахъ, где козацтво. И Хмелницкій гетма́нъ при той згодѣ взявши заставу добрую пановъ значныхъ, былъ у войску коронномъ у гетмановъ коронныхъ и Литовского на бенке́тѣ презъ цѣлый день и повернулъ въ цѣлости. До того жъ и Любечъ зоставалъ зъ жолнѣрами въ обложе́нню отъ козаковъ, ажъ росказанія зайшло отъ гетмана Хмелницкого, жебы отступили отъ Любеча. Итакъ войска розійшлися по той згодѣ такъ коронные литовскіе, яко тежъ и козацкіе по домахъ по Успеніи Пресвятой Богородицы, и тоей же зимы, за тимъ позволеніемъ гетмана Хмелницкого, войска коронные росположилися: гетманъ коронный Калиновскій, который зоставъ по Потоцкому Миколаю, бо Потоцкій тоей же осени померъ, итакъ братъ Калиновскаго Калиновскій же на Заднѣпра притягнулъ зъ войсками коронными, за унѣверсаломъ гетмана Хмелницкого; которому Заднѣпра не сопротивлаючись въ городы пустило; и самъ сталъ Калиновскій въ Нѣжинѣ и тамъ зимовалъ, а войска, которые мѣлъ при себѣ немалые, росправилъ по разныхъ городахъ по Заднѣпрю и поза Десною. А литовское войско стало въ Стародубо́вщинѣ, якъ идеть граница князства Литовского. Козацтво засъ, зостаючое въ городахъ, волно сходило съ тихъ городовъ, кидаючи набытки свои у городѣ, къ Полтавѣ и тамъ слободы

поосажовали а иные на грунтахъ московскихъ слободы поосажовали, не хотячи съ жолнѣрами зоставати и стацей онымъ давати, бо несносную стацію брали. А тое козаки мѣли позволення, жебы входити зъ домовъ, отъ гетмана Хмелницкого. Которымъ не могли жолнѣрове заборонити, бо и зъ гарматами выходили зъ городовъ. Але напотомъ хто зостался, юже оного не пущено, и давати мусѣлъ стацію жолнѣрамъ. Що не могучи ся згодити, у Вишневеччинѣ въ Липовомъ учинили задоръ жолнѣре и тамъ на самое Воскресеніе людей вырубали у Миргородскомъ полку, итакъ зъ собою не згодилися. На що любо учинилъ инквизицію гетманъ Хмелницкій, але, видачи попудливость жолнѣрскую, инымъ промысломъ промышлялъ, бо на жаданне жолнѣрское полковника миргородского Гладкого казалъ стратити. Толко жъ тая причина болшая: же онъ ишолъ отъ Берестечка зъ войскомъ, Гладкій гетманомъ назывался, итакъ на оного причины Хмелницкій шукалъ, аже тая причина стала за заводъ зъ жолнѣрами, казалъ оного стратити, а тутъ заразъ послалъ до Хана въ Крымъ, жебы поспѣшалъ до оного на зношенія жолнѣрства, которее ся на его пріязнь убезпечилися.

РОКУ 1652.

Жолнѣрове юже убезпечили на пріязнь гетмана Хмельницкото и на терпливость, бо, стоячи на Украинѣ на зимовлѣ, великую крывду, албо бѣду, людемъ чинили, ведлугъ своего звычаю жолнѣрского, такъ въ обтяженю здырствомъ, яко тежъ и по части тихъ людей, що въ козацствѣ зоставали и о смерть приправовали. О чомъ такъ великіе скарги до гетмана Хмельницкого доходили со всѣхъ сторонъ. И видячи, же жолнѣре, що далѣй, горшими на людей становлятся, и вытягши хана зъ ордами и усему козацкому войску не знаймуючи, але тилко тіе полки, зостаючіе поблизу чигрина, зъ собою узявши, пойшолъ въ поля противно орды. А гетманъ Калиновскій, завзявши вѣдомость, же въ полахъ уже орда зостаетъ, войска свои, которые зоставали коло Днѣстра и коло Богу, скупилъ и сталъ за Ладижиномъ на Батозѣ, а до того войску далъ знати, которое зоставало въ Нѣжинѣ зъ братомъ оного и по инших городахъ заднѣпрскихъ, жебы якъ найскорѣй поспѣшали до обозу до боку его. Которые якъ найскорѣй рушили зъ Заднѣпра, немалые крывды чинили людемъ, простуючи на кіевскіе перевозы, и тамъ переправили Днѣпръ спокойно, бо въ Кіевѣ зоставалъ воевода кіевскій Адамъ Кисель, который зъ тими жъ жолнѣрами уступилъ совсѣмъ зъ Кіева, бо зъ жоною зоставалъ. Которому, подобно, далъ знати гетманъ Хмелницкій, жебы уступалъ, бо въ нимъ яко зъ благочестивымъ паномъ, мешкалъ згодне. Але тое войско, которое уступило зъ Заднѣпра, не поспѣшило до боку гетмана своего коронного въ обозѣ на Батогъ, бо Хмелницкій, знявшися зъ ханомъ въ полахъ, за которыми войско козацкое наздогонъ ишло, и просто потягнулъ къ войску коронному, на которыхъ на-

павши зъ ордою, обозу досталъ и тое войско знеслъ, и Калиновскому гетмановѣ тамъ же голову оттято, и до Хмелницкого Татаринъ принѣслъ. Зъ которого то войско зъ того обозу мало хто увойшолъ, бо, хочай хто былъ кони добрыми увойшолъ албо лѣсами, то по старому, покуля Татаре оныхъ нагнали, то люди оныхъ громили, не имѣючи надъ ними милости за ихъ тиранства и здырства. Итакъ тое войско разбивши, ханъ зъ Хмелницкимъ пустилисъ просто къ Камянцовѣ Подолскому, и що орда узяла была живого неволника жолнѣрства, усе приказалъ выстинати, жебы ся орда не обтягала.

Въ тому року знову по городахъ много пановъ пропало, которые на свои маетности понаѣздили были, бо знову оныхъ ихъ посполство позабывало, и козаки, що уступили были въ своихъ дворовъ, знову ся понаворочали. А гетманъ Хмельницкій, ставши подъ Камянцемъ Подолскимъ, много шкоды начинили, бо за Лвовомъ и по Волынню попустошивши и на полнивши ясыромъ Орду, повернулъ до чигирина и отпустилъ орду.

И того жъ року послалъ до Волохъ женити сына своего зъ дочкою господаря волоского Василія воеводы Лупика, который учинити мусѣлъ, боячися оного. И такъ тоей осени тое сталося веселля, и отдалъ дочку свою до Чигрина. Которое зъ великимъ коштомъ, такъ отъ господаря волоского, яко тежъ и людей, зостаючихъ, куда тое войско зъ веселлемъ ишло, отправлялося, бо не въ малѣ купи ишло, а люде своеволные.

Того жъ року барзо примерки великіе были въ Корсунѣ и по иныхъ городахъ въ тыхъ повѣтахъ, также и на Заднѣпрю, въ Переясловлю и въ пригородкахъ его, въ Носовцѣ, въ Прилуцѣ, опрочъ Нѣжина, много вымерло людей, же пусты зостали дворѣ.

Того жъ року въ осени чудъ немалый стался въ Конотопѣ мѣстѣ у замку, бо по отходѣ жолнѣрства, албо еще отъ першого року тоей войны, зостался былъ урядникъ Сосновскій зъ жоною, который мѣлъ и пятеро дѣтей своихъ, зъ жоною своею спложенныхъ, и мешкалъ въ томъ замку конотопскомъ до сего часу. Якъ Калиновского знесено на Батозѣ, заразъ и тутъ на Заднѣпру старостъ много позабиванно, где и того старосту въ томъ же замку конотопскомъ тая своеволя убила зъ жоною и зъ дѣтми, особъ четверо, и тамъ же въ томъ замку конотопскомъ въ колодязь всѣхъ вкидано. Которое то забойство сталося о святой Тройцы на томъ тижню. А тотъ колодязь былъ глыбокій, саженей коло десяти, ежели не болше. Итакъ тіе тѣла побитыхъ зоставали въ томъ колодязѣ въ водѣ ажъ до Воздвиженія Честнаго Креста, и въ той часъ незнать откуля узялася вода и тотъ колодязь выполнила и усѣ тіе тѣла на верхъ вынесла, и якъ оные зъ тоей води побрано, знову вода уступила на свое мѣсце внизъ въ колодязь при очахъ многихъ людей. А тіе тѣла въ цѣлости зоставали. Которые то тѣла жители конотопскіе, тамъ же неподалеку того жъ колодязя выкопавши яму, поховали.

Того жъ часу и року изъ Сивера, то есть изъ Стародубова, По-

чена, Мглина, Дрокова, жолнѣро зъ выгнало посполство самихъ тыхъ городовъ, много оныхъ погромивши.

РОКУ 1653.

Янъ Казимѣръ, король полскій, скупилъ войска коронные, якъ юже трава стала, и сталъ обозомъ подъ Камянцемъ Подолскимъ. О чомъ гетманъ Хмелницкій вывѣдавшися, послалъ до Крыму по орду, зъ которою и самъ ханъ выйшолъ. И гетманъ Хмельницкій, скупивши войско козацкое и поспôлу зъ ордами рушилъ противно короля, зоставивши часть войска подъ Чернѣговомъ, то есть полка: Нѣжинскій, Переяславскій и Чернѣговскій, противно войска литовского, которое зоставало обозомъ подъ Речицею, придавши козакамъ килко мурзъ орды Ивановѣ Золотаренковѣ, шуриновѣ своему, который полковникомъ нѣжинскимъ зоставалъ. А самъ Хмелницкій гетманъ зъ войсками козацкими и ордами потягнулъ противно короля, которого и засталъ подъ Камянцемъ Подолскимъ. И тамъ, маючи зъ собою утарчку, старался король полскій усѣма силами, жебы отъ Хмелницкого орду оторвати и пріязнь ихъ розорвати, що усе великими подарками и обѣщаннямъ дани давати, тилко дабы отступили отъ козаковъ. Аже тотъ непріятель радъ бы усѣхъ христіянъ въ нѣвецъ обернути, почалъ ся схиляти до згоды зъ королемъ и речью посполитою. Очемъ Хмелницкій постерегши, высылаетъ посла своего Григорія Гуляницкого до его царского величества къ Москвѣ, стараючись о пріязнь; а напотомъ, юже видячи непріязнь хана зъ ордами, отступаетъ отъ Камянца албо отъ Гусятина сторожне зъ войскомъ и пріишолъ въ цѣлости на Украину (А ханъ зъ ордами у свою землю пойшолъ) и выславъ своихъ пословъ къ его царскому величеству въ Москву, юже щире поддаючися.

....
.... *

И въ томъ же 1654 годѣ присланный бываетъ отъ его царского пресвѣтлого величества Алексѣя Михайловича, всея Россіи Самодержца, ближній бояринъ и дворецкій Василій Василіевичъ Бутурлинъ, изъ иными бояре и многими столниками и дворяны, великимъ посломъ до гетмана Хмельницкого по жаданню его и усего войска Запорожского, чиначи постанову, якъ маютъ зоставати подъ высокодержавною его царского величества рукою. Задля которыхъ великихъ его царского величества пословъ зложилъ гетманъ Хмелницкій зъѣздъ въ Переясловлю усѣмъ полковникамъ, сотникамъ и атаманню и самъ пріѣхалъ въ Переясловль на день Богоявленія Господня, и тамъ рада былъ, где усѣ полковники и сотники съ товариствомъ, при нихъ будучимъ, пов-

* Здѣсь пропущены мною, Н. К., переписка и договоры гетмана Богдана Хмельницкаго съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, ибо они вписаны лѣтописцемъ, вѣроятно, изъ гродскихъ книгъ и ничемъ не разнятся противъ помѣщенныхъ у Бантыша-Каменскаго, Маркевича и въ 3-мъ томѣ Собранія Государственныхъ граммать и договоровъ.

волилися составати подъ высокодержавною его царского величества рукою, не хотячи́ юже́ болшъ жаднымъ способомъ быти подданными королю полскому и давнимъ паномъ, а нѣ тежъ пріймати къ себѣ Татаръ; на чомъ на той-то радѣ и присягу вы́коналъ гетма́нъ Хмельницкій зо всѣми полковниками, сотниками и атаманию и усею старшиною воинскою, и узяли великое жалованне его царского величества соболями, и заразъ по усѣхъ полкахъ розослали столниковъ съ прида́ннямъ козаковъ, жебы такъ козаки, яко войты́ со всѣмъ посполствомъ, присягу вы́конали на вѣчное подданство его царскому величеству. Що по усей Украйнѣ уве́сь народъ зъ охотою тое учинилъ. А боя́ринъ и дворецкій Василій Василіевичъ Бутурлинъ повернулъ на Москву до его царского величества. И немалая радость межи народомъ стала.

ПОЧИНАЕТСЯ ВОЙНА ЕГО ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Того жъ 1654 году его царское величество, обвѣстивши чрезъ своихъ царского величества пословъ королевѣ полскому о своихъ кри́вдахъ и о наступленію на православную вѣру, уводячи римскую, а найба́рзѣй унѣею истинныхъ христіянъ, ознайму́етъ, же войною идетъ на короля полского, самъ своею персоною царскою рушаетъ зъ столицы зъ многими войсками, просту́ючи подъ Смоленскъ, а боярина Василія Васильевича Бутурлина зъ многими войсками высылаетъ до гетма́на Хмельницкого. А гетманъ Хмелницкій высылаетъ своего войска полкъ Нѣжинскій, Чернѣговскій, при которыхъ и охочихъ много козаковъ и иныхъ полковъ пошло не мало, съ которыхъ осмъ полковъ стало. Ивану Золоторенковѣ нака́зное гетма́нство вручилъ давши ему булаву и бунчукъ, и арматъ зъ собою узялъ немало. Который просто пошолъ на Го́мель и, тамъ заставши жолнѣ́ровъ литовскихъ немалую купу, Гомель осадилъ, подъ которымъ немалый часъ стоялъ, не могучи́ оныхъ узяти. А его царское величество просто подъ Смоленскъ подступилъ и тамъ оного доставалъ разными способами, где и козаковъ прийшло немало зъ братомъ Золотаре́нковымъ до его царского величества подъ Смоленскъ, где собѣ отважне починали въ приступахъ ажъ на верху му́рахъ смоленскихъ по лѣствицахъ были; аже́ оныхъ Нѣмцы вспирали, але многіе, и въ городъ упавши, погинули. Що видачи его царское величество ихъ отвагу, барзо ихъ улюбилъ. Жолнѣре зась зъ воеводою смоленскимъ Глѣбовичемъ, видячи такъ великіе силы его царского величества и нало́гу щоденную и ноцную, звоо́нпивши собою, просили его царского величества о милосердя, жебы зоставали при здоровю; що и одержали. Итакъ поддали городъ Смоленскъ поклонившися, и въ цѣлости отпущены въ Литву. А его царское величество своими воеводами и ратными людми осадилъ Смоленско и, изъ костеловъ церкви посвятивши, и му́ры посвя́щенны, по которыхъ самъ его царское величество ходилъ при томъ посвященню. И отголь по-

слалъ его царское величество подъ Вите́пско и По́лоцко и тые городы повыймали люде ратные его царского величества ажъ по самую границю курляндскую, и южъ другій зоставалъ воевода. Также того жъ времени Дубровную, Оршу, Шкловъ, Копысь повыйма́но, и Могилевъ подался его царскому величеству, и тамъ воевода зоставалъ и *Поклонскій*[55] полковникъ; и инные многіе городы литовскіе Бѣлая Русь; съ чего и титулъ сталъ: *и Бѣлыя Россіи.* А Золотаре́нко, Гомель державши въ обложенню немало, що видячи жолнѣрове, же юже́ трудно уседѣтися, здали городъ Золотаре́нковѣ, который осадивши своими людми, потягнувъ подъ Быховъ, городы приворочаючи собѣ. Що усе привернулось и поддалось, опрочъ тилко самъ Старый Быховъ не поддался и держался. А Золотаренко, ставши въ Новомъ Быховѣ, былъ самъ съ козаками своими не въ малой купѣ у его царского величества въ Смоленску. Аже осѣнь наступала, его царское величество повернулъ до Вязмы и тамъ зѣмовалъ: а на Москвѣ моръ великій былъ. А козаки зъ Золотаренкомъ зѣмовали у Быхову Новомъ. А у Старый Быховъ притягнулъ Князь Радивилъ, гетманъ литовскій, и ходилъ доставати Могилева, и ничего не вскуравши, отойшолъ и повернулъ подъ Новый Быховъ доставати Золотаренка зъ козаками, и тамъ ничо́го не вскуравши, зъ великою шко́дою отойшолъ и, осадивши Быховъ Старый накре́пко людми военными, повернулъ у Литву. А гетманъ Хмелницкій стоялъ зъ войсками своими и его царского величества подъ Фастовомъ. И отъ его царского величества присы́лано козакамъ жалованя копѣйки золотые, вагбю у полталяра. Того жъ часу и мѣдяные копѣйки повстали, которые розною цѣною ишли зъ срѣбными. А таляръ битый подъ печатю царскою былъ, въ цѣнѣ золотыхъ шести хоживалъ.

Того жъ року солнце барзо мѣнилося въ Спасовки въ се́реду пе́ршой недѣли.

Того жъ року Шведъ на Полшу повсталъ и многіе городы побралъ, а король полскій уступилъ съ Полши въ Цесарскую землю.

ВЪ НАЧАЛѢ 1655 РОКУ.

Гетма́нове коронные, по уступленію на зиму короля шведского, послали въ Крымъ и переедна́ли хана зъ ордою, жебы онымъ на помощъ выйшли зносити Украйну, а звла́ща зимою. Що орда зъ охотою учинила, и вытягла поту́га великая. Также всѣ войска коронные ску́пившися, просто рушили отъ Камянца Подолского на Украйну. О чомъ и Хмелницкій увѣдомившись, полки казацкіе ску́пилъ и постановилъ по городахъ отъ Уманѣ, а самъ зъ инными полками и войсками его царского величества, надъ которыми старшій былъ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, зъ немалымъ войскомъ сталъ у Ставищахъ. Аже почулъ, же жолнѣрове зъ ордою зближаются, рушилъ зъ Ставищъ къ Уманѣ и тамъ за Пятиго́рами на Дрижипо́лю въ поляхъ споткались зъ ордою и тыми войсками коронными, и стала война ве-

ликая. Войско козацкое въ купу не зійшлося и орда не допустила скупитися, осадивши гетмана Хмелницкого въ поляхъ, и такъ наступовало жолнѣрство на Хмелницкого, же трупомъ жолнѣрскимъ козаки втаборились, бо нетилко въ день, але у ночѣ бились у рукопашъ; аже въ таборъ козацкій и московскій драгунія уломилась была, которыхъ не такъ стрѣлбою, якъ оглоблями зъ саней били и многихъ побили, зъ которыхъ мало хто увойшолъ. Що видячи Хмелницкій, же такъ великая налога презъ дней три, казалъ табору рушати и просто на обозъ коронный ити, роспорадивши гарматы и пѣхоту. Що видячи жолнѣрове, мусѣли уступовати назадъ, также и орда, бо много Татаръ пропало. За которыми гетманъ Хмелницкій зъ войсками ишолъ; а войска коронные уступили за Богъ, а иншые въ Полщу повернули, и усѣ войска коронные коло Подгоря держались, бо заразъ на весну того жъ року его царское величество зъ великими потугами зъ Вязми выйшовши, и просто къ Вилню войною ишолъ, и усю Литву звоевалъ, и Вилню взялъ и усѣ городы, опрочъ Слуцка и Быхова. Тамъ же и козаки были при его царскомъ величеству, зостаючіе зъ Золотаренкомъ, и барзо здобычъ великую узяли. А гетманъ Хмелницкій, зъ войсками своими и его царского величества силами, подъ Львовъ ходилъ и, облегши Львовъ, разные городы побралъ и Люблинъ узялъ, и опустошилъ тоей землѣ не мало, бо не могли силы жолнѣрскіе опертися, же и короля не мѣли у земли, а иншые войска Шведовѣ поподдавалися. Навѣтъ и самъ гетманъ Радивилъ, будучи выгнанный зъ Вилня, поддался шведскому королевѣ зъ гетманемъ литовскимъ и усѣмъ войскомъ. А у Вилню зоставалъ воевода, и по инныхъ городахъ, такъ великихъ, яко и малыхъ, зоставали воеводове его царского величества, а звлаща по столѣчныхъ, где воевода, яко то Вилня, Полоцко, Витепско, Минско, то бояре зоставали. Итакъ того року усю Литву звоевано, и его царское величество повернулся на зиму знову до Вязми со всѣми силами. А Иванъ Золотаренко, повернувши отъ его царского величества зъ Литвы, подійшолъ въ войсками козацкими подъ Быховъ Старый и тамъ оный въ обложеню держалъ, где на коню, подъ часъ потребы, оного на герцу постреленo у ногу зъ мушкета, отъ которой ноги и померъ подъ Быховымъ. И тамъ по смерти его якъ тѣло проважено до Нѣжина, въ скоромъ часѣ забунтовалося козацство, на своихъ старшинъ чернь повставала была, хотячи старшину побити; але старшина скупившися, многихъ съ чернѣ выстинали, бо чернь, напавши на возы купецкіе зъ горѣлками, оныхъ рабуючи, позапивалися, на которыхъ напавши старшина, выстинали; а приводцовъ повѣшали. Итакъ юже не могучи за непослушенствомъ болше держати Быхова въ обложеню и оный узяти не могучи, отступили назадъ на Украину, зоставивши тамъ полковника Нечая зъ войскомъ, которые тамъ и коло тамошнего повѣту Могилевскаго и коло иныхъ городовъ, ажъ по самый Гомель, стояли, бо тилко Быховъ Ляхамъ голдовалъ.

О томъ зась тѣлѣ албо трупѣ того Ивана Золотаренка взмѣнку

положу, що ся стало на погребѣ оного, напишу, бо и самъ тамъ былъ и набралемся страху немалого, бо тое тѣло зоставало презъ увесь постъ Филиповъ въ Нѣжинѣ въ церквѣ и на остатнемъ тыжню попроважено оное до Корсуна, где предъ свѧти припровадивши, поставили въ церкви святого Николая за мѣстомъ, не ховаючи, але межи свѧти съ тріумфомъ хотячи оное проводити оттоля въ городъ до церкви Рождества Христова, збудованного отъ того жъ Золотаренка; и тамъ въ самый денъ Рождества Христова въ святой церкви Святого Николая, где тое тѣло лежало на катафалку прибранномъ, священники нѣжинскіе съ протопопою своимъ Максимомъ и игуменомъ и діаконами двома, усѣхъ десять персонъ, зоставивши храмъ Рождества Христова такъ хвалебный и пошли соборомъ отправовати службу Божію до св. Николая, где тое тѣло лежало; и дивовиско, а не такъ задля набоженства множество народа зобралося и, по иншихъ церквахъ выслушавши набоженство, въ тую церковъ натислося. А церковъ великая была забиванная, а тилко одни двери мѣла. А служба Божія забавна зъ музыкою спѣвана отправовалося. Где юже окончивши божественную службу, якъ юже *Буди имя Боже Господне* спѣвано, игуменъ нѣжинскій Діонисій, хотячи ити давати дару, ведлугъ звычаю черночого хотячи узяти на голову подкапокъ, который зоставалъ у скарбницѣ, альбо коморцѣ, которая была прибудована у олтарѣ на правомъ боцѣ, маючи собѣ и склепленя зъ олтара. Итакъ отчинивши двери, обачитъ, же стѣна загорѣлась, и заразъ ставши на царскихъ вратахъ, священникъ тоя же церкви крикнетъ на народъ: „Про Бгъ, церковъ горить." Итакъ тотъ народъ потиснулся до дверей и двери затлумили, же нѣхто не моглъ самъ выйти изъ церкви, ажъ каждого вытягали. А тая скарбниця загорѣлась съ неосторожности вытрикуша, же тамъ свѣчи клалъ на полицѣ, не загасивши добре, и съ того занялося, бо я самъ на тое смотрѣлъ въ той скарбницѣ, якъ еще огонь не разширилея былъ, але знать, же особливый гнѣвъ Божій былъ, же въ скоромъ часѣ отъ такъ малой рѣчи уся церковъ занялася, у единомъ квадрансѣ згорѣла, же людъ не моглъ выйти, але згорѣло людей живыхъ 430 въ наддачею. Въ той церкви и священниковъ два брата рожоныхъ згорѣло во всѣхъ аппаратахъ, какъ служили, которые аппарата коштовали на килька тысячей. Итакъ вмѣсто радостного праздника, мало хто знайшолся въ томъ мѣстѣ, жебы не плакалъ своихъ пріятелей, такъ въ скоромъ часѣ срогою смертію погибшихъ: хто отца, матки, сына, брата, сестеръ, дочки. Хто можетъ выповѣсти такій жаль, якъ тамъ стался за малый часъ, же усе мѣсто смертелностного трупу паленого? [34] И якъ тотъ огонь погасъ, тотъ трупъ недогорѣлый Ивана Золотаренка братъ его узялъ въ дворъ свой, и знову въ новую домовину вложилъ и ведлугъ своего уподобанна отправовалъ погребъ, зробивши катафалкъ у Рождества Христова, але и тамъ подвокротше загорувался, поколя скончили тотъ погребъ. [35]

РОКУ 1656.

Государь Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ его царское величество потрете выйшолъ на на войну противно Шведа, и того часу Шведъ уступилъ за море у свою землю, а Магнусь Графъ, т. е. великій гетманъ шведскій, стоялъ зъ войсками въ розѣ, и его царское величество на Полоцко потягнулъ зъ войсками, а тяжары военные рѣкою Двиною проважено,[36] ....

Того жъ года у Вильню комисія отправовалась съ Ляхами, на которую и посторонних монарховъ и цесарскіе медіаторове были, и козацкіе послове отъ Хмелницкого тамъ же были, але згоды не стало, и такъ надарѐмнѣ тая комисія отправовалася. А Гетманъ Хмелницкій зоставалъ зъ войсками на Украинѣ, бо не мѣлъ нѣ отъ кого наступовання, а до того уже и самъ неспособного здоровя былъ. Тылко тое войско зостаючое къ Богу и ко Днѣпру ходило зъ сыномъ Хмелницкого Тимошемъ на помочъ господаревѣ волоскому, тестевѣ его Василевѣ Липулу, который зъ мултянскимъ господаремъ завоевался. И тамъ Тимоша убито, и войско тое зъ ущербомъ назадъ повернуло и припровадили зъ собою тѣло Тимошево, а господаря волоского Василя Лупула взято до Цариграда, и тамъ зоставалъ у визѐню въ едикулѣ и померъ тамо.

РОКУ 1657.

Гетманъ Хмелницкій, зносячися зъ Ракочимъ, королемъ венгерскимъ, и королемъ шведскимъ, але хотячи того, жебы король венгерскій опановалъ корону польскую и королемъ зоставалъ, который выйшолъ зъ своей земли зъ войсками, также и Шведъ зъ войсками своими на початку того року, до которыхъ и Гетманъ Хмелницкій выслалъ отъ боку своего Антона Чигиринского, придавши ему со всѣхъ полковъ людей голѣйшихъ по килка сотъ, албо иншихъ и тысяча ишло охочихъ. И такъ потягши Подгорямъ за Самборомъ и тамъ учинилися зъ войсками венгерскими, а напотомъ и зъ шведскими, и пустошили Полщу ажъ по самые Пруси, ибо и Варшаву узяли были. Барзо тогда великое спустошеніе стало Полщи, бо, начавши отъ зимы, немалъ цѣлое лѣто тамъ пустошили. Що видячи король полскій, любо зостаючи за границею зъ сенаторами, прикладали старанння, якъ бы тому запобѣгнути, жебы до остатку не згубили своей землѣ, послали до Крыму, хана просячи о помочѣ, который, онымъ пріобѣщавши, посылаетъ солтановъ зъ ордами Волоскою землею. А тутъ зась король полскій зъ сенаторами, где чуючи о войскахъ своихъ, дали знати, жебы ся до одного горнули. И тамъ жолнѣрове, любо которые и при Шведу юже зоставали, и при королю венгерскому, и на цесарской границѣ, усе тое до купы згорнулося до своего короля. О чомъ постерегши Шведъ, уступилъ въ Пруси, а Козаки, обтяжившеся добычею, назадъ уступовали, при которыхъ и король венгерскій держался, бо юже отъ Погуря орды зайшли. Итакъ орда, случившися зъ войскомъ коронным, осадили подъ Межибогомъ короля венгер-

ского и достали оного и узяли Ляхи до себе. А Козаки увойшли на Украину, задля которыхъ посылку, почувши гетманъ Хмелницкій, же орда выйшла, будучи самъ хорымъ, послалъ сына своего Юрія со всѣми войсками, где ся скупили на Ташлыку, а напотомъ збунтовавшися, назадъ уступили, не слухаючи полковниковъ своихъ. А такъ Рокочого войско згинуло, а Хмелниче́нко повернулъ къ Чигирину. Барзо хорымъ самъ Хмелницкій былъ, где юже съ тоей посте́лѣ албо хоробы не всталъ, але въ скоромъ часѣ померъ, о Успеніи Пресвятыя Богородицы, а похороненъ былъ предъ святымъ Семіономъ въ недѣлю; где множество народа, а найболше людей войсковыхъ, было, и прова́жено тѣло его зъ Чигирина до Суботова, и тамъ погребено въ рынковой церкви.

По похоронѣ старо́го Хмельницкого, любо тое еще за живота стары́й Хмельницкій назначилъ гетманомъ сына своего Юрія, але еднакъ несчастливая заздрость албо лживость уряду тое правила, же зъ старшинъ не одинъ того себѣ зичилъ уряду, а не могучи явне въ тимъ открытися и того явне доказовати, тое умыслили и намовили, яко молодою лѣта Хмелницкого, жебы отъ того уряду отмовлялся, здаючи оный. Итакъ будто учинивши раду, часть Козаковъ зобравши въ дворъ Хмелницкою, а найболше тихъ людей превратныхъ, а тимъ зычли́выхъ, которыхъ тотъ урядъ гетманства зы́чили, а въ остатку дворъ замкнули, непущаючи никого. Где Юрій Хмелниче́нко, выйшовши зъ свѣтлици у тую раду, учинилъ подякованне. отъ родича своего за урядъ гетманства и поклонился усему войску и положилъ булаву и бунчукъ въ той радѣ, и поклонившися, отойшолъ въ свѣтлицю. А Выговскій писаръ за писа́рство подякова́нне чинилъ, а обозный Носачъ Корсунскій за урядъ обозництва. И тая булава часъ немалый лежала въ той радѣ. Кожному бы ся хотѣло узяти тотъ урядъ, але не позволяетъ войско. Но тако по килка кротъ презъ асауловъ войска, на чомъ бы ихъ воля была, жебы зоставалъ натомъ урядѣ гетманства, але усѣ одними голосами кричатъ, жебы сынъ Хмелницкого гетманомъ зоставалъ. А звлаща зъ посполитыхъ козаковъ тые голосы призываютъ молодого Хмелницкого и просятъ оного, жебы тотъ урядъ справовалъ на мѣстцу отческомъ, который отмовляляся молодостію лѣтъ своихъ и фрасункомъ родича своего, а до того придаючи, же еще оному до такъ великого уряду лѣта не позволяютъ, не маючи такого довцѣпу войско справовати и жебы Украина зоставати мѣла въ тихости, даютъ оному на тое раду войско посполитое, жебы онъ тотъ урядъ гетманскій держалъ, жебы тая справа была, же Хмелницкій гетманомъ, а справци войска и порадци тыежъ, що и при небожчику Хмелницкому старому зоставали, т. е. Выговскій писаръ и Носачъ обозный и Григорій Лесницкій судіею, и тые жебы уже справовали яко оный Хмелницкій передъ смертію въ опеку того сына своего нодалъ. Але они, того уряду собѣ желаючи, отражали молодому Хмелницкому жебы не брался за тотъ урядъ, що усиловне отпрошивался, але козацтво

не хотѣло оного отъ уряду того уволнити, памятуючи на зычливость отцевскую. Итакъ упросили молодого Хмелницкого, жебы при нему зоставали булава и бунчукъ, а якъ у войско выходити, жебы зъ рукъ и двора Юрія Хмелницкого отбиралъ Выговскій, а пріишовши зъ войска, знову тое отдавалъ до рукъ Хмелницкого; на що любо ся вымовлялъ Выговскій усты, але сердцемъ шукалъ того способу, якъ бы тое цѣлкомъ опановати, и просилъ войска, жебы тое до третяго дня, т. е. до середы отложено, на що войско позволило. А гды пришолъ тотъ день середа, знову козаковъ раду и знову въ тотъ же дворъ Хмелницкого зобралося козацтво, полковники и сотники, и що могло увойти чернѣ, знову тое гетманство трактовати; але яко перве сотники зъ чернью постановили, на томъ постановили, на томъ и стали, жебы зоставали знаки войсковые при Хмельницкомъ молодомъ и жебы зъ своихъ рукъ Выговскому давалъ, якъ у войско выходити маетъ; а зъ войска якъ повернетъ, жебы знову отдавалъ до рукъ Хмелницкого. Але предся фортель лядскій а лацѣни превротного найшла дѣру, которою бы мѣла влѣзти въ тотъ урядъ гетманства и опановати, и далъ такую рацію полковникамъ и всему войску, на той радѣ зостаючимъ, яко бы покору свою показуючи Выговскій козакомъ, проситъ о позволеніи усего войска, якъ оному на листахъ свой титулъ писати при тихъ клейнотахъ, поневажъ Хмелницкій въ дому зоставати будетъ, то оного трудно на листахъ и универсалахъ, выданныхъ зъ войска, подписовати, апритомъ письмѣ якъ ся подписовати при печати войсковой. Але юже оного совѣтники вынайшли тотъ способъ, дали такую рацію народу посполитому, жебы позволили оному писатися тимъ способомъ: *Иванъ Выговскій на тотъ часъ гетманъ войска Запорожского*; а чернь, яко простые люде, позволилися оному такъ писати. Итакъ рада скончалася, а Выговскій почалъ промышляти о козакахъ: первое, жебы тихъ, которыхъ быть разумѣлъ не зычливыхъ собѣ, вытратити; другое, жебы оторватися отъ царского величества и учинити згоду съ королемъ полскимъ, бо того жъ часу при похоронѣ Хмелницкого старого былъ посломъ Бѣневскій, еще въ тотъ часъ уряду на собѣ не маючи, которого за малою рѣчу козаки не убили, и заразъ тому Бѣневскому усю зычливость свою открылъ Выговскій, и якимъ способомъ мѣетъ оторватися отъ царского величества, а знову згоду брати зъ королемъ полскимъ, и чого жадаетъ отъ короля и речи посполитой. Не много тая постанова Выговского зъ Хмелницкимъ тривала; запомнѣлъ того скоро Выговскій, же старый Хмелницкій зъ неволѣ оного отъ Татаръ вызволивши, такимъ паномъ учинилъ, а не тилко его самого, але и усѣхъ покревныхъ его збогатилъ; бо тіе признаки разъ узявши у молодого Хмелницкого, т. е. булаву и бунчукъ, юже оному не отдалъ, але при собѣ задержалъ и почалъ драгунѣю збирати, также корогвы полскіе збирати, затягати. Що видачи Пушкаръ, полковникъ полтавскій, заразъ почалъ отказовати; але Выговскій, почавшися писати гетманомъ запорожскимъ, высылаетъ полкъ Нѣжинскій и Стародубовскій у по-

вѣтъ Полтавскій на залогу, яко бы тое ускромляючи. Где по усей Полтавѣ тое козацство стояло часъ немалый, а далѣй збунтовавшися, назадъ вернулися. А гетманъ Выговскій на ускромлення Пушкара послалъ соби корогвы затяговые. Итакъ якъ прійшли подъ Полтаву, то выйшовши Пушкаръ и тіе корогвы затяговые погромилъ, розогналъ, и отъ того часу сталъ задоръ съ Пушкаремъ. И Пушкаръ, держачи зъ Запорожемъ, посылаетъ до его царского величества, даючи знати, же Выговскій самъ собѣ гетманство привлащаетъ и хощетъ оторватися отъ его царского величества, а зъ королемъ полскимъ и зъ ханомъ крымскимъ згоду беретъ. Посылаетъ его царское величество боярина и оружничого Богдана Матвѣевича Хитрого до войска Запорожскаго, жебы при нему войско гетмана себѣ выбрали и жебы гетманъ присягу выконалъ на подданство его царскому величеству, и жебы той запалъ межи войску ускромилъ, але едностайне жебы собѣ гетмана выбрали и тому повиновалися, якъ и старо́му Хмелницкому. Которая рада въ Переяславлю была; тилко на оную полковники зъ сотниками и зъ иншою старшиною зъѣхалися, опрочъ чернѣ, и Выговскій боярина такъ словами лестивыми, яко и подарками, уконтентовавши, до того навернулъ, же оному гетманство подтвердилъ въ въ Переяславлю, любо на тое войско и не позволяло, бо полковникъ полтавскій Пушкаръ жадною мѣрою на тое позволити не хотѣлъ со всѣмъ своимъ полкомъ и, скупивши, полкъ ишолъ до Переяславля, жебы раду тую разорвати, але почувши, же юже гетманомъ бояринъ Выговскаго учинилъ, подъ Лубнями сталъ, до котораго и бояринъ, повернувши зъ Переяславля, у войско пріѣхалъ и оному поблажилъ и особливыи подарунки отъ его царского величества отдалъ. Итакъ Пушкаръ, повернувши до Полтавы, не захотѣлъ послушнымъ быти гетману Выговскому и Запорожцовъ, отлучивши отъ гетмана Выговского, до себе привернулъ. Що видячи гетманъ Выговскій, же войско не усе его гетманомъ любитъ, потаемне чрезъ своихъ посланцовъ зъ королемъ полскимъ згоду починаетъ, также въ крымъ до хана пословъ своихъ о згодѣ высылаетъ, до того Орда зъ охотою й пристала.

РОКУ 1658.

Заразъ по Воскресенія Христовомъ, на святого Георгія, зъ Крыму выйшолъ Карамбей зъ ордами, въ сороку тысячей, подъ Чигиринъ и тамъ зъѣхавшися у рѣчки, званой Арилій, два ихъ, Карамбей зъ Выговскимъ, на особномъ мѣсцу, на конехъ сидячи, мали розмову изъ собою годинъ на двѣ дзигаровыхъ и тамъ зъ собою, потаемне отъ усѣхъ полковниковъ, постановили противко кого мали тую войну поднести; а напотомъ гетманъ Выговскій до намету своего Карамбея зъ мурзами упросилъ, и тамъ зо всѣми полковниками и иннюю старшиною учинили згоду зъ Ордою, где самъ гетманъ Выговскій, обозный, су́ддѣ, полковники зо всею старшиною и козаками, при нихъ будучими, присягу выконали на братерство, и тамъ собою банкетъ

учинивши зъ гарматъ били. Того жъ дня Карамбей повернулъ на кочовиско до Орды на Цыбульникъ, зъ которымъ гетманъ послалъ Романа Ракушку и Левка́ Буту, сотниковъ нѣжинскихъ, при которыхъ Карамбей и мурзы со всею ордою присягу выконали на братерство. И заразъ гетманъ послалъ до его царского величества, даючи знати о той згодѣ зъ Ордою, жебы яко противъ Ляховъ оныхъ затягаетъ и на ускромленне Пушкара, которому Его царское величество довѣрилъ, бо и полковники не знали о томъ ежебы онъ мѣлъ отъ его царского величества оторватися.

И того жъ року, заразъ о святомъ Николаи, гетманъ Выговскій зъ ордами и зъ полками козацкими подъ Полтаву наступилъ. А Гуляницкій зъ полками Прилуцкимъ и Чернѣговскимъ, идучи за гетманомъ, перше въ Лубняхъ Пушкаровцовъ, которые ся были зачинили, штурмомъ узялъ, а напотомъ Гадячое облегъ. Того жъ часу и подъ Глуховомъ накилка сотъ Пушкарцовъ выстинали. А гетманъ Выговскій, прійшовшы подъ Полтаву, сталъ неоподаль, докучаючи Полтавцамъ. Где Пушкаръ, не чекаючи приступу Выговского, тысячей двадцяти албо и больше зъ Запорожцами, выйшовши изъ города, на святую Тройцу рано, ударилъ на таборъ уломившися, юже и гарматы опановалъ былъ; але гетманъ Выговскій, на коня впавши, до Орды прибѣгъ и знайшовши Орду въ готовности, заразъ зъ Ордою далъ своимъ помочи, же ихъ зъ табору выбили и, не допустивши до мѣста Полтавы, всѣхъ выстинали и самого Пушкара стяли, же мало кто зъ того войска живымъ выйшолъ, и Полтаву до щенту Выговскій спустошилъ. Того жъ дня и Гадяче Гуляницкій узялъ.

Того жъ лѣта подъ осень князь Ромодановскій съ Бѣлагорода зъ войсками великими, такъ московскими, яко и Козацкими, выйшолъ на Украину къ Пирятину, съ которымъ и Запорожцы и полки Полтавскій, Миргородскій и Лубенскій были. А напротивъ его выйшолъ Гуляницкій съ полками Чернѣговскимъ и Прилуцкимъ, и дали между собою бой подъ Пирятиномъ. Итакъ мусѣлъ Гуляницкій оборонною рукою уходити, которого у Варвѣ бояринъ князь Ромодановскій держалъ въ обложенню недѣль шесть, ажъ Выговскій гетманъ зъ ордами далъ оному отсѣчъ.

Бояринъ князь Ромодановскій сталъ зъ войсками на зиму у Лохвицѣ. Того жъ лѣта Выговского братъ Данило зъ полками козацкими сталъ подъ Кіевомъ на Щекавци, хотячи Кіева доставати; але бояринъ Шереметевъ тое его войско розогналъ.

Того жъ року гетманъ Выговскій взялъ згоду зъ войскомъ коронным, где и жолнѣровъ на килка тысячей на зиму прійшло, зъ которыми гетманъ Выговскій ходилъ подъ Лохвицю и изъ ордами доставати князя боярина Ромодановскаго, але тамъ нѣчого не вскуравши, подступилъ подъ Зѣнковъ, зъ которымъ много козацтва украинского было, и тамъ стоячи, много городовъ украинскихъ попустошили и, Зѣнкова не

взявши, отступилъ до Чигирина, а жолнѣрство корогвами по городахъ украинскихъ поставилъ, которые, ведлугъ своего звычаю, стацію брали; а черезъ послы свои козацкіе, т. е. Павла Тетеру и Грушу, о згодѣ трактовали.

РОКУ 1659.

Бояринъ князь Трубецкій отъ его царского величества зъ войсками великими присланъ къ Путивлю, до которого и князь Ромодановскій зо всѣми полками бѣлогородскими, князь Пожарскій и иныхъ много зъ войсками великими скупились въ Путивлю, противъ которыхъ Гуляницкій зъ полкомъ Нѣжинскимъ и Чернѣговскимъ пошолъ и, тамъ споткавшися за Конотопомъ, давши зъ собою бой, и Гуляницкій, не додержавши, въ городъ Конотопъ вступилъ, которого бояринъ Трубецкій зъ великими войсками, которыхъ было болше ста тысячей, облегши Гуляницкого въ Конотопѣ, отъ Проводной недѣлѣ ажъ до святого Петра держалъ въ обложенню недѣль зъ дванадцять, розными способами достаючи, такъ приступами частыми, яко подкопами и гранатами великими промыслъ чинячи, а наостатокъ, хотячи коло города ровъ засыпати, валъ передъ собою войско гнало, у ровъ землю сыпачи; але тую землю обложенцы вылазками въ городъ Конотопъ носили и съ того себѣ валъ приболшовали; въ которыхъ-то приступахъ бояринъ князь Трубецкій много людей потратилъ. Того жъ часу князь Ромодановскій мѣлъ потребу съ полками козацкими подъ Борзною, где козаки не додержавши, мимо городъ утекли къ Нѣжину, а князь зъ войскомъ Борзны досталъ, однихъ порубали а другихъ въ полонъ выбрали и мѣсто спалили. Того жъ часу, маія 8 дня князь Ромодановскій съ войсками великими подъ Нѣжинъ приходилъ, съ которымъ войско козацкое, маючи зъ собою Татаръ тысячей дванадцять при зятю ханскомъ Мамсиръ-мурзѣ, дали бой въ полю, але не додержавши, козаки вступили въ городъ за гетманомъ наказнымъ, а орда оборонною рукою въ поле на Лосиновку вступила, за которыми князь ишолъ, але ничого не вскуравши, назадъ вернулся подъ Конотопъ. Того жъ часу гетманъ Выговскій, скупивши всѣ полки козацкіе и маючи присобѣ Нурадинъ султана, притягъ зъ войсками на Крупичполе, где и ханъ зъ великими потугами войскъ Орды прибылъ до него, юня 24 дня; и тамъ гетманъ Выговскій зо всею старшиною, а полковники и сотники зо всею чернью, присягали хану крымскому на томъ, жебы его не отступать; тамъ же и ханъ зъ салтанами и усѣми мурзами присягалъ козакомъ, жебы ихъ не отступати въ той войнѣ, якъ ударится зъ войскомъ московскимъ. Итакъ тіи трактаты скончивши, просто подъ Конотопъ потягнули и заразъ зъ подъ Тиницѣ подъѣздъ добрый выправили, где прійшовши на переправу въ селѣ Сосновцѣ, не малъ презъ цѣлый день мѣли потребу, где языка взяли, а людъ Московскій не досталъ языка, и на той переправѣ, въ мили доброй отъ Конотопу, заставу отправовали и тамъ того дня розійшлися. На другій же день засъ, юля 28 дня, въ середу рано,

гетманъ Выговскій, войско вшиковавши козацкое и полскіе корогвы, просто на Сосновку рушилъ, а ханъ зъ Ордами на Пустую Торговицу рушилъ зъ людомъ перебраннымъ до бою. И тамъ прійшовши гетманъ Выговскій до Сосновки къ переправѣ, засталъ великіе войска его царскаго величества, съ которыми былъ околничій князь Григорій Ромодановскій и князь Пожарскій и инныхъ много началныхъ людей конныхъ и пѣшихъ, и на килка годинъ у той переправи велми бой былъ, але ханъ зъ ордами, съ тылу отъ Конотопу ударивши, оныхъ зламалъ, где за одинъ часъ болей нѣжъ на двадцать тысячей албо на тридцять люду его царского величества полегло. А князь Ромодановскій зъ того бою здорово увойшолъ, а князя Пожарского живо поймано, которого ханъ стративъ того жъ часу, скоро приведено, для того, же хану домовлялъ.

Того жъ року іюля 29 дня и Гуляницкій зъ войскомъ въ Конотопѣ зосталъ волнымъ отъ обложення, которыхъ толко было полтретѣ тысячи. А князь Трубецкій, видячи, же на войско трудно отъ Орды, таборъ справивши и войско вшиковавши, третого дня рушилъ съ подъ Конотопу и такъ оборонною рукою ажъ до Путивля прійшолъ юже безъ шкоды. А гетманъ Выговскій зъ войскомъ зъ Ордами, отъ Путивля отступивши, подъ Гадяче потягнулъ и, тамъ ставши, Орду съ козаками выслалъ въ землю московскую задля добычи и нжбы пустошили, и тамъ же подъ Гадячемъ докончилъ згоды зъ королемъ полскимъ, на томъ постановивши, же самъ воеводою кіевскимъ былъ, а съ каждого полку козаковъ по килка сотъ до шляхетства мѣли быть приняти; также шляхта вся и козаки трохъ воеводствъ: Кіевского, Чернѣговского, Брацлавского, въ Кіевѣ усѣ суды и справы имѣли отправовати, не ѣздячи до Люблина, а нѣ тежъ до Варшавы на сеймъ; що и привилеями южъ истверженo было. Тогда жъ гетманъ Выговскій, тамъ стоячи, городы и тіе, съ которыхъ козаки были при войску Московскомъ, якъ то: Роменъ, Миргородъ, Веприкъ и инные, казалъ зганяти за Днѣпръ, а городы попалити. Того жъ року тая згода зъ королемъ полскимъ розорвалася, бо гетманъ Выговскій, повернувши до Чигирина, войска роспустилъ, ханъ у Крымъ повернулъ, набравши ясыру, а корогвы зятяговые полскіе на станцію росположилися и въ полкъ Нѣжинскій и Чернѣговскій, надъ которыми старшій былъ панъ Немѣричъ. А Юрій Хмелницкій, жалуючи зневаги своей, же ему гетманство отнято, выслалъ за пороги слугу своего Бруховецкого до войска, просячи, щобъ выйшли. Того жъ року полковникъ переясловскій Цюцюра, хотячи себѣ гетманства, съ порады протопопы нѣжинскаго Максима и Васюты козака, изъ собою зприсягшися въ полѣ зачалъ новую рѣчъ, бо будучи старшимъ въ городѣ Переяславлѣ и которыхъ козаковъ значныхъ, до себе зазвавши въ артель по одинцемъ, казалъ повязати, а напотомъ и позабивати на смерть, и послалъ до Кіева до боярина и воеводы кіевского Шереметева людей, просячи, жебы ему далъ московскихъ, що и одержалъ, и заразъ того жъ часу, т.

е, сентября 1 дня, до Нѣжина козаковъ своихъ послалъ, юже на тое маючи змову зъ Васютою Золотаренкомъ, а звлаща въ небытности Гуляницкого полковника, который на тотъ часъ отъѣхалъ былъ до Корсуна, аже сторожи не было жолнѣрской у брамахъ, увойшовши козацство въ мѣсто, крикнули на людей жебы Ляховъ били. И заразъ посполъство кинулося съ тими козаками и за годину всѣхъ жолнеровъ выбили, которыхъ было корогвій 5, нѣкого не щадячи, же не звыкли давати стацій жолнѣрамъ. А зъ Нѣжина заразъ по усѣхъ городахъ, гдѣ были въ Чернѣговѣ, Березной Менѣ и инныхъ. А рейментара ихъ пана Немѣрича, за Кобизчою подъ селомъ Свидовцемъ нагнавши, забили и хто при нему былъ, никого не живячи. И того жъ часу послали до Путивля до боярина и князя Трубецкого, жебы наступовалъ зъ войскомъ московскимъ подъ Нѣжинъ зъ войсками. Що видячи князь Трубецкій, же старшина козацкая до оныхъ пріѣхала, такжѐ и изъ Кіева маючи вѣдомость, же Выговского жолнѣровъ выбито, рушилъ просто на Нѣжинъ, и изъ Нѣжина выславши посланцовъ козацкихъ до его царского величества и своихъ, зъ войсками рушилъ подъ Переяславль. О чомъ почувши гетманъ Выговскій, выйшолъ у войско подъ Бѣлую церковъ, хотячи полки купити, но оному послушенства не отдавали, ибо молодый Хмелницкій Юрій выйшолъ до войска, до которого ся привернули всѣ полки зъ волостми и Сѣрко зъ запорожцями. Итако мусѣлъ Выговскій, зоставивши жону въ Чигиринѣ, уходити въ Полщу, до которого козаки посылали по гарматы и знаки войсковые, що онымъ одни поотдавалъ, а другіе зъ собою попровадилъ въ Полщу; которому надано Баръ и инные городы въ Полщи. А войско, остановившися за Переяславлемъ московское, где скупилися и усѣ полки заднѣпрскіе, и учинивши раду, едностайне на тое зезволившися, обоихъ сторонъ козацство оббрали гетманомъ совершенно Юрія Хмелницкого, которому гетманство здавалъ князь Трубецкій. Итакъ заразъ зъ тоей рады воеводъ постановили въ Переяславлю, Нѣжинѣ и Чернѣговѣ зъ войсками. А князь Трубецкій повернулъ зъ войсками въ Москву. А гетманъ Юрій Хмелницкій, прійшовши въ Чигиринъ, росказалъ доставати замку Чигиринского, въ которомъ сидѣла жена Выговского зъ своимъ людомъ и тими, хто былъ зычливымъ Выговскому, которыхъ достали и усю маетность порабовали, а жену Выговскому одослали на прозбу его. Итакъ трохи вспокоили Украину. А того лѣта въ Литвѣ войско литовское князь Долгорукій збилъ и гетмана литовского Каневскаго поймалъ и на Москву до его царского величества отпровадилъ.

РОКУ 1660.

Въ Борисовѣ почивается комисія, на которую и насъ козаковъ стягано, и былисмо, засѣ тая комисія фортелемъ отправовалася, бо певне князь Хованскій зъ войсками его царского величества войско литовское розбилъ подъ Ляховичами и тамъ неподалеку сталъ.

Итакъ комисары полскіе, стоячи въ Мѣнску, уводили ажъ до Петрова посту, пославши по Чернецкого на Полоцкую, где прійшовши Чернецкій, тое войско, зостаючое зъ княземъ Хованскимъ, розбилъ, же мусили и комисарѣ его царского величества зъ Борисова уступити, нѣчого неотправуючи комисіи, въ Петровъ постъ уступили; а Борисовъ сталъ въ обложеню. Тамъ же князь Долгорукій мѣлъ потребу того лѣта зъ Чернецкимъ, але розная война была. Могилевъ, воеводу убивши, Ляхомъ поддался и также и Вилня учинили.

Того жъ лѣта рада въ Кодачку была у Петровицю, на которой радѣ гетманъ Хмелныче́нко зо всею старшиною и бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ былъ, и на оной поставили ити зъ войскомъ подъ Львовъ, а зъ Шереметомъ старшимъ Цюцюрѣ, полковниковѣ переяславскому, и полкамъ Кіевскому и прилуцкому; а Хмелниче́нко гетманъ зо всѣми полками особно ити мѣетъ, що и учинили: бояринъ Шереметевъ на Котелню пойшолъ шляхомъ, а Хмелниченко гетманъ Гонгорійскимъ [37]. Где войска коронные зъ Ордами гетмана Хмелницкого оступили и, тамъ маючи потребу, не дали ся скупити зъ шереметевыми, и мусѣли згоду приняти зъ войскомъ коронными и королевѣ присягнули зъ своимъ войскомъ, А тая згода стала подъ Слободищами. Итакъ усѣ войска, якъ коронные такъ козацкіе зъ Хмелницкимъ и Орда потягнули къ Шереметовѣ, который юже былъ выйшолъ зъ Котелнѣ, и Котелню спалили зъ живностями. Где на пустынѣ облеглй Шереметева около, не даючи ему покою, а подъ часъ сліоты осѣнней. Итакъ видачи гетмана своего зъ войсками, почали волно отъ Шереметева отступати, и самъ старшій Цюцюра зо всѣми козаками отступилъ и до войска гетмана своего Хмелницкого зо всѣми козаками прихилився; що не безъ шкоды козаковъ было, бо инныхъ Татаре пошарпали, а инныхъ и въ неволю побрали. Що видачи Шереметевъ, не уступалъ оборонною рукою и що мѣлъ короля полского, взявши Варшаву, провадити въ Кіевъ въ неволю, якъ собѣ тое обѣцалъ, того не доказавши, самъ о згоду просилъ и чинилъ примирія, обецуючися звести войско съ Кіева. Итакъ згоду принявъ, але того не доказалъ, бо князь Борятинскій, который зоставалъ въ Кіевѣ, на тое не позволивъ и войскъ полскихъ не припустилъ до Кіева зъ Шереметомъ. Итакъ Шереметева зо всѣмъ войскомъ взято въ неволю до крыму и иныхъ началныхъ людей жолнѣрове розобрали, въ которыхъ выкуплялись зъ неволѣ. Итакъ знову Украина вся зостала за королемъ полскимъ, опрочъ Переясловля, Нѣжина и Чернѣгова зъ волостями, бо въ тихъ городахъ воеводы зоставали. А Переяславлѣ ЯкимъСомченко наказнымъ гетманомъ присланный былъ, который одержал ся щире при его Царскому Величеству, любо и жолнѣрове войскомъ съ козаками и Татаре при Гуляницкомъ, на Заднѣпря прійшовши, докучали, але по старому тіе три полки не давалися; а иные усѣ полки поздавалися, где и залоги стали были, и жолнѣрове зѣмовали тую зиму по иныхъ полкахъ

почавши отъ Прилуцкого, по усей Украинѣ.

РОКУ 1661.

У великій постъ войска коронные уступили зъ Заднѣпра, зоставивши тилко козаковъ пѣхоту, але и тихъ усѣхъ повыганяли зъ городовъ Заднѣпрскихъ, и знову усе Заднѣпря зостало въ подданствѣ Его Царскому Величеству, а Сомко гетманомъ меновался, любо радою не обранный былъ; задя чого гетманъ Хмелниче́нко хана зъ Крыму зо всѣми ордами затягъ и Переяславль держалъ въ обложенню зъ ордами и войскомъ козацкимъ и жолнѣрами, але своего не доказалъ, бо городъ Переяславль и инные оному не здавалися, а напотомъ на зиму повернулъ подъ Нѣжинъ, и Ханъ стоялъ въ селѣ Хорошомъ Озерѣ, а Хмелницкій съ козаками у селѣ Кропивной. Итакъ не привернувши Заднѣпра много полону побрали ажъ по-за Стародубомъ коло Гиблина и у Московщинѣ, и ханъ уступилъ по Богоявленію отъ Нѣжина посполу съ Хмелницкимъ вовся.

РОКУ 1662.

Уступаючи ханъ и Хмелницкій зъ Заднѣпра, зоставили козаковъ у Ирклѣевѣ и такъ около Ирклѣева, аже шкоды великіе чинили по Заднѣпрю. Околничій князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, скупивши войска, пошолъ къ Ирклѣеву и тихъ Татаръ погромилъ у Веремѣевцѣ, съ которыхъ мало увойшло за Днѣпръ, бо той погромъ былъ заразъ по Воскресеніи, и Арклѣевъ узяли и спалили. Тихъ же святъ Сомко учинилъ раду въ Козельцѣ, и тамъ гетманомъ его козаки учинивши, присягли ему, тилко тое не тривало, бо тая рада стала неслушна для того, же послали до Его Царского Величества, просячи о позволеніи зуполной рады, на которой бы и войско съ Запорожжя было, жебы одностайне гетмана оббрали и одного слухали, бо Запорожцѣ собѣ гетмана Бруховецкого звали, а полковникъ Нѣжинскій Васюта себѣ гетманства хотѣлъ и не слухалъ Сомка гетмана. На що юже Царское Величество позволилъ, жебы рада были и гетмана собѣ постановили; аже тая козельская рада стала не слушне, и гнѣвъ царскій сталъ. А до того епископъ Меѳодій, который на той радѣ былъ и до присягѣ приводилъ также и Васюта, полковникъ Нѣжинскій, описали Сомка гетмана, же конечне по орду посылаетъ, хотячи измѣнити, що была неправда, бо того жъ року и лѣта гетманъ Хмелницкій, затягши орды часть и жолнѣровъ комонника и пѣхоты, и изъ усѣми полками своими переправивши Днѣпръ, подступилъ подъ Переясловлѣ и оного доставалъ часъ немалый, але ничого не вскуралъ бо тамъ было войско царское и козацкое при Сомку, которые можне оборонился. И того жъ часу околничій князь Ромодановскій, скупивши войско и Нѣжинскій полкъ при собѣ маючи, просто къ Переяславлю потягнулъ зъ войскомъ, где Татаре, приставши на свѣтанню подъ войско подъ Пи-

ратиномъ, узяли языка московскихъ людей и сами на око войско видѣли, прійшовши до войска, дали знати Хмелницкому о тихъ силахъ, которыя идутъ на него: що Хмелницкій, собою стривоживши, отступилъ отъ Переяславля и потягнулъ къ Днѣпру подъ Каневъ, и не дойшовши Канева, надъ Днѣпромъ, минувши городище, противно села окопався. А князь Ромодановскій, пославши комонникомъ за тимъ подъѣздомъ татарскимъ, за которымъ гонилисьмо ажъ до самой Оржицѣ, аже Татаре полегчившися, тую переправу перейшли и, нечинячи жадного одвороту, уходили мимо Яблуневъ, где барзо злые переправы, и мусѣло войско поваґомъ ити, и переправивши Супой, сталисьмо, где посланцы гетмана Сомка прійшли; даючи знати объ отходѣ Хмелницкого отъ Переяславля, за которыми подъѣздъ добрый выслали, аже дано отъ подъѣзду знати, же рушилъ отъ городища князь Ромодановскій со всѣмъ таборомъ ко Днѣпру мимо Переяславлѣ, где наказный гетманъ со всѣмъ войскомъ выйшолъ зъ Переяславля и, изкупившися зъ княземъ Ромодановскимъ, просто пойшли тропою гетмана Хмелницкого. Аже Хмелницкій юже сталъ таборомъ окопавшися, выперъ подъѣздъ и гналъ на полмилѣ, але войско ишло въ справѣ. Козаки Хмелницкого назадъ уступили къ своему табору, бо юже Татаре, зоставивши Хмелницкого, за Днѣпръ переправилися и пойшли у свою землю. Где войско околничого князя Ромодановского просто таборомъ наближилося на таборъ Хмелницкого, якъ можно ся бити зъ гарматы, и комонникъ козацкій зъ обоихъ сторонъ далъ бой отъ поля, съ тоей стороны отъ бору. А Якимъ Сомко съ пѣхотою козаковъ своихъ, также изъ Москвою, просто противно табору ишолъ, где великая война точилася зъ обоихъ сторонъ, которая тривала годинъ полтретѣ, а напотомъ, якъ наступилъ князь Ромодановскій зъ комонникомъ ушакованнымъ, такъ копійнымъ, рейтаріею, якъ и иннымъ огнистымъ, заразъ войско Хмелницкого тылъ подали, которые ся юже болше и поправити не могли, але мимо таборъ къ Днѣпру скочили, а инные съ Хмелницкимъ до бору. Що видячи пѣхота нѣмецкая, же тіе въ Днѣпръ скочили и такъ Днѣпръ наполнили, же за людомъ мало и воды знати было, въ углѣ табору заперлися и не здалися, которыхъ тысяча было, ажъ усѣхъ выбито. Итакъ тамъ згибло войска зъ руки Хмелницкого, такъ козаковъ, якъ и Ляховъ, тысячей болше двадцати, же ажъ отъ смроду къ Днѣпру трудно было приступити, а иный трупъ ажъ на Запороже позаносило. Итакъ Хмеличенко людъ погубилъ и таборъ совсѣмъ утратилъ, а самъ не у великой купѣ на Черкасы увойшолъ. А иные козаки, которые переплыли Днѣпръ, нагіе до домовъ ишли; а жолнѣровъ у Днѣпра били, а который переплывъ, то и зъ тихъ мало хто увойшолъ. Итакъ козаки, Каневъ опановавши, многіе шкоды чинили въ Корсуню и по иныхъ городахъ, мѣстахъ и селахъ.

А тая потреба была мѣсяца іюля 16 дня. По той потребѣ войско козацкое, видячи, же Якимъ Сомко, нащадячи здоровя своего, ишолъ зъ войскомъ и добрымъ при-

водцею былъ, хотѣло учинити совершеннымъ гетманомъ, аже епископъ Меѳодій, на тотъ часъ тому заздростячи, а Васюта, полковникъ нѣжинскій, себѣ хотячи, упросилъ князя Ромодановскаго, жебы найскорѣй ишолъ подъ Черкасы, не дожидаючи Якима Сомка гетмана, который на радощахъ гулялъ зъ козаками. А тое спрілялъ писаръ Сомковъ, же Васютѣ, который потаемне переняти былъ отъ Васюты, и той почувши, же конечне рада мѣетъ быти на подтверждеція гетманства Сомковѣ, аже и козаки и полку Нѣжинского на тое схилялися. Итакъ князь Ромодановскій, не ожидаючи пріѣзду Сомкового, зъ Переяславля рушилъ зъ войсками московскими, при которомъ и Васюта зъ полкомъ Нѣжинскимъ пойшолъ, и иные усѣ полки зоставивши, до которыхъ Сомко пріѣхавши, аже не засталъ князя, до Канева рушилъ, по Заднѣпрю не малую увавши здобычъ, въ цѣлости повернули къ домомъ, уставивши полковника Лизогуба въ Каневѣ. А князь Ромодановскій, прійшовши къ слободцѣ Богушковой и войско перебравши, послалъ товариша своего, столника Приклонского, который, переправивши Днѣпръ, подступилъ подъ городъ Черкасы, которому Черкасы здалися. Итамъ будучи въ Черкасахъ, наставили полковникомъ зъ своей руки Михайла Гамалѣю, и немного що зоставивши Москвы, столникъ Приклонскій зъ войскомъ ишолъ унизъ Днѣпромъ, зближаючи къ Чигирину, ажъ до Божина притягнулъ, тое схиляючи. А князь Ромодановскій симъ бокомъ Днѣпра ишолъ унизъ и тамъ же противно Бужина сталъ надъ Круковомъ. Але тое счастя знову ся отминило, бо гетманъ Хмелничéнко, прибивши въ Чигиринъ, того жъ часу послалъ къ Ордѣ, якую посланцѣ застали готовую Орду въ поляхъ, и заразъ поспѣшилъ салтанъ, укилканадцять тысячей перебранной орды, пришолъ до Чигирина. О чомъ увѣдомившися столникъ Приклонскій, рушилъ зъ Бужина къ перевозу, и тамъ оныхъ напала Орда, и оборонною рукою до самого перевозя ишли табором и мало що утратили. Тилко жъ нашъ людъ несталый, зоставивши таборъ, черезъ Днѣпръ въ плынь пойшолъ, тилко поромомъ перевезли, що Татаре ажъ у Днѣпръ за Москвою уганяли, але зъ берега стрѣлбою зъ гарматъ и дробною оныхъ отбивали, бо вода мала на тотъ часъ была. Итакъ, болше не бавячися у Днѣпра, пойшли съ Приклонскимъ къ Лубнямъ. А Хмелницкій, не могучи переясловской шкоды собѣ наградити и укрѣпитися, отдавъ гетманство Тетерѣ, а самъ въ черцѣ постригся.

Между тѣмъ Запорожскіе козаки въ радѣ своей самоволно Бруховецкого украинскимъ огласили гетманомъ и писменно Его Царскому Величеству рекомендовали. По челобиттю же Меѳодія епископа и Васюты, указалъ Его Величество кого хотя волными голосами избрати на гетманство, и подъ сее время Бруховецкому, зъ Запорожа до Гадяча пришедшему, которые великое повшанованне отъ Царя мѣли и чого хотѣли, то у его одержали. Итакъ Бруховецкій, якъ першей намѣнилося, выйшолъ зъ Запорожжя зъ козаками въ килка сотъ, которого князь Ромодановскій вдячне принялъ и при нихъ сталъ, же тая уся Украина по Ро-

менъ оныхъ слушала, отступивши отъ Сомка гетмана. А полковникъ нѣжинскій Василь, будучи уведенный обѣтницею гетманства отъ Запорожцовъ, которые, пріѣзжаючи зъ Запорожжя и видячи хтивость отъ его того уряду и зъ ошуканнямъ его подводячи, задля узяття подарковъ, жебы яко его войско на Запорожжѣ хотятъ гетманомъ настановити. А онъ, яко простакъ, а маючася добре, нежалуючи добре даровалъ, а Сомка гетмана, яко могучи, удавалъ и на Москву описовалъ, за которымъ его уданнямъ оба зостали у великомъ подозрѣнію и неласцѣ на Москвѣ. Аже видячи полковникъ нѣжинскій, же Бруховецкій, вышовши зъ Запорожжя, жадной карты до оного не пишетъ, отзываючися зъ якою пріязнію, вмыслилъ былъ самъ ѣхати до Гадяча и, зобравши товариство значное въ Батуринъ, и тамъ хотѣлъ тѣхъ людей выгубити, которые оного отъ злого отводили, жебы не удавалъ Сомка, и межи собою гетмана настановили, и тое оному перевадовали, же Запорожцѣ не со всѣмъ добрымъ на старшину городовую жичатъ, якъ то у нихъ звычай давній. Аже по волѣ его не сталося, бо пѣхота, которую онъ на тое былъ впровадилъ и наустилъ, бо сердца отвернулъ отъ невинныхъ людей, же на него самого повстали и замалымъ его не убили, же заледво тое усмирили и изъ Батурина послалъ подарки до князя Ромодановского, жебы руку держалъ, также и вывѣдуючися въ томъ, ежели Запорожцѣ что будутъ о томъ мовити, жебы оному гетманомъ бути. Аже посланцѣ застали князя Ромодановского у Зѣнковѣ, где и Запорожцѣ на тотъ часъ у князя были, который подарунокъ оного въ смѣхъ князь принялъ, яко тотъ человѣкъ уже и своего много мѣетъ. А Запорожцы засъ подпивши, свой замыслъ явне открыли, же на усюю старшину городовую великія похвалки оныхъ выбити, а найболшей на Сомка и Васюту, полковника нѣжинского, которые посланцѣ повернувши, оному ознаймили, же порожняя оному надѣя на князя и Запорожцовъ, же зле мыслятъ, не тилко гетманомъ быти, але и здоровю его и худобѣ совѣтуютъ. И въ тотъ часъ почалъ стараться о пріязнѣ зъ гетманомъ Сомкомъ, которую учинили и, зазвавши полковниковъ и сотниковъ и козаковъ значныхъ до Ичнѣ, присягу выконали въ церквѣ рынковой на гетманство Якимовѣ Сомковѣ, и тотъ же Васюта присягалъ и иныхъ примушалъ, але юже не въ часъ, бо зопсовавши, не скоро поправити, що удавалъ Сомка змѣнникомъ и незычливымъ Царскому Величеству, то и самъ въ томъ зосталъ тою присягою. Итакъ тое презъ цалую зиму копотилося: едни при Бруховецкому зоставали, якъ то: полкъ Полтавскій, Зѣнковскій, Миргородскій, а при Сомку зоставали полки: Лубенскій, Прилуцкій, Переясловскій, Нѣжинскій и Чернѣговскій, и на томъ постановили, жебы чорная рада была [38].

РОКУ 1663.

Заразъ по веснѣ заводится на новое лихо, чего за иныхъ гетмановъ не бывало, то есть Чорной рады; а то заразъ фортеліовъ заживаетъ Бруховецкій и докучаетъ его царскому величеству,

о той радѣ просячи, жебы його зволялъ его царское величество на тую раду послати. Итакъ на жаданния Запорожцовъ и тихъ полковниковъ, которые ся привязали до Бруховецкого, высылаетъ его царское величество околничого князя Великоꙋагина [39] и столника князя Юсифовича Хлопова [40], о которыхъ зближенно взявши вѣдомость Бруховецкій, зарезъ выйшовши зъ Гадячого, простуетъ въ Батуринъ, перейманчи тихъ посланныхъ отъ его царского величества, а своихъ розсылаетъ по всѣхъ полкахъ зъ писмами, жебы все поспольство стягалося подъ Нѣжинъ у раду и Нѣжанъ рабовати. На которые писма що живо рушили зъ домовъ нетолко козацство, але усе поспольство, купячися полками. А гетманъ Сомко, козаковъ значныхъ зъ полковниками скупивши, притягъ подъ Нѣжинъ, где и полковникъ нѣжинскій увесь полкъ былъ и Стародубовщина. Але тое собрания Сомково нѣ на що обернулося, поневажъ юже Бруховецкій лѣпшую ласку зъ Запорожцями мѣлъ у его царского величества, а то за стараніемъ епископа Меѳодія, которого Бруховецкій запобѣгъ подарунками и обетницами ровными, яко то люде звыкли дарами уводитися. Итакъ зъ другой стороны мѣста Бруховецкій, выйшовшися зъ околничимъ Великоꙋагиным, зъ которымъ не мало люду военного царского величества было, подступили подъ мѣсто войска немалые, а найболше поспольства. Где Москва, не бавячися въ полю, увойшла уся въ городъ Нѣжинъ и стала по господахъ въ обохъ мѣстахъ — старомъ и новомъ, и постоявши килка дней, у которыхъ началныхъ людей, то есть въ околничого, запрошоный Сомко гетманъ и Бруховецкій зъ старшинами оповѣли онымъ о зволенню его царского величества, же, по жаданню и прошенію усѣхъ козаковъ, зезволивъ быти чорной радѣ на обрання одного совершенного гетмана, чому любо Сомко, яко юже маючій гетманство отъ подручныхъ собѣ полковниковъ и сотниковъ и козаковъ подтвержденное присягою ново у Ичнѣ, спречали тоей радѣ, але же болшая была купа при Бруховецкому зо всѣхъ полковъ, мусѣли на тое позволити, исподѣваючися того доказати, же при нему старшина стоитъ. Итакъ зложили часъ радѣ юня 17 дня, зарезъ заступивши въ постъ Петровъ, на которую раду такъ постановили были, жебы въ тую раду ити пѣшо безъ всякого оружя, а за мѣстомъ розбито наметъ великій, на тое присланный отъ его царского Величества, при которомъ наметѣ и войско московское стало зъ оружемъ задля униманния своеволѣ, але тое мало що помогло. Якъ вдарено въ бубны на раду, Бруховецкій, ведлугъ постановы, пѣшо войско припровадилъ къ намету своей стороны на тую раду, а Сомко не зозволився: и самъ и усѣ козаки, при нему будучіе, яко люди достойные, на коняхъ добрыхъ, шатно и при оружю, якъ до войны, тоей интенціи будучи, же еслибы не ведлугъ мысли оныхъ рада станивитися бы мѣла, то межи собою битву мѣти, бо при таборѣ Сомковомъ и гарматъ было не мало; але тое нѣчого не помогло, поневажъ Запорожцѣ, ласкою его царского величества упевнены, и скоро тая рада стала и бояринъ вый-

шолъ зъ намету и почалъ читати грамоту и указъ его царского величества, не дано того скончити, а нѣ слухаючи писма царского величества, зараз крикъ стался зъ обоихъ сторонъ о гетманство: одни кричатъ Бруховецкого гетманомъ, а другіе кричатъ Сомка гетманомъ и на столецъ обоихъ сажаютъ, а далѣй межи собою узяли битися и бунчукъ Сомковъ сламали; заледво Сомко выдрался презъ наметъ царскій и допалъ коня и иная старшина, а иныхъ позабивали до килка человѣкъ. Итакъ сторона Сомкова мусѣла уступати до табору своего, а сторона Бруховецкою на столецъ всадили Бруховецкого, зопхнувши князя, и гетманомъ окрикнули, давши оному булаву и бунчукъ въ руки; що заледво и нескоро той галасъ ускромился. Але того часу князь Великогагинъ не подтверждалъ гетманства Бруховецкому, бо и до себе прійти не моглъ за великимъ шумомъ межи народомъ. Итакъ Бруховецкій зъ тими знаками пойшолъ до своего табору, где стоялъ надъ Остромъ у кутѣ Романовского. А Сомко выѣхалъ до своего табору, юже не маючи бунчука а нѣ булавы, бо тое Запорожцѣ выдрали оному. Зачимъ войско почало Сомково собою тривожити, отступаючи Сомка, любо Сомко послалъ зъ тимъ до князя, же на той радѣ зъ войскомъ своимъ не пристаетъ и Бруховецкого гетманомъ не примуетъ, и ежели знову не будетъ рада, и жебы Бруховецкій положилъ знаки войсковые, то отходитъ зъ своимъ войскомъ къ Переяславлю и знову до его царского величества слати, же гвалтомъ гетманство дано Бруховецкому, которого войско не пріймуетъ. Що видячи князь тое разорванья и обавляючися, жебы зъ того не врасло що зло, знову на третій день тую раду складаетъ и приказуетъ Бруховецкому, жебы въ тую раду прійшовши, знаки войсковые положилъ, жебы уся старшина уступила до рады до намету, а чернь войско жебы гетмана настановляли, кого улюблятъ; чому барзо Бруховецкій спречался, аже видячи, же князь почалъ на Сомкову руку склонятися, которому старшина порадила, жебы не будучи зупротивнымъ задля ненарушенія ласки его царского величества, тилко жъ жебы не йдучи къ намету, где войско стояло московское, але межи своими войсками тую учинили раду, на що и Бруховецкій позволился, але несталость нашихъ людей тое помѣшала, бо козаки стороны Сомковой, отступивши своей стороны старшины, похапавши корогвы каждая сотня и до табору Бруховецкого прійшли и поклонилися и отвернувши, зараз напали возы своихъ старшинъ жаковати. Що видячи Сомко, зъ полковниками своими и иною старшиною, впавши на конѣ, прибѣгли до намету царского до князя, сподѣваючися помочи и обороны своему здоровю, которыхъ зараз князь зо всѣмъ отослалъ въ замокъ Нѣжинскій. Того жъ часу усе у нихъ поотбѣрано: конѣ, риштунки, суккѣ, и самихъ за сторожу дано. А Бруховецкій зо всѣмъ войскомъ прійшолъ къ намету царскому, которому юже князь здавалъ зъ своихъ рукъ булаву и бунчукъ, подтверждаючи гетманство, и попровадилъ въ соборную церковъ святого Николая, где присягу выконалъ Бруховецкій зо всѣмъ вой-

скомъ, и выйшовши зъ церкви, того жъ дня своихъ полковниковъ понастановлялъ зъ тихъ людей, которые зъ нимъ выйшли зъ Запорожа по усѣхъ городахъ, а Нѣжинскій полкъ на три полки роздѣлилъ. При которомъ настановляваню полковниковъ много козаковъ значныхъ чернь позабивала, которое забойство три дни тривало. Хочай якого значного козака забили или человѣка, то тое въ жартъ повернено. А старшина козаки значные якъ змогучи крылися, где хто моглъ, жупаны кармазиновые на серменги миняли. Итакъ тое забойство третого дня почало ускромлятися и заказъ сталъ, жебы юже правомъ доходилъ, хто на кого якую крывду мѣетъ. Тихъ зась полковниковъ, которые у замку нѣжинскомъ зоставали у вязенню, усе пожаковали и въ домахъ мало що востало. Того жъ дня, якъ тая рада стала, мѣсто Ичня, въ которомъ рада была, и церковъ тая, въ которой Сомковѣ присягали на послушенство гетманское, усе згорѣло до знаку тоей же годины, якъ Сомка взято до вязеня. Гетманъ Бруховецкій, одержавши цале гетманство, выслалъ пословъ до царского величества большей ста человѣка, дякуючи за урядъ гетманства, же одержалъ, и на Сомка зъ его полковниками, которые сидятъ въ нѣжинскомъ замку, нѣкоторые рѣчи змысливши объ ихъ незычливости къ царскому величеству, чого и не было; также и епископъ Меѳодій протопопу поедалъ, при тихъ же посланныхъ, отъ себе, стараючися о ихъ згубѣ. Чому царское величество повѣривши, здалъ ихъ на судъ войсковыхъ, которыхъ потратити, а иныхъ живити, толко у ссылку зослати въ Москву. И гетманъ Бруховецкій, рушивши отъ Нѣжина, роспустилъ новопоставленныхъ полковниковъ тихъ, которые зъ нимъ зъ Запорожа выйшли, по усѣхъ столечныхъ городахъ, придавши каждому полковниковѣ по сто человѣка козаковъ, которымъ по усѣхъ полкахъ жупаны давано, а зъ млиновъ сами розмѣры брали и куды хотѣли оборочали, людемъ зась несносную обиду чинили, а звлаща значнымъ, бо были межи ними, который служилъ у якого человѣка значного, то юже свое зомщовали на господарахъ, ежели которого якого часу за якій проступокъ побилъ албо злаялъ, якъ всяково въ дворѣ бываетъ.

Того жъ лѣта подъ часъ тоей рады у Паволочи перше былъ полковникомъ Иванъ Поповичъ, а напотомъ сталъ священникомъ; аже оному чинили укоризну жиды и иные, знову хотячися привернути до Кіева, знову узялся за полковництво и жидовъ казалъ усѣхъ выбити, только жъ оному не дано помочи зъ Кіева и Сомка узято, на которого мѣлъ надѣю. Итакъ пріййшло войско отъ Тетери гетмана, и оный, не хотячи мѣста згубити, здался, которого страчено; бо тіе посланцѣ отъ того паволоцкого попа до Бруховецкого удалися о помочъ, але оный ничого не далъ помочи Паволочи, а рушивши зъ подъ Нѣжина у Переяслове, и тамъ стоялъ зъ войскомъ у Креста; на которого Татаре приходили, але нѣчого не вскурали. И за другимъ разомъ Татаре того жъ лѣта выйшли, але козаки оныхъ добре громили, нагналы у Днѣпръ у Веремѣевци, где ихъ много по-

тонуло и нѣчого жадного ясыру не унесли. Гетманъ Бруховецкій, зъ подъ Переяславля рушивши, потягнулъ подъ Кременчукъ того жъ лѣта подъ осень, где ставши мѣсто Кременчукъ спаливъ, але стоявши немало, зоставалъ гетманъ въ цѣлости, а зъ козаками уступилъ до Гадячого, а то для того, же узялъ вѣдомость, яко король полскій Янъ Казимѣръ надъ сподѣвання на Украину простуетъ на Браславле. Тоей же осени въ Филиповъ постъ присланный былъ отъ его царского величества дякъ Башмаковъ тайныхъ дѣлъ въ Батуринѣ до гетмана Бруховецкого, где, по разныхъ постановленіяхъ, до присяги приводилъ гетмана и козаковъ въ Батуринѣ. Але наступовання королевское иные пакта помѣшало, бо король его милость зближилъ къ Днѣпру и переправлятися сталъ у Ставкахъ, которому городки почалися здавати: Вороновъ, Борисполе и Борисовка и иные до Остра. И у городѣ Острѣ король сталъ зѣмовати, а войска по розныхъ городахъ коло Нѣжина, бо усѣ городы поздавалися королевѣ, опрочъ самихъ Переясловля, Нѣжина и Чернѣгова.

Вступаючи въ осень, о святомъ Симеонѣ, того лѣта, за позволеніемъ его царского величества, казалъ гетманъ Бруховецкій постинати гетмана Сомка и Васюту, полковника нѣжинского; а полковниковъ чернѣговскаго, переясловского и лубенского и иныхъ, таможъ асауловъ, завезено на Москву, которыхъ на Сибирѣ зослано немало старшины козацкой; а которые позостали, то на пѣхоту запорожскую давали жупаны. Барзо притуга на людей великая была.

РОКУ 1664.

Король полскій стоялъ въ Острѣ мѣстѣ, а Гуляницкій зъ Чернецкимъ ходили городы приворочати, которымъ поздавалася уся Украина, бо ишолъ Богунъ наказнымъ гетманомъ зъ козаками, которому ся здавали городы и заразъ зъ нимъ до войска ишли, тилко Монастырище мѣстечко не хотѣло ся здати, и тамъ впавши жолнѣрство зъ козаками, усе зграбовали, а иныхъ въ полонъ Татаре побрали, що не моглъ оборонити и полковникъ Пѣсоцкій, который, юже здавшися, зъ войскомъ лядскимъ былъ. И у Прилуцѣ юже отъ гетмана Тетерѣ залога стала и туды вся дорога Ляхамъ была на Ичню, Нѣжинъ объѣзжаючи.

Того жъ року король полскій Иванъ Казимѣръ, перезимовавши въ Острѣ и юже тамъ надпустошивши, войска и Татаръ до себе затягнувши спотребу, на початку того року великихъ мясницъ, учинивши раду, не пойшолъ подъ Нѣжинъ, бо войска его царского величества не мало было и за́мокъ осаженъ порядне, також въ городѣ козацства было много: полкъ Нѣжинскій и Зѣнковскій и волости иные, и не хотячи подобно мѣсто згубити, бо замку трудно узяти зъ людомъ его царского величества. Итакъ, зоставивши Нѣжинъ, рушилъ зъ войсками своими королевскими на Олишевку и, прійшовши до Салтыковой Дѣвицѣ надъ Десною рѣкою, которая не хотѣла ся здати и поклонити, приступомъ доставали, где не мало жолнѣрской пѣхоты легло, килка днів доставаючи. Аже напотомъ

люде, въ осадѣ сидячіе, видатъ, же трудно выдержати, бо юже мѣсто заставили, тилко въ самомъ за́мочку, — просили о милосердя; а любо обецали показати надъ ними милость, еднакже не додержали, бо, упавши въ замокъ, многихъ постынали, а иныхъ въ полонъ Татаре побрали, въ нѣвець обернули. Зъ подъ Дѣвици подъѣздъ ходилъ подъ Березную, аже тамъ полковникъ сосницкій стоялъ зъ козаками, не приворочалъ король, ку Менѣ простовалъ, которому Мена поклонилася, также Сосница, Новые Млины; а козакомъ Богуновѣ Борзна здалася зъ полкомъ Лубенскимъ съ домовъ своихъ зостаючихъ при Богуну въ войску королевскому, и полковникъ поклонился и Борзну мѣсто здалъ, которымъ крывды не было. Итакъ тіе усѣ войска скупилися до боку королевского въ Новые Млины, и оттуда подъ Батуринъ былъ подъѣздокъ, а осмотрѣвши фортецію, же моцна и люду немало военного при гетманѣ Бруховецкомъ, такъ козацкого, яко тежъ и московского, бо языка узяли, же оныхъ зъ трудностію увяти, але до фолварковъ не допущаетъ, рушилъ король зъ силами подъ Коропъ, где оному поклонилися; зъ подъ Коропа до Кролевца, и Кролевецъ поклонился; въ которыхъ городахъ залоги свои король росказалъ класти, а самъ простовалъ подъ Глуховъ, мѣсто пограничное, которое жадною мѣрою не хотѣло ся здати, где стоялъ недѣль пять, розные промыслы чинячи, штурмуючи, подкопами, и нѣчого не могли вскурати, тилко волости московскія попустошили ажъ поза Корачевомъ и города жадного не взяли. Въ томъ стоянню подъ Глуховомъ войскомъ королевскимъ, же зимній часъ, туудно стале на живность, такъ самому войску, яко тежъ и конѣ зморены голодомъ; войско барзо ослабѣло. А тимъ часомъ войска его царского величества наближилися. Околничій князь Григорій Григоріевичъ Ромодановскій, зъ полками ему врученными бѣлогородскими, притягнулъ въ Батуринъ, а иные бояре зъ великими силами стояли на границѣ: князь Куракинъ въ Путивлѣ и бояринъ князь Куденековичъ Черкаскій въ Брянску. Тилко жъ тіе князѣ не наступали зъ разу на короля того, не знамъ, для чого, а то подобно задля того, же еще подъ тотъ часъ князь Ромодановскій урядъ меншій мѣлъ на себѣ, околничимъ будучи, а тіе князѣ боярами ближними зоставали и за для того до князя Ромодановского не купилися. Але князь Ромодановскій, прійшовши въ Батуринъ и искупивши зосталнихъ козаковъ до гетмана Бруховецкого, которому знову городы почали ся схиляти — Борзна, Новые Млины, также и Коропъ, о который любо зъ Татары бой не малый былъ, также и Кролевець, где скарбу кролевского немало узяли; бо князь Ромодановскій, не бавячися въ Батуринѣ, зъ войсками рушилъ просто къ табору кролевскому, о чомъ взявши языка, перво Татари почали уступати зъ Сивера, а напотомъ и король, собою стривожившим, зъ подъ Глухова вступилъ на Новгородокъ Сѣверскій, зъ которымъ князь Ромодановскій и гетманъ Бруховецкій мѣли потребу въ Перего́вци подъ Новгородкомъ, а Новгородци не пустили короля въ городъ, але стоялъ король у монастырѣ новгород-

скомъ, а войско зъ войскомъ на Деснѣ спотыкалося, бо юже король Десну переправилъ былъ, а рѣка юже почала псоватися: наступовало тепло́. Где еслибы тіе силы зъ Путивля до князя Ромодановского наступили были, заледво бы былъ король увойшолъ отъ Десны; а итакъ много войска потратилъ, зъ голоду найболше. Где надвое войско пойшло: воевода Чернецкій къ Чернѣгову потягнулъ, а король на Стародубъ, простуючи къ Могилеву на Бѣлую Русь, где много люду потратилъ, бо отъ Бранска князь Яковъ Куденековичъ наступилъ, и такъ войско рвали, а звлаща, же доро́гою тѣсною простовали ку Кричову на млинѣ, где зъ великою шкодою уступилъ король зъ Украины, болшой колотнѣ начинивши, бо тіе городы трудность мѣли великую, которые королевѣ поздавалися были, где много старшинѣ Бруховецкій потратилъ.

Того жъ року Иванъ Сѣрко кошовый выйшолъ зъ Запорожя изъ нимъ козаковъ немало, а то подобно за поселствомъ Ивана Выговского, бывшого гетмана запорожского, и обозвавшися нѣякійсь Сулима, искупилъ не мало голоты въ Уманскомъ повѣтѣ, оставивши Сѣрка, пойшолъ до Лысянки, которому Лысянка здалася и Ставища, где прійшолъ подъ Бѣлую Церковъ, беручися до боку Выговского. Але Чернецкій зъ Маховскимъ не дались онымъ скупити, того Сулиму подъ Бѣлою Церквою розгромили, где и Сулима згинувъ, а напотомъ и Выговского взяли, которого Маховскій полковникъ казалъ розстрѣляти, не дбаючи, же воеводою былъ. Итакъ Выговского гетманство скончилося.

Того жъ року и митрополита Болобанъ въ Корсуню померъ, а на его мѣсце обрано Іосифа Тукалского, але и тамъ нещирость была, бо на митрополію садился Антоній Винѣцкій, которого руку держалъ гетманъ Тетера, а иншое духовенство и шляхта отца Тукалского руку держали; але перемоглъ гетманъ Тетера, бо удалъ до короля его милости отца митрополиту Тукалского и своего швагра Хмѣлницкого, бывшого гетмана, также и Гуляницкого, боячися гетманства стратити; которыхъ король казалъ побрати и на заточеніе послати до Мальборку, мѣста въ Прусахъ, где роковъ два сидѣли у вязеню.

Того жъ року, заразъ по Воскресеніи Христовомъ, гетманъ Бруховецкій скупилъ усѣ полки заднѣпрскіе и, маючи зъ собою килка тысячей Москвы, рушилъ зъ подъ Переяславля къ Черкасомъ. О чомъ почувши гетманъ Тетера, и видячи незычливость противно собѣ козацкую и усѣхъ людей, забравши усѣ скарбы войсковые, що старый Хмелницкій збиравъ и иные гетманы, и клейноды войсковые, стада и товары, выйшолъ зъ Чигирина до Браславля, зо всѣмъ проводился, зъ женою, а напотомъ видячи, же юже уся Украина противно къ ему бунтуется, и сподѣваючися на ласку королевскую, же оному тамъ не мало указано маетностей, рушилъ изъ Браславля зъ скарбами, которые моглъ подняти, въ Полщу, а иные зоставилъ у Браславлю не мало грошей срѣбра, где прійшовши кошовый Сѣрко, усе тое пожаковали зъ козаками; а и тое, що запровадилъ Тетера въ Полщу, и тамъ

тое панбве фортелемъ выбирали у него, же прійшолъ до великого убозства и утѣкати мусѣлъ до Волохъ. Гетманъ Бруховецкій, переправляючи Днѣпръ у Сокирной, послалъ напередъ до Черкасъ Гамалѣенка, полковника лубенского, зъ войскомъ, который у Черкасы увойшовши, зрабовавъ и спаливъ; где иные городы узявши, чрезъ страхъ присылали, здаючися гетману Бруховецкому; и изъ самого Чигирина были посланцѣ, гдѣ якъ на певное ишолъ до Чигирина, але тое ошукало, бо любо иные городы поздавалися, еднакже были таковые люде, которые дали знати до Чернецкого; где Чернецкій прислалъ килка корогвей жолнѣровъ у Чигиринъ, зъ которыми Чигиринцы противно гетмана Бруховецкого мужне стали и килка недѣль боронилися, любо не мало приступовъ было, также и гранатами докучали. Где Тетера гетманъ, затягнувши Татаръ, ишолъ на оборону Чигирина. О чомъ увѣдомившися гетманъ Бруховецкій, отступилъ отъ Чигирина ку Бужину, где занялся зъ Сѣркомъ; и тамъ гетманъ Тетера зъ Ордою и жолнѣрами налегалъ барзо Бруховецкому, але еще самъ Чернецкій не наспѣшилъ былъ. Аже маючи Бруховецкій языка, же болше силы на него прибирается, уступалъ оборонною рукою горѣ Днѣпра до самаго Канева, бо юже Каневъ былъ здался гетману Бруховецкому, отъ которого и залоги войско было въ Каневѣ. Итакъ въ цѣлости со всѣмъ войскомъ и гарматами увойшолъ въ Каневъ, где заразъ въ тропы албо переймаючи, отъ Корсуна Чернецкій притягнулъ со всѣмъ войскомъ коронным подъ Каневъ где запробовавши килко разъ, нѣчого не вскуралъ и въ килка дній отступити мусѣлъ, зъ которымъ и Татаре были, и усѣ уступили подъ Бѣлую церковъ. А Сѣрко отвернувши, на Медведовку потягнулъ къ Уманю задля скарбу Тетерина, который и порабовали, якъ вышей написалося. Того жъ часу Чернецкій поосажовалъ фортеціи въ Чигиринѣ, Корсунѣ и Бѣлой Церквѣ жолнѣрствомъ, где тилко тіе городы не горнулися до гетмана Бруховецкого, а иные усѣ отлучилися отъ Тетеры ажъ по самый Днѣпръ.

Того жъ лѣта Колмыки взійшли на Украину перше, зъ которыми Сѣрко зъ козаками старшій пошолъ полями, минувши Татаръ и Ляховъ, ажъ въ Бѣлогородщину на Буджакъ. Итакъ села Ханскіе повоевавши, повернули. Где напали Татаре и Маховскій зъ жолнѣрами подъ Сараджиномъ, и тамъ тихъ Колмыковъ розбито; где не мало пропало Колмыковъ и козаковъ, остатокъ выйшло зъ Сѣркомъ на Украину. Того жъ року Чернецкій доставалъ Ставищъ, а Стебліовъ узявши, Татаромъ отдалъ; а Ставища оборонилися; где и Чернецкого забито, а на его мѣстцу сталъ старшимъ Яблонскій надъ тимъ войскомъ, которое отвернуло до Бѣлой Церкви и тамъ на зиму стали; а гетманъ Бруховецкій тую зиму стоялъ зъ войскомъ у Каневѣ.

РОКУ 1665.

Гетманъ Бруховецкій заразъ весною посылаетъ своихъ, посланцовъ до колмыцкой паши, затягаючи оныхъ на войну, и ясыру

Ляхомъ оnымъ послалъ; которыхъ Колмыковъ знайшли посланцѣ Бруховецкого за Дономъ, бо на тотъ часъ зъ за Волочи перейшла часть Колмыковъ въ килка десятъ тысячей зъ Мунчаномъ, своимъ старшимъ, и тамъ кочовали. Которыхъ Колмыковъ выйшло близко тысячи о святой Тройцѣ. Которыхъ ходило сотъ сѣмъ, а козаковъ зъ ними тысячъ полторы подъ Бѣлую Церковъ, где зъ Яблонскимъ мѣлисьмо потребу власне въ обѣдную годину. Где Яблонскій убоявшися, таборъ напередъ выслалъ зъ обозу зъ Угребенниковъ, а комонникомъ спотыкался разо въ два, але не додержавъ, мусѣлъ уступати ку Бѣлой Церкви, потративши товариства немало значного. А Колмыковъ тилко чтырохъ ранено, которые померли. Але Яблунского не пущено въ Бѣлую Церковъ, которую минувши, въ Полшу пошолъ. Такъ ся устрашили тихъ Колмыковъ.

Вправдѣ, людъ военный, зъ копіемъ сѣдаетъ на коня, а нѣкоторые и сагайдаки и стрѣлы великія съ площинами широкими; тилко найболше до потребы копій заживаетъ кожень, бо справне вмѣетъ кожень вбити копіемъ; въ нѣкоторыхъ и панцыри, а иные и наго идутъ до потребы. Людъ отважный, а на взглядъ чорный, нѣкчемный, страшный; чарами бавятся, болвохвалцы. А потрава онымъ всякій звѣрь, що есть на свѣтѣ; нѣчимъ ся не бридятъ: и мышъ, жаба, свиня; тилко опрочъ рака одного не люблятъ и бридятся ракомъ. И въ той войнѣ, ежели бы козаки не уступали, то певне, що мало що жолнѣрства бы увойшло; вправдѣ, же огнистой стрелби боятся.

Того жъ лѣта по святовъ Петрѣ зъ тими жъ Колмыками и Москвою и козаками гетманъ Бруховецкій ходилъ подъ Бѣлую Церковъ доставати города, где нѣчого не вскуравши, вернулся, и войско взбунтовавшися розійшлося, и Колмыки повернули у свою сторону. Того жъ року Опара изъ Медведовки обозвался старшимъ на гетманство и по орду послалъ, до котораго Татаръ не мало выйшло, и Опара на королевскую руку Татаръ затягнулъ и городы знову привернулъ нѣкоторые до себе. Аже видячи Татаре нестатокъ Опаривъ, а Дорошенко, который прежде былъ асауломъ при гетману Тетерѣ, тутъ же будучи и при Опарѣ, старался о гетманство и салтана переедналъ; которого салтанъ зъ Ордою держучи, призвавши Опару до себе зъ старшиною, казалъ Опару взяти, а Дорошенка далъ гетманомъ козакамъ. А того Опару солтанъ зъ иншими козаками старшиною отослалъ до короля; которого страчено зъ его товариствомъ. Итакъ скончалося гетманство Опарино.

Того жъ року у Спасовъ постъ гетманъ Бруховецкій, зобравши усѣхъ полковниковъ до Глухова и учинивши наказнымъ полковника переяславского, самъ зъ полковниками и иною старшиною пошолъ на Москву зъ поклономъ его царскому величеству; которого на Москвѣ вдячне принято и даровано честь боярства, и жону ему дано роду значного; а полковникамъ дворянскую честь дано. Тилко писара войскового взято на сибѣрь, маючи на него подзоръ; который тамъ и пропалъ. И гетмана Бруховецкого зъ

подтвержденіемъ чести гетманства отпущено зъ Москвы, барзе удароваввши.

Того жъ лѣта голтяй нѣякійсь Децикъ усе Полѣся спустошивъ, але и того у Нѣжинѣ взято до везення и изгинувъ. Того жъ року гетманъ Дорошенко, привороча͡ючи подъ свою власть, много городовъ попустошилъ зъ Ляхами и Ордою, бо жолнѣре людей стинали, а Татаре въ полонъ брали, и Браславле того жъ року въ обложенню держалъ, бо Браславци, будучи убезпечоными на посылки его царского величества, держалися часъ немалый, чверть року, у которыхъ старшимъ былъ Дроздъ, аже тихъ посилковъ дождатися не могли, а великую налогу мѣли зо всѣхъ сторонъ отъ войскъ коронныхъ и козацкихъ, поддалися гетманові Дорошенкові, который узялъ старшого. Того жъ часу и Рашкова доставалъ, и тое оному здалося. Итакъ, прійшовши до Чигирина, Дрозда стратилъ; а иншая старшина оборонною рукою зъ войскомъ уступили за Днѣпръ до гетмана Бруховецкого, которымъ становиска даны поза Десною. Итакъ юже гетмановъ два козацкихъ справовало; одинъ на королевскую руку, а другій на московскую руку, и Запороже его царскому величеству держалися.

РОКУ 1666.

Гетманъ Бруховецкій повернулъ зъ Москвы на початку того року зимою зъ достатками великими, бо цале отдалъ Украину, то есть людей тяглыхъ, мѣщанъ, жебы отдавали всякое послушенство и изъ плуговъ осыпъ и чиншъ, и заразъ приболшено воеводъ по городахъ: въ Прилуку, Лубнѣ, Гадячъ, Миргородъ, Полтаву, въ Батуринъ, Глуховъ, Сосницю, Новгородокъ и Стародубъ, до тихъ воеводъ, которые зоставали въ Кіевѣ, въ Переяславлѣ и Нѣжинѣ; отъ которыхъ-то усѣхъ воеводъ по иншихъ городахъ мѣли свои прикащики вмѣсто подстаростыхъ.

Того жъ року заразъ на весну высланы отъ его царского величества списщики на усюю Украину, которые переписовали усѣхъ людей на Украинѣ, мѣшкаючихъ по городахъ и по селахъ: и сыновъ хто маетъ, и хто чимъ пашетъ. Итакъ вложили дань на людей тяглыхъ отъ плуга воловъ осыпи по осми осмачокъ, а грошей по пяти золотыхъ; а знову хто конный пашетъ, отъ коня по полкопы, а по осмачцѣ жита. Также постановили по городамъ цѣловалниковъ зъ мѣщанъ, которые выберали отъ вшелякихъ торговъ такъ великихъ и малыхъ. Также подачку наложили отъ всякого человѣка, такъ ремесника, якъ тожъ и найубогшого. И тіе реестра въ книги пописаны, которые книги одни на Москву повезли, а другіе воеводамъ поданы, жебы тое наложенную подачку на людей выбирали и тимъ платили людемъ ратнымъ, зостаючимъ на Украинѣ.

Того жъ року знову гетманъ Бруховецкій посылалъ полковниковъ, которыхъ выйшло щось немного и, недавши нѣкому битвы, розсердившися, отъ Гадячого знову повернули до своего войска. А то задля того гнѣвъ узяли, же гетманъ Бру-

ховецкій самъ зъ ними не пойшолъ на войну; и повернули на Запороже, бо тамъ Сѣрко зъ козаками Низними на Татаръ ходилъ. Того жъ року Данко, полковникъ Переяславскій, зъ полкомъ своимъ зоставалъ на залозѣ у Богушковой слободѣ; которого полковника козаки переяславскіе не любили, же насланный былъ, и знову того перепису не залюбили и подачи вложенной, въ осени збунтовавшися, полковника своего убили и, отступя, ночю поспѣшили, хотячи, въ замокъ упавши, Москву выбити, але того не доказали, бо воевода остерегся и своихъ въ городъ зобравъ и не дался. Итакъ мѣсто спалили и одинъ другого пожаковалъ, и покинувши городъ, до Баришовки уступили, хотячи, тамъ живучи, зоставати при Дорошенку; але того не доказали, бо оттуля утекли до Золотоноши, где войско скупившися козацкое и московское, оныхъ облегли въ Золотоноши и часъ немалый доставали; аже нѣкоторые зъ старшины переяславской, спустошивши Переяславль и шукаючи обороны, прибѣгли до Дорошенка, просячи оного, жебы ихъ принявши, зъ городами оборонилъ; который тому радъ будучи, заразъ послалъ по Орду; которого Орда барзо слухала, поневажъ оного и гетманомъ наставила, въ скоромъ часѣ поспѣшила, и переправивши Днѣпръ, зъ козаками Дорошенковыми юже подъ часъ заморозковъ, дали отсѣчъ тимъ козакамъ, зостаючимъ въ Золотоноши, же мусѣло войско оборонною рукою уступати къ Переяславлю, такъ московское, якъ и козацкое, которого не мало было зъ княземъ Щербатымъ.

Тая жъ Орда, оборонивши Золотоношу о Покровѣ, много людей по за Нѣжиномъ и около Прилуки усѣ села забрали, бо обезпечилися были на тое войско, которое зоставало подъ Золотоношею, и несподѣвано на нихъ Орда напала.

Того жъ часу тая Орда на Маховского, бо Маховскій посланный былъ зъ войскомъ на становиско на Украину, который пріійшовши подъ Иванъ-Городъ, которого не хотѣли пустити подъ Иванъ-Городъ, оный досталъ и опустошилъ, людей выстиналъ; о чомъ знати дано Дорошенковѣ гетмановѣ. Итакъ Дорошенко зъ тоею ордою и козаками напалъ на Маховского и его войско въ Браиловѣ, который рушилъ былъ до бору, и тамъ тое войско розбили и самого Маховского рейментара поймали, и жолнѣрства много въ неволю взято; зъ которого войска мало хто заледво увойшолъ. И отъ того часу знову сталося розорванья козаковъ отъ короля.

РОКУ 1667.

Войско его царского величества, которое зоставало на Запорожю оным на оборону и помочъ противу Татаръ, до которыхъ и Колмыки прихожували, але Запорожцѣ, яко люде своеволные, не могли зъ Москвою помѣшкати и наприкрылися тому Московскому войску, которое зъ Косоговымъ стояло, же мусѣли добиватися челомъ, жебы онымъ позволено уступити, бо оныхъ Запорожцѣ не потребовали собѣ, а звлаща тая сторона боку Днѣпра, которая при Дорошенку зостаетъ; итакъ за указомъ его цар-

ского величества, тое войско уступило зъ Запорожя зъ гарматами своими.

Того жъ року посла ханского, который повернулъ отъ его царского величества, не допустивши на ночъ до Сѣчи, на ночлегу подъ Сѣчу убили козаки и Татаръ, що при послѣ были, и усе пожаковали, тилко послу царского величества дали покой, который прійшолъ до Сѣчи зо всѣми подарками, що провадилъ хану крымскому, и тамъ часъ не малый зоставалъ, ожидаючи на указъ его царского величества, где оному поверпутися, и прійшолъ указъ его царского величества на Запороже, жебы тихъ зыськовати, хто того посла татарского погромилъ, и карати горломъ; а столнику его царского величества Ладыжинскому ити въ поселствѣ до хана въ Крымъ и тую провадити казну. Що Запорожцѣ якобы послухали царского росказания и тихъ килка козаковъ поймали и того столника отпустили зъ честю зъ коша и поѣхали въ речи опроважати чолнами, и не далеко отступивши отъ Сѣчи, утопили, и иныхъ, хто при немъ былъ, а тую казну пожаковали, що проважено хану въ Крымъ; и такъ юже на своеволю почали знову заробляти, запомнѣвши такъ великую ласку царскую къ себѣ, же онымъ слалъ соболями, сукнами, грошами, борошномъ; которое ихъ злое дѣло безъ карности минулося: его царское величество пробачилъ. Але юже ненависть почала рости на Украину за такую своеволю: нарушили ласку его царского величества, а козацство що далѣй въ злость ся утравляли, а звлаща и тую даючи причину, же людей тяглыхъ повернули въ послушенство и у подачку его царского величества воеводамъ, що юже отвыкли были давати подачокъ, и зъ того найболше бунты почали вставати бо на Запороже волно ити въ козацство такъ козаковѣ, яко тежъ и мѣщанину: тамъ того не постерегають.

Того жъ року гетманъ Дорошенко татарской стороны, затягнувши Орду зъ Далга [42] солтаномъ и иными солтанами великую потугу на Ляховъ и искупивши войско свое козацкое, ходивъ противно Ляховъ. Але оного въ Полщу недопущено, бо войско стояло подъ Подгайцами. Итакъ видячи албо маючи вѣдомость певную, же Орды великія выйшли, стали жолнѣре по фортеціяхъ, а гетманъ коронный Собѣскій зъ войскомъ сталъ въ Подгайцахъ, которого орда зъ Дорошенкомъ облегли и тамъ чрезъ немалый часъ держали въ обложенню, що и далѣй может быть не приступала Орда до трактатовъ, доказуючи своего, але Татаромъ стала помѣшка въ Крыму, бо Запорожцѣ зъ Сѣркомъ кошовымъ ходили въ Крымъ, которыхъ зострѣлъ ханъ зъ Ордами у Перекопу, где давши бой, козаки Орду зламали и мусѣлъ ханъ отступати и орда равно пойшли, каждый до жоны и дѣтей. Итакъ козаки тиждень Крымъ пустошили, палили села и, узявши немалую здобычъ, повернули на Запороже. О чомъ почувши орда, учинивши згоду зъ гетманомъ коронным и повернули у крымъ, а гетманъ Дорошенко до Чигирина.

Того жъ року въ заточення выпущенъ зъ Малборку митрополитъ

Іосифъ Тукалскій и Хмелницкій молодый и Гуляницкій, и небавячися въ Полщѣ, перше Хмелницкій утéкомъ на Украину поѣхалъ, а потомъ заразъ и Митрополитъ, бо знову хотѣли побрати и потратити за поводомъ Тетеринымъ.

Того жъ року коммисія скончалася въ Красномъ подъ Смоленскимъ, зъ которой коммисіи, якъ на Москвѣ освѣдчено, отъ его царского величества, усему народу при соборной церквѣ, и присланъ былъ Евстратій Антиповичъ такъ зъ писмомъ тоей постановленной коммисіи до гетмана на Бруховецского. Ажъ отъ того часу тая была пошла пословица, же Кіева уступити мѣетъ Ляхомъ, также забранные рѣчи въ костелахъ лядскихъ—сребро, аппарати, книги и иные рѣчи, где хто що познáетъ, то тое отбѣрати на Украинѣ; знову засъ козацство, которое зостаетъ на томъ боку Днѣпра, якъ-то Чигиринъ, Черкасы, то повинны слухати Короля его милости; а которое зостаетъ на семъ боку Днѣпра, то повинно слухати его царского величества; а которая бы сторона спротивилася, то зобополне оную знóсити. О чемъ усемъ Бруховецкій далъ знати на Запороже, и отъ того часу встали шатости на Украинѣ. Того жъ року поселъ великій королевскій, воевода чернѣговскій Биневскій, былъ на Москвѣ; которому шляхту и мѣщанъ литовскихъ, зостаючихъ въ полоню на Москвѣ, отдано на волю зъ жонами и дѣтми и усѣми набитками. Также и посланцѣ гетмана Бруховецкого частые на Москвѣ бывали въ кривдахъ отъ воеводъ, зоставаючихъ по городахъ, отъ которыхъ люде поносили, на що жадного респонсу не одержовалъ; а найболше якъ былъ подписокъ зъ канцеляріи Мокріевичъ и Якубовичъ тое знати дали, же козаки юже нѣ зá що, и якобы Ляхомъ вскорѣ Украину отдáдуть. Того жъ часу и грамота его царского величества прійшла, же бояринъ въ килкадесятъ тысячъ войска на Украину зимою быти мѣлъ; въ чего барзо Бруховецкій собою и уся старшина стривожили, того ся боячи, жебы не отдано королевѣ Украины. Того жъ часу въ осени много козаковъ зъ Запорожя нá зиму прійшло. Того жъ року и лѣта на Москву пріѣхали два патріярхи: александрійскій и антіохійскій Пансій; а то за жадання и поселство его царского величества патріярху московского судити Никона. При которыхъ патріархахъ соборъ былъ на Москвѣ, и на тóмъ соборѣ патріярху московского зложили зъ патріяршества въ простые черци и въ заточеніе послали, а на его мѣстце иншого патріярху посвятили. Але жадной ереси на патріарху не показалось, тилко зъ ненависти тое учинили бояре, и послѣ того великая стала мѣшанина на Москвѣ.

Того жъ часу якійсь Степка Рагожинъ зъ Дону поднялся зъ козаками зъ военными и пошолъ на Хвалынское море и тамъ прибравъ много своеволѣ и по городахъ воеводъ мордовалъ, а людей посполитыхъ собѣ приворочалъ, ажъ и Астрахань узялъ. На которого по килка кротъ посылали и нѣчого оному радити не могли, же стрелцѣ до него въ тую своеволю приставали. Который чрезъ

килка лѣтъ тое робилъ, поколя оного зрадою взято, якъ уже повернулъ къ Дону, и на Москвѣ четвертовано.

Того жъ лѣта фортелемъ своимъ Дорошенко подхожовалъ Бруховецкого, маючи себѣ способного и помочного митрополиту, который презъ ченца Пивского намѣстника, Якубенка оного такъ писмами, якъ й словесно, обецуючи Бруховецкому уступити гетманство усего, тилко жебы вкупѣ зоставало козацтво; чому повѣривши Бруховецкій гетманъ, далъ ся́ намовити и почалъ брати ненависть на Москву.

РОКУ 1668.

На початку року того о Богоявленіи зъѣхалися усѣ полковники въ Гадяче, и гетманъ Бруховецкій учинилъ раду зъ полковниками, судями и усею старшиною и поприсягли себѣ, же юже конечне отступити отъ его царского величества и по Орду слати и воеводъ в Москву зъ городовъ отсылати, албо зъ ними битися, ежели бы не уступали зъ городовъ; на що усе доброволно позволилося, усѣ обще. Того жъ часу, нѣчо́го не отволѣкаючи, полковники, скоро попріѣздили въ домы, почали задоръ чинити зъ воеводами и на мясници всюды почали ся бити зъ Москвою и воеводъ побрали; а напарвей въ Гадячомъ воеводу выслалъ былъ зовсѣмъ гетманъ Бруховецкій, але, подобно за его жъ позволенннямъ, задоръ учинили козаки и, подужавши Москву, пообдирали, а иныхъ позабивали, и воеводу зъ жоною въ замокъ взяли на́ годъ. Також въ Прилуцѣ, Миргородѣ и Батуринѣ воеводъ побрали, а людей при нихъ будучихъ погубили; а сосницкого, новгородского и стародубского, подостававши замковъ приступами, Запорожскіе козаки зъ мѣщанами усѣхъ побили. Нѣжинъ зась и Чернѣговъ и Переяславле мѣста попусто́шены и попа́лены, а за́мки зоставали презъ усе лѣто въ обложенню отъ козаковъ и усего посполства.

Зача́вши гетманъ Бруховецкій тое непотребное дѣло, послалъ посланцовъ своихъ Стефана Гречаного въ Крымъ до Хана, чинячи згоду и затягаючи Орду; а другихъ пословъ своихъ — Григорія Гамалѣю и Лаврентія Каспаровича канцеляристу выслалъ на Бѣлагородъ до Цариграда до царя турецкого, поддаючися оному, жебы его принялъ подъ свою борону. На весну, заразъ скоро трава подросла, того жъ часу князь Ромодановскій зъ войсками его царского величества подступилъ подъ Котелву и тамъ козаковъ облегъ. Козаки зась, зостаючіе подъ рейментомъ гетмана Бруховецкого, почали свою пріязнь отмѣняти и до Дорошенка посылати, жебы, изъ Чигирина выйшовши, за Днѣпръ перотправовался, обецуючися оного за гетмана приняти. Тако жъ и Сѣрко и зъ Чернѣгова полковникъ Демко́ Многогрѣшный. На которые ихъ слова Дорошенко до Чернѣгова послалъ своихъ козаковъ, а самъ Дорошенко, переправивши Днѣпръ потягну́лъ подъ Опошное.

Того жъ часу и Орда зъ Крыму выйшла зъ посланцами Бру-

ховецкого и Дорошенковыми, и часть прійшла подъ Гадячое, которымъ выконалъ присягу Бруховецкій, и Татаре присягли. На которыхъ присягу гетманъ Бруховецкій зобравши войско, заразъ зъ тими жъ Татарами выйшолъ зъ Гадячого, хотячи итить подъ Котелву на оборону; але не взрозумѣвъ фортелства Дорошенковаго и зрады татарской и що юже и козацство оному незычливо опрочъ Запорожцовъ; где Дорошенко, не допущаючи въ милѣ до Опошного, зо всѣмъ войскомъ и Татарами зострѣлъ, до которого заразъ козацство пристало и таборъ Бруховецкого пожаковали, а самого Бруховецкого узявши, до Дорошенка припроводили, которого Дорошенко позволилъ забити голотѣ. Итакъ голота тиранско забили и замордовали Бруховецкого на полѣ и много людей значныхъ козаковъ и Запорожцовъ позабивали на першомъ тижню Петрова посту. Которого тѣло отпровадити велѣлъ Дорошенко до Гадячого, и тамъ у церквѣ Богоявленія Господня поховано. Где усю маѐтность и жону Бруховецкого гетманъ Дорошенко казалъ позабирать и до Чигирина запровадити. Итакъ скончилося гетманство Бруховецкого. Дорошенко зась, гетманомъ ставши обохъ сторонъ Днѣпра, пойшовши зъ Ордою и козаками, князя Ромодановского зъ войсками отогналъ отъ Котелви и тихъ людей освободилъ. Итакъ Котелвяне уступили зъ Котелвы, зоставивши мѣсто пусто; а гетманъ Дорошенко рушилъ зъ войсками отъ Котелвы на Гадячое, где плюндровалъ маетность Бруховецкого зъ Татарами; а оттоля ишолъ къ Путивлю; але оному зъ двора зайшло непотѣшное, же жона оному сблчила черезъ плоть зъ молодшимъ. Зоставивши войну и приказавши старшинство отъ себе наказнымъ, росказуючи накрѣпко доставати воеводъ по городахъ въ Переяславлю, Нѣжинѣ и Чернѣговѣ, а самъ повернулъ до Чигирина. А орда, узявши ясыру на пограничу московскомъ, повернула въ Крымъ.

Того жъ лѣта, по отходѣ Дорошенковомъ къ Чигирину, зъ за Днѣпра знову околничій князь Ромодановскій, скупивши войска немалые рушилъ на Украину на оборону зостаючимъ въ облеженю воеводамъ, и просто тягнулъ подъ Нѣжинъ, гдѣ пришолъ до Нѣжина на рождество пресвятыя Богородицы, которого приходъ видячи Нѣжинцѣ узявшися съ козаками отступили зъ нѣжина, гдѣ пришовши князь Ромодановскій сталъ у мѣстѣ и усе войско разграбило выходячи зъ Нѣжина, мѣсто спалилъ ничого не оставуючи. А Дорошенко войско купилъ у Сокѣрной. Запорожцѣ зась по забутьи Бруховецкого, который онымъ барзо былъ зичливымъ и не хотячи пристати до Дорошенка удалися себѣ, особливе до Хана кримского зъ пріязню чому ханъ радъ будучи зъ охотою ихъ принялъ, и того имъ зичилъ, жебы себѣ мали гетмана на Запорожу. Аже на тотъ часъ такого пробѣгляца не было на тотъ урядъ гетманства, и такъ будучій писаремъ Суховѣенко на Запорожу и самъ листы писавши и въ поселствѣ до хана пошолъ, которого вдячне принявши ханъ и учинивши згоду далъ Солтановъ въ ордами которій вышолъ и солтани послали до гетмана Дорошенка же-

бы переправовалъ Днѣпръ зъ войсками. Аже Дорошенко видячи же орда становится зичливѣйша бути запорожцамъ, а нѣжѣли ему, не пошолъ самъ зъ войскомъ, але послалъ брата своего рожоного Григорія, злецивши ему войска. Аже покуля наспешили войска запорожскіе татарскіе Демко Многогрѣшный учинилъ згоду зъ князёмъ Ромодановскимъ. О которыхъ войскахъ татарскихъ и козацкихъ узявши вѣдомость князь Ромодановскій послалъ подъездъ въ сыномъ своимъ Князёмъ Андреемъ, которыхъ напавши Татаре у Гайворонѣ погромили и сына князя Ромодановскаго узяли, и такъ самъ князь оборонною рукою уступитъ до Путивля, которому болшей жадной шкоды Татаре и козаки не могли учинити и наступила стужа же уже не пора военная. Запорожцѣ зъ ордами повернули въ Кримъ, а Григорій видячи, же уже приходятъ до згоды знову Заднѣпране зъ москвою, уступили зъ войсками своими ку Каневу и уже безпечней почалъ Многогрѣшный трактовати зъ Москвою.

РОКУ 1669.

Демко Многогрѣшный будучи наказнымъ гетманомъ отъ Дорошенка за тое же онъ наипершей отступилъ отъ Бруховецкого зрадивши его, а хочай Бруховецкій марне згинувъ, на тое неуважаючи, жебы кого тое неспоткало, себѣ гетманства зичачи назбиралъ компанѣи зъ Литвы Ляховъ и иныхъ не мало жебы оному зичливыми быти и изобравши усю старшину поблизъ себѣ заднѣпрскую до Новгородка и приказалъ онымъ же бы себѣ цалаго гетмана настановили, несподѣваючися на оборону гетмана Дорошенка, що старшина будучи удворѣ зачиненна, которыхъ омалъ, а при Многогрѣшномъ не мало его компанѣей и боячися болшей що мовити, але пойшовши гуртомъ просили его Многогрѣшного, жебы онъ надъ ними гетманомъ былъ, чого онъ отмовлялся якъ старая дѣвка хорошого жениха. Бо того самъ требовалъ. Позволилося на тое которому и присягу выконали на послушенство; итакъ заразъ пословъ своихъ до Е. Ц. В. послалъ, просячи жебы знову приняти были по прежнему, що и одержали знову. Рада была въ Глуховѣ, на которой князь Ромодановскій былъ и статіѣ новіе постановили. И отъ того часу уже воеводамъ приказано, жебы ни вощо не втручалися, и воеводы тылько въ Кіевѣ Чернѣговѣ, Нѣжинѣ, въ Переяславлю зоставали, и то ничого не беручи у людей, але усе на гетмана злеценно, и тамъ знову присягу выконали на подданство Е. Ц. В-ву. И отъ того часу Демко гетманъ усе Заднѣпре кгвалтомъ до себе приворочалъ, турбуючися болшей року, покола усѣ городы до него ся прихиляли. Тоей же зимы видячи Дорошенко гетманъ же орда кримская почала прихилятися до Запорожцовъ и ему незичливо ся становити, умыслилъ тое зъ своѣми совѣтниками жебы ся цале поддати Турчинови, якъ Волохи и Мултяне, и послалъ зъ тимъ пословъ своихъ Портянку просячи о Санджака. На которое

его поселство царь турецкій задержавши Портянку присылаеть Чауса отъ себе, на которого пріѣздъ збираеть раду Дорошенко въ Корсунѣ, усѣхъ полковниковъ и старшину, въ которой радѣ усѣ кричали не хотячи поддаными быти Турчинови, але онъ тимъ ся вымѣралъ, же тылко на хана и Солтановъ зъ жалобою посылалъ, же не хотять ему помогати, але еще на его зъ Запорожцами встають, и такъ згоду примую зъ Цесаремъ. И такъ въ той радѣ подишовши козаковъ яко простыхъ людей за повеленіемъ усей той рады принялъ того Чауса посла турецкото, и що хотѣлъ, тое зъ нимъ трактовалъ. И постановивши усе, своего суддю Бѣлогруда послалъ на певное о Санджака, о чемъ чернь не знала, о которыхъ онъ мало дбалъ, маючи при себѣ пѣхоты килка тысячь и комонника не мало. Которая рада заразъ на почагку того року была зимою великихъ мясницъ, и заразъ тогожъ часу послалъ зновуу своихъ пословъ до Турчина, при томъ же Чаусѣ, уже поддаючіоя вѣчне и просячи жебы оному прислано Санджака. Бо Турчинъ не позволялся скваплиlве оного примати, видячи нестатечность козацкую, же жадному монарсѣ слушного подданства не додержуютъ, и то онимъ послалъ вымовлялъ, же я по васъ не посылалемъ, а нѣ тежъ васъ барзе потребую; ежели щире жадаете помочи отъ мене, жебы васъ боронилъ отъ вашихъ непріятелей, тое на вашу пробу могу учинити, але тое себѣ уважайте, же бысте вы додержали своеи вѣрности; бо я не король полскій, а нѣ царь московскій, а нѣ король венгерскій, которыхъ вы ошукивали и издрадили жъ свою вѣру; на вашу пробу учиню, же васъ приму, але же бы сте ся держали, бо ежели не додержите, сами обачите що зъ вами чинитися будетъ. И такъ позволился дати Санджаки, съ которыми Санджаками при Бѣлогрудѣ Чауса посылаетъ.

Того жъ року заразъ на весну Запорожцѣ затянувши орду съ Солтанами вышли на Дорошенка. О которыхъ приходѣ увѣдомившися Дорошенко зъ полками рушилъ и розно коло Чигирина постановилъ, але скоро зближилися орды зъ козаками. Тогожъ часу заразъ полки почалися схиляти до Запорожцовъ и до орды, уже не сподѣваючися жебы орда мѣла зоставити при Дорошенку, того не знаючи же оный послалъ по Санджаки, отдаючи Украину въ подданство. И такъ полки пристали Корсунскій, Уманскій, Бѣлоцерковскій, Паволоцкій, Браславскій, Могилевскій, надъ которыми старшимъ Суховѣенко былъ. Гетманъ Дорошенко видячи же уже тѣ полки отъ оного отступили, уже маючи при себѣ пѣхоты свояволной тысячь зъ шесть, и комонники компанѣи и тако запобѣгаючи жебы и тѣ полки останокъ т. е. Черкасскій и Каневскій отъ него не отступили, а сподѣваючися отъ Турчина зъ Санджаками вышолъ зъ тими войсками при нему зостаючими ку Каневу, и скоро тылко переправилъ Рось рѣку у селѣ Кононти, заразъ оного тамъ осадили орда зъ козаками, гдѣ зоставалъ въ осадѣ недѣлъ пять маючи докуку отъ Татаръ и козаковъ. Але скоро притягнулъ Чаусъ съ посланцами Дорошенковыми до Сороки надъ

Днѣстръ, тогожъ часу послалъ двухъ Турчиновъ съ козаками до солтановъ, которые противно Дорошенку воевали, и заразъ Татаре тихъ козаковъ постинали, а Суховѣенко Турчиновъ до везеня взялъ, еднакъ же за роскаѕане́мъ того чауса солтани зъ ордами отступили отъ Дорошенка и пошли въ Кримъ, а козами повернули къ Уманю, и Суховѣенко здалъ урядъ свой Ханенкови полковникови Уманскому, а Дорошенко зъ войсками своими рушилъ съ подъ Канева ку Лисянцѣ, знову приворочаючи полки подъ свою власть, которіе знову посхилялися съ которымъ потягнулъ просто подъ Умань и тамъ стоялъ часъ немалій войну зъ собою мѣючи, гдѣ тамъ же подъ Умань чаусъ маючи зъ собою орду бѣлогородскую съ тими санджаками пришолъ, и тамъ тіе санджаки Дорошенкови отдалъ и отъ того часу стался подданимъ Турчинови. Що видячи Уманцѣ же и орда при Дорошенку зостала, почали трактовати зъ Дорошенкомъ и приняли згоду, тылкожъ Дорошенка у Умань мѣсто не пустили и Ханенко зъ старшиною не выходили до Дорошенка тылко обѣцовалися пріѣхати къ нему до Чигирина. И такъ Дорошенко отступивши отъ Уманя потягнулъ къ Чигирину отпустивши того посла турецкого ударовавши оного, а полки знову привернулъ къ себѣ и пришовши подъ Чигиринъ выслалъ орду зъ козаками на оборону полку Лубенского и Гадацкого, которіе еще принему держалися, гдѣ орда подъ Лохвицею войска Заднѣирскаго ушибши и узявши ясиру назадъ повернула, а Заднѣпра по старому усе зостало въ подданствѣ Е. Ц. В. и въ послушенствѣ гетмана Многогрѣшного.

По згодѣ той Уманской Ханенко и Суховѣенко и Хмѣлниченко, не поѣхавши ко Чигирину, але зъ козаками Запорожскими на Запороже выславши затягнули знову орду Кримскую на Дорошенка, а бѣлагородская орда держалася при Дорошенку, которой часть Дорошенко при себѣ держалъ. Аже уже послѣ святой покровы выйшла орда Кримская зъ Хмѣлниченкомъ и Суховѣенкомъ на помо́чь имъ зъ Ханенкомъ противъ Дорошенка, а Дорошенко послалъ по бѣлогородскую орду которая уже не хана слушала, а паши Силистрійского. И такъ Дорошенко зъ войсками козацкими и Татарми потягнулъ противъ Ханенка, которого Ханенко зъ Запорожцами подъ Стеблевымъ споткалъ и такъ далъ оному бой же мусѣлъ Дорошенко въ городѣ Стеблевѣ зачинитися, которого приступомъ Ханенко доставилъ а на валу були, аже Сѣрко зъ козаками и Татарми наспѣшилъ зъ бѣлогородскими ордами оному помочи, же орда кримская мусѣла уходити, съ которими и Ханенко и Суховѣенко на Запороже, а Хмѣлниченко зъ Уманя уходилъ, а се оного бѣлогородскіе Татары поймали и зъ собою запровадили до Бѣлагорода, оттуда за причиною гетмана Дорошенка до Цариго ро́да запроваженъ, и такъ зосталъ въ неволѣ царской въ Едикулѣ. А Дорошенко змоцнившися тоею ордою бѣлагородскою Умань опановалъ, и тамъ людей силнѣйшихъ выбралъ до вязеня въ Чигиринъ, зъ которыхъ иншихъ и потратилъ. А орду тую бѣлагородскую постановилъ зимовати по усей

Украинѣ ажъ до Днѣстра, хотячи зимою ити за Днѣпръ воевати, що и розказалъ былъ ордѣ купитися ку Мошнамъ передъ Р. Х., которіе любо скупилися були, але збунтовавшися вернулися отъ Днѣпра для того, же зъ оными не шолъ гетманъ Дорошенко; и такъ гдѣ кто стоялъ набрали жиру и повернули у свою землю, на которихъ посилалъ Дорошенко зъ жалобою до царя Турецкого, але тое повернули въ жартъ, нѣкого не вернули, кого узято пропалъ, хиба кого выкуплено.

Того жъ лѣта патріархове повернули зъ Москвы, постановивши на Москвѣ патріарху иншого на мѣстцѣ Никона. Але тая дорога несчастлива была патріархомъ, бо Александрійскій идучи моремъ померъ, а Антіохійскій якъ пришолъ въ землю турецкую, то оного взято до Царигорода, и тамъ много сплатился, и за ледво на своемъ мѣстцу зосталъ, бо часъ не малій у Царигородѣ зоставалъ непущоны.

РОКУ 1670.

Гетманъ Дорошенко послалъ своего резидента до царя Турецкого; и отъ того часу зоставали резиденты у Турчина козацкое.

Тогожъ року посилалъ митрополита кіевскій Іосифъ Тукалскій посланца своего Романа Ракушу протопопу браславского до святѣйшого патріархи въ Царигородъ о подтверженя на мтирополію кіевскую, а то для того, же и епископъ премыслскій Антоній Винецкій отзывался митрополитомъ кіевскимъ, ижъ бы одинъ хто зъ нихъ былъ митрополитомъ, а не два митрополита, чого нѣколи передъ тимъ не бувало. Которого посланнаго святѣйшій патріарха Меѳодій не хотѣлъ приняти безъ вѣдомости цесарской, и такъ ажъ мусѣлъ ѣхати до Солуня ку цесареви, отъ которого привезлъ писмо также и отъ цесаря до святѣйшого патріархи, же позволено приняти, и такъ принятъ и соборне позволено и потвержено митрополію Іосифу Тукалскому, аже бы нѣхто иншій не отзывался митрополитомъ и архіепископомъ кіевскимъ Тотъ же посланный протопопъ браславскій вывезлъ соборную клятву отъ святѣйшого патріархи на заднѣпрского гетмана Демяна Многогрѣшного, которій въ пиху поднесшися легце себѣ тое поважалъ, еще ся грозячи, але заразъ оного Господь Богъ скаралъ, же спадши зъ кганку шію былъ зламалъ, же часъ немалій немогъ говорити, що пришовши до здоровя не хотѣлъ ся упамятити що на потомъ оному нагородилося зле бо того року заДнѣпра зоставало въ покою, а Запороже маючи себѣ кошовимъ Ханенка пословъ своихъ часто посылали до короля полского на тотъ часъ зостаючого Мѣхала зъ Вишневецкихъ; и на Запороже послове королевскіе по Заднѣпрю ходили бо уже Дорошенко гетманъ цале держалъ зъ Турчиномъ. Любо то и комиссію зложили были въ Острозѣ, на которую козаки зъ паволочи не хотѣли ѣхати не подобныхъ рѣчей на комѣсарахъ полскихъ вымагаючи а звлаща сенаторовъ; у заставѣ же бы дано до Чигирина, которая комисія ни нащо зышлася.

РОКУ 1671.

Заразъ на початку того року гетманъ Дорошенко уже будучи непріятелемъ коронѣ полской пославъ до пашѣ силистрійского просячи орду, жебы поспѣшала еще зимою на Украину. А покуля Орда вышла на Украину пріѣхалъ у свою епархію епископъ лвовскій Іосифъ Шумянскій до Могилева Днѣстрового, которого ровсказалъ гетманъ Дорошенко силою провадити въ Чигиринъ зовсѣмъ, кото рого и взято въ Могилевѣ зъ великою жалостю усего народу зостаючого на тотъ часъ въ Могилевѣ, а звлаща подъ часъ ярмарку богоявленского. Которого запровадивши въ Чигиринъ, не много держачи Дорошенко отпустилъ за стараненъ отца Митрополита. А заледво у свои городы увойшолъ. Бо заразъ въ тропы и орду за нимъ пустилъ, же мало въ неволю не впалъ. Итакъ орда много шкоды людямъ учинила и вернувшися стояла по волости коло Богу и коло Уманя, часто чаты оправуючи въ волости належачіе до короны; бо на весну якъ трава стала то и козаки въ братомъ Дорошенковымъ скупившися стали за Калникомъ въ поляхъ зъ ордою. До спасовки видячи гетманове коронніе великую докуку отъ орды послали своихъ пословъ на Запороже до Ханенка и войска, жебы вышли ку Ладижину ознаймуючи и о своемъ приходѣ на побуже. На которое посельство королевское вышолъ Ханенко и Сѣрко зъ войскомъ въ килка тысячей въ арматами, а гетмане коронніе упередили и Татаръ подъ Браславлемъ зломили, же мусѣли утекать въ свою землю. Такъ же и тая орда застаючая при самомъ Дорошенкѣ гетману уступила, же и Дорошенко мусѣлъ отъ Богу вернутися и туляючися коло городовъ уступилъ ку Чигирину, а гетманове коронніе Янъ Собѣцкій и князь Димитрій полній знову подступили подъ Браславле а Ханенко зъ Сѣркомъ до Ладижина, которимъ усе побуже схилилося и учинивши раду потягнули со всѣмъ войсками подъ Калникъ, который не хотѣлъ ся поддати гетманомъ коронным. Итакъ стояли войска недѣль двѣ достаючи Калника; тамъ подъ Калникъ приславъ король его милость булаву, короговъ, бубни козакомъ, позволяючи онымъ обирати гетмана. Гдѣ войско дали гетманство Михайлу Ханенку, на що и гетмане коронніе позволили. Але Калника не доставши войска отступили подъ Браславле и утвердили президіумъ тоесть жолнѣровъ по замкахъ: Могилевѣ, Браславли, Немировѣ, Ладижинѣ, Рашковѣ и излецили гетманове коронніе тіе усѣ войска по тихъ замкахъ гетманови запорожскому Ханенкови жебы оного слухали, ежели чого потреба придавши и своего рейментаря посла Везицкого съ которымъ тіе войска росправили по станціяхъ. Але на тотъ часъ жолнѣре скромно заховалися съ людми зъ гроше ся контентовали тылко ежели сѣна узяли де найшли. А гетманъ Ханенко зоставалъ у Ладыжинѣ при которомъ жолнѣре и козаки були, тылкожъ люди козаковъ запорожскихъ кормили, а жолнѣре зъ гроша жили.

РОКУ 1672.

На початку того року заразъ великихъ мясницъ, якъ уже войска великіе коронные уступили въ Полшу, гетманъ Дорошенко затягнувши орду не малую и войска своѣ скупивши притягнулъ подъ Тростянецъ и мѣсто спалилъ, але замку достати не могъ, же жолнѣре зъ людми тамъ зачинилися и оборонилися; тылко жъ великую шкоду жолнѣре подняли въ копяхъ и риштункахъ, що въ городѣ потратили, же много пѣшихъ зостало. Але Дорошенко не доставши замку вернулся ку Чигирину, тылкожъ много попустошилъ,—Татаре выбрали Кубычи, и инніе мѣстечки, и идучи зоставилъ пѣхоты полкъ въ Умани. На которыхъ Уманцѣ взбунтовавшися полковника Жеребыла убили и иннихъ козаковъ знатныхъ зъ старшины, а чернь выгнали зъ мѣста и мѣсто здали гетманови Ханенку на имя королевское.

Тогожъ року конфедерація встала на короля, и жолнѣрове, которіе были при гетману Ханенкови комонно пошли въ Полшу до того звязку.

Тойже зимы о средопустю старшина зъ пысаремъ войска заднѣпрского Карпомъ змовившися леенуючи же посте регли змѣну гетмана заднѣпрского Демка Игнатенка Многогрѣшного противно его царскому величеству, и напавши оного въ ночѣ въ замку батуринскомъ на ложу оного взяли и звязали, и уноживши въ возъ накрывши шкурою повезли на Москву ничого не держачи, боячись жебы оного не отнято, бо мѣлъ много войска своего затяганого по станціяхъ, такъ же и полковниковъ не мало по усѣхъ горахъ пріятелѣ его були, але якъ уже оного взявши провадили, то уже и тое мусѣло розно уходити, а иннихъ поймавши на Москву поотсылали, гдѣ того гетмана на Москву припроводили, давали на спытку то есть катови до рукъ пробовати, а якъ випроважено въ городъ, то многіе стрѣчи были, и на оного плювали. И не стративши оного отослано съ братами его зъ жоною на Сибѣръ на вѣчное пробуване. И такъ скончалося гетманство Многогрѣшного, которій поважилъ себѣ клятву соборную святѣйшаго патріархи, со всѣмъ въ нѣвецъ пойшолъ; а маетность его розно старшина подѣлила. Лѣта того присланъ отъ короля его милости и гетмановъ коронныхъ рейментаромъ зъ войсками панъ Лужецкій каштелянъ подляскій въ Ладыжинъ до гетмана Ханенка. Але тамъ не много стояли, бо Дорошенко гетманъ видячи же оного утискуютъ зо всѣхъ сторонъ, а жалуючи гетманство утратити, яко найчастѣй посылалъ до Турчина просячи о посылки. Турчинъ того лѣта зо всѣми войсками рушилъ подъ Камянецъ, росказавши и ханови кримскому ку себѣ ити. И такъ ханъ кримскій зиипоошися зъ гетманомъ Дорошенкомъ тягнули мимо Ладыжинъ на Батогъ. И тамъ гетманъ Ханенко и рейментарь панъ Каштелянъ подляскій мѣли потребу зъ оными, алежъ ихъ силы великіе недодержавши мусѣли уступити до Ладыжина изъ шкодою. А ханъ и Дорошенко не займаючи Ладыжина зъ войсками потягнули просто подъ

Каменецъ до Турчина, гдѣ и Турчинъ притягнувши, Каменецъ найшовши не въ готовности, бо войска на тотъ часъ зъ Каменца вийшли были за упрошенемъ мѣщанъ, же не сподѣвались того проходу турчинового. Гдѣ тылко недѣль двѣ держалися, але знать же уже божескій гнѣвъ наступилъ, бо порохи въ цекгавзу запалили, гдѣ много замку выкидало, и такъ Каменецъ здали, гдѣ и самъ Турчинъ маючи тамъ уѣхати приказалъ, абы умерлихъ зъ склеповъ выбирано и за мѣсто вожено, що заразъ учинено, всѣхъ умершихъ такъ зъ склеповъ яко изъ гробовъ выкопувано, а за мѣсто вожено, а образа божіи беручи зъ костеловъ и церквей по улицахъ мощено по болотахъ по которыхъ Турчинъ въѣхалъ въ Каменецъ. И его подданный, незбожній Дорошенко! не заболѣло его сердце такого безчестія образовъ божіихъ задля своего несчастливого дочасного гетманства! И тогожъ часу мечети зъ костеловъ и церквей починено: зъ фари самому цареви турецкому. И такъ староста Потоцкій зъ Лянскоронскимъ отдали Каменецъ Турчинови, трактуючи, жебы онымъ волно выти такъ шляхтѣ такъ и мѣщаномъ съ Каменца, на що Турчинъ позволилъ и усѣхъ волно пустилъ, гдѣ заразъ жодного дзвона не остало: усе Турки поскидали, а инніе Дорошенко побралъ, такъ же и кресть нѣгдѣ не одержался — поскидано!

Тогожъ лѣта визирь и ханъ и Дорошенко зъ войсками великими ходили подъ Львовъ и куды ишли пустошили, а гдѣ онымъ здавалися городы, то залоги ставили, тылко жъ Татаре кривду чинили и подступивши подъ и Львовъ налягали оному барзо зо всѣхъ сторонъ, але оного достати не могли. Еднакъ же Львовяне трактати учинивши дали плату немалую Турчинови але не поддавалися. Оттоля повернули войска назадъ подъ Каменецъ, а Татаре загонами ходили на Подгоръе, войска засъ тіе зостаючіе зъ паномъ подляскимъ и гетманомъ Ханенкомъ зоставивши коменданта въ Ладыжинѣ, потягнули въ Полщу до короля, почувши о приходѣ Турчиновомъ подъ Каменецъ, знову засъ комендантове зостаючіе по замкамъ браславскомъ, Ладижинскомъ, Могилевскомъ, барскомъ, узявши вѣдомость о томъ полную, же уже Каменецъ Подолскій взято, постановилы трактаты зъ козаками Дорошенковыми, уступили зъ своими войсками пѣщими зъ гарматами зъ городовъ, отдавши городы въ цѣлости Козакамъ Дорошенковымъ.

Того жъ лѣта Заднѣпране, за позволенемъ Е. Ц. В. учинили раду въ козацкой дубровѣ, и тамъ наставили гетманомъ Іоанна Самойловича, поповича съ Красного, у постъ св. апост. Петра и Павла, при боярахъ отъ его царского величества засланыхъ и князю Ромодановскомъ, и тамъ знову присягали, и статѣ поддержали также и усю старшину козацкую настановляли. Царь Турецкій дочекавши осени осадилъ Каменецъ Подолскій войсками немалими и учинивши тракти дочасныи зъ королемъ же мѣли усего Подоля уступити Турчинови и дати дань, уступилъ Турчинъ у свою землю; такъ же въ Межибожу и Бару Турки стали и по иныхъ мѣстахъ. А

Дорошенко повернулъ ку Чигирину, которому знову Умань поклонилася, а козаки запорожцѣ пошли въ Полшу до своего гетмяна Ханенка, а наказного Ханенкового узялъ Дорошенко и стратилъ въ Чигиринѣ. Бѣлоцерковскій комендантъ неслухаючи тоей постановы зъ Турчиномъ, не уступилъ замку Бѣлоцерковского зъ своими жолнѣрами, а ни Турчина въ городъ не принялъ. Въ Камянцу зостало христіанъ Русь, Ормяне, которіе себѣ упросили, Русь три церкви, а Ормяне одну церковь, и то съ трудностію великою ихъ набожество отправуется.

РОКУ 1673.

Заразъ на весну наступили знову у волоскую землю турецкіе войска пашей семъ и стали подъ Хотѣнемъ при которыхъ и господарь волоскій и господарь мултянскій зъ войсками своими готуючися ити на Полщу, а паша одинъ потужный...[143] сталъ на Цоцорѣ. И войска коронніе и литовскіе скупившися маючи зъ собою люду затягового за росказанемъ королевскимъ рушила съ подъ Львова просто Котѣня, гетмане сами, а король зосталъ во Львовѣ: болного отруено, и тамъ померлъ; а войска пошли, надъ которыми старшимъ былъ Гетманъ коронный Янъ Собѣцкій, и притягнувши просто на обозъ Турецкій мали зъ ними потребу. И господаре волоскій и мултянскій зъ своими войсками, у которыхъ силы невеликіе отступили отъ Турчина и прихилилися до войска коронного. И такъ другого дне жолнѣре просто пошли на обозъ турецкій, любо въ окопѣ стояли Турки, и тое войско турецкое розбили, которыхъ меновали тысячей сорокъ, зъ которыхъ ледво увойшло тысячей на десять презъ Днѣстръ до Камянца и то голо, такая имъ поразка была, бо сами Турки безъ Татаръ были и замокъ хотѣнскій узяли, гдѣ великіе скарбы турецкіе узяли гетманове и тое збывши на того пашу на Цоцору, але тотъ паша не дожидаючи уступилъ за Дунай. Тоей зимы стали жолнѣрове на зиму въ волоской землѣ розно по становискахъ а панъ Сынявскій коронный хоружій сталъ у Ясяхъ, и замки хотѣнскій и сочавскій и инніе поосажовали пѣхотою нѣмецкою, але тое не много тривало, бо Турчинъ видячи тую поразку послалъ въ Кримъ до хана абы заразъ высылалъ орду у волоскую землю выгонати жолнѣровъ, а на каждого Татарина по два червонихъ платы далъ. И такъ заразъ зимою солтанъ зъ сыномъ ханскимъ зъ ордами притягнули у Бѣлогородчину, до которихъ знову панове волоскіе пристали, отступивши Ляховъ и пришовши у волоскую землю до Ясь города столенского выгнали жолнѣровъ, же мусѣли уступати зъ волоской земли, тылко въ сочавскомъ замку и хотѣнскомъ зостала пѣхота. Тоей зимы много жолнѣрства зъ голоду померло. Въ томъ же року на веснѣ въ Бѣлогородѣ громъ розбилъ замокъ, же ажъ въ море летѣло каменя, котораго Турки заробыти не могли, бо Татаръ усѣхъ выгнанно зъ Бѣлогородчины у Кримъ: якъ повернулъ царь турецкій зъ подъ

Каманця, зимою оныхъ выгнано, которіе въ поляхъ коло Богу померали, бо не переправили рѣкъ, а много ихъ потонуло. Задля того того лѣта не ходили Татаре у волоскую землю Туркамъ на помочь, и Сѣрко много шкоды того лѣта зъ колмыками учинивъ въ Криму и въ Бѣлогородчинѣ попустошивъ и тіе недоборки турецкіе съ каманця и ходили на Могилевъ, Стѣну, Рашковъ, до Тягинѣ бо того часу козаки зъ Дорошенкомъ при Турчину зоставали. Волоская земля того часу у великомъ утрапленю была, же мусѣли усѣ зъ своѣ землѣ утикати, и много коло Богу знатныхъ Волохъ тулялося, бо великую криву терпѣли отъ Татаръ которіе зимовали выгнавши Ляховъ и господаря Петрицея, а насталъ Димитрашенко господарь, що зъ ордою пришелъ, которій и самъ у Татаръ за невольника былъ; бо що хотѣли то робили, и брали по самъ Дунай, покуля жолнѣре засягли были.

РОКУ 1674.

Заразъ по рождествѣ Христовѣ по указу Е. Ц. В. собравши войска бояринъ князь Григ. Григ. Ромодановскій и околничій Петръ Дмитріевичъ Шкуратовъ воеводы Бѣлогородскіе силы великіе московскіе и злучившися зъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ зъ войсками козацкими заднѣпрскими потягнули на Крыловъ подъ Чигиринъ и попустошивши мѣстечка около Днѣпра подтягнули подъ Черкасы и оныхъ доставали, гдѣ Черкасцы собою звонтпивши, здалися князю и гетманови, въ которыхъ зоставивши часть войска залогу, потягнули зъ войскомъ до Кіева, гдѣ и Каневци собою стривоживши поклонилися князеви и гетманови и до города впустили, и зъ Канева князь и гетманъ послали войска до Богуславля, бо у Корсунѣ и у Лисянцѣ стояло войско Дорошенково, а Дорошенко послалъ до волоской землѣ до Солтановъ просячи жебы що колвекъ Татаръ оному послалъ за для постраху, а же за частою прозбою Дорошенковою солтанъ послалъ часть орды на Рашковъ которые почали въ Рашковѣ своявoлити, жони брати, и такъ мѣщане обурившися онихъ изъ мѣста выгнали, аже заледво знову перепросили еднаючи утратили тысячей шесть грошей, и тая орда притягла до Лисянки къ брату Дорошекову, Григорому, который зъ оними Татары и казаками ходилъ подъ Богуславле противъ войска Московского, але заледво за ними увойшолъ: добре онихъ гнано, и Лисянцѣ не терпячи татарской своявoлѣ обурившися Татаръ побили, а старшина татарска у господѣ боронилися, ажъ пріѣхавши отъ Заднѣпрского войска асаулъ онихъ побралъ: ему здалися, а Дорошенкова брата знайшли на передмѣстѣ крыючагося и узяли въ неволю у Москву, а другій братъ Дорошенко Андрей съ Корсуня зъ нѣкоторою старшиною утекомъ пойшолъ изъ компаньею Дорошенковою. И такъ всѣ полки схилилися его царскому величеству и гетманови заднѣпрянскому Ивану Самойловичу, опрочъ самаго

Чигирина и Паволочи. И побравши писма отъ гетмана Самойловича полковники по городахъ розъѣхалися зъ войскомъ въ тотъ часъ. И гетманъ Ханенко по смерти короля Мѣхала варуючися пановъ уступилъ на Заднѣпра и въ томъ же войску зоставалъ при князѣ зъ своимъ войскомъ, которое при нему зоставало такъ запорожскихъ козаковъ якъ тежъ и тихъ, що зъ городовъ до него пристали немало А Дорошенко тимъ же уводилъ же мѣлъ поклонитися Е. Ц. В-ву и положити Гетманство у радѣ, тылко жебы рада была у Переяславлѣ, на що князь зъ гетманомъ Самойловичемъ позволивши заразъ тоей же зимы въ постъ великій зобралъ всѣхъ полковниковъ и козаковъ чолнѣйшихъ на раду въ Переяславль, и Ханенко здалъ гетманство, и до Дорошенка послали, але Дорошенко не поѣхалъ жалуючи утраты гетманства и такъ совершенно зъ обоихъ сторонъ Днѣпра потвердили Гетманство Ивану Самоиловичу, на той радѣ въ Переяславлю по самій Днѣстръ, тылко надъ Днѣстромъ Гоголь, нехотяче полковнитства утратить, держался при руцѣ Дорошенковой, и до Турчина черезъ него посолство отправовалося, а же зима великая барзе была, войска его Царскаго Величества и козацкіе мусѣли по городахъ розитизя, а Дорошенко манячи до лѣта просилъ, жебы рада отложена была, атутъ старался о посилки себѣ заразъ по воскресеніи Христовомъ, на веснѣ вышло Салтановъ три на посилокъ Дорошенкови въ поля, аже почали докучати подъ города Лисянку, Олховецъ и инніе, противно которыхъ ординованія Димитрашко полковникъ переяславскій зъ войсками Московскимъ и козацкимъ и напавши на нихъ за Шашликомъ, онихъ знатне громилъ, четыре милѣ гонивъ, рубаючи татаръ и многихъ поймали. Бояринъ зась, князь ромадоновскій и Гетманъ Иванъ Самойловичь переправившиДнѣпръ у Черкасѣ звойсками подъ Чигиринъ подтягли, и облегши сюю сторону отъ Черкасъ, а тамъ тая сторона за тясминомъ, онымъ поволька была, которою вольный проѣздъ посланцѣ Дорошенкови мѣли въ кримъ и до царигорода, и такъ горячею прозбою своею Дорошенко двигнулъ знову самого Турчина зъ потугами великими, зъ которого и Ханъ приволокнулъ въ волоскую землю, и такъ великими поганскими своими силами рушилъ ко Днѣстру, и засталъ города усѣ полни людей, сподѣваючихся посилковъ отъ Царскаго Величества, отъ Гетмана Ивана Самойловича, будучи убезпеченими писмами, же посилки великіе идутъ, и такъ протягнувши Турчинъ, косницю досталъ, и всѣхъ людей витинано, а напотомъ мѣсто стѣну достали, и вистинали, оттуля зась мѣсто Куничное въ которомъ килка городковъ зышлося было, и тамъ много Турковъ побито, але поганинъ не отступилъ ажъ приступомъ узяли, и усѣхъ вистинали, а оттуль подъ Ладижинъ потягнулъ и до Ладижина штурмовали, бо тамъ Козаковъ немало было Заднѣпрскихъ зъ Мурашкою полковникомъ, аже мещане звонтнили, почали просити милосердія, и издаватися, але поганинъ показалъ недоброе милосердіе, бо перше старшину выбралъ, а напотомъ и усѣхъ въ неволю побрано, и такъ стоячи,

самъ царь послалъ подъ Умань, и доставали Уманя, що уже Уманѣ видачи немалую налогу, и хотячи получити милосердія, услыхавши Дорошенка и его посланцовъ, полковникъ зъ старшиною и чолнѣйшими козаками, поѣхалъ кланятися Турчинови, и такъ усѣхъ тихъ Козаковъ вневолю взято и зосталася Умань безъ старшины, боролися часъ немалій потужне, и оныхъ подкопами узято, которіе такія боронили, же не тылко на парканахъ, але уже по улицамъ з дворовъ билися, же кровъ текла рѣками, ажъ усѣ полегли, що такъ розумѣти, же много мучениковъ стало того часу, ханъ засъ отъ Турчина посланъ на оборону Чигирина, о чомъ увѣдомившися князь и гетманъ Самоиловичъ отступили отъ Чигирина, запаливши таборище и увойшли въ цѣлости до Черкасъ, и тамъ подъ Черкасами Дорошенко съ Ханомъ притягнули на войска Заднѣпровскіе, которимъ жадной шкоди не учинилося, и такъ усе войско, котороє першей переправовалося килка недѣль, ти одного дня и ночи у весъ Днѣпръ переправили, и жители Черкаскіе, бо Черкасы запаляти Князь росказалъ, и такъ усе выгорѣло, ничого не зосталовъ черкасахъ, а инніе городы поздавалися Дорошенкови, которыхъ барзе зодралъ, плату даючи Татаромъ, а Лисянка вся уступила за Днѣпръ и испалена. Тогожъ часу Умань Турчинъ розоривъ, уступилъ у свою землю, зоставивши орду при Дорошенку, которій много потратилъ старшины, которіе поздавалися было его Царску Величеству и тое що Турки не добрали, гдѣ що всхованыхъ было, то тое отъ него посланіе отбирали, и до него отсылали, а онъ тамъ платилъ, той своевольной пѣхотѣ, которая при нему держалася, такъ же зостаючая пѣхота отъ него въ паволочи великіе разбои по гостинцахъ чинила, и многихъ знатнихъ Кіевскихъ позабывала купцовъ.

Тоей же осени по отходѣ Турецкомъ у свою землю, заразъ наступилъ, на забоже Король Польскій Янъ Собецкій, которій ново по гетманствѣ королемъ сталъ, и еще не корованнимъ будучи и хотячи ускромити землю и привернути украину къ себѣ, сталъ зъ войсками у бреславлю самъ, а инніе стали панове и жолнѣре по городахъ усѣхъ, ажъ до белой церкви, при нему зоставили, а гетманъ коронніи князь Дмитрій Збаражскій и Яблонскій полній, и исъ тими войсками отнялъ у Турковъ баръ зъ черкасами и Рашковъ, Турковъ вибивши, и Могилевъ.

РОКУ 1675.

Король стоячи у Браславлѣ и Паволочи казалъ докучати, и такъ пѣхота Дорошенкова здалася королеви, которихъ до двора своего король узялъ уборы и плату онимъ далъ; стоячи тамъ король съ войсками учинилъ[144] а Дорошенко жадною мѣрою не хотѣлъ поддатися, але посылалъ по орду, которая вскорѣ зимою до оного вишла, недаючи оному зъ королемъ до згоди прити, и такъ перезимовавши король въ Браславлю пошелъ до

Кракова на коронацію, а тамъ по городахъ позоставали Комендантп, то есть у Браславлю, Немеровѣ, Жорницахъ, и Лѣнцахъ, Бару и иныхъ.

Того жъ лѣта Браславцѣ здалися Дорошенкови, и хотѣли жолнеровъ выбити, але того не доказали, и мусѣли уходити до Браславля, и такъ комендантъ спаливъ Браславе и уступилъ до Немерова, але по старому Браславцовъ у Ладижинѣ жолнѣре напавши пожаковали, а иныхъ постинали, а напогомъ у бершади, и такъ тая украина стала пуста, бо остатокъ тихъ людей побужя и торголочане зайшли на Заднѣпра.

Того жъ лѣта бояринъ князь Ромодановскій скупивши войска его царскаго величества и скупившися съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ, ходили по Днѣпру и посилали войско свое до Корсуна, которымъ Корсунъ здался, и такъ усѣхъ людей съ Корсуна съ полковникомъ ихъ спровадили на Заднѣпра. А Ляхи пришовши спалили Корсунъ съ церквами, и подъЧигиринъ ходилъ тылко жъ ничего не вскурали, але вышолъ Сѣрко зъ Запорожа, съ которымъ згоду узялъ Дорошенко, и присягу виконалъ на подданство его царскому величеству, и послалъ своихъ пословъ на Москву а на потомъ и Санджаки отослалъ на Москву своимъ тестемъ, тылко жъ втомъ мало было правды, бо по старому посилалъ до Турчина и до хана о помочь, тое лѣто маначи, отзиваючися слугою его царского величества, але жаль было гетманство положити, отъ которого своевольніе кампанѣѣ и пѣхота почали рватися, и на Заднѣпра уходити, и для того почалъ зъ Запорожцами мешкать въ пріязни, и живность, горѣлки, тютюнъ онимъ слати, сподѣваючися того, же его гетманомъ утвердятъ, а до того, же уже нѣ откого небачилъ пріязни, а нѣ отъ Ляховъ, а нѣ отъ Татаръ, а нѣ отъ Турчина, санджаки обавлялся, а найболшей зъ Запорожцами сгоду принялъ, сподѣваючися, же оного наставлятъ гетманомъ и на Заднѣпру, бо передъ тѣмъ жадною мѣрою не хотѣлъ въ згодѣ зъ Запорожемъ мешкати, але еще промишлялъ и поднимался Турчинови зносити Запороже, бо найболшей оного не любили козаки запорожскіе, же поддался Турчинови, и такъ Дорошенко зостаючи у Чигиринѣ, любо уже въ малой купѣ, и подъ собою держачи городковъ мало, тылко Чигиринъ, Криловъ, Черкаси, Медведовку, Жаботинъ, Мошни, по старому не хотѣлъ на Заднѣпра гетманови поклонитися, и гетманство отдати, але гетманомъ отзивался, и посилалъ до орды, але орда оного не послухала, такъ же и до Турчина посилалъ, але и тотъ за свою зневагу, же отдалъ Санджаки, розгнѣваній оному помочи недалъ, тылко зъ самою пѣхотою своявольною, которую держалъ тысячь полтори, даючи онимъ плату грошевую, а живность зъ тихъ городовъ оному послушнихъ мѣли, на усѣ стороны манилъ своею пріязнію, и своеми пріязними побужалъ такъ Запорожцовъ, яко тежъ и въ Полтавщинѣ, и инныхъ городахъ украинскихъ презъ людей себѣ зичливыхъ, жебы ся збунтовали на своего гетмана, и на раду незволилп своявольную, на обраніе гетмана, що уже пніе почалп-

ся были бунтовати, але Запорожце не зезволилися у радѣ.

РОКУ 1676.

На весну зарязъ видячи его царское величество, же Дорошенко тилко писмами свою зичливость освѣдчаетъ, а на сердци що инщого маетъ, и не попущаючи оному болшей зводити, войска не маліе зъ Москви рушили, и повѣтъ Смоленскій, также бояринъ князь Ромодановскій зобралъ великіе Бѣлогородскіе силы и искупившися съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ, войсками козацкими притягнули ко Днѣпру противъ воронувки, а напередъ вислали подъездъ тысячъ у двадцать подъ Чигиринъ, которій подъездъ обогнавши Чигиринъ, не далъ городкомъ околичнимъ уходити до Чигирина, тылко сами Чигиринцѣ зостали въ осадѣ, що Дорошенко собою звонтпивши почалъ трактовати, варуючи своего здоровя, на що бояринъ князь Ромодановскій зъ своими начальними, также и гетманъ зъ своей старшиною позволили, и поправили сумленемъ; и такъ по тихъ трактахъ пріѣхалъ Дорошенко зъ Чигирина до войска и поклонился боярину и гетмановѣ Ивану Самойловичу и поотдавалъ знаки войскіе, належачіе гетманомъ, то есть-бунчукъ, булаву, армати, и заразъ тогожъ часу выступила пѣхота Дорошенкова зъ замку Чигиринского и изъ города, а того жъ часу войска его царского величества увойшли въ замокъ Чигиринскій, у городъ Чигиринъ посполу зъ козаками Заднѣпрскими, то есть полковникомъ Чернѣговскимъ Василіемъ Борковскимъ, и що належало войскового, то есть арматъ, которихъ не малая лѣчба, пороховъ, боропша, усе тое поотбирали подъ свой дозоръ, и Дорошенкови постановили, а напотимъ приказали, жебы уступилъ зъ Чигирина на Заднѣпра на мешкане, що и учинити мусѣлъ, которому дано мешкане у мѣстѣ Сосницѣ; и такъ гетманство его скончалося при упадку великомъ украинѣ, а отъ того часу Москва стала у Чигиринѣ, по указу его царского величества.

Того жъ лѣта паша великій Капланъ зъ великими войсками ходилъ въ Полшу противъ короля Полскаго Яна Собецкаго, и не дался войску коронному скупити, бо войско одно зъ хоружимъ коронимъ Синявскимъ стояло подъ и Лвовомъ, а король зъ войсками Литовскими и коронимъ стоялъ подъ Берестечкомъ, и тамъ любо дали были бытву добре Турчинови, але же ханъ зъ великими силами наспѣшилъ, трудность великую учинилъ войску королевскому онихъ облегши, гдѣ барзе много войска потратили и отъ коней отпали, и сами у великой тревозѣ зоставши мусѣли згоду чинити, и не хотячи позволяти, то есть уступити у сего подоля подъ королевство Туркамъ и усей украинѣ зряктися, такъ же и плату дати тридцать тысячей червонныхъ и инныхъ немало вымисловъ за грѣхи наша надъ Христіаны.

Того жъ року Генваря 1. на запустную недѣлю померъ великій государь царь Алексѣй Михай-

ловичъ въ ночѣ, годины четвертой, а на его мѣстцѣ зоста сынъ его царемъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, и того жъ часу усѣ бояре и стрелцѣ присягли его Царскому Величеству на подданство и на послушанство.

Того жъ року и того жъ дня узято монастырь Соловецкій и чорнцовъ вистинали презъ роковъ шесть неотступно, а за такую вину, же не позволилися приняти новопоставленныхъ рѣчей на соборѣ московскомъ при бытности двохъ патріярховъ, Александрійскаго и Антіохійскаго, першая рѣчъ, же Духа Святаго не мовити у вѣрую, а знову засъ, жебы не мовити Господи сыне Божій помилуй мя, але такъ мовити, Господи Іисусе Хрісте помилуй мя, а сына оставляти, и иншіе новіе рѣчи, которіе подруковано у книжицѣ, названой Жезлъ, а тое тотъ монастырь сплюндровано, которій на увесь свѣтъ славній, и святихъ чудотворнихъ мѣлъ у себѣ, и за тое новіе рѣчи многихъ чернцовъ, поповъ и свѣцкаго стану людей у землѣ московской помордовано, же того не похотѣли принимати, але на старомъ держалися, якъ передъ тимъ было, и многіе выходили на украину на мешканя къ сѣверу, позоставивши набитки своѣ, а иныхъ у силку позасилано [44].

Того жъ року отъ короля полского гетманомъ козацкимъ постановлено Евстафія Гоголя, полковника Подолского, и по потребѣ съ турками дано оному становиско у полѣсю изимаючи городовъ Литовскихъ, а самъ стоялъ у димери, бо не малая купа при ономъ войска была, которимъ плату и сукна отъ короля давано и живность отъ людей.

РОКУ 1677 [45].

Присланъ столникъ его Царского Величества Алмазовъ по Дорошенка Петра, бывшаго гетмана, у великій постъ, и оного попровадилъ на Москву, гдѣ якъ пріѣхалъ, брата его Григорія отпущено з вязеня на украину, а его задержано на Москвѣ [46].

Того жъ року войско турецкое з ордами и Юріемъ Хмельницкимъ подступили подъ Чигиринъ у Спасовку и доставали потужне, которимъ ни отсѣчь зостаючи въ Чигиринѣ гетманъ Иванъ Самуйловичь зъ козаками ко Днѣпру противъ бужина на переправу, а напередъ еще не пришовши ко Днѣпру вислали до Чигирина козаковъ пѣхоти полторы тысячи и Москвы, которіе за ласкою Божіею увойшли оборонною рукою въ Чигиринъ, любо орды моцно того обороняли, але по надъ тясминомъ ишли до Чигирина. Притягнувши ко Днѣпру войска Московскіе и козацкіе заразъ стараня приложили о переправованю черезъ Днѣпръ, але онимъ барзе того Турецкіе войска боронили, бо и самъ, ханъ былъ, еднакъ же войска козацкіе отважившися, суднами на той бокъ Днѣпра переправлялися въ ночи и тамъ заразъ шанцѣ надъ Днѣпромъ дали; у переправи хочай онимъ Турецкіе войска барзе налягали, але онихъ вспирали арматами чрезъ Днѣпръ зъ войска

козацкого и Московского, и такъ козаки и Москва, якъ могучи переправовалися, даючи отпоръ неприятелеви, и что часъ шанцовъ причиняли; въ той потребѣ и сина ханского убито, и такъ тая война у Днѣпра трвала през дней два, що видячи Турчинъ, которій стоялъ подъ Чигириномъ, же потужне войска наступаютъ, бо тутъ у бужина князь Ромодановскій съ гетманомъ зъ немалими войсками, а зновy засъ у нивахъ князь Голицинъ также зъ великими войсками близко Днѣпра сталъ, и Турчинъ Чигирина достати жадною мѣрою немоглъ, бо недѣль четири доставалъ розними способами, подкоповъ чтири стратилъ, которихъ уже зъ валу рукопашъ отбили, и собою стривоживши за помощію Божіею отступилъ отъ Чигирина, и пойшолъ у свою сторону. Бо и орда набарзе онимъ зичлива была, а подъ Чигириномъ не было самого Турчина, а нѣ вейзера, тылко пашѣ, надъ которими старшимъ браимъ паша; и такъ Чигиринъ зосталъ волнимъ отъ того облеженя, Августа 29, гдѣ притягнувши войско московское и козацкое направовали городъ Чигиринъ и замокъ, що турки попсовали достаючи зъ арматъ, и подкопами, и шанцѣ и рови позаровнивали, що турки были покопали коло города; а мѣсто Черкаси, Медведовка, Жаботинъ, Мошно, Драбошки и инніе, которіе поздавалися были Турчину, то зновy гетманови поклонилися, и залоги по тихъ городахъ стали, и осадивши Чигиринъ новими войсками Московскими и Козацкими, войска его Царского Величества и козацкіе назадъ уступили ку домамъ своимъ.

По зданю Чигирина отъ Дорошенка уже и самъ поддался его Царскому Величеству, и уступилъ зъ Чигирина до Сосници за десну рѣку. Турчинъ хотячи учинити замѣшанину на украинѣ, випущаетъ Юрья Хмельницкого зъ вязена, которій былъ здалъ доброволне гетманство и зосталъ черцемъ и Архимандритомъ жидичинскимъ, зновy засъ оного намовляетъ турчинъ отъ боку своего гетманомъ запорожскимъ, и посилалъ зъ тими пашами и зъ войсками подъ Чигиринъ, але еще оному вцалѣ недовѣряли, и такъ поневажъ не достали Чигирина, меншую вину складали на Юрью Хмѣльницкого, але тихъ Пашей казалъ потратити, же уступили зъ подъ Чигирина съ соромомъ, и хана кримскаго хотѣли стратити, але ханъ въ Черкескую землю уступилъ, и иншого хана въ Кримъ наслано, приказавши жебы зновy готови были на другое лѣто подъ Чигиринъ и подъ Кіевъ, а Хмѣльницкого на зиму поставлено у волоской землѣ надъ Днѣстромъ въ Сороцѣ зъ его козаками, до которого почали козаки прибиратися зъ тамъ тихъ городовъ Подолскихъ и слободи, и на его имя закликано коло Бугу на спустошенихъ мѣстахъ.

РОКУ 1678.

Зимою на усеедной орда вишла и ставши на ресавѣ загонами, много шкоди починила, въ повѣтѣ Переяславскомъ людеи порубила и побрала инныхъ [47].

Тогожъ року заразъ на весне войска великіе его Царского Величества вышли, надъ которими старшимъ былъ Царевичь Касимовскій, и Князь Ромодановскій, а гетманъ Иванъ Самойловичь своѣ войска скупивши, рушилъ зъ Батурина, съ которимъ войска не маліе пошли, бо не тылко козаковъ у войско гнано, якъ мещанъ и селянъ, два треттего виправовали, а убогшіе чтири пятого в оружемъ и борошномъ якъ до войска, и тіе войска потагнули поза Сулою ку Днѣпру до пристанѣ Бужинской, такъ козаки якъ и постолство, бо нѣкому нефолговано, войтовъ бурмистровъ, райцовъ и ремесниковъ, всякихъ музикъ, скрипниковъ, дубниковъ, усѣхъ гнано до войска. 48

Тогожъ року поселъ великій отъ короля Полского, Сопѣга и инніе пани вкилка сотъ людей на Москву ходили, упоминаючися Смоленского и Кіевского воеводства, которихъ зразу принято зъ честю, а подарковъ королевскихъ не принято, а напотомъ и самихъ задержано и мало чести онимъ отдавано, а знову до своихъ городовъ по скарбъ слати мусѣли на живность.

Тогожъ Іюля 10-го войска великіе подступили Турецкіе зъ Везеромъ подъ Чигиринъ з тяжарами великими, а войска его Царскаго Величества зъ княземъ Ромадановскимъ и гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ переправилися того жъ часу чрезъ Днѣпръ ниже Божина на поля Чигиринскіе по сей сторонѣ реки тясмини отъ Черкасъ, а Турецкіе, войска стали на другой сторонѣ рѣки тясмина коло Чигирина съ Татарского боку, и роздѣливши войска пешей килка зъ Ханомъ Кримскимъ и господарами волоскимъ и Мултянскимъ, переправили тясминъ рѣку, сили великіе стали на семъ боку рѣки тясмина коло бору, недаючи проходу до Чигирина, а около обточивши Чигиринъ доставали, а войско Московское и козацкое стало въ бужинѣ ку перевозу тую плавлю обнявши, гдѣ Турки зобравши болшую силу стали коло войска Московского и козацкого неотступно комонникомъ, Турки и Татаре коло табору, которимъ перемѣна отъ везера що день ординованная приходила презъ килка недѣль, покуля притягнулъ князь булатъ зъ частію Калмыковъ и Черкесъ и козаковъ Донскихъ, и скоро тіе войска притягнули, заразъ войска почали рушати просто на турецкое войско, которое отступило было такъ комонно, якъ и арматам, и зъ пѣхотою зоставочими на горѣ при Капланъ пашѣ, въ которомъ рушаню войскъ великая валечная потреба была на переправѣ, которая ведле села Шабелникъ иде, гдѣ ажъ заночовало войско бючися, гдѣ немало донцовъ побито, и козаковъ; на другій день переправивши таборъ подъ гору пошли, але недопустили Турки, стоячи на горѣ зъ арматами, гдѣ знову ночевати мусѣли, и вночь полковника Чернѣговского гетманъ послалъ, и бояринъ Московскій войска немало, гдѣ недойшовши гори межи собою войска сталися бити узявши тривогу, що почувши турки зъ арматъ были можно на таборъ козацкій, такъ заночевать мусѣли; а въ суботу скоро свѣтъ войска козацкіе и московскіе гору опановали, Турковъ отбивши, и арматъ Турецкихъ двадцать семь зъ ин-

шими риштунками узяли, и Турки пострахъ великій узяли, але же войска непущено за Турками, комонникъ Турецкій оглядѣвшися, анову отвернулъ, и такъ ажъ досамого табору войско козацкое и Московское гнали рубаючи, тылко одинъ полковникъ Московскій оставшися, рогатками одержался на горѣ, гдѣ и усе войско съ таборъ притягнуло, и цали день мѣли потребу, и такъ Турки видачи потугу немалую, уступили за тясминъ, взявши тривогу великую, и перейшовши тясминъ, мости попалили, а войска Московскіе и козацкіе подступили подъ Чигиринъ и стали подъ боромъ около озера, гдѣ стояли тиждень надаремне, жадного промислу не чинячи, що видѣвши Турки, спилностю доставали Чигирина, а гетманъ услалъ свѣжого войска килка полковъ въ Чигиринъ, которіе увойшовши влегце себѣ важили потугу Турецкую; и такъ въ пятницю вирвало подкопъ подъ замкомъ, гдѣ убито гранатомъ воеводу околничого Ивана Ивановича Ржевского, человѣка военнаго справнаго, а напотомъ дня 10 Августа въ недѣлю о полудню вирвало килка подкоповъ подъ мѣстомъ, правѣ въ самій часъ якъ козацтво, одни попилися, а инніе спали, и такъ якъ сталъ крикъ, мало хто зъ войска козацкого кидался бити, але усе утекло, скочило згорода, обачивши войско Турецкое на той вирви, гдѣ подкопи вирвали, гдѣ на мостъ якъ зишло козацтво, съ которими мостъ обломился, а на греблѣ сами себе подавили утекаючи, гдѣ немалую шкоду Турки въ людяхъ учинили, на килканадцать тысячъ козаковъ погибло, одни потонули въ тясминѣ, а иннихъ порубали, бо турки неживили никого, але усе стинали, а мѣсто палили и допановали, пѣхотное зась войско козацкое подъ гору за церковь зобравшися, боронилося до самой ночи, а Москва въ замку боронилася, и такъ въ ночи Москва понабивавши полни армати пороху и замокъ запаливши, пошли зъ тими козанами на проломъ презъ Турецкое войско, которое уже было знову перейшло презъ тясминъ, и такъ увойшли до своего войска, але еднакъ на замку полегло Москви, якъ уступали, бо сторожѣ не спровожали старшины сиватиръ и тихъ бѣднихъ погубили, а и тіе усе заледви би увойшли, ежели бы не пѣхота козацкая сердюки греблѣ до ночи боронили; въ понедѣлокъ рано до дня рушило усе войско Московское и козацкое ку Днѣпру, и окопалися, але въ томъ отходѣ трудность великая отъ Турковъ была, а всреду везиръ зъ Хмѣльницкимъ зо всѣми войсками и арматами притягли и обступили войска наши своѣми потугами, мочне достаючи цали тыждень, гдѣ Турковъ много побито, а подъ самимъ везиромъ коней двохъ убито, бо не тылко зъ оружа, але рукопашъ билися, такъ барзе налегали на таборъ было, же хотѣли Турки узяти, але за помощію Божію на себѣ понесли; и такъ видячи Турки, же ихъ много пропало, другой недѣли уступили отъ войска нашего ку Чигирину, и тамъ презъ три днѣ тяжари переправляли, и Чигиринъ до остатку зруйновали, и армати забрали, и пошли у свою землю, а наши войска переправилися черезъ Днѣпръ безъ жадной уже налоги. Заразъ того жъ часу отступивши отъ нашего войска часть войска Турецкого и Та-

таръ, пошовши зъ Яненкомъ подъ каневъ, и каневъ достали, и вирубали людей, и каневъ спалили и монастырь, гдѣ у церкви мурованой много люду подушили огнемъ Турки, а остатокъ черезъ присягу здалися Хмѣльницкому, а городы Черкаси, Мошна, Корсунъ, Жаботинъ зостали въ послушенствѣ Хмѣльницкого, въ власти Турецкой; и того жъ часу жолнере уступили съ Калника, Немерова, Лѣнецъ и Жорнищъ, и тое зостало въ владзи Хмѣльницкаго, которій ся писалъ княземъ рускимъ и гетманомъ запорожскимъ, и Хмѣльницкій сталъ самъ въ Немеровѣ зъ войскомъ своимъ, а Яненко у Корсуню, при которихъ и Татаре стали, и своѣ залоги по тѣхъ мѣстахъ поклали.

Того жъ року поселъ великій отъ короля его милости полского то есть панъ сопѣга зъ Литви, и панъ Коморъ, а съ короны князь Четвертенскій на Москву до его Царского Величества ходили и о примирю трактовали, и учинили згоду, на которой его Царское Величество присягалъ.

РОКУ 1679.

Заразъ на початку того року Орди немаліе зъ Яненкомъ вышли о Богоявленію подъ Козелецъ и тамъ великую шкоду у людяхъ учинили коло Днѣпра ажъ по Носовку. Многіе села повибирали и назадъ вернулися съ полономъ вцѣлости, а то была орда Белградская, и трафила подъ часъ, же снѣги маліе были. А знову тоей же зими коло всеедной вышло Крымской орди Солтановъ чтири, зъ которими множество Татаръ и самъ Хмѣльницкій былъ, и простовали на Черкаси за Днѣпръ, хотячи Заднѣпря сплюндровати, але Господь Богъ оныхъ замисли перемешалъ, бо барзе снѣги великіе випали, же неможная была конемъ куда хотѣти ехати, и тамъ тылко по лукомле, Яблуновъ были, а далѣй не ишли за великою зимою и варовались, же войска стояли около Днѣпра отъ Арклѣева по мѣстамъ и отъ Миргорода; и такъ ничого не вскуравши, назадъ повернуло зъ великою утратою коней, и самихъ Татаръ набрано немало, бо холодно было на конѣ. По отходѣ оныхъ Панъ гетманъ Самойловичь послалъ сына своего Семена, до которогося немало войска скупило Козаковъ и Московского, и отъ Переяславля ходили до иржищева, и тамъ узяли приступомъ замочокъ и людей усѣхъ выстинали, а оттуля ходили до Корсуна, и Корсунъ узяли, але Яненко зъ своѣми утѣклъ, и Мошни, Драбовку, Черкаси, Жаботинъ, и тихъ людей зогнали на Заднѣпрѣ, попустошивши тіе мѣста.

Того жъ року сеймъ важни отправовался въ Литвѣ къ Кгроднѣ, на которой Папѣжъ прислалъ Легата отъ боку своего, жебы конечне Король и рѣчь посполитая розорвали згоду съ Турчиномъ и приняли згоду съ Царскимъ Величествомъ, и усе Христіянство жебы заодно давали отпоръ поганови Турчинови, и своего кошту обецуючи дати на войско, а Царское Величество презъ

своихъ пословъ, бутурлина боярина, и чадаева Околничого, сумми прислалъ два миліона на войско и задля докончения згоди обецовали Ляхи своими войсками допомогти. На весну заразъ его царское Величество висилаетъ сили своѣ великіе до Кіева, то есть князя Михайла Черкаского и при нему бояре великіе Петръ Васильевичъ Шереметевъ, и братъ Шереметевъ, бояринъ Милославскій, князь Урусовъ, князь Хованскій, князь Доргорукій, Алексѣй Зміевъ, царскихъ приказовъ голова Шепелевъ, и тіе усѣ войска, которыхъ было на по два кротъ сто тысячей, съ Козацкимъ войскомъ стояли коло Кіева и валъ копали коло Монастырей, а жаднихъ подъездовъ не отправовали нѣкуда черезъ усе лѣто, а войска Турецкіе за пороги ходили и тамъ нижей Запорожа и сѣчи городка два смуровали надъ Днѣпромъ зъ обоихъ сторонъ, а козаки Запорожскіе уступили у луги съ Кошовымъ Иваномъ Сѣркомъ, которимъ на знесеня тихъ городковъ Москва зъ Козаками пѣхотними ходили [49].

РОКУ 1680.

На початку того року вишолъ Ханъ зъ Ордами немалими подъ слободи Московскіе и сталъ коло мерли, и барзо великую шкоду учинилъ въ слободахъ Московскихъ, миль на тридцать попустошилъ, ажъ поза бѣлогородомъ, и вернулся вцѣлости, бо никто за нимъ неходилъ.

Тогожъ року на веснѣ Татаре коло Кіева шкоди великіе починили на пренесеніе мощей святого Николая и на святую Троицу[50].

РОКУ 1681.

Поселъ его Царского Величества прозиваеми Тяпкинъ повернулъ отъ Турецкого Монархи, зъ которимъ и Татарскій поселъ у килкадесятъ коней ишолъ до его Царского Величества, бо Турецкій Монарха злецилъ Ханови Кримскому зачинати згоду зъ его Царскимъ Величествомъ, о которой такъ трактовавши зъ онимъ Тяпкиномъ у Криму, и постановивши якую дань маетъ давати его Царское Величество Турчинови презъ руки Ханскіе, и на томъ поприсягши въ Криму, и до его Царского Величества поѣхали о потверженіе тоей згоди [51].

РОКУ 1682.

Мѣсяця Мая Царъ Московскій и всея Россіи Ѳедоръ Алѣксѣевичь померъ з жалемъ усего Христіанства въ молодихъ лѣтехъ, которій великую любовъ до нашего народу мѣлъ, бо и набоженство на Москвѣ нашимъ напѣломъ по церквахъ и по Монастырехъ отправовати приказалъ, и одежу Московскую отмѣнено, але по нашему носити позволилъ, а на его мѣстѣ обрано Царемъ брата его

молодшаго, Петра Алексѣевича у молодихъ лѣтехъ, мѣсаця Мая 6-го дня, которому бояре присягли, а стрелцѣ Московскіе не хотѣли присягати задля того, же старшій братъ зоставалъ у семнацати лѣтъ, Царевичь Іоанъ Алексѣвичь зъ першой жени, и того стрелцѣ хотѣли Царемъ, що видячи покревніе Царици Наталіи, матки Царя Петра Алексѣевича, старалися, жебы якъ уморити старшого Царевича Іоана, и до того пришло было, же почали были душити, брати Царици Натали рожоніи, которихъ прозивано Нарышкини, що постерегши Молодая царица небожчика Царя Өедора и царевни, на стрелцовъ крикнули, що стрелцѣ прибѣгши оборонили, и тихъ Нарышкиныхъ, дядковъ царскихъ, побили, и иныхъ давали на спитку, кто причиною смерти былъ небожчика Царя Өедора, чего допиталися, же оному дано трутизну за поводомъ Мачехи его Царици Наталіи, которая о здоровю ихъ старалася, намовивши доктора царского перехриста, а то для того, жебы сынъ оной, Царевичь Петръ наймолодшій, осѣлъ Царство, которую то Царицу насилу самъ Царь, молоди Петръ, яко матку свою отпросилъ у стрелцовъ, жебъ нестратили, а родъ оной вигубили срого, на штуки рубаючи, а отца царицина отпросивши у черцци постригли, и у манастыръ Соловецкій отослали; и такъ великіе бунти повстали на Москвѣ отъ стрѣлцовъ на Сенаторовъ своихъ, обравши Царемъ Іоана Алексѣевича того жъ часу, жебы оба Царями были, Іоанъ яко старшій, а Петръ молодшій; и тимъ два Царѣ на Москвѣ стали, и обоимъ присягали на послушенство, и такъ стрелци виведуючи хто непочливимъ былъ царю Іоану, то тихъ брали и тирански забивали, отъ палацовъ царскихъ кидали народъ, а тутъ на копіи брали и на площади на штуки рубаючи, псомъ кидали, съ которихъ назнатнѣйшихъ персонъ Сенаторовъ зъ пятьдесятъ помордовано, и Царевича Касимовского чвертовано, Долгорукого Князя Юрья зъ синомъ, Князя Ромодановского зъ синомъ, которіе вожами славними были у войскахъ Московскихъ, и иныхъ многихъ; также стрелцѣ подавали челобитное на своихъ полковниковъ, головъ, сотниковъ, же ихъ работами обтяжаютъ плату, имъ належачую себѣ берутъ, по которой челобитной многихъ Полковниковъ, головъ и сотниковъ Московскихъ стрельцѣ своихъ помордовали, позабывали, а з добръ ихъ що было задержано и не тылко тихъ трохъ Полковниковъ що на Москвѣ, зоставали, такъ строкго мордовано, але которіе у городахъ украинскихъ були, въ Кіевѣ, Чернѣговѣ и иныхъ, то по челобитю стрелцовъ выскавано и мордовано, задаючи муки великіе, и трачено въ Москвѣ, такъ, же и тихъ многихъ, що боярами и думними дяками надъ приказами зоставали на Москвѣ, вытраченно за нечинене слушной справедливости. Тажъ тривога великая на всѣхъ жителей въ Москвѣ была отъ стрелцовъ, якой никогда не бывало, а то знати гнѣвъ Божій, а звлаща тихъ бояръ губили, хто причиною смерти небожчика царя былъ, бо вызналъ докторъ Перекристъ, которого пробовано, за чіею радою отруено, зъ чого Царицю и Патріарху познано [55].

III.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

НАЧАЛА НАРОДОВЪ СЛАВЯНСКИХЪ.

РАЗСУЖДЕНІЕ,

ЧИТАННОЕ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ЗАСѢДАНІИ ВАРШАВСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ НАУКЪ,

24 генваря, 1824 года,

дѣйствительнымъ членомъ его,

Лаврентіемъ Суровецкимъ.

переводъ съ польскаго

Юстина Бѣлявскаго.

Antiquos exquirite patres.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая это сочиненіе въ Русскомъ переводѣ, приготовленномъ, по моему распоряженію (и провѣренномъ мною), бывшимъ моимъ ученикомъ, а нынѣ старшимъ учителемъ въ одной изъ Бѣлорусскихъ гимназій, кандидатомъ Юстиномъ Бѣлявскимъ, я думаю сдѣлать тѣмъ пріятный подарокъ моимъ соотечественникамъ, занимающимся Славянской исторіей, но незнакомымъ съ языкомъ его подлинника. Оно весьма замѣчательно во многомъ отношеніи, какъ плодъ свободнаго изслѣдованія по пути, совершенно новому и независимому отъ всѣхъ прочихъ, занимавшихся розысканіемъ этого же самого предмета. Внимательный читатель замѣтитъ, что всѣ главныя положенія и выводы сочинителя вполнѣ приняты и усвоены другимъ, неменѣе знаменитымъ, Славянскимъ ученымъ, г. Шафарикомъ, въ его безцѣнномъ твореніи „Славянскихъ Древностяхъ," въ коихъ онъ отдаетъ своему предшественнику всю должную честь и славу, какъ первовиновнику новаго и, чуть ли не самаго вѣрнаго, взгляда на нашихъ предковъ въ сѣдой, незапамятной, древности. Не знаемъ, имѣлъ ли этотъ взглядъ Шафарикъ до появленія изслѣдованія Суровецкаго, или же послѣдній сообщилъ ему оный: и то, и другое возможно; исторія такъ часто представляетъ намъ примѣры, что не только два, но даже нѣсколько лицъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же предметомъ, приходятъ въ равное время къ одинакимъ выводамъ и открытіямъ, совершенно независимо и самостоятельно, не имѣя, по большей части, ни малѣйшаго свѣдѣнія другъ о другѣ. Но, судя по тому, кто прежде обнародовалъ свою находку и представилъ на нее несомнѣнныя доказательства, говоримъ: „Вотъ первый виновникъ того или другаго мнѣнія, открытія, и т. п.!" Это, однако же, относится только къ мнѣнію о древнѣйшей прародинѣ Славянъ, т. е., гдѣ и какъ слѣдуетъ искать ее? До Суровецкаго всѣ изслѣдователи старались отыскать, прямо или косвенно, Славянъ въ томъ или другимъ великомъ народѣ древности; но онъ первый, послѣ многолѣтнихъ и глубокихъ розысковъ и соображеній, убѣдился, что Славянъ должно искать у Славянъ, и притомъ, оставивъ Азію, какъ безразличную колыбель всего человѣчества, ограничиться одной Европой, въ которой они были такой же самостоятельный народъ, какъ и другіе, сходные съ нимъ, болѣе или менѣе, своей численностью. Этой мысли, составляющей исходную точку всего изслѣдованія его, вполнѣ сочувствуетъ и Шафарикъ, какъ въ упомянутомъ своемъ твореніи, такъ и предтечѣ его, именно: „О происхожденіи Славянъ (Ueber die Abkunft der Slawen nach Lorenz Surowiecki. Ofen. 1828.)," писанномъ имъ на Нѣмецкомъ языкѣ по поводу вы-

хода сочиненія Суровецкаго, въ которомъ онъ, послѣ сжатаго извлеченія словами автора (съ 15 по 55 стр.), предлагаетъ отъ себя замѣчанія, выказывавшія согласіе и несогласіе его съ послѣднимъ. „Nach dieser kurzen, aber getreuen Darstellung des dem Vf. eigenthümlichen Ideenganges und der auf demselben Wege gewonnenen Endergebnisse, geht das Verdienstliche seiner Arbeit hervor. Niemand wird ihm schon nach dieser hier mitgetheilten Probe gründliches Quellenstudium, nüchternen Forschungsgeist, Helligkeih der Begriffe und Zweckmässigkeit der Anordnung absprechen wollen. Das Streben, durch systematisches Verfaren die Grundansichten und den Endertrag seiner Forschung gegen mögliche Zweifel sicherzustellen und ein Gebäude des slowenischen Alterthums aufzuführen, das in seinen Grundfesten unerschütterlich den Angriffen der Kritik ruhig entgegensehen könnte, wird ueberall sichtbar. Mit entschiedener Zuversicht weist der Vf. jede noch so leise Zumuthung, von sich, als wollte er ueber das Volk, dessen Ursprung zu ergründen er sich vorgenommen, wieder irgend eine der alten zehn Landplagen, die Hebräer, Römer, Skythen, Teutonen, Finnen, Hunnen, Bulgaren, Awaren, Gothen, Kirgisen, — denn mit allen diesen haben, unheilbar blinde Geschichtsstoppler die Slowenen verbrüdert und verschwägert — kommen lassen, und uebernimmt es, die Slowenen in den Slowenen, auf eigenem Grund und Boden, aufzusuchen. Dass ihm dieses innerhalb der von ihm selbst gesteckten Gränzen seiner Forschung, d. i., in Beziehung auf die Selbigkeit der Veneden und Slowenen, trefflich gelungen, davon bin ich vollkommen ueberzeigt. Gleichwohl sey mir, dem gleichgesinnten, wiewol weniger erfahrenen Pilger auf dem Felde der vaterländischen Geschichte, nach Niederlegung meines Dankes an die Manen des Vf. für reichliche Belehrung und Gemüthsstärkung erlaubt, meine uebereinstimmenden und abweichenden Ansichten, wie sie sich mir bei sorgfältiger Prüfung der Abhandlung aufdrangen, hier etwas umständlicher zu entwickeln, um nach Maassgabe meiner Kräfte zu einem Zwecke mitzuwirken, dessen Erreichung wol nur dem vereinten Streben mehrerer dereinst gelingen kann (S. 54.).“ Послѣ сего Шафарикъ приводитъ свои замѣчанія (съ 55 по 212 стр.), которыя, однако же, всѣ вошли, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, въ его Славянскія Древности, а потому мы и не считаемъ нужнымъ сообщать ихъ нашимъ читателямъ. Замѣчательно, что предлежащее изслѣдованіе Суровецкаго составляетъ только извлеченіе изъ его обширнаго творенія объ историческомъ времени и древностяхъ Славянъ, составляющаго въ рукописи около 300 листовъ. Чрезвычайно жаль, что это послѣднее по сю пору не только не обнародовано, но даже неизвѣстно, гдѣ и что съ нимъ сталось.

О. Бодянскій.

Сентября 21-го, 1846 г.

Москва.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

НАЧАЛА НАРОДОВЪ СЛАВЯНСКИХЪ.

Народъ Славянскій, какъ своимъ происхожденіемъ, такъ и чрезвычайнымъ распространеніемъ по лицу земли, составляетъ загадку, до сихъ поръ еще никѣмъ удовлетворительно нерѣшенную. Едва услышали объ Антахъ и Славянахъ, какъ уже многочисленныя полчища ихъ занимали обширныя страны на востокѣ, сѣверѣ и западѣ Греческой имперіи. Замѣчено было, что они въ одно почти время заняли все пространство отъ восточныхъ концевъ Балтійскаго моря до Понта Эвксинскаго и Адріатическаго моря, а оттуда, чрезъ Дунай, къ вершинамъ Майна и устью Лабы, т. е., жилища древнихъ Скиѳовъ, Сарматовъ, Алановъ, Роксолановъ, Гетовъ, Бастарновъ, Паннонов, Иллировъ, Скордисковъ, Маркомановъ, Семноновъ, Вандаловъ, Бургундовъ, Готовъ и многихъ другихъ народовъ, извѣстныхъ своей многочисленностью и могуществомъ.

Бросивъ взглядъ на огромное пространство этѣхъ земель, кажется невѣроятнымъ, чтобы одинъ народъ, въ столь короткое время, могъ захватить и населить ихъ. Но когда это не подлежитъ никому сомнѣнію, и когда припомнимъ себѣ, сколько въ это время Славяне, въ безпрестанныхъ войнахъ съ Греками и варварами, потерпѣли, и сколько племенъ ихъ смѣшалось съ чужими, то невольно приходишь къ заключенію, что они, какъ теперь, такъ и въ то время, не только не уступали своей многочисленностью величайшимъ Европейскимъ народамъ, но даже превосходили ихъ.

Занятіе цѣлой половины Европы столь многочисленнымъ народомъ менѣе бы удивляло насъ, если бы оно было совершено обыкновенными средствами, изъ обыкновенныхъ побужденій. Извѣстно, что можетъ сдѣлать народъ, влекомый жаждой добычи и руководимый сильной волей одного. Исторія міра приводитъ намъ не мало примѣровъ великихъ завоеваній; но ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть примѣненъ къ Славянамъ. Когда другіе народы, тѣсно соединенные общей пользой и властью, единовременно и, такъ сказать, густыми толпами бросались на непріятеля при первомъ его видѣ, Славяне, раздробленные на отдѣльныя поколѣнія, безъ взаимныхъ связей, являлись малочисленными толпами, въ разныя времена и въ разныхъ частяхъ свѣта. Первые, повинуясь волѣ и приказаніямъ верховнаго вождя, слѣдовали вездѣ его мановенію; Славяне же, при народномъ образѣ правленія, прежде чѣмъ рѣшались на какое-нибудь предпріятіе, заблаговременно обсуживали пользу, которую надѣялись получить отъ того въ замѣнъ жертвуемаго ими драгоцѣннаго спокойствія. Наконецъ, другіе воин-

ственные народы, свыкшіеся съ военной жизнію, ужасными толпами быстро переносились съ мѣста на мѣсто, ища непріятелей съ тою цѣлію, чтобы притѣснить ихъ и отнять у нихъ готовую добычу: напротивъ Славяне, нестрашные оружіемъ, кроткіе отъ природы, въ свободномъ переселеніи искали единственно земли, чтобы собственными трудами сдѣлать ее плодородною. Казалось, что сама судьба, благопріятствуя намѣреніямъ и дѣйствіямъ ихъ, хотѣла увѣнчать оныя совершеннымъ успѣхомъ; ибо, когда хищные народы исчезли, вмѣстѣ съ прахомъ своей добычи, Славяне, удержавъ, среди всѣхъ смутъ безпокойныхъ вѣковъ, занятыя ими однажды жилища, дождались, наконецъ, того счастливаго времени, которое предвѣщаетъ имъ продолжительное существованіе и величіе.

Глубокомысленные историки, разсматривая неслыханное распространеніе народа Славянскаго, неизвѣстнаго прежде ни по имени, ни по жительству, спрашивали, и теперь еще спрашиваютъ съ удивленіемъ: откуда онъ явился? гдѣ росъ? и гдѣ, до послѣдняго мгновенія, скрывалъ свой родъ и могущество? Безчисленныя толпы его не могли прокрасться незамѣтно и долго скрываться на пространствахъ Европы, хорошо уже освѣщенныхъ исторіей. Со времени походовъ Дарія, Александра В., Митридата, до самыхъ послѣднихъ Римскихъ войнъ, на Сѣверѣ не было ни одного народа, которому бы современные писатели не назначали извѣстныхъ жилищъ и извѣстнаго имени. По сему Славяне должны были находиться между ними, и основательнѣйшіе историки, по всему праву, искали ихъ здѣсь. При всемъ томъ, относительно первоначальнаго названія и рода ихъ, они оставили намъ столь противоположныя и столь сомнительныя извѣстія, что ни на одно изъ нихъ съ полной достовѣрностью нельзя положиться.

Мы до сихъ поръ, не смотря на глубокія изслѣдованія многихъ ученыхъ, не имѣемъ никакого положительнаго извѣстія о происхожденіи великаго Славянскаго народа, именно отъ того, что въ изысканіяхъ по этому предмету не хотѣли отступить отъ обыкновеннаго пути и изъ предубѣжденія довольствовались сомнительными руководителями. Идя, такимъ образомъ, обычной колеей, одни придерживались ошибочныхъ названій и, опираясь на нихъ, роднили Славянъ съ народами, непредставляющими никакой связи, даже малѣйшаго сходства, съ ними; другіе, переносили на народы географическія названія земли, въ которой они жили, и смѣшивали ихъ, не обращая вниманія на явное ихъ различіе; третьи, наконецъ, болѣе рѣшительные, начинали съ самой колыбели рода человѣческаго и, проходя чрезъ многочисленные ряды неизвѣстныхъ поколѣній, хотѣли довести насъ оттуда къ первому Славянину. А тѣ, которымъ кое-какъ удалось дойти до цѣли, не видѣли средствъ показать ее всѣмъ.

Для избѣжанія подобной неудачи и чтобы представить начало народовъ Славянскихъ въ надлежащей ясности, я, послѣ долголѣтныхъ изслѣдованій и внимательнаго разсмотрѣнія, избралъ особый путь и новыхъ руководителей. Вмѣсто того, чтобы начать сверху отъ Яфетовъ, Асармотовъ, Геніоховъ и т. п., я намѣренъ идти по послѣднимъ слѣдамъ вверхъ къ древнимъ жилищамъ Славянъ, и тамъ, внимательно разсмот-

рѣвъ ихъ физіогномію, обычаи и другія, свойственныя имъ, черты, искать далѣе истинныхъ ихъ предковъ. Хотя бы мнѣ, при ограниченныхъ средствахъ, и не удалось, на первый разъ, достигнуть конца избраннаго мной пути; хотя бы я и не исчерпалъ всѣхъ пособій, облегчающихъ совершеніе онаго, однако жь для меня будетъ довольно, если избранный мною путь почтутъ вѣрнѣйшимъ другихъ.

Такъ какъ намъ предстоитъ искать Славянъ въ Европѣ, а не въ другой части свѣта, то, прежде нежели приступимъ къ нашей задачѣ, должно познакомиться со всѣми народами этой части свѣта, показать мѣста, ими занимаемыя, и время ихъ движеній и переходовъ. При такихъ свѣдѣніяхъ, какъ скоро покажется Славянскій народъ, намъ не трудно уже будетъ отличить его отъ другихъ и показать, откуда онъ пришелъ и подъ какимъ именемъ до того скрывался. Тогда, имѣя его предъ глазами, легко намъ всмотрѣться въ отличительныя его черты, сравнить ихъ съ чертами другихъ народовъ, и различіе между ними послужитъ къ уничтоженію остальныхъ сомнѣній и къ окончательному утвержденію нашего мнѣнія.

Древніе Европейскіе народы, мѣста, ими занимаемыя, и ихъ переселенія.

Съ незапамятныхъ временъ пять главнѣйшихъ народовъ населяли Европу: Ѳракійцы, Кельты, Германцы или Тевтоны, Скиѳы и Венеды.

Ѳракійцы, къ которымъ относили Гетовъ, Даковъ, Кораловъ, Бессовъ, Кробицевъ, Мизовъ и Македонянъ, занимали страны, лежащія между Эгейскимъ моремъ, Понтомъ и Днѣстромъ до юговосточныхъ отлогостей Карпатскихъ горъ; оттуда жилища ихъ простирались за Истръ по Савѣ, чрезъ Македонію до Иллиріи, Эпира и земли, собственно такъ называемыхъ, Грековъ (1).

На западъ отъ Ѳракійцевъ жили Кельты, именно, съ одной стороны до устья Савы, по обѣимъ сторонамъ Дуная, вверхъ до средней части Рейна, а съ другой отъ Иллиріи и береговъ Адріатическаго моря до Анконы; далѣе вдоль Аппенинъ и Средиземнаго моря до Испаніи, во всей Галліи до Рейна и Британскихъ острововъ. Къ нимъ причисляли, между прочимъ, Паннововъ, Скордисковъ, Иллирцевъ, Венетовъ, Боевъ, Таврисковъ, Ретовъ, Гельветовъ, Предъалпійскихъ Кельтовъ вдоль рѣки По, Тусковъ, Лигурійцевъ и въ Галліи, такъ называемыхъ Кельтовъ Заалпійскихъ; сюда же принадлежали Аквитаны и Арморики, жившіе вдоль Атлантическаго океана; Бельгійцы отъ Сены до устья Рейна; Британцы на островахъ Британскихъ, Каледоняне, Пикты, Силуры, Гиберны; въ Испаніи Ибры, Кельтибры, Турдетане, Баски, Лузитане, и др. (2).

Страны, лежащія на востокъ отъ Рейна до самой Вислы и южныхъ отраслей Карпатовъ, и ограниченныя, съ одной стороны, Майномъ и средней частью Дуная, а съ другой Нѣмецкимъ и Балтійскими морями до Скандинавскаго полуострова, заселяли Германскіе народы. Изъ нихъ важнѣйшіе занима-

(1) Herodot l. 4 et 5. Mela l. 2. Strabo. l. 7. Athené. l. 6. Plin. l. 7.

(2) Strabo l. 1, 3, 4 et 7. Appian. Illyr. Mela l. 2 et 3. Plin. l. 3 et 4. Lucan. l. 4. Caesar B. Gal. Tacit. Germ. Diod. l. 5. c. 9.

ли слѣдующія мѣста: Фризы, Катты и Херуски отъ Рейна до Салы и Лабы; Гермундуры — около верховьевъ Майна. Между Лабой и Вислой, по берегамъ Балтійскаго моря, въ нынѣшней Голштиніи, Меклембургіи и обоихъ Поморьяхъ, жили Англы, Варины, Руги, Герулы и Готы; надъ ними Лонгобарды и Туринги въ окрестностяхъ Гавеля; далѣе Семноны, отъ Салы чрезъ Лабу и Одру, до средней части Варты. Бургунды занимали земли отъ Варты чрезъ Гопло до самой Вислы, Лиги вдоль по обоимъ берегамъ Пилицы, и Буры отъ Просны и Варты до Одры; близъ Премши и истоковъ Одры Готины и Озы, занимавшіеся исключительно добываньемъ и выдѣлкой металловъ; пониже жили Нагарвалы и Ары, въ нынѣшней Моравіи Квады, въ Чехіи, до береговъ Дуная, обитали Маркоманны. Сильный народъ, причисляемый къ Германцамъ подъ именемъ Бастарновъ и Певкиновъ, издревле проникъ въ земли Ѳракійцевъ и Скиѳовъ и, смѣшавшись съ туземцами, жилъ частью при устьяхъ Истра, частью же разсѣянно по обѣимъ сторонамъ Днѣстра. Большую часть племенъ, жившихъ между Лабой и Вислой до устья Моравы, называли общимъ именемъ Свевовъ и Вандаловъ; къ этимъ послѣднимъ Плиній причисляетъ Вариновъ, Готоновъ и Бургундовъ (3).

Скиѳы населяли всѣ страны къ сѣверу отъ устья Истра и отъ Меотиды, нынѣшняго Азовскаго моря. Повыше Понта до Танаиса, нынѣшняго Дона, обитали, собственно такъ называемые, Скиѳы, раздѣлявшіеся на Скиѳовъ земледѣльческихъ, царскихъ и пастушескихъ; за ними, вдоль упомянутой рѣки, Будины и Гелоны; далѣе къ Борисѳену и на сѣверъ, Сарматы, Аланы, Роксоланы, Меланхлены и Эсседоны; на западной сторонѣ Борисѳена (Днѣпра) Агаѳирсы, Невры и другіе. Гетовъ и Тирагетовъ, жившихъ на Днѣстрѣ, часто смѣшивали съ Скиѳами. Одно поколѣніе Сарматовъ, отдѣлившееся отъ прочихъ, поселилось при впаденіи Тиссы въ Дунай, и здѣсь, среди Ѳракійскихъ и Германскихъ народовъ, долго удерживало свою самостоятельность (4).

Пятый главный въ Европѣ народъ, Венеды, занималъ обширныя страны отъ восточныхъ береговъ Вислы къ сѣверу до верховьевъ Днѣпра и Волги, прилегая къ части Балтійскаго моря, называемой, по его имени, заливомъ Венедскимъ. Венеды менѣе всѣхъ народовъ были извѣстны древнимъ писателямъ, а потому мало дошло до насъ свѣдѣній о жилищахъ и именахъ отдѣльныхъ ихъ поколѣній (5).

Всѣ эти главные народы не вездѣ составляли одно племя; нѣкоторыя ихъ отрасли разнились и языкомъ, и физіогноміею отъ племени, къ которому причислялись. Судя по мѣсту жительства ихъ, можно заключать, что одни изъ нихъ принадлежали къ древнѣйшимъ народамъ, а другіе къ народамъ, послѣ прибывшимъ. Горы и мѣста недоступныя или невыгодныя, обыкновенно, были жилищемъ и послѣдней защитой для слабыхъ племенъ, вытѣсняемыхъ силь-

(3) Tacit. Ger. Livius l. 40. Strabo l. 7 Plin. l. 4. Ptolom. l. 2. Mela l. 3. Cluver. Germ. Ant. tab. 13 et 14.

(4) Herod. l. 1. et 5. Mela l. 2 et 3. Strabo l. 7. Arian. exp. Alex. M. l. 4. Joseph. l. 7. Plin. l. 4. Ptolom. l. 3. c. 5

(5) Tacit. Germ. Plin. l. 4. Ptolom. l. 3.

нѣйшими изъ лучшихъ мѣстоположеній. Въ мѣста, удобныя для торговли, особенно на берега морей, стремились, изъ разныхъ частей свѣта, народы наиболѣе промышленные, и, по мѣрѣ своего усилія, или порабощали, или вытѣсняли во внутренность страны прежнихъ ея обитателей.

Древніе писатели приводятъ между Өракійцами, какъ особыя племена, жившія въ горахъ Гемуса: Загорянъ, Коралловъ, Кробицевъ, Бессовъ, а въ горахъ Олимпа и Эпира: Пеласговъ, Лелеговъ, Эпиротовъ и т. д., которыя не смѣшивались съ своими сосѣдами и, вѣроятно, были ими первоначально вытѣснены изъ долинъ и лучшихъ мѣстъ (6).

Въ странѣ, занимаемой Кельтами, кромѣ Иллирцевъ, Далматовъ, Нориковъ, Тусковъ, Лигуровъ, Аквитановъ, Иберовъ, Турдетановъ, Басковъ, Силуровъ и т д., современники упоминаютъ о трехъ поселеніяхъ Венетовъ, которые происхожденіемъ, подобно предыдущимъ, отличались отъ настоящихъ Кельтовъ. Одни изъ нихъ обитали на берегахъ Адріатическаго моря (7), другіе въ Бельгіи, близь пролива Кале, и въ странѣ, такъ называемыхъ, Мориновъ, а третьи въ Галліи, въ нынѣшней Вандеи. Среди Гарманцевъ жили чуждыя имъ племена: Готины и Озы, а между Венедами—Эсты или Гитоны (8).

Приморскія страны, гдѣ съ древнѣйшихъ временъ производилась торговля, начиная отъ Меотиды чрезъ Понтъ, Эгейское и Средиземное моря до Атлантическаго океана и Британіи, заключали въ себѣ множество поселеній, основанныхъ пришельцами изъ разныхъ частей свѣта. Во всемъ Пелопонисѣ, Греціи, Сициліи, Итальянскомъ полуостровѣ, далѣе на берегахъ Средиземнаго моря до Марсели, Испаніи и Лузитаніи, смѣшивались съ туземцами разные Африканскіе и Азіятскіе народы. Извѣстно, какъ много поселеній имѣли Греки при Черномъ морѣ, на Таврическомъ полуостровѣ и среди Скиөіи (9).

Такъ размѣщены были Европейскіе народы передъ началомъ эпохи Христіанской; и безъ той бури, которая готовилась разразиться надъ ними, они, вѣроятно, надолго остались бы на своихъ мѣстахъ. Видно, что привычка къ собственнымъ жилищамъ и довольствованію произведеніями ихъ, уже брала у нихъ перевѣсъ надъ хищничествомъ: отъ сказаній Геродота до распрей Помпея и Цезаря не слыхать, исключая нѣкоторыя нашествія Галловъ и Кимбровъ, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, о какомъ-либо значительномъ движеніи Европейскихъ варваровъ. Только безмѣрная жадность добычи и окровавленный мечь Римлянъ встревожили эти мирныя племена и повергли ихъ въ тѣ бѣдствія, которыя, со временемъ, обрушились ужаснымъ образомъ на главы самихъ виновниковъ и причинили имъ гибель. Эти грозные притѣснители народовъ, послѣ варварскаго опустошенія Греціи, истре-

(6) Herod. l. 4 Strabo l. 5, 7 et 12. Plin. l. 3.

(7) Plin. l. 3 et 6. Strabo l. 5 et 7. Polyb. l. 5. Li.u l. 1. Dio Halicarn. l. 1. Jornand. R. G. c. 24. Cluver. Tab. Helvet.

(8) Tacit. Germ. Caesar. B. G. Com. 2, 3, 4, 7. Plin. l. 3, 4. c. 18. Strabo l. 4. Ptolom. l. 2 et 3.

(9) Herodot. l. 4. Demosth. Com. Phorm. Strabo. l. 7, 11. Diod. l. 12.

бивъ и вытѣснивъ за Дунай разныхъ народовъ, жившихъ отъ нихъ на востокъ и сѣверъ, бросились на западъ для завоеванія, подобнымъ же образомъ, Галліи и другихъ, прилежащихъ къ ней, странъ. Въ самомъ дѣлѣ, они вскорѣ достигли своей цѣли; но, побуждаемые ненасытной страстью къ завоеваніямъ, они перешли черезъ Рейнъ и тамъ возмутили спокойствіе Германскихъ народовъ до Салы, Везера и Лабы. Тогда одни изъ нихъ, уступая силѣ, должны были покориться, другіе, какъ непокорные, были истреблены, а прочіе, избѣгая ига или смерти, пошли искать себѣ въ другихъ мѣстахъ безопаснѣйшихъ жилищъ, не щадя на пути даже своихъ собратій.

Такое насиліе, сдѣланное народу сильному и мужественному отъ природы, не могло долго оставаться безъ отмщенія; такъ какъ бѣдствія постигали всѣхъ, то и возстаніе противъ виновниковъ этихъ бѣдствій было всеобщее. Опомнившись отъ первыхъ ударовъ, всѣ поколѣнія Германскія, на призывъ мужественныхъ Аріовистовъ, Цивилисовъ и Арминіевъ, бросились къ оружію, и одни съ востока, другіе съ запада, начали сокрушать могущество гордыхъ Римлянъ. Сначала эти войны были только слѣдствіемъ отчаянія и ненависти къ притѣснителямъ; но, наконецъ, первыя побудительныя причины смѣнились страстью къ грабежамъ и добычѣ. Послѣ разныхъ браней и испытанія собственныхъ силъ, одинъ народъ за другимъ вырывался изъ своихъ жилищъ и искалъ счастія въ землѣ общаго ихъ врага. Отсюда произошли неслыханныя доселѣ движенія Сѣверныхъ народовъ, которыя сначала, произвели всеобщее замѣшательство между ними самими, а въ послѣдствіи дали совершенно другой видъ древней Европѣ.

Сколько извѣстно, Маркоманны или Свевы были первые, которые въ натискѣ, происшедшемъ на Рейнѣ, бросились на востокъ на Кельтическій народъ, Боевъ, жившихъ въ нынѣшней Чехіи и, завладѣвъ ихъ землями до самаго Дуная, послѣ соединенія съ Квадами, Лигами, Бурами, Семнонами и др. народами, жившими между Лабой и Вислой, безпрерывно, со временъ Августа, безпокоили, съ этой стороны, Римлянъ, до совершеннаго ихъ паденія (10).

Вслѣдъ за Маркоманами выступили отъ югозападныхъ береговъ Балтійскаго моря многочисленныя толпы Готовъ, которые дошли до самой Меотиды, и оттуда, подкрѣпляемые, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, разными пришельцами изъ своего и другихъ поколѣній Германскаго племени, долгое время безпокоили Римскую имперію со стороны Понта и Истра. Наконецъ, одна ихъ часть, подъ именемъ Визиготовъ, опустошивъ Ѳракію, Иллирію, и Италію, въ началѣ V-го столѣтія проникла въ Галлію и Испанію, гдѣ навсегда осталась; другая же, подъ именемъ Остроготовъ, вытѣсненная Гуннами изъ своихъ жилищъ, кочевала по разнымъ провинціямъ Восточной имперіи и, въ первой половинѣ VI-го столѣтія, завладѣла Италіей (11).

---

(10) Strabo l. 7. Vellej. Pater. l. 2. Tacit. Ger. et. Ann. l. 2. Jornand. R. G. Lazius De migr. gent. l. 2.

(11) Theodos. ex Dion. l. 71. Jornand. R. G. et. reg succes. Isidor. Chron. Goth. Lazius. Migr. gent.

Въ это же самое время разные другіе Германскіе народы, поочередно оставляя свою родину, тѣснились, со всѣхъ сторонъ, на границы Римскихъ областей и оттуда оружіемъ пролагали себѣ дорогу къ завладѣнію ими. Не упоминая о западныхъ Германцахъ, исчислимъ только движенія народовъ, жившихъ на востокъ отъ Салы и Лабы до самой Вислы.

Съ половины II-го столѣтія Лиги и Буры, вмѣстѣ съ Маркоманами, Квадами и Сарматами, почти постоянно воевали на Дунаѣ съ Римлянами, а въ концѣ III-го столѣтія первые жили уже на Рейнѣ и Некарѣ (12). Около половины IV-го столѣтія Вандалы, прошедши чрезъ разныя страны до Понта, приблизились къ средней части Дуная и, принятые въ Паннонію и Иллирію, гдѣ прожили около 40 лѣтъ, отправились, вмѣстѣ съ Свевами, Аланами и частью Бургундовъ, чрезъ Рейнъ въ Галлію, Испанію и Африку (13). Другая часть Бургундовъ, вмѣстѣ съ сосѣдними Лигами, протѣснилась, въ царствованіе Проба, до Рейна, откуда послѣ также перешла въ Галлію; оставшіеся же въ древнемъ отечествѣ, на Вислѣ, вскорѣ истреблены были въ нашествіе Гунновъ и Гепидовъ (14). Отъ половины до конца V-го столѣтія безпрерывно налегали на среднюю часть Дуная и Италію Руги, Герулы, Туринги, Скирры, Гепиды и Лонгобарды, которые, послѣ разныхъ приключеній, были здѣсь или истреблены, или пошли далѣе искать новыхъ для себя жилищъ (15). Такимъ образомъ, въ продолженіе сего времени, всѣ земли, лежащія между Лабой, Балтійскимъ моремъ и Вислой, были, однѣ совершенно оставлены, а другія значительно обѣднѣли народонаселеніемъ.

Среди такихъ замѣшательствъ и всеобщаго разсѣянія Сѣверныхъ народовъ, съ востока приблизились Гунны; Германскія поколѣнія, еще остававшіяся на своихъ мѣстахъ, принуждены были или покориться имъ, или искать другихъ жилищъ. Силы этихъ варваровъ, вскорѣ повелѣвавшихъ Маркоманами, Квадами и оставшимися Готами, Свевами, Туркилингами, Герулами, Ругами и т. д. (16), до того увеличились, что вся Европа готовилась подпасть подъ ихъ иго. Къ счастію, смерть Аттилы, въ половинѣ V-го вѣка, уничтожила ихъ владычество, послѣ чего вскорѣ послѣдовали въ этихъ земляхъ важныя перемѣны. Сарматы, Бастарны, Певкины, Маркоманны, Квады и т. п., исчезли, а на мѣсто ихъ появились, на Дунаѣ, Славяне, Авары, Булгары и разные мелкіе народы Гунскаго происхожденія. Часть Сарматовъ уже во время Діоклетіана была поселена въ Бельгіи на Мозелѣ, другіе соединились въ Галліи съ Визиготами, а остальные, долго скитаясь по Панноніи, Мизіи и Ѳракіи, двинулись оттуда, вмѣстѣ съ Лонгобардами, для завоеванія Италіи

(12) Zosi. m l. 1. S. Hieronym. Chr. Euseb. ad Valentin. Julius. Cap. Vit. Marciani Caes.

(13) Procop. B. G. et Vandal. Zosim. l. 1. Jornand. R. G. et reg. suc. Isidor. Chr. Vandal. Laz. M. gent. l. 11.

(14) Mamert. Genet. Diocl. c. 17. Eumen. Gen. Maxim. Cassiod. inChro n. Oros. l. 7. Socrat. Hist. Occles. l. 7. Marcell. l. 18. l. 28. Procop. l. I. Jornand. R. G. c. 7. Laz. M. gent.

(15) Procop. B. G. Jornand. R. G. Laz. M. gent.

(16) Jornand. R. G. Procop. B. G. Laz. M. gent. l. 9.

(17). Бастарны, подобно Сарматамъ, кочевой народъ, вѣроятно, не были многочисленны; ибо, когда, около конца III-го столѣтія, Пробъ принялъ ихъ, числомъ 100,000, въ Мизію и Ѳракію, объ нихъ перестали упоминать. Кажется, если нѣкоторые изъ нихъ и остались за Днѣстромъ, то въ войнахъ Гунновъ и натискѣ разныхъ народовъ, должны были, частью погибнуть, а частью смѣшаться съ другими народами (18).

Мы не имѣемъ точныхъ извѣстій, когда именно Свевскіе Маркоманны и Квады совершенно оставили нынѣшнюю Чехію и Моравію; достовѣрно то только, что послѣ удаленія, во время Гонорія, значительной части ихъ къ источникамъ Дуная, оставшіеся тамъ ослабѣли, и что послѣ знаменитаго похода въ Галлію съ Аттилой, въ 451 году, въ этой странѣ не находимъ объ нихъ никакихъ извѣстій. Можно предпологать, что оставшіеся послѣ этой гибельной войны не возвращались болѣе на родину, а пребывавшіе въ ней, будучи не въ состояніи сопротивляться вторженію чужихъ народовъ, исчезли, или пошли къ своимъ соплеменникамъ, поселившимся у верховьевъ Дуная (19).

Появленіе Славянскихъ народовъ.

Могущественная Римская имперія, подъ властію и тяжестью которой недавно еще стонала земля, подъ конецъ V-го столѣтія такъ было ослабѣла, что только судьба и случайныя происшествія спасали ее отъ совершенной гибели. Западная ея часть, начиная отъ Адріатическаго моря до Галліи, Испаніи, Африки и Британскихъ острововъ, уже была раздроблена Сѣверными варварами на мелкія части; Восточная же до того изнемогла, что горсть хищниковъ не одинъ разъ приводила ее въ трепетъ. Вдоль береговъ Дуная, Савы и Дравы опустошенныя провинціи: Мизія, Паннонія, Иллирія, обратились въ безлюдныя пустыни; здѣсь, блуждающіе остатки разныхъ народовъ, одинъ за другимъ, основывали свои станицы, и съ этой стороны безпрестанно нарушаемо было спокойствіе всей имперіи. Въ такомъ жалкомъ положеніи застали Славяне Римскую монархію, когда они приблизились къ Истру. Незначительные остатки Гунновъ и Германскихъ поколѣній, которыхъ они еще нашли здѣсь, вскорѣ убѣдили ихъ своимъ примѣромъ, что Восточную имперію можно терзать безнаказанно. Сначала Славяне, пытая счастья, довольствовались отдѣльными только нападеніями, предпринимаемыми то ими одними, то вмѣстѣ съ другими; но, какъ скоро счастіе начало имъ благопріятствовать, они общими силами нагрянули на имперію, что возбудило въ нихъ страсть къ битвамъ и грабежамъ. По этому вскорѣ увидѣли въ сихъ странахъ Славянъ, то распространяющихъ ужасъ до самаго Константинополя и Ѳесалоники, то за деньги вступающихъ въ службу Грековъ, или варваровъ, смотря по обстоятельствамъ (20). Это именно и по-

(17) Auson. ap. Cluv. l. 2. c. 14. Ammian. Mar. l. 19, Procop. B. G. Warnefrid. seu Paul. Diac. Long. l. 2. c. 26. Laz. M. gent. l. 3.

(18) Sidon. ad Avid. Eutrop. ap. Laz. M. g. l. 9. Avent. ann. Boj. l. 2, c. 42.

(19) Lazius M. gent. l. 8 et 9.

(20) Stritt. Scrip. Byzant. T. 2.

дало первый поводъ современнымъ писателямъ обратить вниманіе на Славянскіе народы; и здѣсь, по всей вѣроятности, они впервые явились какъ завоеватели. Еслибы они прежде участвовали въ тѣхъ войнахъ и переселеніяхъ, которыя въ продолженіе пяти столѣтій безпокоили сѣверные народы, то, вѣроятно, мы имѣли бы и прежде объ нихъ свѣдѣнія; но онѣ кончились бы, безъ сомнѣнія, подобно извѣстіямъ о прочихъ народахъ, то есть, извѣстіемъ объ ихъ гибели.

Въ началѣ VI го столѣтія, въ царствованіе Юстиніана, Прокопій и Іорнандъ первые упомянули о Славянахъ, безпокоившихъ предѣлы имперіи. Оба они согласно указываютъ на тогдашнее отечество Славянъ за Истромъ и Днѣстромъ; но ни одинъ изъ нихъ не объясняетъ, съ котораго времени они тамъ поселились. Только изъ описанія походовъ, въ это время предпринятыхъ Греками въ землю Славянъ, видно, что они уже давно тамъ жили; ибо эта земля вездѣ была хорошо населена. Должно думать, что еще до Юстиніана Славяне какъ съ сѣвера, такъ и съ запада приблизились къ предѣламъ Восточной Имперіи. Кровавыя битвы съ Винитаромъ, королемъ Остроготовъ, происходившія, какъ можно полагать, за Днѣстромъ, въ нынѣшней Украйнѣ, показываютъ, что еще до распространенія владычества Гунновъ, во второй половинѣ IV го столѣтія, нѣкоторыя Славянскія поколѣнія уже выступили изъ первобытныхъ своихъ жилищъ и подвигались на Югъ. Послѣ паденія могущества Аттилы и разсѣянія воинственнѣйшихъ народовъ, около половины V го столѣтія, ничто уже въ тѣхъ странахъ не могло удержать ихъ стремленія къ Дунаю. И въ самомъ дѣлѣ, изъ повѣствованія Прокопія о возвращеніи Геруловъ въ Данію и Скандинавію явствуетъ, что до конца того же столѣтія Чехія, Моравія и нѣкоторыя земли къ западу отъ Вислы заняты были Славянскими народами (21).

Такъ какъ выступленіе народовъ Славянскихъ случилось почти въ эпоху владычества Гунновъ, то позднѣйшіе писатели хотѣли заключить, что первые, какъ подвластные Гуннамъ, были ими приведены на Дунай. Догадки такого рода, неоснованныя ни на какомъ современномъ извѣстіи, не заслуживаютъ вниманія; впрочемъ, если и допустить, что Славяне, подобно всѣмъ народамъ, жившимъ между Понтомъ, Истромъ и Балтійскимъ моремъ, принуждены были покориться оружію Аттилы, то нигдѣ однако жъ, нѣтъ и слѣда, чтобы эта подчиненность принуждала ихъ оставлять свои жилища, или обязывала военною службою. Всѣ народы, которыхъ Гунны выводили противъ Грековъ, которыхъ высылали на войну въ разныя стороны, и которые, послѣ паденія ихъ владычества, расходились въ разныя стороны, съ точностію исчислены современными писателями; между ними были: Готы, Аланы, Гепиды, Маркоманны, Свевы, Герулы, Невры, Гелоны и т. п., но о Славянахъ нигдѣ не упоминается (22). Если бы они въ какомъ нибудь происшествіи появились уже во время Аттилы, то Греческіе писатели, видя, впослѣдствіи,

(21) Procop. B. G. l. 2 et 3. Jornand. r. g. c. 48. Stritt. Scr. Byz. T. 2.

(22) Sidon. ad Avit. Jornand. r. g. c. 50. Eutrop. ap. Laz. l. 9.

приближеніе ихъ къ предѣламъ имперіи, не говорили бы о нихъ, какъ о недавно явившихся и дотолѣ невиданныхъ (23).

Все это доказываетъ, что Славяне только послѣ паденія Гунновъ приблизились къ Дунаю, что если Гунны и въ самомъ дѣлѣ завладѣли всѣмъ Сѣверомъ, то менѣе имѣли вліянія на нихъ, чѣмъ на другіе народы. Ибо когда прочіе покоренные народы несли дань Гуннамъ личною службою, Славяне, какъ кажется, удовлетворяли своихъ повелителей или самою дружбою, или означенною данью. Тѣ Славянскія поколѣнія, которыя отдѣльно подъ предводительствомъ Лавриты, Андрагоста, Мужомира, Пирогоста, Мужоха первые приблизились къ Истру, не только не признавали надъ собою ничьей власти, но даже Аварамъ, послѣ нихъ сюда пришедшимъ, на предложеніе перейти въ ихъ подданство, рѣшительно отвѣтили, что они не привыкли никому повиноваться. Вотъ ихъ слова: „Кто же изъ живущихъ подъ солнцемъ можетъ поколебать наше могущество, или устоять противъ него? Мы привыкли покорять чужія земли, но никто не можетъ завоевать нашей. Пока будутъ существовать брани и мечи, до тѣхъ поръ никто не въ состояніи противиться намъ (24).“

Разсмотрѣвъ эпоху появленія Славянъ, изслѣдуемъ теперь, подъ какимъ именемъ и откуда современные писатели выводятъ ихъ. Въ этомъ отношеніи Прокопій говоритъ такъ: „Nomen etiam Sclavenis et Antis unum erat; utrosque enim antiquitas appellavit Sporos, ob id, opinor, quia Sporaden, id est, sparsim et rare positis tabernaculis regionem obtinent; quo fit ut magnum occupent spatium. Et vero ulterioris ripae Istri partem maximam habent.“ Далѣе современникъ прибавляетъ: „Ad Meotidem Scythi uturguri, supra eos ad Aquilonem Antarum populi infiniti (25).“ Іорнандъ, другой современный писатель, родомъ Готъ, упомянувъ о Карпатскихъ горахъ, окружающихъ древнюю Дакію, говоритъ: „Juxta quorum sinistrum latus, quod ad Aquilonem vergit, et ab ortu Vistulae fluminis per immensa spatia venit, Winidarum natio populosa consedit: quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutentur, principaliter tamen Sclavini et Antes nominantur. Sclavini a civitate nova et lacu, qui appellatur Musianus, usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur; hi paludes sylvasque pro civitatibus habent. Antes vero, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur, a Danastro extenduntur usque ad Danubium....ad littus autem oceani, ubi tribus faucibus fluenta Vistulae ebibuntur, Vidivarii resident, ex diversis nationibus aggregati, post quos ripam oceani item Esti tenent, paccatum hominum genus omnino.“ Тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ: „Ermanaricus in Venetos arma commovit, numerositate pollentes....qui ab una stirpe exorti, tria nunc nomina reddidere, id est Veneti, Antes et Sclavi (26).“

Изъ приведеннаго здѣсь видимъ, что Славяне подъ разными названіями вышли изъ древнихъ своихъ жилищъ; что народонаселеніе у нихъ было уже очень велико; что въ первой половинѣ VI го столѣтія, начиная отъ

(23) Procop B. G. l. 3. Jornand. r. g.

(24) Procop. de edif. l. 4. Menand. ap. Stritt. T. 2. p. 46.

(25) Procop. B. G. l. 3. et 4.

(26) Jornand r. G. c. 5. et 23.

устья Дуная по берегамъ Меотиды и вдоль по Вислѣ, они занимали на Сѣверѣ всѣ тѣ страны, гдѣ, нѣкогда, жили Геты, послѣ нихъ Бастарны и Певкины, Готы, Гунны, Будины, Сарматы, Аланы, Роксоланы, Меланхлены, Антропоѳаги, Венеды и т. п.; что, наконецъ, Эсты, во время Тацита, жили рядомъ съ ними на берегахъ Балтійскаго моря, изобиловавшихъ янтаремъ.

Хотя Греческіе писатели, по своему обыкновенію, называютъ Славянъ разными именами, то Sclaveni, Sclavini, Vinidae, то Sclavi, Venetae, въ томъ, однако жь, нѣтъ сомнѣнія, что эти названія были общія, что ими въ самомъ дѣлѣ назывались Славяне; потому что во всѣхъ ихъ нарѣчіяхъ говорится: Словяне, Словенцы, Словинякъ, Словакъ, Шлавяне, Славянинъ, Венда, Винда и т. п. Названіе: Анты, которое вскорѣ вышло изъ употребленія, вѣроятно, произошло отъ названія Венеты или Энеты особеннымъ произношеніемъ или правописаніемъ (*).

Что Греки вмѣсто Словене, Словяне писали Sclaveni, Sclavi, вѣроятно, происходило отъ того, что имъ трудно было послѣ *S* произнести буквы *L* и *O*, которая во всѣхъ языкахъ, обыкновенно, замѣняется буквою *Л*. Потому-то и Іорнандъ первый, стараясь, вмѣсто Vistula, назвать эту рѣку по Славянски, пишетъ Viscla, а не Visla.

Хотя ни:то изъ древнихъ писателей, кромѣ одного Прокопія, не говоритъ, что Славяне назывались въ древности Спорами, нѣтъ, однако жь, причины сомнѣваться въ этомъ свидѣтельствѣ. Только предположеніе его, что это названіе могло произойти отъ разбросанныхъ или разсѣянныхъ ихъ жилищъ, кажется не слишкомъ основательно; ибо оно могло относиться не къ однимъ т лько Славянамъ. Извѣстно, что и Кельты, и Германцы, обитали, обыкновенно, въ разбросанныхъ селеніяхъ. Производство названія Sporoi отъ Speiron, сѣятель, болѣе приличнο для означенія народа, занимающагося исключительно земледѣліемъ.

Кромѣ общихъ названій, каждое поколѣніе, по свидѣтельству Іорнанда, имѣло еще свое особенное, данное ему или по имени предводителей, или по мѣстоположенію его жилищъ. Такъ позднѣйшіе писатели называли Германцевъ нѣмцами отъ слова

(*) Нѣкоторые писатели, желая производить имя Славянъ отъ *славы*, требуютъ, чтобы ихъ называли Славянами. Я избираю первое по той причинѣ, что мы такъ находимъ въ большей части нарѣчій Славянскихъ и что *слава*, без сомнѣнія, происходитъ отъ *слова*. Можно предполагать, что имя Словянинъ, Словенецъ и т п., въ народѣ раздробленномъ на множество отдѣльныхъ поколѣній, произошло, вслѣдствіи, для означенія всѣхъ соплеменниковъ, которымъ понятенъ былъ общій языкъ, на которомъ они изъяснялись, и что это имя употреблялось самимъ народомъ; другіе же называли его иначе, и это названіе, какъ древнѣйшее, осталось у прочихъ народовъ въ употребленіи. Впрочемъ, здѣсь заслуживаетъ особенное вниманіе то обстоятельство, что, какъ Словяне называли Германцевъ нѣмцами отъ слова *нѣмой*, такъ, наоборотъ, въ древнемъ Мизо-Готскомъ языкѣ слово *Slavan* значило *молчать*. Въ Валашскомъ языкѣ (который почитается остаткомъ Ѳракійскаго), находится много коренныхъ словъ, общихъ съ Славянскими) слово *Slovot* означаетъ свободнаго человѣка, а *rob*—невольника. У насъ *Slawetny*, *Rab*, *porabek* тоже самое имѣли значеніе. Ihre Cod. arg. p. 266. Sulzer's Gesch. v. Walach. §. 135

сатели вычисляютъ много такихъ именъ, которыя, будучи разобраны съ надлежащею проницательностію, могли бы не мало содѣйствовать къ раскрытію первоначальной исторіи Славянъ.

Трудно объяснить, отъ чего, при столь точныхъ описаніяхъ новопоявившихся Славянъ, ни Прокопій, ни Іорнандъ, ни послѣдующіе писатели, не упоминаютъ, откуда собственно они пришли? гдѣ были древнія ихъ жилища? и къ какому племени они принадлежали? Такихъ важныхъ обстоятельствъ они нигдѣ не умалчивали, даже при описаніяхъ мелкихъ, въ первый разъ показавшихся, народовъ, напротивъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за ними въ отдаленнѣйшія страны Скандинавіи, на Кавказъ и даже въ безвѣстныя земли сѣверной Азіи. Но это молчаніе при описаніи Славянъ имѣло свои причины: когда говорили о Гуннахъ, Гепидахъ, Аварахъ, Булгарахъ, о которыхъ прежде и слуху не было, непремѣнно нужно было сказать, кто они были и откуда вышли; но говоря о Сарматахъ, Скиѳахъ, Свевахъ и т. п., пропускали такія подробности, какъ излишнія и давно всякому извѣстныя. Славяне, извѣстныя уже въ древности, по словамъ Прокопія, какъ сѣятели или земледѣльцы, подъ именемъ Венедовъ, вышли изъ земли, нѣкогда занимаемой Венедами; въ то время никто и не сомнѣвался въ томъ, что они были древніе Венеды. Потому писатели не видѣли никакой надобности, ни причины, упоминать о ихъ происхожденіи и родинѣ.

Со временъ Плинія, Тацита и Птоломея, то есть, въ продолженіе слишкомъ 400 лѣтъ, при вниманіи, на Сѣверъ безпрерывно обращенномъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека, ни слѣда, чтобы многочисленный народъ Венедовъ или самъ оставилъ свою родину, или изъ нея другими былъ вытѣсненъ. Что они безпрерывно владѣли оною подъ однимъ обще извѣстнымъ, а потомъ и подъ другимъ еще, именемъ Славянъ, мы можемъ уже убѣдиться изъ того, что, по свидѣтельству Іорнанда, въ томъ самомъ мѣстѣ, около половины IV-го столѣтія, побѣдоносное оружіе Эрманарика, короля Остроготовъ, поселившихся при Понтѣ, достигло Венедовъ Славянскихъ а также и Эстовъ и другихъ народовъ, жившихъ вдоль береговъ Балтійскаго до Нѣмецкаго моря. Оттуда же вскорѣ послѣ того выходили народы, съ которыми Винитаръ велъ войны. Наконецъ съ первой минуты знакомства съ Славянами, мы нашли ихъ во всѣхъ земляхъ древнихъ Венедовъ, и отсюда они расходились въ разныя стороны. Итакъ нельзя сомнѣваться, что Славяне по имени, по происхожденію и по родинѣ были Венеды, извѣстные уже съ давнихъ временъ.

Узнавъ нашихъ Славянъ въ прежнемъ народѣ Венедовъ, послушаемъ теперь, что объ нихъ говорятъ древніе писатели. Плиній упоминаетъ только, что они обитали на Востокъ отъ Вислы въ сосѣдствѣ Скировъ, Гирровъ и Сарматовъ. Изъ сочиненій Тацита мы узнаемъ болѣе; онъ, приступая къ описанію народовъ на восточной сторонѣ Вислы, отъ Карпатскихъ горъ и Днѣстра до конца Балтійскаго моря, говоритъ: »dextro Suevici maris litore (Балтійскаго моря) Aestiorum gentes adluuntur, quibus ritus habitusque Suevorum, lingua Britanicae proprior.» Далѣе: »Peucinorum Vene-

dorumque ac Fennorum nationes Germanis an Sarmatis adscribam, dubito. Quamquam Peucini, quos quidem Bastarnas vocant, sermone, cultu, sede ac domiciliis ut Germani agunt: sordes omnium ac torpor, procerum connubiis mixtis nonnihil in Sarmatarum habitum foedantur. Veneti multum ex moribus traxerunt, nam quicquid inter Peucinos Fennosque sylvarum ac montium erigitur, latrociniis pererrant. Hi tamen inter Germanos potius referuntur, quia et domos figunt, et scuta gestant, et pedum usu ac pernicitate gaudent, quae omnia diversa Sarmatis sunt, in plaustro equoque viventibus.» Намекъ Птоломея оканчивается слѣдующими словами: »Tenent autem Sarmatiam maximae gentes: Venedae per totum Venedicum Sinum.... penes Vistulam sub Venedis Gythones, post Phynni.» Наконецъ онъ исчисляетъ различныя ихъ имена и, подобно Тациту, помѣщаетъ возлѣ нихъ Певкиновъ, а Бастарновъ подъ Карпатами (27).

Эти свидѣтельства показываютъ, что въ первомъ вѣкѣ Христіанства Венедскіе Славяне находились на правой сторонѣ Вислы; что отъ устья ея, на берегахъ, богатыхъ янтаремъ, обитали Эсты или Гитоны; что прилежащее море, отъ имени народа, называлось Венедскимъ; что земли его простирались отъ Вислы и Певкиновъ до Финновъ; что онъ почитался великимъ народомъ; что его ясно отличали отъ Сарматовъ; наконецъ, что эту часть древней Скиѳіи Птоломей назвалъ Сарматіей.

Хотя мы видимъ, что жилища Венедовъ доходили до самой Вислы, бывшей тогда границею между ними и Германцами, впрочемъ, нигдѣ не сказано, въ какомъ именно мѣстѣ и какъ далеко они простирались по берегамъ этой рѣки. Такое недоумѣніе можетъ быть устранено только критическимъ разборомъ выше приведенныхъ мнѣній древнихъ писателей и свидѣтельствами другихъ. Тацитъ, исчисливши всѣ Германскіе народы до самой Скандинавіи, чтобы не прервать ихъ связи, оттуда возвращается на южные берега Балтійскаго моря и здѣсь, съ восточной стороны Вислы, къ нимъ причисляетъ Эстовъ и Певкиновъ, потомъ приступаетъ къ Венедамъ, а наконецъ и къ Финнамъ. О Сарматахъ, которые никогда не жили на Вислѣ, онъ на семъ мѣстѣ не упоминаетъ, а указываетъ ихъ жилища на югѣ Карпатскихъ горъ, въ нынѣшней Угріи. Слѣдовательно, только Эсты, Певкины, Венеды и Финны могли занимать берега Вислы. Объ Эстахъ единогласно говорится, что они, живя на янтарныхъ берегахъ, только на небольшомъ пространствѣ примыкали къ низовьямъ Вислы; владѣнія ихъ никогда не выходили изъ границъ нынѣшней Восточной Пруссіи (28).

Что касается до Певкиновъ или Бастарновъ, то ихъ отечество издревле постоянно указываемо было на сѣверѣ отъ Истра, близь горъ Дакіи и рѣки Днѣстра. Одна часть ихъ поселилась при устьѣ Дуная, а другая, ведя, по большей части, пастушескую жизнь, занимала земли въ нынѣшней Валахіи, Молдавіи, Волыни и Подоліи, до Украйны (29).

(27) Pliu. l. 4. c. 13. Tacit. Germ. 45, 46. Ptolom. l. 3. c. 5. et l. 8.

(28) Plin. l. 4. Ptolom. l. 3. Jornand. c. 5.

(29) Tacit. Germ. Plin. l. 4. Strabo l. 7. Ptolom. l. 3. Dio. l. 38 et 51. Liv. l. 40, 42 et 44.

Тѣмъ изъ нихъ, которые жили за Дакіею, назначали мѣста при самыхъ горахъ, въ нынѣшнемъ Покутьѣ, а изъ описанія Птоломея можно заключить, что земля ихъ простиралась только до верховьевъ Днѣпра и Буга. Поэтому нѣтъ ни слѣдовъ, ни доказательствъ, чтобы Певкины гдѣ нибудь примыкали къ берегамъ Вислы, и кто бы захотѣлъ утверждать противное, тотъ нашелся бы принужденнымъ полагать, что большая часть правой стороны Вислы отъ ихъ жилищъ, т. е., отъ истоковъ Буга, населена была Германскими народами; но это противорѣчило бы явнымъ указаніямъ современныхъ писателей, которые эту рѣку единогласно признавали границею Германіи.

Наконецъ, что касается до народа Финновъ, то онъ совершенно не принадлежалъ къ прибрежнымъ жителямъ Вислы; настоящее ихъ отечество, какъ и теперь, было возлѣ Скандинавіи, и только нѣкоторыя отдѣльныя его поколѣнія могли соприкасаться съ Венедами при восточныхъ берегахъ Балтійскаго или Венедскаго моря (30).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ явствуетъ, что ни Певкины, ни Финны не могли примыкать къ Вислѣ; потому заключить должно, что одни только Венедскіе Славяне владѣли ея берегами, начиная отъ границъ Эстовъ до Карпатскаго хребта. Такое мнѣніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что Висла, какъ сказано, обыкновенно почиталась предѣломъ Германіи, и что, кромѣ выше приведенныхъ четырехъ народовъ, болѣе здѣсь не находилось. Тацитъ, который съ величайшею точностію описываетъ всѣ отдѣльныя Германскія поколѣнія и указываетъ ихъ жилища, ни одного изъ нихъ не помѣщаетъ на правой сторонѣ верховьевъ Вислы къ Карпатамъ и нынѣшнему Подгорью. Земли этѣ не могли быть безлюдны; и если бы Певкины доходили до верхней части Вислы, то древніе географы, вмѣсто того, чтобы искать ихъ въ Дакіи, нынѣшней Трансильваніи, какъ они дѣлали, указали бы ихъ вслѣдъ за другими Германскими народами, жившими рядомъ съ ними на лѣвой сторонѣ Вислы. Для подкрѣпленія моего мнѣнія можно здѣсь изъ сочиненія Птоломея привести названія народовъ, исчисленныхъ въ его Сарматіи, начиная отъ Карпатскихъ горъ; эти названія, не смотря на то, что онѣ искажены по обыкновенію Грековъ, носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ Славянскаго языка. Между прочими въ Подгорьѣ, близъ нынѣшняго Бѣча, помѣщаетъ онъ Бессовъ, также Пѣнгитовъ, въ окрестностяхъ Самбора, ближе къ Бугу, Сабоковъ, около средины Буга Кестобоковъ, близъ Сѣдлецъ Сулановъ, далѣе за Нѣманомъ Галиндовъ, Судиновъ, Ставановъ, близъ истоковъ Днѣпра и Волги Пагоритовъ, Борусковъ и т. д. (*)

Всѣ эти доказательства даютъ намъ возможность означить тогдашніе предѣлы владѣній Венедскихъ

---

(30) Plin. l. 2. c. 108. et l. 4. c. 13. Solin: c. 23. Ptolem. l. 3. Procop. B. G. l. 2.

(*) При этомъ удобномъ случаѣ нельзя пропустить замѣчанія, сдѣланнаго уже многими учеными, что Географія Птоломея содержитъ множество разнаго рода недостатковъ и ошибокъ; что она искажена позднѣйшими переписчиками; что, по этому, безъ помощи другихъ современныхъ писателей, трудно ее понимать и не вездѣ можно на нее съ увѣренностью полагаться.

Славянъ. Они простирались отъ Вислы чрезъ всю землю Эстовъ и нынѣшній Нѣманъ, Жмудь, Ливонію, до восточныхъ краевъ моря Балтійскаго; оттуда около истоковъ Волги и Днѣпра до устья Припети; далѣе, вверхъ по Припети, чрезъ часть Полѣсья и Волыни, чрезъ верховья Днѣстра до Карпатъ и Вислы, которая, съ этого времени, служила западною границею между Славянами и Германцами.

Такое положеніе Славянъ легко объясняетъ, какимъ образомъ, въ продолженіе столькихъ вѣковъ и среди всеобщаго смѣшенія народовъ въ Европѣ, они могли уцѣлѣть и остаться въ покоѣ. Съ запада защищенные Вислою, съ сѣвера моремъ, съ востока окруженые слабыми народами, которые тамъ скитались и жили въ бѣдности, съ юга огражденные безпрерывною цѣпью болотъ Припетскихъ и лѣсовъ, которыя Геродотъ уже почиталъ за непроходимыя (31) и которыя до сихъ поръ остались почти такими, далѣе— разными отраслями горъ и самыми Карпатами, они, въ случаѣ нападенія или возникшихъ вокругъ нихъ смутъ, скорѣе другихъ могли избѣгнуть гибельнаго ихъ вліянія, а въ удобное время выступать въ одну или другую сторону. Впрочемъ, народъ, который, какъ можно заключить изъ его продолжительной бездѣятельности, не искалъ славы въ оружіи и не вмѣшивался въ чужія распри, который, при своемъ раздробленіи на особыя поколѣнія, не могъ быть никому страшнымъ, котораго земли, особенно послѣ потери янтарныхъ береговъ, не представляли никакой особенной приманки для завоевателей, безъ сомнѣнія, менѣе другихъ Европейскихъ народовъ подверженъ былъ несчастіямъ и бѣдствіямъ.

Мнѣніе Тацита, что Венеды много обычаевъ переняли отъ сосѣдей (*), „ибо (говоритъ онъ) скитаясь по горамъ и лѣсамъ отъ Певкиновъ до Финновъ, занимаются разбоемъ и гребежами,“ нисколько не опровергаетъ нашего мнѣнія о спокойной ихъ жизни, мнѣнія, основаннаго на фактахъ и собственномъ свидѣтельствѣ того же писателя. Если онъ прежде сказалъ, что Венеды строили себѣ домы, т. е., что они привязаны были къ тому мѣсту, гдѣ они жили, что жилища ихъ простирались отъ Певкиновъ до Финновъ, то, безъ явнаго противорѣчія самому себѣ, онъ не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать, что они скитались и только въ собственной землѣ занимались разбоемъ и грабежами. Находясь въ безпрерывной междоусобной войнѣ, народъ вскорѣ истребилъ бы самъ себя, и, вмѣсто того, чтобы обитать въ разсѣянныхъ жилищахъ, былъ бы принужденъ, для безопасности, жить въ обществахъ, или въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, или въ лагеряхъ, какъ въ то время жили Сарматы, Аланы и др. народы. По этому должно думать, что или Тацитъ въ словахъ „latrociniis pererant,“ хотѣлъ выразить, что Венеды за добычею пробѣгали свои лѣса и горы, или, имѣя объ нихъ ложныя свѣдѣнія, самъ онъ невольно впалъ въ противорѣчіе (**).

Въ другомъ мѣстѣ Тацитъ говоритъ: „Не знаю къ Сарматамъ ли,

(31) Herodot. l. 4. 5.

(*) То есть, отъ тѣхъ народовъ, о которыхъ Тацитъ передъ тѣмъ говоритъ.

(**) Latrocinium употреблялось pro venatione, вмѣсто охоты, ap. Plin. l. 9. c. 24. Virg. Eneid. 12. de Leone, vid. Forcellini Lexicon.

или къ Германцамъ должно отнести народъ Венедовъ. Впрочемъ, онъ болѣе принадлежитъ къ Германцамъ, ибо и домы строитъ, и щиты носитъ, и искусно пѣшій сражается, что все чуждо Сарматамъ, ведущимъ жизнь на лошадяхъ и въ повозкахъ.“ Это мѣсто также требуетъ объясненія. Если бы писатель этими словами хотѣлъ породнить Венедовъ съ Германцами въ отношеніи ихъ происхожденія, то доказательства, основанныя на строеніи домовъ, сходствѣ оружія и образѣ войны, были бы слишкомъ слабы. При томъ казалось бы, что, при всей точности прежняго исчисленія народовъ Германскихъ, онъ забылъ еще о великомъ народѣ Венедовъ, сюда же припадлежащемъ, и только послѣ, какъ бы вдругъ вспомнивши объ немъ, описываетъ его. Такимъ мнѣніемъ онъ противорѣчилъ бы и самъ себѣ, и другимъ современникамъ, которые никогда Венедовъ не причисляли къ Германцамъ и Вислу считали предѣломъ Германскихъ народовъ. По этому Тацитъ не могъ ихъ сравнивать съ Германцами въ отношеніи происхожденія, но только въ отношеніи нѣкоторыхъ обычаевъ, какъ это явствуетъ изъ сравненія ихъ съ Сарматами.

Нашедши древнія жилища Венедскихъ Славянъ, намъ остается указать еще съ какого времени они тамъ поселились. Эти изслѣдованія не будутъ безполезны, потому что мы можемъ основывать ихъ на вѣрныхъ преданіяхъ и историческихъ догадкахъ. Венеды со временъ, намъ извѣстныхъ, могли прійти въ свои жилища только съ Востока. Мы уже сказали, что за 600 лѣтъ до Христіанства ни одинъ значительный народъ не могъ съ Востока ворваться въ Европу безъ важныхъ переворотовъ и не обративъ на себя особеннаго вниманія. Въ эту эпоху многочисленныя Греческія колоніи на сѣверномъ берегу Понта, Меотиды и внутри Скиѳіи, ведя обширную торговлю на Востокѣ и Западѣ, были бы, навѣрно, свидѣтелями всѣхъ перемѣнъ и событій, тамъ происходившихъ. Тѣхъ самыхъ Массагетовъ, Скиѳовъ, Сарматовъ, Будиновъ, Гелоновъ, Исседоновъ, Меланхленовъ и т. д., которые во время Геродота и походовъ Александра В. жили отъ Каспія и Кавказа до Борисѳена, тамъ же искали еще въ свое время П. Мела, Плиній, Страбонъ и другіе (32). Пока сіи народы занимали всѣ эти пространства, до тѣхъ поръ никакой другой народъ не могъ проникнуть изъ Азіи въ Европу, не причинивъ великихъ потрясеній. Столь многочисленный народъ, какъ Венеды, долженъ былъ бы переселяться или въ одинъ разъ, одной огромнѣйшей ордой, или же врозь, въ нѣсколько пріемовъ. Въ первомъ случаѣ походъ ихъ былъ бы непремѣнно также громокъ и грозенъ, какъ походы Гунновъ и Чингисхановой орды; въ послѣднемъ случаѣ трудно, если не вовсе невозможно, было бы разрозненнымъ отдѣльнымъ толпамъ и поколѣніямъ прорваться чрезъ столько иноплеменныхъ народовъ, придти къ своимъ братьямъ, вышедшимъ еще прежде, и тамъ подлѣ нихъ найти готовыя для себя жилища.

Какъ скоро нѣтъ слѣда, чтобы Венеды могли въ упомянутую эпоху переселиться въ Европу, то должно заключить, что они издревле жили

---

(32) Herodot. l. 4. Mela l. 1. 2 et 3. Strabo l. 7. Plin. l. 4. et 6. Amm. Marcel. l. 22. c. 8. Arian. de exp. Alex. M. l. 4.

въ этой части свѣта и принадлежали къ первобытнымъ ея народамъ. Для подкрѣпленія нашего предположенія есть доказательства, тѣмъ больше заслуживающія вниманіе, что источникъ ихъ принадлежитъ къ несомнѣнной древности, и что даже отдаленнѣйшіе вѣка не въ силахъ были уничтожить ихъ.

Греки, съ незапамятныхъ временъ, имѣли преданіе, что янтарь получается съ сѣвера изъ земли Венедовъ. Это сказаніе не могло быть вымышлено и не имѣть основанія, потому что оно совпадаетъ какъ съ положеніемъ, такъ и съ названіемъ Прибалтійскихъ Венедовъ, о которыхъ послѣ, какъ видно изъ Геродота, они уже не знали. Въ памятникахъ ихъ сохранилось только извѣстіе, что Венеды владѣли нѣкогда янтаремъ и что его собирали на берегахъ Сѣвернаго моря, въ которое впадаетъ рѣка Эриданъ. А что послѣ забыли объ этихъ Венедахъ, то это могло произойти или въ слѣдствіе насильственнаго поселенія между ними другихъ народовъ, или по причинѣ потери янтарныхъ береговъ, отъ чего и непосредственная торговля ихъ должна была до того прекратиться, что, наконецъ, и извѣстія объ ней превратились въ загадку (*).

Древніе писатели, находившіе въ этомъ сказаніи слѣды настоящей правды, думали, что все дѣло объяснится, какъ скоро перенесутъ его къ Венедамъ Адріатическимъ. Но позднѣйшіе писатели, не находя въ этомъ мнѣніи никакого объясненія недоумѣній, и имѣя о сѣверѣ болѣе точныя свѣдѣнія, возвратились къ настоящему янтарному морю и примѣнили къ оному древнее объ немъ преданіе. Но такъ какъ близь обитающіе Венеды не владѣли уже въ то время этимъ берегомъ и торговля не шла болѣе черезъ ихъ руки, то отсюда заключили, что въ этомъ сказаніи должно говориться о Венедахъ Адріатическихъ, которые были только перекупщиками этого произведенія (33).

Оставляя всѣ замѣчанія на счетъ этихъ мнѣній, скажемъ только, что какъ теперь, такъ, безъ сомнѣнія, и въ древности, произведенія назывались, собственно, не по перекупщикамъ ихъ, но по ихъ родинѣ и виновникамъ, а потому древніе мѣсто происхожденія янтаря навѣрное полагали не у Адріатическихъ Венедовъ, но у Балтійскихъ, у коихъ онъ въ самомъ дѣлѣ находился. Точно также древніе не выводили олова ни отъ Финикіянъ, ни отъ Каръагенянъ, доставлявшихъ его, а

(*) Какъ изъ повѣствованія о походѣ Аргонавтовъ, такъ и изъ преданій Геродота, можно догадываться, что Балтійское море съ древнѣйшихъ временъ извѣстно было южнымъ жителямъ. Финикіяне и Каръагеняне искони посѣщали Касситеритскіе, нынѣ Великобританскіе острова; нельзя допустить, чтобы эти промышленные и смѣлые народы не проникли и далѣе, до янтарныхъ береговъ. Путешествіе Пиѳія было, безъ сомнѣнія, не иное что, какъ изслѣдованіе долго скрываемаго купцами пути къ рѣдкому тогда богатству, а описаніе путешествія Гамилькона показываетъ, какъ усильно одни старались удерживать другихъ отъ этого мореплаванія, вымышляя невѣроятныя трудности.

(33) Apollon. Rhod. Argonan. 4. Herod. l. 3. c. 115. et 4. Ctesias ap. Rhod. Plin. l. 37. Solin. c. 20. Diodor. l. 5. Tim. ap. Diod. l. 4. c. 56. Schöning. alt. nord. Geogr. ap. Schlöz. 6. abs.

съ острововъ Касситеридскихъ, хотя мало извѣстныхъ, но откуда оно именно получалось. А потому, какъ ни толковать выше приведенныя преданія, всегда останется несомнѣннымъ, что и янтарь и собиравшіе его Венеды, были, съ незапамятнаго времени, извѣстны Грекамъ, которые, конечно, первые узнали юго-восточныя страны Европы, вмѣстѣ съ этимъ произведеніемъ (34) (*).

Какъ рѣка Эриданъ, такъ и янтарные берега Балтійскаго моря, вѣроятно, издревле назывались Греками по имени Венедовъ; ибо, хотя, въ послѣдствіи, при вторженіи въ страну ихъ чуждаго народа, Эстовъ или Гитоновъ, эти берега были ими потеряны уже задолго до Христіанства, однако жь Птоломей не называетъ ихъ, какъ Римскіе писатели, ни Коданскими, ни Свевскими, ни Сарматскими, но Венедскими берегами (35).

Открывши и обозначивши первоначальныя жилища Славянъ, легко уже объяснить себѣ нечаянное ихъ появленіе и быстрое распространеніе, которое до сихъ поръ казалось непонятнымъ. Когда исчезли или ослабѣли сосѣдніе народы, тогда ничто не могло удержать ихъ отъ выступленія за собственные предѣлы, а одинъ сдѣланный впередъ шагъ сблизилъ ихъ съ общеизвѣстнымъ міромъ и съ прочими жителями Европы. Поколѣнія, двинувшіяся на югъ и къ Понту, остановились въ виду Грековъ; другія же сошлись съ Германцами, которые тогда имѣли уже далекія сношенія съ ними. Съ этого времени мы должны бы также имѣть точнѣйшія объ нихъ свѣдѣнія; при всемъ томъ, послѣ безпорядковъ, продолжавшихся нѣсколько вѣковъ, долго еще весь Сѣверъ покрывали густые туманы, а Европа не имѣла уже ни Плиніевъ, ни Тацитовъ. Греческіе писатели, при ограниченныхъ свѣдѣніяхъ, оставили намъ только кой-какіе намеки о тѣхъ поколѣніяхъ, которыя вблизи мелькали предъ ихъ глазами; объ отдаленнѣйшихъ же ничего съ точностію сказать не умѣли. Отъ Прокопія до X-го вѣка, они едва знали страны и народы до Днѣстра и около Понта: Висла столь же имъ была неизвѣстна, какъ Геродоту за 1500 лѣтъ. Константинъ Багрянородный по темнымъ

---

(34) Homer. Od. 4. et 37. Il. 18. Batrachom. Hesiod. Theog. c. 238. Mirabil. auscult. Dionys. Perieget. Scymnus Ch. Orbis descr.

(*) Плиній, l. 37. c. 3, и Тацитъ, Germ., говорятъ, что Германцы янтарь называли *Glesium* или *Glesum*. Но какъ Нѣмцы *стекло* называютъ *Glas*, то нѣкоторые нынѣшніе писатели полагаютъ, что слово *glesum* было, собственно, Германское, и что Германцы дали такое названіе янтарю. На это можно отвѣчать, что Германское *Glas*, Латинское *glacies* и Славянскія *глаза*, *wehlasny* (проницательный) и *gladam*, безъ сомнѣнія, происходятъ отъ одного корня и означаютъ предметъ прозрачный, блестящій. Безъ сомнѣнія *глаза* и *ледъ*, какъ древнѣйшія слова, не получили своего названія отъ, послѣ уже открытаго, янтаря и стекла, но на оборотъ. Итакъ, если *glesum* не происходитъ отъ Латинскаго *glacies*, то, всего вѣроятнѣе и скорѣе, оно происходитъ отъ Славянскаго *глазъ*, чѣмъ отъ Германскаго слова *Glas*, и что не Германцы, а Венедскіе Славяне, дали янтарю такое названіе. И на языкѣ древнихъ Пруссовъ *glasso* означало *стекло*.

(35) Pytheas. ap. Plin. l. 37. Ptolom. l. 3. Marcian. Heracl. ap. Hudsons scr. geogr. T. I. p. 55.

только извѣстіямъ упоминаетъ о какихъ-то Хорватахъ за Бабьею горою, которые смежны были съ Баваріею, тоже о великой Сербіи, сопредѣльной съ Франками (36). Народы, жившіе близъ Вислы и далѣе къ западу были ему вовсе неизвѣстны. При томъ тогдашніе писатели, полагая, что незнаніе настоящихъ народовъ можетъ быть замѣнено сообщеніемъ имъ названій прежде тамъ жившихъ народовъ, самовольно называли теперешнихъ Чеховъ Боями, Закарпатскихъ Славянъ—Скиѳами, а обитавшихъ близъ Борисѳена — Сарматами (37).

На Западѣ также нельзя искать объясненій касательно первоначальнаго состоянія Славянскихъ народовъ; пока Христіанство не распространилось между сосѣдними Германцами, до тѣхъ поръ мало извѣстій о прежнихъ вѣкахъ могло сохраниться въ памяти. Въ сѣверныхъ сагахъ и другихъ подобныхъ разсказахъ, дѣйствительно можно было бы найти нѣкоторыя сказанія о Славянахъ; но въ нихъ трудно опредѣлить и время, и поколѣніе, о которомъ говорится. Съ распространеніемъ имперіи Карла В. до Лабы, вниманіе, нѣкоторымъ образомъ, больше было обращено на этѣ страны: миссіонеры иногда заходили къ сосѣднимъ Славянамъ и доставляли нѣкоторыя о нихъ свѣдѣнія, которыя, при всей неполнотѣ своей, имѣли то достоинство, что отчасти носили на себѣ признакъ истины. Но послѣ, когда гибельная страсть къ нападеніямъ и завоеваніямъ опять овладѣла жителями Европы, когда Славяне, подъ предлогомъ вѣры, были запутаны въ продолжительныя кровавыя войны, съ тѣхъ поръ, чѣмъ болѣе упоминали объ нихъ, тѣмъ менѣе скупились на выдумки и клеветы. И потому писатели того времени тамъ только заслуживаютъ вѣроятіе, гдѣ являются свободными отъ предубѣжденія и ненависти къ упорнымъ въ язычествѣ Славянамъ.

Къ причинамъ, которыя долгое время лишали насъ точныхъ свѣдѣній о народахъ Славянскихъ, должно еще присоединить и то, что, со времени выступленія изъ первобытныхъ жилищъ до принятія Христіанской вѣры, они вездѣ жили раздѣленные на мелкія поколѣнія. Въ такомъ положеніи, не будучи въ состояніи отличиться предъ лицемъ Европы ни значеніемъ, ни могуществомъ, они менѣе обращали на себя вниманія, а другіе рѣдко умѣли ихъ отличить однихъ отъ другихъ. Первый примѣръ соединенія многихъ поколѣній подъ одну власть подали юго-западные Славяне въ VII-мъ вѣкѣ, во время Сама, когда дѣло шло о сверженіи ига Аваровъ и объ увольненіи себя отъ докучливыхъ Франковъ; но этотъ союзъ, сдѣлавшій ихъ болѣе извѣстными, продолжался только до того времени, пока они не достигли предположенной цѣли.

Только около половины IX-го столѣтія, когда совершились два важныя соединенія, одно подъ предводительствомъ Святополка въ Моравіи, а другое подъ начальствомъ Рюрика въ Великомъ Новгородѣ, которыя слили мелкія незначущія поколѣнія въ два великіе народа,

(36) Constant. d. Imp. c. 30, 31, 32.

(37) Stritter. Scrip. Byzant. Cinnam. p. 47. Georg. Acropol. Cedren. Chalcocond. p. 17. Theophan. Nicetas. Anonym. Raven. Const. d. exc. Thessal.

Чеховъ и Русскихъ, Славяне сдѣлались главнымъ предметомъ Европейской исторіи. По данному примѣру вскорѣ послѣдовало подобное соединеніе многихъ поколѣній, обитавшихъ по рѣкамъ Вартѣ, Одрѣ и Вислѣ, изъ котораго произошелъ значительный народъ подъ именемъ Поляковъ или Ляховъ (*).

Кто захотѣлъ бы искать прежде сихъ эпохъ Чеховъ, Русскихъ, Поляковъ и ихъ дѣянія, тотъ напрасно тратилъ бы время. Вмѣсто Чеховъ, онъ нашелъ бы только Моравовъ, Лучанъ, Билиновъ, Псованъ, Куримовъ, Хорватовъ, Лутичей; на мѣстѣ Русскихъ открылъ бы Славянъ Новгородскихъ, Полочанъ, Кривичей, Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ, Древлянъ, Полянъ, Лутичей и другихъ; а вмѣсто Поляковъ нашелъ бы Подгорянъ, Хорватовъ, Сѣверянъ, Силезцевъ, Полянъ, Куявянъ, Мазовшанъ, Палучанъ; за ними же прочія отдѣльныя поколѣнія Кашубовъ, Поморянъ, Вильцовъ, Бодричей, Руговъ, Полабовъ, Брезанъ, Сербовъ, Доломенцевъ и т. д., которые, живя подъ особымъ правленіемъ, составляли отдѣльныя республики и имѣли особыя преданія о своихъ дѣяніяхъ.

Такъ какъ намъ осталось очень мало свѣдѣній о первоначальныхъ дѣяніяхъ Славянскихъ народовъ, то, для опредѣленія эпохи выступленія ихъ изъ прежнихъ жилищъ и занятія новыхъ мѣстъ, мы должны болѣе руководствоваться соображеніемъ, чѣмъ свидѣтельствомъ современныхъ писателей. Эпоха приближенія ихъ къ Дунаю, безъ сомнѣнія, не была временемъ перваго ихъ переселенія: въ этой сторонѣ долѣе всего кочевали, (хотя одни только остатки) воинственные Гунны, Готы, Гепиды, Лонгобарды и другіе, чрезъ которые нужно было пробиваться силой. Съ востока и запада отъ своихъ предѣловъ Славяне могли прибыть раньше, и притомъ имѣли удобнѣйшій путь. Послѣ нашествія Готовъ, Вандаловъ и другихъ Германскихъ поколѣній, исчезли, издревле поселившіеся на сѣверѣ Понта, между Борисѳеномъ, Танаисомъ и верховьями Волги, народы Скиѳовъ, Сарматовъ, Меланхленовъ, Будиновъ и др. Остались одни только Аланы и Роксоланы, которые, изнуряемые безпрестанною войною съ Гуннами, наконецъ, тоже совершенно исчезли. Значительная часть первыхъ, какъ мы видѣли, переселилась уже раньше на берега Дуная и оттуда пошла, вмѣстѣ съ Вандалами, покорять Испанію; другая отправилась въ Галлію и поселилась на Лоарѣ, около Орлеана. Прочіе, оставшись въ службѣ Гунновъ, послѣ паденія государства Аттилы, принуждены были, вмѣстѣ съ Готами, искать убѣжища у Маркіана, Восточнаго императора, который назначилъ имъ мѣсто въ Мизіи (38). Слѣдовательно, съ этой эпохи, т. е., съ половины Vго вѣка, страны между верхнимъ Днѣпромъ и Дономъ можно разсматривать, какъ оставленныя прежними жителями, и съ тѣхъ поръ смежные Славяне могли до такой степени распростра-

(*) Вѣроятно, одинъ изъ предводителей, по имени Лехъ, начальствуя надъ Полянами, жившими около Гнѣзда и Познани, составилъ этотъ союзъ, отъ чего имя Леховъ и Поляковъ распространилось на весь народъ.

(38) Jornand. r. G. c. 24, 37, 45, 50.

ниться въ этѣхъ странахъ, что въ первой половинѣ VIго вѣка многія поколѣнія ихъ нашли уже возможность приблизиться къ берегамъ Понта (39).

Западныя страны древнѣйшихъ жилищъ Славянскихъ еще ранѣе восточныхъ потеряли своихъ первобытныхъ обитателей; начиная со IIго вѣка, народы, поселившіеся между Вислою и Лабою, въ непрерывномъ стремленіи одни за другими, подвигались къ предѣламъ Римской имперіи. Съ этого времени до конца IVго столѣтія мы видѣли Вандаловъ, Бургундовъ, Лиговъ, Буровъ, жившихъ прежде у Вислы, уже распространившихся по Дунаю и Рейну до самой Галліи и Испаніи. За ними Герулы, Руги, Туркилинги, Скиры, Лонгобарды и Саксы до того выселились, что въ Vмъ вѣкѣ, на всемъ этомъ пространствѣ, мы не находимъ уже ни воспоминанія, ни, даже, слѣдовъ древнихъ народовъ. О Свевскихъ Семнонахъ, которыхъ жилища простирались, нѣкогда, отъ Лабы до Варты, въ продолженіе всѣхъ переселеній народовъ, не существовало уже ни малѣйшаго воспоминанія; полагаютъ, будто они еще заранѣе удалились къ устьямъ Майна, къ главнымъ жилищамъ родичей ихъ, Свевовъ и Гермундуровъ (40).

Слѣдовательно, съ этой стороны Славяне могли уже въ IVвѣкѣ распространяться за Вислу и занимать жилища, оставленныя Бургундами, Лигами и Бурами, а до исхода Vго столѣтія двинуться даже къ Салѣ, низовьямъ Лабы и къ западнымъ берегамъ Балтійскаго моря (*). Съ этой стороны вскорѣ и южные края сдѣлались имъ доступными; по ослабленіи Маркомановъ и Квадовъ, какъ доказано выше, съ половины Vго вѣка завладѣніе Моравіею и Богеміею до предѣловъ Баваріи, Франконіи и, поселившихся между Одрой и Лабой, племенъ, не могло имъ быть трудно (41).

Въ такомъ-то видѣ представилось положеніе Славянъ подъ исходъ V-го вѣка писателямъ, которые, по прошествіи бурныхъ временъ, могли, хотя отчасти, замѣтить то, что въ эту эпоху совершилось на сѣверѣ. Въ это время они нашли одни только поколѣнія Славянскія, которыя граничили у западныхъ предѣловъ Балтійскаго моря съ Германскимъ народомъ Варновъ (42). Изъ всѣхъ древнѣйшихъ сказаній объ нихъ намъ извѣстно то только, что около 530 года они вели пограничныя войны

(39) Procop. l. 4. Jorn. r. G. c. 5.

(40) См. прим. 10, 12, 13, 14, 15.

(*) Славяне, переселившіеся на западъ отъ Вислы, начиная отъ береговъ ея до самой средины Лабы, вѣроятно, нашли эту страну довольно уже очищенною отъ самыхъ древнихъ лѣсовъ, а также множество старинныхъ развалинъ, жилищъ и замковъ, тѣмъ болѣе, что Лиги и Бургунды, по свидѣтельству Тацита, имѣли уже здѣсь много городовъ, а у Семноновъ считали 100 уѣздовъ (pagos), изъ коихъ каждый могъ выставить 1000 воиновъ. О подобныхъ развалинахъ большаго города упоминаетъ, между прочими, Дитмаръ подъ Любушемъ за Одрой, ошибочно считая этотъ памятникъ Римскимъ; такого рода памятникъ, говорятъ, нашелъ Болеславъ Храбрый на Лысой горѣ, гдѣ онъ основалъ монастырь Бенедиктинскій.

(41) См. прим. 19.

(42) Procop. B. G. l. 2. c. 15. et l. 3. c. 35. Warnefr. Long. c. 13.

съ Ѳеодорикомъ, королемъ Франкскимъ, и потомъ съ Тассиломъ, княземъ Баварскимъ (43). Когда Авары въ 561 и 565 г. нападали на Турингова, Сорабы или Сербы сосѣдили уже съ сими послѣдними за Лабою, около р. Салы (44). Касательно племенъ, поселившихся у западныхъ береговъ Балтійскаго моря, мы знаемъ, между прочимъ, то, что, когда, около конца VI вѣка, Аварскій ханъ значительными дарами хотѣлъ привлечь къ себѣ Дунайскихъ Славянъ на помощь противъ императора Маврикія, то они отправили къ нему трехъ бандуристовъ, съ изъясненіемъ, что они въ землѣ своей желѣза не имѣютъ, не занимаются оружіемъ и не могутъ обѣщать никакого вспоможенія (45).

Сія-то господствующая склонность къ миру, безъ сомнѣнія, была причиною чрезвычайнаго размноженія народовъ Славянскихъ: едва прошло одно столѣтіе, какъ поселившіяся въ этѣхъ странахъ племена были уже столь многочисленны, что, безъ ослабленія собственныхъ силъ, могли высылать значительныя поселенія для занятія Далмаціи, Иллиріи, Мизіи, Македоніи и Ѳессаліи (46).

Они удержались на занятыхъ ими мѣстахъ и, вѣроятно, не силою оружія, не славою завоеваній: этимъ Славяне не отличались; но однимъ только многолюдствомъ они пріобрѣли себѣ такое уваженіе, что храбрые Франки, Туринги, Саксонцы и другіе народы должны были смотрѣть терпѣливо на то, когда всякій разъ болѣе и болѣе стѣсняли они предѣлы оставшихся имъ жилищъ. Одно только многочисленное народонаселеніе могло въ VIII вѣкѣ распространить торговлю у западныхъ Славянъ уже до такой степени, что Карлъ В., по зависти ли, или въ намѣреніи перевесть ее въ свои земли, на Средиземное море, счелъ нужнымъ принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію ея съ этой стороны (47).

Въ то самое время, когда Славянскіе народы, утвердившіеся на западѣ отъ Вислы, наслаждались счастіемъ и миромъ, племена, приблизившіяся къ Истру, должны были испытывать превратности судьбы. Съ пришествіемъ Аваровъ, изъ рода Волжскихъ Угровъ, около половины VI-го вѣка, значительная часть этихъ Славянъ, уступая превосходству силъ, принуждена была признать владычество ихъ надъ собою. Остальная же часть, послѣ продолжительныхъ браней съ разными варварами, не видя имъ конца и пробывъ здѣсь около столѣтія, возвратилась въ прежнія свои страны на Сѣверъ (48).

Такъ какъ дѣянія и происшествія не касаются предмета нашихъ изслѣдованій, то по тому мы остановимся только на переселеніи оставшихся здѣсь Славянъ до времени избранія ими постоянныхъ жилищъ. Хотя и нѣтъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о томъ, могли ли они прежде половины VI-го вѣка проникнуть

(43) Eginh. ap. Adam. Brem. h. eccl. l. 1. c. 4. Gerck. G. d. Slav. p. 56.
(44) Menand. d. leg. p. 103. Gregor. Turon. l. 4. c. 29. Warnefr. Long. l. 2. c. 10. Eckart. r. Fran. T. I. p. 91.
(45) Theophilact. l. 5. c. 2. Tteophan. p. 226.
(46) Const. d. Adm. Imp. c. 30 et 32.
(47) Capit. An. 805. ap. Baluz. T. I. p. 425.
(48) Stritt. Scrip. Byzan. T. 2. Thunm. Unt. nörd. Völ. Nestor. ges. v. Russ.

за Дунай, въ древнюю Паннонію, однако жь нельзя въ томъ сомнѣваться; ибо Авары, кои прибыли туда около 560 г., должны были переправляться чрезъ эту рѣку и чрезъ Саву, чтобы покорить Славянъ, давно уже, съ этой стороны, тревожившихъ предѣлы имперіи. Въ послѣдствіи упоминается, что, когда тѣже Авары тѣмъ же путемъ нападали на Ѳракію, Славяне помогали имъ въ ихъ походѣ (49). Оттуда распространяя свои владѣнія далѣе и далѣе, особенно по прибытіи Лонгобардовъ въ Италію, они завладѣли всѣми краями нынѣшней верхней Австріи и Хорутаніи, гдѣ, въ 570 г., они имѣли войну съ Баварскимъ княземъ, Тассиломъ, по причинѣ вторженія его въ ихъ предѣлы (50). Вскорѣ потомъ, подвигаясь на югъ, они заняли Фріулъ и Истрію, а съ прибытіемъ новыхъ колоній изъ Великой Сербіи и Хорватіи въ самомъ началѣ VII-го вѣка, вытѣснили Аваровъ изъ Паннонiи, обитавшихъ между рр. Савою и Дравою, и населили Далмацію, Иллирію и значительную часть Мизіи. Часть прибывшихъ туда Сербовъ, императоръ Ираклій принялъ въ Ѳессалію, гдѣ они заняли окрестности Сербицы у Лариссы (51). Изъ этѣхъ колоній образовались здѣсь разные, доселѣ еще существующіе, народы Славянскіе, какъ-то: Далматы, Хорутане, Славонцы, Хорваты, Босняки, Сербы и другіе, которые долго управлялись независимо и сами избирали себѣ жупановъ или воеводъ. Карлъ Великій, завоевавъ нынѣшнюю Австрію, по истребленіи Аваровъ, нашелъ и тамъ четыре отдѣльныя племена Славянъ, которыхъ, какъ мирныхъ земледѣльцевъ, онъ оставилъ на мѣстѣ подъ управленіемъ собственныхъ воеводъ (52).

Кромѣ выше упомянутыхъ, нашлось еще семь другихъ племенъ Славянскихъ, которыя, ворвавшись, неизвѣстно когда, въ предѣлы Восточной имперіи, подъ именемъ Сѣверцевъ и Добручей, занимали значительную часть Ѳракіи, отъ устья Истра по берегамъ Понта до Варны, а оттуда вдоль горъ, называемыхъ Загорье, до средней Мизіи. Полагаютъ, что этѣ поселенія образовались во времена безпрестанныхъ нашествій и пребыванія во Ѳракіи Славянъ Задунайскихъ и разныхъ другихъ варваровъ, и что, по причинѣ мирнаго занятія земледѣліемъ, они долго не были упоминаемы. Уже въ 678 г., какъ повѣствуютъ историки, пришли къ нимъ Волжскіе Булгары и, соединившись съ ними, начали далѣе распространяться по Ѳракіи. Нѣкоторыя племена, недовольныя этими новыми властелинами, переселились вскорѣ въ другія провинціи имперіи; остальная же часть имѣла такое вліяніе на природный Булгарскій народъ, что, кромѣ имени, не осталось послѣ него никакихъ иныхъ слѣдовъ (53). Въ скоромъ времени этѣ различныя поселенія столь размножились по прежнимъ Римскимъ провинціямъ, что своимъ многолюдствомъ покрыли значительную часть Восточной имперіи. Въ то время, когда одни бо-

(49) Theophilact. l. 6. c. 3 et 4. Menand. p. 127.

(50) Warnefr. Long. l. 4. c. 11.

(51) Const. d. Adm. Imp. c. 30. 31. 32. Warnefr. l. 4. c. 40. Gebh. Ges. v. Hung. T. I. p. 313.

(52) Constant. de Adm. Imp. c. 29. Gebh. l. c. p. 316.

(53) Cedren. T. I. p. 440. Stritt. T. 2. Bulg.

лѣе и болѣе распространяли предѣлы первоначально занятыхъ ими жилищъ, другія добровольно отправлялись для заселенія окрестныхъ странъ Ѳракіи, Македоніи и Ѳессаліи до самыхъ береговъ Стримона и прилежащихъ горъ. Нѣкоторыя изъ племенъ, оставившихъ Булгарію, въ числѣ 208,000 переселились въ Виѳинію, область въ Малой Азіи, гдѣ Юстиніанъ Ринотметъ основалъ подобное поселеніе, которое могло ему выставить 30,000 человѣкъ способныхъ къ войнѣ. Около 664 г. появилось особенное Славянское поселеніе въ Сиріи близъ Селевкоберя, куда оно прибыло, вѣроятно, чрезъ Кавказскія горы вдоль восточныхъ береговъ Чернаго моря; это поселеніе доставляло Туркамъ 5,000 воиновъ. Въ царствованіе Іоанна Комнина Славяне заняли въ Малой Азіи всѣ окрестности Никомидіи; во время же владычества Турокъ переселяли туда множество Сербовъ и другихъ, имъ соплеменныхъ, народовъ (54).

Въ первой половинѣ VIII-го вѣка, пользуясь слабостію Восточной имперіи, Славяне распространились, сперва по всей Македоніи и Ѳессаліи, а потомъ, завладѣвъ Греціею и Пелопонисомъ, долго предпринимали оттуда морскіе походы противъ нѣкоторыхъ острововъ Архипелага. И хотя, наконецъ, удалось императорамъ изгнать однихъ изъ занятыхъ ими провинцій, а другихъ подчинить своей власти, однако жь нѣкоторыя племена, и именно: Миленговъ и Езеритовъ, поселившихся въ Пелопонисѣ у Элоса и Лакедемона, по обѣимъ сторонамъ Пентадактильскихъ горъ, они принуждены были оставить въ независимости. А какъ нѣтъ слѣдовъ, чтобы эти племена были когда либо вытѣснены изъ своихъ жилищъ, и какъ мы находимъ извѣстія, что они до конца XIV-го вѣка, въ знакъ покорности, платили нѣкоторую дань императорамъ, то слѣдуетъ предполагать, что поколѣнія ихъ дотолѣ еще держались въ этѣхъ горахъ, окруженныхъ, съ трехъ сторонъ, моремъ, а со стороны материка укрѣпленныхъ крутыми, почти неприступными, скалами (55).

Изслѣдовавъ, такимъ образомъ, главнѣйшія жилища народовъ Славянскихъ и обозначивъ время занятія каждагò, мы можемъ теперь, съ бòльшею увѣренностію, повторить выше сказанное, именно, что Славяне въ то время должны были многолюдствомъ своимъ превосходить прочіе Европейскіе народы, и что для того только они искали новыхъ странъ, чтобы, оплодотворивъ оныя собственнымъ трудомъ, уже не оставлять ихъ болѣе. Не довольно было занять значительныя (нѣкогда Римскія) провинціи и распространить предѣлы жилищъ своихъ отъ Лабы до Волги и Дона; но, для отраженія нападеній и вторженій непріятелей, должно было еще эти жилища вездѣ соотвѣтственно заселить и въ мѣстныхъ только источникахъ искать потребностей жизни. То и другое исполнилось: Славяне, однажды занявши земли, сохранили оныя

(54) Theophan. p. 289. 303. 306. Constant. d. Them. p. 23. Nicet. Chon. p. 11. Niceph. p. 44. Chalcocondil. p. 19. Stritt. T. 2.

(55) Constant. d. Them. p. 25. d. Adm. Imp. c. 50. Theoph. p. 361. Nicephor. p. 49. Stritt. T. 2. Slav. Serv. etc. Chalcocondil. p. 17.

для отдаленнѣйшихъ своихъ потомковъ; при первомъ извѣстіи о поселеніяхъ ихъ, мы вездѣ видимъ въ нихъ поколѣнія, привязанныя къ отечественной землѣ и мирно занятыя обработываніемъ ея.

Эта господствующая склонность къ земледѣлію, эта добродѣтель, какъ ее по справедливости можно назвать въ тогдашнія времена, была причиною, что Славяне и менѣе испытывали зависть своихъ сосѣдей, и вездѣ у нихъ, даже у своихъ враговъ, находили радушный пріемъ. Большая часть странъ, занятыхъ ими въ Восточной имперіи, добровольно была имъ уступлена для обработыванія. Нѣмцы въ разное время старались привлечь къ себѣ болѣе и болѣе многочисленныя племена ихъ, которыя углубились въ предѣлы Германскихъ народовъ и въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ живя среди оныхъ, не только не испытывали, со стороны ихъ, никакого безпокойствія, но еще, напротивъ, уважаемы были ими за полезную промышленность. Между прочими св. Бонифацій въ VII вѣкѣ, даровавъ выгодныя привилегіи многимъ Славянскимъ поколѣніямъ, привлекъ тѣмъ ихъ въ окрестности Фульды, верхняго Майна, Вюрцбурга, Бамберга и Бейрейта; этѣ провинціи, очищенныя ими отъ вѣковыхъ засѣкъ и обращенныя въ плодородныя нивы, долго назывались Вендскими округами (56). По свидѣтельству современныхъ писателей, всѣ такого рода поселенія ихъ, съ давняго времени занятыя жителями, именно: начиная съ Австріи, чрезъ Тироль, до самаго Форальберга, въ нижней и верхней Баваріи, Швабіи, Энгаденѣ, Рейнскомъ палатинатѣ, въ Франконіи, по обѣимъ сторонамъ Майна, въ Гессенѣ, Турингіи, Брауншвейгѣ, Мишніи, и т. п., сохранили до самаго XV вѣка, среди Нѣмцевъ и свою народность, и свой языкъ (57).

Останавливаясь на этомъ чрезмѣрномъ распространеніи Славянскаго народа, не должно удивляться, слыша объ остаткахъ его въ отдаленнѣйшихъ странахъ міра и находя слѣды смѣшенія его съ различными племенами народовъ, живущихъ на земномъ шарѣ. Германцы, Ѳракійцы, Греки, Валахи, Угры и многіе Азіатцы, не мало одолжены многолюдствомъ своимъ племенамъ Славянскимъ. Нынѣшніе Музульмане наиболѣе при помощи Славянъ распространили свое владычество и могущество въ Европѣ: какъ сначала они мужественнѣе всѣхъ сопротивлялись вторгающимся въ ихъ земли, такъ, въ послѣдствіи, со времени Баязета, почти одни они окружали престолъ султановъ. Письмена и языкъ ихъ долго были въ употребленіи при Дворѣ Оттоманской Порты, а грозное войско Янычаръ, съ самаго учрежденія его до настоящаго времени, большею частію, состояло изъ людей Славянскаго происхожденія (58).

Оканчивая эту часть нашего изслѣдованія, мы должны еще обратить вниманіе на мнѣніе тѣхъ историковъ, которые, не замѣтивъ ближайшихъ предковъ Славянъ, пытались, при недостаточныхъ свѣдѣніяхъ, найти дальнѣйшихъ. По мнѣнію ихъ,

(56) Stritt. mem. T. 2. Eckhart. r. Franc. T. I. p. 91, 328, 507, 802.

(57) Aventin. ann. Bajor. l. 1. c. 4. Acta Acad. Palat. T. 1. p. 215. Hanselm. Bew. p. 210. Eckhard. l. 23. c. 6, 7.

(58) Ducas. p. 30 et 77. Stritt. Slav. T. 2. Engel. Allg. WG. Thunm. v. Oestl. Völk. Orzechow. ann. Pol.

древніе Иллиры были главнымъ корнемъ, а земля ихъ — родиною всѣхъ Славянскихъ народовъ. Отсюда-то, по словамъ ихъ, они нѣкогда разошлись, а по паденіи Римской имперіи здѣсь соединились и опять разсѣялись въ разныя стороны. Если бы эти мнѣнія ограничивались однимъ древнѣйшимъ временемъ, трудно было бы найти доказательства въ опроверженіе ихъ; но простираясь и на времена, хорошо извѣстныя, они должны были испытать сильныя противурѣчія. Положимъ, что древніе Иллиры дѣйствительно были племя Славянское, все еще представляется вопросъ: не могли ль они значительно переродиться въ своемъ состояніи и потерять слѣдовъ собственнаго своего происхожденія? Этотъ народъ, съ незапамятныхъ временъ окруженный Ѳракійцами, Кельтами, Италами и Эпиротами, до того перемѣшался съ ними, что современные писатели едва могли различить его отъ тѣхъ и другихъ (59). Въ такомъ положеніи языкъ, обычаи и прочія черты сего народа такъ должны были измѣниться, что трудно повѣрить тому, чтобы Славяне, возвратившись въ послѣдствіи назадъ, могли, вдругъ послѣ тысячелѣтней разлуки, узнать въ немъ соплеменный себѣ народъ.

Кромѣ того, невозможно доказать, чтобы древніе Иллиры въ состояніи были, до эпохи послѣднихъ странствованій Славянъ, вынесть у себя всѣ тѣ бѣдствія, которымъ они такъ долго и безпрестанно подвергались. Извѣстно, что за два вѣка до Христіанства, они, вовлеченные въ войну съ Римлянами, должны были, за упорное сопротивленіе и безпрерывные мятежи, испытать всю жестокость этихъ мстительныхъ побѣдителей. Что въ этѣхъ безпрестанныхъ войнахъ пощадилъ мечь Фламиніевъ, Павловъ и Метелловъ, то, въ послѣдствіи, въ царствованіе Августа, истребилъ Люцій и другіе (60) (*). Ни одна Римская провинція не претерпѣла столькихъ бѣдствій, перемѣнъ и истребительныхъ вторженій непріятелей, сколько Иллирія, Паннонія и прилежащія къ нимъ страны. Безпрестанно заселяемыя и опустошаемыя, этѣ земли сдѣлались, на-

(59) Strabo l. 7. Appian. de illyr. Athen. l. 6. c. 5.

(60) Strabo l. 7. Jornand. d. r. Succes. Appian. Illyr.

(*) Чтобы составить себѣ хотя слабое понятіе о томъ, какъ Римляне поступали съ побѣжденными народами и до какой степени опустошили, между прочимъ, Иллирію и прилежащія ей области, мы упомянемъ здѣсь только о двухъ полководцахъ, которые, поступая въ ихъ духѣ, превзошли своею суровостію и варварствомъ самыхъ дикихъ наѣздниковъ. Юлій Цезарь пріобрѣлъ себѣ особенную славу тѣмъ, что въ продолженіи жизни своей истребилъ 1,192,000 людей разныхъ народовъ, покоренныхъ имъ въ Европѣ. Равнымъ образомъ Римляне высоко уважали услуги П. Емилія, который, не довольствуясь Вандальскимъ опустошеніемъ всей Греціи, отдалъ болѣе 70 Македонскихъ городовъ на публичный торгъ и въ одинъ день продалъ ихъ на разграбленіе и опустошеніе лихоимцамъ. Столько же городовъ разорилъ онъ и въ Эпирѣ, а жителей частію умертвилъ, а частію, именно 150,000, въ оковахъ послалъ въ Римъ, чтобы тамъ въ циркахъ доставить свирѣпымъ соотчичамъ своимъ кровавое зрѣлище и наполнить ими темницы невольниковъ. Мечь его до того истребилъ Грековъ, что, по окончаніи войны, по свидѣтельству Плутарха, едва осталось изъ нихъ 3000 способныхъ носить оружіе.

конецъ, общимъ кочевьемъ блуждающихъ варваровъ. Со времени Августа до конца IV го вѣка тамъ, одни за другими, поселяемы были остатки еще не совсѣмъ истребленныхъ Гетовъ, цѣлый народъ Картовъ, множество Бастарновъ, 300,000 Сарматовъ, далѣе Вандалы, Бургунды и другіе. Съ этого времени до половины VI-го вѣка тутъ поочередно и вмѣстѣ обитали Маркоманны, Сарматы, Визиготы, Остроготы, Руги, Герулы, Скиры, Аланы, Лонгобарды, Гунны и множество другихъ племенъ, которыя, подобно саранчѣ, все вокругъ себя истребляли и уничтожали (62). Такъ какъ всѣ этѣ толпы вскорѣ, однѣ погибли на мѣстѣ, другія пошли въ иныя страны искать себѣ новыхъ жилищъ, то потому, пришедшіе туда въ послѣдствіи Славяне не находили, начиная отъ Дуная вдоль Савы и Дравы до самыхъ береговъ Адріатическаго моря, ничего, кромѣ пустынь и, по словамъ современныхъ писателей, urbes erutas per totum Illiricum (63).

Отличительныя черты древнихъ Европейскихъ народовъ.

Хотя мы нашли уже довольно убѣдительные доводы въ пользу того, что одни лишь Венеды могли быть предками Славянскихъ народовъ, но, такъ какъ противъ такого заключенія имѣется не мало мнѣній, утвержденныхъ вѣками, авторитетомъ и предубѣжденіемъ, то, желая опровергнуть оныя, мы необходимо должны показать неосновательность ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Одни производятъ Славянъ отъ Сарматовъ, другіе отъ Скиѳовъ, Будиновъ, Ѳракійцевъ, Вандаловъ, Мидянъ, и даже Индійцевъ; всѣ приводятъ на то свои доказательства, и каждый одни и тѣ же доводы по своему примѣняетъ къ своему мнѣнію. Для избѣжанія подобныхъ заблужденій, мы, какъ досели, такъ и впредь, приводя достовѣрныя преданія, станемъ избѣгать въ нашихъ изслѣдованіяхъ всѣхъ тѣхъ догадокъ, которыя не основаны или на очевидныхъ доказательствахъ, или на свидѣтельствахъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію. Держась такихъ правилъ, мы надѣемся привести читателей къ тому, что, наконецъ, они сами, изъ собственнаго убѣжденія, въ состояніи будутъ развивать далѣе упомянутыя выше предположенія.

Всякое отдѣльное племя имѣетъ свои особенныя черты, которыми оно отличается отъ другихъ. Природа въ этомъ отношеніи столь неисчерпаема и неизмѣнна, что она даже каждое отдѣльное семейство и каждаго человѣка въ частности отличаетъ особенными чертами и переноситъ оныя на его племя. Изъ нихъ однѣ менѣе, другія болѣе, выпуклы, но вообще всѣ постоянно принадлежатъ одному племени. Хотя взаимныя связи разныхъ племенъ производятъ въ нихъ нѣкоторыя перемѣны, однако жь на нихъ должно смотрѣть, какъ на нѣкотораго рода оттѣнки; отсюда, если природныя черты взятыя въ совокупности, не склоняются

---

(61) Strabo l. 4. c. 1, 17. et l. 7. c. 2. Plin. l. 7. Montesqu. l. 23.

(62) Strabo l. 7. c. 1. Plin. l. 3. c. 22. Ammian. Marc. Jul. Capitol. Procop. B. G. et Vandal. Jorn. r. G. et r. Succes. Isidor. Chr. Got. Wisig. et Wand. Lazius migr. gent. l. 9, 10, 11, 12. Ricobald. Ferrar. Avent. an. Roj. l. 2. c. 42. Lucii Mar. Got. l. 6.

(63) Menand. Warnefr. Long. c. 1. Const. de Adm. imp. Stritt. Scrip. Byz. T. 2.

въ ту или другую сторону, то, обыкновенно, легко отличить можно признаки двухъ родовъ даже въ неремѣшанныхъ тѣняхъ.

Къ таковымъ отличительнымъ чертамъ съ самыхъ древнихъ временъ относили цвѣтъ тѣла, волосъ, глазъ и ростъ. Нынѣшнiе естествоиспытатели, лучше ознакомленные съ обитателями земли, нашли, при болѣе отчетливомъ сравненiи ихъ между собою, въ ихъ физическомъ составѣ еще множество новыхъ признаковъ. Опуская другiя, мы упомянемъ здѣсь только о примѣтахъ, болѣе выпуклыхъ, которыя, обыкновенно, распространяются на цѣлыя отдѣльныя племена. Сюда относятся, кромѣ разныхъ цвѣтовъ тѣла, волосы простые, кудрявые, тонкiе, грубые, волнистые; лице круглое, плоское, продолговатое, овальное; глаза круглые, продолговатые, съуженные, въ ближайшемъ или дальнѣйшемъ между собою разстоянiи; носъ длинный, вздернутый, грубый, тонкiй; губы узкiя, широкiя, грубыя, отвислыя; челюсти ровныя, неровныя, выдавшiяся; ноги короткiя, длинныя, посредственныя; голени прямыя, искривленныя; кожа бѣлая, красная, пепельная, желтая, смуглая, оливковая, и т. д. Монгольское племя постоянно отличается среднимъ ростомъ, лицемъ плоскокруглымъ, малымъ сплюснутымъ носомъ, кожею темножелтою, черными и съуженными глазами, черножесткими волосами. Собственно Индѣйское племя, съ древнѣйшихъ временъ донынѣ, отличается стройнымъ, гибкимъ и прекраснымъ ростомъ, продолговатымъ лицемъ и носомъ, кожею темноватою, волосами гладкими, черными и такими же глазами. Племена, называемыя Негрскими, имѣютъ множество различiй, какъ въ цвѣтѣ тѣла, такъ въ составѣ лица, въ формѣ глазъ, цвѣтѣ волосъ и т. д. Племена Европейскiя, хотя изъ всѣхъ племенъ на земномъ шарѣ, вѣроятно, наиболѣе перемѣшанныя, однако жь вообще носятъ еще на себѣ очевидные слѣды особенныхъ примѣтъ, то въ составѣ лица, то въ волосахъ и глазахъ, которыми они нѣкогда постоянно отличались. Вездѣ гдѣ только Германскiя племена сохранили перевѣсъ надъ другими племенами, на пр. въ Великобританiи, сѣверной Германiи, Данiи, Швецiи и другихъ мѣстахъ, постоянно находимъ тѣло бѣлое, волосы русые, глаза голубые (64).

Уже Геродотъ, Аристотель, Гипократъ, Витрувiй, Галенъ, Плинiй, Тацитъ и другiе древнiе писатели, разсматривая этѣ отличительныя черты народовъ, принимали оныя за постоянныя слѣдствiя природы и на нихъ основывали свои мнѣнiя. Кальпурнiй нѣсколькими словами очертилъ намъ сущность убѣжденiй ихъ въ этомъ отношенiи: „Miramur hanc legem esse naturae,“ говоритъ онъ, ut in sobolem transeant formae, quas quasi descriptas species custodiunt. Sua cuique genti etiam facies manet. Rutili sunt Germaniae vultus et flava proceritas Hispaniae; non eodem omnes colore tinguntur, diversa sunt mortalium genera: nemo tamen est suo generi dissimilis.“ Нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ изслѣдователей природы, желая опредѣлить причину подобныхъ явленiй, приписывали оныя климату. Такъ какъ главные народы, извѣстные имъ тогда на Сѣверѣ, имѣли бѣлую кожу, русые волосы и голубые глаза,

(64) Herod. l. 4. Strabo l. 15. Tibull. Linne. Faun. Svec. Bufon. h. n. d. l'hom. T. 2 et 3. Blumenb. variet. gen. hum. Pallas. voy. Sömmering. Corp. hum. fabr. K. A. Rudolphi Phisiolog. B. I. Antrop.

обитатели же Южнаго края отличались отъ нихъ темнымъ цвѣтомъ тѣла, черными волосами и такими же глазами, то отсюда заключали они, что холодъ былъ причиною первыхъ, а жаръ послѣднихъ явленій (65).

Хотя эти мнѣнія, по недостатку основательнѣйшихъ, и были приняты древними, но, не смотря на то, онѣ не были убѣдительны; ибо тѣже самые писатели приводятъ не мало народовъ, которые въ тепломъ климатѣ постоянно отличались отъ прочихъ бѣлизною тѣла, русыми волосами и голубыми глазами, а въ холодныхъ странахъ смуглымъ тѣломъ, черными глазами и волосами. Такъ, по собственному ихъ свидѣтельству, Гелоны, съ незапамятныхъ временъ жившіе на сѣверѣ, между Будинами, Силуры и Гиберны на островахъ Британскихъ, отличались отъ прочихъ сообитателей своихъ черными волосами и глазами. Напротивъ того Галаты или Кельты въ Азіи, Италіи, Испаніи и Галліи всегда отличались бѣлизною своею и голубыми глазами отъ Азіатцевъ, Тусковъ, Басковъ, Иберовъ, Аквитанцевъ и другихъ (66). Ктезій, который еще до Геродота путешествовалъ по Индіи, утверждаетъ, что онъ нашелъ тамъ между смуглыми народами и такихъ „qui non a solo, sed a natura sunt flavi" (67). Впрочемъ, всѣмъ древнимъ было извѣстно, что Скиѳы и Сарматы, проживши долгое время въ Азіи, не утратили въ этѣхъ жаркихъ странахъ ни голубыхъ глазъ, ни бѣлизны тѣла, ни русыхъ волосъ (68).

Если бы и теперь даже кто нибудь сталъ утверждать, что жаръ, холодъ, или другая какая нибудь внѣшняя причина имѣетъ вліяніе на природныя отличія людей, то, въ опровержение этого, можно было бы привести множество доказательствъ, которыя не подлежатъ ни какому сомнѣнію, ибо онѣ основываются на опытѣ многихъ вѣковъ. Какъ въ самыхъ холодныхъ полосахъ нашей земли мы, съ незапамятныхъ временъ, находимъ людей съ смуглымъ цвѣтомъ лица, черными волосами и глазами, такъ равно и въ самыхъ жаркихъ странахъ встрѣчаемъ бѣлыя племена съ бѣлою кожею, голубыми глазами и русыми волосами. Самые сѣверные Лапландцы, Самоѣды, Тунгузы, жители Новой Земли, Гренландцы, Ескимосы, Канадцы и всѣ обитатели островов между Камчаткою и Америкою, даже за 60° широты, имѣютъ, безъ исключенія, глаза и волоса черные, тѣло темнокрасное. Въ горахъ Индѣйскихъ полуострововъ, на Азіатскомъ Архипелагѣ у тропиковъ, на Мадагаскарѣ, рядомъ съ совершенно черными людьми живутъ особенныя племена съ бѣлымъ тѣломъ, русыми волосами и голубыми глазами. Подобныя племена находятся въ Хили и другихъ краяхъ Америки. Въ Атласныхъ горахъ Ауресса, въ Африкѣ, встрѣчаемъ народъ, который, какъ навѣрно полагать можно, происходя отъ пришедшихъ туда Вандаловъ, въ продолженіи 1400 лѣтъ до сихъ поръ не потерялъ природ-

---

(65) Herod. l. 4. Strabo l. 15. Aristot. probl. 11. sect. 14 et 38. Hyppocr. de aër. Plin. l. 2. c. 78. Calpurn. Flac. decl. 2. Vitruv. ap. Cluv. germ. l. 1. c. 14. Galen. de temp. l. 2. c. 5.

(66) Herod. l. 4. Tacit. ad Agr. Tit. Liv. l. 21 et 38. Polyb. l. 2. Caesar. B. G. l. 2. Ammi. Marc. l. 15. Strabo l. 4, 5. et 7. Diod. l. 5. Clem. Alex. paedag. l. 3. Virgil. Aen. 8.

(67) Ctes. ap. Rhodom.

(68) Herodot. l. 4. et 6. Plin. l. 4. Justin. l. 2. c. 3. Strabo l. 7.

ныхъ примѣтъ Германскаго народа, подобно черноглазымъ и черноволосымъ Иберамъ въ горахъ Пиренейскихъ, и Силюрамъ въ горахъ Британскихъ, которые, со временъ Тацита, Страбона и другихъ, также не утратили своихъ чертъ, находясь возлѣ племенъ русоволосыхъ (69). У насъ Цыгане и Евреи, сохранивъ себя отъ смѣшенія съ другими, одни 400 лѣтъ, а другіе нѣсколько уже вѣковъ, съ перваго взгляда указываютъ тѣлесными чертами на свое племя.

Природныя черты отдѣльныхъ племенъ, обыкновенно, прочнѣе всего сохраняются въ своей неприкосновенности у народовъ, живущихъ въ первобытной простотѣ и, такъ называемомъ, варварствѣ; ибо въ этомъ состояніи не только инстинктъ, но и самое положеніе и нужда берегутъ оныя. Привязанность къ подобнымъ себѣ врождена людямъ, а чѣмъ больше между ними различія, тѣмъ они равнодушнѣе другъ къ другу. Бѣлые не терпятъ черныхъ; статный Европеецъ съ отвращеніемъ смотритъ на плосколицаго Монгола, малорослаго Самоѣда. Въ первобытномъ состояніи народы живутъ, обыкновенно, въ строгой отдѣльности другъ отъ друга, и какъ самые эти народы, такъ и отдѣльныя лица ихъ не могутъ расчитывать на взаимную помощь, благосклонность, или безопасность. Въ этомъ состояніи очевидныя отличія служатъ имъ какъ бы знакомъ предосторожности, съ кѣмъ можно дружить, къ кому прибѣгать, кому не вѣрить.

Кажется, люди во всякое время и во всякомъ состояніи убѣждены въ необходимости и пользѣ отличающихъ ихъ признаковъ; ибо коль скоро, при раздѣленіи или смѣшеніи особыхъ племенъ, природныя отличія дѣлались недостаточными, то вездѣ старались замѣнить оныя вымышленными. Между тѣмъ какъ дикіе или бѣдные народы расписываютъ тѣло свое разными цвѣтами, выжигаютъ на немъ знаки, сопровождаемыя иногда изувѣчиваніемъ, народы, болѣе просвѣщенные, отличаютъ себя то формою одежды, то цвѣтомъ ея, то иными знаками. Какъ дикій, такъ и образованный человѣкъ, коль скоро среди чужихъ увидитъ своего соплеменника, не можетъ скрыть своей радости и съ довѣренностію къ нему приближается.

Къ различенію отдѣльныхъ племенъ другъ отъ друга, кромѣ физическихъ отличій, служатъ еще: языкъ, религія, права, обычаи, господствующія качества, образъ жизни и т. п. Все это, обращаясь въ привычку, дѣлается ихъ неотъемлемою собственностію и переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Для того, чтобы въ цѣльномъ народѣ измѣнить или истребить всѣ эти отличія, нужны или чрезвычайныя потрясенія, или сильныя побужденія. Языкъ, долго подавляемый перевѣсомъ другаго, можетъ, наконецъ, исказиться и даже совершенно выродиться, но слѣды его происхожденія и первобытнаго образованія остаются неизгладимыми. Съ подобнымъ же трудомъ сопряжена перемѣна религіи; на ея началахъ основывается у первобытныхъ народовъ союзъ общественный; съ нею тѣсно соединены народныя мнѣ-

(69). Tacit. ad Agr. c. 2. Pyteas ap. Strabo l. 4. Bufon. l. c. T. 3. Blumenb. var. gen. hum. Jornand. r. g. c. 2. Pinkert, de Scyt. pref. p. 6. Stralenb. nord. u. Ost.-Eur. Obraz narod. Krak. r. 1801. Pallas. voy. Rudolphi Phisiol. Ig. Molina Stor. natur. d. Chili.

нія, нравы и обычаи; святыни боговъ-хранителей составляли главное условіе соединенія народовъ. Съ нарушеніемъ религіи нарушается вмѣстѣ и весь общественный бытъ, равно какъ и все то, что каждый въ отдѣльности считалъ личною свободой. Слѣдоватально, нападеніе на господствующую религію должно производить тѣмъ сильнѣйшее сопротивленіе, что никто въ этомъ случаѣ не остается равнодушнымъ. Эти трудности не были тайной для древнихъ законодателей и мудрецовъ; отсюда, часто они, вопреки собственному убѣжденію, слѣдовали общему мнѣнію, свои же собственныя тщательно скрывали въ кругу однихъ лишь ревностнѣйшихъ послѣдователей своихъ.

Самъ инстинктъ вдохнулъ въ человѣка убѣжденіе о существованіи высшей силы, управляющей міромъ. Первыми чувственными изображеніями оной были солнце и луна, потомъ огонь, земля и другія стихіи. Такъ какъ вмѣстѣ съ самыми удивительными явленіями, люди въ этѣхъ стихіяхъ видѣли главные источники благодѣяній и бѣдствій, на нихъ ниспосылаемыхъ, и какъ они замѣчали въ нихъ непосредственные предметы своей радости, надежды и страха, то, по этой причинѣ, высшая сила удостоивалась первыхъ почестей на землѣ. Въ этихъ простыхъ понятіяхъ религія была естественна и ясна, ибо она шла путемъ, предоставленнымъ человѣческой слабости. Но когда въ послѣдствіи главные источники добра и зла начали дѣлить на меньшіе; когда для отдѣльныхъ ихъ свойствъ старались изобрѣсть особые образы, примѣшивать къ нимъ философію и временныя происшествія, то первобытныя ясныя понятія до такой степени помрачились, что религія, наконецъ, превратилась въ лабиринтъ заблужденій, а ея миѳологія обратилась въ баснословные разсказы. Египтяне, Греки и Римляне, олицетворяя божества свои, дошли, напослѣдокъ, до того, что никто не могъ ни различить ихъ, ни объяснить, ниже исчислить.

Сначала образцы обожаемыхъ существъ ограничивались извѣстными символами, выражающими главныя ихъ свойства: такимъ образомъ левъ изображалъ господствующее божество, конь съ распущенной гривой и хвостомъ означалъ солнце съ лучами; быкъ съ полукруглыми рогами представлялъ землю, оплодотворенную вліяніемъ луны; пирамида — огонь, оружіе — могущество въ битвѣ, и проч. Далѣе, для выраженія различныхъ свойствъ одного божества, къ общему символу прибавляли разные особенные; отсюда произошли чудовищныя смѣшенія людей съ звѣрьми, человѣческія фигуры съ нѣсколькими головами, крылатыя, съ рогами и т. п. Наконецъ, почли приличнѣйшимъ изображать эти божества въ одномъ только человѣческомъ видѣ, различая оныя свойственными имъ символическими знаками: такимъ образомъ лице человѣческое, или кругъ, обнесенный лучами, изображавшій прежде солнце, замѣнили головою Аполлона; огненную стрѣлу, означающую власть истребительную, дали въ руку Юпитеру; Меркурію придали крылья птицы. Поступая такимъ образомъ далѣе и далѣе, наконецъ, дошли до того въ этѣхъ изобрѣтеніяхъ, что каждый изъ обожаемыхъ предметовъ представляли въ различныхъ и совершенно другъ на друга непохожихъ образахъ. Геркулесъ, Бахусъ, Юпитеръ, Меркурій, Марсъ, Вулканъ, Аполлонъ, Янусъ и другіе были не что иное, какъ только

солнце въ различныхъ его свойствахъ; Геката, Юнона, Изида, Прозерпина и Діана представляли луну; Гея, Цибела, Церера, Венера и Панъ — землю. Хотя всѣ эти изобрѣтенія постепенно болѣе и болѣе отводили отъ первобытной цѣли почитанія и естественной религіи, однако жь, человѣкъ, какъ бы по предчувствію, невольно всегда къ ней возвращался. Не смотря на изображенія и символы божества, преимущественно имъ избраннаго, онъ молилъ его обо всемъ и во всякой своей нуждѣ прибѣгалъ къ нему. Отъ того величественный Юпитеръ, веселый Аполлонъ, роскошная Венера, спокойная Минерва и гостепріимный Меркурій, должны были часто вооружаться и заступать мѣсто Марса, когда требовали того ихъ поклонники (70).

Мы не должны удивляться, что всѣ религіи древнихъ имѣли много между собою общаго, какъ въ своихъ мнѣніяхъ, такъ и въ обрядахъ: начала оныхъ долженствовали быть однѣ и тѣже; ибо всѣ они по одинаковымъ побужденіямъ стремились къ одной и той же цѣли. Все же прочее, безъ сомнѣнія, произошло отъ взаимныхъ преданій, которыя, переходя отъ народа къ народу, распространились по всей землѣ. Одно только кажется непонятнымъ: по какимъ причинамъ приношеніе людей въ жертву богамъ могло сдѣлаться общимъ во всѣхъ этѣхъ религіяхъ? Кажется, ни врожденныя чувства человѣколюбія, ни первобытныя изображенія обожаемыхъ существъ, не побуждали къ подобнымъ жестокостямъ. Не смотря, однако жь, на то, начиная съ древнихъ Индійцевъ, Персовъ, Сиріянъ, Египтянъ, Грековъ и Римлянъ, до, такъ называемыхъ, варваровъ, не исключая и Американцевъ, обычай этотъ вездѣ былъ въ употребленіи (71).

Такое всеобщее согласіе могло произойти только отъ всеобщихъ причинъ. Приношеніе такого рода жертвъ, вѣроятно, было не для боговъ, а для самыхъ людей. Въ первоначалныхъ обществахъ религія сдѣлалась главнымъ ихъ оракуломъ и порукою ихъ внутренняго порядка; люди были вмѣстѣ основателями, толкователями и исполнителями постановленій своей вѣры. Преступленія, которыя считались оскверненіемъ божествъ, долженствовали быть наказываемы ихъ именемъ и въ ихъ присутствіи. Оттуда кровавыя жертвоприношенія людей, начавшіяся, безъ сомнѣнія, съ преступниковъ, и существовавшія дотолѣ, доколѣ общественныя права не пріобрѣли достаточной силы.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, столь удивительныя уклоненія религіи, мы уже легче можемъ понять, почему варварскіе народы съ сильнѣйшимъ убѣжденіемъ и упорнѣе защищали ее, нежели народы просвѣщенные. Первые, придерживаясь неискаженной или менѣе помраченной религіи, никогда не теряли изъ ви-

(70) Herud. l. 2. Ovid. Fast. Pausan. Lacon. l. 3. Quintil. l. 2. Cicer. d. n. deo. Plutar. d. fac. lun. l. 2. Placit. phil. c. 30. Macrob. Satur. Clem. Alex. Str. Apollod. Relig. d. Gaul. par. u. Rel. d. S. Maur. Hyde r. Pers. Fr. Paol. v. al. Iud. Sched. d. diis. Germ. Germ. Jablonski Pant. Egip. Montfauc. ant. Bailly h. d' l' Astr. eclair. Hüllm. Theog.

(71) Moses. Lev. c. 18, 20. Reg. l. 1. c. 11. et l. 2. c. 23. Herod. l. 4. Mela l. 2. c. 1. et l. 3. c. 7. Strabo. l. 11. Plutar. de sup. et Isid. Sophocl. Androm. Pomp. Varr. ap. Pelout. T. 2. l. 3. Dio. Hal. ant. Rom. l. 1. Lactant. c. 21. Macrob. Satur. Procop. Pers. l. 1.

ду ни первоначальныхъ предметовъ своего обожанія, ни постояннаго вліянія ихъ на земныя твари; у послѣднихъ же все это, будучи забыто или запутано, приняло видъ суеты. Изображенія божествъ у первыхъ всегда напоминали, что они были только символами; у другихъ же, будучи представляемы совершенно въ человѣческомъ видѣ, выражали всю слабость, ничтожность и обыкновенныя страсти человѣка. Ѳракійцы, Кельты, Германцы, не смотря на долговременныя связи съ Греками и Римлянами, не приняли отъ нихъ ни миѳологіи, ни изображеній, ни позднѣйшихъ обрядовъ; все, что только было между ними общаго, происходило отъ первобытнаго, всѣмъ общаго, источника. Скиѳы за то только умертвили мудреца своего Анахарсиса, что онъ осмѣлился ввесть было у нихъ нѣкоторые Греческіе обряды; потребны были необыкновенные люди, какъ Зороастръ, Нума и Замолксисъ, для того, чтобы склонить народы къ важнѣйшимъ перемѣнамъ въ религіи.

Подобнымъ же трудностямъ подвергались у менѣе просвѣщенныхъ народовъ измѣненія правъ, обычаевъ, наклонностей, обыкновеннаго образа одежды, оружія, обычаевъ и т. д. Одни, какъ тѣсно соединенные съ правилами религіи, вмѣстѣ съ нею не могли быть нарушаемы; другія же удерживались привычкою, которая нерѣдко сопротивляется самому даже разуму и силѣ.

Убѣдившись, такимъ образомъ, что отдѣльныя племена людей имѣли свои черты, которыя были у нихъ, большею частію, неизмѣнны (а если нѣкоторыя изъ нихъ были общи, то другія принадлежали имъ исключительно), мы обозначимъ теперь главные въ древности Европейскіе народы, сравненіе коихъ покажетъ намъ: могъ ли народъ Вендо-Славянскій принадлежать къ которому нибудь изъ нихъ, и нѣтъ ли какихъ указаній на сродство или продолжительное съ которымъ нибудь изъ этихъ народовъ общеніе? Мы въ самомъ началѣ своего изслѣдованія признали главными народами: Ѳракійцевъ, Кельтовъ, Германцевъ, Скиѳовъ и Вендовъ; не пускаясь въ разрѣшеніе вопроса, были ли первые четыре народа особеннаго происхожденія, мы ограничимся здѣсь однимъ только описаніемъ главнѣйшимъ ихъ свойствъ и тѣмъ покажемъ существенное отличіе отъ нихъ Вендовъ.

У древнихъ обитателей Европы были три главнѣйшія отличительныя черты, на которыя, какъ мы упомянули, современные писатели болѣе всего обращали вниманіе; это: волоса русые, черные, темные. Съ первыми всегда соединялись голубые глаза и бѣлое тѣло, со вторыми глаза черные и кожа смуглая или темная, съ третьими же глаза сѣрые или голубые съ примѣсью сѣраго, и тѣло нѣсколько румяное. Этѣ черты, какъ природныя, будемъ считать главными или нормальными, прочія же, какъ общія нерѣдко различнымъ племенамъ, будутъ только вспомогательными.

Ѳракійцы.

Народъ Ѳракійскій, который, послѣ Индійцевъ, считался многочисленнѣйшимъ, не могъ избѣжать значительнаго смѣшенія съ другими народами: его жилище въ сосѣдствѣ многолюдной Азіи, омываемое морями, съ незапамятныхъ временъ посѣщаемыми, доступное съ запада и

сѣвера, были открыто со всѣхъ сторонъ вторженію другихъ народовъ. Отъ того мы имѣемъ два рода мнѣній о природныхъ свойствахъ сего народа: одни относили его къ племени русоволосому съ голубыми глазами (72), другіе же къ темноволосому съ тѣломъ красноватаго цвѣта (73). Эти мнѣнія показываютъ, что въ тогдашнее время главное народонаселеніе Ѳракіи составляли два отдѣльныя племена, что подтверждаютъ и выше приведенныя свидѣтельства современниковъ, отличавшихъ многочисленныхъ Бессовъ и Кораловъ отъ прочихъ Ѳракійскихъ народовъ и выводившихъ ихъ отъ Мидянъ (74).

Полагаютъ, что отъ первобытнаго языка Ѳракійскаго произошелъ Греческій, и что Латинскій и Кельтскій имѣли съ нимъ значительное сродство. Овидій, изучивъ этотъ языкъ во время пребыванія своего у Понта, свидѣтельствуетъ, что въ составѣ своемъ онъ сходенъ былъ съ Греческимъ и что въ немъ существовали еще остатки сего послѣдняго. Тотъ языкъ, которымъ нынѣ говорятъ древніе обитатели значительной части Ѳракіи, именно, такъ называемые, Куцовлахи въ Македоніи и Ѳессаліи, сохранилъ донынѣ ясные слѣды сродства своего съ древнимъ Греческимъ и Латинскимъ (75).

Нѣтъ слѣдовъ, чтобы образованная религія Грековъ съ своею миѳологіею имѣла какіе либо успѣхи у сосѣдственныхъ Ѳракійцевъ. Больше всего почитали они Меркурія, послѣ него Марса, Бахуса и Діану. Геты, считавшіеся за людей справедливѣйшихъ и обыкновенно называвшіеся безсмертными, исключительно обожали Замольксиса, произведшаго нѣкоторыя перемѣны въ ихъ религіи и положившаго начало мнѣнію о безсмертіи человѣка. Оттуда одни изъ Ѳракійцевъ придерживались мнѣнія, что души, по прошествіи нѣкотораго времени, опять возвратятся въ тѣло для его одушевленія, а другіе полагали, что люди по смерти переселяются къ Замольксису и тамъ наслаждаются съ нимъ вѣчнымъ блаженствомъ. Это убѣжденіе столь сильно вкоренилось въ нихъ, что каждые пять лѣтъ выбирали они одного изъ своей среды по жребію и, давъ ему разныя препорученія на тотъ свѣтъ, бросали его вверхъ надъ разставленными копьями. Если онъ, падая на острія, не умиралъ на мѣстѣ, то его считали за посланника, неугоднаго божеству, и на его мѣсто избирали новаго, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока они не достигали своей цѣли. Во время грома они обыкновенно стрѣляли въ небо, грозя Замольксису, чтобы онъ не вредилъ имъ молніею (76).

Многоженство было общимъ у Ѳракійцевъ; кто не имѣлъ до 12 женъ, тотъ считался менѣе знатнымъ. Эти жены дорого покупались у родителей и находились подъ строгимъ присмотромъ въ домахъ мужей своихъ. Дѣвственность мало была уважаема; родители собственныхъ дѣтей продавали на торгахъ (77). Мертвые частію сожигались, а частію хоронились; въ такомъ случаѣ жена, болѣе другихъ любившая мужа, убивалась ближайшимъ родственникомъ и бро-

(72) Herod. l. 5. Xenoph. ap. Voss. Mit. Brief. T. 1, 6, 3. Procop. B. V. l. 3.
(73) Firm. Matern. l. 1. c. 1.
(74) Strabo l. 7. Herod. l. 7.
(75) Ovid. Tr. 5. Thunm. Oestl. Völk. Engel. Val. Sulz. Walach. Moldav.
(76) Herod. l. 2, 4, 5.
(77) Herod. l. 5. Menand. ap. Strabo. l. 6. c. 1.

салась въ гробъ или на костеръ, пожирающій трупъ ея супруга (78). Наконецъ, какъ день рожденія у нихъ былъ днемъ печали, такъ день смерти былъ провождаемъ въ радости и веселіи (79).

Ѳракійцы распадались на разныя отдѣльныя поколѣнія, изъ которыхъ одни имѣли республиканскій образъ правленія, а другія монархическій. Во время войны съ Римлянами, нѣкоторые изъ ихъ вождей, особенно короли Даковъ и Гетовъ, покрылись славою. Поколѣнія, поселившіяся въ неприступныхъ горахъ и считавшіяся за дикарей, никогда не покорялись чужеземной власти (80).

Ѳракійскіе народы, которыхъ вообще укоряли въ гнусности и пьянствѣ, презирали земледѣліе; обыкновеннымъ ихъ занятіемъ, среди пастушеской жизни, были охота, война и грабежъ. Храбрѣйшими между ними считались Бессы и безсмертные Геты (81). Древнее ихъ оружіе состояло изъ небольшаго кожевеннаго щита, дротика и кинжала; въ послѣдствіи (какъ то видимъ въ изображеніяхъ на колоннѣ Траяна) Даки и Геты употребляли грубую суковатую палицу, кривую саблю, лукъ и щитъ безъ збруи и шлема. Военныя знамена, прикрѣпленныя къ долгимъ древкамъ, у однихъ представляли драконовъ съ головою и хвостомъ, поднятыми вверхъ, а у другихъ смерть, или человѣческій скелетъ, съ косою надъ головой. Знакъ къ бою подаваемъ былъ ужаснымъ звукомъ трубъ (82). Когда хотѣли вступить въ переговоры съ непріятелемъ, то, обыкновенно, высылали къ нему жрецовъ, которые, приближаясь къ нему, играли на лирахъ или гитарахъ (83).

Геродотъ весьма хвалитъ полотно Ѳракійское, выдѣлываемое изъ конопли; мущины носили изъ него короткія туники и плащи, длинные до пятъ штаны изъ лошадиной кожи и лисьи шапки. На колоннѣ Траяна мущины изображены въ длинныхъ штанахъ, въ туникѣ до колѣнъ, перевязанной поясомъ, въ плащѣ изъ звѣриныхъ кожъ, застегнутомъ спонкой на лѣвомъ плечѣ, а на головѣ шапочка изъ полотна. Женщины носили длинное до пятъ фалдистое платье съ рукавами, перевязанное поясомъ; голову обвивали платкомъ, концы коего висѣли сзади (84). Выжиганіе тѣла было у нихъ почетнымъ знакомъ; кто не имѣлъ, особенно на челѣ, множества таковыхъ знаковъ, тотъ мало былъ уважаемъ (85).

Кельты.

Такъ какъ народъ Кельтскій былъ болѣе прочихъ народовъ распространенъ и вездѣ перемѣшанъ съ другими, то потому и природныя его свойства и обычаи не могли быть до такой степени, какъ у другихъ, всюду одинаковы. Для избѣжанія всякаго недоумѣнія въ этомъ отношеніи, мы представимъ только тѣ изъ нихъ, ко-

(78) Herod. l. 4, 5. Solin. c. 15 et 16.

(79) Herod. l. 5. Valer. Max. l. 2. c. 6. Mela. l. 2. c. 2. Solin. l. c.

(80) Herod. l. 5. Strabo l. 7. Tacit. annal. Jornand. d. r. succes.

(81) Herod. l. 5. Plato. de leg. l. 1. Jornand. l. c.

(82) Marcial. epig. l. 7. Engel. d. gest. Traj. Herod. l. 7. Dandre Bardon. Antiq. Cah. 25. T. 3.

(83) Atnene. l. 14. Jornand. a. g. c. 10.

(84) Herod. l. 4, 7. Procop. Pers. l. 2. c. 21. Bardon. Cost. T. 3. Engel. d. g. Traj.

(85) Herod. l. 5. Plin. l. 22. Strabo l. 7.

торыя были болѣе общи и принадлежали разнымъ обитателямъ страны, ими занимаемой.

Собственное племя Кельтовъ было русоволосое, и всѣмъ тѣломъ своимъ столь похоже на Германцевъ, что оба эти народа считались сродными. Galli semi Germani, говоритъ Ливій, а Страбонъ прибавляетъ, что они ростомъ, свойствами и русыми волосами ни мало не отличались отъ Германцевъ. Тоже говорятъ современники о всѣхъ Кельтскихъ поколѣніяхъ, начиная отъ Адріатическаго моря до острововъ Британіи: вездѣ, по свидѣтельству ихъ, была у нихъ cutis candida, comae flavae, oculi caerulei, magna corpora (86). Рѣдко какой писатель употребляетъ слѣдующее выраженіе: „pene omnes Galli candidi,“ хотя исключенія могли имѣть мѣсто по причинѣ значительнаго смѣшенія ихъ, именно съ темноволосыми Тусками, Лигурійцами, Иберами, Аквитанцами, Силюрами и другими (87).

Кромѣ этѣхъ природныхъ чертъ обыкновеніе накаливать кожу желѣзомъ и расписывать извѣстныя части тѣла, сохранялось до позднихъ временъ Кельтскими народами, начиная отъ береговъ Истра до самой Испаніи и острововъ Британскихъ. Женщины обыкновенно красили свое тѣло шафраномъ (88).

(86) Liv. l. 21. c. 38. et lib. 38. Strabo l. 4, 7. Tacit. Ger. et ad Agric. Plutar. ad Mar. Polyb. l. 2. Virgil. Aen. 8. Silius. It. l. 4. Diodor. l. 5. Auson. Edil. Claud. in Ruf. l. 3. Lucau. l. 3. Veget. mil. l. 1. Flor. l. 2. c. 4. Caesar. Com. 1. Flac. Calp. decl. 2. Clem. Alex. paedag. l. 3. c. 3. Arian. de exp. Alex. l. 1. Jornand. G. c. 2.

(87) Amm. Marc. l. 15. c. 12.

(88) Tacit. ad Agr. Caesar. Com. l. 5. Mela l. 3. c. 6. Herodian. l. 3. Strabo l. 7. Pellout. T. 1. l. 2. Plin. l. 22. c. 1.

Языкъ, столь далеко распространеннаго народа, конечно, раздѣлялся на разныя нарѣчія; можно навѣрное полагать, что онъ, смѣшанный съ языками природныхъ или побѣжденныхъ жителей страны и колонистовъ Африканскихъ, Азіатскихъ и Греческихъ, во многихъ странахъ могъ казаться совершенно инымъ языкомъ. Такъ какъ этому языку приписывали то исключительное свойство, что въ немъ измѣненіе словъ производилось не на концѣ, какъ въ другихъ, а въ началѣ, то потому его нарѣчія, при всемъ своемъ разнообразіи, легко указывали на свое сродство. Полагаютъ, что онъ происходилъ отъ одного корня съ языками Греческимъ и Латинскимъ, и что нынѣшніе языки: Италіянскій, Французскій, Испанскій и Португальскій, произошли отъ него, и что даже древній Германскій языкъ имѣлъ съ нимъ много общаго (89).

Начало Кельтической религіи и ея іерархіи полагаютъ въ Гиберніи: главными божествами были Тевтатъ, Гесъ, Таранъ и Беленъ. Цезарь упоминаетъ только о трехъ первыхъ, называя ихъ Римскими именами, то есть: о Меркуріи, имѣвшемъ преимущество предъ прочими, Марсѣ и Юпитерѣ (90). Беленъ, по Кельтски Бѣлый, изображалъ собою солнце, или Аполлона, и преимущественно былъ чтимъ на берегахъ Адріатическаго моря Нориками и Аквитанцами. Его представляли въ человѣческомъ видѣ съ тремя головами, иногда съ широко-

(89) Bonamy mem. de inscr. T. 41. Relig. d. Gaul. l. 3. c. 20. Mafei ant. Hetrus. et Gall. Bullet. lang. Celt. Cluver. Germ. ant. l. 1. Pellout. T. 2.

(90) Caesar com. 6. Lucan. l. 1. et 3. Solin. c. 25.

разверстыми устами (*). Подобнымъ образомъ представляли съ тремя головами Тевтада или Меркурія, божество торговли и плодородія земли. Гессъ, богъ войны, почитался также древними Этрурами (91).

Кромѣ этихъ божествъ Кельты воздавали еще величайшія почести богинѣ земли, которая, старательно покрытая толстою холстинною на колесницѣ, запряженной коровами, торжественно возима была по полямъ и всему государству, подобно Римской и Сирійской Цибелѣ. Божество Ленъ, изображающее луну, кромѣ лица совершенно было у нихъ покрыто завѣсою; ему поклонялись ночью надъ водою, въ которую, обыкновенно, глядѣли притомъ. Минерву они называли Белизаною (92).

Кельты богамъ своимъ посвящали рощи, источники, водопады, озера, горы, кои были у нихъ въ великомъ уваженіи и гдѣ въ извѣстное время совершались священные обряды. Для того, чтобы свесть дождь на землю, женщины, обыкновенно, собирали бѣлую полынь, по Кельтски bilisa, и бросали оную въ священныя воды. При нѣкоторыхъ божествахъ содержали бѣлыхъ коней, по шагамъ которыхъ жрецы предугадывали послѣдствія предпринимаемыхъ дѣлъ народомъ. Кресты и ключи, принятые, какъ полагаютъ, отъ Египтянъ, и бывшіе символомъ будущей жизни, часто можно видѣть на кумирахъ боговъ Кельтическихъ. Больныя части тѣла, изображенныя на дощечкахъ, какъ приношенія, вывѣшиваемы были въ капищахъ (93).

Кромѣ различныхъ звѣрей, приношеніе людей въ жертву богамъ было самымъ обыкновеннымъ у народовъ Кельтическихъ. На сей конецъ большею частію избирали преступниковъ, а въ случаѣ недостатка ихъ невинные убиваемы были по жребію. Иногда охотники добровольно обрекали себя на таковую смерть и отдавались въ руки жрецовъ, что приносило имъ великую честь. Ни одно важное происшествіе не обходилось безъ подобныхъ жертвъ, которыя непремѣнно должны были доставляться. Жрецы сами совершали таковое убійство ударомъ ножа, направленнымъ сзади межъ лопатокъ къ сердцу, а вытекающую кровь приносили богамъ въ жертву и по ней гадали. Кромѣ того у Кельтовъ было обыкновеніе плести изъ хвороста огромныя чудища своихъ боговъ, сажать въ нихъ живыхъ людей и, вмѣстѣ съ кумиромъ, сожигать ихъ въ жертву богамъ (94). Часть военноплѣнныхъ и добычи, взятой у непріятелей, сожигалась, обыкновенно, въ честь Геза; въ знаменитомъ походѣ Кельтовъ и Кимвровъ противъ Римлянъ, сожжено въ честь сего божества 80,000 Римскихъ военноплѣнныхъ съ лошадьми, оружіемъ и разною добычею (95).

(*) Между Славянскими божествами у Я. Потоцкаго подъ N. 25 находится малый кумиръ съ устами, также широко разверстыми.

(91) Relig. d. Gaul. l. 2, 3 et 4. Banier. par. 2. l. 1. c. 7. Auson. prof. Bard. car. 5. et 11. d. Torre mon. Antii Sched. d. diis Ger. Syng. 1. c. 7. Herod. ad Mar. l. 8. Tertul. apologet. c. 24.

(92) Amm. Marc. l. 23. c. 3. Relig. Gaul. l. 4. c. 10 et 19. Banier. l. c.

(93) Relig. Gaul. l. 1. c. 7, 14 et 30. l. 2. c. 23.

(94) Caesar Com. 6. Dion. Hal. l. 1. Solin. c. 25. Diodor. l. 5. Plin. l. 30. c. 1. Lactant. l. 1. c. 21. Strabo l. 3, 4. Mela l. 2. Tacit. ann. l. 14. Relig. d. Gaul. Pellout. h. de Celt.

(95) Eutrop. l. 5. c. 1. Diod. l. 5. Relig. d. Gaul.

„Кельтскіе жрецы, называемые Senes (вѣроятно, отъ Греческаго sennos, Латинскаго senex), избирались изъ особеннаго класса Друидовъ или ученыхъ и имѣли своего верховнаго жреца, котораго власть была неограниченна. Весь народъ принималъ участіе въ его выборѣ, который, по этому, часто былъ рѣшаемъ оружіемъ и войною. Жрецамъ принадлежало исключительное право назначать жертвы и торжественные дни, исполнять жертвенныя обязанности, содержать неугасаемый огонь, блюсти неприкосновенность священныхъ мѣстъ, поддерживать чистоту религіи и порядокъ во время торжества, собирать смолу съ дубовъ и лекарственныя травы. Въ помощь себѣ они имѣли особенныхъ жрицъ, именуемыхъ Sene, изъ которыхъ однѣ были замужнія, другія дѣвы. Во время исполненія обрядовъ они надѣвали на себя бѣлую одежду. Съ тѣми, которые были ими прокляты, никому не позволялось имѣть сношеній, даже говорить (96).

Мнѣніе о безсмертіи души было господствующимъ у Кельтовъ: по мнѣнію ихъ души переселялись на извѣстные острова, откуда, въ назначенное время, имѣли снова возвращаться и одушевлять другія тѣла. Въ этомъ убѣжденіи, при сожиганіи или погребеніи умершаго, бросали на костеръ все то, что ему было мило въ сей жизни и чѣмъ онъ обыкновенно пользовался. При погребеніи знатнѣйшихъ людей убивали ихъ служителей, коней и другихъ звѣрей, которыя должны были служить ему и въ будущей жизни. Иногда друзья умершаго добровольно бросались на костеръ, чтобы никогда съ нимъ не разлучаться. При погребальныхъ обрядахъ давали умершимъ разныя порученія и письма къ роднымъ и друзьямъ на тотъ свѣтъ, а иногда ссужали имъ деньги съ условіемъ, чтобы онѣ въ будущей жизни были возвращены. Кельты утверждали, что земля со временемъ будетъ истреблена огнемъ и водою, и что въ послѣдствіи вновь возродится въ гораздо совершеннѣйшемъ видѣ (97).

Кельтскіе народы, особенно въ Галліи, раздѣлялись на три сословія: къ первому принадлежали Друиды, ко второму бояре, къ третьему чернь. Друиды составляли родъ касты, которая пользовалась великимъ уваженіемъ: они, подъ руководствомъ верховнаго жреца, совершали религіозные обряды, занимались воспитаніемъ знатнѣйшаго юношества, рѣшеніемъ дѣлъ общественныхъ и частныхъ, назначеніемъ наградъ добрымъ и наказаній преступникамъ; словомъ, все внутреннее управленіе и внѣшнія сношенія основывались на ихъ вліяніи. Бояре или дворяне занимались только оружіемъ, чернь же, не имѣя никакого значенія, обыкновенно окружала дворянъ, отдавая себя имъ въ рабство, или на временныя услуги. Народы Кельтскіе раздроблены были на отдѣльныя республики, въ которыхъ, въ мирное время, мѣстные старѣйшины управляли дѣлами государственными; въ случаѣ же войны избирали общаго вождя и совѣтъ съ неограниченною властію. Во время бѣдствій отече-

(96) Plin. l. 16. c. 44. et l. 25. c. 19. Caesar. B. G. l. 6. Solin c. 25. Mela l. 3. Relig. d. Gaul. прочее см. прим. 25.

(97) Diodor. l. 5. Lucan. l. 1. Strabo. l. 4. Solin. l. 1 et 3. Valer. Maxim. l. 2. c. 6. Caesar Com. 6. Appian. in Hisp. Serv. ad Aeneid. 3. Mela l. 3. c. 2. Plutar. d. Oracul. Procop. B. G. l. 4. Relig. d. Gaul.

ства различныя поколѣнія собирались на общія народныя совѣщанія, въ которыхъ и женщины могли принимать участіе. Искусство письма было у нихъ съ столь давняго времени распространено, что они употребляли оное для совершенія дѣлъ не только общественныхъ, но и частныхъ (98).

Современники весьма охуждають нравы и обычаи Кельтовъ: они считали ихъ людьми легкомысленными, вѣроломными, пьяницами, задорными и убивающими другъ друга среди пиршествъ. Въ своихъ домахъ они были мерзки и отвратительны; они сберегали свою мочу для мытья тѣла и зубовъ (99). Женщины обыкновенно смотрѣли за домомъ и занимались земледѣліемъ; мущины же, ведя жизнь праздную, занимались только охотою, а въ случаѣ необходимости войною. Домы строили, сколько возможно, въ уединеніи, въ рощахъ и у источниковъ, а замки въ мѣстахъ скрытыхъ и неприступныхъ, куда они, во время нападенія на нихъ непріятеля, скрывались со всѣмъ своимъ имуществомъ (100).

Одежда Кельтовъ была узка, штаны коротки; на плечахъ они носили sagum, родъ четырехъ-угольнаго плаща. Волоса отъ чела закидывали назадъ, которые, будучи длинны и густы, совершенно покрывали плеча. Бороды обыкновенно подстригали, оставляя длинные усы. Богатые носили на шеяхъ цѣпи, часто изъ золота, а на рукахъ иногда отъ плечь до самыхъ кулаковъ такогожъ рода обручи (101).

Оружіе, особенно у Гальскихъ Кельтовъ, кромѣ продолговатаго щита, покрывавшаго все тѣло, состояло изъ длиннаго меча, копья и малыхъ дротиковъ, которые они искусно бросали въ непріятеля. Знакъ къ битвѣ подаваемъ былъ звукомъ трубъ; большая часть Кельтовъ сражались обнаженные до пояса, въ однихъ только штанахъ. Богатые носили доспѣхи изъ кожи или мѣди, а на головахъ высокіе шлемы, на которыхъ изображались рога или разные звѣри (102). Сражались болѣе пѣшкомъ, нежели на коняхъ. Головы убитыхъ непріятелей вѣшали на шеяхъ лошадей и, вмѣстѣ съ прочею добычею, какъ лестные знаки мужества, разлагали у пороговъ домовъ своихъ. Въ войнахъ съ сосѣдями часто истребляли ближайшихъ жителей, чтобы, имѣя границей пустыню, никто не мѣшалъ имъ. (103).

Германцы.

Изъ всѣхъ обитателей Европы Германцы болѣе другихъ привлекали вниманіе современниковъ природными своими свойствами: разительное сходство всѣхъ племенъ между собою и огромный ростъ тѣла ихъ изумляли всѣхъ. Римляне, въ сравненіи съ ними, казались карлами; въ биткахъ могучій видъ ихъ наводилъ ужасъ на Римскихъ воиновъ (104).

Русые волосы, голубые глаза и бѣлое тѣло были общею чертою Гер-

(98) Caesar B. G. Strabo l. 4 et 7. Plutarch. de mulier. Diodor. l. 5.

(99) Strabo l. 3. Salvian. l. 7.

(100) Strabo l 3, 4. Caesar. Com. 6. Tacit. Germ. Diodor. l. 5. Polyb. l. 3.

(101) Caesar com. 5. Isidor. l. 19. Tacit. ad Agr. Mela l. 3. Strabo l. 4. Herodian. l. 3. Diodor. l. 5. Sidon l. 1. Polyb. l. 2. Relig. d. Gaull. Pellout. h. d. Celt.

(102) Diodor. l. 5. Liv. l. 22. Varro l. 6. Strabo l. 4.

(103) Diodor. l. 5. Caesar Com. 6.

(104) Tacit. Germ. ann. l. 2. hist. l. 2. Caesar Com. 1. Veget. milit. l. 1. Quintil. decl. 3.

манскихъ народовъ; Слова: „Habitus corporum quanquam in tanto hominum numero idem omnibus..... caerulei oculi, flavae comae, candida et magna corpora“ были повторяемы всѣми современниками (105). Красивые голубые глаза Германокъ, называемыхъ Биссулами, прославлялись Римскими поэтами (106).

Эти главныя черты Германцевъ, спустя 500 лѣтъ послѣ перваго достовѣрнѣйшаго описанія ихъ, нисколько не измѣнились. Прокопій еще въ VI вѣкѣ такъ говоритъ объ нихъ: „Goticae gentes multae quidem et aliae prius fuere quam nunc. Omnium autem maximae ac potentissimae Goti et Vandali, et Visigoti et Gepidae, jam dudum et Sarmatae et Melanchleni appellati. Sunt qui et Geticas has gentes vocant; qui omnes nominibus quidem inter se differunt, caetero conveniunt ;nam et albi sunt omnes corpore, flavi coma, proceri quoque ac aspectu probo; voce una Gotica appellata utentes, et ut mihi videtur, ex una gente procreati. Is autem populus loca supra Istrum jam pridem incoluit.... Vandali in societatem Alanos Goticum et ipsum genus adsciscentes (107).“ Свидѣтельство этого писателя тѣмъ болѣе важно, что, зная хорошо всѣ эти народы, какъ по большей части служившіе Восточной имперіи, онъ по несомнѣннымъ признакамъ указываетъ на ихъ племя, языкъ и происхожденіе. Неизвѣстность, которая могла еще быть касательно происхожденія Сарматовъ и Алановъ, тѣмъ вѣрнѣе была имъ рѣшена, что какъ тѣ, такъ и другіе, часто проходили предъ его глазами въ самомъ Константинополѣ (108).

По свидѣтельству Витикинда, всѣ эти свойства народа Германскаго, сохранились во всей неизмѣнности до X го вѣка у Саксонцевъ, живущихъ за Лабою. У нихъ подъ смертною казнію запрещалось отдѣльнымъ классамъ народа смѣшиваться между собою посредствомъ брака (109).

Обыкновеніе дѣлать знаки на тѣлѣ употреблялось и Германцами; объ Аріяхъ, живпшихъ у средней Одры, Тацитъ говоритъ, что они имѣли tincta corpora, что съ черновыкрашенными щитами, бросаясь, въ темныя ночи, на непріятеля, представляли собой страшный образъ адскаго войска (110).

Хотя Германцы не были перемѣшаны съ другими народами, однако жь языкъ ихъ, конечно, значительно разнился въ своихъ нарѣчіяхъ: объ этомъ заключать можно частію по намекамъ современниковъ, а частію по самымъ древнимъ остаткомъ языка Готовъ, Лонгобардовъ, Франковъ и другихъ народовъ. Вѣроятно, этотъ языкъ во многихъ отношеніяхъ сближался съ Кельтскимъ, потому что писатели, хотя хорошо знакомые съ отличіемъ народовъ и ихъ нарѣчій, иногда находились въ сомнѣніи, должно ли нѣкоторые изъ нихъ причислять къ Германцамъ, или къ Кельтамъ. Тацитъ хотя и причисляетъ Эстовъ къ Германцамъ, одна-

(105) Tacit. Germ. Caesar B. G. Diod. l. 5. Juvenal. sat. 13. Plin. l. 2. c. 78. Lucan. l. 2. Sil. Ital. l. 3. Eunap. Got. Athen. l. 13. Sen. d. ira l. 3. c. 26. Strabo l. 7. Clem. Alex. paedag. l. 3. Herodian. l. 4. 8. Hieron. ad Laetam. Sines. ad Honor. Tertul. de cult. Jul. Capit. Prudenc. Cluver. l. 1. Pellout. T. 1. l. 2.

(106) Auson. Edill.

(107) Procop. B. Vand. l. 3.

(108) Procop. B. G. Jornand. r. G. et reg. succes.

(109) Witich. l. 1. Adam. Br. hist. Eccl. l. 1. c. 5.

(110) Tacit. Germ.

ко жь, касательно языка ихъ онъ замѣтилъ, что этотъ приближался болѣе къ Британскому, который, по его же мнѣнію, мало чѣмъ различался отъ Кельтскаго въ Галліи (111). Подобныя сомнѣнія существовали и на счетъ Бастарновъ, Аварисковъ, поселившихся въ Паннонія, Верагровъ въ Гельветскихъ Альпахъ и другихъ, которыхъ языкъ не отличалъ явственно ни отъ Кельтовъ, ни отъ Германцевъ (112). И въ самомъ дѣлѣ нынѣшніе ученые, изслѣдуя памятники этихъ древнихъ языковъ, находятъ въ нихъ много слѣдовъ смѣшенія.

По мнѣнію Тацита, Германцы, подобно Ѳракійцамъ и Кельтамъ, преимущественно покланялись Меркурію, потомъ Геркулесу и Марсу; верховное божество свое они называли Туитономъ. Ю. Цезарь объясняетъ намъ ихъ значеніе, утверждая, что Германцы почитали только тѣ божества, которыя дѣйствовали на ихъ чувства и отъ которыхъ получали величайшія блага, какъ, на примѣръ: солнце, луну и огонь, и что о прочихъ они не думали (113). Собственныя имена трехъ главныхъ божествъ Германскихъ были: Тевтонъ или Торъ, Одинъ и Фрея или Фрико, которыя, по свидѣтельству Адама Бременскаго, имѣли въ его время въ Упсалѣ знаменитое капище и золотые кумиры. Торъ, управляющій вѣтрами, солнцемъ и молніей, стоялъ въ срединѣ, на особомъ престолѣ, а съ жезломъ въ рукѣ, возлѣ него, съ одной стороны, Одинъ, вооруженный, какъ богъ войны, съ другой же Фрея съ символомъ плодородія, какъ богиня мира, изобилія и роскоши (114).

Свевы, подобно Кельтамъ, исключительно покланялись Гертѣ, богинѣ земли; ее содержали въ рощѣ, на островѣ, прилежащемъ материку, гдѣ она стояла на колесницѣ, покрытой полотномъ, подъ бдительнымъ присмотромъ жрецовъ. Во время празднества запрягали въ эту колесницу четыре коровы и съ величайшимъ благоговѣніемъ возили ее по всему государству. Въ продолженіи сихъ посвщеній прекращалась всякая война, а миръ и веселіе царствовали во всемъ народѣ. Съ возвращеніемъ богини на островъ, тщательно омывали ея истуканъ, колесницу и покрывало, а по окончаніи того всѣ люди, употребленные къ оному, потопляемы были въ священномъ прудѣ (115).

Первоначально, Германцы неприличнымъ считали изображать божества въ видѣ человѣческомъ, или заключать оныя въ стѣнахъ храма; пруды, ручьи, горы, рощи и священные лѣса были, по мнѣнію ихъ, мѣстами, гдѣ, обыкновенно, являлись они. Тамъ, со страхомъ и благоговѣніемъ, приносили имъ жертвы и совершали торжественные обряды; въ священныхъ рощахъ происходили главныя народныя совѣщанія и жертвенные пиры; въ этихъ мѣстахъ сохранялись народныя знамена, которыя выносились оттуда только на войну (116).

Приношеніе людей въ жертву богамъ было у Германцевъ столь же обыкновенно, какъ и у, сосѣдственныхъ имъ, Кельтовъ; по мнѣнію ихъ

(111) Tacit. Germ. et ad Adricol.
(112) Tacit. Ger. Strabo l. 7. Liv. l. 21, 40, 42 et 44. Caesar Com. 3.
(113) Tacit. Ger. Caesar Com. 6.
(114) Varnefr. Long. l. 1. c. 8. Adam. Brem. de Situ Dan.
(115) Tacit. Germ.
(116) Tacit. Germ. et Annal. l. 1, 4 et 13.

таковыя жертвы были пріятнѣе богамъ, нежели приношеніе звѣрей. Иногда требовались непремѣнно одни только люди въ жертву Меркурію; по одержаніи побѣды убивали въ честь Одина нѣкоторую часть, а иногда и всѣхъ военноплѣнныхъ съ лошадьми и всякаго рода добычей. Скандинавы, обыкновенно, посвящали ему перваго плѣнника; въ извѣстныя же празденства, они убивали, начиная съ людей до самыхъ псовъ и дикихъ звѣрей, по 9 самцевъ, и всѣ эти трупы вѣшали на деревьяхъ вокругъ капища. Кромѣ того, чрезъ каждые 9 лѣтъ совершалась, такъ называемая, великая жертва, состоявшая изъ 99 человѣкъ. Эти обряды, на которые со всѣхъ сторонъ собирался народъ, обыкновенно отправлялись въ священныхъ рощахъ, гдѣ находились капища (117).

Хотя у Германцевъ не было іерархіи Друидовъ, однако жь, религія и обряды ихъ много имѣли общаго съ Кельтическими. Подъ руководствомъ верховнаго пожизненнаго жреца, называемаго Sinist, котораго неприкосновенность и важность превосходили королевскую, прочіе жрецы занимались въ своихъ мѣстахъ исполненіемъ обрядовъ, извѣщеніемъ воли боговъ, гаданіемъ по крови жертвъ, охраненіемъ священныхъ мѣстъ, наблюденіемъ за порядкомъ и исполненіемъ наказаній надъ преступниками во время обрядовъ, въ народныхъ совѣщаніяхъ, въ лагеряхъ и другихъ мѣстахъ. Они обязаны были кормить священныхъ коней, и по ихъ виду, шагу и ржанію предсказывать будущія слѣдствія всякаго предпринимаемаго государственнаго дѣла. Нѣкоторые обряды и жертвоприношенія совершались однѣми только жрицами, которыя, по причинѣ своихъ гаданій и довѣрія, которымъ онѣ пользовались у народа, иногда имѣли великое значеніе (118).

Мнѣніе Германцевъ о будущей жизни—неизвѣстно: мы знаемъ только то, что они въ нее вѣровали, съ равнодушіемъ отказывались отъ всего земнаго и запасались разными потребностями на тотъ свѣтъ. Тѣла мертвыхъ частью погребали, частью же сожигали; плачь и рыдание при этихъ обрядахъ считали неприличной слабостью, а пышность излишней и неумѣстной. Знатные люди въ этомъ отношеніи пользовались тѣмъ только преимуществомъ, что для костровъ ихъ избиралось особеннаго рода дерево. Разныя орудія, употребляемыя въ этой жизни, а иногда и лошади, собаки и другіе звѣри, были сожигаемы или погребаемы, вмѣстѣ съ умершими. Скандинавскіе Норманны надъ гробами своихъ королей и знаменитыхъ мужей сыпали высокіе курганы; Германцы же, какъ говоритъ Тацитъ, довольствовались меньшими насыпями (caespites). У Геруловъ старцы и изнуренные болѣзнью сами добровольно требовали смерти, и въ этомъ случаѣ ближайшіе ихъ родственники слагали для нихъ костры, на которыхъ убивали друзья ихъ и сожигали. Если жена хотѣла избѣжать безчестія, то, по погребеніи мужа, должна была добровольно повѣситься у гроба своего супруга (119).

(117) Tacit. Germ. et Ann. l. 1 et 13. Procop. B. G. l. 2. Jornand. R. G. c. 5. Adam. Brem. De situ Dan. Dittm. l. 2.

(118) Tacit. Germ. et Histor. l. 4. Dio. l. 67. Marcell. l. 28. Plutar. ad Apol. Strabo l. 7.

(119) Tacit. Germ. Procop. B. G. l. 2. Saxo Gr. l. 6 et 8. Diodor. l. 5. Graberg. Scan-

Хотя Германскіе народы имѣли главныхъ начальниковъ, въ послѣдствіи называвшихся князьями или королями, однако они были не болѣе, какъ полководцы, которые всего чаще избирались изъ извѣстныхъ родовъ. Въ мирное время они только руководствовали народъ, который самъ давалъ себѣ законы и рѣшалъ главныя дѣла. Для этой цѣли въ извѣстные дни вооруженный народъ собирался въ священныя рощи, гдѣ старѣйшины, усѣвшись въ великій кругъ, слушали рѣчи и мнѣнія каждаго. Въ важныхъ дѣлахъ принимались даже голоса женщинъ, которымъ приписывали иногда божеское вдохновеніе. Когда всѣ соглашались, то давали знакъ стукомъ копій; въ противномъ же случаѣ происходилъ всеобщій шумъ. На этихъ совѣщаніяхъ избирали начальниковъ, вмѣстѣ съ сотниками или совѣтниками, которые въ отдѣльныхъ округахъ наблюдали за порядкомъ и рѣшали споры. Впрочемъ, какъ главный начальникъ, такъ и всякій изъ чиновниковъ, ни въ чемъ не отличались отъ прочихъ, и только до тѣхъ поръ исполняли свою должность, пока это угодно было народному собранію. Законы Германцевъ были суровы; исполненіе наказаній надъ виновниками во многихъ случаяхъ поручалось жрецамъ. Измѣнниковъ и бѣглецовъ вѣшали на деревьяхъ, а празднолюбивыхъ и дряхлыхъ топили въ лужахъ. Наказаніе вѣроломной жены предоставлялось мужу, который, обрѣзавъ ей волосы, водилъ ее по всей усадьбѣ и потомъ навсегда изгонялъ изъ своего дома. Отъ нѣкоторыхъ преступленій можно было откупаться лошадьми, рогатымъ скотомъ и т. п.; одна часть сей пени доставалась обиженнымъ, остальная же обращалась на общественное употребленіе (120).

Такъ какъ Германцы, подобно Ѳракійцамъ, Кельтамъ и Скиѳамъ, съ незапамятныхъ временъ знали и употребляли письмена, то нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые главнѣйшіе ихъ законы и свѣдѣнія были у нихъ написаны. Іорнандъ утверждаетъ, что Готы имѣли „ab antiquo usque nunc conscriptas Bellagines,“ или, такъ называемыя, книги, которыя содержали въ себѣ, между прочимъ, разныя нравственныя поученія о предметахъ естественныхъ, философскихъ и т. д. (121) (*).

Честность, гостепріимство и домашнія добродѣтели были особеннымъ достоинствомъ Германцевъ. Будучи отъ природы склонны къ пьянству, они, обыкновенно, пьяные рѣшали главныя дѣла народныя въ томъ убѣжденіи, что въ семъ состояніи всякій чистосердечно выражаетъ свое мнѣніе. Азартныя игры были имъ столь пріятны, что, потерявъ все имущество, они, наконецъ, не рѣдко проигрывали личную свободу. Хотя многоженство было у нихъ въ обыкновеніи, однако жъ

---

dinav. p. 133. Arnkiel. Cimbr. T. 2. l. 2. Edda Myt. 43.

(120) Tacit. Germ. et Annal. l. 4. Caesar Com. 5 et 6. Procop. B. G. l. 5. Jornand. R. G.

(121) Caesar B. G. Eutrop. ad Traj. l. 8. Avent. l. 2. Tacit. Germ. et Ann. l. 2. Herodot. l. 4 et 5. Jornand. R. G. c. 11. Bon. Vulcan. not. ad Jornand. Rospr. o Runach.

(*) Слово *Bellagines*, по мнѣнію знатоковъ древняго Готскаго языка, значило тоже, что *Welhagen*, постановленіе, уставъ, рѣшеніе. Въ Польшѣ въ Магдебургскомъ правѣ *Welkierze* или *Wilkierze* имѣли подобное значеніе.

большая часть довольствовалась одной супругой. Такъ какъ охота и война были главнымъ занятіемъ мущинъ, то потому только женщины, старики, неспособные къ оружію и невольники занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ. Жилища Германцевъ, худо построенныя изъ дерева, или простыя землянки, стояли уединенно въ значительномъ разстояніи одни отъ другихъ; для всякаго семейства мѣстные старѣйшины ежегодно назначали другія поля. Богатые имѣли у себя жильцевъ изъ людей вольныхъ или невольниковъ, съ которыми обращались ласково, довольствуясь сборомъ съ нихъ хлѣба, скота или матеріала, нужнаго для одежды. Земледѣліе у нихъ находилось на низкой степени; у Эстовъ за Вислой, въ сосѣдствѣ Венедовъ, оно было по словамъ Тацита, въ гораздомъ лучшемъ состояніи. Бургундцы вообще занимались кузнечествомъ: вѣроятно, обильные рудники около Пилицы и верхней Варты, склонили ихъ къ этого рода промышленности (122).

Одежда Германцевъ отчасти только прикрывала наготу: tegumen omnibus sagum... caetera intecti, говоритъ Тацитъ. *Sagum* или четырехъугольный плащь, спереди открытый, доходящій до голеней, на лѣвомъ плечѣ застегнутый спонкой, безъ рубахи и штановъ, составлялъ всю одежду мущинъ. Молодые люди обоего пола до 20 года, лѣтомъ и зимой, ходили совершенно нагіе. Знатнѣйшіе покрывали все тѣло, но, подобно Кельтамъ, носили одежду столь тѣсную, что они казались только другой кожей. Плащи ихъ дѣлались изъ звѣриныхъ кожъ, рогожъ или лыка и льняныхъ или волняныхъ тканей, часто испещренныхъ различными цвѣтами. Обувь, употребляемая только въ нуждѣ, состояла изъ куска сырой кожи, привязанной около лодыжки. Голова покрывалась длинными и густыми волосами, которые они, обыкновенно, намазывали масломъ или жиромъ. Одни подбривали оные спереди, другіе сзади, а иные, именно Свевы, связывали на верху головы хохлы, которыхъ концы, ниспадая по обѣимъ сторонамъ, закрывали имъ виски. Подобно Кельтамъ, они носили бороды и усы. Одежда женщинъ тѣмъ только отличалась отъ одежды мущинъ, что она чаще всего дѣлалась изъ полотна, раскрашеннаго различными узорами, и что она не покрывала ни рукъ, ни плечь, ни груди (123).

Хотя Германцы славились предъ прочими народами мужествомъ и воинскимъ духомъ, однако жь на войну они, обыкновенно, выходили съ довольно ничтожнымъ оружіемъ. Большая часть ихъ сражались нагіе; рѣдко кто бывалъ покрытъ шлемомъ и доспѣхами. Небольшіе щиты, сплетенные изъ прутьевъ или тонкихъ дощечекъ, а у богатѣйшихъ иногда изъ мѣди, весьма мало защищали ихъ отъ ударовъ непріятелей. Обыкновенно употребляемое ими оружіе состояло изъ короткаго копья съ желѣзнымъ, костянымъ или роговымъ на концѣ остріемъ и изъ короткаго меча. Нѣкоторыя только поколѣнія имѣли огромные и длинные мечи, висѣвшіе на ремнѣ или цѣпи чрезъ лѣвое плечо, другія же имѣли обоюдуострыя сѣкиры, которыя они

(122) Tacit. Germ. Socrat. H. eccles. l. 7.

(123) Tacit. Germ. et Annal. l. 13. Caesar Com. 4 et 6. Strabo l. 7. Mela l. 3. c. 3. Sidon. Ap. d. Got. carm. 5, 12 et epi. l. 4. Plin. l. 11. c. 41. Plutar. ad Crass. Seneca ep. 124.

издали бросали въ непрiятеля. Сражались болѣе пѣшкомъ, нежели верхомъ; лошади ихъ были ничтожны, но прiучены ко всѣмъ движенiямъ. Въ битвахъ съ непрiятелемъ они, подобно Галламъ и Британцамъ, иногда употребляли собакъ, которыя дѣйствительно приносили имъ помощь. Къ перенесенiю ранъ не имѣли терпѣнiя: во время битвы жены, дѣти и родные находились сзади въ обозахъ, занимаясь то приготовленiемъ пищи, то присмотромъ за ранеными и другою услугой. Эта толпа, видя своихъ бѣгущихъ съ поля битвы, не разъ ободренiемъ, воплями и страшнымъ крикомъ, возвращала ихъ къ бою и, такимъ образомъ, споспѣшествовала одержанiю побѣды. Трубы давали знакъ къ бою: вдохновенныя женщины и барды, воспѣвавшiе славные подвиги богатырей, подобно какъ у Кельтовъ, возбуждали ихъ къ бою, а иногда удавалось имъ краснорѣчiемъ и пѣнiемъ разнять сражающихся и примирить ихъ. На народныхъ ихъ знаменахъ, хранившихся во время мира въ священныхъ рощахъ, изображались разные звѣри. Кромѣ того, Германцы различались еще между собою разноцвѣтно раскрашенными щитами: у Готовъ средина щита была желтая, а окружность бѣлая; у Арiевъ весь щитъ былъ совершенно черный. На щитахъ вождей и богатыхъ, которые окружали себя множествомъ воиновъ, изображались разные знаки и звѣри, по которымъ (будучи покрыты доспѣхами) были узнаваемы своими въ битвахъ (*). Для подтвержденiя дружбы или заключаемаго мира, Германцы и Скандинавы, подобно Скиѳамъ, пускали себѣ изъ руки кровь, которую выпивали, смѣшавъ ее съ водою (124).

(*) Изъ этихъ знаковъ произошли, въ послѣдствiи, фамильные гербы.

Скиѳскiе народы.

Все пространство Сѣверныхъ странъ, называемое древними Греками Скиѳiей, Римскiе писатели именовали Сарматiей; поселившихся же тамъ народовъ часто называли однимъ общимъ именемъ Сарматовъ. „Scytharum nomen usque quaque transcit in Sarmatas atque Germanos, nec aliis prisca illa duravit adpellatio, quam qui extremi gentium harum, ignoti prope caeteris mortalibus, degunt (125).“

Кто были Германскiе народы, о которыхъ говоритъ здѣсь Плинiй, и чѣмъ они отличались отъ прочихъ, намъ уже извѣстно. Теперь бросимъ взглядъ на прародныя свойства Скиѳовъ и древнихъ Сарматовъ, и какъ скоро онѣ намъ будутъ извѣстны, мы удобнѣе уже откроемъ: какiе именно народы, скрытые подъ общимъ ихъ именемъ, могли принадлежать къ ихъ племени; или не принадлежали ли они сами къ какому-либо другому, болѣе извѣстному, народу?

Что Скиѳiя была заселена, съ древнѣйшихъ временъ до самаго нашествiя Гунновъ, народами русоволосыми и великорослыми, о томъ свидѣтельствуютъ всѣ писатели Греческiе, Римскiе и другiе. То, что сказалъ Аристотель: „Qui Aquilonem inhabitant, ut ipsi albi sunt corpore sic oculos caeseos.... et capillum pyron habent,“ утверждали Гиппо-

(124) Tacit. Germ. Ann. l. 2 et 14. Diod. l. 5. Plin. l. 11. c. 37. Strabo l. 4 et 7. Caesar Com. 4. Plut. ad Mar. Lucan. l. 1. Agath. l. 2. Procop. B. G. l. 2. Luc. Tox. Clem. Alex. l. 1. Athen. l. 1. Saxo Gram. l. 1. c. 2.

(125) Plin. l. 4. c. 12. Ptolom. l. 5. vide not. 27.

кратъ, Витрувій, Галенъ и другіе. Геродотъ, желая показать, что Гелоны нѣкогда были Греческими поселенцами въ странахъ Скиѳскихъ Будиновъ, описываетъ ихъ различіе такимъ образомъ: „Budini ingens natio, valde caeseis oculis ac rufa;... Gelones neque colore, nec aspectu similes Budinis.“ Древнимъ Греческимъ писателямъ на Сѣверѣ извѣстны были одни только народы Скиѳскіе и Сарматскіе, по этому они объ нихъ только и говорили; о Германцахъ же и другихъ обитателяхъ по обѣимъ сторонамъ Вислы они не имѣли еще никакого извѣстія. Объ этихъ народахъ Скиѳіи и Сарматіи, спустя болѣе VI вѣковъ, Римскіе писатели говорятъ тоже самое: „sub Septentrionibus nutriuntur gentes candidis coloribus, directo capillo et rufo, caeseis oculis.“ Тоже самое въ особенности повторяли объ Аланахъ, родичахъ Роксоланъ, занимавшихъ значительную часть Скиѳіи, то есть, что „pene omnes sunt pulchri et proceri crinibus flavis... comam non tantopere alunt ac Scythae.“ Далѣе о Сарматахъ говорятъ, что между ними одни были краснаго, другіе же совершенно бѣлаго, цвѣта (126).

Нѣтъ точныхъ извѣстій, было ли у этихъ народовъ общимъ обыкновеніе раскрашивать тѣло, или нѣтъ. О Агаѳирсахъ, жившихъ на сѣверъ отъ Днѣстра, мы имѣемъ свидѣтельства, что они красили волосы и тѣло голубою краскою, а о Сарматахъ упоминается, что они имѣли лице и кожу, покрытыя пятнами (127).

Мы не имѣемъ памятниковъ языка Скиѳскихъ народовъ; изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ ничего вѣрнаго нельзя заключать, потому что Греческіе писатели, у которыхъ онѣ сохранились, обыкновенно, переиначивали чужія слова. То только навѣрно извѣстно, что Скиѳы „cum Alanis eandem habent linguam et eundem cultum,“ что языкъ Сарматовъ былъ испорченнымъ языкомъ Скиѳовъ. Такъ какъ Овидій, изучившій языки Сарматскій и Гето-Ѳракійскій, утверждаетъ, что „Getae et Sarmatae exercent Sociae commercia linguae“, то оттуда можно думать, что и Скиѳскій языкъ смѣшался съ Ѳракійскимъ (128).

Главныя божества Скиѳскія, называвшіяся, по словамъ Грековъ, Papeus, Tabiti et Appia, означали Юпитера и Вулкана, или огонь и землю. Но самую величайшую почесть оказывали Скиѳы воинственному Аресу. Для тѣхъ изъ божествъ, которыя не изображались ни въ какомъ видѣ, они не строили капищъ; одному только Аресу сдѣланъ былъ хворостяный помостъ, длиной 3 стадіи, постепенно возвышавшійся и, на самомъ верхнемъ концѣ его воткнутый, мечь замѣнялъ его изображеніе. Тамъ приносили ему въ жертву коней, овецъ и людей; кромѣ того ему посвящали каждаго сотаго военноплѣнника. Звѣрей, обыкновенно, душили; людямъ же, отрубивши и бросивши правую руку, рас-

(126) Herod. l. 4. Arist. probl. 11. sect. 14, 38. Hippocr. d. aere. Galen. de temp. l. 2. c. 5 et com. ad Hippocr. Plin. l. 2. c. 78 et l. 4. Ovid. de Pont. l. 3. epi. 3. Vitruv. Calin. hymn. Dian. Clearch. ap. Athen. fab. Socrus, Strabo. l. 2, 7. Valer. Flac. l. 6. Pinkert. Part. 1. Clem. Alex. paedag. l. 3. c. 3. Sidon. Apol. ad Major. Ammian. Mar. l. 31. c. 2. Lucian. Toxar. Euseb. l. 4. Procop. B. V. l. 3.

(127) Plin. l. 4 et 22. c. 1. Mela l. 2.

(128) Herod. l. 4. Ovid. Trist. 5. Justin. l. 41. c. 1. Lucian. in Toxar.

творяли грудь, а по вытекающей крови прорицали и приносили ее въ жертву (129).

Плугъ, ярмо, копье и кувшинъ, орудія, какъ говоритъ преданіе, ниспавшія Скиѳамъ съ неба, пользовались у нихъ религіознымъ уваженіемъ. Эти драгоцѣнные памятники, тщательно хранимые царями, были ежегодно, съ великимъ торжествомъ, выносимы къ народу для всеобщаго обожанія. Съ равнымъ благоговѣніемъ чтили память Таргитевса, сына Диса и дочери Борисѳены, какъ родоначальника Скиѳскаго народа. Изъ этого сказанія, повторяемаго уже въ самыхъ древнѣйшихъ преданіяхъ, слѣдуетъ заключить, что, не смотря на дальнія переселенія и пребываніе въ Азіи, Скиѳы считали берега Борисѳена колыбелью своей (130).

Неизвѣстно, какое понятіе Скиѳы имѣли о безсмертіи души; достовѣрно только то, что они будущую жизнь считали подверженной тѣлеснымъ нуждамъ и роскоши въ равной мѣрѣ съ настоящей. Трупъ умершаго царя наполняли зеліями и ароматами, тѣло обливали воскомъ, а послѣ съ величайшей пышностью провождали къ извѣстному мѣстопогребенію царей Скиѳскихъ, находившемуся у устья Герры, текущей въ Борисѳенъ. Тамъ умерщвляли вѣрнѣйшихъ его женъ, высшихъ придворныхъ сановниковъ, множество слугъ и коней, и все это, вмѣстѣ съ разными принадлежностями, зарывали съ нимъ въ могилу, насыпанную въ видѣ кургана и высотой своей равнявшуюся значительной горѣ (*). Во время погребенія царя народъ увѣчилъ себѣ лице, руки, обрѣзывалъ волоса и ходилъ съ распоротыми рукавами. Въ годовщину этого обряда снова убивали 50 молодыхъ парней у гроба царя и въ видѣ живыхъ ѣздоковъ ставили ихъ вокругъ могилы на 50 задушенныхъ коняхъ. Прочихъ умершихъ, иногда, въ продолженіе цѣлыхъ 40 дней, возили къ родственникамъ и друзьямъ, которые ихъ вездѣ угощали и, наконецъ, зарывая въ землю, совершали по нимъ богатую тризну.

Обязанности жрецовъ Скиѳскихъ были тяжки: кромѣ совершенія обрядовъ жертвенныхъ и гадательныхъ, они еще, въ случаѣ болѣзни царя, обязаны были узнать причину оной. Въ такомъ случаѣ будучи призваны, они должны были показать тѣ лица, которыя своимъ клятвопреступлені-

(129) Herod. l. 4.

(130) Herod. l. c.

(*) Остатки таковыхъ могилъ находятся во всѣхъ странахъ сѣверной Европы; у береговъ Вислы мы находимъ двѣ значительныя могилы: Кракуса и Ванды. Болѣе всего онѣ сохранились теперь около нижняго Днѣстра, въ сѣверныхъ частяхъ Чернаго моря до истоковъ Волги и Днѣпра; потомъ въ Скандинавіи, Британіи, за Рейномъ и на полуостровѣ Кимврійскомъ. У Русскихъ они извѣстны подъ именемъ кургановъ, а у Нѣмцевъ подъ именемъ Hünengräber. Отсюда нѣкоторые хотѣли заключать, что это—могилы Гунновъ. Но, для опроверженія этого мнѣнія, довольно вспомнить, что уже Геродотъ, за 800 лѣтъ до Гунновъ, говоритъ о подобныхъ могилахъ надъ Днѣстромъ и Днѣпромъ, и называетъ первыя Киммерійскими; далѣе, что какъ у Скиѳовъ, такъ и у Германцевъ, было обыкновеніе насыпать такіе курганы надъ умершими, и что нѣтъ доказательствъ, чтобы Гунны когда либо простирались до Скандинавіи, Британіи и полуострова Киммерійскаго, а тѣмъ менѣе, чтобы они оставались тамъ до потери многихъ знаменитыхъ мужей своихъ. Herod. l. 4. Tacit. Germ. Strabo l. 4. c. 2. Graberg. Scandin. Arnkiel. Cimbr. T. 2. l. 2.

емъ навлекли на царя это несчастіе. Когда они угадывали и преступленіе было доказано, виновники лишались жизни и имѣніе ихъ доставалось жрецамъ; въ противномъ же случаѣ призываемы были другіе жрецы; ложно же гадавшихъ сажали связанныхъ на повозку, покрытую соломой и запряженную волами и, зажегши первую, пускали воловъ везти ее по произволу. Вообще, законы Скиѳскіе были жестоки: за преступленіе отца убивали всѣхъ его дѣтей мужескаго пола. Въ главнѣйшихъ присягахъ клялись царскими порогами; при заключеніи мира они вливали въ чашу вина кровь изъ собственной руки, которую они выпивали, оросивъ напередъ ею оружіе (131).

Имѣя отвращеніе отъ свиней, Скиѳы не только не терпѣли ихъ въ своей землѣ, но даже ненавидѣли и тѣ народы, которые держали ихъ. Отъ того современники справедливо упрекали ихъ въ томъ, что, гнушаясь, по предубѣжденію, пищей этихъ животныхъ, они, безъ всякаго отвращенія, пожирали собственныхъ старцевъ и сосали кровь убитыхъ ими непріятелей (132).

Любимымъ занятіемъ Скиѳовъ было оружіе и безпрестанныя битвы съ непріятелями. Одни изъ нихъ, занимаясь исключительно скотоводствомъ, вели кочевую жизнь; другіе, подъ именемъ земледѣльцовъ и царскихъ Скиѳовъ, занимались обработываніемъ полей, строили хижины и постоянно жили на одномъ мѣстѣ, будучи привязаны къ своимъ жилищамъ. При всеобщемъ многоженствѣ Скиѳовъ, женщины исполняли за своихъ мужей большую часть трудовъ земледѣльческихъ. Нѣкоторые слѣды заставляютъ думать, что у осѣдлыхъ Скиѳовъ искони существовала промышленность и что науки находили у нихъ мѣсто. Извѣстно, что за 500 слишкомъ лѣтъ до Христіанства, цари ихъ письменно сносились съ Даріемъ; знаменитый ихъ соотечественникъ, Анахарсисъ, уже какъ философъ, вышелъ изъ земли своей посѣщать Грецію. Геродотъ, во время своихъ путешествій, удивлялся пышности царскихъ чертоговъ, которыхъ входы и придверья украшали искусно выдѣланные сфинксы и грифы. Даже въ одеждѣ Скиѳы отличались отъ многихъ другихъ народовъ: они носили туники съ рукавами, саги или малые плащи и широкіе штаны, большею частію изъ тканей, которыя они или сами выдѣлывали, или пріобрѣтали отъ многочисленныхъ Греческихъ поселенцевъ, жившихъ въ землѣ ихъ и на берегахъ Чернаго моря (133).

Оружіе Скиѳовъ состояло изъ сѣкиры, меча, кинжала и лука, который выдающимися впередъ концами отличался отъ луковъ всѣхъ прочихъ народовъ и былъ въ рукахъ ихъ страшнымъ оружіемъ. Убитымъ непріятелямъ они отрубали головы и сдирали съ нихъ кожу съ волосами, которую вѣшали на спинахъ лошадей или употребляли на плащи. Кто послѣ битвы не представлялъ головы непріятеля, тотъ лишался участія въ добычѣ (134).

Сарматы, Аланы и Роксоланы, подобно Скиѳамъ, преимущественно покланялись Марсу, котораго они изображали въ простомъ символѣ

(131) Herod. l. 4. Lucian. in Toxar.
(132) Herod. l. 4, 5. Valer. Flac. l. 6.

(133) Herod. l. 4, 5. Ctesias ap. Photion. Pollux. l. 10. c. 40. Demosth. con. Phorm. Platon. ap. Pink. Strabo l. 7.
(134) Herod. l. 4. Ammian. Marc. l. 22.

меча; въ жертву ему, обыкновенно, убивали коней. Прочіе ихъ религіозные обряды и мнѣнія, вѣроятно, также нисколько не отличались отъ Скиѳскихъ. Сарматы, занимаясь исключительно войной и устремляя свое оружіе туда, гдѣ представлялась имъ добыча, проводили всю жизнь свою или на конѣ, или въ гнусной лѣни. Такъ какъ единственнымъ источникомъ ихъ пропитанія были стада, то жены ихъ, которыхъ они имѣли много, вмѣстѣ съ дѣтьми и прочими домочадцами, жили, въ продолженіи лѣта, на возахъ, покрытыхъ кожей и съ мѣста на мѣсто, гдѣ только были пастбища, перевозившихся волами. Зиму они проводили близь избранныхъ кочевьевъ, въ землянкахъ, покрытыхъ навозомъ и куколемъ. Подобную же пастушеско-кочевую жизнь на возахъ вели Аланы (135).

У Сарматовъ были начальники, которыхъ Римляне, по своему обыкновенію, называли князьями; у Алановъ были даже, такъ называемые, цари, которые предводительствовали ими при переселеніяхъ; но какъ тѣ, такъ и другіе, въ сущности были не болѣе, какъ вожди отдѣльной части народа, съ властью, ограниченной старѣйшинами. Въ мирные начальники или судьи выбирались люди, прославившіеся оружіемъ (136).

Сарматы не сражались пѣшкомъ; для отдаленныхъ и неожиданныхъ набѣговъ, они, въ продолженіе 3-хъ дней, морили голодомъ кладеныхъ коней, послѣ чего проѣзжали до 30 миль въ сутки. Оружіе ихъ состояло изъ лука, стрѣлъ, напитанныхъ ядомъ, длиннаго копья, меча и кинжала за поясомъ. Щита они не употребляли, а доспѣхи и шлемы ихъ дѣлались изъ звѣриныхъ кожъ, или изъ роговъ и лошадиныхъ копытъ, искусно сложенныхъ на подобіе чешуй. Женщины наравнѣ съ мущинами, конныя являлись въ бой; дѣвица дотолѣ не могла выйти замужъ, доколѣ не удалось ей убить хотя одного непріятеля. Тоже самое оружіе и доспѣхи, какіе были у Сарматовъ, употребляли и Роксоланы (137).

Одежда Сарматовъ тѣмъ отличалась отъ одежды другихъ варваровъ, что ихъ широкіе штаны шли отъ бедръ за самыя колѣна: отъ шеи же до пояса они покрывали, совершенно нагое, тѣло плащемъ безъ рукавовъ, стянутымъ на плечѣ спонкой, а спереди открытымъ. Зимою они носили на головахъ капишоны, изъ-подъ которыхъ виднѣлись только глаза и бороды. Женщины, при длинномъ и фалдистомъ платьѣ, носили еще родъ короткой туники, иногда воинскую снуровку, а руки оставляли открытыми до мышекъ; на голову же надѣвали высокій колпачекъ, или чепчикъ, похожій на шлемъ. Всѣ Скиѳскіе народы носили длинные волосы, которые, взъерошенные на головѣ, придавали имъ страшный видъ; оттуда говорили объ нихъ:" Scythae comam nutriunt... flavus ejus color... terribilis." Но объ Аланахъ именно замѣчали, что они носили гораздо короче волоса, нежели Скиѳы (138).

(135) Herod. l. 5. Tacit. Germ. et Ann. l. 1, 2, 3, 4. Plin. l. 4. Pausan. att. c. 21. Amm. Marc. l. 17, 31. Strabo l. 7. Ovid. Tr. Mela l. 2, 3.

(136) Jornand. R. G. c. 50. Amm. Marc. l. 31.

(137) Strabo l. 7. Herod. l. 4. Ovid. de Pont. et Trist. Amm. Marc. l. 17. Mela l. 3. Tacit. Ann. l. 3. Hist. l. 1. c. 2 et l. 3. c. 5.

(138) Lucan. l. 1. Mela l. 2. Clemens Alex. paedag. l. 3. c. 3. Engel. Gest. Traj. Costume Dandré Bard. T. 3. Appian. in Syriac. Lucian. Toxar.

Разсматривая эти свойства народовъ древней Скиѳіи, заключаемъ, что всѣ они происходили отъ одного рода, и что, согласно съ мнѣніемъ Аріана и другихъ, они были соплеменны Германцамъ и Кельтамъ. По крайней мѣрѣ такъ отзывается современный имъ Прокопій въ упомянутомъ выше мѣстѣ о Сарматахъ, Меланхленахъ, Аланахъ, а по этому и о Роксоланахъ, которыхъ Римскіе писатели среднихъ вѣковъ считали однимъ и тѣмъ же народомъ. Іорнандъ, родомъ Готъ, жившій между Аланами, котораго дѣдъ былъ секретаремъ короля ихъ, Кандакса, вездѣ говоритъ объ нихъ, какъ о своихъ соплеменникахъ (139). Сарматы, какъ извѣстно, въ продолженіе многихъ вѣковъ постоянно жили среди Германскихъ народовъ, мѣшались съ ними посредствомъ брака, помогали имъ во всѣхъ ихъ войнахъ и вмѣстѣ съ ними, до совершеннаго уничтоженія собственнаго имени, разсѣялись въ разныхъ походахъ во Ѳракію, Италію, Галлію и т. д. (140). Аланы, живя въ подобной связи съ племенами Германскими, равнымъ образомъ вмѣстѣ съ ними переселились въ Галлію и Испанію (141). Прочіе же, подъ именемъ Россалановъ, по всему вѣроятію, избѣгая ига и притѣсненія Гунновъ, съ появленіемъ которыхъ вдругъ исчезли, перешли изъ сѣверныхъ странъ Понта въ Скандинавію, гдѣ и теперь еще древнѣйшіе сосѣди ихъ, Финны, называютъ ихъ Россалайнами, и откуда они, начиная съ VIII-го вѣка, возвращаясь въ свое отечество подъ именемъ Россовъ, Варяговъ и Алановъ, нападали на разныя страны Востока до самаго утвержденія владычества своего надъ осѣдлыми тамъ Славянами. Согласныя преданія о такомъ переселеніи отъ Чернаго моря подъ предводительствомъ Одина сохраняются и теперь еще во многочисленныхъ сагахъ нынѣшнихъ Скандинавскихъ народовъ (*).

Наконецъ, что касается до, собственно такъ называемыхъ, Скиѳовъ, то намъ извѣстно то только, что, около начала эпохи Христіанской, напали на нихъ Готы изъ западныхъ странъ Вислы. Нѣтъ, однако жь, никакого

(139) Procop. B. V. l. 3. Jorn. R. G. c. 24 et 50. *Карамзинъ* И. Г. Р. т. 1. гл. 6. прим. 128. Stritter. Mem. Russ. Tacit. Hist. Plin. l. 4. c. 12. Lucian. in Toxar. Strabo l. 2. Dio Cass. l. 71. Mela l. 2. Arian. Exp. Alex. l. 1.

(140) Tacit. Germ. Jornand. R. G.; caetera vide not. 17.

(141) Procop. B. G. et Vand. Jornand. R. G. et r. success. Isidor. Chr. Got. et Vand.

(*) Роксоланы были однимъ изъ самыхъ могущественныхъ народовъ древней Скиѳіи. Послѣ споровъ съ Эрманарикомъ, царемъ Остроготовъ, во время которыхъ этотъ царь былъ пронзенъ кинжаломъ однимъ изъ ихъ вождей, во второй половинѣ IV-го вѣка они исчезли съ береговъ Понта. Ни порабощеніе, ни истребленіе ихъ не могло быть причиной этого исчезновенія; ибо война съ столь воинственнымъ народомъ должна была быть громка и упорна, и современники не приминули бы упомянуть о ней. По сему правдоподобнѣе всего, что они сами удалились за предѣлы могущественныхъ въ то время Гунновъ, къ чему полуостровъ Скандинавскій былъ для нихъ самымъ выгоднѣйшимъ убѣжищемъ. Что происхожденіе и имя ихъ не были тайной для древнихъ Арабскихъ писателей, это видимъ, между прочимъ, у Карамзина въ томѣ 1. г. 6. примѣчан. 198, гдѣ Варяго-Руссовъ попеременно называли Аланами. При этомъ намекѣ о Руссахъ нельзя не замѣтить, что характеръ, склонности и обычаи этого народа, вѣроятно, имѣли значительное вліяніе на дѣянія Славянъ, впослѣдствіи подпавшихъ власти его.

слѣда и преданія о томъ, чтобы они были ими истреблены, куда-либо изгнаны, или превращены въ невольниковъ. Слѣдовательно, приходится заключать, что, прибывъ къ народу, бывшему нѣкогда одного съ ними племени, соединились съ нимъ, и что незначительная разница въ ихъ языкѣ и обычаяхъ, скоро исчезла. И въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ собственный народъ Скиѳскій исчезъ, вмѣстѣ съ своимъ именемъ, и нигдѣ уже никто болѣе объ немъ не упоминалъ (*).

Такой конецъ тѣмъ скорѣе могли имѣть всѣ народы, поселившіеся въ Скиѳіи, что они, вѣроятно, не были столь многочисленны, какъ казались на видъ. Большая часть ихъ, ведя пастушескую жизнь, занимаясь войной и схватками, хотя и обнимала обширныя страны, не могла, однако жь, быть ни многолюдной, ни безопасной въ своихъ жилищахъ. Сколько было сужденій въ теченіе столькихъ вѣковъ о могуществѣ Сарматовъ-Языговъ, которыхъ, однако жь, когда они были изгнаны оказалось. не болѣе 300,000 человѣкъ (142)! Тоже можно сказать и объ ихъ соплеменникахъ, равно какъ и о Бастарнахъ, которые скитались у средняго Борисѳена и по обѣимъ сторонамъ Днѣстра. По переселеніи народовъ не нашлось тамъ ни слѣда, ни имени ихъ, вѣроятно, потому, что одни изъ нихъ были истреблены, а другіе соединились съ сродными имъ, племенами Готскими. И это, столь обыкновенное, соединеніе Скиѳскихъ народовъ съ Германскими, равно какъ и скорое ихъ исчезновеніе среди Германцевъ, служатъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что они были одного съ ними племени.

Тѣ, которые хотѣли производить Славянъ отъ Сарматовъ, могли основываться единственно на томъ, что Славяне вышли изъ древней Сарматіи, и что они были тамъ болѣе всѣхъ распространенными. Но это доказательство само по себѣ ничтожно; мы видѣли уже выше, что въ Сарматіи полагали также Эстовъ, Певкиновъ, Венедовъ, Финновъ; однако жь ихъ явно отличали отъ природныхъ Сарматовъ (143). Слѣдовательно, не всѣ народы, поселившіеся въ странѣ, извѣстной надъ именемъ Сарматіи, принадлежали къ ихъ племени. И въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ изъ современныхъ писателей, обращавшій вниманіе на, вновь появившихся, Славянъ, не осмѣлился роднить ихъ, въ какомъ-бы-то ни было отношеніи, съ Сарматами. Напротивъ, самъ Прокопій, имѣя предъ глазами тѣхъ и другихъ и разсматривая природныя ихъ свойства, все таки Сарматовъ причислилъ къ народамъ Германскимъ, а Славянъ оставилъ самимъ себѣ. То еще ничего не доказываетъ, что нѣкоторые изъ позднѣйшихъ Византійскихъ писателей называли иногда Славянъ въ нынѣшней Руси Сарматами; ибо эти же историки и Чеховъ называли Боями, Поляковъ Скиѳами, а разныя Славянскія поколѣнія разъ

(*) Названія Скиѳовъ, Готовъ, Гетовъ, Массагетовъ, Кельтовъ, огреченныя названія Тевтоновъ, Туисконовъ и Арабское Алановъ, вѣроятно, были такими общесинонимическими названіями Кавказскаго русоволосаго племени, какъ названія Эстовъ, Генетовъ, Антовъ, Венетовъ, Венедевъ, Вендовъ, Венновъ, Виндовъ, Вановъ, Винделиковъ, были названіями Славянскаго племени.

(142) См. прим. 62.

(143) См. прим. 27, 28, 29, 30.

Гетами, разъ Гуннами и т. п. (144). Таковыя названія туземцевъ по древнему были весьма обыкновенны въ среднихъ вѣкахъ и считались, нѣкоторымъ образомъ, лестнымъ доказательствомъ учености писателя.

Венедскіе Славяне.

Народы Венедо-Славянскіе природными отличіями, многими качествами и особенностями, совершенно отличались отъ прочихъ древне-Европейскихъ племенъ. Мы видѣли уже, что большая часть этой земли была заселена народами, имѣющими русыя волоса, бѣлую кожу и голубые глаза; что только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ сосѣдствѣ съ ними находились особыя племена съ черными волосами, такими же глазами и смуглымъ тѣломъ. Но современникъ Славянъ, Прокопій, такъ изображаетъ намъ ихъ: „Sclavini et Antequin etiam nec corporis forma inter se differunt; nam prolixiori statura sunt omnes, et viribus plurimum valent. Corporum vero et comarum colore nec candido admodum, nec rutilo, nec in nigredinem omnino vergenti, sed subrutilo magnopere sunt (145).“

Изъ этого описанія видно, что въ эпоху выступленія своего всѣ Славяне были сходны между собою и, слѣдовательно, не смѣшаны съ чужими племенами; они были рослы и сильны, и имѣли волоса ни черные, ни русые, но темные, съ которыми соединяются, обыкновенно, глаза сѣрые, то есть, голубые съ примѣсью сѣраго, и цвѣтъ тѣла румяный. Этими природными свойствами еще и въ наши времена отличаются всѣ вообще Славянскіе народы, не смотря на климатъ и разстояніе, отдѣляющее однихъ отъ другихъ. Даже тѣ, которые давно потеряли свою народность и языкъ, доселѣ сохранили печать своего племени; кто внимательно всмотрится въ жителей многихъ окрестныхъ странъ Австріи, Баваріи, Тироля, Франконіи, Фульды, Саксоніи, Бранденбурга и т. д., то по глазамъ, волосамъ, нѣкоторымъ обычаямъ и качествамъ, легко узнаетъ въ нихъ древнихъ Славянъ.

Выше упомянутый Прокопій такъ описываетъ ихъ характеръ: „Ingenium ipsis (Sclavinis) nec malignum, nec fraudulentum, et cum simplicitate mores hunnicos servant.“ Простота нравовъ безъ всякой злости, откровенность, тихость и человѣколюбіе составляли отличительное свойство народовъ Славянскихъ; ихъ религія, права, нравы и самый образъ жизни, вездѣ были полны того же духа. „Sclavi,“ замѣчаетъ, между прочимъ, императоръ Маврикій, „sunt quoque adversus peregrinos benigui, magnoque strudio servant incolumes, salvosque de uno loco in alium deducunt, quo necesse habent; ut et si per incuriam ejus, qui servare talem debet, accidat, ut damno peregrinus afficiatur, bellum ipsi inferat vicinus ejus, pietatem arbitratus sic ulcisci peregrinum.“ Это гостепріимство, съ какимъ они принимали даже чужестранцевъ; эта добросовѣстность, съ какой каждый заботился объ ихъ безопасности и, въ случаѣ нужды, требовалъ удовлетворенія за ихъ обиду, могли происходить отъ одной только врожденной доброты; потому что писатели разныхъ странъ, спустя 500 лѣтъ послѣ Маврикія, единогласно повторяютъ тоже самое. Они утверждаютъ, что

---

(144) Stritt. Scrip. Byzan. Chalcocond, p. 17. Teophanes p. 299. Cinnam. p. 47. Anon. Ravenn. l. 1.

(145) Procop. B. Got. l. 3.

трудно найти народъ, болѣе честный, вѣрный, кроткій, учтивый и гостепріимный, какъ Славяне; что они имѣютъ обыкновеніе дѣлиться послѣднимъ съ своимъ и даже съ чужимъ. Проповѣдники Христіанской вѣры, которые съ умысломъ искали у Славянъ мученическаго вѣнца, съ прискорбіемъ возвращались отъ нихъ, будучи не въ состояніи достигнуть этой почести. Когда, побуждаемые ревностію, они бросались жечь ихъ капища, или рубить кумиры, народъ, вмѣсто гнѣва или мщенія, съ сожалѣніемъ только, или съ громкимъ хохотомъ, удалялъ ихъ отъ себя. Вообще, у всѣхъ Славянъ характеръ былъ сострадательный, свободный и веселый. Сказанное бандуристами, посланными къ хагану отъ Поморскихъ поколѣній къ Восточному императору, можно примѣнить ко всѣмъ Славянамъ, т. е., что, не занимаясь оружіемъ, они предпочитали всему спокойствіе, увеселенія и музыку. Обходительность, забавы, веселость, подгулять съ гостемъ, были какъ тогда, какъ и теперь, по большей части отличительными чертами ихъ характера (146).

Славянскій языкъ есть языкъ самостоятельный и не происходитъ ни отъ одного языка Европейскаго. Сколко послѣ долгихъ вѣковъ и неизбѣжныхъ перемѣнъ можно судить по его словосочиненію, звукамъ и множеству корней, кажется, что онъ есть непосредственный отпрыскъ того первоначальнаго языка, отъ котораго произошелъ Индѣйскій, извѣстный теперь подъ именемъ Санскритскаго. Хотя въ немъ, при сходствѣ спряженій, находится не мало словъ, общихъ съ древними языками, Греческимъ, Латинскимъ, Кельтскимъ и Германскимъ, однако одни изъ нихъ должно разсматривать, какъ происходящія отъ первоначальнаго источника бо́льшей части языковъ Европейскихъ, а другія, какъ заимствованныя во время продолжительныхъ сношеній съ другими народами. Ученые изыскатели, безъ сомнѣнія, укажутъ со временемъ: чье словосочиненіе и рѣчь обогатились и усовершенствовались: Славянское ли рѣчью Греческой и Латинской, или же, наоборотъ, послѣднія Славянской, и которая изъ нихъ сохранила болѣе памятниковъ первобытной рѣчи (147).

Не вникая въ подробности достоинства Славянскаго языка, упомянемъ только, что въ IX вѣкѣ, во времена общаго мрака и бѣдности прочихъ живыхъ Европейскихъ языковъ, языкъ Славянскій своимъ построеніемъ, силой и обиліемъ до такой степени уже

(146) Procop. l. cit. Eckh. rer. Francon. T. 1. p. 197. Mauric. Strateg. l. 2. Cantacus. T. 2. p. 190. Paul. Warnefr. l. 4. c. 39. Ad. Brem. l. 2. Helm. l. 1 et 2. Theophilact. l. 6. c. 2. Cedren. T. 2. p. 667. Sefrid. V. S. Ott. l. 3. c. 7, 11, 23. And. Ab. V. S. Ott. l. 2. c. 1. et l. 3. Несторъ, стр. 83. Saxo Gr. l. 14. Avent. ann. Bojor. Vita. S. Columb. ap. Asseman. T. 2. Fortis Viag. Dalm. Micrael. l. 2. §. 69, 72. Engel. Gesch.

(147) Langlé Catal. Samscr. Freret Orig. Graec. T. 1. p. 285. et Mem. d'Inscr. T. 21. Dobrowski Gram. Star. Slow. Czes. Kopczyn. O jez. Pols. Linde Slow. Pol. et Etym. A. F. Kucharski M. S. o jez. Seskr. i Slow. Majewski O poez. Slow. Fra Paoli Ind. Levesq. T. 1. H. Rus. J. Potocki H. prim. Linhart. G. v. Krain. Maffei Ant. et Dyplom. Orzechowski Ann. Pol. p. 6. Pelzel Ges. Böhm. T. 1. p. 17. Dolci et Appendini Lingu. Illyr. Gelen Lexic. Symph. Hoffm. Ling. pol. Thunm. Oestl. Völ. Schlöz. Nörd. G. 2. kap. Rechberg. Obser. lang. Rus. Michanowich Vien. Arch. pro Jun. A. 1823. Rakowiecki Praw. Ruska T. 1. p. 227. и T. 2. p. 153.

равнялся съ языками образованными, что былъ въ состояніи передать красоты всего Священнаго Писанія съ точностью, которая до сихъ поръ не требуетъ поправокъ. До XV-го вѣка, какъ сказано выше, онъ былъ еще въ употребленіи во всей Германіи; потому-то императоръ Карлъ IV въ своей золотой буллѣ возлагалъ обязанность на всѣхъ князей Нѣмецкой имперіи, чтобы ему, какъ существенно необходимому, обучались съ юныхъ лѣтъ. Теперь онъ распадается на многія нарѣчія, которыя, по причинѣ великаго распространенія народовъ Славянскихъ и ихъ сосѣдства съ чужими, значительно рознятся между собою (148).

О Религіи древнихъ Славянъ мы имѣемъ слѣдующее преданіе, сохраненное Прокопіемъ: „Sclavini et Antae unum deum fulguris effectorem, dominum hujus universitatis solum agnoscunt, eique boves et cujusque generis hostias immolant. Fatum minime norunt, nedum illi in mortales aliquam vim attribuunt; ut cum sibi vel morbo correptis, vel praelium ineuntibus jam mortem admotam vident, deo vovent; si evaserunt, continuo victimam pro salvo capite mactaturos; elapsi periculo, quod promisere, sacrificant, eaque hostia vitam sibi redemtam credunt. Sylvas praeterea et fontes colunt, et alia quaedam numina, hisque sacrificia peragunt, et intra sacrificandum vaticinantur (149).“

Изъ этого свидѣтельства видно, что Славяне признавали одного всевышняго Бога, единаго владыку всего міра; что, для показанія чрезмѣрнаго и страшнаго его могущества, вооружали его перуномъ; что въ жертву ему приносили рогатый скотъ и другаго рода звѣрей. Кромѣ того, они покланялись разнымъ идоламъ нисшаго разряда, и изъ приносимыхъ имъ жертвъ гадали, исполнятся ли ихъ желанія. Этимъ божествамъ они посвящали рощи, источники и воды. Приписывая все предопредѣленію боговъ, они, во всякой угрожающей опасности или болѣзни, дѣлали имъ обѣты, и, какъ скоро зло миновало, тотчасъ оныя исполняли.

Такія правила религіи сохраняли Славяне до XII-го вѣка. Писатели того времени говорятъ тоже самое, т. е., что Славяне надъ многими божествами разной степени, которымъ посвящали рощи, дубравы, воды и источники, признавали одного верховнаго, завѣдывавшаго небомъ. „Slavi habent unum deum in caelo imperantem caeteris.... hic caelestia tantum curat (150).“

Кромѣ божества грома, Греческіе писатели не упоминаютъ о другихъ божествахъ, которыхъ почитали Славяне; также не говорятъ, въ какихъ видахъ они изображались. Эти подробности легко могли быть пропущены Прокопіемъ и современными ему писателями, частью потому, что языческія религіи вообще всѣ были сходны между собою, частью же потому, что Славяне, странствуя въ то время, не имѣли довольнаго досуга для сооруженія своимъ богамъ храмовъ и кумировъ. Изъясненіе этихъ сомнѣній было предоставлено позднѣйшимъ писателямъ; свидѣтельства ихъ и оставшіеся памятники показываютъ, что какъ самая религія Славянская, такъ и боже-

---

(148) Avent. v. not. 57. Ломоносовъ. Т. 1. Dobrowski Slow. Gram. и Gesch. d. Böh. Spr. Uwagi nad jez. Ross. S. Petersb. 1825. Rakowiecki Prawda Ruska. Linde Slow.

(149) Procop. B. G. l. 3.

(150) Helmold. Chr. Slav. l. 1, 2. Dittmar. l. 1. Saxo Gr. l. 14. Script. v. S. Ott.

ства и ихъ образы носили еще неизгладимый первобытный типъ, и что она принадлежала къ разряду тѣхъ религій, которыя предшествовали испорченной религіи Грековъ, Римлянъ и другихъ народовъ.

Такъ какъ въ религіи Славянской замѣтно нѣкоторое сходство съ Индѣйской, то нѣкоторые писатели хотѣли ее непосредственно вывести изъ Индіи. Мы уже выше упомянули, что всѣ древнія религія имѣли много остатковъ общаго нѣкогда имъ всѣмъ источника; но откуда, когда и кѣмъ онѣ распространены были по земли, того рѣшительно никто не запомнитъ. Самое разительное сходство религіи Славянской съ Индѣйской находится въ изображеніяхъ боговъ со многими головами; но кто бы хотѣлъ по этимъ слѣдамъ искать начала ея въ Индіяхъ, тотъ долженъ бы былъ равнымъ образомъ искать тамъ происхожденія также Египетской, Персидской, Греческой, Римской, Кельтской и многихъ другихъ. Не одни лишь Славяне изображали свои божества въ чудовищныхъ формахъ съ головами животныхъ, или со многими головами: всѣ народы древняго міра дѣлали тоже самое. Какъ у Индѣйцевъ главное божество имѣло 4 головы, Багаведи или луна 3, Картигея, богъ войны, 6, такъ равнымъ образомъ Персы давали, между прочимъ, своему Митрѣ или солнцу 3 головы или лица, божеству луны также 3; Египтяне солнцу подъ видомъ Сераписа 3; Греки Кекропсу, 2, Этруски и Латины Янусу 2, а иногда 4, Гекатѣ 3. Кромѣ Индѣйцевъ, Персы также, при видѣ человѣческомъ, давали Митрѣ крылья и голову льва; Египтяне Серапису головы львиную, волчью и собачью; равнымъ образомъ своему Меркурію собачью, Юпитеру Аммонскому баранью, Изыдѣ голову скотины и т. д. Японцы до сихъ поръ изображаютъ божество брака въ видѣ женщины съ собачьей головой. Собака была обыкновеннымъ символомъ привязанности и неизмѣнной вѣрности (151). Мы видѣли уже, что Кельты, точно какъ и Славяне, до распространенія Христіанства изображали божества со многими головами. Гностики и Базилидіяне со второго вѣка были самыми ревностными защитниками животно-чудовищной Символологіи, на коей основывали свою таинственную науку (152).

Кто только разсмотритъ подлинныя изображенія божествъ Индѣйскихъ и сравнитъ оныя съ Славянскими, тотъ найдетъ между ними такія разницы, коихъ ни коимъ образомъ нельзя согласить. Чудовищность Индѣйскихъ боговъ въ видѣ, сложеніи, осанкѣ и безчисленныхъ символахъ была доведена до самой высшей степени вымысловъ необузданнаго воображенія; напротивъ Славянскіе кумиры носили еще печать простаго соединенія первобытныхъ символовъ.

Славяне дѣлили свои божества на добрыя и злыя; первыя называли бѣлыми, вторыя черными или чертями. Древности Прильвицкія показываютъ намъ, что одно божество бывало добрымъ и злымъ; что первыя часто вылиты были изъ желтаго металла, а вторыя изъ бѣлаго. По-

(151) Macrob. Saturn. l. 1. Jul. Firm. De err. relig. c. 5. Eneid. l. 4. Fra Paoli Viag. al. Ind. part. 1. c. 6, et par. 2. c. 7, 9. Jablonski Panth. Egip. Montf. Ant. T. 1. par. 1, 2. Relig. d. Gaul. l. 1. c. 3, et l. 2. c. 11, 15, 32. Caylus Ant. Westph. T. 4. p. 337. Picart Idolatr. T. 2. p. 337.

(152) Montfau. et Cayl. Anti. Jablonski Panth. Relig. d. Gaul. l. c.

добное несходство, которое многимъ показалось противорѣчащимъ и свойственнымъ одной только Славянской религіи, находилось и въ другихъ религіяхъ. Такъ у Грековъ и Римлянъ, между прочимъ, Геката trivia была то coelestis, то terrestris, то infernalis; въ древнихъ памятникахъ часто находимъ Изиду, Юнону, Венеру, Меркурія, Марса и т. д., съ надписью infernalis; Индѣйцы, Персы, Египтяне и Норманны, подобно Славянамъ, дѣлили свои божества на добрыя и злыя; первыя тоже вылиты были изъ желтаго металла и назывались бѣлыми, вторыя изъ бѣлаго металла и назывались черными (153).

Исчисленные нами и многіе, имъ подобные, слѣды общихъ свойствъ древнихъ религій позволяютъ намъ съ достовѣрностью догадываться, что, между прочимъ, Аполлонъ Греческій, Беленъ Кельтскій, Бѣлбогъ, небо, душа и рай Славянскіе, суть одного и того же происхожденія съ Беломъ Сирійскимъ, изображающимъ солнце, съ небомъ, означающимъ у нихъ луну, и съ раемъ — роскошнымъ садомъ; съ Будой, главнымъ божествомъ, Вишной, высочайшимъ существомъ Индѣйцевъ; съ Дуси — духами мучащими, или имѣющими сношеніе съ живущими людьми (Вампиры, incubi) Кельтовъ и т. д. (154).

Главнѣйшія божества Славянскія, названія, описаніе и изображенія коихъ дошли до нашего свѣдѣнія, суть слѣдующія: Перунъ, Прове, Святовидъ, Радогостъ, Дѣва, Триглавъ, Ругевидъ, Геровидъ и Поренутъ. Хотя однѣ и тѣже божества были изображаемы различно, и хотя о собственномъ первобытномъ значеніи ихъ мы не имѣемъ достовѣрныхъ извѣстій, однако жь изъ нѣкоторыхъ символовъ, принадлежностей и особенныхъ обрядовъ, можно объяснить многія сомнѣнія. У позднѣйшихъ Восточныхъ писателей находимъ вообще одни только намеки о поклоненіи Славянъ Аполлону, солнцу и огню (155). Такъ какъ изслѣдованіе этого предмета не входитъ въ составъ этого сочиненія, то, ограничиваясь однимъ только показаніемъ главнѣйшихъ видовъ божествъ, предоставимъ читателямъ и отдѣльному разсужденію сравнить ихъ съ тѣми, которые объяснены въ другихъ языческихъ религіяхъ.

О Перунѣ, главномъ божествѣ, повелѣвающемъ громомъ, знаемъ изъ современныхъ преданій то только, что его изображали въ человѣческомъ видѣ, и что онъ въ рукѣ держалъ огненную стрѣлу. Названіе его происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ *pyr*, *pyron*, огонь, огненный, *bronte*, громъ, слова, которыя сохранились въ языкѣ Греческомъ и служили прозваніемъ Юпитеру (156).

Все доказываетъ, что Прове Славянъ Заодерскихъ, называемый также Проне, Пороне, былъ не что иное, какъ Перунъ, такъ прозванный по причинѣ приданныхъ ему особенныхъ свойствъ, наблюденія за наказаніемъ и справедливостію. Въ древно-

(153) Jablonski Panth. Egip. part. 2. l. 5. Fra Paoli V. al. Ind. parte 1 et 2. Edda p. Resen. part. 1. myt. 15. Montfauc. Ant. Relig. d. Gaul. Apul. l. 11. Masch. Alt. d. Obotr. J. Potocki V. en Saxe.

(154) Bayli Hist. d'Astr. ecclair. l. 4. Fra Paoli V. al. Ind. par. 1 et 2. Servius ad Eneid. 1. Virgil. Schlöz. Allg. nörd. Ges. 2. Kapit. p. 275. Sched. Syngr. 1. c. 7. Banier part. 2. l. 1. c. 11.

(155) Cynnamus ad a. 1147. Norberg. Geogr. Or. par. 1. p. 513. Chalcocond. p. 222.

(156) Nest. Chr. p. 97, 267. Guagnin. Sarm. p. 82. Apuleus l. 1.

стяхъ Прильвицкихъ онъ изображенъ въ видѣ человѣка, держащаго въ лѣвой рукѣ орудіе, похожее на лемешь (сошникъ). Въ припискахъ къ Гельмольду Прове также представленъ въ человѣческомъ видѣ, съ длинными ушами, похожими на лошадинныя, съ короной на головѣ, въ правой рукѣ коего острое, какъ бы раскаленное, желѣзо (ferum rubrum et candens), въ лѣвой же, прикрытой щитомъ, копье съ хоругвой. Весь его видъ представленъ какъ бы на бѣгу, и одной ногой онъ, кажется, двигаетъ передъ собой гремушку (tintinabulum). Въ рощахъ, ему посвященныхъ, въ назначенные дни производились обыкновенные обряды и судъ, состоявшій изъ мѣстнаго жреца, начальника поколѣнія, и избраннаго старшины (157).

Саксонъ, очевидный свидѣтель, такъ описываетъ намъ Святовида Арконскаго: статуя его изъ дерева исполинскаго вида, на 4 шеяхъ имѣлъ онъ столькоже головъ, обращенныхъ на 4 страны свѣта. Волоса на головахъ и бородахъ его, по обычаю Славянъ, были подстрижены. Въ правой рукѣ онъ держалъ рогъ изъ металла, въ лѣвой лукъ съ стрѣлой, направленной въ сторону. Короткая одежда его, доходившая только до колѣнъ, съ удивительнымъ совершенствомъ была сдѣлана изъ разнаго рода дерева. Близъ статуи былъ положенъ огромный мечь въ богатыхъ ножнахъ, далѣе сѣдло на священнаго коня, узда и разная утварь для прислуги божеству. Пурпуровыя занавѣски закрывали внутренность капища. Между древностями Прильвицкими находятся малыя статуи Святовида объ одной головѣ, иногда съ лучами; на груди прекрасныя головы плѣшиваго старца съ длинной бородой; одежда его до колѣнъ; нѣкоторыя изъ нихъ вооружены (158).

Радогоста, обыкновенно, представляютъ въ человѣческомъ видѣ, съ пріятнымъ лицемъ, нагаго, съ птицей на головѣ и съ выказывающимся символомъ плодородія. Въ Ретрѣ, гдѣ было прекрасное его капище и статуя, литая изъ золота, стоявшая на престолѣ, покрытомъ пурпуромъ, онъ держалъ въ одной рукѣ копье, а другой подпиралъ на своей груди голову вола или дикаго быка съ рогами, загнутыми въ полъ-луны. Мы не имѣемъ ни одного Славянскаго божества въ столь различныхъ видахъ, какъ Радогоста; часто придавали ему голову льва, а кажется и птицы; называли его также львaрадзичемъ (159).

Сѣба или Дѣва изображалась въ видѣ миловидной женщины, нагой или совершенно съ головы до ногъ окутанной въ одежду. Иногда давали ей собачью голову, или на человѣчьей помѣщали собаку или обезьяну. Древніе лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что Сѣва Ратиборская, въ нынѣшнемъ Великомъ Герцогствѣ Меклембургскомъ, представляла прекрасную нагую женщину, съ длинными волосами, широко распущенными по плечамъ, съ головой, увѣнчанной лавромъ, или буксомъ; въ опущенной правой рукѣ она держала яблоко или гранатъ, въ лѣвой же, поднятой до плечь, виноградъ съ листь-

(157) Helmold. l. 1. c. 25, 83. Botho ad Helm. l. 1. c. 53. J. Potocki V. en Saxe; fig. 12. Masch. Alt. d. Obotr. Chron. Slav. ap. Lindenbr. c. 18.

(158) Saxo Gr. l. 14. Masch. Alt. d. Obotr. §. 143, 153. J. Potocki V. en Saxe.

(159) Adam Brem. H. eccl. l. 2. Dittm. l. 4, 6. Helmold. l. 1, 2. Masch. Alt. d. Obotr. J. Potocki V. en Saxe.

ями (*). У Монфокона находится подобная Венера Кельтовъ, которая въ одной рукѣ держитъ виноградъ, а въ другой колосья (160).

Божество, извѣстное подъ именемъ Триглава, имѣло 3 человѣческія головы, изъ которыхъ одна смотрѣла вверхъ, а двѣ внизъ. Статуя его въ Штетинѣ была изъ золота, лица покрывалъ занавѣсъ, тканый также изъ золота. Ему приписывали господство на небѣ, на земли и подъ землею. Какъ Святовиду была посвящена бѣлая, такъ Триглаву черная лошадь, которую всегда содержали при капищѣ (161).

Ругевида изображали въ видѣ исполина, съ 7 головами на одной шеѣ, иногда подъ однимъ черепомъ. На поясѣ его висѣло 7 мечей, а осьмой, поднятой вверхъ, держалъ онъ въ правой рукѣ. Онъ представлялъ собой Славянскаго Марса; и въ самомъ, дѣлѣ, весь видъ его былъ грозенъ и ужасенъ. Это божество между Прилвицкими древностями находится только съ 6 головами различнаго возраста; на груди онъ держитъ голову льва (162).

Геровидъ или Поревидъ изображаемъ былъ съ 5 лицами (163).

Поренутъ съ 4 головами, на груди имѣлъ 5-тую, которой чела прикасался лѣвой, а бороды правой рукой. Этому божеству приписывали власть наказывать прелюбодѣяніе (164).

Множество божествъ Славянскихъ, объ которыхъ упоминаютъ еще другіе писатели, какъ-то: Ессенъ, Нія, Ладонъ, Дѣванна, Моранна, Баровидъ, Волосъ, Красопани, Стрыбъ, Горшъ, и т. д., безъ сомнѣнія, отличались отъ вышеописанныхъ одними только своими именами (165).

Славяне строили своимъ божествамъ многочисленные храмы, называемые Континами; нѣкоторые изъ нихъ снаружи были украшены живописью и барельефами рѣдкаго совершенства, а внутри, за богатыми занавѣсами, стояли многочи-

(*) Эту богиню Норманны Скандинавскіе взяли отъ Вановъ или Славянъ въ знакъ примиренія и, сочетавъ бракомъ съ Торомъ, называли ее Wana-Sif, Sifna или Фрея прекрасноволосая, съ полулуной на головѣ. Ей приписывали силу возжигать любовь. „Sif pulchricoma, benignissima valde curat amorem conciliari inter viros et mulieres.“ Въ колесницу ея запрягали двухъ котовъ. Рунами писали ея имя Сѣба или Тсиба, что въ выговорѣ звучало Сива или Дзѣва; потому что Славяне въ своихъ рунахъ, подобно Грекамъ, вмѣсто *в* употребляли *б*. Другое божество, принятое отъ Вановъ, подъ именемъ Ніорда, такъ описываютъ древнія преданія Норманновъ: „regit ventum, pluvias, mare, ignem splendoremque solis; bona et fortunas sibi devotis distribuit, quia locuples est. Non est ex Asarum genere, sed in Vanaheimo educatus. Nam Vani eum diis obsidem dederunt, et ab allis alium Haenerem nomine receperunt; et sic per eos inter Deos et Vanos reconciliatio facta est.“ Далѣе утверждали, что Ніордъ управлялъ на небѣ, а не въ Асгардѣ или въ Валгалѣ Норманновъ, что тамъ отъ него родилась Фрея или Сива. Edda Resen. Myth. 21, 22, 30. etc id. not. ad Edd. part. 2. Graberg Scandinav. p. 106.

(160) Schol. ad Helmold. l. 1. c. 52. Moller. Masch Alt. d. Obot. J. Potocki V. e. Sax. Montf. Ant. T. 1. p. 102.

(161) An. abh. V. S. Ott. l. 3. Sefr. et Anonym. V. S. Ott. Masch Alt. f. 10. Sched. sing. 3.

(162) Saxo Gr. l. 14. J Potocki V. en Saxe. fig. 11.

(163) Andr. ab. V. S. Ott. l. 3. Saxo Gr. l. 14.

(164) Saxo Gr. l. 14.

(165) Dlugosz l. 1. Guagn. Sarm. p. 9. Miechow. Chr. l. 2. Arnold. p. 5. Stredow. Morav. Sacr. Stranski Bohem. Карамзинъ И. Г. Р. т. 1. Script. v. S. Ott. Поповъ, Ломоносовъ, и т. д.

сленныя и различной величины статуи изъ золота и другихъ металловъ (*). Главныя капища, гдѣ, обыкновенно, происходили народныя совѣщанія, легко могли дойти до такаго великолѣпія и богатства; потому что извѣстная часть военной добычи была имъ посвящаема, и богатые, подобно какъ у Грековъ, хранили тамъ свои сокровища и драгоцѣнные камни. Святовидъ Арконскій, который славился во всей Славянской землѣ и которому даже чужестранные цари присылали дары, имѣлъ, кромѣ того, 300 всадниковъ, кои служа ему исключительно, приносили къ нему всю свою добычу. Норманны и другіе чужестранцы, пристававшіе къ берегамъ Арконы для торговли или ловли сельдей, также обязаны были приносить ему извѣстные дары. Во время мира при главномъ божествѣ поколѣнія хранились военныя народныя знамена, бывшія у нихъ въ религіозномъ уваженіи. Контины, рощи, источники, и другія мѣста, посвященныя богамъ, вмѣстѣ съ своимъ округомъ, были у нихъ въ чрезвычайномъ почтеніи; кромѣ дней торжественныхъ и совѣщательныхъ, никому не позволялось приближаться къ нимъ. Однако, въ опасности, грозившей здоровью или жизни, всякій, свой либо чужой, даже врагъ, могъ, въ какое бы ни было время, искать тамъ для себя убѣжища, и былъ совершенно неприкосновеннымъ (166).

При каждомъ капищѣ находился особый жрецъ, который, вопреки народнымъ обычаямъ, носилъ длинные волосы, отпущенную бороду, а на головѣ низкую шапку. Онъ былъ обязанъ назначать торжественные дни, исполнять обряды при приношеніи жертвъ, прорицать именемъ божества, гадать, смотрѣть за неприкосновенностью священныхъ мѣстъ, имѣть попеченіе о неугасимомъ огнѣ и о посвященномъ богу конѣ; наконецъ, его обязанностью было молить боговъ о ниспосланіи народу своихъ благъ и не наказаніи его своимъ гнѣвомъ. Эти жрецы различались въ своихъ степеняхъ и уваженіи; нѣкоторые пользовались большей честью нежели самые начальники и князья народа (*) (167).

(*) Мнѣніе по коему Контины происходили отъ gat, gaty, не стоитъ упоминанія. *Конъ*, какъ показываетъ Русская Правда, означало у древнихъ Славянъ мѣсто собранія суда и совѣщаній старѣйшинъ; права и постановленія называли закономъ. Имя Контина тѣмъ достовѣрнѣе происходило отъ Конъ, что, какъ въ священныхъ рощахъ, такъ и въ капищахъ совершались народные обряды. У Поляковъ сидѣть въ конѣ припоминаетъ, вѣрно, наказаніе, производимое нѣкогда передъ Кономъ, или Континой, а теперь передъ церквой.

(166) Adam. Brem. l. 2. Helmold. Chr. Slav. Dittmar. Saxo Gr. l. 14. Scrip. v. S. Ott. Несторова лѣтопись стр. 267. Правда Русская.

(*) Мы не знаемъ навѣрное, какъ Славяне называли своихъ жрецовъ. Если ихъ называли *Knes*, какъ можемъ догадываться, то это послѣднее, мало отличаясь отъ названія жрецовъ Кельтическихъ и Германскихъ, *Sines*, могло происходить отъ одного корня съ Латинскимъ *senex*, старикъ, по Персидски мудрецъ. Такъ какъ жрецы Славянскіе были истолкователями законовъ, учеными и пользовались большимъ уваженіемъ, чѣмъ Жупаны и др. начальники народа, потому, съ перемѣной религіи и правленія, название *Knes*, Князь, легко могло перейти на послѣднихъ, какъ заступающихъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, мѣсто прежнихъ жрецовъ. *Kniar* у древнихъ Норманновъ означало человѣка, который достигъ значенія и уваженія.

(167) Helmold. l. 1. Dittm. l. 1. Saxo Gr. l. 14. Script. v. S. Ott. Relig. d. Gaul. l. 1. c. 22.

О вѣрѣ Славянъ въ явленіе своихъ боговъ, можно заключать изъ того, что когда Вологостане, жившіе за Одрой, хотѣли принять Св. Крещеніе, то переодѣтый жрецъ, явившись въ рощѣ, въ видѣ Геровида, такъ говорилъ къ проходящимъ: „Я покрываю поля плодородіемъ, а деревья украшаю вѣтвями и листьями.... жатва земли, растенія, родъ звѣрей и все, чѣмъ питаются люди, находится въ моей власти; все это даю почитающимъ меня, и отнимаю у тѣхъ, которые пренебрегаютъ мною. Идите и скажите Вологостанамъ, чтобы они не принимали чужаго бога, который не принесетъ имъ никакой пользы; пусть не терпять проповѣдниковъ чужой вѣры, которые къ нимъ намѣрены прибыть (168)!"

На главныя народныя празднества собирался весь народъ обоего пола, вмѣстѣ съ дѣтьми, въ посвященныя мѣста; тамъ убивали рогатый скотъ, овецъ и другихъ животныхъ. Жрецъ, взявъ нѣсколько крови въ чашку, сперва гадалъ, а потомъ становилъ ее передъ божествомъ, какъ жертву. Во все это время народъ съ покорностію стоялъ въ глубокомъ молчаніи. Потомъ варили мясное для собравшагося народа, который остальную часть дня проводилъ въ пиршествѣ, забавахъ, увеселеніи и пляскѣ. Славяне отправляли въ годъ четыре большія празднества, то есть: въ концѣ декабря, въ началѣ весны, въ іюнѣ и по окончаніи жатвы. Это послѣднее, между прочимъ, Ругіяне праздновали слѣдующимъ образомъ: народъ собирался отовсюду вокругъ капища Святовида, какъ виновника урожая. Тамъ жрецъ, взявъ изъ рукъ божества рогъ, наполненный за годъ виномъ, предсказывалъ по нему изобиліе или недостатокъ въ будущій годъ. Потомъ, давая народу приличное наставленіе, возвѣщалъ ему, щедрой ли рукой онъ долженъ употреблять собранную жатву, или бережливо, въ ожиданіи недостатка. Подъ конецъ, положивъ обратно этотъ рогъ, наполненный свѣжимъ виномъ, въ руки божества, онъ скрывался за огромнымъ колачемъ или хлѣбомъ, испеченнымъ на меду, и спрашивалъ, закрываетъ ли онъ его, и, получивъ отвѣтъ, молилъ его еще о бо́льшемъ для будущаго и о всякомъ благополучіи для народа и всей страны (169) (*).

Съ наступленіемъ весны было отправляемо празднество въ честь Геровида: вокругъ того мѣста, гдѣ собирался народъ, разставляли по полямъ небольшія знамена. Въ началѣ лѣта празднество происходило при высокомъ столбѣ, на вершинѣ котораго водружалось копье. Подобные столбы и при нихъ религіозные обряды были также у древнихъ Ѳракійцевъ, именно Коралловъ, и у Германцевъ, называвшихъ оныя Ирменсулъ. Нѣкоторые думали, что они сооружались въ честь божества войны; но вѣроятнѣе, что они имѣли значеніе, относящееся къ лѣтнему повороту солнца (170).

Въ главныхъ дѣлахъ народныхъ, въ важныхъ предпріятіяхъ, Славяне

---

(168) Anonym. V. S. Ott. l. 3. c. 5.

(169) Saxo l. 14. Helmold. l. 1. Sulzer G. v. Walach. Dittm. l. 1. Vita S. Otton.

(*) У Пруссовъ было подобное празденство послѣ жатвы: хлѣбъ посвященный называли Кархо, который ломали и раздавали народу. Hartknoch. Privil. Prus.

(170) Andr. Ab. V. S. Ott. l. 3. c. 1 et 3. Valer. Flaccus l. 6. c. 5. Witichind. l. 1. Adam Br. Histor. Eccl. l. 1. c. 6. Stryjkowski Sarm. p. 79.

не предпринимали ничего не освѣдомившись предварительно о волѣ боговъ. Эту волю объявляли имъ жрецы, гадая по крови жертвъ, или другимъ знакамъ. Когда готовились къ войнѣ, то обыкновенно перегоняли посвященную лошадь чрезъ копья, воткнутыя отлого накрестъ, и по ея шагамъ предсказывали счастливыя или несчастныя послѣдствія предпринимаемаго похода. Въ менѣе важныхъ вопросахъ гадали по разбросаннымъ прутьямъ, обрѣзаннымъ съ одной, и цѣлымъ съ другой, стороны. Чтобы испросить помилованіе у божества, они имѣли обыкновеніе звонить во всѣ колокола (171).

Мнѣнія нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей, будто бы Славяне, подобно другимъ древнимъ народамъ, убивали людей въ жертву своимъ богамъ, неосновательны. Никто не зналъ ихъ ближе, лучше и больше, какъ Греки и Итальянцы; однако, въ множествѣ дошедшихъ до насъ преданій объ нихъ, мы не только не находимъ ни малѣйшаго намека на это, но даже слѣда. Если Іорнандъ и Прокопій не могли умолчать о подобныхъ жертвахъ у отдаленныхъ Скандинавовъ, то, безъ сомнѣнія, не оставили бы ихъ безъ вниманія и у Славянъ, которыхъ описывали въ собственной странѣ и подробнѣе другихъ народовъ. Одинъ только Дитмаръ, извѣстный явнымъ недоброжелательствомъ къ нѣкоторымъ сосѣднимъ Славянамъ и уличенный во многихъ на нихъ клеветахъ, говоритъ, что Радогосту Ретрскому приносили въ жертву скотъ, а иногда и людей. За нимъ повторилъ тоже самое, прилежный его переписчикъ, Гельмольдъ, прибавивъ, „hominem christianum," и никто болѣе. Всѣ прочіе современники, начиная съ Эгингарда, Константина, Анны Комниной, Витикинда, Адама Бременскаго, Саксона Грамматика, сочинителей житія св. Оттона, Бернарда, св. Бенона и т. д., которые знали коротко языческихъ Славянъ, посѣщали ихъ страны, описывали божества, обряды, выставляли всѣ недостатки и пороки, совершенно не упоминаютъ у нихъ объ этомъ родѣ жертвъ. Если же и случалось, что въ возмущеніяхъ противъ Даковъ и графовъ Нѣмецкихъ, они убивали, иногда, притѣснявшихъ ихъ намѣстниковъ, то этого нельзя считать убійствомъ религіозно-обряднымъ. А разсказъ Нестора о томъ, какъ во время Владиміра В., въ честь Перуна матери убивали собственныхъ дѣтей, можно тоже назвать сказкой, вымышленной для поселенія ненависти къ язычеству (что, кажется, подтверждаетъ приведенное имъ происшествіе съ Варягомъ), или же обыкновеніемъ, введеннымъ къ Славянамъ господствующими надъ ними въ это время Скандинавскими Руссами (172).

Какое понятіе имѣли Славяне о безсмертіи души, мы не знаемъ съ достовѣрностью: видно только, что они смотрѣли на смерть, какъ на переходъ къ другой жизни, въ которой ожидалъ ихъ тотъ же жребій и тѣ же самыя нужды, какъ и во временной. Они думали, что люди, какъ въ этомъ, такъ и въ будущемъ, мірѣ, за тяжкое преступленіе могутъ сдѣлаться рабами и подвергаться наказаніямъ. У древнихъ Индѣйцевъ Небанъ было такое мѣсто, куда собирались души, свободныя уже отъ

(171) Andr. Ab. l. 3. c. 18. Saxo l. 14. Dittm. l. 1. Helmold. l. 1 et 2. Sefrid. V. S. Ott. c. 32.

(172) Dittm. l. 1. Helmold. l. 1. c. 52 et l. 2. c. 12. Несторъ, стр. 98.

дальнѣйшихъ переходовъ изъ одного тѣла въ другое; быть можетъ, Славяне тоже о своемъ небѣ имѣли подобное мнѣніе. Покойника снабжали всѣмъ тѣмъ, что онъ обыкновенно употреблялъ въ этой жизни и что для него было полезно въ его званіи и промыслѣ; такъ, на пр. мущину снабжали приличной одеждой, оружіемъ, ножемъ, сѣкирой, огнивомъ; женщину иголкой, нитками, ножницами и т. п. (*). Ближайшіе родственники, обыкновенно, носили, нѣкоторое время, на гробницу яства, которыми бы подкрѣпляла душа себя. Пока умершій не былъ погребенъ, до тѣхъ поръ духъ его блуждалъ по лѣсамъ, между вѣтвями, гдѣ ему сопутствовали печальныя совы. Обычай оплакивать умершихъ съ великимъ плачемъ, исчислять имъ похвалы и, наконецъ, справлять по нихъ тризну или поминки, на которыхъ, обыкновенно, напивались до пьяна, былъ общій всѣмъ Славянамъ. Одни ихъ сожигали, а другіе закапывали по лѣсамъ и мѣстамъ уединеннымъ, гдѣ проходящіе имѣли обыкновеніе бросать на нихъ палки (fustes) и вѣтви. Нѣкоторыя поколѣнія, собравъ пепелъ сожженныхъ труповъ въ урны, ставили ихъ на столбахъ при перекресткахъ (173).

Послѣ такихъ доказательствъ, легко убѣдиться, какъ мало можно полагаться на искренность и свидѣтельство Дитмара. Онъ говоритъ: „Slavi cum morte omnia finire putant,“ что въ Польшѣ, когда сожигали умершаго мужа, тотчасъ отсѣкали голову каждой его женѣ: „unaquaeque mulier decollata,“ и т. п. Гельмольдъ, вѣрный его переписчикъ, хорошо знавшій Славянъ и Поляковъ, не смѣлъ, однако же, повторять объ нихъ подобной сказки. Разсказываемое Св. Бонифаціемъ (еще до Дитмара) о Венедахъ, будьто бы у нихъ жены считали себѣ за срамъ пережить своихъ мужей, неизвѣстно, къ кому относилось; потому что въ однѣхъ рукописяхъ читаемъ „Venedi,“ а въ другихъ: „Persae faedissimum et deterrimum genus hominum.“ Св. Бонифацій, который самъ вызывалъ Славянъ и заселялъ ими берега Майна, безъ сомнѣнія, не имѣлъ объ нихъ столь дурнаго мнѣнія. По этому справедливо думаютъ благоразумные историки, что этотъ писатель говорилъ о Пруссахъ и Летахъ, смѣ-

(*) Иголки, которыя часто попадаются намъ въ древнихъ погребальныхъ урнахъ, не могли быть fibulae для застегиванія, по древнему обычаю, платья на плечѣ или подъ шеей, потому что онѣ иногда длиной бываютъ въ нѣсколько дюймовъ, очень заострены, и слишкомъ тонки. Тацитъ называтъ собственныя fibulae спинами, изъ металла, кости или дерева, что похоже на нѣкотораго рода короткую опонку. Безъ сомнѣнія, этѣ длинныя иголки были, по несуществованію тогда теперешнихъ иголъ, тѣмъ, чѣмъ нынѣ шила сапожничьи, то есть, орудіемъ для дѣланія дырокъ въ кожахъ и разныхъ для одежды тканяхъ, за которыми, при помощи щетины, продѣвали нити для шитья. Вѣроятно Славяне называли оныя, *шилами*, отъ слова *шью*, *шитье* и т. д. Кажется, что мѣста, гдѣ хоронили умершихъ, назывались у Поляковъ *Koscioly*, отъ *kostele*, *kosci*.

(173) Fra Paoli V. al. Ind. part. 2. Leon Diacon. l. 9. у Каранз. Ч. 1. прим. 208. Несторъ стр. 48 и 71. Cedrenus T. 2. Theophilact. l. 6. Andr. Ab. V. S. Ott. l. 2. c. 12. Rakow. Prawda Rus. T. 2. p. 9 et p. 173. et Tom 1. p. 231. Saxo l. 9. Hartkn. Dis. 13. Olear. Per. l. 3. Fabron. H. mund. l. 1. part. 1. c. 11. Melet. ep. ad Sab. p. 74. Gebhard Sulzer Walach. Lintar. G. v. Krain. 2. B. Fortis Viag. in Dalm. Vol. 2. Masch. Alt. d. Obotr. Hermann. Maslogra. Mellen Urnae Sarmat. Gasp. Schüzius Chron. Pruss. l. 1.

шиваемыхъ часто съ Венедами, у которыхъ подобный обычай имѣлъ иногда мѣсто, равно какъ и у Руссовъ, послѣ соединившихся съ Сѣверовосточными Славянами (174).

О правленіи Славянъ мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство Прокопія: Sclaveni et Antae non uni parent viro, sed ab antiquo in populari imperio vitam agunt, ac propterea utilitates et damna apud ipsos in commune vocari solent. Aliarum etiam rerum fere omnium ratio ab utriusque barbaris servatur eadem, fuitque olim constituta.“ У нихъ не было ни государя, ни князей, ни различія состоянія между гражданами; всякій староста, то есть, хозяинъ или начальникъ семейства, равно участвовалъ, какъ въ выборѣ своихъ начальниковъ, такъ въ постановленіи законовъ и главныхъ народныхъ совѣщаніяхъ (175). Такой образъ правленія существовалъ у Славянскихъ народовъ до паденія язычества; ибо, хотя нѣкоторые имѣли уже прежде постоянныхъ начальниковъ подъ именемъ великихъ жупановъ, воеводъ или князей, однако жь власть ихъ была такъ ограничена, что безъ согласія народа старшины ничего не могли предпринимать. Только по принятіи Христіанской вѣры, мало по малу эти начальники пріобрѣли большее уваженіе и начали увеличивать свою власть. Такъ какъ Славяне распадались на множество отдѣльныхъ поколѣній, то каждое изъ нихъ составляло отдѣльную республику, которая только въ случаѣ необходимости общей защиты или помощи соединялась съ другими. Жупаны отличавшіеся отъ другихъ нѣкоторымъ родомъ почетной одежды, а паны и владыки съ приданными имъ старшинами, были исполнителями законовъ и блюстителями порядка въ ввѣрепныхъ имъ округахъ, называемыхъ жупаніями. Эти власти существовали долго еще послѣ перемѣны религіи и первобытнаго образа правленія; между прочимъ у Булгаровъ до позднихъ временъ считалось жупаній 10, въ Хорватіи 11, въ Мишніи на Лабѣ 16, а въ Польшѣ упоминается объ нихъ до самаго XIII го столѣтія. Одинъ панъ управлялъ нѣсколькими жупаніями; въ нѣкоторыхъ Угорскихъ провинціяхъ древнее Славянское раздѣленіе страны на Банаты или Панаты, сохранилось донынѣ (276). (*).

---

(174) Dittm. p. 11 et 105. S. Bonif. ad Ethon. epist. 19. Duisb. Chr. Prus. part. 3. c. 5. Saxo Gr.

(175) Procop. B. G. l. 3. Script. vitae S. Otton. Const. d. Adm. Imp. Несторъ, стр. 99. Jornand. R. G. Maur. Str. l. 2. Rakowiecki Prawda Ruska T. 1. rozdzial 4.

(176) Const. d. Ad. Imp. c. 30. Stritt. Scrip. Byzant. T. 2. Anna Comn. ap. Stritt. T. 2. p. 265. Helmold. Dittm. Saxo Gr. Script. v. S. Ott. Chron. m. Sereni ap. Mader. ad an. 1209. Czacki Praw. Litew. T. 1. p. 255. Engel. Bulg. Th. 49. Engelh. Kult. ges. 1. Th. Gebh. 33. Th. 1. B. Epist. Joan. 8. papae ap. Dobrow. Böhm. litt.

(*) Pan, ban, zupan, bannos, bannum, banale, banherr, baneria, fahne, безъ сомнѣнія, происходятъ отъ одного и тогоже корня. *Bannum*, въ варварской Латыни означало власть или юрисдикцію, *dominium*, власть господскую, *banalia* права или привиллегіи боярскія. Въ языкѣ Мизо-Готскомъ *Fan* значило тоже, что у Славянъ *Pan*. Нѣкоторые дипломатики думали, что *bannum*, *ban* заимствовано у Далматовъ, которые страну свою дѣлили на банаты, управляемые банами или панами. Но принимая въ соображеніе, что это слово въ одинаковомъ значеніи употреблялось съ незапамятныхъ временъ, въ продолженіи всѣхъ вѣковъ и у всѣхъ народовъ Европы, трудно допустить, чтобы оно могло сдѣлаться такъ всеобщимъ

Какъ главныя совѣщанія народныя, такъ равно и суды производились подъ дозорамъ жрецовъ и начальниковъ поколѣнія въ священныхъ рощахъ и другихъ мѣстахъ (*). На первыя они, являлись вооруженные, становились въ большой кругъ, посреди коего было мѣсто, нѣсколько возвышенное, куда всходилъ всякій, желающій говорить, и застучавъ въ ступени, требовалъ вниманія. Тѣ, которые соглашались на предложенія или мнѣнія, давали знакъ, поднимая свои копья. Кто сопротивлялся общему рѣшенію, тотъ былъ наказываемъ строго, даже тѣлесно, какъ утверждаетъ Дитмаръ; а если осмѣливался противиться его исполненію, то подвергался или тяжкой пенѣ, или ему поджигали домъ со всѣмъ имуществомъ. Рѣшеніе въ дѣлахъ судебныхъ и касающихся порядка, не зависѣло отъ однихъ начальниковъ или жупановъ; во всякомъ случаѣ большинство мнѣнія мѣстныхъ старшинъ, приданныхъ имъ, рѣшало дѣло. Эти мнѣнія были отмѣчаемы на биркѣ особымъ чиновникомъ, котораго Русины называли метельникомъ или отмѣтчикомъ (177).

Древній способъ избранія жупановъ, а потомъ и князей народа, долго былъ сохраняемъ у нѣкоторыхъ поколѣній Славянскихъ. Этотъ обрядъ, обыкновенно, производился въ рощѣ, или въ полѣ, при большомъ камнѣ. Чтобы ускорить единогласный выборъ, назначали изъ среды

отъ мало извѣстнаго поколѣнія Славянъ Далматскихъ. По этому правдоподобнѣе, что оно происходитъ отъ слова, принадлежащаго времени, гораздо древнѣйшему, то есть, отъ *Bannos*, которое, по свидѣтельству Гезихія, у древнихъ Италовъ (быть можетъ Адріатическихъ Венедовъ) означало владыку или царька. Имя Жупанъ состояло изъ слова *pan* и предлога *zu* или *su*, который означалъ разницу и степень между однимъ и другимъ. *Span* у древнихъ Норманновъ означало прорицалище, oraculum: это значеніе соотвѣтствовало жупанамъ Славянскимъ, которые, въ самомъ дѣлѣ, будучи судьями народа, давали рѣшенія (wiroki). И это послѣднее слово, подобно многимъ другимъ техническихъ, было въ употребленіи не у однихъ только Славянъ: *ruge* у древнихъ народовъ Кельтіи означало справедливость; *rok* у Норманновъ — срокъ или опредѣленное время. У насъ подобнымъ образомъ: *rok*, *roki*, *roczki*, *uroki*, *wyrok*, означали періодичное время, суды, производимые въ означенные сроки, декретъ или приговоръ въ рѣшенномъ дѣлѣ. Норманны главныя свои совѣщанія называли *Sam-ting*, а Англо-Санс. *Wittena-gemot*; первое отвѣчаетъ нашему *сеймъ*, второе — *вѣче*. Эти и многіе другіе слѣды показываютъ явно, что древніе варварскіе народы жили между собой въ опредѣленныхъ сношеніяхъ и дружественныхъ связяхъ; что они, подобно народамъ образованнымъ, одни отъ другихъ взаимно перенимали мнѣнія, свѣдѣнія, учрежденія и полезныя изобрѣтенія. Vid. Du Cange. Gloss. Hesych. ap. Pellout. T. 2. l. 3. c. 7. J. Potocki Hist. prim. Ihre Cod. arg. Resen. Glos. ad Edd. Czacki Praw. Litew. T. 1. p. 277. T. 2 p. 78. Prawda Ruska см. uroki, wiece. Карамз. Т. 1. стр. 234 и 480.

(*) Поляки до сихъ поръ еще говорятъ: *zagaié seym*, *sady*, *kolo*, а прежде *wiece*, *roki*, *sobór*, *stado* и т. д. Очень вѣроятно, что во время язычества священную рощу называли *bógajem*; потому что почти вездѣ по близости древнихъ городовъ и жилищъ въ Польшѣ, находятся мѣста или лѣсочки, именуемые до сихъ поръ *Bugajami*. Варшава издревле имѣетъ свой *Bugaj*. *Bohanin*, *Boganin*, вѣрно означало единовѣрца, почитателя боговъ Славянскихъ: *Poganin* до сихъ поръ у насъ значитъ идолопоклонника.

(177) Helmold. l. 1. Dittm. l. 1 et 6. Anonym. V. S. Ott. l. 3. c. 16, 17. Cosmas ap. Menk. Scr. Sax. a. 1067. Naruszew. Hist. T. 6. Ks. 2. p. 195. Prawda Ruska art. 2 et 30. Rakow. Praw. R. T. 1. p. 101. Valvas. 3. Th. Linh. 2, B.

старшины нѣсколько особъ, которые, пока продолжалось собраніе народа, имѣли власть по волѣ и собственному усмотрѣнію портить поля и жечь домы согражданъ. Какъ скоро являлось согласіе, новоизбраннаго сажали на камнѣ, возлѣ него клали самую худую одежду, котомку и посохъ, потомъ спрашивали его: Будетъ ли онъ справедливъ ко всякому, защитникомъ сиротъ и т. п.? Наконецъ, получивъ пощечину отъ одного изъ присутствующихъ, онъ тотчасъ начиналъ производить судъ на мѣстѣ. Дома этихъ начальниковъ, вмѣстѣ съ ихъ округами, подобно мѣстамъ, посвященнымъ богамъ, были убѣжищемъ для всякаго, находившагося въ опасности, и никто не смѣлъ трогать тѣхъ, которые тамъ скрылись. Вообще, они пользовались столь великой почестью, что даже въ самыхъ военныхъ схваткахъ ни одинъ Славянинъ не смѣлъ поднять на нихъ своего оружія (178).

Многіе не понимаютъ, какъ народы Славянскіе, вездѣ раздѣленные на мелкія и независимыя республики, при демократическомъ образѣ правленія, могли долѣе всѣхъ прочихъ народовъ сохранить первоначальныя свои постановленія и избѣжать до послѣдней минуты внутреннихъ смятеній и внѣшняго насилія. Эти удивительныя событія были слѣдствіемъ только господствующаго духа единства, привязанности къ нравамъ и обычаямъ, страсти къ спокойной жизни и дружественнымъ связямъ между отдѣльными поколѣніями. Въ самомъ дѣлѣ, такими качествами отличаются народы Славянскіе, и въ нихъ не отказываютъ имъ даже самые недоброжелательные современные писатели. Дитмаръ говоритъ, между прочимъ, о сосѣднихъ Лутичахъ или Вилкахъ, что, не имѣя ни князей, ни государей, они сами, на совѣщаніяхъ народныхъ, единогласно разсматривали собственныя дѣла, и что всѣ давали свои мнѣнія, что должно предпринять, или оставить. Не смотря на то, между ними всегда господствовало согласіе и единство. Другіе тоже свидѣтельствуютъ о Славянахъ и выставляютъ ихъ въ примѣръ привязанности къ собственной свободѣ, собратіямъ и къ единоплеменнымъ народамъ. Исторія мало представляетъ намъ примѣровъ подобнаго мужества, съ какимъ, между прочимъ, мелкія поколѣнія, жившія на Лабѣ, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, защищали свою независимость противъ могущества Нѣмцевъ и Датчанъ. Дѣло одного обращалось въ дѣло и другихъ, часто отдаленнѣйшихъ поколѣній, которыя помогали себѣ взаимно, совѣтомъ и пособіемъ. Вообще замѣчали, что Славянинъ, гдѣ бы ни встрѣтилъ Славянина, тотчасъ, по особому народному обычаю, привѣтливо цѣловался съ нимъ въ лице; если же иностранецъ заговорилъ къ нему на его языкѣ, то и онъ почитался другомъ или братомъ (179).

Изъ выше приведенныхъ свидѣтельствъ Прокопія и Константина, видно, что Славяне издревле, еще до выступленія изъ первобытныхъ своихъ жилищъ, имѣли извѣстныя, всѣмъ общія, установленія и права, кото-

(178) Hajek ad a. 833. Anonym. Leobien. ap. Pez. T. 1. ad a. 1287. Saxo Gr. l. 15. Script. v. S. Ott. Aeneas Sylv. Pol. p. 13. Fortis Dalm. Vol. 2. p. 92.

(179) Dittmar p. 66 et 106. Saxo Gr. l. 14. Witichind. l. 2. Avent. l. 4. c. 9. Engelh. Kulturgesch. Gebh. 33. Th. 1. B. Schlöz. Nörd. Gesch. Stritt. Scr. Byz. T. 2. Warnefrid. l. 4. c. 39. Helmold. Slav. Cantacusen. T. 2. p. 420. Moehsen G. d. Wiss. §. 10. Проч. см. прим. 116.

рыя называли закономъ. Изъ нихъ мало какіе намъ извѣстны; о нѣкоторыхъ можемъ догадываться то по случайнымъ намекамъ, то по первымъ правамъ, писаннымъ у разныхъ поколѣній Славянскихъ. Остатки ихъ разбросаны, между прочимъ, въ Правдѣ Русской Ярослава, Договорахъ Игоря и Мстислава, Вислицкихъ постановленіяхъ Казиміра, правахъ Сербскаго Душана, Вацлава, и въ древнихъ обычаяхъ Чешскихъ, Моравскихъ и т. п.

Къ самымъ древнѣйшимъ постановленіямъ народовъ Славянскихъ причислялось, между прочимъ, весьма важное, именно, что Славянинъ плѣнный или невольникъ, въ чей бы то ни было власти находящійся, какъ скоро ступилъ на землю Славянскую, въ тоже мгновеніе дѣлался вольнымъ, и никто уже не имѣлъ права на его особу. Что касается иноземныхъ невольниковъ, то императоръ Маврикій тоже упоминаетъ о правѣ, дышащемъ не менѣе человѣчествомъ: „Qui sunt in captivitate apud Sclavinos, non omni tempore, ut apud gentes alias, in servitute tenentur; sed certum eis definitur tempus, in arbitrio eorum relinquendo, si oblata mercede velint dein reverti ad suos, aut manere apud ipsos liberi et amici.“ Подобныя постановленія касательно иноземцевъ, опредѣляющія время ихъ неволи и дозволяющія имъ потомъ или возвратиться во свояси, или остаться и жить съ народомъ, который допускалъ ихъ къ дружбѣ, независимости и братскимъ правамъ, сдѣлали бы истинную честь образованнымъ Грекамъ и Римлянамъ (180).

Содержаніе старцевъ, дряхлыхъ и нищихъ было, по свидѣтельству современныхъ писателей, первой обязанностью и общей добродѣтелью Славянъ; по этому въ странѣ ихъ не видали ни нищихъ, ни бродягъ. Хотя, единогласно приписываемое имъ, гостепріимство имѣло сильную поруку въ врожденномъ человѣколюбіи народа, не смотря на то они не преминули утвердить еще оное особыми правами. Не упоминая о другихъ, приведемъ свидѣтельство Гельмольда, менѣе другихъ имъ доброжелательнаго. „Всѣ Славяне,“—говоритъ онъ, — какъ бы по врожденному чувству, принимаютъ всякаго путешественника съ такой готовностью, что никогда не нужно требовать у нихъ пристанища. Все, что у нихъ родится, что они поймаютъ, рыбу ли, дичь ли, все то они обращаютъ на угощеніе путешественника, и стараются въ омъ превзойти одинъ другаго. Въ такомъ случаѣ, хотя бы хозяинъ и укралъ что нибудь у другаго для угощенія своего гостя, преступленіе почиталось маловажнымъ и грѣхъ простительнымъ. Когда открывалось, что кто нибудь отдѣлался отъ путешественника, не принявъ и не угостивъ его, то всякому позволено было поджечь его домъ. Всѣ встрѣчали того ругательствомъ и единодушно называли безчестнымъ и подлецомъ, кто не дѣлился съ гостемъ.“ Такія же свидѣтельства оставили намъ о Славянахъ и древніе Греческіе писатели, единогласно утверждающіе что, хозяинъ, или тотъ, кто, слѣдуя обычаю народному, добровольно брался проводить путешественника съ мѣста на мѣсто, отвѣчалъ за его безопасность и вредъ, ему нанесенный; что всякій сосѣдъ считалъ обязанностью своей позвать его къ отвѣту и мстить ему, если онъ сдѣлалъ какую обиду гостю. Это гостепріимство Славяне въ своей

---

(180) Procop. B. G. l. 3. Const. Porf. De imp. Mauric. Strat. l. 2.

странѣ и въ своихъ жилищахъ распространяя не только на мирныхъ странниковъ, но даже и на самыхъ враговъ, съ которыми враждовали и вели войны (181).

Къ прекраснѣйшимъ нравамъ и обычаямъ Славянскимъ, между прочимъ, должно причислить и то, что убійца выдаваемъ былъ головою ближайшимъ родственникамъ убитаго, которые, обязанные отмстить смерть его, или взаимно убивали виноватаго, или, при посредствѣ друзей, давали ему возможность умилостивить себя. Преступленія, обыкновенно, наказывались побитіемъ камнями виновнаго; въ такомъ случаѣ всякій хозяинъ или глава семейства долженъ былъ явиться на мѣсто наказанія съ двумя камнями. Должникъ, не могшій заплатить своего долга, обязанъ былъ отдаться своему займодавцу и личной службой удовлетворить его (*).

Многоженство или наложничество не запрещалось у Славянъ, однако жь, кажется, большая часть ихъ довольствовалась одной женой. По нѣкоторымъ слѣдамъ можно догадываться, что бракосочетаніе съ женщинами чужестранными, даже съ плѣнницами и невольницами, не были противно обычаямъ Славянскимъ. Жизнеописатели св. Оттона разсказываютъ, что у нѣкоторыхъ Поморскихъ поколѣній матери, воспитавъ нѣсколько дочерей, убивали всѣхъ, послѣ родившихся. Тоже обыкновеніе господствовало и у Пруссовъ, ближайшихъ сосѣдей этихъ поколѣній. Похищеніе невѣсты изъ дому родителей и жалостные вопли ея при оставленіи родительскаго порога, было, по всему, обще всѣмъ народамъ Славянскимъ, потому что и теперь еще этотъ обычай въ свадебныхъ обрядахъ замѣчаемъ у всѣхъ Славянъ. Женъ своихъ они не стерегли и не запирали; напротивъ, онѣ имѣли полную свободу обращаться съ своими и чужими (182).

Современные писатели въ безпристрастныхъ своихъ отзывахъ, единогласно повторяли: „Sclavi fidem integram semper conservant." При заключеніи договора или мира, одно уже поданіе правой руки непріятелю было достаточной порукой въ исполненіи обѣщаннаго; къ этому другіе присовокупляли еще клокъ волосъ, вырванныхъ изъ самой макушки своей головы, и пучекъ сорванной травы; третьи въ семъ случаѣ бросали камень въ воду. Славяне рѣдко клялись богами, рощами и священными источниками. Принося клятву, они откладывали въ сторону всякое оружіе, вмѣстѣ съ доспѣхами, и съ открытой головой произносили: „Въ случаѣ вѣроломства, да лишитъ насъ Перунъ своего покровительства, и

---

(181) Maur. Strat. l. 2. Adam Brem. l. 2. Saxo Gr. l. 8. Helmold. l. 1 et 2. Script. v. S. Ott. Warnefrid. l. 4. Engel. Gesch. Serv. § 49.

(*) Такіе люди, всегда отличаемые отъ рабовъ, тѣснимые бѣдностью и нуждой, добровольно отдавались въ временную зависимость богатѣйшимъ за извѣстную награду, а въ случаѣ долговъ или проступковъ осуждались къ личной выслугѣ. Prawda Ruska Rakow. T. 1 et 2. Czacki Stat. Litewski rozd. 12. art. 21.

(182) Несторъ. Stritt. T. 2. p. 72. Rakowiecki Prawda Rus. T. 1. p. 32. T. 2. p. 41. Andr. et Anonym. V. S. Ott. l. 2. c. 12; Sefr. V. S. Ott. c. 21, 23, 32. Mart. Gall. ed Bandtke p. 90 i 142. Ad. Olear. l. 3. c. 20. Sulzer Walach. Duisburg. ap. Hartkn. part. 3. c. 4. Praw. Rus. art. 1. Hartkn. Privil. Pruss. Linhar. Gesch. v. Krain. Fortis Viag. in Dalm. Aimon. De ge. Francor. l. 4. c. 9. Warnefr. Long. l. 4. c. 39. Stryikowski Pruss. Gebhardi Morav. Engels Dalm. Miechov. Sarm. l. 2. c. 3.

собственные щиты наши да не защитятъ насъ въ нуждѣ, и да будемъ мы изрублены своими мечами, а въ будущей жизни рабами!" Въ знакъ утвержденія клятвы они выпивали поданный имъ кубокъ воды (183).

Славяне издревле принадлежали къ народамъ, постоянно осѣдлымъ и отличающимся отъ народовъ пастушескихъ и скитающихся. Сказанное Тацитомъ, о Венедахъ, ихъ предкахъ, именно, что они „domos fingunt," единогласно подтверждаютъ послѣ Прокопій, Іорнандъ и другіе. Строеніе домовъ, привязывая людей къ мѣсту, ограничиваетъ ихъ скуднымъ пространствомъ принадлежащей имъ области, гдѣ они только воздѣлываніемъ земли могутъ удовлетворять потребностямъ своей жизни. Съ такою именно склонностью къ земледѣлію вышли народы Славянскіе изъ первобытныхъ своихъ жилищъ; и если нѣкоторые изъ нихъ, во время переселенія, занимались иногда оружіемъ, то это только для того, чтобы добыть пустую землю и обратить ее въ плодородную. Въ самомъ дѣлѣ, все у нихъ побуждало къ этому занятію: врожденная кротость характера и склонность къ свободной жизни могли найти удовлетвореніе себѣ въ одномъ только земледѣльческомъ званіи. Раздробленіе ихъ на мелкія и независимыя поколѣнія и демократическій образъ правленія подавляли въ самомъ зародышѣ всякое желаніе оставить земледѣліе. „Sclaveni in tuguriis sparsis habitant," говоритъ Прокопій. Строеніе отдѣльныхъ жилищъ, гдѣ каждое семейство занималось своими трудами, было, во всѣхъ отношеніяхъ, удобно для земледѣлія и долженствовало споспѣшествовать развитію онаго. Этотъ похвальный обычай до сихъ поръ сохранился у многихъ поколѣній Славянъ Задунайскихъ, гдѣ, подъ управленіемъ одного старѣйшины или старосты, нѣсколько семействъ, иногда числомъ до 20, живутъ вмѣстѣ, въ одной отчинѣ, въ примѣрномъ порядкѣ, согласіи, совокупно трудятся, вмѣстѣ кушаютъ и общими силами помогаютъ себѣ въ своихъ нуждахъ (184). (*)

Одна только эта склонность къ мирнымъ земледѣльческимъ занятіямъ, соединенная съ неусыпнымъ трудолюбіемъ, могла, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, снискать Славянамъ то общее уваженіе у чужихъ, что одни добровольно уступали имъ цѣлыя провинціи для заселенія и воздѣланія, а другіе подъ самыми выгодными условіями давали имъ у себя жилища. Современный Витикиндъ приписываетъ имъ, въ этомъ отношеніи, между прочимъ, слѣдующія преимущества: „Славяне тверды и неутомимы во всѣхъ трудахъ; въ нуждѣ они довольствуются малымъ, и то, что для Нѣмца тяжело, они исполняютъ легко и охотно!" Есть извѣстія, что отъ земледѣльческихъ занятій, особливо

(183) Helmold. l. 1. c. 83, 92. Script. r. Brunsv. ap. Leibnitz. p. 872. Ditt. l. 1. c. 6. Несторъ, стр. 75. Rakow. Praw. Rus. T. 2. p. 9. Saxo Gr. l. 14. Const. De Adm. imp. c. 31. Petr. Albin. Chr. Tit. 11. Ignat. V. S. Nicephori ap. Naruszewsz T. 6. p. 180.

(184) Stritt. Scr. Byz. T. 2. Mauric. Strat. Procop. l. 3. Const. De imp. c. 30. Engel. Statis v. Kroat.

(*) Поселянинъ, занимающій въ общей отчинѣ особенную хижину и находящійся въ зависимости отъ старосты или главнаго начальника размножившагося семейства, назывался холопомъ: chalupnik (поселянинъ) въ нашихъ деревняхъ до сихъ поръ напоминаетъ это различіе.

во время жатвы, не удалялись и самыя богатыя Славянскія женщины (185).

Кромѣ мирныхъ земледѣльческихъ занятій, Славяне вездѣ оказывали особенную склонность къ торговлѣ: гость, купецъ, иностранецъ, были у нихъ священной особой. Во времена общаго невѣжества и варварства, вся сѣверная и западная Европа имя была надѣляема издѣліями и плодами Греціи, Азіи и т. д. Отсюда произошли у нихъ эти многочисленные города, которые, съ незапамятныхъ временъ, славились своимъ многолюдствомъ, богатствомъ и промышленностью. Всѣ главнѣйшіе города и мѣстечка существовали уже до введенія Христіанской вѣры въ Польшѣ, Поморьѣ, Россіи, Чехіи и т. д. Въ первой половинѣ VII го вѣка нѣкоторыя поколѣнія Славянъ достигли было, въ этомъ отношеніи, такой знаменитости, что Греки причисляли ихъ къ разряду народовъ образованныхъ, имѣющихъ науки и собственныя письмена (**). Мы имѣемъ несомнѣнныя извѣстія, что они, съ незапамятныхъ временъ, писали свои права на доскахъ. Въ сагахъ и древнихъ Сѣверныхъ преданіяхъ Ваны, то есть, Славяне, вообще считались образованными. Въ Ванагеймъ, или въ страну Вановъ, особенно Восточныхъ, Норманны высылали своихъ боговъ и славныхъ мужей учиться мудрости; отъ Вановъ же, какъ показано выше, они заимствовали нѣкоторыя божества и ихъ миѳологію, также множество словъ, употребляя ихъ, какъ синонимы, возлѣ своихъ собственныхъ (186).

Свидѣтельство Іорнанда о древнѣйшихъ Венедскихъ Славянахъ, что они „paludes sylvasque pro civitatibus habent,“ безъ сомнѣнія, должно разумѣть не о городахъ, но о городкахъ или укрѣпленныхъ мѣстахъ, гдѣ, обыкновенно, скрывались при вторженіяхъ непріятелей. О подобныхъ городкахъ у Британцевъ упоминаетъ Цезарь: „Oppidum vocant, quum sylvas impeditas vallo atque fossa muniverunt.“ Мѣста, покрытыя лѣсомъ, окруженныя болотами, неприступныя и притомъ укрѣпленныя засѣками и окопами, обыкновенно, были избираемы древними народа-

(185) Witichind. l. 2. Anon. V. 8. Ott. l. 2. c. 22. Engelhar. Kultugesch.

(**) Gentes, quae litteras suas norunt: Scythae, Sarmatae etc. „говоритъ Chronicon. Paschal. императора Ираклія. Кто бы хотѣлъ примѣнить ихъ къ собственнымъ Сарматамъ и Скиѳамъ, тотъ ошибся бы; ибо въ этомъ столѣтіи не было уже ни слѣда, ни воспоминанія о тѣхъ и о другихъ. Здѣсь ясно говорится о современныхъ Сарматахъ за Днѣпромъ, и о Скиѳахъ за древней Бастарніей, или за Днѣстромъ и Карпатами, гдѣ именно въ это время пребывали Славяне, которыхъ Греческіе писатели, какъ показано выше, называли Сарматами и Скиѳами. См. прим. 37. Славяне называли письмена *Bugwica* (Буквица) или *Bógwiedza*, вѣроятно, потому, что въ религіозныхъ обрядахъ они, при помощи ея, объявляли волю и приказанія божескія.

(186) Const. De imp. c. 9, 30, 31. Adam. Brem. l. 2. Dittm. l. 1. Helmold l. 1, 2. Saxo l. 14. Chronicon Pasch. par Du Fresne et du Cange p. 23. Capitul. ap. Beluz. T. 1. a. 805. Script. v. 8. Ott. Torph. H. Norv. parte 2. Snorro T. 1. p. 274. Herd. Ges. d. Mensch. Le Clerc. H. Russ. sect. 7. Gebhar. Wend. Schlöz. Nörd. Ges. Rosprawa o Run. r. 1822. Chalcocondil. p. 70. Карамзин. И. Г. Р. Edda Saemundar ed. Haffn. a. 1787. Miechov. Sarm. l. 2. c. 3. Moehsen Ges. d. Wiss. §. 10. Bayer. Com. Petropol. T. 10. Rakowiecki Praw. Rus. T. 1. p. 121 и 238. et T. 2. p. 169. Mart. Gall. Kadlubek, Dlugosz, Карамзинъ И. Г. Р. Hajek. Kron. Czeska.

ми, какъ *для* сохраненія, въ случаѣ нужды, имущества своего, такъ равно и *для* защиты (187).

Народъ, преданный земледѣлію и торговлѣ, непризнающій никакой особенной власти, разсматривающій самъ слѣдствія всякаго своего предпріятія, обыкновенно, бываетъ неспособенъ къ войнамъ наступательнымъ, за то, напротивъ, въ защитѣ собственной свободы превосходитъ другихъ. Это положеніе оправдали собой и Славяне; ибо, начиная съ занятія ими постоянныхъ жилищъ до перемѣны первобытной религіи и правленія, мы мало найдемъ ихъ войнъ, которыхъ бы, не смотря на желаніе пристрастныхъ писателей скрыть истину, не льзя было оправдать или необходимостью собственной защиты, или справедливой местью за причиненныя обиды (188). Въ этѣхъ войнахъ, видя ихъ геройскую твердость, сами непріятели говорили, что „*для* защиты своихъ правъ и независимости Славяне охотно переносили нужду, голодъ и всѣ бѣдствія опустошительной войны; что женщины ихъ сражались наравнѣ съ прочими; что плѣнные и пойманные предпочитали терять головы, лишать себя жизни, или умирать въ самыхъ ужаснѣйшихъ мученіяхъ, нежели открыть непріятелямъ убѣжища своихъ собратій. А когда они видѣли, что неминуемо должны подпасть подъ чужое иго, тогда, не желая дожить до такой участи, цѣлыми толпами добровольно убивали другъ друга (189).“

Отъ народа, который не искалъ своего счастія въ войнѣ, не льзя было ожидать большей къ ней способности. Тацитъ, говоря о древнихъ Венедахъ, упомянулъ только, что они употребляли щитъ и довольно ловко сражались пѣшкомъ; но Прокопій присовокупляетъ: „Sclaveni et Antae dum pugnam invadunt, multi pedibus tendent in hostem, scutulum spiculaque gestantes manibus. Loricam non induunt, quidam nec subuculam habent, nec pallium, sed cum femoralibus tantum ad virilia usque aptis, hosti se offerunt ad urtamen.“ Славяне, вступая въ сраженіе съ малымъ щитомъ (*), короткими копьями, безъ доспѣховъ и, по большей части, пѣшкомъ,, нѣкоторые даже только полунагіе, не могли быть страшными *для* тогдашнихъ народовъ, которые, обыкновенно, вели воинскую жизнь. Потому Іорпандъ могъ утверждать, что они не были коротко знакомы съ оружіемъ, и только по причинѣ многочисленности ихъ нельзя было одолѣть ихъ. Въ послѣдствіи видимъ, что, кромѣ копій и мечей, они употребляли еще луки и стрѣлы, напитанныя ядомъ, и почитались отличными стрѣлками и искусными въ метаніи дротиковъ (190).

Непривычку къ войнѣ и недостатки своего оружія Славяне замѣ-

---

(187) Jornand. R. G. c. 5. Caesar Com. 5. B. G.

(188) Vide Dittm. Ad. Brem. Helmöld. Saxo Gr. Witichind. Script. v. S. Ott. Leib. R. Brubsv. Stritt. Script. Byz. T. 2. Avent. an. Boj. Procop. B. G. Schlöz. Gatter. Gebhard. Engel. etc.

(189) Chalcocond. p. 19. Theop. l. 6. Cedren. T. 2. Witichind. l. 2. Saxo Gr. l. 14. Crantz. Vand. l. 5. c. 39.

(*) Щитъ Поляки называли *paveza*, копье *kopija* i *sulicza*; послѣдняя имѣла значки въ царствованіе Сигизмунда I-го. Czacki o praw. T. 1. p. 125, 127. Dlugosz l. 11. § 259. Однако жь, эти значки на копьяхъ употреблялись уже Славянами языческими, какъ это видно изъ жизни св. Оттона и изображенія божества Прове. Vide Helmold.

(190) Procop. B. G. l. 3. Jornand. c. 23. Mauric. Strateg. l. 2. Constant. De imp. c.

нали хитростью: по общему мнѣнію никто не могъ равняться съ ними въ средствахъ обмануть непріятеля; говорили, что они были страшны въ неожиданныхъ набѣгахъ, а въ ущельяхъ и крѣпостяхъ трудно было одолѣть ихъ. Они такъи скусно умѣли скрываться въ малѣйшемъ кустарникѣ травѣ и подъ камнями, что на всякомъ шагу нужно было опасаться ихъ засады. Когда требовали того обстоятельства, не трудно было имъ совершенно погружаться въ воду, лежать въ ней по нѣскольку часовъ, дыша чрезъ трубку изъ тростника, а въ удобное время неожиданно нападать на непріятеля (191).

Въ случаѣ войны они избирали себѣ воеводу, который, съ обширной властью, правилъ всею силою народа. Военныя станы они, обыкновенно, окружали повозками; лагерь до сихъ поръ напоминаетъ это обыкновеніе: иногда изъ копій дѣлали оборонительныя рогатки. Знакъ къ битвѣ подавали игрою на трубѣ, которая по мѣрѣ того, какъ сраженіе становилось упорнѣе, среди самаго ужаснаго крика сражающихся, болѣе и болѣе дѣлалась страшной. Ихъ военныя народныя знамена, называемыя станицы или заставы, и хранимыя, какъ уже мы упомянули, въ храмѣ главнаго божества, во время походовъ были носимы впереди войска на длинныхъ древкахъ. Всякое поколѣніе имѣло свои особенныя знамена, на которыхъ, кажется, изображены были свойства и символы мѣстныхъ божествъ. Между Прильвицкими древностями находимъ нѣсколько знаменъ съ изображеніемъ льва, также крокодила. Таковы же знамена Дако-Гетскія (*). Знаменитая *станица* Святовида Арконскаго походила на большое распущенное знамя съ изображеніемъ орла; какъ скоро оную выставляли, весь народъ, безъ исключенія, бросался къ оружію и спѣшилъ на битву (192). Когда послы Славянъ приближались къ непріятелю, съ требованіемъ мира или переговоровъ, тотчасъ разводили, въ виду его, огонь и ожидали пословъ со стороны непріятеля; а посольство къ хагану Аваровъ показываетъ, что въ этомъ случаѣ гусляри, то есть, барды ихъ, по обычаю Ѳракійцевъ, играли еще на лирахъ. Славянинъ, терпѣливо переносившій всѣ раны, не легко могъ быть убитъ; когда онъ сдавался побѣжденный, обыкновенно, втыкалъ копье остріемъ въ землю, а мечь свой клалъ посверхъ головы. Въ случаѣ нашествія непріятеля, Славяне имѣли обыкновеніе зарывать всѣ съѣстные припасы въ землю, а женъ, дѣтей, стариковъ и стада отсылали въ крѣпости или замки, въ лѣса и мѣста безопасныя (193).

Въ какой огромной силѣ отдѣльные ихъ народы выступали на войну, примѣромъ тому можетъ служить намъ, между прочимъ, не слишкомъ извѣстное поколѣніе Хорватовъ Задунайскихъ, которые, по свидѣтельству императора Константина, выставляли противъ непріятелей своихъ 100,000 пѣхоты и до 60,000 всадни-

---

50. et excid. Tess. Prawda Ruska Rakow. T. 2. p. 9. Несторъ, стр. 75.

(191) Procop. l. 1. c. 27. et l. 3. c. 22. Maur. Strateg. l. 2. Stritt. Scr. Byz. T. 2. Warnefr. l. 4. c. 46. Helmold. l. 2. c. 13.

(*) Крокодилъ былъ символомъ владычества на сушѣ и на морѣ.

(192) Theophilact. l. 6. Dittm. l. 1. Saxo Gr. l. 14. Mart. Gall. ed. Band. l. 3. c. 1.

(193) Saxo G. l. 14. Helmold. l. 1 et 2. Stritt. Scrip. Byz. T. 2. Stryikowski Sarm. p. 82.

ковъ. Кромѣ того они содержали на Адріатическомъ морѣ 40 вооруженныхъ судовъ, изъ которыхъ на каждомъ находилось по 100 человѣкъ. Зажиточные граждане, обыкновенно, выводили на войну по нѣсколько десятковъ конницы или пѣхоты, вооруженныхъ на ихъ собственный счетъ и составлявшихъ ихъ дружину (194).

Нѣкоторые писатели обвиняютъ Славянъ въ склонности къ возмущеніямъ и въ жестокомъ обращеніи съ непріятелями; но эти обвиненія пристрастны. Кто только безъ предубѣжденія внимательно прочтетъ исторію того времени, сейчасъ увидитъ, что непріятели Славянъ своимъ примѣромъ, несправедливостью и жестокостью сами навлекли на себя мщеніе ихъ (195).

Славяне, кромѣ земли, не старались покорить себѣ ни одного чужаго народа: чужіе, покоряя ихъ и насильно налагая на нихъ свое иго, навязывая свои уставы и обычаи, разумѣется, не должны были жаловаться на ихъ безпокойство. Войны, которыя Славяне вели съ своими сосѣдями, были, какъ мы уже сказали, по большей части, войны оборонительныя или по праву мести: въ войнахъ такого роду, обыкновенно, трудно удержать изступленіе и месть въ границахъ умѣренности. Не говоря о многихъ примѣрахъ безчеловѣчнаго обхожденія съ ними, особенно на Западѣ, довольно будетъ упомянуть, между прочимъ, что императоръ Генрихъ Птицеловъ содержалъ въ Межиборѣ цѣлый легіонъ, составленный изъ самыхъ отчаянныхъ преступниковъ и мошенниковъ (fures et latrones claros, говоритъ Витикиндъ), которыхъ подъ тѣмъ только условіемъ освобождалъ отъ смертной казни, чтобы они безпрестанно и по собственому усмотрѣнію нападали на Славянъ-язычниковъ. Тотъ же Гельмольдъ, который обвиняетъ ихъ въ безпокойствѣ и мстительныхъ бунтахъ, не могъ умолчать о томъ, что не разъ онъ былъ тронутъ до глубины души, видя, какъ начальники несчастныхъ поколѣній Славянскихъ, которымъ съ религіею навязывали чужіе нравы и обычаи, со слезами разсказывали о наносимыхъ имъ обидахъ, и какъ смѣло говорили они Нѣмецкимъ герцогамъ: „Вы чтите вашего бога, а мы будемъ почитать васъ, если вы будете къ намъ справедливы. Вы желаете, чтобы мы строили церкви, давали священникамъ десятины, а между тѣмъ обременяете насъ податьми и доводите до крайности. По этому намъ остается только бѣжать на море и жить въ его пучинахъ. Но если мы тамъ займемся разбоемъ, то вините не насъ, а тѣхъ, которые своими притѣсненіями изгоняютъ насъ изъ собственной нашей земли.“ Какое дѣйствіе производили такія жалобы ихъ? Приказавъ молчать жалобщикамъ, какъ богохульникамъ и сорванцамъ, Нѣмцы хладнокровно отвѣчали, что съ покоренными язычниками нельзя иначе поступать (196).

Если бы Гебгарди и ему подобные хотѣли въ исторіи Славянъ искать настоящей истины, то нашли бы ее сейчасъ въ примѣненіи слѣдующей простой притчи: Нахальные трутни ворвались въ улья пчелъ и стали ѣсть имъ медъ; а какъ эти кусали своихъ

(194) Const. De adm. Imp. c. 30. Script. v. S. Otton.

(195) См. прим. 188.

(196) Const. De adm. Imp. c. 30. Helmold. l. 1. c. 83. et l. 2. Witichind l. 2. p. 16. Annal. Fuld. Mechsen. G. d. Wiss. §. 10.

грабителей, то потому сочли ихъ злыми и стали давить (*).

Послѣ этого краткаго отступленія, къ которому насъ привела одна любовь къ истинѣ и согласно убѣжденіе ученыхъ историковъ нашего времени, возвращаемся къ исчисленію остальныхъ чертъ древнихъ Славянъ. Было ли у нихъ обыкновеніе раскрашивать тѣло пятнами, мы не имѣемъ никакого свидѣтельства, ни слѣда. Ихъ одежда, какъ видно изъ выше приведеннаго показанія Прокопія, состояла изъ штановъ, кафтана или туники (subucula), заступающей теперешнюю рубаху, и изъ плаща или саги. Эта одежда донынѣ сохраняется нѣкоторыми племенами Славянскими; штаны ихъ, немного широкіе, доходятъ до лодыжекъ, а рубаха до половины колѣнъ; потомъ слѣдуютъ поясъ и верхняя одежда, которая или безъ рукавовъ и застегивается на одномъ плечѣ, или съ рукавами прикрѣпляется на груди и доходитъ до колѣнъ. Голову они покрывали шапкой, у однихъ низкой, у другихъ высокой остроконечной. Обувь ихъ состояла изъ куска звѣриной кожи, или изъ лыка, которая, покрывая стопы, прикрѣплялась тесьмой до самой икры. Вся эта одежда подходила болѣе всего къ Дако-Гетской; въ собраніи древностей Прильвицкихъ находится довольно похожая у Маша фиг. 62 и 63 (197).

Есть слѣды, что до XIV-го вѣка въ Польшѣ, обыкновенно, еще носили tunicam et pallium; когда употребленіе льняныхъ рубашекъ сдѣлалось общимъ, Славянскія рубахи, Римскія *thoraces*, Итальянскія *giuppone*, Испанскія и Французскія *jupon*, Нѣмецкія *juppe* или *jaupe*, Поляки, какъ кажется, назвали жупанами, на которыхъ, до принятія кунтушевъ Татарскихъ, носили, до позднихъ временъ, саги, называя ихъ *Sajan*, *Gunia*, *Koc*; у Чеховъ *Karzno*, у Далматовъ *Kabanica*, короткія до колѣнъ, а у богатыхъ застегнутыя на плечахъ богатой пряжкой. Образецъ ихъ представляетъ верхняя одежда нашего простаго народа, называемая *Кеса* или *Kiecka*. Во многихъ Славянскихъ странахъ мужики, по первобытному обычаю, носятъ до сихъ поръ рубахи на штанахъ. Древніе Славяне, обыкновенно, подстригивали бороду и усы, также волоса до зашейка; во время же траура или печали отпускали и тѣ, и другія (198). (**)

(*) Безпристрастные историки давно уже оцѣнили сочиненіе Гебгарди о народахъ Славянскихъ. Прощая многія его погрѣшности и невѣжество, никто, однако-жь, не можетъ простить ему того, что онъ вездѣ говоритъ о Славянахъ съ явнымъ пристрастіемъ, предубѣжденіемъ и ненавистью. Жаль, что г. Карамзинъ, избравъ его себѣ въ проводники и повѣривъ ему на слово, важное и ученое свое сочиненіе „*Исторію Государства Россійскаго*," запятналъ, во многихъ мѣстахъ ложными его мнѣніями.

(197) Procop. B. G. l. 3. Cedren. T. 2. Cinnam. p. 222. Несторъ, стр. 99 и 112. Linhard. G. v. Krain.

(198) Statut. Vislic. c. 92. Dlugosz. l. 9. §. 1064. C. D. et l. 12. §. 659. O. D. Saxo Gr. l. 14. Mart. Gall. ed. Bandtke, p. 39, 42, 107, 181. Cluver. Ger. l. 1. c. 16. Olear. Pers. l. 3. c. 5. Hanka Rukop. Kralod. ed. a. 1819. p. 4. Fortis Dalm. vol. 1. Schlöz. Litau. Anh. 3. B. §. 1. Sarnicki Ann. l. 2. c. 4. §. 898. Sagum ap. Knapski.

(**) По поводу перемѣны древней одежды, такъ, въ свое время, жалуется Коядовичь (Hist. p. 350.): „Отъ сближенія съ Турками вкралась роскошь къ Полякамъ; съ тѣхъ поръ они начали носить болѣе короткіе волосы (т. е., брить головы до хо-

Мы не имѣемъ вѣрныхъ свѣдѣній, какая въ древности была одежда Славянскихъ женщинъ; кажется, что рубашки ихъ съ рукавами доходили до самыхъ лодыжекъ, и что на нихъ онѣ носили длинныя до колѣнъ фуфайки. Такую одежду находимъ, между прочимъ, всего явственнѣе у Потоцкаго въ собраніи древностей Прильвицкихъ, фиг. 105. Можемъ предполагать, что замужнія женщины покрывали голову чепцемъ или кускомъ полотна, иначе платкомъ, какъ показываютъ тѳ фиг. 29 и 34 у Маша, а дѣвушки ходили съ открытой головой и длинными волосами, заплетенными въ косы до самаго замужества. Этотъ обычай до сихъ поръ тщательно соблюдается народомъ Славянскимъ. Сверхъ того, женщины носили разныя украшенія изъ драгоцѣнныхъ камней, золота, серебра, и т. д. (*) (199).

Замѣчанія и общія предположенія касательно происхожденія и преемства древнихъ обитателей Европы.

Опредѣляя древнія жилища Европейскихъ народовъ, мы замѣтили, что одни изъ нихъ, по своему положенію, были какъ бы господствующіе, другіе подвластные, третьи же пришельцы или переселенцы изъ другихъ частей свѣта. Господствующими почитались тѣ, которые, имѣя явный перевѣсъ надъ прочими и находясь въ безпрерывныхъ связяхъ между собою, занимали огромныя и самыя выгодныя страны съ равнинами. Сюда принадлежали: Ѳракійцы, Кельты, Германцы, и народы Скиѳскіе. Къ народамъ подвластнымъ принадлежали тѣ, которые, будучи раздроблены на мелкія толпы и загнаны въ укрѣпленныя и неприступныя мѣста, не представлявшія собой никакихъ выгодъ, жили среди господствующихъ, какъ бы въ осадѣ, и находились въ стѣсненномъ положеніи. Такими мы нашли у Ѳракійцевъ и Кельтовъ Бессовъ, Загорянъ, Кораллов, Кровиковъ, Эпиротовъ, Иллирійцевъ, Вендовъ, Пеласговъ, Лигуровъ, Тусковъ, Иберовъ, Лузитанъ, Басковъ, Аквитанцевъ, Силуровъ, и т. д., а между Германцами и Скиѳами: Озовъ, Готиновъ, Эстовъ, Венедовъ, Финновъ и Гелоновъ. Пришлыми были всѣ тѣ народы, которые жили вдоль морскихъ береговъ, начиная отъ Меотиды и Понта до Атлантическаго океана, и которые въ разныя времена пришли въ Европу изъ Азіи и Африки и заняли мѣста, удобныя для торговли, или богатыя рѣдкими произведеніями природы.

хла), а длиннѣе одѣяніе." Можно присовокупить, что отъ Турокъ и Татаръ Поляки переняли широкія штаны или шаравары, *kurty*, *kontusze*, *kiereje* (сертукъ, мѣхомъ подшитый), кафтаны, епанчи, богатые пояса, збрую, лагерную роскошь и т. д. На древнѣйшихъ надгробныхъ памятникахъ Польскихъ нигдѣ невидать бритыхъ головъ, ни кунтушей, куртъ, и т. д.

(*) Такъ называемыя *Dalmatyki*, заимствованныя у древнихъ Далматовъ, показываютъ, между прочимъ, что одежда Венедовъ Адріатическихъ значительно отличалась отъ одежды Прибалтійскихъ Венедовъ.

(199) Helmold. Slav. J. Potocki Voy. en Saxe Masch. Alt. Obotr. Fortis Dalm. V. 1.

Что Венеды Балтійскіе, не смотря на свою многочисленность, не принадлежали къ господствующимъ народамъ, доказательствомъ тому служитъ неудобное и требовавшее безпрестанной обороны положеніе ихъ жилищъ; а что они нѣкогда были изгнаны и разсѣяны, о томъ можно догадываться по нѣкоторымъ слѣдамъ и древнимъ преданіямъ. Римскіе писатели, какъ уже было упомянуто, нашли еще въ четырехъ отдѣльныхъ странахъ Европы Венедовъ, которые вездѣ, отличаясь отъ сосѣднихъ обитателей, окружены были господствующими народами, и жили въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Какъ съ одной стороны, названія сихъ, отдаленныхъ другъ отъ друга, народовъ не могли быть случайно сходны, такъ, съ другой стороны, современные писатели, которые производили однихъ отъ другихъ и различали ихъ отъ ихъ сосѣдовъ, вѣроятно, основывались на извѣстныхъ свойствахъ, которыми этѣ народы ясно отличались, одинъ отъ другаго.

О Венедахъ Арморійскихъ, жившихъ въ окрестностяхъ нынѣшней Вандеи, мы знаемъ только то, что жилища ихъ простирались до устья Лоары, и что всѣ прилежащіе острова, начиная отъ береговъ Аквитаніи, называемые Венедскими, принадлежали имъ. О Венедахъ Бельгійскихъ, сосѣдяхъ Мориновъ близъ пролива Кале, Цезарь, между прочимъ, разсказываетъ, „что они имѣли перевѣсъ на всѣхъ поморьяхъ этѣхъ странъ; корабли ихъ, которыхъ было множество, прочностью постройки своей и величиной значительно превосходили Римскіе; огромные паруса ихъ дѣлались изъ звѣриныхъ кожъ, а для якорей употребляли желѣзныя цѣпи; что берега и жилища ихъ были укрѣплены, и что вся торговля съ Британскими островами находилась въ ихъ рукахъ, и т. д." Тотъ же Цезарь, выставивъ противъ нихъ значительныя сухопутныя силы и 220 кораблей, послѣ долговременной борьбы, перерубивъ длинными косами паруса своихъ противниковъ, побѣдилъ наконецъ ихъ, а весь сенатъ и старшинъ велѣлъ умертвить, остальныхъ же жителей распродать въ неволю. Главная ихъ пристань, которая, какъ можно догадываться, была вмѣстѣ столицей народа, называлась Езерякъ (*). Объ этихъ Венедахъ Страбонъ оставилъ намъ слѣдующее извѣстіе: „Hos ego Venetos (ad oceanum Belgiae) existimo Venetiarum in Adriatico sinu esse autores (nam fere omnes Galli, qui in Italia sunt, ex transalpinis eo immigraverint, ut Boij, et Sennones) cum Paflagonis, quia illi quoque Heneti sive Veneti appellantur (200)."

Четвертый народъ Венетовъ, Венедовъ, Энетовъ, Генетовъ (столь различно называемый), уже при Геродотѣ, съ незапамятныхъ временъ, обиталъ при Адріатическомъ морѣ, гдѣ производя обширную торговлю, имѣлъ 50 значительныхъ городовъ. Къ его племени принадлежали, между прочимъ: Норики, Залѣсы, Венны, Винделики, Истрійцы, Дауленцы, Далматы и Иллирцы. Послѣдніе были сильно перемѣшаны съ Эпиротами, также

(*) Езеро, озеро, слово собственно Славянское, и означаетъ море или великое собраніе воды; отсюда езерякъ, nomen appellativum, отъ озера, подобно какъ *Полякъ* отъ *полей*, *горецъ*, *góral*, отъ *горы* и т. п.

(200) Caesar. B. G. Com. 3, 4 et 7. Strabo l. 4. Plin. l. 4. c. 16, 18, 19. Ptolom. l. 2. c. 9. Tacit. Ann. l. 11.

съ Кельтическими Скордисками и Боями (201). Жилища Венетовъ Адріатическихъ простирались вдоль моря съ прилежащими островами, начиная отъ Анконы до Эпира; отсюда шли они внутрь страны на сѣверъ и къ берегамъ Истра, а на западъ чрезъ нынѣшнюю Иллирію, Штирію, Хорутанію, Венеціянскія владѣнія, Тироль и Баварію до озера Брегенцкаго, гдѣ сходились съ жилищами Ретовъ и Гельветовъ. Этѣ страны вездѣ были удобны для обороны и гористы, исключая часть между Анконой и рѣкой По, гдѣ, по причинѣ многихъ болотъ, Венеды, подобно какъ въ Египтѣ (говоритъ Страбонъ), провели множество каналовъ, которые много способствовали приведенію земледѣлія ихъ въ цвѣтущее состояніе (202).

Этихъ Венедовъ одни производили отъ Мидянъ, другіе отъ Пафлагонянъ, третьи изъ Галліи; но всѣ, съ Полибіемъ, соглашались въ томъ, „что Veneti gens vetustissima in Italia, et alia a Gallis utentes lingua....“ Во времена Ромула ихъ голубой цвѣтъ уже былъ въ славѣ всюду; объ отличной породѣ лошадей и лошаковъ Венедскихъ упоминаетъ еще Гомеръ. Языкъ ихъ, по мнѣнію Плинія, былъ труденъ для выговора Римлянъ. Въ маломъ числѣ словъ и названій, дошедшихъ до насъ, не смотря на обыкновенныя переиначенія, видны, по большей части, свойства значеніе Славянскія. Города и ихъ: Belazor, Slana, Koriniom, Kurkum, Olchinium, Lesinum, Pola, Ravenna, Jadera, Bregentium; уѣзды или селенія: Венновъ, Винделиковъ, Далматовъ, Дауленцевъ, Озерятовъ, Истрійцевъ, Латовитовъ, Варцяновъ, Ликавцевъ, Медваковъ, Ступиновъ, Салясовъ, Карніевъ, Горитовъ, Севаковъ, Нориковъ; рѣки: Сава, Драва', Тимава, Нарона, Лехъ, Изера, Плавія; горы, отдѣляющія Далматовъ отъ Паннововъ: Бебіонъ, Горіонъ, и т. д., безъ дальнѣйшаго размышленія всякій Славянинъ признаетъ за слова или передѣлки своего языка и большей частью укажетъ ихъ источникъ и значеніе. Плиній, описывая растеніе *halus*, присовокупляетъ, что его Адріатическіе Венеды называли по своему *colones*: у Славянъ донынѣ оно называется котовкой (203).

Имѣя столь убѣдительныя указанія и помня, что Адріатическіе Венеды не были ни Ѳракійцами, ни Кельтами, ни Германцами, ни Скиѳами, ни Эпиротами, ни природными Италами, можно смѣло заключать, что они были тѣ же самые Венеды, что Бальтійскіе и другіе; что при одинаковомъ имени, всѣ происходили отъ одного племени, и что значительная часть ихъ, насильно отрѣзанная отъ прочихъ, была загнана глубоко на Сѣверъ. Этого изгнагнія Венедовъ нельзя отвергать, потому что, какъ Венеды Бельгійскіе, Арморійскіе и Адріатическіе жили среди народовъ

---

(201) Herod. l. 1 et 5. Strabo l. 4, 5 et 7. Livius l. 5. Plin. l. 37. c. 3. Polyb. l. 5. Appian. Illyr.

(202) Liv. l. 1. Strabo l. 4, 5, 7. Poyb. l. 5. Herodian. l. 6. Appian. Illyr. Jornand. R. G. c. 29, 42.

(203) Homer. Il. 2. v. 852. Herod. l. 5. Curt. l. 3. Strabo l. 4, 5, 7, 12. Tacit. Ann. l. 2. Eutrop. l. 7. Liv. l. 1 et 44. Polyb. l. 5. Plin. l. 3, 6, 26. Appian. Illyr. Dio Halicar. l. 1. Petr. Katancs. De Istro, Acta Jablonov. T. 2, 3, 4, 5.

Кельтскихъ, такъ и Балтійскіе сохранили тоже несомнѣнные слѣды подобнаго сосѣдства. Въ языкѣ и религіи ихъ мы находимъ очевидные и многочисленные остатки сродства съ языками и религіей народовъ, указывающіе на южныхъ, но гораздо менѣе съ языками и религіей Сѣверныхъ, хотя между ними Венеды прожили не менѣе 1000 лѣтъ (*).

Къ разряду народовъ утѣсненныхъ принадлежалъ также и народъ Эстовъ, называемыхъ послѣ Гитонами, Прусами, Леттами, и т. п. Никто еще не объяснилъ намъ удовлетворительно ихъ племени и происхожденія. Тацитъ по нравамъ и обычаямъ отнесъ ихъ къ Германскимъ Свевамъ, а по языку къ Британскимъ Кельтамъ; другіе прямо причисляли ихъ къ народамъ Кельтическимъ, а всѣ прочіе отличали ихъ отъ Венедовъ и сосѣднихъ имъ народовъ. По свидѣтельству Адама Бременскаго »Prussi были homines

---

(*) Всякій знатокъ древнихъ, Греческаго и Латинскаго языковъ, замѣчаетъ въ нихъ множество первообразныхъ и коренныхъ словъ, означающихъ предметы первой необходимости, очевидно общихъ съ Славянскими. Приведемъ здѣсь, для примѣра, нѣкоторыя: есмь, жію, люблю, прошу, [illegible], пью, лью, лижу, пашу, пою, сплю, дремлю, мру, росту, пеку, тычу, возвращаю, вижу, болѣю, тоскую, вяну, мертвѣю, витаю, плету, кривлю, побѣждаю, плачу, дму, сѣку, тру, пру, скрыплю, плову, скреблю, блажаю, мѣшаю, сушу, лежу, спѣшу, орю, сыплю, везу, молочу, колю, мелю, сѣю, теплю, мокну, пляшу, полню, ссу, рычу, рву, схну, крыю, кую, шью, купую, сычу, мѣрю, вяжу, горю, вію; мать, сестра, братъ, жена, мужь, вдова, свекровь, баба, дѣва, мой, твой, нашъ, вашъ, свой, сватъ, око, носъ, уста, кость, ость, борода, плечо, вода, донь, ночь, вечеръ, сонъ, горло, чело, слюна, персь, легкія, кровь, кожа, селезенка, пѣна, разумъ, мысль, воля, имя, земля, огонь, вѣтръ, небо, зима, солнце, мѣсяцъ, снѣгъ, градъ, болото, роса, громъ, полома, вещь, покой, гора, обычай, верхъ, ровъ, колесо, серпъ, кругъ, яма, дыра, уксусъ, пиво, молоко, медъ, хижина, жито, сито, макъ, огурецъ, лукъ, имена числительныя, и т. п. См. *Linde* Slow. Polsk. G. *Knapski* Thes. Lat. gr.

Въ языкѣ Кельтскихъ народовъ, вѣроятно, было много словъ, сходныхъ съ Славянскими, потому что въ скудныхъ остаткахъ языка Кельтскаго, дошедшихъ до насъ, находимъ не мало такихъ словъ, которыя не сохранились ни, въ Греческомъ, ни въ Латинскомъ, ни, въ произшедшихъ отъ нихъ, Итальянскомъ, Французскомъ и другихъ, содержащихъ до сихъ поръ множество словъ Славянскихъ. Въ древнемъ Кельтскомъ яз. встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣд.: *jes* языкъ, *aba* губа, *glin* колѣно, голень, *bru* брюхо, *krau* кровь, *reson* разумъ, *son* сонъ, *tsil* сила, *liuni* лѣнивый, *bran*, *brana* брань, *kurte* короткій, *reza* рѣзать, *reak* рѣка, *derew* дерево, *bikon* быкъ, *keark* курица, *gus* гусь, *giarok* градъ, *bilisa* былица, *belen* бѣлый, *hon*, онъ, *po* подъ, *na* на, *wu* въ (praepositio), и т. п. *J Potiocki* Hist. Prim.

Слѣды подобнаго сродства языка Славянскаго съ древнимъ Греческимъ находятся еще у нынѣшнихъ Альбанцевъ, которые, въ неприступныхъ своихъ горахъ, суть, безъ сомнѣнія, истинные потомки древнихъ Эпиротовъ, сосѣдей старыхъ Илировъ. У нихъ до сихъ поръ: *peränti* богъ перунъ, *pakki*, покой, *kalubi* халупа, *phaggil* уголь, *miekula* мгла, *kiuc* ключь, *besrog*, postrzegam (примѣчаю), *koska* кость, *sumpul* szypel, *plucha* гной, *ciuba* дѣва, *trup* трупъ, *derres* держать, *miss* мясо, *mpelte* болото, *wulk* волкъ, *zelm* жаль, скорбь, *ku* колъ, *sskok* скакаю, *pi* пью, *paghaca* богатство, *ssapke* шапка, *skiure* шкура, кожа, *ciap*, цапъ, козелъ, *sberok*, *sbery*, щитъ, *penton*, нужу, *hsenes ksiezyc* (мѣсяцъ), *ziar*, жаръ, огонь, *hump* гублю, *dorog* дарю, *timär* зима, *piek*, пеку, *cholc*, голый, бѣдный, *pliest pchla*, блоха, *zonha* жена, и т., д. *Thunm.* Oestl. Vol. Albom.

caerulei, facie rubicunda et criniti;« позднѣйшіе писатели называли ихъ до XIV-го вѣка Гетами (204).

По всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ можно догадываться, что Эсты не принадлежали ни къ одному изъ сосѣдственныхъ имъ народовъ, и что они пришли въ тѣ страны, вѣроятно, съ юга. Это мнѣніе сильно подкрѣпляютъ остатки древняго языка Эстовъ, который, прилежно разсмотрѣнный въ наше время многими учеными, показываетъ, что въ его составѣ сохранилось множество слѣдовъ близкаго нѣкогда сосѣдства и долговременнаго общенія Эстовъ съ древними обитателями Греціи и Италіи. Будучи частью составленъ изъ языковъ Латинскаго, Греческаго и Готскаго, а частью изъ первобытнаго языка Славянъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ намъ, что мало заимствовалъ отъ Балтійскихъ Славянъ, и что уже во всемъ своемъ устройствѣ и особенностяхъ былъ перенесенъ на Сѣверъ (205) (*).

Эсты съ незапамятныхъ временъ прибыли къ Янтарнымъ берегамъ, гдѣ, окруженные множествомъ озеръ, безпрерывныхъ лѣсовъ и болотъ, жили спокойно въ продолженіе всѣхъ бурь, потрясавшихъ потомъ Европу. Только послѣ послѣднихъ переселеній Славянъ, часть этого народа удалилась на востокъ, въ глубину нынѣшней Литвы, и тамъ, во многихъ мѣстахъ, смѣшалась съ Литовцами. Религію и обычаи Эстовъ довольно основательно описалъ Гарткнохъ, съ показаніемъ источниковъ, которыми онъ пользовался (206).

Мы уже вообще замѣтили, что утѣсненные народы отличались отъ господствующихъ; однако жь они не были одного съ ними племени, потому что явственно отличались отъ нихъ своими природными свойствами. Главный народъ Иберскій Лигуры, Туски, Баски, Аквитанцы и Силуры, принадлежали къ черно; Венеды къ темно; а Феппы къ желто-волосымъ обитателямъ Европы. Судя по небольшому, но дородному тѣлосложенію однихъ, а слабому и безобразному другихъ поколѣній, коихъ бѣдные остатки донынѣ живутъ въ Пиренеяхъ, Альпахъ и горахъ Британіи, Шотландіи и Скандинавіи, и, отличаясь отъ другихъ, съ давняго времени тамъ поселившихся, черноволосыхъ племенъ, похожи на Лапонцевъ, слѣдуетъ заключить, что древнѣйшіе черноволосые обитатели Европы разпались на два отдѣльныя племени: красивое Иберійское, и небольшое, но дородное, Лапонское (207).

Племена, нравы и обычаи жителей Европы, вѣроятно, также были различны, какъ и самое происхожденіе ихъ: вообще, смуглая кожа, черные глаза и волоса и средній ростъ, также преобладали у нихъ, какъ у Азіатцевъ и Африканцевъ, отъ которыхъ они отдѣлились.

---

(204) Tacit Germ. et Agricol. Dionys. Perieg. Plin. l. 6. c. 12. Schöning. Alt. geogr. Adam. Br. De sit. Dan. Mart. Gall. ed. Bandtke, p. 16. Kadlub l. 4. c. 15. Chalcocond. p. 14. Thunm. Nörd. Volk.

(205) X. Bohusz o jezyku Litew. Roczn. Tomarz P. N. Tom 6. Schlöz. Nörd. Gesch. Thunm. Nord. Völk. I. 8. Vater. Spr. d. Preus.

(*) Достойно замѣчанія, что какъ Римляне до Марія, такъ и Эсты, по свидѣтельству Тацита, имѣли на своихъ народныхъ знаменахъ дикаго вепря.

(206) Hartk. Diss. et priv. Prus. Duisburg. Chr. Prus. Michalo Lit. resp. Pol. Lsicki. De diis. Samog. Epist. Melet. Kojalow.

(207) См. прим. 7 и 66. Jornand. R. G. c. 2. Pinkert. Scyt. part. 1.

Познакомившись, такимъ образомъ, съ древними обитателями Европы и разсмотрѣвъ положенiе ихъ жилищъ, мы можемъ окончить наши изслѣдованiя слѣдующими общими выводами: въ послѣднiя до-Христiанскiя времена народы русоволосые вездѣ были здѣсь господствующими, а черно-и темноволосые имъ подвластными, или переселенцами. А какъ народы подчиненные, какъ слабѣйшiе, не могли вторгаться и селиться среди сильнѣйщихъ, и какъ укрѣпленныя мѣста, которыми владѣли, могли быть ими заняты только въ раннѣйшее къ нимъ прибытiе, то отсюда заключаемъ, что народы черно-и темноволосые были гораздо древнѣйшими обитателями этой части свѣта, нежели русоволосые.

Ни въ одномъ преданiи не упоминается, когда и какимъ образомъ произошло это народонаселенiе. Греки, для которыхъ Троянская война была столпомъ Вавилонскимъ, какъ все вообще производили отъ нея, такъ равно и изъ послѣдствiй ея хотѣли заселить великую часть Европы. То, что намъ намъ разсказывали о вторженiи въ Азiю Скиѳовъ, Амазоновъ и Сарматовъ, изгнанiи Пеласговъ и Киммерiянъ, и странствованiяхъ Энея, Антенора и другихъ, ничуть не объясняетъ нашихъ сомнѣнiй. А потому, желая изслѣдовать происхожденiе и, съ возможнымъ привдоподобiемъ, опредѣлить порядокъ, въ какомъ появились жители этой части свѣта, намъ не остается ничего болѣе, какъ только прилежно разсмотрѣть природныя свойства и жилища ихъ, и за свѣтомъ этихъ лучей пуститься въ доисторическую древность.

Слѣдуя за этими указателями, должно заключить, что племя черноволосое, похожее на Лапонцевъ, первое поселилось въ Европѣ, потому что, будучи, по природѣ своей, слабѣйшимъ, оно вездѣ обитало малочисленными толпами среди сильнѣйшихъ племенъ, и вездѣ, начиная отъ Лапонiи до Пиренеевъ и Корсики, занимало самыя крѣпкiя и наименѣе выгодныя мѣста.

Позднѣе, но также въ незапамятное время, прибыло другое, болѣе красивое, черноволосое племя, которое, занявъ всѣ южныя страны Европы до самаго Атлантическаго океана, тамошнихъ древнѣйшихъ обитателей частью истребило, частiю же загнало въ неприступныя горы. Этотъ народъ, вѣроятно, вышелъ изъ Азiатской Иберiи, находившейся на югъ отъ Понта, потому что тоже самое имя онъ перенесъ на новыя свои жилища. Вся та часть Европы, каторая, впослѣдствiи, составляла Кельтiю, долгое время называлась у древнихъ Иберiей. Нѣкоторые народы въ Испанiи, Галлiи и Гибернiи до конца своего существованiя назывались Иберами; прочiе же Лузитанцами, Турдетанами, Аквитанцами, Лигурами, и т. д. (208).

Кажется, въ ту же самую эпоху послѣ Иберовъ вторглось въ Европу темноволосое племя Венедовъ; первобытныя ихъ жилища назначали Гомеръ и другiе въ Паѳлагонiи, близъ Арменскихъ горъ, и въ Мидiи (209). Будучи издрев-

---

(208) Aristot. De mund. c. 3. et Meteor. l. 1. Avien or. Mar. Scyl. Peripl. l. 3. Strabo l. 1. c. 3, 4, 7, 11. Plin. l. 3, 57. Diod. l. 5. Joseph. Ant. Jud. Liv. l. 1, 5. Cluv. Ger. l. 1. Pinkert. d. Scyt.

(209) Hom. Ill. 2. Herod. l. 5. Strabo l. 1. 5, 11, 12.

ле близкими сосѣдами Азіатскихъ Иберовъ, Венеды могли имѣть съ ними много общаго касательно языка, религіи и обычаевъ; даже вѣроятно, что первые своимъ примѣромъ и переселеніемъ чрезъ Геллеспонтъ и Ѳракію привлекли въ Европу послѣднихъ. А такъ какъ тѣ завладѣли выгоднѣйшими южными странами, то потому, слѣдовавшіе за ними, принуждены были обратиться къ Сѣверу, откуда они, распространяя свои жилища, со временемъ, подвинулись, съ одной стороны, отъ Янтарняго моря, чрезъ Рейнъ, къ Арморикѣ и Атлантическому океану, а съ другой къ Италіи и Гельветскимъ Альпамъ. Вѣроятно, Венеды ранѣе Иберовъ прибыли въ Бельгію и Арморику, потому что Римляне нашли тамъ первыхъ, какъ бы осажденными среди послѣднихъ.

Въ такомъ состояніи, которое могло продолжаться много вѣковъ, застало ихъ племя русоволосое, вторгнувшись въ этѣ страны. Первобытными жилищами сего племени были Кавказскія горы и сѣверозападныя страны Каспійскаго моря, откуда оно, съ незапамятнаго времени, нападало на Азію и, наконецъ, разсѣялось по всей Европѣ (210). Первый народъ этого племени подъ именемъ Кельтовъ, идя, по видимому, вдоль Дуная, чрезъ южную часть лѣсовъ Гирцинскихъ, прибылъ въ Галлію, откуда, укрѣпившись, со временемъ, перешелъ за Пиренеи и на острова Британіи, а ок. 550 г. до Христіанства одна часть его, подъ предводительствомъ Белловеса, переправилась за Альпы въ Италію и тамъ поселилась, другая же, подъ начальствомъ Сеговеса, овладѣла Панноніей и землями за лѣсомъ Гирцинскимъ до самаго Сѣвернаго моря. Въ послѣдствіи видимъ подобныя странствованія народовъ Кельтскихъ въ восточныя страны, одни подъ предводительствомъ Пруса, а другія Бренновъ. Эти движенія, вѣроятно, прервали связь Вендовъ Балтійскихъ съ Адріатическими и заставили удалиться южныхъ жителей за цѣпь Карпатскихъ горъ до самыхъ янтарныхъ береговъ, которые въ то время считались источниками богатства (211) (*).

(210) Herod. l. 1. 4. Justin. l. 2. Strabo l. 7, 11. Plin. l. 4, 6. Arian. Alex. M. l. 1 et 4. Mela l. 1, 2. Diod. l. 2.

(211) Herod. l. 4. Liv. l. 5. Justin. l. 24. Plutar. ad March. et Camil. Diod. l. 2. c. 11 et l. 5. Strab. l. 4, 11, 12. Plin. l. 6. c. 12. Avien. or Mar. J. Potocki H. prim. Dionys. Perieget ap. Osor.

(*) Такъ какъ о движеніяхъ и судьбѣ похода Пруса намъ не осталось никакого извѣстія, то потому можно догадываться, что этотъ вождь, идя по слѣдамъ Сеговеса, привелъ жителей Кельтіи къ янтарнымъ берегамъ Балтійскаго моря; и что по имени его они назвались Прусами. Въ подтвержденіе такого мнѣнія можетъ служить, между прочимъ, то, что Плиній имѣлъ вѣрное извѣстіе о какомъ-то Кельтическомъ мысѣ въ той сторонѣ Балтійскаго моря, и что названіе рѣки Древенцы (у Страбона Druentia), текущей изъ Альпъ въ Рону, было перенесено, въ неискаженномъ своемъ видѣ, на рѣку, впадающую въ Вислу близь Торуня, которая издревле и теперь составляетъ границу Пруссовъ. Въ Альпахъ источники ея примыкали къ границамъ Венедскаго поколѣнія, Садасовъ (Strabo l. 4.). При этомъ должно замѣтить, что, кто бы хотѣлъ Пруссовъ и Гетовъ производить отъ Гетовъ, Даковъ или Ѳракійцевъ, тотъ можетъ также удобно объяснять себѣ разительное сродство языка (ихъ съ Греческимъ, Латинскимъ и Славянскимъ оттуда, какъ и производя ихъ изъ родины Кельтовъ. Извѣст-

Хотя почти половина Европы, заселенная Кельтами, называлась, по имени ихъ, Кельтіей и Кельтиберіей, видно, однако жъ, что перевѣсъ былъ невполнѣ на сторонѣ этого народа, потому что вездѣ въ сосѣдствѣ съ нимъ держались разныя поколѣнія Иберовъ и Венедовъ. Такое смѣшеніе Кельтовъ съ чужими народами должно было непремѣнно произвести то, что они, утративъ, большею частію, первобытные обычаи, религію и языкъ свой, во всемъ этомъ сблизились съ древнѣйшими обитателями завоеванной ими земли.

Послѣ Кельтовъ другое русоволосое племя Тевтоновъ, названное послѣ Германцами, вторглось (держась Карпатскаго хребта и Судетскихъ горъ) въ сѣверозападную часть Европы и, нашедши тамъ Венедовъ, равно какъ и переселенцевъ изъ Кельтіи, однихъ истребило, другихъ прогнало, а прочихъ совершенно отдѣлило отъ остальныхъ. Съ этого времени большая часть Европы прозвалась Скиѳіей и Кельто-Скиѳіей (212). Большая часть Венедовъ, уцѣлѣвши въ это нашествіе, удалилась за непроходимыя лѣса и болота Припетскія, тѣсня передъ собой желтоволосый народъ Финновъ, другіе примкнули къ горамъ Карпатскимъ, а остальные, отрѣзанные за Рейномъ отъ своихъ собратій, вмѣстѣ съ Арморійскими Венедами, подпали владычеству Римлянъ и имѣли общую участь со всѣми народами, тамъ обитавшими.

Нѣкоторыя Кельтскія поселенія, основанныя, по видимому, во время походовъ Сеговеса и Пруса, и перемѣшанныя, можетъ быть, съ Венедскими поколѣніями, какъ звенья разорванной цѣпи, простиравшейся отъ Боевъ и Паннововъ вдоль Вислы до самаго Балтійскаго моря, постоянно держались среди Германцевъ и Венедовъ, одни подъ именемъ Озовъ и Готиновъ, около истоковъ Одры и Вислы, а другіе, подъ именемъ Эстовъ, у Янтарныхъ береговъ (213) (*).

Въ этомъ разсѣяніи народовъ Кельтскихъ и Венедскихъ особенное вниманіе заслуживаетъ то обстоятельство, что Бои какъ въ Галліи, такъ и въ Италіи и на Дунаѣ, вездѣ были сосѣдями Венедовъ. Кто знаетъ, не были ль они

-му, что два первые языка были родные между собой, но впослѣдствіи, удалившіеся, а Венедскій происходилъ отъ общаго съ ними нѣкогда корня. Къ этому должно присовокупить, что, какъ между Кельтами, такъ и между Ѳракійцами, жили многочисленныя поколѣнія Венедовъ, которыхъ языкъ, вѣроятно, значительно смѣшался съ языками тѣхъ и другихъ. Наконецъ, что касается до названія Эстовъ, Гиноновъ или Готовъ, то, кажется, какъ одно, такъ и другое, не было ихъ собственностью, потому что не только сами они не употребляли ни одного изъ нихъ, но даже считали оныя обидными для себя. Вѣроятно названіе Эстовъ, т. е., Восточныхъ, получили они отъ сосѣднихъ Германцевъ, а нѣкоторые географы, слѣдуя Пиѳею (писавшему по наслышкѣ) неосмотрительно перенесли имя Готовъ съ лѣваго поморья Вислы на правое. Даже возможно, что и сосѣдніе Готы иногда нападали на самые янтарные берега на востокъ отъ Вислы; однако жъ нашествія ихъ не успѣли истребить тамъ собственныхъ Прусовъ и Летовъ, которые, распадаясь на разныя мелкія поколѣнія и отдѣльныя республики, пережили многія столѣтія.

(212) Xenoph. Mem. 2. Strabo l. 1 et 11. Plin. l. 4. Mela l. 3. Plutar. ad Mar.

(213) Tacit. Germ. Strabo l. 4, 7. Dionys. Perieg. ap. Osor. Plin. l. 6. c. 12.

(*) Кто знаетъ, не принадлежали ли и Бургунды, жившіе при Вислѣ, вмѣстѣ съ Лигіями, къ Кельтскимъ поселеніямъ?

одного съ ними происхожденія, подобно многимъ другимъ народамъ, которыхъ современные писатели, зная ихъ только по имени, часто смѣшивали съ Ѳракійцами, Кельтами, Иберами, и т. п.? Особенно это можно сказать объ Аквитанахъ и нѣкоторыхъ Бельгійскихъ народахъ (214).

Кромѣ этихъ главныхъ перемѣнъ, постигшихъ древнихъ обитателей Европы, происшедшія въ странахъ юговосточныхъ, не менѣе были замѣчательны. Древнѣйшія преданія упоминаютъ тамъ о владычествѣ Пеласговъ, отъ Пелопониса и Ѳракіи до самой Италіи; о бѣгствѣ Киммеріянъ, войнахъ съ Титанами, вторженіи Кельтовъ, и т. п. Когда все это прошло, оказалось, что въ позднѣйшее время во Ѳракіи владѣли два разные народа, то есть, господствующій, русоволосый, и, рядомъ съ нимъ, изгнанный имъ съ прежнихъ жилищъ, темноволосый; а въ состояніи осажденныхъ, кромѣ Пеласговъ, нашли еще Лелеговъ и Эпиротовъ (215). Отсюда слѣдуетъ заключать, что послѣдніе были гораздо древнѣйшими обитателями этихъ земель, нежели первые; что часть темноволосаго племени, вѣроятно, пробираясь въ западныя страны Европы, поселилась въ сосѣдствѣ ихъ, и что, впослѣдствіи, преслѣдуя Киммеріянъ, или во время переселенія Тевтоновъ, или же, наконецъ, въ другомъ какомъ-нибудь движеніи, ворвалось туда племя русоволосое, которое, какъ могущественнѣе всѣхъ прочихъ, однихъ осадило, а другихъ изгнало. Такимъ образомъ, господствующіе въ то время Ѳракійцы распадались, подъ общими названіями, на Ѳракійцевъ Гетскихъ, которые, по всему вѣроятію, равно и мнѣнію многихъ писателей, были племени Скиѳскаго, и на Ѳракійцевъ Кровиковъ и Кораллова или Гораловъ, занимавшихъ Гемъ до самаго Понта, и принадлежавшихъ, по своему происхожденію изъ Мидіи, къ племени Венедскому.

(214) Caesar. l. 7. Strabo l. 4, 5. Plin. l. 4 c. 18.

(215) Strabo l. 1, 5. 12, 13. Plin. l. 3. Dion. Halicar. ap. Reiske T. I. p. 29. Hesiod. Theog. Poliaen Stratag. 7. Herod. l. 1.

IV.

СМѢСЬ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ

О

ПАЦИНАКАХЪ или ПЕЧЕНѢГАХЪ,

Соч. Петра Фридриха Сума,

КАММЕРГЕРА И КОРОЛЕВСКО-ДАТСКАГО ИСТОРІОГРАФА.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1846.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Петръ Фридрихъ Сумъ былъ однимъ изъ первыхъ историческихъ изслѣдователей въ свое время. Онъ провелъ всю свою жизнь въ изученіи того, что случилось достопримѣчательнаго въ человѣческомъ родѣ. Начитанность его была достойна удивленія. Ему были извѣстны всѣ историческіе классики Греціи и Рима, писатели Восточные, равно вся историческая литтература среднихъ вѣковъ и современная, словомъ, все, что только было доступно ему, по его знанію языковъ. Въ книгахъ не имѣлъ онъ недостатка, потому что самъ, какъ человѣкъ богатый, имѣлъ превосходную географическую, этнографическую и историческую библіотеку, разрозненную, по смерти его, чрезъ продажу съ публичнаго торгу. Почему не осталось почти ничего, написаннаго до него по части Исторіи, чего бы онъ не прочиталъ со всѣмъ вниманіемъ и чѣмъ бы не воспользовался, гдѣ было нужно. Проницательный разумъ его легко отличалъ ложь отъ истины въ историческихъ изслѣдованіяхъ, и поставилъ его въ число отличныхъ историческихъ критиковъ своего времени. Критическая Исторія Даніи, написанная имъ, какъ произведеніе образцовое, давно уже извѣстна ученому свѣту. Историческія Разсужденія его, объясняющія происхожденіе народовъ, населявшихъ въ средніе вѣки Польшу, Россію и страны между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, также нынѣшнюю Европейскую Турцію на сѣверъ отъ Дуная, хотя достойны всякаго уваженія ученыхъ, занимающихся древностями Россіи, особенно по обилію источниковъ и полнотѣ обзора, но они, кажется, извѣстны у насъ только по

одному имени *. По крайней мѣрѣ, мнѣ не случалось видѣть, чтобы кто нибудь изъ нашихъ Археологовъ пользовался ими. Теперь, когда все, касающееся до Исторіи Россіи, собирается вмѣстѣ и издается въ свѣтъ, я поставилъ себѣ въ обязанность перевести съ Датскаго языка на Россійскій и Историческія Разсужденія Сума, и сдѣлать ихъ доступными каждому. Я совершенно увѣренъ, что этотъ переводъ облегчитъ во многихъ случаяхъ, труды занимающихся древнею Исторіею Россіи. Слогъ въ означенныхъ Разсужденіяхъ Сума, какъ почти обыкновенно случается въ сочиненіяхъ, гдѣ много цитовокъ, не хорошъ; но здѣсь дѣло не въ слогѣ, а въ сущности повѣствованія.

Переводчикъ.

Веймаръ.
Генваря 18 дня,
1843 года.

---

* См. Ивана Лобойка: Взглядъ на древнюю Словесность Скандинавскаго Сѣвера. СПБ. 1821, стр. 24, во второмъ примѣчаніи.

О

ПАЦИНАКАХЪ (ПЕЧЕНѢГАХЪ).

(писано 1766, а потомъ умножено позднѣйшими дополненіями).

Рѣшившись вкратцѣ разсуждать о происхожденіи народовъ, населявшихъ въ средніе вѣки Польшу, Россію и страны между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, а въ Европейской Турціи сѣверный берегъ Дуная, я начну эти изслѣдованія Пацинаками, которые въ десятомъ вѣкѣ особенно играли важную роль.

§. 1.

ИХЪ ИМЕНА.

Прежде, нежели пойду далѣе, поговорю объ ихъ именахъ. Греческіе писатели [1] называли ихъ *Πατζινακῖται* и *Πατζινάκαι*, а ихъ землю *Πατζινακία*; но у Латинскихъ писателей [2] получаютъ они различныя имена. Они называютъ ихъ то Pincenates, то Pizenati, то Petinci, то Pezineigi или Petinegi, Pincinati, Pinzinaci, Pincenarii, Pizenaci, Pecenaci, Pedenei, Pecinei, Pezenati. Въ Русскихъ и Польскихъ писаніяхъ [3] называются они Peczenigi, а нынѣ Славянами въ Украйнѣ Pecze-

1 Constant. de administr. imp. Corp. Byz. T. 22. c. 8. p. 49. c. 7. p. 48. Leonis Gramm. cheon. C. Byz. T. 6. 389.

2 Gotfr. Viterb. in Pistorii Scr. Germ. T. 2. col. 469. Anonymus in Schwandtneri Scr. Ung. T. 1. p. 18. Ditmarus in Leibnitzii Scr. Brunsw. T. 1. p. 397, 426. sq. Anonym. in Gest. Dei p. Francf. T. 1. p. 2, 3. Raimond. de Agiles ib. p. 140. Albert. Aquensis ib. p. 188. Luithprandus I. 1. c. 3. in Reuberi Scr. p. 92. Annalista Saxon. in Eccardi Corp. Histor. Medii aevi T. I. col. 226, 451. sq. Alberici Monachi trium fontium Chron. P. I. p. 225.

3 Bayer in Comment. Acad. Petrop. Tom. I. p. 402.

nihi. Какое изъ этихъ именъ собственно есть правильное, того нельзя сказать; должно, впрочемъ, думать, что они называли сами себя однимъ изъ нихъ, потому что онѣ подходятъ одно къ другому такъ близко, что измѣненія могутъ быть приписаны или ошибкамъ переписчиковъ, или различному выговору народовъ. Но какъ должно имѣть одно какое-либо постоянное имя для названія ихъ, то я избралъ для этого имя Пацинаковъ, потому что оно встрѣчается у Византійскихъ писателей, которыхъ было много, и которыхъ Императоры имѣли непрерывныя сношенія съ ними; къ тому же Пацинаки были почти смежны съ Греческою Имперіею, будучи отдѣлены отъ ней одною Булгаріею.

§. 2.

ИХЪ ДРЕВНѢЙШЕЕ МѢСТОПРЕБЫВАНІЕ БЫЛА СОГДІАНА, И ОНИ НАЗЫВАЛИСЬ ТОГДА КАНГАРИ, ИЛИ КАНДАРІИ.

У древнѣйшихъ географовъ, Страбона, Птоломея, Мелы, Плинія, не встрѣчается имени Пацинаковъ; изъ сего должно заключать или то, что Пацинаковъ не было въ ихъ время, или еще то, что они жили такъ далеко къ Востоку, что они совсѣмъ не знали ихъ, или вѣрнѣе, можетъ статься, то, что они называли ихъ другимъ именемъ. Императоръ Константинъ [4], жившій въ десятомъ вѣкѣ и наилучше всѣхъ описавшій ихъ, свидѣтельствуетъ, что три племени изъ осьми, на которыя они раздѣлялись, назывались Кангаръ, что означаетъ храбрость, и что онѣ были благороднѣе другихъ. Поелику это слово взято не изъ Греческаго языка, то должно думать, что оно есть собственное Пацинакское. Теперь Геродотъ [5] говоритъ о народѣ, называемомъ Гандаріями, который вмѣстѣ съ тремя другими неизвѣстными народами долженствовалъ платить въ дань Персидскому Царю Дарію, сыну Гистаспову, 170 талантовъ, и что онъ вмѣстѣ съ Дадиками находился подъ властію одного полководца въ Ксерксовомъ войскѣ, былъ вмѣстѣ съ Пареянами, Хоразмійцами и Согдіянами вооруженъ такъ же, какъ Бактрійцы, и имѣлъ легкія остроконечныя шапки, короткія копья и луки изъ тростника. Это мѣсто Геродота показываетъ, кажется, что Гандаріи жили въ смежности съ Бактріею; а Плиній [6] и Птоломей [7], называя ихъ то Кардарами, то Кандарами, или, по другому чтенію, Гандарами, уничтожаютъ всякое сомнѣніе въ отношеніи къ обоюдному мѣсту Геродота. Птоломей назначаетъ имъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими народами, мѣстопребываніе въ Согдіанѣ, странѣ, лежавшей внутри Бак-

4 De Administr. imp. c. 37. p. 87. in Corp. Byz. T. 22.
5 L. 3. c. 91. l. I. c. 66.
6 L. 6. c. 18. T. I. p. 675.
7 L. 6. c. 12. p. 186.

тріи, между двумя большими рѣками Гигономъ и Сигономъ, или Оксомъ и Яксартомъ, слѣдовательно они жили тамъ, гдѣ теперь находится почти Самаркандъ. Обративъ вниманіе на имя Кангаръ, мы найдемъ, что между имъ и Гандаріями или Кандарами мало различія, когда присовокупится къ нему окончаніе, и если мы будетъ писать Кангаріи, то произойдетъ между ими различіе такое, какое могло произойти или отъ различнаго выговора народовъ, или отъ ошибки переписчика. И это мое первое доказательство въ подтвержденіе мнѣнія, что Пацинаки въ древнія времена были извѣстны подъ именемъ Гандаріевъ. Мое второе доказательство состоитъ въ томъ, что мѣстопребываніе Пацинаковъ за Оксомъ около Самарканда, согласно съ тѣмъ путемъ, по которому, безъ всякаго сомнѣнія, они пришли оттуда и вторглись въ Европу, именно чрезъ рѣки Яикъ и Волгу, такъ что они были неизвѣстны прежде Европейцамъ, потому только, что жили такъ далеко къ Востоку. Но мое третіе доказательство таково, что оно доводитъ дѣло до очевидности, особенно въ соединеніи съ двумя предыдущими. Гезихій [8], писавшій свой Греческій Лексиконъ, какъ полагаютъ, въ шестомъ вѣкѣ, говоритъ: *Γάνδαρος ὁ ταυροκράτης παρ' Ἰνδοῖς.* Никто не станетъ противорѣчить, что здѣсь именуется Индія, ибо само въ себѣ справедливо, что Самаркандъ, гдѣ жили Гандаріи, принадлежалъ къ Индіи, въ чемъ убѣдится каждый, взявъ ландкарту въ руки. Сверхъ сего былъ народъ и въ Индіи, называвшійся Гангаридами отъ рѣки Гангеса, который нѣкоторые древніе писатели, кажется, смѣшали съ Гандаріями. Если же нѣкоторыя Пацинакскія племена назывались Кангаръ, потому что они были сильнѣе и благороднѣе другихъ, а Гандаріи, жившіе близъ Индіи, назывались тѣмъ же именемъ, потому что они были сильны и мужественны, какъ быки, то мнѣ можно, кажется, изъ того сдѣлать заключеніе, что Кангаръ и Гандаріи были одинъ и тотъ же народъ. Ученый Реландъ [9] свидѣтельствуетъ, что новѣйшіе Персы называютъ мужа, сильнаго и опытнаго въ спорѣ, Кандаваръ, а сильнаго и опытнаго въ военномъ искуствѣ Кондвара. Каждый, зная, какъ много словъ перешло изъ языковъ Великой Татаріи въ нынѣшній Персидскій, не удивится этому, но еще найдетъ въ немъ новое доказательство происхожденія Пацинаковъ изъ Великой Татаріи. Въ Польскомъ языкѣ [10] pęcznieju значитъ бухну, дѣлаюсь великимъ; но поелику Славяне называли Пацинаковъ Печенѣгами, а Поляки, какъ извѣстно, принадлежатъ къ Славянамъ, то мнѣ приходитъ почти на умъ, что Пацинаки получили такое имя отъ Славянскихъ народовъ, которые, хотя въ другомъ значеніи, по ненависти и враждѣ къ нимъ, перевели или, правильнѣе, исказили ихъ собственное имя Кангаръ, или Кандаръ чрезъ названіе подобнаго рода.

---

8 Lexic. colon. 800. T. 1. s. v. Gondarus.

9 Dissert. VI. de veter. ling. Ind. p. 221.

10 Eberleins Politisches (viell. Polnisches) Wörterbuch, p. 189.

§. 3.

ПО СВОЕМУ ПРОИСХОЖДЕНІЮ ОНИ БЫЛИ, ВѢРОЯТНО, ИССЕДОНЫ ИЛИ МАССАГЕТЫ.

Если мы обратимъ вниманіе на положеніе перваго мѣстопребыванія Пацинаковъ, и видимъ, что они жили въ смежности съ Исседонами, отъ которыхъ происходятъ нынѣшніе Манджу, Тунгузы и нѣкоторые другіе народы, живущіе далеко отъ востока къ Великой Татаріи, и съ Массагетами, отъ которыхъ произошли извѣстные въ средніе вѣки Гунны и Турки, а теперь, Туркоманны, Калмыки и Монголы, если мы, говорю, обратимъ на все это вниманіе, то само собою приходитъ на мысль, что они происходятъ или отъ первыхъ, или отъ другихъ, особенно, когда мы въ то же время беремъ во вниманіе ихъ мужество и дикіе нравы. Но для совершеннаго рѣшенія этой задачи потребенъ человѣкъ, который бы зналъ Калмыцкій и нѣкоторые Татарскіе языки и былъ бы въ состояніи объяснить Пацинакскія слова, встрѣчающіяся у Императора Константина. Вѣроятнѣе, впрочемъ, что Пацинаки произошли, или были въ сродствѣ съ Гуннами, или теперешними Калмыками и Монголами болѣе, нежели съ Манджу, особенно, когда мы находимъ, что первые безпрестанно вторгались въ западныя страны и нападали на Европу, чего мы не видимъ о другихъ, которые постоянно, кажется, оставались въ восточныхъ странахъ Азіи.

§. 4.

ИХЪ ВТОРОЕ МѢСТОПРЕБЫВАНІЕ БЫЛО ПОДЛѢ ЯИКА И ВОЛГИ.

Мы не знаемъ времени, въ которое Пацинаки оставили свои жилища въ Согдіанѣ; но то извѣстно, что они жили потомъ около рѣкъ Яика и Волги, названныхъ у Императора Константина [11] Геехомъ и Ателью, изъ которыхъ въ первомъ каждый легко узнаетъ Яикъ, а второе есть одно изъ различныхъ именъ, приписанныхъ Волгѣ, тогда какъ она называлась Ра, Рось, Булга. Здѣсь Уцы и Мазары были ихъ сосѣдями. Первые назывались еще Половцами, и были народъ Гуннскій, очень сильный въ средніе вѣки. Послѣдніе назывались также Мадьярами, — имя, которымъ еще теперь называютъ себя Венгры. Извѣстно и то, что Пацинаки жили при упомянутыхъ рѣкахъ около 840 года, ибо Кедринъ [12] говоритъ, что въ то время Хазарскій Каганъ или Ханъ, какъ мы произносимъ его, посылалъ

---

11 См. Corpus Byz. Tom. 22. p. 86. c. 37.

12 Corp. Byz. Tom. 8. p. 415.

Пословъ къ Греческому Императору Ѳеофилу и просилъ у него позволенія укрѣпить крѣпость Сарсельтъ для удержанія Пацинаковъ отъ набѣговъ къ рѣкѣ Танаису или Дону. Изъ этого же видно, что Пацинаки рано помышляли о впаденіи въ Европу, и что вражда между ими и Хозарами началась такъ же рано. Эти Хозары были уже съ седьмаго вѣка очень сильны, и жили какъ на востокъ, такъ и на западъ отъ Дона даже до Борисѳена, или Днѣпра. Ѳеофилъ согласился на желаніе Хозарскаго Хана и приказалъ укрѣпить упомянутую крѣпость, которой настоящее имя было Саркелъ, и о которой будетъ сказано болѣе послѣ.

§. 3.

ХОЗАРЫ И УЦЫ ВЫГОНЯЮТЪ ОТТУДА ПАЦИНАКОВЪ, КОТОРЫЕ ОКОЛО 900 ГОДА СЕЛЯТСЯ ПРИ ДУНАѢ.

Когда Пацинаки прожили тамъ нѣсколько времени, тогда соединились противъ нихъ Уцы и Хозары, взяли надъ ними перевѣсъ и вытѣснили ихъ оттуда; послѣ чего Уцы овладѣли ихъ землями, а Пацинаки въ свою очередь изгнали Турковъ или Венгровъ и, занявъ земли ихъ, жили на нихъ еще 50 лѣтъ, до того времени, когда Императоръ Константинъ[13] написалъ свою книгу объ управленіи Греческою Имперіею, — книгу, которая болѣе, нежели всѣ другія изъ среднихъ вѣковъ, разливаетъ свѣтъ на исторіи Славянскихъ, Гуннскихъ и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ имъ народовъ. Пятидесяти лѣтъ, о которыхъ онъ упоминаетъ, нельзя брать въ точности, ибо онъ вскорѣ потомъ говоритъ опять, что Пацинаки прогнали Турковъ и овладѣли ихъ землями, за 55 лѣтъ до того, какъ онъ написалъ свою книгу. Если теперь положимъ, что онъ писалъ около 955 года, ибо онъ умеръ 959 года, а извѣстно, что онъ писалъ свою книгу въ послѣдніе годы своего правленія, то изгнаніе Пацинаковъ случилось около 900 года. Но если бы мы согласились съ Байеромъ[14], что онъ писалъ 948 или 949 года, то изгнаніе Венгровъ Пацинаками совпадало бы съ 893 или 894 годомъ, что болѣе согласуется со временемъ, въ которое Венгры вторглись въ Венгрію. Но для точнѣйшаго опредѣленія времени, должно изслѣдовать, когда упомянутые Турки оставили свою землю, потому что это случилось отъ превосходства силы Пацинаковъ надъ ними. И только тогда можно будетъ сказать, что подъ Турками разумѣютъ Византійскіе Писатели Венгровъ. Россійскій Лѣтописецъ Несторъ[15] свидѣтельствуетъ, что Угры, такъ онъ

---

13 L. c. p. 86.

14 Constant. l. c. p. 368.

15 Въ Müller's Samml. Ruß. Gesch. Th. 1. p. 14. и въ Lomonossow Alte Ruß. Gesch. Riga, 1798. 8. p. 80.

называетъ ихъ, прошли мимо Кіева 898 года въ страну, которая названа потомъ отъ имени ихъ Венгріею, и что Печенеги вторглись въ первый разъ въ Россію 915 года[16], но заключили миръ съ Россійскимъ Великимъ Княземъ Игоремъ, а потомъ поселились при Дунаѣ, и пошли на помощь Грекамъ противъ Болгаровъ. Но такъ какъ мы имѣемъ только неполныя извлеченія изъ Нестора, то и не можемъ положиться на него, особенно, когда въ томъ же событіи разногласятъ между собою Мюллеръ и Ломоносовъ, тогда какъ первый говоритъ, что Печенѣги сдѣлали первое нападеніе на Россію 915 года, а второй, что они пришли въ нее въ первый разъ, что можно разумѣть о мирномъ переходѣ чрезъ Россію. Но какъ бы то ни было, совершенно впрочемъ извѣстно, что это извѣстіе несправедливо въ томъ, что Печенѣги поселились подлѣ Дуная только 915 года, и что Угры прошли въ первый разъ мимо Кіева въ 898 году; ибо извѣстно, что они бѣжали отъ Пацинаковъ, и что за нѣсколько лѣтъ прежде начали селиться въ той странѣ, которая въ послѣдствіе времени названа по имени ихъ Венгріею. Можетъ, конечно, статься, что они не вдругъ были вытѣснены оттуда, и потому нѣкоторые могли пройти чрезъ Россію послѣ, въ 898 году. Ни одинъ писатель не говоритъ впрочемъ, что Венгры бѣжали, и овладѣли Панноніею и землею Аваровъ, то есть, теперешнею Венгріею, прежде, кромѣ Речино[17], который пишетъ, что это случилось въ 889 году, и что они были вытѣснены Печинатами, которые были и многочисленнѣе и сильнѣе ихъ, и жили на землѣ, недостаточной для прокормленія ихъ; при сихъ послѣднихъ словахъ должно взять во вниманіе, что ему было неизвѣстно, что Пацинаки въ свою очередь были вытѣснены, такъ что онъ ошибся въ истинной причинѣ, почему они вытѣснили Венгровъ. Но въ отношеніи къ годичному числу пришествія Угровъ въ Венгрію онъ заслуживаетъ величайшую довѣренность, какъ потому, что у него есть многія основательныя извѣстія, такъ въ особенности потому, что онъ жилъ въ тѣ самыя времена, и умеръ почти спустя двадцать лѣтъ послѣ. Сверхъ сего это время согласно съ тѣмъ, что Императоръ Арнульфъ призывалъ Венгровъ на помощь противъ Моравскаго Короля Звендебольха. Но такъ какъ я привелъ прежде изъ Императора Константина, что Пацинаки вытѣснили Турковъ или Венгровъ около 900 года, и сверхъ того сказалъ, что кромѣ его ни одинъ писатель не сообщаетъ подробнѣйшихъ извѣстій о Пацинакахъ, то можно было бы воспользоваться его авторитетомъ противъ Речино. Но я отвѣчаю на это, что Императоръ Константинъ, какъ можно видѣть, не имѣлъ намѣренія опредѣлить со всею точностію годы; иначе, онъ не допустилъ бы, что Пацинаки были вытѣснены въ продолженіи 50 лѣтъ прежде, нежели онъ написалъ свою книгу, и потомъ не сказалъ бы, что они послѣ бѣгства своего вошли въ

---

16 У Müller, p. 19. у Lomonossow, p. 90.

17 Въ Pistorii Scr. Germ. Tom. 1. p. 65.

землю, которую занимали въ теченіи 55 лѣтъ Я представляю себѣ это дѣло такъ, особенно когда древнѣйшая Лѣтопись, которую Венгерцы имѣютъ о своемъ переселеніи, говоритъ, что они въ 884 году прошли мимо Кіева[18], то есть, что Хозары и Уцы нѣсколько раньше начали нападать на Пацинаковъ, но что они ушли чрезъ нѣсколько лѣтъ, тогда какъ уже вытѣснили ихъ, что Пацинаки въ своемъ бѣгствѣ, вытѣснили Мазаровъ или Мадьяровъ, жившихъ между Волгою и Дономъ и, безъ сомнѣнія, составившихъ потомъ одинъ народъ съ Венграми, отысканіе древнѣйшаго мѣстопребаванія коихъ есть, можетъ быть, одна изъ труднѣйшихъ задачь во всей исторіи среднихъ вѣковъ, о которой теперь я еще не осмѣливаюсь сказать чего либо рѣшительнаго; что Пацинаки прожили, можетъ быть, потомъ нѣсколько лѣтъ въ землѣ Мазаровъ, пока, вытѣсненные и оттуда Уцами и Хозарами, не перешли чрезъ Днѣпръ и не поселились въ Молдавіи и Валахіи, гдѣ они опять наткнулись на Венгровъ, которыхъ надлежало имъ вытѣснить. Но и здѣсь, то есть, въ земляхъ при Дунаѣ, они достигли спокойнаго обладанія ими не прежде 900 года, что согласно съ правленіемъ Императора Константина.

§. 6.

ИХЪ ТРЕТІЕ МѢСТОПРЕБЫВАНІЕ БЫЛО ПРИ ДУНАѢ И ДНѢПРѢ.

Императоръ Константинъ[19] свидѣтельствуетъ, что ихъ третіе и послѣднее мѣстопребываніе на сѣверь отъ Дуная раздѣлялось на восемь округовъ или ѳемъ, какъ онъ называетъ ихъ, изъ которыхъ каждый управлялся своимъ большимъ Княземъ, и что эти округи дѣлились опять на 40 меньшихъ частей, изъ коихъ каждая управлялась меньшимъ Княземъ. Онъ сообщаетъ даже имена большихъ ѳемъ, но онѣ не однѣ и тѣ же въ двухъ мѣстахъ, почему я сравню ихъ здѣсь между собою:

1. Эртемъ.	Ябдіэртимъ.
2. Цуръ.	Кварццуръ.
3. Гила.	Гила.
4. Кулпе́е.	Сирукалпе́е.
5. Харобое.	Харобое.
6. Талматъ.	Бороталматъ.
7. Хопонъ.	Гіацихопонъ.
8. Цопонъ.	Буляцоспонъ.

Изъ этого сравненія видно, что только два округа удерживаютъ у него то же самое имя, и что различіе, замѣчаемое въ другихъ име-

18 Въ Schwandtneri Scr. Ungar. Tom. 1. p. 6. c. 7.

19 Constant. l. c. p. 86. et 87.

нахъ, происходитъ единственно отъ того, что онъ въ первомъ спискѣ хотѣлъ представить сокращенныя имена, почему я считаю болѣе правильными имена втораго. Четыре изъ этихъ ѳемъ, то есть: Цуръ, Кулпѐе, Талматъ и Цопонъ лежали на другой сторонѣ рѣки Данапра или Днѣпра на востокъ и сѣверъ къ Уціи, Хазаріи, Аланіи, Херсону и многимъ другимъ землямъ (при чемъ должно замѣтить, что Уція заключала въ себѣ второе мѣстопребываніе Пацинаковъ при Яикѣ и Волгѣ, что Херсонъ лежалъ въ южной части Крыма, что положеніе Хазаріи было уже описано мною прежде въ §. 4, и что Аланія находилась на югъ отъ рѣки Дона); другіе четыре ѳемы лежали по ту сторону Днѣпра на западъ и сѣверъ, такъ что Хопонъ имѣлъ направленіе къ Булгаріи (всякой знаетъ, что эта страна лежитъ на югъ отъ Дуная вдоль береговъ его), Гила къ Турціи (подъ которою разумѣется Венгрія и Семиградіе), Харбое къ Россіи (которая въ то время уже простиралась нѣсколько на югъ по Днѣпру, и въ которой главный городъ былъ Кіевъ), а Эртемъ къ землямъ, которыя платили дань Руссамъ, именно къ Ультинамъ, къ Дерлeнинамъ (можетъ статься къ извѣстнымъ въ Россійской Исторіи Древлянамъ), къ Ленценинамъ (коихъ имени не осмѣливаюсь искать въ Воеводствѣ Ленцскомъ въ великой Польшѣ, какъ потому, что оно лежало слишкомъ далеко, такъ и потому, что Поляки представляли уже въ тѣ времена и въ тѣхъ странахъ значительный народъ, такъ что означенное Воеводство, вѣроятно, принадлежало имъ, но вѣрю болѣе, что оно сохранилось въ городѣ Ленчнѣ въ малой Польшѣ въ Воеводствѣ Люблинскомъ, потому что оно лежитъ гораздо ближе), и къ нѣкоторымъ другимъ Славянскимъ народамъ. Константинъ объясняетъ потомъ самъ, что онъ разумѣлъ подъ словами, что Пацинакія имѣла направленіе къ Уціи и т. д. говоря, что отъ ней до Уціи и Хазаріи было пять дней ѣзды, до Аланіи шесть, до Мордіи (подъ которою разумѣется Мордовская земля) десять, до Руси одинъ, до Турціи четыре, а до Болгаріи полдня, но что она напротивъ того была близка къ Херсону, а еще ближе къ Босфору (разумѣется Киммерійскому). Когда я подумаю о словахъ Тацита, что Свевскіе народы всегда имѣли вокругъ себя пустыя земли, чтобъ сдѣлаться чрезъ то страшнѣе, то мнѣ приходитъ на мысль, что Пацинаки дѣлали то же самое по той же причинѣ и еще для того, чтобъ поставить себя чрезъ то въ бо́льшую безопасность. Изслѣдовать подробно протяженіе и границы Пацинакской земли, было бы излишнимъ трудомъ, потому что великій Байеръ это уже сдѣлалъ въ своемъ превосходномъ Разсужденіи о Географіи Россіи и прилежащихъ къ ней въ 948 году странъ изъ Императора Константина, почему я приведу изъ него вкратцѣ только то, что наиболѣе необходимо для узнанія Пацинакской Географіи съ тѣмъ, чтобы правильно разумѣть Исторію ихъ, и только тамъ войду въ нѣкоторыя подробности, гдѣ буду держаться другаго мнѣнія.

§. 7.

Описаніе Пацинакской земли, ея протяженія и границъ.

Байеръ думаетъ, что у Константина вмѣсто Хазаровъ, изгнавшихъ Пацинаковъ, должно читать Мазары, потому что мы находимъ Угровъ, составлявшихъ съ ними одинъ народъ, пришедшими потомъ въ Европу, и еще потому, что Константинъ самъ говоритъ, что Мазары и Уцы были ихъ сосѣди. Но какъ перемѣнять чтеніе всегда опасно, и Байеръ самъ возстаетъ противъ тѣхъ, которые хотятъ въ упомянутомъ мѣстѣ перемѣнить Хазаровъ въ Мазаровъ, потому, говоритъ онъ, что всѣ рукописи противорѣчатъ тому, то это же самое должно сказать и объ немъ, какъ не имѣющемъ основанія ни въ одномъ манускриптѣ. Сверхъ сего мы находимъ у Константина, что Пацинаки вытѣснили Венгровъ, что противорѣчитъ такъ же сказанному Байеромъ; и если бы Венгры поселились въ землѣ Пацинаковъ, при Волгѣ, то первые, распространившіеся потомъ отъ Дона до Дуная, не могли бы вытѣснить ихъ съ Волги, лежавшей такъ далеко на востокъ, куда Пацинаки никогда уже не возвращались [20]. Что касается до границъ Пацинаковъ, то Байеръ описываетъ ихъ такъ [21]: Отъ устья Борисеена или Днѣпра до переѣзда при Краріумѣ, гдѣ переправлялись чрезъ означенную рѣку, жили Херсонесцы и кромѣ того занимали южную часть Крымской Татаріи; они были подъ властію Греческихъ Императоровъ: прямо противъ нихъ, и только отдѣляясь Днѣпромъ, жили западные Пацинаки; съ другой стороны Днѣпра примыкали къ нимъ на большомъ пространствѣ восточные Пацинаки, а потомъ отдѣлялись отъ нихъ Хазарскою землею; отъ Краріума до Днѣпровскихъ пороговъ жили западные Пацинаки прямо противъ Хазаръ, такъ что Днѣпръ раздѣлялъ ихъ; съ пороговъ уже по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и почти до Кіева земля принадлежала Пацинакамъ. Онъ говоритъ, что прежде упомянутая крѣпость Саркелъ лежала не при собственно большомъ Донѣ, но при истокѣ малаго Дона; что по Славянски бѣлый городъ означаетъ то же, что Саркелъ на Турецкомъ языкѣ, которымъ говорили Хазары, почему Константинъ и перевелъ его чрезъ ἄσπρον ὁσπίτιον, а Леонтій Византійскій чрезъ Λευκὸν οἴκημα; что этотъ Донецъ служитъ рубежемъ между Пацинаками и Хазарами, такъ что первые жили на сѣверъ отъ него, а послѣдніе на югъ; что Пацинаки жили, вѣроятно, прямо къ Дону на сѣверъ отъ Хазаръ, ибо такимъ образомъ они могли жить ближе къ Уцамъ, нежели къ Аланамъ; отъ послѣднихъ они жили, по извѣстію Константина, въ разстояніи шести

---

20 Constant. l. c. p. 384 et 385.

21 L. c. p. 398 — 422.

дней ѣзды, а отъ первыхъ только въ пяти дняхъ. Что Пацинаки занимали всю страну между Россіею и Босфоромъ, подъ которымъ Константинъ разумѣлъ ту землю, которую занимали Хазары и Херсонесцы, что, какъ мы видѣли изъ предыдущаго, справедливо; что племя или ѳема Кварцицуръ жило по восточнымъ берегамъ Днѣпра, а племя Ябдіэртимъ по западнымъ. Что Саратъ и Буратъ жили далѣе всѣхъ племенъ на востокъ, подъ которыми, безъ сомнѣнія, разумѣются Сирукалпе́е и Бороталматъ. Это мнѣніе Байера, если оно справедливо, показываетъ, съ какою свободою сокращали и измѣняли слова; что отъ города Дистры, называвшагося прежде Доростоломъ, теперь Силистріею, лежащемъ при Дунаѣ, жили западные Пацинаки, то есть насупротивъ его, такъ что Дунай былъ между ими; что они распростирались вдоль моря отъ Дуная до Днѣпра; что пять рѣкъ протекали сквозь ихъ землю, и впадали въ Дунай. Брутусъ, то есть Прутъ, Серетусъ, теперь Сиретъ, Барухъ, которую Байеръ признаетъ Алутою, Труллусъ, которую онъ считаетъ рѣкою, впадающею почти прямо противъ Алуты съ юга въ Дунай, и Кубу, которой онъ не объясняетъ; но мнѣ кажется, что такъ какъ мы находимъ между Сиретомъ и Алутою на ландкартахъ двѣ рѣки Ялоничь и Дембровичь, называемый такъ же Аргишъ, то и должно принимать ихъ за Труллусъ и Кубу; что Алута была границею ихъ земли на западъ; что Ултины, Древленины и Ленгенины жили вдоль великой рѣки Припети, текущей съ запада на востокъ сквозь Литву, дѣлающей страну весьма болотистою и впадающей наконецъ въ Днѣпръ, что не противорѣчитъ моему мнѣнію, касающемуся до мѣстоположенія Ленчениновъ, потому что городъ Ленчна лежитъ не совсѣмъ далеко отъ истока упомянутой рѣки, такъ что можетъ придти на мысль, что Ленченины жили далеко на западъ, Древленины въ срединѣ, а Ультины къ востоку, которыхъ Байеръ, по сознанію его, не зналъ, и которые неизвѣстны такъ же и мнѣ, и наконецъ, что Пацинакія лежала на сѣверъ отъ Турціи или Венгріи. Доселѣ простирается описаніе Байера, въ которомъ собственно не опредѣлено, какія земли занимали Пацинаки, равно какъ не показано, что̀ Императоръ Константинъ разумѣлъ подъ однодневною ѣздою. Что касается до послѣдняго, то мнѣ осталось одно средство: прибѣгнуть къ древнему историку Геродоту, который полагаетъ 200 стадій на одинъ день ѣзды [22]; такъ какъ 33 стадіи составляютъ одну Нѣмецкую милю, то отсюда видно, что онъ полагаетъ шесть миль на одинъ день ѣзды, и это счисленіе, какъ мы увидимъ, совершенно согласно съ счисленіемъ Константина. Земля Пацинаковъ начиналась при впаденіи Дуная въ Черное море, простиралась потомъ вдоль Дуная до рѣки Алуты, однако-жъ такъ, что между ею и Дунаемъ находилось пространство на полдня ѣзды или на три мили пустымъ, для безопасности жителей отъ нападенія со стороны Болгаровъ; потомъ простиралась земля ихъ на сѣверъ по

---

22 Hérodot. L. IV. c. 101.

теченію рѣки Алуты, а отъ ней до Турціи или Венгріи было четыре дня ѣзды, или 24 мили, по какому счисленію часть Валахіи отъ Алуты до Венгріи и почти все Семиградіе долженствовали лежать пустыми. Отъ истока Алуты, граница уклонялась на сѣверо-западъ, такъ что входила въ Польшу при западномъ рубежѣ Покутіи, а оттуда онѣ тянулась нѣсколько вдоль Венгерскихъ границъ съ сѣвера на западъ, впрочемъ отнюдь не далѣе, какъ до того мѣста, докуда простиралась Червонная Россія; ибо если мы не согласимся на это, то Императоръ Константинъ не имѣлъ никакого права полагать Пацинакію на сѣверъ отъ Венгріи, и я думаю, что съ той стороны не оставалось пустой земли между сими двумя народами, потому что высокія Карпатскія горы служили надежною защитою для обоихъ; потомъ можно согласиться, что ихъ земля тянулась нѣсколько на сѣверо-востокъ, отъ Санока до Люкко, а оттуда почти по прямой линіи съ запада на востокъ къ Кіеву, отъ котораго она лежала на югъ въ разстояніи одного дня ѣзды или шести миль; оттуда простиралась вдоль Днѣпра до впаденія его въ Черное море, а потомъ вдоль Чернаго моря до впаденія въ него Дуная. Изъ этихъ границъ видно, что западная Пацинакія, ибо она только одна описана здѣсь, заключала въ себѣ всю Бессарабію и Молдавію, большую часть Валахіи, исключая небольшой клочекъ отъ Алуты до Венгріи, нѣсколько Семиградія, всю Подолію и Покутію, большую часть такъ называвшейся Червонной Россіи и значительную часть Волыніи и Украйны. Но здѣсь должно впрочемъ замѣтить, что Пацинаки были на высочайшей степени своего могущества когда Императоръ Константинъ писалъ свое сочиненіе, такъ что мы находимъ, что они въ послѣдствіе времени не занимали Червонной Россіи, Покутіи и собственной Подоліи. Границы восточныхъ Пацинаковъ опредѣлить гораздо труднѣе, но я постараюсь означить ихъ, какъ могу. На этой сторонѣ ихъ земля не простиралась до устья Днѣпра, но начиналась на нѣсколько миль выше, при мѣстечкѣ, называемомъ Краріумъ, гдѣ былъ перевозъ черезъ Днѣпръ, и простиралась потомъ на сѣверъ вдоль Днѣпра и оканчивалась за шесть миль до Кіева. Пониже Краріума земля ихъ была очень узка и ограничивалась сперва на малое пространство землею Херсонесцовъ, а потомъ Хазаровъ. Послѣдняя простиралась вдоль Азовскаго моря до Дона; но такъ какъ мы не знаемъ, какъ она была широка, то нельзя собственно опредѣлить, гдѣ начиналась земля Пацинаковъ. Извѣстно по крайней мѣрѣ то, что между Пацинакіею и Хазаріею было пять дней ѣзды, то есть, пустой земли на тридцать миль, и что все, что лежало на югъ отъ Донца, или малаго Танаиса, причислялось къ Хазаріи. Изъ сего я заключаю, что Пацинаки занимали землю Запорожскихъ козаковъ, всю Украйну, гдѣ лежитъ Полтава; потомъ земля ихъ отъ Кіева простиралась на сѣверо-востокъ, и заключала въ себѣ нѣкоторую часть Сѣверіи и Воротынска, ибо тамъ она могла повернуть на сѣверъ отъ Донца, и наконецъ простиралась прямо къ рѣкѣ Дону, и обхватывала собою великія пустыни или степи съ

обѣихъ сторонъ, изъ чего дѣлается вѣроятнымъ, что въ ней было заселено только небольшое пространство; ибо, по извѣстіямъ Константина, отъ ней до Мордіи было десять дней ѣзды, то есть шестдесять миль, подъ которою разумѣется народъ Мордва, занимавшій невѣроятно большіе лѣса въ Нижнемъ Новгородѣ; до Упіи, лежавшей при Волгѣ, пять дней ѣзды, то есть тридцать миль; до Аланіи, которая сверхъ другихъ земель, заключала въ себѣ землю Черкасовъ, шесть дней ѣзды, то есть тридцать шесть миль. Эти три измѣренія совершенно согласны съ настоящимъ положеніемъ мѣстъ, если мы припомнимъ себѣ, что Пацинаки оставляли позади себя нѣсколько пустой земли на сѣверъ и западъ отъ Танаиса или Дона. Напротивъ того нельзя допустить, чтобы между ими и Хазарами оставалось земли не населенною на пять дней ѣзды, или на тридцать миль; ибо въ такомъ случаѣ Пацинаки не имѣли бы земли для жительства, и, сверхъ того, Донецъ былъ достаточнымъ рубежемъ между сими двумя народами. Впрочемъ, я соглашаюсь, что тамъ лежало много земли пустою. Байеръ присовокупилъ ландкарту къ своему разсужденію, которая сдѣлала мнѣ очень много пособія.

§. 8.

ИХЪ НРАВЫ И МОГУЩЕСТВО.

Что касается до могущества и нравовъ Пацинакскихъ, то Императоръ Константинъ — наилучшій и почти единственный описатель ихъ. Его слова суть слѣдующія: Я полагаю, что для Римскаго Императора (должно замѣтить, что Греки постоянно называли себя Римлянами) выгодно имѣть всегда миръ съ Пацинаками, обходиться съ ними дружески, вступать въ союзы, и каждогодно посылать къ нимъ Апокрисіарія (апокрисіаріи были такіе чиновники, которые посылались въ посольства) съ дарами, приличными такому народу; что бы онъ могъ принимать отъ нихъ заложниковъ и посланника, которому здѣсь, въ Константинополѣ, должно оказывать всякія услуги и почести; ибо этотъ народъ граничитъ отчасти съ Херсономъ и можетъ, находясь не въ дружбѣ съ нами, сдѣлать нападеніе на означенную страну, и ограбить ее. Они граничатъ и съ Руссами, и часто вторгаются въ Русь, и причиняютъ въ ней ужасный вредъ, если Руссы не хранятъ мира съ ними. Почему Руссы стараются теперь имѣть съ ними миръ; ибо они покупаютъ у нихъ быковъ, лошадей и овецъ, потому что такого скота нѣтъ въ Россіи (здѣсь добрый Константинъ ошибся: если Руссы покупали у нихъ скотъ, то, конечно, не потому, что бы у нихъ не было его, но, вѣроятно, потому, что ихъ скотъ былъ лучше). Сверхъ сего Руссы не могутъ вести войны съ чужеземными народами, не имѣя мира съ Пацинаками; ибо, какъ скоро они выходятъ въ поле, другіе могутъ вторгнуться въ ихъ землю и опустошить ее. И поелику этотъ народъ храбръ и мужественъ, то

Руссы стараются всѣми силами имѣть его съ собою въ своихъ войнахъ. Руссы не могутъ такъ же ѣздить въ Константинополь какъ для войны, такъ и для торговли, не имѣя съ ними мира: ибо когда Руссы приплываютъ къ Днѣпровскимъ порогамъ, гдѣ они не могутъ продолжать плаванія, то должны выходить на землю, и несть на себѣ свои небольшія суда, и тогда Пацинаки нападаютъ на нихъ и безъ труда побѣждаютъ, потому что они не могутъ въ одно и тоже время заниматься двумя дѣлами. Турки (то есть Венгры) очень боятся Пацинаковъ; ибо они были часто побѣждаемы и разбиваемы отъ нихъ наижесточайшимъ образомъ; почему они живутъ въ страхѣ, и держатъ ихъ въ ихъ границахъ. И такъ если Римскій Императоръ будетъ имѣть миръ съ Пацинаками, то ни Руссы, ни Турки не могутъ нападать на него и отнимать у него золото, ибо тогда они будутъ бояться Императора, какъ огражденнаго силою и могуществомъ означеннаго народа. Въ случаѣ же, если они нападутъ на его землю, то Пацинаки, подвигнутые или союзомъ, или письмами, или дарами отъ Императора, могутъ вторгнуться въ ихъ землю, разорить ее, и отвесть ихъ женъ и дѣтей въ рабство. Римскій Императоръ будетъ такъ же страшнѣе для Болгаровъ, находясь въ союзѣ съ Пацинаками; ибо они могутъ напасть и на Болгарію, какъ и на вышеупомянутыя земли, и своею силою и множествомъ опустошить ее, почему и Болгары сохраняютъ очень рачительно дружество съ ними, потому что они были часто побѣждаемы и разоряемы ими. Одна часть Пацинакскаго народа граничитъ съ Херсономъ, ведетъ торговлю съ Херсонесцами, и провожаетъ ихъ и Императорскихъ людей въ Россію, Хазарію и Цихію (земля, лежавшая въ Азіи на восточной сторонѣ Чернаго моря). Они вывозятъ туда влаттіи (то есть всякаго рода шелковыя матеріи), прандіи (то есть ленты), харерiи (то есть драгоцѣнныя одежды), сементы (вѣроятно бахрамы), перецъ, пурпуровыя барсовыя кожи, и многіе другіе товары, въ которыхъ нуждаются тѣ народы (подъ пурпуровыми барсовыми мѣхами конечно должно разумѣть драгоцѣнныя барсовыя кожи съ красными пятнами, если только такія барсовыя кожи существовали). Когда Императорскій посолъ пріѣзжаетъ въ Херсонъ, то посылаетъ въ Пацинакію, и требуетъ проводниковъ и заложниковъ; послѣднихъ оставляетъ въ Херсонской крѣпости подъ надзоромъ, а самъ съ проводниками отправляется въ Пацинакію для приведенія въ дѣйствіе того, что ему приказано. Въ такомъ случаѣ Пацинаки, какъ ненасытные и чрезвычайно жадные ко всему, что у нихъ драгоцѣнно, не стыдятся требовать отъ него многихъ подарковъ, заложники какъ для себя, такъ и для своихъ женъ, а проводники за трудъ свой собственный и своихъ лошадей. И если онъ пріѣдетъ въ ихъ землю, то они требуютъ Императорскихъ подарковъ; потомъ, когда они получаютъ своихъ людей назадъ (то есть проводниковъ), требуютъ подарковъ для своихъ женъ и родныхъ; а наконецъ, по возвращеніи его въ Херсонъ, выпрашиваютъ у него снова платы за трудъ свой и своихъ лошадей. Когда же Императорскій посолъ пріѣдетъ къ Пацинакамъ, жившимъ около

Днестра и Днѣпра въ хеландіяхъ (нѣкоторый родъ небольшихъ судовъ, плавающихъ очень быстро), то онъ не выходитъ изъ своего судна, но беретъ Императорскія вещи и даетъ имъ знать о своемъ пріѣздѣ чрезъ слугу. Потомъ беретъ отъ нихъ заложниковъ, которыхъ хранитъ у себя на судахъ, и даетъ имъ заложниковъ съ своей стороны. Послѣ сего они присягаютъ по своему обычаю, а по присягѣ онъ раздаетъ имъ Императорскіе дары, и беретъ изъ нихъ въ друзья, кого хочетъ, и возвращается назадъ. Но такимъ образомъ можно вступать въ союзы съ ними, чтобъ они помогали Римлянамъ, гдѣ нужно, противъ Руссовъ, Болгаровъ ли то, или противъ Турковъ; ибо они страшны для всѣхъ ихъ, въ доказательство чего я расскажу только слѣдующее: Клерикъ Гавріилъ, бывъ посланъ Императорскимъ посломъ къ Туркамъ, сказалъ имъ: Императоръ хочетъ, чтобы вы своимъ войскомъ выгнали Пацинаковъ и заняли ихъ землю, на которой вы жили прежде, послѣ чего вы можете сдѣлаться сосѣдами его Имперіи, а онъ будетъ имѣть кратчайшій путь для посѣщенія васъ посольствами; но тогда всѣ Турецкіе Князья закричали въ одинъ ротъ: нѣтъ для этого силъ, ибо ихъ земля велика, ихъ множество неизчислимо, и къ тому же они воинственны; и такъ не приноси намъ такихъ непріятныхъ рѣчей, иначе Пацинаки будутъ приходить каждый годъ съ отдаленнѣйшихъ береговъ Днестра, подъ конецъ весны, въ наше сосѣдство, и проводитъ тамъ лѣто. Если Руссы плыли по рѣкѣ Днѣпру къ Константинополю, и предъ порогами выходили на землю, то были принуждены, изъ опасенія предъ Пацинаками, выставлять стражу, а потомъ достигши узскаго переѣзда Краріумъ, гдѣ берега были очень высоки, подвергались нападенію отъ нихъ. Далѣе оставались въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока не доходили до рѣки Селаны при Дунаѣ; ибо тамъ Пацинаки разъѣзжаютъ вдоль берега, и если когда буря прибьетъ ихъ малыя суда къ землѣ, то они долженствовали всѣ сходить съ нихъ для сопротивленія Пацинакамъ [23].

§. 9.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ТОЙ ЖЕ МАТЕРІИ.

Константинъ продолжаетъ такъ [24]: къ Франціи или Германіи лежала бѣлая Кроація, повиновавшаяся Франскому Королю Оттону (ее должно искать въ Карпатскихъ горахъ, и, можетъ быть, въ какой либо части Малой Польши, примыкавшейся къ нимъ), и немноголюдная, потому что она безпрестанно была опустошаема Франками, Турками (то есть Венграми) и Пацинаками. При этомъ случаѣ онъ го-

23 Const. de administ. imp, Corp. Byz. T. 22. c. 1. p. 48. c. 2. 3. et 4. p. 47. c. 5. 6. et 7. p. 48. c. 8. p. 49. c. 9. p. 50 et 51.

24 C. 31. p. 81. c. 37. p. 86. 87. c. 38. p. 88. c. 40. p. 89. c. 42. p. 91 et 92

верить, что она лежала на тридцать дней ѣзды отъ Черпаго моря, и если измѣрить разстояніе отъ него до Карпатскихъ горъ, то мы найдемъ, что между ими было отъ 8 до 9 градусовъ, а это доказываетъ, что онъ самъ полагаетъ около четырехъ миль на одинъ день ѣзды. Тогда какъ Пацинаки были изгнаны Уцами и Хазарами, управляли ими слѣдующіе Князья: Майцанъ въ ѳемѣ Эртемъ, Куель въ Цурѣ, Куркутанъ въ Гилѣ, Ипаонъ въ Кулпеѣ, Кайдумъ въ Харобоѣ, Костанъ въ Талматѣ, Гіаце въ Хоманѣ и Батанъ въ Цопонѣ. Я привожу эти имена единственно съ тою цѣлію, не объяснитъ ли ихъ кто нибудь съ помощію Монгольскаго, Калмыкскаго, или другихъ языковъ изъ тѣхъ странъ. Послѣднее имя Батанъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ именемъ великаго Монгольскаго завоевателя Батыя, жившаго въ тринадцатомъ вѣкѣ. По смерти этихъ Князей, по древнему закону и обычаю, дѣлались преемниками ихъ не сыновья или братья ихъ, но сыновья ихъ дядей по отцу, или даже внуки послѣднихъ, ибо они не хотятъ, чтобъ такое достоинство всегда оставалось въ одной линіи, но и не выходило бы изъ рода. По изгнаніи Пацинаковъ съ Волги, нѣкоторые изъ нихъ добровольно остались тамъ, жили между Уцами и были тамъ еще во время Константина, впрочемъ такъ, что легко можно было узнать, кто они были, и какъ отдѣлялись отъ своихъ единоземцовъ; ибо они ходили въ короткихъ платьяхъ, простиравшихся до колѣнъ, и съ обрѣзанными рукавами, чтобъ показать тѣмъ, что они были оторваны отъ своихъ единоземцевъ. На сторонѣ Днѣпра, которая была обращена къ Булгаріи, лежатъ нѣкоторые города въ развалинахъ при переѣздахъ чрезъ означенную рѣку; первый называли Пацинаки Аспронъ, то есть бѣлымъ, ибо онъ былъ построенъ изъ бѣлаго камня; второй Тунгате, третій Кракнате, четвертый Сальмакате, пятый Сакакате, и шестый Гіаюкате. Между развалинами этихъ городовъ есть слѣды церквей и каменныхъ крестовъ, почему нѣкоторые думаютъ, что тамъ жили прежде Римляне. Эти три ѳемы или племени Пацинаковъ, то есть Ябдіэртимъ, Кварцицуръ и Хабуксингала, назывались Кангаръ. Послѣднее племя Константинъ называетъ въ другихъ случаяхъ всегда только Гила. Эти Кангаръ подняли оружіе противъ Хазаровъ, но были побѣждены, послѣ чего они вторглись въ землю Турковъ и побѣдили ихъ. Одни изъ Турковъ пошли тогда на востокъ и поселились близъ Персіи, а другіе на западъ, въ мѣста называемыя Атель-кусу, занимаемыя теперь Пацинаками. Послѣ такого описанія дѣлается вѣроятнымъ, что Турки занимали сначала землю восточныхъ Пацинаковъ, а потомъ убѣжали оттуда, и поселились въ землѣ, занятой въ послѣдствіи времени западными Пацинаками. Но что собственно разумѣется подъ Ателью-кусу, мнѣ неизвѣстно; должно впрочемъ подъ нею разумѣть нѣкоторыя, если не всѣ, земли западныхъ Пацинаковъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Пацинаки снова напали на Турковъ, когда правилъ ими Арпадъ, побѣдили ихъ, и принудили бѣжать къ великой Моравіи, и съ того времени не было уже болѣе войны между сими двумя народами. Симеонъ, Царь Болгарскій, по-

сылалъ, въ царствованіе Греческаго Императора Льва Философа, пословъ къ Пацинакамъ, и заключилъ съ ними союзъ для нападенія на Турковъ, бывшихъ его врагами, и для опустошенія земли ихъ. Турки, не зная о томъ, пошли противъ Болгаріи; но тогда Пацинаки вторглись въ ихъ землю, избили семейства ихъ, и выгнали оттуда тѣхъ, которые были оставлены для охраненія земли. Турки, по возвращеніи своемъ, нашли землю опустошенною и разоренною, послѣ чего они переселились туда, гдѣ жили послѣ. Но та земля, которою Турки овладѣли сначала, называлась отъ протекающей чрезъ нее рѣки Этель и Кусу, гдѣ теперь живутъ Пацинаки и гдѣ Турки жили въ послѣднее время. Въ этомъ мѣстѣ встрѣчаются различные древніе памятники. Трояновъ мостъ при входѣ въ Турцію (что конечно довольно согласно съ тѣмъ, что я прежде сказалъ по Байеру о границахъ Турціи и Пацинакіи въ тѣхъ мѣстахъ), Бѣлеградъ, лежащій на три дня ѣзды отъ моста, въ которомъ есть башня изъ временъ Константина Великаго (такъ какъ между сими двумя мѣстами почти тридцать шесть миль, то по этому очисленію приходится по двѣнадцати миль на одинъ день ѣзды; но при этомъ должно замѣтить, что здѣсь говорится не о ѣздѣ на сушѣ, но по рѣкѣ Дунаю), а оттуда до Сирміумъ было на два дня ѣзды, послѣ чего слѣдовала великая Моравія. Изъ этого описанія видно, что самъ Императоръ Константинъ подъ Этелью-Кусу понималъ Молдавію и Валахію, но не перемѣшалъ ли онъ земель, это другое дѣло; ибо въ этихъ земляхъ нѣтъ рѣки, извѣстной мнѣ подъ именемъ Этели, тогда какъ извѣстно, что Волга называлась такъ же Этелью или Ателью, почему я скорѣе вѣрю, что подъ Этелью-Кусу должно разумѣть нѣкоторыя земли подлѣ Волги, гдѣ нѣкоторыя племена Турковъ жили нѣкогда. Пацинакія простиралась отъ Дистры при Дунаѣ до Саркела, въ длину на шестьдесятъ дней ѣзды (что, полагая четыре мили на каждый день, составитъ двѣсти сорокъ миль) и тянулась вдоль Россіи и Босфора до Херсона и до Сарата, Бурата и тридцати земель. Самъ же Императоръ говоритъ въ другомъ сочиненіи [25], что къ Пацинакскимъ Князьямъ или Архонтамъ, какъ онъ называетъ ихъ, писалось съ такою надписью: Письма отъ Константина и Романа, Христолюбивыхъ Императоровъ Римскихъ, къ Князьямъ Пацинакскимъ, а внизу такого письма привѣшивалась золотая булла или печать.

§. 10.

КАКЪ И КОГДА ПАЦИНАКИ ОВЛАДѢЛИ ТОЮ ЗЕМЛЕЮ, КОТОРАЯ БЫЛА ТРЕТЬИМЪ МѢСТОМЪ ИХЪ ЖИТЕЛЬСТВА.

Разсматривая величину земли, въ которой Пацинаки основали свое третье жительство, нельзя думать, чтобъ они въ одинъ годъ,

25 Constant. de Ceremoniis aulae Byzantinae. Ex edit. Reiskii Lipsiae, 1751, fol. L. 2, c. 48. p. 399.

или вдругъ овладѣли ею. Къ сему же должно присовокупить, что Венгры или Турки, кажется, два раза были вытѣснены Пацинаками. Въ первый разъ съ 889 по 893 годъ, когда они жили между Дономъ и Днѣпромъ, даже прежде того времени, потому что мы находимъ, что Турки уже 889 года вторглись въ Венгрію, и что Пацинаки, какъ должно думать, 893 года имѣли уже часть земли ихъ въ своей власти, ибо Императоръ Константинъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что они жили тамъ въ продолженіи 55 лѣтъ, до того времени, какъ онъ писалъ свое сочиненіе. Но поелику въ другомъ мѣстѣ разсказываетъ онъ, что они жили въ землѣ ихъ только 50 лѣтъ, а по словамъ Нестора, Угры прошли мимо Кіева 898 года, что совершенно согласуется съ счисленіемъ Императора, то должно полагать, что Пацинаки овладѣли землею между Днѣпромъ и Дунаемъ не прежде 898 года. Но здѣсь встрѣчается впрочемъ большое затрудненіе въ томъ, что Угры, какъ говорится, прошли мимо Кіева, и потому шли они, кажется, съ сѣвера; а изъ сего слѣдуетъ, что эти Угры жили на востокъ отъ Днѣпра и, можетъ статься, были изъ оставшихся позади, тогда какъ прочіе единоземцы ихъ бѣжали отъ Пацинаковъ; ибо нельзя отрицать того, что эти Венгры жили на востокъ отъ Днѣпра. И что Венгры поселились раньше въ Молдавіи и Валахіи, видно изъ повѣствованія Кедрина [26], что Императоръ Левъ Философъ, въ третій годъ своего царствованія, то есть въ 889, призвалъ ихъ оттуда на помощь противъ Болгаровъ. Отсюда слѣдуетъ, что Пацинаки еще до того времени согнали по крайней мѣрѣ большую часть ихъ съ восточныхъ странъ Днѣпра, и только послѣ этого времени вытѣснили ихъ изъ Валахіи и Молдавіи. Послѣднее должно впрочемъ случиться до 898 года; положимъ, что оно тогда только совершенно кончилось; ибо Венгры, уже вторгнувшіеся въ Великую Моравію, были призваны на помощь Императоромъ Арнульфомъ, около 894 года [27], и Императоръ Константинъ, который наилучше всѣхъ зналъ произшествія у Пацинаковъ и Венгровъ, говоритъ впрочемъ, что Венгры ворвались въ Великую Моравію только послѣ того, какъ были изгнаны Пацинаками. Изъ всего доселѣ сказаннаго ясно видно, что войны между Венграми и Пацинаками, какъ первая, такъ и послѣдняя, продолжались нѣсколько лѣтъ, и что изгнаніе первыхъ въ оба раза длилось также нѣсколько лѣтъ, и что слѣдовательно должно отличать годы, когда войны начинались, и когда онѣ оканчивались, ибо тогда только Пацинаки вступили въ спокойное обладаніе землями ихъ. Годфридъ Витербіенскій [28], писавшій около 1186 года, свидѣтельствуетъ, что Пинценаты вытѣснили Венгровъ изъ Скифіи, и что Пинценаты еще въ его время пили звѣриную кровь и ѣли сырое лошадиное, лисичье, волчье и кошечье мясо. Вѣроятно, что они, подобно нынѣшнимъ Татарамъ въ Малой Татаріи, клали мясо подъ

---

26 Corp. Byz. Tom. 8. p. 467.

27 Regino apud Pistor. Tom. I. p. 69.

28 Apud Pistor. Tom. 2. colon. 469.

себя на верховую лошадь, и потомъ ѣздили на немъ верхомъ, пока оно не дѣлалось мягкимъ. Что онъ называетъ землю, гдѣ жили Венгры, Скиѳіею, этому не должно удивляться, ибо писатели среднихъ вѣковъ и новые, по примѣру древнихъ, слишкомъ далеко распростираютъ это имя. Между тѣмъ извѣстно, что вся эта земля, которую занимали Пацинаки, была истинная древняя Скиѳія Геродота. Эггегардъ Врагіенскій, или такъ называемый Лѣтописецъ Саксонъ [29], заключившій 1139 годомъ, повѣствуетъ подъ 890 годомъ, что Венгры, будучи вытѣснены Печенаками, были призваны на помощь Арнульфомъ противъ Звендибольха, Короля Моровскаго. Алберикъ, инокъ trium fontium [30], кончившій свою Лѣтопись 1241 годомъ, подводитъ это подъ 893 годъ.

§. 11.

ВОЕННЫЯ ДѢЛА ПАЦИНАКОВЪ ВЪ ДЕСЯТОМЪ ВѢКѢ.

Показавъ такимъ образомъ, какъ и когда Пацинаки овладѣли землями, составившими ихъ третье мѣсто жительства, я скажу теперь о томъ, что они тамъ совершили, слѣдуя, сколько возможно, порядку времени. Послѣ 903 года они и Куманы (Уцы) дѣлали безпрестанныя нападенія на Семиградіе, которое было заселено тогда Влахами (родъ Болгаровъ и Валаховъ) и Славянами, которые не имѣли другаго оружія, кромѣ лука и стрѣлъ, и вскорѣ потомъ были покорены Венграми [31]. Изъ этого мѣста слѣдовало бы заключить, что Куманы уже такъ рано зашли далеко въ Европу; но другія, притомъ важныя причины и свидѣтельства не позволяютъ согласиться на это мнѣніе; почему его должно подвесть подъ одну изъ многихъ незначительныхъ погрѣшностей, встрѣчающихся у сего Венгерскаго Писателя, хотя у него есть превосходныя извѣстія. (Но Куманы-Уцы, можетъ ли это быть правильно?) Развѣ должно думать, что онъ жилъ во время Бѣлы Четвертаго, правившаго Венгріею съ 1235 по 1270 годъ. Между 912 и 919 годомъ, когда Зоя управляла Греческою Имперіею вмѣсто сына своего, юнаго Константина, Симеонъ, Царь Болгарскій, опять сдѣлалъ нападеніе на Ѳракію; при этомъ случаѣ Іоаннъ Вага домогался себѣ Патріаршества, и обѣщался доставить за то вспомогательное войско Пацинаковъ. Почему онъ отправился съ дарами въ Пацинакію, привезъ съ собою въ Константинополь заложниковъ, и обѣщанія, что они перейдутъ чрезъ Дунай и начнутъ войну съ Симеонъ. Послѣ чего Патрицій и Друнгарій, то есть Адмиралъ, Романъ и Іоаннъ, сынъ Ваги, были отправ-

---

29 In Ecc. corp. Hist. med. aevi, Tom. 1. col. 226.

30 Ex edit. Leibnitii, Pars I. p. 225.

31 Anonymi hist. Ducum Hungariae, in Schwandtneri Script. Hung. Tom. I. p. 18. c. 25.

лемы со всѣмъ флотомъ къ Дунаю, для переездки Пацинаковъ черезъ него; но эти два чиновника такъ рассорились между собою, что Пацинаки разошлись по своимъ жилищамъ и не сдѣлали никакого пособія. По возвращеніи назадъ, Романъ едва не лишился своихъ очей. Такъ разсказываетъ это Леонъ Грамматикъ [32], писавшій около 959 года. Кедринъ [33], заключившій свою Исторію 1057 годомъ, говоритъ объ этомъ произшествіи такъ же, исключая того, что Вога, какъ онъ называетъ его, искалъ только сана Патриція, что и вѣроятно. Зонаръ [34], кончившій свою Исторію 1118 годомъ, повѣствуетъ объ этомъ такъ же, съ прибавкою впрочемъ раскава нѣкоторыхъ другихъ, что какъ Адмиралъ Романъ, такъ и Доместикъ войска, то есть верховный полководецъ, Левъ Фока, оба домогались Императорской власти, и что послѣднему было сказано, что первый отплылъ съ флотомъ, чтобъ захватить ее въ свои руки, почему онъ поспѣшно возвратился назадъ и уступилъ такимъ образомъ побѣду Болгарамъ, которые обратились, было, въ бѣгство. Извѣстно по крайней мѣрѣ, что Романъ чрезъ нѣсколько лѣтъ достигъ Императорской власти и сослалъ Императрицу Зою въ монастырь. Хотя онъ предоставилъ имя Императора юному Константину, но самъ распоряжалъ всѣми дѣлами самовластно, а Константинъ, оставаясь съ саномъ, былъ ниже его и его сыновей. Безъименный Писатель [35], писавшій около 961 года, Симеонъ Логоѳетъ [36], заключившій свое сочиненіе такъ же 961 годомъ, и Георгій Инокъ [37], кончившій около 950 года, расказываютъ это произшествіе такъ же, какъ Кедринъ, исключая то, что два послѣдніе прибавляютъ, что Романъ не хотѣлъ принять на корабли Римлянъ, бѣжавшихъ отъ Болгаровъ. Поелику всѣ они говорятъ, что Вога искалъ мѣста Патриція, то вѣроятно, что у Леона Грамматика ошибка переписчика, когда онъ говоритъ, что онъ искалъ себѣ патріаршества. 915 года Пацинаки сдѣлали первое нападеніе на Россію [38], и въ тотъ же годъ, по словамъ Нестора, случилось между Греками и Пацинаками то, что я только что расказалъ выше. 944 года пошелъ Русскій Великій Князь Игорь съ многочисленнымъ войскомъ изъ различныхъ народовъ, между которыми были и Пацинаки, противъ Константинополя, какъ кажется, на судахъ, но Греческій Императоръ заключилъ съ нимъ миръ и далъ ему знатные дары; послѣ чего Игорь отрядилъ Пацинаковъ весть войну съ Болгарами [39]. Это

---

32 Corpus Byz. Tom. 6. p. 389 et 390.

33 Ibid. Tom. 8 p. 479 et 481.

34 Ibid. Tom. 10. Pars. 2. l. 16. p. 146.

35 Ibid. Tom. 16. p. 179 et 180.

36 Ibid. p. 356 et 357.

37 Sbid. p. 424 et 425.

38 Nestor in Müllers Samml. Ruß. Gesch. 1. p. 19.

39 Nestor. p. 21 et 22.

повелѣніе, вѣроятно, простиралось только на Пацинаковъ, служившихъ ему, безъ сомнѣнія, за плату. 969 (но можетъ статься, вѣрнѣе 968 года) Пацинаки опять сдѣлали нападеніе на Россію, тогда какъ Великій Князь Святославъ былъ въ отсутствіи и велъ войну съ Болгарами и Греками. Они держали въ осадѣ его мать Ольгу и сыновей Ярополка и Олега въ Кіевѣ до того, что тамъ открылся голодъ. Но одинъ отрокъ, знавшій Пацинакскій языкъ, вышелъ изъ города, переплылъ Днѣпръ и собралъ нѣсколько вспомогательнаго войска у ближайшихъ народовъ, съ которымъ вышелъ противъ Пацинаковъ, распустивъ напередъ слухъ, что это былъ самъ Великій Князь Святославъ со всѣмъ своимъ войскомъ; чѣмъ они были такъ устрашены, что обратились въ бѣгство[40]. Ломоносовъ[41] расказываетъ это объ Игорѣ такъ, что онъ имѣлъ Пацинаковъ на жалованьѣ, держалъ у себя ихъ заложниковъ, и что они большею частію получили золото и шелковыя матеріи, подаренныя ему Греческимъ Императоромъ Романомъ; а объ осадѣ Кіева, что Руссы пришли ему (Кіеву) на помощь на судахъ, что они взяли къ себѣ престарѣлую Великую Княгиню Ольгу и юныхъ сыновей Святослава, объявивъ, что они были только передовыя войска Святослава, и что все Святославово войско слѣдуетъ за ними, что побудило Пацинакскаго Князя заключить миръ съ Русскимъ воеводою, и подарить ему коня, саблю и стрѣлу, за что самъ онъ получилъ отъ него броню щитъ и мечь. Потомъ Святославъ дѣйствительно возвратился назадъ и прогналъ Пацинаковъ далеко отъ Кіевскихъ границъ. 971 года[42] Святославъ опять сдѣлалъ нападеніе на Греческую Имперію и имѣлъ между другими народами Пацинаковъ съ собою. Война продолжалась съ перемѣннымъ щастіемъ, и наконецъ 972 года былъ заключенъ миръ, по которому Святославъ долженъ былъ возвратиться въ Россію съ малою дружиною, но богатою добычею. Одинъ изъ его воеводъ, Свенельдъ совѣтовалъ ему возвратиться въ Кіевъ сухимъ путемъ, потому что плаваніе по рѣкѣ Днѣпру было для него опасно отъ Пацинаковъ, живших около Днѣпровскихъ пороговъ. Но не смотря на это, Святославъ отправился послѣднимъ путемъ, и испыталъ на себѣ худыя слѣдствія отъ того, ибо жители Переяславца въ Булгаріи извѣстили обо всемъ Пацинаковъ, которые окружили потомъ Руссовъ при Днѣпровскихъ порогахъ такъ, что они принуждены были зимовать въ Бѣлобережьѣ (то есть въ озерѣ Березенѣ, которое чрезъ узское отверстіе соединяется съ Чернымъ моремъ, въ двухъ миляхъ ниже Очакова, изъ чего видно, что Руссы возвратились съ своимъ флотомъ назадъ), гдѣ они претерпѣвали такой голодъ, что лошадиная голова стоила полгривны (вся гривна составляла почти двѣнадцатую

---

40 Nestor, p. 98.

41 Alte Ruß. Geschichte, p. 92, 93, 112 et 113.

42 Lomonossow's Alte Ruß. Geschichte p. 118. 125.

часть Голландскаго червонца)[43]. Потомъ они опять пустились въ свой путь, но въ началѣ весны (973 года) нечаянно были настигнуты при упомянутыхъ порогахъ Пацинакскимъ Княземъ Курею, и Святославъ съ большею частію своей дружины былъ убитъ; немногіе проводили Свенельда невредимымъ до Кіева. Пацинаки обдѣлали Святославовъ черепъ въ золото и, сдѣлавъ на немъ надпись: Кто ищетъ чужаго сокровища, тотъ потеряетъ свое собственное, пили потомъ изъ него на своихъ пиршествахъ. Мюллеръ[44] хотя и пользовался Несторомъ, уклоняется однакожъ въ слѣдующемъ отъ расказа Ломоносова: Воеводу, совѣтовавшаго Святославу возвратиться въ Кіевъ верхомъ на конѣ, называетъ онъ Отеномъ Свенальдомъ; суда, на которыхъ возвращался Святославъ, были, говоритъ онъ, очень малы; Пацинаки поджидали его на нѣкоторыхъ небольшихъ островахъ, лежавшихъ въ Днѣпрѣ (безъ сомнѣнія на тѣхъ самыхъ, гдѣ живутъ теперь Запорожскіе козаки), и угрожали ему потопленіемъ его; мѣсто, гдѣ онъ провелъ зиму, называлось Бѣлымъ-берегомъ; и наконецъ, что Святославъ былъ, сначала взятъ въ плѣнъ, а потомъ умерщвленъ. Такъ кончилъ свою жизнь сей мужественный и воинственный Князь, колебавшій неоднократно Булгарію и Греческую Имперію. Греческіе Писатели говорятъ объ этомъ достопримѣчательномъ событіи такъ: Кедринъ[45] говоритъ, что Свендостлавъ, такъ онъ называетъ его, вторгся во Ѳракію съ войскомъ изъ 308,000 воиновъ, состоящимъ изъ Руссовъ, Болгаровъ, Пацинаковъ и Турковъ или Венгровъ, такъ что Руссы и Болгары шли въ военномъ порядкѣ по себѣ, Турки по себѣ, а Пацинаки сами по себѣ. Послѣдніе были побѣждены хитростію такъ, что часть Грековъ, показавшись предъ ними, притворилась оробѣвшею и отступила назадъ, потомъ пустилась даже бѣжать, почему Пацинаки, называемые у него такъ же Скиѳами, преслѣдовали ихъ безъ малѣйшаго порядка до тѣхъ поръ, пока не нашли на большую Греческую армію; тогда было сдѣлано на нихъ нападеніе съ переди и съ тылу и съ обѣихъ сторонъ, и они почти всѣ погибли. Пацинаки, не бывшіе въ этомъ сраженіи, не устрашились и выступили противъ Грековъ, но и они, послѣ жестокаго сраженія, были побѣждены. Многіе изъ нихъ были убиты, еще болѣе взято въ плѣнъ, а самая большая часть остались ранеными; даже, если бы не наступила ночь, ни одинъ изъ нихъ не ушелъ бы оттуда. Когда былъ заключенъ миръ между Руссами и Греками, то Греческій Императоръ Іоаннъ Цимисхій, побуждаемый Русскимъ Великимъ Княземъ, согласился потребовать отъ Пацинаковъ чрезъ пословъ, чтобъ они были союзниками и друзьями Грековъ, не переходили бы болѣе чрезъ Дунай, для опустошенія Булгаріи, и позволили

---

43 Гривна, какъ и Исландская марка, составляла фунтъ, а полугривна—полфунта серебра. *Примѣч. Переводч.*

44 L. c. p. 102 et 103.

45 Corp. Byz. Tom. 8. p. 522. 523. 534.

бы Русскимъ свободно возвратиться въ свою землю. Пацинаки согласились на все, кромѣ статьи о свободномъ возвращеніи Руссовъ; почему они подстерегали ихъ и умертвили Сфендослава со всею его дружиною, потому что они сердились на него за то, что онъ заключилъ миръ съ Греками. Зонаръ [46] разсказываетъ все это такъ же, только что короче. По смерти Святослава правилъ сынъ его Ярополкъ, съ двумя братьями своими Олегомъ и Владиміромъ почти до 980 или 981 года, такъ что каждый изъ нихъ имѣлъ свой собственный удѣлъ. Но Ярополкъ одного изъ своихъ братьевъ, Олега, убилъ, а другаго, Владиміра, изгналъ, и былъ потомъ такъ счастливъ, что сдѣлалъ Пацинаковъ данниками себѣ, которыхъ Князь Алдея вступилъ потомъ въ Русскую службу и получилъ, кромѣ великихъ почестей, города и земли (вѣроятно, что Ярополкъ побѣдилъ только часть Пацинаковъ, ибо здѣсь говорится только объ одномъ Князѣ, а они имѣли ихъ много). Но послѣ нѣкотораго времени убѣжавшій отъ него Владиміръ возвратился съ многочисленнымъ войскомъ Варяговъ. Вѣрный слуга Ярополка, по имени Варяжко, совѣтовалъ ему удалиться къ Пацинакамъ, но онъ, по наущенію предателя Блуда, отдался своему брату и былъ умерщвленъ. Варяжко, или по словамъ Мюллера, самъ Блудъ, не полагавшійся на свою безопасность, убѣжалъ потомъ къ Пацинакамъ, возбудилъ ихъ Князей, и съ помощію ихъ велъ продолжительную войну противъ Владиміра [47]. Этотъ Государь оставилъ языческую религію и крестился 988 года, принявъ Греческую Христіанскую вѣру; его примѣру послѣдовалъ Пацинакскій Князь Метиганъ, крестившійся въ Херсонѣ. Пацинаки обезпокоивали его безпрестанными нападеніями, почему онъ приказалъ строить города по рѣкамъ Деснѣ, Выстри (Остеру), Трубежу, Сулѣ и Стугну, и населилъ ихъ Новгородскими Славянами, Кривичами, Вятичами и Чудью. 988 года онъ окончилъ войну противъ Пацинаковъ выгодно. Между 991 и 993 годами, онъ велъ войну съ Болгарами и Хорватами, но Пацинаки подоспѣли къ нимъ на помощь въ великомъ числѣ. Они встрѣтились съ Руссами при рѣкѣ Трубежѣ, такъ что каждое войско находилось на своей сторонѣ рѣки. Пацинаки выставили съ своей стороны одного силача и требовали того же отъ Руссовъ съ тѣмъ, чтобъ они кончили дѣло поединкомъ, и чтобы тотъ, кто побѣдитъ, считался побѣдителемъ за весь свой народъ. Одинъ сильный Россіянинъ явился и побѣдилъ Пацинака; послѣ сего все Пацинакское войско обратилось въ бѣгство и потерпѣло сильное пораженіе. Въ память этой побѣды Владиміръ приказалъ построить на томъ мѣстѣ городъ Переяславль, или: Онъ переялъ славу (то есть Пацинаковъ). 998 года Пацинаки напали на него неожиданно въ городѣ Василевѣ, гдѣ онъ былъ съ малою дружиною, такъ что онъ принуженъ былъ бѣжать и спрятаться подъ городскимъ мостомъ. Между тѣмъ, какъ онъ 999 года въ Новѣгородѣ,

---

46 Corp. Byz. Tom. 10. Pars 2. l. 17. p. 165 et 168.

47 Lomonossow, p. 127 — 133. Müller, p. 103 — 105.

они осадили городъ Бѣлгородъ и довели его до крайности голодомъ; но онъ, готовый уже сдаться, былъ спасенъ благоразуміемъ своихъ гражданъ, которые заставили думать своихъ непріятелей, что у нихъ есть еще великое множество съѣстныхъ припасовъ [48].

§. 12.

ВОЕННЫЯ ДѢЛА ПАЦИНАКОВЪ ВЪ ОДИННАДЦАТОМЪ ВѢКѢ.

Въ одиннадцатомъ вѣкѣ встрѣчаю я слѣдующія военныя дѣла Пацинаковъ: Мужественный Польскій Король Болеславъ 1013 года велъ войну съ Русскимъ Великимъ Княземъ Владиміромъ при помощи Нѣмцовъ, но имѣлъ и Пацинаковъ съ собою, которыхъ онъ, не смотря на то, что они были у него въ гостяхъ, приказалъ всѣхъ умертвить [49]. 1015 года Греческій Императоръ Василій узналъ, что Болгарскій Царь Іоаннъ и воевода Кракрасъ соединились вмѣстѣ, и поджидали вспомогательнаго войска Пацинаковъ, почему онъ самъ выступилъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ къ Булгаріи, но Пацинаки не пришли [50]. Въ тотъ же самый годъ умеръ Россійскій Князь Владиміръ, почему открылась война между двумя сыновьями его Святополкомъ, княжившимъ въ Кіевѣ, и Ярославомъ Княземъ Новгородскимъ. Первый имѣлъ Пацинаковъ, какъ вспомогательное войско, но былъ побѣжденъ 1016 года въ кровопролитномъ сраженіи и принужденъ бѣжать въ Польшу. Тамъ склонилъ онъ на свою сторону храбраго Короля Болеслава, который съ сильнымъ войскомъ Поляковъ, съ 300 Нѣмцовъ, 500 Венгровъ и 1000 Пацинаковъ вшелъ 1018 года въ Россію и, побѣдивъ Ярослава въ великой битвѣ, вошелъ въ Кіевъ. Дитмаръ, Епископъ Мерзебургскій, жившій въ тѣ времена, свидѣтельствуетъ, что между различными народами, жившими въ Кіевѣ, были и хищные Пацинаки. Но вскорѣ потомъ Ярославъ пришелъ назадъ, и вошелъ снова въ Кіевъ, а Святополкъ убѣжалъ къ Пацинакамъ, и возвратился съ сильною Пацинакскою арміею. Тогда произошло кровопролитное сраженіе, но наконецъ Ярославъ одержалъ побѣду, а Святополкъ, былъ принужденъ бѣжать и умеръ во время бѣгства [51]. Около 1026 года Пацинаки вторглись въ Булгарію, принадлежавшую тогда Грекамъ, умертвили и взяли въ плѣнъ множество народа, полководцевъ и воиновъ. Почему Императоръ Константинъ сдѣлалъ намѣстника Сирмійскаго Діогена герцогомъ Булгарскимъ, который часто нападалъ на нихъ, когда они бы-

---

48 Lomonossow, p. 162. 166. 168. 170 et 171. Müller, 110 — 112.

49 Ditmar. in Leibn. Script. Brunsw. T. I. p. 397.

50 Cedrenus Corp. Byz. Tom. 8. p. 557.

51 Lomonossow, p. 175 — 184. Müller, p. 171 — 184. Но кажется должно поставить 174. Ditmar. in Leibn. Script. Brunsw. Tom. 1 p. 426 et 427.

ли въ разсѣяніи, и принуждалъ ихъ переходить черезъ Дунай[52]. Въ правленіе Императора Романа въ Греціи, Пацинаки 1031 года ограбили Мизію, то есть Булгарію[53]. 1035 года, въ царствованіе Греческаго Императора Михаила, они опустошили всю Булгарію до Өессалоники въ Македоніи, а 1036 года весною они сдѣлали трижды нападеніе на ту же самую землю, опустошили все и перебили, безъ различія возраста, всѣхъ своихъ плѣнниковъ самымъ мучительнымъ и жестокимъ образомъ. Они плѣнили тогда же пять полководцевъ[54]. Въ тотъ же самый годъ они сдѣлали нападеніе на Россію и осаждали Кіевъ, тогда какъ Великій Князь Ярославъ находился въ Новѣгородѣ. Но онъ возвратился съ многочисленною силою, состоявшею изъ Руссовъ, Славянъ и Варяговъ, и побѣдилъ ихъ наконецъ совершенно, послѣ упорнаго сопротивленія. На томъ мѣстѣ, гдѣ происходила битва, сооружена потомъ церковь Св. Софіи. Ломоносовъ говоритъ, что съ того времени не было болѣе слышно имя Пацинаковъ; но это опровергается слѣдующими происшествіями изъ Исторіи ихъ[55]. Между 1044 и 1050 годами Пацинаки опять имѣли дѣла съ Греческимъ Императоромъ Константиномъ Мономахомъ. Кединъ пишетъ объ этомъ такъ[56], и дѣлаетъ притомъ слѣдующее достопримѣчательное описаніе состоянія Пацинаковъ въ тѣ времена: Они — Скиөскій народъ, изъ царственныхъ Скиөовъ, великорослый и многочисленный, противъ котораго никакой другой Скиөскій народъ одинъ устоять не можетъ. Онъ дѣлится на тринадцать племенъ (здѣсь или Кединъ ошибается, или со времени Императора Константина случилась у Пацинаковъ значительная перемѣна, ибо въ его время было ихъ только восемь), которыя хотя всѣ назывались Пацинаками, но каждое изъ нихъ носило на себѣ имя своего Князя. Они жили между Дунаемъ и Днѣпромъ до Паннонія, и переходили съ мѣста на мѣсто, живучи подъ шатрами. Ими управлялъ тогда Тирахъ, сынъ Кіетера, изъ одного весьма знаменитаго племени, но впрочемъ миролюбивый и спокойный. Въ тоже самое время былъ тамъ еще нѣкто по имени Кегенесъ, сынъ Балтцара, весьма низкаго происхожденія, но храбрый и опытный въ войнѣ, побѣждавшій часто Уцовъ, дѣлавшихъ нападенія и бывшихъ Уннскимъ народомъ, тогда, какъ Тирахъ не только не осмѣливался противустать имъ, но даже скрывался отъ нихъ въ озерахъ и болотахъ при Дунаѣ. Почему Пацинаки хотя имѣли уваженіе къ Тираху, за его высокое происхожденіе, но они любили Кенегеса за его храбрость. По этой причинѣ Тирахъ возненавидѣлъ

---

52 Cedren. Corp. Byz. T. 8. p. 564. Zonar. ibid. T. 10. Pars 2. l. 17. p. 179.

53 Cedren. ibid. p. 564. Glycas ibid. T. 9. p. 242.

54 Cedren. ibid. p. 576 et 578.

55 Lomonossow, p. 188. Müller, p. 187 et 188. Dlugossi Histor. Polon. L. 2. T. 1 col. 188.

56 Cedren. ibid. Tom. 8. p. 606 — 609. 611 — 617.

Кенегеса и рѣшился лишить его жизни. Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ покушеній втайнѣ на жизнь, онъ послалъ наконецъ отрядъ, напасть на него и убить. Но Кенегесъ убѣжалъ и скрылся въ болотахъ при Днѣпрѣ. Оттуда возбудилъ онъ свое собственное племя Белемарнисъ и другое по имени Пагуманисъ, отпасть отъ верховнаго Правителя. Съ этими двумя племенами онъ вступилъ потомъ въ борьбу съ Тирахомъ, имѣвшимъ на своей сторонѣ одиннадцать племенъ; но онъ былъ побѣжденъ множествомъ и принужденъ бѣжать. Скитавшись долго по болотамъ, онъ рѣшился наконецъ передаться Греческому Императору. Онъ отправился къ Доростолу на одинъ островъ, съ 20,000 своего народа, и далъ знать намѣстнику страны, Михаилу, сыну Анастасіеву, кто онъ, и что онъ ищетъ Императорскаго покровительства. Императоръ, получивъ извѣстіе о семъ, приказалъ дать содержаніе его народу, а его привесть со всѣми почестями въ Византію. Тамъ онъ былъ принятъ дружески и великолѣпно, сдѣланъ Патриціемъ, вписанъ въ число Римскихъ друзей, и получилъ въ подарокъ три за́мка при Дунаѣ со многими землями; онъ съ своей стороны далъ обѣщаніе креститься и уговорить къ тому же своихъ единоземцовъ; что и совершено монахомъ Евѳиміемъ, который крестилъ ихъ всѣхъ при Дунаѣ. Кенегесъ принялъ потомъ свои новыя земли при Дунаѣ во владѣніе, и укрѣпившись тамъ противъ всѣхъ непріятельскихъ нападеній, переходилъ черезъ Дунай въ Пацинакію и грабилъ, то съ 1000, то съ 2000 человѣкъ, то съ большимъ, то съ меньшимъ числомъ. Онъ убивалъ всѣхъ мущинъ, а женъ и дѣтей уводилъ и продавалъ Грекамъ. Почему Тирахъ отправилъ посла къ Императору, и приказалъ ему сказать, что такъ какъ между ими заключенъ союзъ, то ему надлежало или не принимать Кенегеса, или по крайней мѣрѣ воспрепятствовать ему дѣлать вредъ друзьямъ Римлянъ, угрожая войною, если это не прекратисся. Императоръ принялъ посла съ презрѣніемъ, просилъ Михайла и Кенегеса охранять берега Дуная и дать ему знать, если покажется какое либо большое войско, чтобъ онъ могъ послать туда западныя войска, и тогда же отправить сто галеръ, имѣвшихъ въ три ряда весла, къ Дунаю, для воспрепятствованія черезъ него перехода Пацинакамъ. Тирахъ выждалъ, пока наступила зима, перешелъ чрезъ замершій Дунай съ 800,000 человѣкъ, какъ носился тамъ слухъ, и началъ разорять и опустошать все. Императоръ, узнавъ о томъ, послалъ Македонскія и Болгарскія войска, вмѣстѣ съ войсками изъ Адріанополя, въ помощь Михаилу и Кенегесу. Съ ними Кенегесъ нанесъ Пацинакамъ великое пораженіе. Къ тому жъ случилось, что имъ попалось въ руки множество скота, вина и меду. О послѣднемъ они даже не слышали прежде, и потому пили его такъ, что получили ужасный рѣзъ, и многіе изъ нихъ умирали отъ него каждый день. Въ такомъ состояніи напалъ на нихъ Кенегесъ, и это нападеніе устрашило ихъ такъ, что они положили свое оружіе, а Тирахъ и другіе Князья сдались плѣнными. Кенегесъ совѣтовалъ умертвить ихъ всѣхъ, ибо змію, говорилъ онъ, должно убивать зимою, когда

она не можетъ шевелить своимъ хвостомъ, чтобъ она не причиняла вреда, когда отогрѣется теплотою солнца. Но Римскіе полководцы не находили удовольствія въ такомъ поступкѣ и признавали, что онъ несообразенъ съ Римскою кротостію, и что лучше разсѣять ихъ по пустымъ землямъ Булгаріи; ибо чрезъ это Императоръ можетъ получать значительныя доходы, и вмѣстѣ имѣть воиновъ противъ Турковъ и другихъ варваровъ. Послѣднее было приведено въ исполненіе, впрочемъ Кенегесъ умертвилъ всѣхъ Пацинаковъ, доставшихся ему въ плѣнъ, исключая тѣхъ, которыхъ онъ продалъ, и возвратился потомъ въ свои помѣстья. Прочіе, по отобраніи у нихъ оружія, были разсѣяны намѣстникомъ Булгаріи Василіемъ Монахомъ по полямъ близъ Сардики, которыя были опустошены и лежали недалеко отъ Софіи, Наиса, теперь Ниссы, и Евтзапеля. Тирахъ напротивъ того со 140 другими мужами былъ отведенъ къ Императору, который принялъ ихъ ласково, повелѣлъ окрестить и оказывалъ имъ великія почести, такъ что они вели у него жизнь спокойную. Вскорѣ потомъ возгорѣлась у Императора война съ Персидскимъ Султаномъ и онъ вооружилъ тогда между прочими 15,000 Пацинаковъ и поставилъ надъ ними четырехъ предводителей изъ Пацинаковъ же, находившихся въ Константинополѣ: Сультцума, Сельте, Карамана и Каталейма. Онъ далъ имъ значительные дары и прекрасное оружіе. Его намѣреніе было—послать ихъ въ Иверію, чтобъ они сражались тамъ съ Персами. Переправившись въ Азію и дошедши уже до Мелитены, Каппадокійской страны близъ Евфрата, они собрались на совѣтъ, называвшійся у нихъ Кементономъ, и совѣтовались, какъ бы имъ сдѣлаться свободными. Мнѣнія были различны, но наконецъ Каталеймъ уговорилъ ихъ соединиться съ своими единоземцами въ Булгаріи, хотя они не имѣли кораблей, и хорошо знали, что онъ не можетъ достать ихъ. Пріѣхавъ къ морю (вѣроятно къ Геллеспонту, ибо чрезъ Босфоръ они не осмѣлились бы переплыть, потому что имъ надлежало бы проѣзжать прямо мимо Константинополя), онъ пришпорилъ свою лошадь, сказавъ: Тотъ, кто хочетъ спасти себя и всѣхъ Пацинаковъ, слѣдуй за мною! и пустился вплавь черезъ море, сопровождаемый то однимъ, то другимъ, потому что они всѣ были на коняхъ, а наконецъ всѣми, такъ что нѣкоторые потеряли свое оружіе, но другіе сберегли его. Такимъ образомъ они переплыли на другую сторону подлѣ Святаго Тарасія и поскакали, не встрѣтивъ нигдѣ сопротивленія, къ своимъ единоземцамъ, съ которыми соединились у Тріадицы, а потомъ и съ жившими по другимъ мѣстамъ, и, вооружившись топорами, косами и другими земледѣльческими орудіями, двинулись противъ Филипполя, перешли черезъ гору Гемъ (Балканы), и поставили свои шатры при рѣкѣ Осьмѣ по полямъ близъ Дуная; одинъ Сельте остался въ Либицѣ, но во время неожиданнаго нападенія на него Аріанитою съ Македонскими войсками, потерялъ свой лагерь и былъ принужденъ бѣжать. Мѣсто, на которомъ укрѣпились Пацинаки, называлось сто высотъ, и составляло пространную равнину между Гемомъ и Дунаемъ къ морю, покрытую хворостомъ и лѣсомъ, и имѣв-

щую множество воды и луговъ. Въ такомъ состояніи Кенегесъ былъ позванъ ко Двору, но три Пацинака напали на него ночью, и нанесли ему нѣсколько ранъ во снѣ, не смертельныхъ впрочемъ, потому что сынъ его Балтацаръ съ нѣкоторыми другими подоспѣлъ къ нему на томощь и схватилъ ихъ. Балтацаръ приказалъ посадить отца въ четырехколесную повозку, которую везли двѣ лошади, и сопровождалъ его самъ съ братомъ своимъ Гулиномъ пѣшкомъ, тогда какъ всѣ другіе Пацинаки ѣхали верхомъ, а убійцы связанные были ведены позади. Самъ онъ ничего не могъ сдѣлать имъ, потому что они ссылались на Императора, которому на вопросъ, почему они это сдѣлали, отвѣчали, что Кенегесъ былъ невѣренъ и намѣревался рано утромъ ограбить городъ, умертвить всѣхъ жителей его и возвратиться къ Пацинакамъ. Императоръ, который былъ чрезвычайно подозрителенъ, повѣрилъ доносу ихъ и оставилъ дѣло безъ всякаго изслѣдованія, а самаго Кенегеса, подъ предлогомъ заботливости о его здравіи, приказалъ держать подъ стражею, двухъ сыновей его разослалъ по своимъ мѣстамъ, а его Пацинаковъ приказалъ угощать мясомъ и напитками, но искалъ только случая лишить ихъ оружія и лошадей и заточить въ темницу. Убійцамъ далъ свободу идти, куда хотятъ. Пацинаки Кенегеса притворились, будто бы ничего не примѣчали, но во время ночи пустились въ путь, шли не останавливаясь и соединились съ другими Пацинаками, послѣ чего они всѣ вмѣстѣ расположились станомъ у крѣпости Авлы, при входѣ Гема, не далеко отъ Адріанополя, и грабили. Западный Полководецъ, Магистръ Аріанитъ выступилъ противъ нихъ, и въ началѣ имѣлъ нѣкоторыя преимущества, но потомъ потерялъ значительное сраженіе подлѣ крѣпости Дамполя. Послѣ чего Императоръ старался привязать къ себѣ Тираха и другихъ Пацинакскихъ Князей, бывшихъ въ столицѣ, дарами, и заставилъ ихъ клясться, что они усмирятъ своихъ единоземцовъ, и отпустилъ ихъ изъ города. Онъ призвалъ восточныя войска для вспоможенія и поставилъ правителя Никифора воеводою надъ ними, присоединивъ къ нему Катаколона, назначеннаго въ полководцы кв восточнымъ войскамъ, и Эрвевія Франкопула, командававшаго своими единоземцами Франками. Но Тирахъ и другіе, освободившись изъ столицы, соединились съ своими единоземцами. Римляне были такъ надменны, что везли съ собою канаты и веревки для вязанія Пацинаковъ и въ особенности много тщеславился воевода Никифоръ. Но когда при Діакенѣ, не далеко отъ ста высотъ, дѣло дошло до сраженія, то Римскіе полководцы обратились въ бѣгство; только Катаколонъ съ нѣкоторыми изъ своихъ слугъ и родныхъ сражался храбро, почему всѣ они погибли, исключая самаго Катаколона, который хотя получилъ нѣсколько глубокихъ ранъ, но былъ найденъ между мертвыми однимъ Пацинакомъ, по имена Галиномъ, который, узнавъ его, и открывъ въ немъ признаки жизни, приказалъ перенести въ свой шатеръ и ходилъ за нимъ, такъ что онъ выздоровѣлъ. Пацинаки овладѣли Римскимъ станомъ и нашли въ немъ множество оружія. Въ 1050 году Императоръ послалъ противъ нихъ

полководцемъ Этеріарха Константина какъ съ западными, такъ и восточными войсками. Онъ поставилъ свой станъ близъ Адріанополя, куда неожиданно пришли Пацинаки осьмаго Іюня. Между тѣмъ, какъ воевода, собравъ военный совѣтъ, совѣтовался, выгодно ли имъ дать сраженіе, напалъ на нихъ Патрицій Самуилъ Вурцесъ, человѣкъ гордый и смѣлый, командовавшій пѣхотою, и пришедъ въ замѣшательство, послалъ за вспомогательнымъ войскомъ къ воеводѣ, который противъ своей воли принужденъ былъ начать тогда сраженіе, которое и было проиграно, не смотря на то, что не много было убитыхъ, между которыми были впрочемъ два знаменитые полководца Михаилъ и Аріанитъ. Прочіе убѣжали въ станъ, гдѣ были осаждены Пацинаками, которые старались наполнить ровъ. Но какъ скоро Пацинакскій предводитель Сульцъ былъ убитъ стрѣлою съ катапульта, и Греческій полководецъ сдѣлалъ вылазку изъ Адріанополя, что заставило думать Пацинаковъ, что это былъ Василій съ Болгарскими войсками, поджидаемыми на помощь, то Пацинаки разсѣялись и разбѣжались, куда кто могъ. Послѣ чего Императоръ выслалъ опять многочисленное войско, въ которомъ были также Франки и Варяги, предводимые Никифоромъ Вріенніемъ, подъ именемъ Этнарха, то есть, народнаго Князя. Онъ извлекъ и Кенегеса изъ заточенія, съ обѣщаніемъ склонить Пацинаковъ къ миру, которые послѣ сраженія при Адріанополѣ сдѣлались такъ надменны, что ни во что ставили Римлянъ, но грабили и жгли Македонію и Ѳракію и убивали даже грудныхъ младенцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ были такъ дерзки, что подошли къ Константинополю, гдѣ они впрочемъ всѣ ночью, пьяные и погруженные въ глубокій сонъ, были перебиты. Ихъ головы были привезены на земледѣльческихъ телегахъ къ Императору. Кенегесъ отправилъ тотъ же часъ пословъ къ Пацинакамъ, которые поклялись во всемъ слѣдовать его волѣ; послѣ сего онъ самъ отправился къ нимъ, но былъ вдругъ умерщвленъ и изрубленъ въ куски Между тѣмъ Императоръ послалъ опять новаго полководца къ войску, Патриція Михаила Аколуѳа, долженствовавшаго дѣйствовать за одно съ Вріенніемъ. Они побѣдили непріятельское войско при Голоамѣ, а въ другой разъ при крѣпости Топлицѣ. Почему Пацинаки вышли изъ Ѳракіи и опустошили страну у подошвы Гема, а потомъ вторглись въ Македонію, гдѣ Греческіе полководцы нечаянно напали на нихъ ночью въ ихъ станѣ, когда они спали, послѣ вечерняго пиршества при звукѣ флейтъ и цимбаловъ, и перебили ихъ всѣхъ. Такое пораженіе сдѣлало Пацинаковъ осторожными, такъ что они съ того времени выходили на грабежъ со всею осмотрительностію. Послѣ этого Императоръ приказалъ всѣмъ войскамъ, какъ восточнымъ, такъ и западнымъ, двинуться противъ нихъ, равно какъ и Василію Синкелу съ Болгарскими, поставивъ Михаила Аколуѳа воеводою надъ всѣмъ воинствомъ. По прибытіи его, Пацинаки укрѣпили свой станъ подлѣ Периславы (въ Булгаріи) валомъ и глубокимъ рвомъ и заперлись въ немъ всѣ. Римляне осаждали его долго, но тщетно, и начали наконецъ нуждаться въ про-

визіи. Почему они сняли осаду ночью, но Гирахъ замѣтилъ это, и, приказавъ сдѣлать засады на дорогахъ, по которымъ Римляне долженствовали возвращаться, нанесъ имъ великое пораженіе. Между мертвыми находился Василій Синкеллъ. Императоръ былъ очень опечаленъ такимъ произшествіемъ, собралъ народъ снова, даже нанималъ. Пацинаки, узнавъ объ этомъ, послали къ нему и требовали мира, послѣ чего было заключено перемиріе на три года. Это повѣствованіе Кедрина объясняетъ то, что въ противномъ случаѣ было бы темно, и что позднѣйшіе писатели поставляютъ внѣ сомнѣнія, именно, что Пацинаки и Влахи или Валахи жили въ одинадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкѣ между другими народами въ Булгаріи; ибо что касается до послѣднихъ, то мы не имѣемъ причины сомнѣваться въ томъ, что они пришли въ нее вмѣстѣ съ Пацинаками; ибо они занимали нынѣшнюю Молдавію и Валахію прежде, нежели Турки побѣдили ихъ, которые въ свою очередь были побѣждены Пацинаками, о которыхъ нельзя думать, чтобъ они совершенно истребили и вытѣснили Валаховъ, потому что имя Валахіи свидѣтельствуетъ противное. Глика [57] говоритъ въ немногихъ словахъ, что Пацинаки, въ царствованіе Мономаха опустошали западныя части Имперіи. Этотъ писатель заключаетъ свою Исторію 1118 годомъ. Зонаръ [58] дѣлаетъ очень краснорѣчивое извлеченіе изъ Кедрина. Миръ, заключенный между Римлянами и Пацинаками, продолжался не долго; ибо послѣдніе нарушили его въ правленіе Исаака Комнина, царствовавшаго съ 1057 до 1059 года, и вышли изъ своихъ убѣжищь; Императоръ выступилъ противъ нихъ, почему всѣ они по своимъ племенамъ и Князьямъ заключили съ нимъ миръ, исключая одного Сельте, который убѣжалъ въ болота Дуная, и держался на одной скалѣ. Онъ дерзнулъ противиться Императору и на равнинѣ, но былъ побѣжденъ и совершенно усмиренъ, а его крѣпость была взята и разрушена [59]. Глика [60] и Зонаръ [61] расказываютъ объ этомъ такъ же. Во время Константина Дуки, въ шестой годъ его правленія, то есть въ 1065, Уцы, народъ Гуннскій, которые были благороднѣе и многочисленнѣе Пацинаковъ, перешли съ 600,000 ратныхъ мужей черезъ Дунай и побѣдили Римлянъ. Но между ими открылась моровая язва, почти истребившая ихъ, другіе были перебиты Болгарами и Пацинаками, а не многіе убѣжали за Дунай [62]. Въ бытность Михаила Дуки Греческимъ Им-

---

57 Corp. Byz. Tom. 9. p. 248.

58 Ibid. Tom. 10. Pars 2. l. 18. p. 202 et 203.

59 Ioannes Scylizzes, corp. Byz. Tom. 8 p. 633.

60 Ibid. Tom. 9. p. 250.

61 Ibid. Tom. 10. Pars 2 l. 18. p. 912.

62 Scylizzes ibid. Tom. 8. p. 637 et 638. Glycas Tom. 9. p. 251. Zonaras Tom. 10 Pars 2. p. 215.

раторомъ, съ 1071 по 1078 годъ, возмутился противъ него нѣкто Несторъ, управлявшій страною при Дунаѣ, соединился съ Пацинаками и Княземъ ихъ Татомъ, и грабилъ въ Македоніи и Ѳракіи, но наконецъ былъ принужденъ, не совершивъ ничего важнаго, бѣжать къ Пацинакамъ. Пейсеонель[63] думаетъ, что этотъ Татъ сообщилъ свое имя одному племени въ Крыму, называемомъ Татарами Татъ-Эли и живущему по горамъ, и говоритъ, что это случилось тогда, какъ Пацинаки сошли къ Черному морю: но поелику этотъ писатель не приводитъ ничего далѣе, и притомъ мало свѣдущъ въ Исторіи Пацинаковъ, то я полагаю, что это извѣстіе должно отнесть ко многимъ ошибкамъ, которыми наполнено его сочиненіе. Въ царствованіе того же Императора Пацинаки осаждали Адріанополь, опустошили окрестъ его лежащую страну, убили много людей и угнали невѣроятное множество скота. Вріенній, возмутившійся тогда противъ Императора, старался золотомъ и другими дарами склонить ихъ къ тому, чтобъ они возвратились назадъ, что онъ и привелъ въ исполненіе[64]. Никифоръ Вріенній Кесарь[65], женатый на дочери Императора Алексѣя Комнина, Аннѣ, и жившій еще 1118 года, свидѣтельствуетъ, что Скиѳы, такъ онъ называетъ ихъ вездѣ, почти внезапными нападеніями опустошали Ѳракію и Македонію, и что Вріенній побѣдилъ часть войска, перешедшаго черезъ Гемъ и опустошившаго страну около Херсонеса. Что онъ взялъ въ плѣнъ многихъ изъ нихъ и по этому заключилъ миръ съ Скиѳами, возвративъ имъ плѣнныхъ и взявъ нѣсколько человѣкъ изъ знатнѣйшихъ въ заложники. Никифоръ Вотаніатъ былъ Греческимъ Императоромъ съ 1078 по 1081 годъ. Въ его правленіе Пацинаки, въ соединеніи съ Куманами, осаждали Адріанополь, сожгли, съ помощію одного костра, много домовъ и возвратились потомъ назадъ[66]. Въ сраженіи противъ возмутившагося Вріеннія они были на сторонѣ Императора, стояли на лѣвомъ крылѣ, и, предводимые Константиномъ Катакаломъ, обратили въ бѣгство своихъ сопротивниковъ, и ограбили обозъ, получивъ въ добычу множество лошадей и прочаго. Въ другой разъ они грабили границы Булгаріи, особенно всю страну междуНиссою и Скопіею, но по приходѣ Алексѣя Комнина обратились въ бѣгство[67]. Въ долговременное царствованіе Алексѣя Комнина, съ 1081 по 1118 годъ, случилось различное съ Пацинаками. Нѣкто Манихей по имени Бальбъ возбудилъ преданныхъ этой сектѣ къ возмущенію и заключилъ союзъ съ Скиѳами (такъ называетъ ихъ Анна Комнина почти вездѣ), жившими при Дунаѣ, осадилъ Глабиницу и Дристру и склонилъ ихъ управи-

---

63 Observat. histor et georg. p 171.

64 Scylizzes ibid. Tom. 8. p. 667 et 672. Zonaras Tom. 10. Pars 2. p. 226 — 228.

65 Ibid. Tom. 7. p. 27. 49 et 57.

66 Scylizzes ibid. Tom. 8. p. 677.

67 Ibid. Tom. 7. p. 67 et 75.

телей на свою сторону, а потомъ женился между Скиѳами на дочери одного знатнаго человѣка[68]. Чрезъ нѣсколько времени вторглось великое множество Пацинаковъ во Ѳракію и Македонію и грабили ту и другую. Императоръ выступилъ противъ нихъ, но проигралъ первое сраженіе, потомъ имѣлъ однакожъ щастіе побѣдить ихъ въ гораздо большемъ сраженіи[69]. Занаръ[70] расказываетъ объ этомъ такъ: Пацинаки оставили свои собственныя земли и, вступивъ въ Римскія области, грабили всю Ѳракію и Македонію. Императоръ потерялъ первое сраженіе, потому что его воины презирали своего врага. Потомъ они сдѣлались осторожнѣе и, призвавъ въ помощь Бога, побѣдили враговъ, изъ которыхъ многіе погибли, а другіе положили оружіе и требовали пощады, которые были взяты потомъ въ плѣнъ и проданы. Сильнѣйшимъ изъ молодыхъ людей Императоръ далъ, какъ для нихъ, такъ и для ихъ женъ и дѣтей, земли для воздѣлыванія въ Могленской области, и составилъ изъ нихъ прекрасный батальонъ, который еще во время Зонара, чрезъ свое потомство, былъ въ силѣ, и назывался Пацинаками Могленитами. Изъ этого повѣствованія Зонары видно, что Пацинаки еще до того времени занимали свою прежнюю землю на сѣверъ отъ Дуная, но имѣли ли они еще что нибудь на востокъ отъ Днѣпра, того не осмѣливаюсь утверждать; скорѣе сомнѣваюсь, смотря на возрастающую силу Уцовъ и Руссовъ въ тѣхъ странахъ, и на многіе случаи, въ которыхъ могущество Пацинаковъ было ослаблено, въ особенности на большое сраженіе, которое они потеряли противъ Россійскаго Князя Ярослава, и еще болѣе на то множество, которое подъ предводительствомъ Тираха оставило ту землю. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что большая часть войнъ, веденныхъ ими послѣ этого времени противъ Грековъ, были ведены Пацинаками, жившими въ Булгаріи. Никто впрочемъ не можетъ заключать изъ повѣствованія Зонары, что всѣ Пацинаки оставили землю на сѣверъ отъ Дуная; нѣтъ, тамъ остались многіе, жившіе тамъ еще долго въ послѣдствіи времени. Анна Комнина[71] расказываетъ объ этой войнѣ съ ея отцемъ такъ: Одинъ Скиѳскій народъ, происходившій отъ Савроматовъ, оставивъ свою собственную землю, явился на Дунаѣ, гдѣ заключилъ союзъ съ жителями при упомянутой рѣкѣ, такъ что первые отправили знатнѣйшихъ людей изъ своего народа въ посольство, а послѣдніе Тата, управлявшаго Дристрою, Халс-Вициною, Сестлава и Сацу, изъ которыхъ тотъ и другой имѣлъ свой городъ (подъ этими жителями рѣки Дуная Анна разумѣетъ Пацинаковъ, жившихъ въ Булгаріи). По заключеніи мира, они перешли черезъ Дунай, ограбили страну и овладѣли нѣкоторыми городами. Послѣ сего начали воздѣлывать зем-

---

68 Anna Comnena, ibid. Tom 11. p. 126.

69 Glycas, ibid. Tom. 9. p. 258.

70 Ibid. Tom. 10. Pars. 2. p. 235.

71 Ibid. Tom. 11. p. 145—147. 150—162. 166—172.

ли, и сѣяли просо и пшеницу. Манихей Травлъ или Бальбъ, узнавъ объ этомъ, соединилъ свою силу съ сими народами. Императоръ отправилъ противъ нихъ западнаго Доместика Пакуріана, вмѣстѣ съ храбрымъ мужемъ, по имени Враною. Первый считалъ не нужнымъ начать сраженіе, а другой рѣшился дать его. Оно произошло близъ города Бѣліатова, но Римляне были побѣждены, и оба полководца остались на мѣстѣ. Потомъ былъ посланъ противъ нихъ Татицій, и нѣсколько Кельтовъ подъ предводительствомъ Умпертопула. Подлѣ Филиппополя часть враговъ была побѣждена, а потомъ оба войска стояли въ виду одно противъ другаго при рѣкѣ Эбрѣ. Латыняне (тѣ самые, которыхъ прежде назвала она Кельтами), тщеславились много, и потребовали наконецъ битвы; но полководецъ не захотѣлъ, и обѣ войска разошлись, не сдѣлавъ ничего. Потомъ весною Тцелгу, бывшій предводителемъ всего Скиѳскаго войска, вышелъ въ поле съ 80,000 человѣкъ, которые состояли изъ народовъ различнаго рода Сарматовъ и Даскіевъ (подъ именемъ послѣднихъ Анна, безъ сомнѣнія, разумѣетъ Валаховъ), изъ которыхъ послѣдніе были предводимы Саломономъ. Они ограбили Харіополь и нѣкоторые другіе города. Римскіе полководцы, Николай Маврокатакало и Вемпеціотъ сразились съ ними при Кулѣ, и выиграли сраженіе, такъ что много Скиѳовъ осталось на мѣстѣ, и съ ними самъ полководецъ Тцелгу. Прочіе убѣжали къ Дунаю, откуда продолжали грабить пограничныя Римскія земли и отнюдь не давали имъ покоя цѣлый годъ; ибо эти варвары питали непримиримую ненависть къ Римлянамъ, и не было ни одного, кто бы въ такое долгое время перебѣжалъ къ нимъ, хотя Императоръ обѣщалъ имъ значительные дары. Почему Императоръ самъ выступилъ противъ нихъ чрезъ горы Гемъ и послалъ Георгія Евфорбена съ флотомъ къ Дристрѣ при Дунаѣ. Многіе отсовѣтывали ему начинать сраженіе, и между ими былъ Маврокатакалонъ Григорій, котораго онъ выкупилъ изъ Скиѳскаго плѣну 40,000 (чего?). Скиѳы оробѣли замѣтивъ, что на нихъ хотятъ напасть съ двухъ сторонъ. Почему они отправили 150 пословъ къ Императору, просить у него мира, впрочемъ такъ, что они вмѣшивали нѣкоторыя угрозы въ свои просьбы, и вмѣстѣ увѣряли, что Императоръ, согласившись на ихъ требованіе, получитъ 30,000 вѣрныхъ всадниковъ, которые будутъ служить ему пособіемъ въ войнѣ. Но Императоръ замѣтилъ ихъ хитрость, и приказалъ схватить пословъ и вести въ Константинополь, но они перебили на пути своихъ стражей и возвратились къ своимъ единоземцамъ. Потомъ Скиѳы дважды оскорбили Императорскихъ фуражировъ, а однажды вторглись въ лагерь, убили и взяли въ плѣнъ многихъ изъ охранявшихъ воинскій обозъ, не смотря на то, что Императоръ осаждалъ Дристру, и завоевалъ ее, но не могъ взять двухъ крѣпостей ея, потому что Скиѳы дѣлали непрестанно небольшія нападенія и не давали ему покоя ни днемъ, ни ночью. Чрезъ нѣсколько времени дошло дѣло до ужаснаго сраженія. Императоръ, кромѣ своихъ собственныхъ воиновъ, имѣлъ еще Латынянъ, Уцовъ, Савроматовъ (подъ именемъ послѣднихъ, можетъ быть разумѣются Пацинаки,

ибо я покажу послѣ, что ихъ со времени Кегенéса находилось всегда нѣсколько въ службѣ Греческаго Императора) и Варяговъ. Скиѳы расположили свое войско различными рядами и, по обычаю своихъ отцевъ, поставили между ими на извѣстныхъ мѣстахъ повозки, въ которыхъ находились ихъ жены и дѣти. Скиѳы начали битву тучею стрѣлъ. Она продолжалась съ ранняго утра до вечера. Почти всѣ Латыняне были въ продолженіи ея побиты, и съ ними Левъ, сынъ Римскаго Императора Діогена. Самъ Императоръ былъ въ великой опасности жизни, потому что онъ держалъ въ рукѣ ризу Богоматери, которую онъ распростéръ, какъ знамя, и потому не могъ защищаться, какъ должно. Римляне были совершенно разбиты и обратившіеся въ бѣгство были жестоко преслѣдуемы Пацинаками (такъ она называетъ ихъ здѣсь). Князья этихъ варваровъ рѣшились, было, умертвить всѣхъ плѣнныхъ, но простой народъ воспротивился тому, въ надеждѣ получить деньги за ихъ выкупъ. На эту битву намекаетъ Снорро въ Сагѣ Конунга Гакона Скульдебреда, стр. 396 — 398, говоря, что она случилась въ землѣ Блаукуманновъ (въ Булгаріи и Валлахіи) на поляхъ Пецанскихъ, и была выиграна храбростію Варяговъ и потому, была сооружена церковь въ Констнтаинополѣ въ честь Св. Олава. Между тѣмъ пришелъ на помощь Пацинакскій Князь Татъ со множествомъ Кумановъ своихъ единоземцевъ. Эти Куманы требовали части изъ добычи и плѣнныхъ; но когда имъ было въ томъ отказано, то они сдѣлали упорное и жестокое нападеніе на Скиѳовъ, побѣдили ихъ и осадили въ большомъ болотѣ Озолимнѣ, но наконецъ принуждены были снять осаду по причинѣ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ. Вскорѣ потомъ чрезъ посла Синезія былъ заключенъ миръ между Императоромъ и Скиѳами при Маркеллѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они удержали за собою то, что имѣли, но не простирались бы далѣе впередъ. Къ заключенію мира Императоръ былъ побужденъ въ особенности приходомъ Кумановъ и опасеніемъ, что эти два народа соединятся вмѣстѣ противъ него. Куманы, по своемъ прибытіи, просили у Императора позволенія пройти сквозь узкіе проходы, для сраженія съ Скиѳами; но Императоръ послалъ имъ значительные дары, и они пошли домой. Вскорѣ послѣ сего Скиѳы опять нарушили миръ, выступили противъ Филиппополя и расположились прямо предъ Константинополемъ. Въ такомъ состояніи Императоръ былъ принужденъ снова просить мира, который наконецъ и былъ заключенъ. Но въ слѣдующую зиму они начали снова грабить и приступили къ Харіополю. Императоръ выслалъ тогда отрядъ храбрыхъ молодыхъ людей, избранныхъ имъ самимъ и названныхъ Архонтополами, для нападенія на тѣхъ, которые стояли на повозкахъ; но Скиѳы бросились имъ въ тылъ, и 300 изъ нихъ погибли. Въ это время одна Скиѳская женщина, стоя на своей повозкѣ, притащила къ себѣ одного изъ нихъ желѣзнымъ крюкомъ и взяла въ плѣнъ. Пацинаки пошли потомъ къ Апрумъ, гдѣ Татицій со всѣми Латынами, бывшими въ службѣ Императора, и нѣкоторыми другими народами, напавъ на одну часть ихъ, убилъ 400

человѣкъ, и плѣнилъ многихъ. Но Римляне вскорѣ потомъ потеряли малое сраженіе подлѣ Рузіума, и за нимъ еще большое при Гаденѣ. Причиною потери послѣдняго былъ Неанцесъ, природный Скиѳъ, который сначала перешелъ отъ своихъ единоземцевъ къ Императору, а прямо предъ сраженіемъ перебѣжалъ опять къ нимъ, и открылъ имъ всѣ планы Императора. Послѣ сего сраженія, при рѣкѣ, протекавшей мимо Рузіума, дѣло дошло снова до битвы, гдѣ Скиѳы принуждены были обратить тылъ. Окончивъ эту битву, Императоръ пошелъ въ городъ Цурулумъ, гдѣ Скиѳы едва не осадили его. Этотъ городъ лежалъ на холмѣ, имѣвшемъ отлогость во всѣ стороны. Императоръ приказалъ собрать колеса и оси со всѣхъ телегъ, какія только можно было найти, и повѣсить на канатахъ вокругъ городской стѣны. Потомъ вышелъ изъ города съ своими воинами, отдавъ повелѣніе, по приближеніи къ непріятелю, медленно отступить и оставить большое отверстіе въ срединѣ, такъ что бы они удалялись двумя отдѣленіями каждый на свою сторону. Тогда Пацинакскіе всадники непремѣнно пустятся за ними въ погоню до самой стѣны, тогда они долженствовали перерѣзать канаты и пустить на нихъ оси и колеса. Это было исполнено; лошади Скиѳовъ были ранены и, вышедъ изъ повиновенія всадникамъ, бросались одна на другую; въ такомъ состояніи Римляне напали на нихъ съ двухъ сторонъ съ копьями и стрѣлами и побили ихъ во время бѣгства Слѣдующую зиму Императоръ провелъ въ Константинополѣ, а Скиѳы имѣли свой станъ между Булгарофигомъ и Малою Никеею. Предъ наступленіемъ 1097 года Пацинаки, Турки и Берендичи вторгались въ Россію. Когда западные или Латинскіе Христіане во многомъ числѣ переходили чрезъ Греческую Имперію въ Азію, для исторженія Іерусалима изъ рукъ Магометанъ, то при этомъ случаѣ писатели ихъ именуютъ часто Пацинаковъ. Такъ одинъ безъименный писатель[72], заключившій свою Исторію 1099 годомъ, говоритъ, что Императоръ Алексѣй употреблялъ своихъ Панцинатовъ для нападенія на Франкскихъ фуражировъ, а въ другомъ мѣстѣ, что Панцинаки во Ѳракіи вступали съ ними въ битву, какъ должно. Раймондъ де Агильскій[73], кончившій свою Исторію около того же времени, свидѣтельствуетъ, что Алексѣй употреблялъ Пинценатовъ, между многими народами, для обезпокоиванія Франковъ во время похода ихъ изъ Дирразіума. Албертъ Аквенскій[74], заключившій свою Исторію 1120 годомъ, и одинъ изъ лучшихъ, описавшихъ эти такъ называемыя священныя войны, свидѣтельствуетъ, что Пинценаріи, заселявшіе Булгарію, сдѣлали переходъ чрезъ рѣку Маронъ для Петра Пустынника весьма затруднительнымъ, но что онъ, потопивъ у нихъ седмь небольшихъ судовъ, взялъ

72 In Gestis Dei per Francos, Tom. 1. p. 2 et 3.

73 Ibid. p. 140.

74 Ibid. p. 188. 253 et 354.

въ плѣнъ седмь человѣкъ и тотъ же часъ приказалъ умертвить. Потомъ напали на него въ его походѣ Пинценаріи, Болгары, Команиты и Венгры, будучи вооружены луками изъ роговъ и костей, панцырями и копьями, на которыхъ были знамена. Потомъ говоритъ онъ, что Пинценаріи, умѣвшіе хорошо обходиться съ лукомъ и стрѣлами, служили Императору Алексѣю; а въ другомъ мѣстѣ, что они употребляли панцыри, стрѣлы и копья. Виллермъ Тирійскій[75], знатнѣйшій изъ всѣхъ этихъ писателей, заставляетъ Алексѣя извиняться въ непріятіи главнаго начальства надъ христіанскимъ воинствомъ тѣмъ, что Болгары, Команы и Пинценаты непрестанно выжидали случая вторгнуться въ его Имперію. Изъ свидѣтельства Алберта Аквенскаго, только что приведеннаго, видно, что у Греческихъ Императоровъ всегда были въ службѣ нѣкоторые Пацинаки, вѣроятно, съ того времени, какъ Кегенесъ перешелъ въ Греческую службу.

§. 13.

ВОЕННЫЯ ДѢЛА ПАЦИНАКОВЪ ВЪ ДВѢНАДЦАТОМЪ ВѢКѢ.

1103 года вторглись въ Россію Половцы или Уцы, и имѣли съ собою Пацинаковъ и Турковъ; но они были разбиты, а изъ двухъ послѣднихъ народовъ многіе взятые въ плѣнъ[76]. Между тѣмъ война между Императоромъ Алексѣемъ и Пацинаками продолжалась, и они были такъ дерзки, что грабили въ разстояніи на десять стадій отъ Константинополя. Но Алексѣй разбилъ одну часть ихъ при Херобакхѣ, и приказалъ потомъ воспользоваться лошадьми, платьемъ и знаменами Пацинаковъ, чрезъ что пріобрѣлъ случай разбить еще одинъ отрядъ ихъ. Послѣ этой битвы Императоръ имѣлъ въѣздъ въ Константинополь, и приказалъ несть головы Скиѳовъ на длинныхъ шестахъ; но не смотря на это, единоземцы ихъ продолжали грабить и опустошать все, даже брать города. Въ такомъ состояніи приближилось 40,000 Кумановъ Императоръ устрашился такого приближенія; но будучи весьма опытенъ въ переговорахъ, онъ склонилъ ихъ вступить въ союзъ съ собою, и обѣщался, что они вмѣстѣ съ нимъ будутъ воевать противъ Скиѳовъ. Онъ имѣлъ также счастіе разбить одну часть Скиѳовъ, но не имѣлъ охоты къ главному сраженію. Почему Куманы сдѣлались нетерпѣливы и говорили, что они на другой день будутъ ѣсть волковъ или агнятъ. Это побудило Императора дать главное сраженіе, и они напали на Скиѳовъ съ двухъ сторонъ, съ одной Римляне, а съ другой Куманы. Тогда случилось ужасное пораженіе Скиѳовъ; не только мущины, но даже женщины и дѣти были убиваемы, такъ что его можно было назвать не пора-

75 Ibidem. p. 663.

76 Müller, l. c. p. 393.

женіемъ войска, но пораженіемъ всего народа. Хотя много было взято въ плѣнъ; но ихъ было мало въ сравненіи съ числомъ убитыхъ. Эта битва случилась 29 Апрѣля, на третій день Пасхи (?). Впрочемъ плѣнныхъ было такъ много, что каждый Римскій воинъ имѣлъ ихъ около тридцати, почему нѣкто Синезій совѣтовалъ Императору умертвить ихъ; но онъ отвѣчалъ ему: хотя они Скиѳы и враги, однакожъ они люди, и въ своемъ несчастіи достойны нашей пощады; но ты говоришь такъ безрасудно, будучи побуждаемъ къ тому какою-то неизвѣстною желчію. Не смотря впрочемъ на это, Римляне во время ночи убили большую часть своихъ плѣнныхъ. Куманы такъ же испугались Императора и ночью убѣжали къ Дунаю; но Императоръ, не смотря на это бѣгство, послалъ имъ на лошакахъ то, что обѣщалъ[77]. Въ правленіе Іоанна Комнина, сына Алексѣева, царствовавшаго съ 1118 по 1143 годъ, Скиѳы въ великомъ множествѣ перешли черезъ Дунай (слѣдовательно они жили еще на сѣверъ отъ него), и вторглись въ Римскія земли. Во время зимы Императоръ старался склонить нѣкоторыхъ изъ ихъ Князей, которыхъ писатель называетъ Филархами, перейти къ нему, что и удалось ему. Весною произошло сраженіе съ остальными. Скиѳы были побѣждены; нѣкоторые изъ нихъ были убыты, другіе взяты въ плѣнъ; но храбрѣйшіе убѣжали въ станъ, окруженный телегами, которыя были связаны вмѣстѣ, и покрыты воловьями кожами, и въ которыхъ находились ихъ жены и дѣти. Тамъ произошло упорное сраженіе, но наконецъ Императоръ приказалъ разрубить телеги топорами; послѣ чего Скиѳы сдались по совѣту своихъ единоземцевъ, бывшихъ у Императора, и были размѣщены между его воинами, научились Римскимъ нравамъ и оставались долго вѣрными. Вскорѣ потомъ этотъ писатель опять говоритъ, что нѣкоторые варвары кочевали въ Азіи подобно Скиѳамъ, и жили подъ шатрами на поляхъ[78]. Никита[79] прибавляетъ къ сказанному слѣдующія подробности, именно, что это случилось въ пятый годъ правленія Іоаннова, то есть, 1123; что Скиѳы грабили Ѳракію; что они были раздѣлены на нѣсколько племенъ; что Императоръ давалъ Князьямъ, которыхъ онъ склонилъ на свою сторону, великолѣпныя пиршества, шелковыя платья, серебряные ковши и покалы; что сраженіе произошло при Веннѣ; что Скиѳы начали его ужаснымъ крикомъ: что нѣкоторые изъ плѣнныхъ были проданы, а нѣкоторые получили мѣста для жительства въ западныхъ селеніяхъ, которыхъ потомство существовало еще во время Никиты, то есть 1204 года; при этомъ случаѣ писатель называетъ ихъ Амаксовіями; и наконецъ, что Императоръ учредилъ, въ воспоминаніе этой побѣды, каждогодный праздникъ, который во время Никиты назывался еще праздникомъ Пацинаковъ. Это послѣднее обстоя-

---

77 Anna Comnena, Corp. Byz. Tom. II. p. 175—186.
78 Cinnamus, ibid, Tom. 11. p. 3.
79 Ibid. Tom. 12. p. 8 et 9.

тельство особенно замѣчательно тѣмъ, что показываетъ, какой именно народъ разумѣютъ Византійскіе Писатели подъ Скиѳами. Мануилъ Комнинъ царствовалъ послѣ отца своего Іоанна съ 1143 по 1180 годъ. При немъ Скиѳы переходили черезъ Дунай, грабили въ Римскихъ областяхъ и взяли городъ Демницикъ. Императоръ выступилъ противъ нихъ, но они ушли опять за Дунай. Онъ пересадилъ свое войско чрезъ него на 500 ботовъ и встрѣтилъ ихъ у горы Тенигорніумъ, лежавшей въ смежности съ Тавро-Скиѳіею (здѣсь писатель показалъ себя худымъ географомъ, потому что Тавро-Скиѳія есть Крымская Татарія, а Императоръ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ Валахіи). Императоръ самъ обнаружилъ великіе опыты мужества въ этомъ сраженіи; часть варваровъ была побита, а около ста взято въ плѣнъ; между ними Лазарь, человѣкъ храбрый и одинъ изъ знатнѣйшихъ Филарховъ ихъ. Остальные спаслись бѣгствомъ въ гористыя страны. Императоръ имѣлъ впрочемъ и Скиѳовъ на своей сторонѣ. Спустя нѣсколько времени послѣ Пацинаки (такъ онъ называетъ ихъ здѣсь), вмѣстѣ съ другими народами, приходили на помощь Далматянамъ противъ Императора. Потомъ, какъ кажется, около 1160 года, Императоръ узналъ, что Скиѳы опять перешли черезъ Дунай; почему онъ поспѣшилъ противъ нихъ; но они ушли назадъ до его прихода [80]. Никита [81] повѣствуетъ, что однажды по переходѣ Скиѳовъ черезъ Дунай, былъ посланъ противъ нихъ нѣкто Каламанъ, далъ неосторожно сраженіе, которое отъ того было проиграно, и многіе храбрые мужи лишились жизни, а самъ онъ былъ раненъ, отъ чего и умеръ. Скиѳы возложили добычу на своихъ лошадей и возвратились въ свои жилища. Они легко переправлялись черезъ Дунай и были очень искусны въ грабежѣ. Ихъ оружіе составляли колчанъ, наполненный стрѣлами, висѣвшій у нихъ на спинѣ, и лукъ. Нѣкоторые бросали такъ же метательныя копья. Ихъ лошади, которыя почти всѣ кобылицы, носятъ ихъ на себѣ во время боя и питаютъ своею кровію. На этотъ конецъ они пробиваютъ на нихъ раны и пользуются ими, какъ говорится у него, по обычаю звѣрей (тѣ же самыя обвиненія и большая часть такого же рода, какія дѣлаются еще теперь Запорожскимъ козакамъ). Они переправляются черезъ рѣку (Дунай) на кожѣ, наполненной пробками и такъ плотной, что самая малѣйшая капля не можетъ пройти сквозь нее. Лошадь пущаютъ плыть впередъ и держатся за ея хвостъ. На лошадь кладутъ сѣдло и необходимыя для войны оружія. 1152 года Россійскій Великій Князь Изяславъ приказалъ чрезъ Всеволодовича поставить лагерь изъ Берендичей, Турковъ и Пацинаковъ, для наблюденія за движеніями Половцевъ [82]. Исаакъ Ангелъ правилъ въ Греціи съ 1185 по 1195 годъ

---

80 Cinnamus, ib. Tom. II. p. 42 43. 48 et 92. Онъ заключаетъ свою Исторію 1167 годомъ.

81 Ibid. Tom. 12. p. 49.

82 Müller l. c. p. 476.

Онъ побѣдилъ Влаховъ въ одной битвѣ, которые убѣжали потомъ за Дунай къ Скиѳамъ, бывшимъ съ ними въ смежности. Но Воложскій Царь Асанъ вскорѣ возвратился назадъ съ могущественнымъ вспомогательнымъ войскомъ Скиѳовъ и надѣлалъ очень много хлопотъ Римлянамъ [85]. Въ его время случилось, что храбрый Нѣмецкій Императоръ Фридерикъ Барбаросса шелъ сухимъ путемъ къ Іерусалиму, для исторженія его изъ рукъ Магометанъ; какъ скоро онъ перешелъ черезъ Дунай и только что вступилъ въ Булгарію, то напали на него Гуины, Аланы, Болгары и Пинценаты въ тѣсныхъ и крутыхъ мѣстахъ; но онъ отразилъ ихъ счастливо [84]. Подъ Гуинами должно разумѣть здѣсь Гунновъ и, безъ сомнѣнія, Узовъ, жившихъ тамъ съ сего времени: они дѣлали ужасныя нападенія и оставляли за собою великое опустошеніе. Но жили ли тамъ еще Аланы изъ пятаго столѣтія, въ этомъ я не совсѣмъ убѣжденъ, потому что мнѣ мало встрѣчалось слѣдовъ существованія ихъ въ этихъ странахъ. Во время Алексѣя Комнина, царствовавшаго послѣ брата своего Исаака Ангела, съ 1195 по 1203 годъ, Скиѳы съ частію Влаховъ перешли черезъ Дунай, и опустошили различныя мѣста во Ѳракіи. При этомъ случаѣ говорится у него, что различныя толпы этихъ варваровъ имѣли повелѣніе собраться въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ; что показываетъ, что они не совсѣмъ были неопытны въ военномъ искуствѣ. Во время этого нападенія попалась въ ихъ руки значительная добыча, тѣмъ болѣе, что они проникли до Родоста. На возвратномъ пути они напали на Грековъ, которые проиграли сраженіе отъ того, что слишкомъ рано бросились на обозъ. Черезъ нѣсколько времени Скиѳы съ четырьмя войсками ограбили всю Македонію, взбирались на самыя утесистыя горы и нападали на укрѣпленные города; ограбили нѣсколько монастырей на горѣ Ганѣ и перебили многихъ монаховъ [85]. Іудей Веніаминъ Тудельскій изъ Испаніи [86], путешествовавшій въ началѣ второй половины сего столѣтія по свѣту, для изслѣдованія состоянія Іудеевъ, говоритъ, что въ Константинополь стекались купцы изъ всѣхъ государствъ, даже изъ Фазіанки. Подъ этою страною Баратье разумѣетъ или Боснію, или Паннонію; но послѣдней нельзя разумѣть подъ нею, потому что онъ именуетъ между прочимъ Венгрію, почему я болѣе вѣрю, что онъ при имени Фазіанки имѣетъ въ виду землю Пацинаковъ, которой Баратье не зналъ; ибо онъ думаетъ, что этотъ Іудей, равно какъ Іосифъ Бенъ Горіонъ, понимали одну и ту же страну, когда послѣдній [87] изъ нихъ говоритъ о Пацинàхъ и Парцинàхъ, — землѣ, лежавшей при Дунаѣ; производитъ этотъ народъ вмѣстѣ съ Турками и нѣкоторыми другими

83 Nicetas, Corp. Byz. Tom. 12. p. 196.

84 Anonymus in Gest. Dei per francos, Tom. 1. p. 1159.

85 Nicetas, Corp. Byz. Tom. 12. p. 265. 266 et 270.

86 Voyages, traduits par Baratier, Amst. 1734. 8. Tom. 1. p. 45.

87 L. 1. c. 1. p. 3 et 4.

изъ Тогармы, при чемъ Бохартъ[88] дѣлаетъ правильное замѣчаніе, что Пацинàхъ есть древняя Дакія, и въ доказательство своего мнѣнія приводитъ Свиду[89] въ словѣ Dakes, гдѣ онъ говоритъ, что они называются теперь Пацинаками.

§. 14.

ВОЕННЫЯ ДѢЛА ПАЦИНАКОВЪ ВЪ ТРИНАДЦАТОМЪ ВѢКѢ.

Въ тринадцатомъ вѣкѣ Латинскій Императоръ Балдуинъ, царствовавшій тогда въ Константинополѣ, имѣлъ въ 1205 году то несчастіе, что Мизіанинъ Іоаннъ разбилъ его совершенно и взялъ въ плѣнъ. Войско Іоанна состояло изъ Скиѳовъ и Влаховъ. Первые изъ нихъ съ могущественною арміею опустошили почти всю Ѳракію, даже взяли многіе города, Апрумъ, Редестумъ, Даоніумъ, Атиру, Аркадіополь, Мезерамъ, Цурулюмъ, въ которыхъ побили множество людей, даже младенцевъ въ колыбели, увели многихъ привязанныхъ за собою, сожгли нѣкоторыхъ живыхъ и разорили все до самаго Константинополя. Тогда же случилось, что Скиѳы приказали бить кнутомъ нѣкоторыхъ красивѣйшихъ плѣнниковъ и потомъ повѣсить въ честь своихъ божествъ; нѣкоторыхъ плѣнныхъ Грековъ погребсти живыхъ вмѣстѣ съ своими мертвецами, умершими естественною смертію и убитыми на войнѣ и съ быстрѣйшими лошадьми, луками изъ рога и мечами, имѣвшими три острія, которые принадлежали покойникамъ Скиѳамъ[90]. При этомъ разсказѣ должно замѣтить, что Никита и многіе Византійскіе Писатели того времени называютъ Булгарію Мизіею и Болгаровъ Мизіанами, древними именами ихъ. Георгій Акрополита[91] повѣствуетъ, что по смерти мужественнаго Царя Іоанна возшелъ на престолъ сынъ сестры его Фрорила или Борила и женился на оставленной имъ вдовѣ, женщинѣ Скиѳскаго происхожденія; но сынъ прежде бывшаго Болгарскаго Царя Асана Іоаннъ, убѣжавшій къ Скиѳамъ, а потомъ къ Русамъ, возвратился по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ назадъ, взялъ въ плѣнъ и ослѣпилъ Борилу, и такимъ образомъ овладѣлъ царствомъ. Но это случилось уже послѣ 1220 года, тогда какъ Греческій Императоръ Ѳеодоръ Ласкарисъ, царствовавшій въ Никеѣ, умеръ и мѣсто его заступилъ Іоаннъ Дука, умершій 1255 года. Въ его правленіе Скиѳы претерпѣли великое пораженіе[92], и были принуждены оставить свою землю; ибо Татары тѣснили ихъ непрестанными

---

88 Phaleg, L. 3. c. 15. p. 226.

89 Ae. Porti Tom. I. p. 637.

90 Nicetas, Corp. Byz. Tom. 12. p. 323. 325. 326. 331. 333. 335

91 Ibidem, p 10. 14.

92 Ibidem, p. 23.

вторженіями и нечаянными нападеніями, и убивали такое множество ихъ, что остальные, хотя въ большомъ количествѣ, убѣжали съ женами и дѣтьми изъ своей земли, переправились на надутыхъ кожахъ черезъ Дунай, и поселились, не смотря на сопротивленіе Болгаровъ, частію въ Македоніи, частію при рѣкѣ Гебрѣ, называемой иначе Марицею, которая вытекаетъ изъ горы Гема. Такъ было разорено Пацинакское царство Татарскими или Монгольскими Ханами изъ Чингисханова рода, и это долженствовало случиться послѣ 1229 года, потому что писатель сказалъ выше, что Балдуинъ Второй вступилъ на Латинскій престолъ въ Константинополѣ. Если Пацинаки не потеряли своихъ земель на востокъ отъ Днѣпра прежде, то навѣрное они лишились ихъ теперь вмѣстѣ со всѣми прочими. Поелику Татары послѣ 1240 года сдѣлали сильное нападеніе на Польшу и Венгрію, то сіе служитъ къ подтвержденію лѣтосчисленія Акрополиты, потому что земля Пацинаковъ лежала на пути Татаръ, когда они шли въ означенныя земли. Не должно впрочемъ вѣрить, что всѣ Пацинаки, особенно всѣ Влахи, жившіе въ разсѣяніи между ними, совершенно оставили древнюю Дакію, потому что земля еще теперь по имени ихъ называется Валахіею, а языкъ и нравы Валаховъ, равно какъ и Молдаванъ, не обнаруживаютъ ничего Татарскаго, а чуждое, заключающееся въ ихъ языкѣ, кромѣ нѣкоторыхъ Латинскихъ словъ, происходитъ не отъ Татаръ, и что не всѣ Пацинаки были изгнаны изъ Дакіи, это будетъ доказано вскорѣ неопровергаемымъ свидѣтельствомъ. Не многое, что остается еще сказать о военныхъ предпріятіяхъ Пацинаковъ, относится только къ тѣмъ изъ нихъ, которые жили на югъ отъ Дуная. Эти грубые народы, едва перешедъ чрезъ означенную рѣку, ограбили всю ровную страну въ Македоніи, взяли даже нѣсколько небольшихъ городовъ, умертвили многихъ жителей, а нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ; потомъ и Болгары вступили въ союзъ съ Латынянами въ Константинополѣ противъ Греческаго Императора Іоанна въ Никеѣ, не сдѣлавъ ему впрочемъ большаго вреда. Чрезъ нѣсколько времени [93] Іоаннъ склонилъ значительное число Скиѳовъ дарами, оставить Македонію и перейти къ нему въ Азію, и съ помощію ихъ принудилъ другаго Греческаго Императора Іоанна, царствовавшаго въ Ѳессалоникѣ, сложить Императорское достоинство. Послѣ Іоанна Дуки царствовалъ сынъ его Ѳеодоръ Второй до 1252 года. Въ правленіе его случилось то [94], что Царь Болгарскій нанялъ противъ него 4,000 Скиѳовъ, побѣдившихъ Римское войско при Дидимотехѣ, потому что они были легко вооружены и стрѣлки изъ лука, а Римляне напротивъ того имѣли тяжелое оружіе. Но вскорѣ потомъ большая часть ихъ была истреблена при Вицѣ. Михаилъ Палеологъ правилъ сначала какъ опекунъ надъ юнымъ Іоан-

---

93 Nicetas, Corp. Byz. Tom. 12, p. 28. 29.

94 Ibid. p. 93.

номъ, сыномъ Императора Θеодора, съ 1258 по 1263 годъ, а потомъ какъ Императоръ, до 1283 года. Онъ отнялъ у Латынянъ Константинополь въ 1261 году. Объ немъ говорится тамъ, что онъ въ томъ же году имѣлъ Скиθовъ въ своей службѣ [95]. Послѣ Михаила царствовалъ сынъ его Андроникъ до 1328 года; но такъ какъ Пахимеръ, написавшій исторію обоихъ, то есть, сына и отца, заключаетъ ее 1308 годомъ, то послѣднее, что я хочу сказать о военныхъ дѣлахъ Пацинаковъ, долженствовало случиться прежде сего времени, и судя по порядку дѣлъ, потому что самъ писатель не имѣетъ лѣтосчисленія, случилось еще прежде 1290 года. Именно онъ разсказывалъ, что около 10,000 Скиθовъ изъ странъ при Дунаѣ собрались вмѣстѣ, неизвѣстно, по какому случаю, и прошли сквозь Булгарію и прилежащія къ ней страны, которыя они опустошили до горъ, въ намѣреніи опустошить Македонію и Θракію; но они были почти всѣ побиты Греческимъ полководцемъ Умпертопуломъ въ одномъ сраженіи, а прочіе то потонули въ рѣкѣ, то были разсѣяны [96]. Хотя въ этомъ повѣствованіи и не говорится о томъ, что эти Скиθы были изъ странъ на сѣверъ отъ Дуная, однакожь я заключаю изъ словъ писателя: они прошли сквозь Булгарію, примыкавшуюся къ южнымъ берегамъ Дуная, что они именно были оттуда. Еще дѣлаю заключеніе, что Татарскій Ханъ Ногай, распространившій въ то время свою власть повсюду въ земляхъ между Дунаемъ и Дономъ, принудилъ ихъ выдти оттуда.

§. 13.

Мнѣнія нѣкоторыхъ новѣйшихъ о происхожденіи Пацинаковъ, и о томъ, куда дѣвались остатки ихъ. Слѣды ихъ остаются въ Пацинеагѣ, одномъ селеніи въ Валахіи. См. Sulzers Geschichte des transalpinischen Dalmacien, I Theil, 8. p. 149.

Въ заключеніе приведу мнѣнія нѣкоторыхъ новѣйшихъ о происхожденіи сего народа и о началѣ имени ихъ, такъ же о томъ, куда дѣвались остатки ихъ и гдѣ они еще теперь находятся. Страленбергъ [97] утверждаетъ, что Пацинаки и Древляне суть одинъ народъ, что они получили свое имя отъ Печь или Пѣчь (Petsch oder Pietsch), что по Русски должно означать собаку, почему онъ дѣлаетъ догадку, что они по своему происхожденію были Гунны, и думаетъ, что они были, можетъ быть, одинъ народъ съ древними Певцинами. Положимъ, что Руссы называютъ собаку почти такъ; но поелику въ моемъ Русскомъ Лексиконѣ для означенія собаки стоитъ *песъ*, а эта послѣдняя буква выговаривается очень шепелевато, то Пацинаки не

95 Pachymeres, Corp. Byz. Tom. 13. l. 2. p. 78. c. 26.

96 Pachymeres, ibid. Tom. 14. l. 1. c. 29.

97 Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. p. 271 et 272. Nota a et d.

сдѣлаются отъ того Гуннами, потому что ни въ одномъ изъ восточныхъ языковъ собака не называется такъ, какъ у насъ и у Нѣмцовъ, хотя я и согласенъ на то, что Пацинаки сами себя, можетъ быть, и не называли такъ, но скорѣе Кангарами, и что Руссы изъ ненависти дали имъ такое имя, перешедшее отъ нихъ къ Византійцамъ. Мнѣніе, что Пацинаки были тѣже самые, что Певцины, совершенно ложно, не смотря на то, что Люцій[98] и Масковъ[99], два мужа несравненно важнѣйшіе, нежели Страленбергъ, держались его. Извѣстно, что Певцины и Бастарны были одинъ народъ, и оба Германскаго происхожденія, и что они жили при Дунаѣ до Рождества Христова, тогда какъ Пацинаки пришли туда только въ концѣ девятаго вѣка. Можно, конечно, утверждать, что Пацинаки получили свое имя тогда, какъ они пришли въ свои страны; но этимъ не только опровергается выше приведенное гораздо вѣроятнѣйшее значеніе Пацинакскаго имени, но еще рѣшительно утверждается, что Певцинское имя сохранилось до девятаго вѣка, что впрочемъ весьма сомнительно, не говоря уже о томъ, что Певцины сами себя, вѣроятно, никогда не называли такъ, но Бастарнами, и получили такое имя отъ Грековъ, по причинѣ множества сосноваго лѣсу, росшаго въ ихъ землѣ. Совершенно такъ же несправедливо, чтобъ Древляне и Пацинаки были одинъ и тотъ же народъ, потому что они никогда не имѣли общаго происхожденія. По моимъ догадкамъ, первые были Славяне. Должно удивляться Кульгинскому[100], что онъ не только Пацинаковъ, но еще Половцевъ, Варяговъ, Древлянъ и Язиговъ признаетъ за народъ Сарматскаго или Русскаго происхожденія, то есть, за Славянъ, которыми были только два послѣдніе народа. Онъ думаетъ, что Пацинаки имѣли имя отъ сожженія (Brand), потому что они имѣли, можетъ быть, обыкновеніе, сожигать людей въ ихъ жертвоприношеніяхъ. Я привелъ выше жестокіе обычаи жертвоприношенія у этого народа; но чтобъ они сожигали людей, о томъ мы ничего не находимъ. По Польски *Brand* называется Parzenie, но мнѣ кажется, что оно очень отлично отъ имени сего народа. Если производить его изъ Польскаго языка, то вѣроятнѣе было бы производить его отъ Pędze, то есть, *гоню*, *иду быстро впередъ*, и имѣть притомъ въ виду ихъ собственную быстроту, или отъ *Pędzony гонимый*, *преслѣдуемый*, и обращать притомъ вниманіе на ихъ бѣгство отъ Уцовъ и Хозаровъ. Прай[101] приводитъ различныхъ писателей, которые признаютъ ихъ за Вендовъ, что онъ отвергаетъ по праву, и Пейцера, который думаетъ, что они получили свое имя

---

98 De Regno Dalmatiae, l. 6. c. 5. in Schwandtneri Script. Und. Tom. 3. p. 461.

99 Geschichte d. Teutsch. 2 Thl. Anmerk. p. 196. De rebus imp. a Conrade I. p. 145 not. 5.

100 In specim. Eccles. Ruth. ap. Pray in Annal. vet. Hunor. p. 324 et ap. Asseman in Kalendariis Eccl. univ. Tom. 3. p. 222.

101 Ibid. p. 323. 324. 386. 387.

отъ Польскаго города Познань (Posen), что такъ же несправедливо, потому что они никогда не жили близъ него. Самъ онъ дѣлаетъ догадку, что они были Гунны, но не доказываетъ, и думаетъ, что одно племя ихъ Гила жило въ Семиградіи до тѣхъ поръ, пока Венгерскій Король Стефанъ Первый не отнялъ его, тогда какъ изъ Императора Константина ясно видно, что Пацинаки никогда не обладали означенною страною: онъ думаетъ еще, что этотъ народъ никогда не жилъ на югъ отъ Дуная, но только Влахи, что я впрочемъ изъяснилъ выше иначе, такъ же, что Куманы были одинъ народъ съ ними, что совсѣмъ несправедливо, и что Сицилійцы происходятъ отъ нихъ, что я изслѣдую въ другомъ мѣстѣ. Ученый Пасторій [102] полагаетъ, что они получили свое имя или отъ рѣки Физиса, или отъ Певциновъ. Послѣднее словопроизводство одобряетъ онъ наиболѣе, потому что для него легче тогда сдѣлать ихъ Сарматами или Славянами; но какъ все это неправильно, тому достаточнымъ, по моему мнѣнію, служитъ доказательствомъ все доселѣ мною приведенное. Дегинъ [103], написавшій Исторію Гунновъ съ большимъ раченіемъ, думаетъ, что около 700 года, прежде и послѣ, изъ различныхъ Турецкихъ ордъ произошли Хазары, Уцы, Пацинаки и Венгры, слѣдовательно они всѣ были собственно Гунны, потому что онъ считаетъ Турковъ одною вѣтвію отъ нихъ: но все это предлагаетъ онъ безъ доказательствъ, почему я вѣрнѣе держусь моей догадки, что Пацинаки были Геродотовы Гандоріи, что дѣлаетъ то вѣроятнѣйшимъ, что они были въ большемъ сродствѣ съ Массагетами, нежели съ Исседонами, мнимыми родоначальниками Гунновъ. Такое множество неправильностей у новѣйшихъ писателей происходитъ отъ того, что они безъ вниманія читали и сравнивали древнихъ. Но никто изъ нихъ не имѣетъ такъ много неправильностей, какъ Пейсонель [104], одинъ изъ новѣйшихъ: онъ говоритъ, что Пацинаки были по своему происхожденію Венды, слѣдовательно Славяне, и получили свое имя отъ города Познань (Posen); что Уцы и Мадьяры были одинъ народъ, что, можетъ быть, есть и опечатка, и что у него стоитъ *ou* вмѣсто *A*; что Уцы и Мадьяры, прогнавъ сначала Пацинаковъ съ Дона, отняли у нихъ потомъ Валахію и Молдавію, вторглись въ Венгрію, и смѣшались съ Турками, жившими въ ней, и что Пацинаки убѣжали потомъ въ Боснію, которой они сообщили имя, и въ которой еще теперь говорится по Славянски, что доказываетъ Славянское происхожденіе Пацинаковъ. Что касается до послѣдняго, то Боснія не могла имѣть отъ нихъ своего имени, потому что Императоръ Константинъ [105] упоминаетъ уже о странѣ Босанѣ, и говоритъ, что Сербы имѣли въ ней два города, и сверхъ то-

---

102 De origin. Sarmat. p. 43. 50.

103 Histoire des Huns, Tom. 1. Part. 1. p. 250.

104 Observat. hist et géogr. 4-to... à Paris, 1765, dans la dissent. p. 37—40.

105 De administr. imper. Corp. Byz. Tom. 22. p. 84

го вѣроятно, что они происходятъ отъ Птоломеевыхъ Бѣссовъ — одного Сарматскаго народа. Что Леинклавъ, приведенный Пейсонелемъ, Пейцеръ, Гагунъ, Гербештейнъ и др. писатели шестнадцатаго вѣка сдѣлали много ошибокъ въ Исторіи сихъ восточныхъ народовъ, тому нечего удивляться, потому что ихъ языки были имъ почти совсѣмъ неизвѣстны и объяснены нѣсколько болѣе въ наши времена, и еще потому, что они не знали многихъ превосходныхъ историческихъ сочиненій, вышедшихъ въ свѣтъ послѣ; но что новѣйшіе поступаютъ не лучше, того никакъ извинить нельзя, особенно когда безсмертный Байеръ показалъ имъ совершенно другой примѣръ. Подъ конецъ я приведу мое мнѣніе о томъ, куда дѣвались остатки Пацинаковъ. Если мы обращаемъ вниманіе на то, что они жили въ Болгаріи, Валахіи и Молдавіи, и вмѣстѣ находимъ, что въ языкѣ Болгаровъ, кромѣ Славянскаго, есть нѣчто особенно чужеземное, и въ языкѣ Валаховъ, кромѣ Латинскаго, тоже самое, то нѣтъ ничего вѣроятнѣе, что многіе между ними происходятъ отъ Пацинаковъ. Почему ученый Люцій[106] и превосходный Байеръ[107] не совсѣмъ неправы, когда они думаютъ, что Валахи происходятъ отъ Пацинаковъ. Это можетъ быть отчасти справедливо, но не должно̀ простираться на всѣхъ, особенно не должно согласиться на то, что имя Пацинаковъ измѣнилось въ Валаховъ или Влаховъ, такъ что оно будто бы до того времени не существовало. Валахи составляли народъ сами по себѣ, и жили долго между другими (народами), и наконецъ поглотили ихъ имена, послѣ того, какъ большая часть ихъ были побита или отведена Татарами въ плѣнъ. Въ Украйнѣ и на восточной сторонѣ Днѣпра нѣтъ, кажется, никакихъ слѣдовъ отъ Пацинаковъ, а все наполнено Козаками и Татарами.

Съ Датскаго Протоіерей Стефанъ Сабининъ.

---

106 De regno Dalmatiae etc. in Schwandtneri Script. Und. Tom. 3. p. 454. 455 et 461. L. 6. c. 5.

107 Begeb. von Azow, p. 41 et 42.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ

ЗАМѢЧАНІЯ.

(Читано въ Засѣданіи 1-го Іюня, 1846 года.)

Тридцать лѣтъ протекли, какъ я въ стѣнахъ этого же зданія ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, при занятіяхъ Государственною службою въ званіи Секретаря въ Прав. Сенатѣ, слушалъ лекціи Г-дъ Профессоровъ, изъ которыхъ двое * состоятъ нынѣ Дѣйствительными Членами ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, избравшими меня, стараго своего ученика, въ Члены этого Общества. Благодарю моихъ наставниковъ и новыхъ Г-дъ Членовъ, удостоившихъ меня избранія въ свои товарищи. Почесть эту принимаю въ число лучшихъ наградъ въ моей жизни и постараюсь заслужить лестное для меня титло Дѣйствительнаго Члена Общества.

Получивъ позволеніе сказать, что можно на первый разъ, по новому моему званію, я не смѣлъ бы предлагать Хронологическихъ изслѣдованій, скучныхъ для людей, занятыхъ другими важнѣйшими предметами наукъ; но питаюсь пріятною надеждою, что собраніе ученыхъ мужей благосклонно выслушаетъ мое мнѣніе, за нѣсколько лѣтъ уже отчасти высказанное мною во многихъ періодическихъ изданіяхъ, именно, что всѣ Русскія Хронологическія сочиненія наполнены ошибками, къ стыду нашего вѣка. Этого непозволено будетъ повторить здѣсь, въ почтенномъ нашемъ собраніи Общества, нетерпящаго полемики, оскорбляющей иногда личность на поприщѣ науки; но оно вѣрно не отвергнетъ принять Хронологическія таблицы, которыми я занимаюсь нѣсколько лѣтъ. Цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ хронологическіе признаки, изложенные въ нашихъ Русскихъ лѣтописяхъ, возможно было находить просто, безъ вычисленія по формуламъ, безъ подвижныхъ цыфръ въ таблицахъ, безъ методы перехожденія по вруцѣлѣтію, кругамъ солнца, луны и проч.; словомъ была бы возможность найти нужные по лѣтописямъ предметы въ общей годовой таблицѣ послѣдовательно и заняться потомъ общею Русскою лѣтописью.

* Его Пр. И. И. Давыдовъ и И. М. Снегиревъ.

Между тѣмъ считаю не лишнимъ представить нынѣ же три краткія таблицы, по которымъ можно вычислять милліоны Хронологическихъ предметовъ, гораздо болѣе, чѣмъ сколько означено въ формулѣ Алгебраической Гаусса, помѣщенной въ Академическомъ мѣсяцесловѣ 1838 г., и въ формулѣ корпуса топографическаго Подполковника Воробьева, напечатанной въ No 78 Сѣверной Пчелы, 6 Апрѣля, 1846 г.

Для незнающихъ Алгебры, мнѣ кажется, простота моихъ таблицъ будетъ полезною при повѣркѣ Русскихъ лѣтописей. По этѣмъ таблицамъ можно вычислять на многія тысячи лѣтъ времена Пасхи Христовой, также дни седмицъ извѣстныхъ мѣсяцевъ, и можетъ это вычислять каждый, кто только въ силахъ раздѣлить данный отъ Р. Х. годъ на 19 и 28 частей.

Вычисленія Григоріанской Пасхи доступны только по извѣстной Хронологамъ книгѣ, напечатанной въ Москвѣ 1819 г. „Опытъ о времесчисленіи Б. В. Ш." Эта книга заимствована изъ иностранныхъ сочиненій; въ ней многосложность вычисленія, неудобнаго для Хронологовъ — очевидна каждому.

Прошу Почтеннѣйшихъ Г-дъ Членовъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ первую лепту мою принять въ сокровищницу трудовъ своихъ благосклонно.

ПЕРВАЯ ТАБЛИЦА

для узнанія перваго послѣ весны въ сѣверномъ полушаріи полнолунія. Раздѣли данный отъ Р. Х. годъ на 19: остатокъ покажетъ время полнолунія.

Остатки отъ дѣленія года на 19 частей	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	0
По Юліанскому календарю.	Мар. 26	Апр. 14	Апр. 3	Мар. 23	Апр. 11	Мар. 31	Апр. 19	Апр. 8	Мар. 28	Апр. 16	Апр. 5	Мар. 25	Апр. 13	Апр. 2	Мар. 22	Апр. 10	Мар. 30	Апр. 18	Апр. 6
По Грегоріанскому календарю	Апр. 3	Мар. 23	Апр. 11	Мар. 31	Апр. 19	Апр. 8	Мар. 28	Апр. 17	Апр. 5	Мар. 25	Апр. 13	Апр. 2	Мар. 22	Апр. 10	Мар. 30	Апр. 18	Апр. 7	Мар. 27	Апр. 14

ВТОРАЯ ТАБЛИЦА

для узнанія, въ какой день седмицы вышеозначенное полнолуніе. Раздѣли данный отъ Р. Х. годъ на 28: остатокъ покажетъ день седмицы по извѣстному выше числу полнолунія.

По Юліанскому календарю навсегда.

Остатки отъ дѣленія года на 28 частей.	5. 11. 16. 22.			0. 6. 17. 23.			1. 7. 12. 18.			2. 13. 19. 24.			3. 8. 14. 25.			9. 15. 20. 26.			4. 10. 21. 27.		
	Мар.	Апр.		Мар.	Апр.		Мар.	Апр.		Мар.	Апр.		Мар.	Апр.		Мар.		Апр.	Мар.	Мар.	Апр.
Воскресенье....	22	5	19		4	18		3	17		2	16		1	15	...	31	14		30	13
Понедѣльникъ.	23	6	20	22	5	19	...	4	18	...	3	17	...	2	16	...	Апр. 1	15	...	31	14
Вторникъ......	24	7	21	23	6	20	22	5	19	...	4	18	...	3	17	...	2	16	...	Апр. 1	15
Середа..........	25	8	22	24	7	21	23	6	20	22	5	19	...	4	18	...	3	17	...	2	16
Четвертокъ....	26	9	23	25	8	22	24	7	21	23	6	20	22	5	19	...	4	18	...	3	17
Пятокъ..........	27	10	24	26	9	23	25	8	22	24	7	21	23	6	20	22	5	19	...	4	18
Суббота.........	28	11	25	27	10	24	26	9	23	25	8	22	24	7	21	23	6	20	22	5	19
Воскресенье....	29	12	...	28	11	25	27	10	24	26	9	23	25	8	22	24	7	21	23	6	20
Понедѣльникъ.	30	13	...	29	12	...	28	11	25	27	10	24	26	9	23	25	8	22	24	7	21
Вторникъ......	31	14	...	30	13	...	29	12	...	28	11	25	27	10	24	26	9	23	25	8	22
Середа..........	Апр. 1	15	...	31	14	...	30	13	...	29	12	...	28	11	25	27	10	24	26	9	23
Четвертокъ....	2	16	...	Апр 1	15	...	31	14	...	30	13	...	29	12	...	28	11	25	27	10	24
Пятокъ..........	3	17	...	2	16	...	Апр. 1	15	. .	31	14	...	30	13	...	29	12	...	28	11	25
Суббота.........	4	18	...	3	17	...	2	16	...	Апр. 1	15	...	31	14	...	30	13	...	29	12	...
Остатки отъ дѣленія года на 28 частей.	9. 15. 20. 26.			4. 10. 21. 27.			5. 11. 16. 22.			0. 6. 17: 23.			1. 7. 12. 18.			2. 13. 19. 24.			3. 8. 14. 25.		

По Грегоріанскому календарю только въ XIX столѣтіи.

ТРЕТІЯ ТАБЛИЦА

для перевода вышеозначенныхъ мѣсяцевъ и числъ съ Грегоріанскаго въ Юліанскій календарь, въ одномъ нынѣшнемъ XIX столѣтіи. Здѣсь означены числа: сверху новый стиль, т. е., Грегоріанскій, а внизу старый, т. е., Юліанскій.

Марта	22.	23.	24.	25.	26.	27.	28.	29.	30.	31.
Марта	10	11	12	13	14	15	16	17	18.	19

Апрѣля	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.
Марта	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31

Апрѣля	13.	14.	15.	16.	17.	18.	19.	20.	21.	22.	23.	24.	25.
Апрѣля	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13

ПРИМѢРЫ ВЫЧИСЛЕНІЯ:

1. Намъ даны годы отъ Р. Х. 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851 и 1852, спрашивается: когда въ нихъ будетъ Пасха Христова Православнаго исповѣданія, по Юліанскому календарю, или тоже по старому стилю?

Годы отъ Р. Х.	1845.	1846.	1847.	1848.	1849.	1850.	1851.	1852.
Остатки отъ дѣленія на 19	2	3	4	5	6	7	8	9
Остатки отъ дѣленія на 28..........	25	26	27	0	1	2	3	4.

Здѣсь, подъ 1845 годомъ, остатокъ 2 показываетъ по 1-й таблицѣ Апрѣля 14 число, которое сыскиваемъ по 2-й таблицѣ по остатку 25 и видимъ, что Апрѣля 14 число въ 1845 году было въ субботу, а первое потомъ воскресенье 15 Апрѣля; оно и есть время празднованія Пасхи Христовой Православнаго исповѣданія.

2. По этимъ же остаткамъ узнаемъ время Пасхи по Грегоріанскому календарю такъ : 1845 годъ показываетъ остатокъ 2; по Грегоріанскому календарю первая таблица показываетъ полнолуніе Марта 23, которое по второй таблицѣ означаетъ по остатку 25, снизу вверхъ, что Марта 23 было въ воскресенье; оно и есть празднованіе въ 1845 году Пасхи Христовой по Грегоріанскому календарю; это число можемъ перевесть въ Юліанскій календарь по третьей таблицѣ, будетъ Марта $\frac{11}{23}$ стараго стиля. новаго стиля.

3. Каждый изъ данныхъ годовъ узнаемъ тѣмъ же способомъ, какъ узнали и 1845 годъ.

Д. Ч. П. Хавскій.

О

ФОРМѢ ПРИСЯГИ,

СУЩЕСТВОВАВШЕЙ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Со введеніемъ въ Россію Христіанства измѣнились всѣ древніе языческіе обряды: клятва стала утверждаться Крестомъ и Евангеліемъ. Хотя до временъ Петра Великаго присяга и не имѣла никакой полной и постоянной формы, но, сколько можно видѣть изъ крестоприводныхъ записей, оная заключалась въ утвержденія обѣщанія цѣлованіемъ святаго Креста и въ оговоркѣ, что въ случаѣ, если присягающій нарушитъ свою клятву, то подвергаетъ себя отверженію отъ благословенія Вселенскихъ соборовъ.

Сія форма имѣла нѣкоторыя измѣненія; иногда она ограничивалась только цѣлованіемъ Креста, какъ-то въ Новгородскихъ договорныхъ записяхъ 1305 и 1308 годовъ: *Цалуемъ крестъ къ своей Господѣ по любви въ правду безъ всякой хитрости.* Или: *На семъ, Княже, цѣлуй крестъ къ всему Новугороду, на чемъ целовали дѣды и отецъ твой Ярославъ.* Долгое время Новгородцы священнымъ именемъ Ярослава и предковъ убѣждали потомство его къ содержанію данныхъ обѣтовъ. Иногда оговорка: *А не учину* и проч. *Ино не буди на мнѣ Милости Божіей и Пречистыя Его Матери,* была отмѣняема, какъ-то въ записи втораго Самозванца и въ общихъ Крестоприводныхъ записяхъ при государяхъ Михаилѣ Федоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, гдѣ, въ заключеніи, сказано только: *Азъ имярекъ цѣлую сей Животворящій Крестъ Господень, на всемъ, какъ въ сей записи писано.*

Говоря: *Ино не буди на мнѣ милости Святыхъ,* по большей части упоминали Московскихъ Чудотворцевъ, и тѣхъ Угодниковъ, къ заступленію коихъ прибѣгали съ живѣйшею вѣрою. Въ клятвенной записи князя Холмскаго 1511 г. сказано: *Ино не буди на мнѣ милости Петра Митрополита и Леонтія Епископа Ростовскаго.* Въ записи князя Вѣльскаго 1524 г. сказано: *Ино не буди на мнѣ милости Леонтія и Сергія Чудотворца.* Въ записи князя Воротынскаго 1525 г. упомянуто: *Олексья Митрополита и Кирилла Чудотворца;* въ Крестоприводной записи къ Федору Борис. Годунову 1605 г. прибавлено: *И не буди на мнѣ благословенія и прощенія Московскаго Патріарха Іова и Митрополитовъ и Архіепископовъ и всего освященнаго Собора;* а въ записи князя Холмскаго: *ни благословенія Гос-*

подина моего Геронтія, Митрополита всея Руси и его дѣтей Владыкъ и Архимандритовъ.

Въ нѣкоторыхъ записяхъ послѣ словъ: *И не буди на мнѣ милости* Божіей и проч., слѣдуетъ: *и буду проклятъ въ сьмъ вѣцѣ и въ будущемъ.* См. Крестоприводную запись Федору Борисовичу Годунову, и запись о расторженіи союза съ Сигизмундомъ I. Но такая оговорка была только въ крайнихъ случаяхъ и въ самыя смутныя времена, когда Самозванцы терзали отечество, когда злоумышленные бояре хотѣли возвести Польскаго королевича на Московскій престолъ. Въ записи князя Мстиславскаго, 1571 года, вмѣсто: *Ино не буди на мнѣ милости Божіей* и проч., сказано: *А будетъ азъ по сей проклятой грамотѣ предъ Богомъ и православнымъ крестьянствомъ преступлю, и язъ буду по тому жъ проклятъ отъ Господа Бога и Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и отъ Вселенскихъ сѣдьми Соборовъ и отъ Русскихъ Чудотворцевъ.* Самая грамота сія именуется *проклятою*, вѣроятно, для того, чтобы отвратить страхомъ всякое покушеніе къ нарушенію вѣрности.

Тогда только санъ, или занимаемая должность, отличала знатныхъ отъ простолюдиновъ. Со всѣмъ тѣмъ, при вступленіи въ должность не присягали, но всякой разъ, при возшествіи на престолъ новаго государя, составляемы были общія крестоприводныя записи, по коимъ всѣхъ приводили къ присягѣ. Присягали также въ чрезвычайныхъ случаяхъ, на пр., при вооруженіи противъ Самозванцевъ и когда Пожарскій призывалъ Россіянъ къ защитѣ Москвы отъ Литовцевъ и покушеній Сигизмунда. Особенная или частная клятвенная запись была только въ случаѣ, когда въ вѣрности присягали лица, бывшія прежде подъ гнѣвомъ государя, или подозрѣваемыя въ измѣнѣ.

Форма самаго *обѣщанія*, смотря по обстоятельствамъ времени, имѣла дополненія или отмѣны. Впрочемъ, почти во всѣхъ записяхъ мы найдемъ: *Язъ имя рекъ, цалую святый и животворящій Крестъ Господень на томъ, что мнѣ Государю своему Царю, и его Царицѣ, и ихъ Царскимъ дѣтямъ, служити, и прямити, и добра хотѣти до своего живота, безъ всякія хитрости, во всемъ въ правду, по сему крестному цѣлованію, а лиха никакова Государю не мыслити.* См. Крестоприводныя записи Федору Борисовичу Годунову, второму Самозванцу, Василію Ивановичу Шуйскому, Михайлу Федоровичу 1626, Алексѣю Михайловичу 1653.

Частныя дополненія въ Крестоприводныхъ записяхъ всегда относятся къ политическимъ происшествіямъ или къ духу того времени, на пр., послѣ несчастной кончины Годунова, при вступленіи на престолъ сына его, включено было въ присягу: *Сѣду вѣдомскимъ мечтаньемъ не испортити, и вѣдомствомъ по вѣтру ни какого лиха не насылати.* При сведеніи съ трона Василія Шуйскаго присягали боярину Мстиславскому и другимъ, принявшимъ государственное правленіе боярамъ, — *во всемъ ихъ слушати и судъ ихъ всякой любити, съ измѣнники битись до смерти, а вора, кто называется Царевичемъ Дмитріемъ, на Московское государство не хотѣти.* По записи князя Пожар-

скаго 1611 г., апрѣля, о расторженіи союза съ Сигизмундомъ, цаловали крестъ въ томъ, чтобъ: *За православную крестьянскую вѣру и за Московское государство стояти, и отъ Московскаго государства не отстати, а Королю и Королевичу Польскому и Литовскому креста не цаловати, и не служити, и не прямити ни которыми дѣлы.* Здѣсь, по стеченію словъ, выходитъ: *Цалую крестъ, креста не цаловати.* Замѣчательно, что въ самыя древнія времена писали и говорили: *Христіанство, Христіанская вѣра*, но въ послѣдствіи находимъ въ записяхъ: *крестьянство, крестьянская вѣра.* Запись сія оканчивается незабвенными словами отъ лица Пожарскаго: *А что, Господа, съ нами вмѣстѣ не соединитесь, и за государство Московское не станете, а что надъ государствомъ Московскимъ конечное разореніе учинится, и то Богъ на васъ взыщетъ!*

При избраніи на престолъ Михайла Федоровича Романова присягали: *На Московское государство и на всѣ великія области Россійскаго царства иного Государя изъ иныхъ государствъ, изъ разныхъ земель, царей и царевичей, и изъ Русскихъ родовъ, никого не хотѣти.*

Сверхъ того, въ общихъ Крестоприводныхъ записяхъ были, иногда, особенныя дополненія для придворныхъ и другихъ, находящихся въ Государственной службѣ, лицъ. Каждый присягалъ по своему званію. Смот. Крестоприводныя записи Годунову, Шуйскому, Михайлу Федоровичу, Алексѣю Михайловичу.

Бояре, Окольничіе и Думные люди клялись самовольствомъ, безъ Государева вѣдома, никакихъ дѣлъ не дѣлати и Царскія Думы и Боярскаго приговора никому не переносити.

Казначеи и казенные Дьяки обѣщались Государевою казною не корыстоваться и во всемъ оберегати.

Думные Дьяки — Государевыхъ тайныхъ дѣлъ ни Русскимъ, ни Иноземцамъ, не сказывати, а правитъ правду по *крестному цалованью.*

Стряпчіе — Государю служити, и лиха никакого Государю не мыслити.

Стольники — Государя ничѣмъ въ ѣствѣ и питьѣ не испортити, зелья и коренья лихова ни въ чемъ не дати, самому не чинити, другимъ не велѣти.

Постельничьи — въ Государевѣ платьѣ и постеляхъ, и въ изголовьяхъ, и въ подушкахъ, и въ одѣялахъ Государевыхъ никакова дурна не учинити, зелья и лихова коренья не положити.

Ясельничіе и Конюшіе — Государя беречи отъ всякаго лиха, никакова злова умышленія и волшебства не учинити, ни въ гриву у аргамака, ни у коня, ни въ узды, ни въ сѣдла, ни въ сани коренья не вязать, и проч.

Для *Подъячихъ* (подъ симъименемъ означали всю канцелярію) была особенная припись въ Крестныхъ грамотахъ только при Царѣ Федорѣ Борисовичѣ. Вѣроятно, они тогда возбудили противъ себя особенное негодованіе Правительства, которое вооружилось противъ нихъ присягою. Они обѣщались: *За дѣлы челобитчиковъ не волочити, отдѣлывати ихъ вскорѣ,*

посуловъ и поминковъ ни у кого не принимати, но дружбѣ не наровити, а по недружбѣ ни за кого не затѣяти.

Въ частныхъ присягахъ иногда прибавляемо было въ удостовѣреніе ручательство митрополита, какъ-то въ записи князя Воротынскаго, 1525 г.: *А въ томъ во всемъ ялися по мнѣ и по моимъ дѣтямъ Господинъ мой Даніилъ Митрополитъ всея Руси*, и пр. Запись князя Мстиславскаго, называемая *проклятою*, утверждена поручительствомъ многихъ епископовъ.

Присяга совершаема была въ церквахъ, наиболѣе Соборныхъ. Въ Москвѣ многіе для утвержденія цаловали Крестъ у гроба Петра митрополита, что и въ Клятвенныхъ записяхъ было означено, какъ-то въ записи князя Бѣльскаго, 1524 г.: *А крѣпости дѣля цѣловалъ есми честный и животворящій Крестъ у гроба Чудотворца Петра.*

Не одни тѣ подвергаемы были проклятію, которые нарушали присягу, но и тѣ, которые отказывались присягать, что можно видѣть въ записи князя Пожарскаго 1611: *А кто не учнетъ по сей записи Креста цаловати, или Крестъ цаловавъ не учнетъ такъ дѣлати, и пр., и буди тотъ человѣкъ проклятъ и въ семъ вѣцѣ, и въ будущемъ.*

Въ Государственныхъ Грамотахъ находимъ особенную присягу для Татаръ и Остяковъ, установленную въ царствованіе Шуйскаго. Каждому воеводѣ предписывалось, приводя къ шерти (присягѣ) Магометанъ и Язычниковъ, наблюдать слѣдующій обрядъ: надъ ними держали въ сіе время обнаженныя сабли, а по прочтеніи записи давали имъ съ ножа съѣсть по куску хлѣба, послѣ чего угощали ихъ на Царскій счетъ. Они обѣщались — *служити и прямити до своего живота, по своей вѣрѣ, по шерти*, прибавляя при томъ: *А не учну язъ такъ Государю своему и Великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи служити, какъ въ сей записи писано, и буди на мнѣ Божій огненный мечь, и побій меня Государевъ хлѣбъ и соль, и сѣки мою голову та вострая сабля.*

Въ XVI части древней Русской Вифліоѳики помѣщена статья подъ названіемъ: Чинъ, бываемый, егда кто хощетъ Государю Царю служити всею правдою у его Государевыхъ дѣлъ. Подлинникъ находится въ Патріаршескомъ книгохранилищѣ. Неизвѣстно, сколько времени существовалъ такой обрядъ присяги, и не случалось ли какихъ отмѣненій: вѣроятно только то, что обрядъ сей установленъ былъ въ позднѣйшія времена, то есть, не прежде царствованія Алексѣя Михайловича, а можетъ быть въ первые годы правленія Петра Великаго, судя по тому, что присяга сія принималась *при вступленіи въ должность*, чего ни въ какихъ прежнихъ записяхъ не значится, и что присягали уже предъ *Евангеліемъ*, когда прежде клятва утверждалась единственно цѣлованіемъ Креста.

Обрядъ сей былъ на такомъ положеніи: Священнослужитель (архіерей, архимандритъ, игуменъ или священникъ) приходилъ въ Святый храмъ съ присягающимъ и, поставивъ его противъ Царскихъ дверей, предъ налоемъ, облачался въ ризы. Діаконъ возлагалъ на налой напрестольное Евангеліе и ставилъ лампаду со свѣщею предъ лицемъ присягающаго, который долженъ былъ положить предъ Евангеліемъ

три земныхъ поклона, говоря: *Боже! Очисти мя грѣшнаго и помилуй мя. Создавый мя, помилуй мя! Безъ числа согрѣшихъ, Господи! Помилуй мя!*

Діаконъ по семъ начиналъ: *Благослови, Владыко,* а священникъ читалъ молитвы, псалмы, символъ вѣры, тропари, тропарь и кондакъ святаго настоящаго дня и, наконецъ, читалась присяга (кѣмъ, не объяснено).

Форма сей присяги: *Азъ (имя рекъ) обѣщаюсь предъ симъ святымъ, страшнымъ Евангеліемъ Государю, Царю и Великому Князю и пр. быти у его Государева дѣла (у денежнаго или у какова сбору), сбирати мнѣ въ правду, по Его Государеву Указу, другу не дружити, недругу не мстити, купити и продавати, какъ цѣна настоитъ и пр. и пр. По сему божественному и священному Евангелію, ей, ей, дѣлати въ правду!*

Священнослужитель за симъ произносилъ поученіе присягающему, обѣщая ему блаженство со всѣми праведными, если будетъ вѣренъ своей присягѣ, когда же измѣнитъ, то предавалъ его анаѳемѣ и вѣчному мученію, заключая молитвою, которую произносилъ, ставъ съ простертыми руками предъ Евангеліемъ: *Услыши мя, Господи, грѣшнаго, молящася къ Тебѣ всѣмъ сердцемъ! Воздаждь комуждо по дѣломъ его!*

Тогда присягающій подтверждалъ свое обѣщаніе, говоря:

Обѣщаюсь предъ Святымъ симъ Евангеліемъ Державнѣйшему и Благочестивѣйшему Царю и пр. во всемъ въ правду служити. Аще ли явлюся преступникъ своего обѣщанія, еже рече Архіерей злая, ей ей, да будутъ на мнѣ, яко же и на прежнихъ преступницѣхъ!

Священнослужитель заключалъ обрядъ вторичнымъ увѣщаніемъ.

Безъ сомнѣнія, къ сему продолжительному обряду приступали не для одного лица, но нѣсколькихъ человѣкъ, присягавшихъ вмѣстѣ; иначе не доставало бы времени приводить къ присягѣ. По сходству онаго съ учрежденіемъ, нынѣ существующимъ, вѣроятно, что Петръ Великій, вводя новую форму присяги, имѣлъ въ виду сіе постановленіе.

СОКРАЩЕННЫЙ ПЛАНЪ

ИСТОРІИ РАСКОЛОВЪ ВЪ РОССІИ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ РАСКОЛОВЪ.

I. Изслѣдованіе о началѣ расколовъ въ Россіи. Указаніе источниковъ, изъ коихъ оные проистекли. Постепенное ихъ распространеніе. Что способствовало сему? Достопамятныя происшествія и перевороты.

II. О духѣ раскольниковъ. Упорство ихъ. Цѣль. Средства, избираемыя ими къ достиженію своихъ намѣреній, и способы, коими они поддерживаются. Какое вліяніе они имѣли на нравственность? Обращеніе ихъ съ исповѣдающими истинную вѣру. Разсмотрѣніе ихъ въ гражданскомъ отношеніи, въ отношеніи къ отечеству, къ Государю и къ Правительству.

III. Обозрѣніе дѣйствій Правительства къ удержанію расколовъ. О состояніи раскольниковъ при Іоаннахъ, при Алексѣѣ, Петрѣ I, и послѣдующихъ Государяхъ. Состояніе ихъ при гоненіи на нихъ и со времени терпѣнія сектъ. Уменьшились ли они? Измѣнилось ли ихъ упорство? О вліяніи просвѣщенія на расколы. О раскольническихъ сектахъ, измѣнившихся или несуществующихъ болѣе, съ изслѣдованіемъ, что къ тому содѣйствовало. Различіе раскольниковъ съ единовѣрцами.

IV. О расколахъ, которые перешли въ Россію изъ иностранныхъ государствъ, или имѣютъ нѣкоторое сходство или отношеніе къ расколамъ, тамъ существующимъ. Общее замѣчаніе, отъ чего усиливались или прекращались расколы.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ЧАСТНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. Исчисленіе всѣхъ существующихъ нынѣ въ Россіи раскольническихъ сектъ. Раздѣленіе ихъ на разныя вѣтьви. Обозрѣніе каждой изъ нихъ въ особенности. Показаніе времени начала, и по чьему руководству и дѣйствію учредились оныя. Изложеніе причинъ, предшествовавшихъ тому. Составъ каждой секты и ея основаніе. Доводы, на которыхъ раскольники утверждаютъ свои заблужденія. Означеніе мѣстъ, гдѣ расколы распространяясь существуютъ въ большей силѣ. Средства, которыя принимало Правительство къ соглашенію и убѣжденію раскольниковъ каждой секты; состоявшіяся Акты и установленія, съ показаніемъ послѣдствій таковыхъ учрежденій и предпринимаемыхъ мѣръ. Предстоявшія затрудненія Правительству. Причины укорененія нѣкоторыхъ сектъ. О злоупотребленіяхъ, на которыя нужно особенно обратить вниманіе по важности послѣдствій. О средствахъ, представляющихся къ сближенію раскольниковъ съ сынами истинной церкви.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

АКТЫ.

Всѣ постановленія, и учрежденія относительно раскольническихъ сектъ, выписанныя отъ слова до слова и расположенныя порядкомъ времени.

Къ сему присоединить систематическій реестръ всѣхъ актовъ и узаконеній, также роспись всѣмъ, содержащимся въ книгѣ, предметамъ.

ПРОТОКОЛЪ

ЗАСѢДАНІЯ ОБЩЕСТВА

1846 года, апрѣля 27-го дня.

Императорское Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ Предсѣдательствомъ Старшаго Д. Члена, Его Превосходительства, И. И. Давыдова, и въ присутствіи Г-дъ Дѣйствительныхъ Членовъ: М. Н. Макарова, П. М. Строева, П. И. Артемова, Д. Н. Дубенскаго, С. М. Соловьева, В. М. Ундольскаго, И. Д. Бѣляева, М. Н. Каткова, и Секретаря, О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Дѣйствительные Члены читали собственныя разсужденія:

а) Д. Н. *Дубенскій:* „Объ языческомъ элементѣ Слова о полку Игоревомъ", и „Посланіе Елеазарова монастыря Игумена Памфила Псковскимъ Намѣстнику и властямъ о прекращеніи народныхъ игрищъ въ день Рождества Св. Іоанна Предтечи."

б) В. М. *Ундольскій:* „Краткую историческую записку о монастырѣ св. великомученика Пантелеймона, находящемся на Аѳонской горѣ."

в) М. Н. *Макаровъ:* „Нѣсколько историко-филологическихъ замѣтокъ къ Словарю Линде по буквѣ К.", которыя, кромѣ первой, носящей полемической характеръ, періодическимъ изданіемъ недопускаемый, по балотированію шарами одобрены къ напечатанію въ Чтеніяхъ Общества.

II. Читаны отношенія и письма на имя Г-на Предсѣдателя, Графа Сергія Григорьевича Строганова, и Общества: 1. отъ Географической Комисіи и Корреспондента В. Е. Априлова о полученіи имъ новыхъ изданій Общества. 2. Отъ Г. Прокурора М. Синодальной Конторы, В. М. Михайлова, объ оставленіи въ Обществѣ двухъ рукописей: „Мѣрило праведное" еще на трехмѣсячный срокъ, и о сдѣланномъ имъ распоряженіи относительно допущенія Д. Члена, В. М. Ундольскаго, къ обозрѣнію Патріаршей Библіотеки. 3. Отъ Д. Члена, А. М. Шёгрена, о высылкѣ ему 3-го тома Рускаго Историческаго Сборника, и о проч.

Опредѣлено: вышеозначенныя письма и отношенія принять къ свѣдѣнію, а Г-ну Д. Члену, А. М. Шёгрену, выслать требуемый имъ 3-й томъ Рускаго Историческаго Сборника.

III. Д. Членъ, М. П. *Погодинъ*, представилъ оставшіяся у него слѣдующія восемь статей, присланныя къ нему для его журнала: „Москвитянинъ" и для Общества: 1. Д. Членомъ *Сабининымъ:* Открытіе Америки, соч. К. Рафна, — О Хозарахъ, — О Печенѣгахъ, и о Славянахъ, соч. Сума, перев. съ Датскаго. 2. Профессоромъ *Срезневскимъ:* О храмахъ древнихъ Славянъ. 3. Проф. *Метлинскимъ:* Объ язычествѣ Самогитовъ. 4. Д. Членомъ, *Н. Д. Иванчинымъ-Писаревымъ:* Объ одной грамотѣ XV вѣка. 5. *П. В. Хавскимъ:* Хронологическія замѣтки, и 6. Г. Библіотекаремъ Имп. Публичной Библіотеки, *Бычковымъ:* О Новогородскихъ Посадникахъ. Кромѣ того, онъ же Д. Членъ, М. П. Погодинъ, увѣдомилъ Общество, что Учитель 5-й С. П. Бургской Гимназіи, Г. Кулѣшъ пишетъ, къ нему слѣдующее: „Я приготовилъ для печати одинъ Украинскій современный мемуаръ о войнахъ Хмельницкаго и о междоусобіяхъ,

„бывших въ Украйнѣ по его смерти. „Эта лѣтопись, напечатанная вслѣдъ за „Конискимъ, была бы лучшимъ объясне-„ніемъ Исторіи Русовъ. На основаніи „этихъ двухъ сочиненій можно будетъ „многое сказать не только о фактахъ „исторіи Украйны, но и о направленіи, „принятомъ этою исторіею въ смыслѣ „науки"... Опредѣлено: присланныя Д. Членомъ, М. П. Погодинымъ, статьи разсмотрѣть и, что найдется сообразнымъ съ занятіями Общества и важнымъ по чему либо, напечатать въ „Чтеніяхъ," а съ Г. Кулѣшемъ войдти въ сношеніе, что Общество, съ удовольствіемъ принимая его предложеніе, охотно напечатаетъ, по разсмотрѣніи и одобреніи, предлогаемый имъ Мемуаръ о войнахъ Хмельницкаго въ своихъ „Чтеніяхъ."

IV. Г-нъ Статскій Совѣтникъ, П. В. Хавскій, извѣстный ученому свѣту своими трудами по части исторіи Рускаго Законовѣдѣнія, Руской исторіи и отечественныхъ древностей, по предложенію Д. Члена, И. И. Давыдова, по большему числу избирательныхъ шаровъ избранъ въ Д. Члены Общества, на каковое званіе, и опредѣлено выдать П. В. Хавскому дипломъ.

V. Д. Членъ, П. М. Строевъ, предложилъ Обществу о выдачѣ ему за составленіе имъ къ Каталогу Библіотеки двухъ Алфавитныхъ указателей, остальныхъ 300 руб. ас., согласно Протоколу Общества 1845 года, октября 27-го, статьи X-й, Опредѣлено: отнестись въ М. Уѣздное Казначейство о выдачѣ, подъ росписку Г. Казначея, Н. Н. Васалаева, слѣдующей на содержаніе Общества на Майскую треть Всемилостивѣйше жалуемой Обществу суммы и, по принятіи оной, выдать Г. Д. Члену, П. М. Строеву, 85 руб. 71 коп. серебромъ, а равно и Г. Надворному Совѣтнику, А. С. Мельгунову, въ счетъ поставленной имъ для печатанія „Чтеній" и прочихъ изданій Общества 200 стопъ бумаги, еще 200 руб. серебромъ, о чемъ и сообщить Г. Казначею Общества, Н. Н. Васалаеву.

VI. Секретарь Общества, Д. Членъ, О. М. Бодянскій, представилъ на разсмотрѣніе, доставленный въ коректурѣ изъ Университет. Типографіи, новый образецъ Членскихъ дипломовъ, который одобренъ и утвержденъ Обществомъ.

VII. Отъ Гравера на мѣди, камнѣ и деревѣ, І. Т. Шелковникова, представленъ счетъ въ 48 руб. 85 коп. ас. и 18 руб. 60 коп. ас. за бумагу и печать двухъ снимковъ безвозмездно имъ выгравированныхъ къ No III-му „Чтеній" къ статьѣ В. М. Ундольскаго: „Сильвестръ Медвѣдевъ," и къ No IV-му, къ переводной статьѣ О. М. Бодянскаго: „Винодольскіе Законы, 1280 года." Опредѣлено: прекрасно исполненные труды Художника Шелковникова, сверхъ выдачи ему, издержанныхъ имъ за печать и бумагу 19 руб. 27 коп. серебромъ изъ суммы, собираемой Актуаріемъ Дмитріевымъ за продаваемыя имъ изданія Общества, имѣть въ виду при слѣдующихъ изданіяхъ Общества и, со временемъ, не оставить его своею признательностію.

VIII. Секретарь Общества, Д. Членъ, О. М. Бодянскій, представилъ экземпляры III-й книжки „Чтеній" въ Общество, содержаніе коей составляютъ слѣдующія статьи: 1. *Изслѣдованія.* Очеркъ Исторіи древней монетной системы на Руси; соч. Д. Члена Ивана Бѣляева, 2. *Матеріялы отечественные:* Исторія Русовъ или Малой Россіи, соч. Георгія Кониского, архіепископа Бѣлорускаго (2-е продолженіе.). 3. *Матеріялы иностраные:* О Рускомъ князѣ Ростиславѣ, отцѣ Чешской королевы, Кунгуты, и родѣ его. Критическое изслѣдованіе Франца Палацкаго, перев. съ Чешскаго Д. Члена О. Бодянскаго.—О древнеславянскихъ, именно Кириловскихъ, типографіяхъ въ Югославянскихъ земляхъ и прилежащихъ имъ краяхъ, въ XV, XVI и XVII стол. Соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго Д. Члена Осипа Бодянскаго. 4. *Смѣсь:* Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ Славянорускои Библіографіи, соч. Д. Члена В. Ундольскаго. — Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ, составленное Сильвестромъ Медвѣдевымъ, съ Указателемъ, дополненнымъ Издателемъ, Д. Членомъ Вуколомъ Ундольскимъ. — Добавокъ къ замѣткамъ моимъ о земляхъ Рязанскихъ, соч. Д. Члена М. Макарова. — Грамота царя Петра І-го къ Папѣ Инокентію XII.—Протоколъ засѣданія Общества 23-го февраля, 1846 года.

Къ этой книжкѣ приложенъ гравированный на камнѣ снимокъ съ Оглавленія книгъ и собственноручныхъ писемъ Медвѣдева, на Рускомъ и Польскомъ языкахъ. Опредѣлено: раздать оные (и раздаю) Г-мъ присутствующимъ и разослать Г-мъ отсутствовавшимъ Членамъ; цѣну же третьей книжкѣ назначить для продажи по 1 руб. серебромъ за каждый экземпляръ, безъ пересылки.

IX. Читано отношеніе изъ Конкурса по дѣламъ несостоятельнаго должника, умершаго Комерціи Совѣтника, А. С. Ширяева, о присылкѣ въ оный документовъ по предмету иска Общества за его книги, проданныя бывшимъ его Комисіонеромъ покойнымъ Ширяевымъ. Опредѣлено: просить разсмотрѣть это Г. Д. Ч. Общества, И. Д. Бѣляева и, по доставленіи имъ отвѣта, сообщить Конкурсу по дѣламъ умершаго А. С. Ширяева.

X. Для Библіотеки Общества поступили слѣдующія приношенія:

а) Отъ Д. Члена, *М. Н. Макарова:* „Провозглашеніе (Proclamation)“ Наполеона къ жителямъ Москвы отъ $\frac{24 \text{ сентября}}{6 \text{ октября}}$ 1812 года, подписанное Лессепсомъ, какъ Интендентомъ или управляющимъ городомъ и провинціею Московскою, на Рускомъ и Французскомъ языкахъ, въ 2 столпца.

б) Отъ Профессоровъ Университетовъ: 1. Московскаго, *В. Н. Оболенскаго:* Переводъ Византійскаго лѣтописца Феофана, который Общество Опредѣлило напечатать въ Чтеніяхъ. 2. С. Петербургскаго, *Ф. Чижова:* „Списокъ и краткое содержаніе всѣхъ грамотъ и вообще бумагъ, заключающихъ въ себѣ сношеніе Россіи съ Венеціанскою республикою,“ и 3. Св. Владиміра, *В. Домбровскаго:* „Очеркъ Исторіи Чернигова и его Области,“ Кіевъ, 1846 года.

в) Отъ Кореспондента, *Т. Ѳ. Большакова:*

РУКОПИСИ:

а) *на пергаментѣ:*

1) *Атласъ* на Латинскомъ языкѣ, большаго формата, на 24-хъ листахъ, раскрашенныхъ красками и частію золотомъ.

2) *Дипломъ*, данный Лейбъ-Гвардіи Поручику Даніилѣ Гавриловичу Чистякову на дворянское достоинство, 1751 года.

3) *Гласъ народа* на Тильзитскій миры Императора Александра съ Наполеономъ, на открытомъ большомъ листѣ, писанный частію золотомъ, 1807 года.

б) *на бумагѣ:*

XVII столѣтія:

1) Житіе и служба Кирилла Бѣлозерскаго чудотв.

2) ——— ——— Нила Столобенскаго.

3 и 4) ——— ——— Михаила Ярославовича Тверскаго, чудотв. и Арсенія Тверскаго.

5) Прохладный вертоградъ.

6) Сынъ церковный.

7) О сошномъ письмѣ.

8) Два свитка столпцовъ соцарствія Іоанна и Петра Алексѣевичей.

XVIII столѣтія:

9) Житіе и служба Александра Свирскаго.

10) ——— ——— Геннадія Костромскаго.

11) Лѣтописецъ Димитрія, Митрополита Ростовскаго.

КНИГИ ПЕЧАТНЫЯ:

а) *Славянскія:*

1) Новый Завѣтъ, въ Острогѣ, 1580 г.
2) Псалтирь Слѣдованная, въ Острогѣ, 1598 г.
3) Анѳологіонъ, въ Кіевѣ, 1619 г.
4) Тріодь Постная, въ Кіевѣ, 1627 г.
5) Аввы Дороѳея, въ Кіевѣ, 1628 г.
6) Псалтирь Слѣдованная, въ Кіевѣ, 1643 г.
7) Октоихъ, въ Кутеинскомъ монастырѣ, 1646 г.
8) Книга о священствѣ, въ Москвѣ, 1664 г.
9) Полууставъ, въ Кіевѣ, 1672 г.
10) Служба Пресвятой Богородицѣ Казанской, 1679 г.
11) Служба Нерукотворенному образу Христову, 1680 г.
12) Каноны Пресвятой Богородицѣ, въ Кіевѣ, 1697 г.
13) Псалтирь, съ толкованіями, въ Кіевѣ, 1697 г.

14) Алфавитъ рисованный, въ Черниговѣ, 1705 г.
15) Ифика іерополитика, въ Кіевѣ, 1712 г.
16) Октоихъ, въ Черниговѣ, 1715 г.
17) Первое ученіе отрокомъ, С. П. Б., 1723 г.
18) Регламентъ духовный, С. П. Б., 1725 г.
19) Чинъ избранія и рукоположенія Архіерейскаго, С. П. Б., 1725 г.
20) Камень Вѣры, Москва, 1728 г.
21) Страсти Христовы въ лицахъ, гадировалъ Мартинъ Нехорошевскій, 1723 г.
22) Первое ученіе отрокомъ, Москва, 1744 г.
23) Служба Святителю Димитрію, Митрополиту Ростовскому, Москва, 1759 г.
24) Служба на принесеніе руки Іоанна Предтечи, С. П. Б., 1800 г.

б) *Гражданскія:*

1) Новѣйшее основаніе Практики, Москва, 1710 г.
2) Полидора Виргилія Урбинскаго осмь книгъ о изобрѣтателехъ вещей. Пер. съ Латинскаго. Москва, 1720 г.
3) О должности человѣка и гражданина, С. П. Б., 1726 г.
4) Монархія Турецкая, С. П. Б., 1741 г.

Опредѣлено: означенныя книги и рукописи сдать въ Библіотеку Общества Г. Библіотекарю, Д. Члену, П. М. Строеву, а Кореспондента Т. Ѳ. Большакова, въ благодарность за его пожертвованіе столь значительно цѣннаго собранія книгъ и рукописей, признать (и признанъ) единогласно Благотворителемъ Общества, на какое достоинство и выдать ему дипломъ.

У Г-на Актуарія Общества можно получать слѣдующія Славянскія книги:

а) *Чешскія.*

1. Starobyla Skládánie. Památka XIII a XIV wěku, wydaná od Wáclawa *Hanky*. W Praze. 1817—1820, 4 части. Цѣна 1 р. 50 к. сер., перес. за 2 ф.

2. Archiv Český. wyd. Fr. *Palackého*. W Praze. 1840—1843 г. 10 тетрадей. Цѣна 10 р. сер., перес. за 10 ф.

3. Slowanské starožitnosti, sepsal P. I. *Šafařjk*. Oddil dějepisný. W Praze. 1837 г. Цѣна 7 р. сер., перес. за 5 ф.

4. Slowanský národopis, sestawil P. J. *Šafařjk*. W Praze. 1842. Wydaní 2-hé. Съ картой. Цѣна 3 р. сер., пер. за 3 ф.

5. Чешская граматика на Нѣмецкомъ языкѣ: Ausführliches, theoretisch-practisches Lehrbuch der böhmischen Sprache, von Th. *Burian*. Prag. 1843. 2-te Aufl. Цѣна 2 р. сер , перес. за 2 ф.

6. Чешско-Нѣмецко-Латинскій Словарь: Böhmisch-deutsch-lateinische Wörterbuch. 2 Theile. Von Georg *Palkowitsch*. Prag. 1820. Цѣна 7 р. сер., перес. 5 ф.

б) *Серболужицкія:*

7. Pjesnički hornych a del'nych Łužickich Serbow, wudate wot L. *Hawpta* a J. E. *Smolerja*. 2 dźiel. Grymi 1841—3. Цѣна 17 р. сереб., перес. за 7 ф.

8. Граматика Верхнелужицкаго Сербскаго нарѣчія: Grammatik der Wendisch-Serbischen Sprache in der Oberlausitz, von J. P. *Jordan*. Prag. 1841. Цѣна 1 р. сер., перес. за 2 ф.

в) *Польскія:*

9. Biblioteka kieszenkowa klassykow Polskich, wydana przez J. N. *Bobrowicza*. W Pipsku. 1837—1840; 37 небольшихъ томовъ. Цѣна 20 р. сер., перес. за 10 ф.

г) *Церковнославянскія:*

10. Сазаво-Емауское Святое Благовѣствованіе, нынѣ же Ремьское, на немъ же прежде присягаша при вѣнчальномъ миропомазаніи цри Францустіи. Съ прибавленіемъ съ боку того же чтенія Латиньскыми буквами и сличеніемъ Остромирова Евангелія и Острожскихъ чтеній. Трудомъ и иждивеніемъ Вячеслава *Ганки*. Въ Чешской Правѣ. 1846. Цѣна 3 р. сер., перес. за 2 ф.

11. Начала Священнаго языка Славянъ, составлен. Вячеславомъ *Ганкой*. Въ Чешской Прагѣ. 1846. Цѣна 60 к. сер., перес. за 1 ф.

---

12. О народной поэзіи Славянскихъ племенъ; соч. *О. Бодянскаго*. Москва. 1837. Цѣна 1 р. сер., перес. за 2 ф.

13. Славянское Народописаніе, составл. П. І. *Шафарикомъ*, перев. съ Чешскаго О. *Бодянскаго*. Съ картою. Москва. 1843 г. Цѣна 2 р. 20 к. сер., пер. за 3 ф.

14. Наськы Украинськы Казкы, Запорозьця Иська *Матерынкы*. У Москви. 1834. Цѣна 60 к. сер., перес. за 1 ф.

ПОПРАВКИ

въ статьѣ о Пацинакахъ.

Стр.	стр.	*Напечатано:*	*Читайте:*
5	16:	писаніяхъ	сочиненіяхъ
6	1:	есть правильное,	правильнѣе
	17:	или еще	или
	25:	собственное	собственно
7	7 снизу:	почти на умъ	на умъ
—	8:	которые, хотя	которые
	10:	чрезъ названіе подобнаго рода	другимъ подобнаго рода названіемъ.
8	12:	беремъ	возмемъ
	13:	потребенъ	нуженъ
	16:	произошли	происходили
9	7:	съ седьмаго вѣка очень сильны, и жили какъ на востокъ, такъ и на западъ отъ Дона даже до Борисеена	въ седьмомъ вѣкѣ сильны, и жили на востокъ и западъ отъ Дона до самаго Борисеена
	8 снизу:	отъ превосходства силы Пацинаковъ	въ слѣдствіе превосходства Пацинаковъ
10	21:	прежде, кромѣ Речино	кромѣ Речино
	31:	что онъ жилъ въ времена	что жилъ въ то самое время
11	13:	чего либо	ничего
	22—23	что ихъ третіе и послѣднее мѣстопребываніе... раздѣлилось	что третье и послѣднее мѣстопребываніе ихъ распадались
12	11 снизу:	было бы излишнимъ трудомъ	лишній трудъ
14	26	и слѣд.: касающемуся до мѣстоположенія	касательно мѣстоположенія
15	25 и слѣд.:	Но здѣсь должно впрочемъ замѣтить, что Пацинаки были на высочайшей степени своего могущества когда Имп. Константинъ писалъ	Впрочемъ, сдѣсь должно замѣтить, что Пациники были на высоч. степени могущества своего въ то время, когда имп. Константинъ писалъ свое сочиненіе, потому что въ послѣдствіи они не владѣли уже болѣе Червоной Русью

Стр.	стр.	*Напечано:*	*Читайте:*
		свое сочиненіе, такъ что мы находимъ, что они впослѣдствіе времени не занимали Червонной Россіи	
	31—32:	На этой сторонѣ ихъ земля не простиралась до устья Днѣпра, но начиналась на нѣсколько мыль выше	На этой сторонѣ земля ихъ не доходила до устья Днѣпра, но начиналась нѣсколько миль выше
	33:	и простиралась потомъ	потомъ простиралась.
16	2:	изъ чего дѣлается вѣроятно	что показываетъ,
	13:	оставалось земли ненаселенною на 5 дней ѣзды или на 13 миль	была незаселена земля на 5 дней ѣзды или 13 миль
16	16:	Я соглашаюсь, что тамъ лежало много земли пустою	Я согласенъ, что тамъ было много пустой земли.
	23:	Его слова суть слѣдующія:	Вотъ его слова:
	27:	которые посылались въ посольства	которые наряжались въ посольства
	32:	находясь не въ дружбѣ съ нами	будучи въ неприязненныхъ отношеніяхъ съ нами,
10	10:	отъ нихъ	ими
18	2:	Двестра	Днѣстра
	11:	Болгаровъ ли то	Болгаровъ
	28:	для посѣщенія васъ посольствами	для отправленія къ вамъ посольствъ
	20:	множество неисчислимо	безчисленное множество
	22:	Днестра	Днѣстра
	31:	долженствовали	должны
	35:	Кроація	Хорветія
19	6:	Тогда какъ Пацинаки были изгнаны	По изгнаніи Пацинаковъ
	21:	кто она была	кто они,
	30:	породовъ	народовъ
	35:	Эти Кангаръ	Эти Кангары
	39:	дѣлается вѣроятнымъ	очевидно

Стр.	стр.	*Напечатано:*	*Читайте:*
	3 снизу:	когда правилъ ими Арпадъ,	во время правленія ими Арпада,
20	10:	отъ протекающей рѣки	по протекающей рѣкѣ
	13:	различные	разные
	16:	Бѣлеградъ	Бѣлградъ
	17:	изъ временъ	времена
	28—29	гдѣ нѣкоторыя племена Турковъ жили нѣкогда.	гдѣ когда-то жили нѣкоторыя племена Турковъ.
	32:	до Херсона и до Сарата,	до Херсона и Сарата,
21	21:	что	А что
	22:	Видно изъ ... Кедрина, что	видно изъ...Кедрина, разсказывающаго, что
	25:	согнали съ восточныхъ странъ Днѣпра,	прогнали изъ восточныхъ странъ Днѣпра,
	26:	Послѣднее должно впрочемъ случиться до 898 г.	Впрочемъ, послѣднее должно было случиться до 898 г.
	31—32:	который наилучше всѣхъ зналъ происшествія у Пацинаковъ, говоритъ впрочемъ	который лучше всѣхъ зналъ дѣла Пацинаковъ....говоритъ,
	5 снизу:	Вѣроятно, что они	Вѣроятно, они
22	10:	будучи вытѣснены	вытѣсненные
	11:	Моровскаго	Моравскаго
	26:	согласиться на это мнѣніе;	согласиться съ этѣмъ мнѣніемъ;
	29:	Развѣ должно думать,	Не льзя ли думать
	5 снизу:	съ Симеонъ	съ Симеономъ.
23—	2:	для пересадки	для переправы
	3:	такъ разсорились	до того поссорились
	5:	очей своихъ	очей
	6:	Леонъ Грамматикъ	Левъ Грамматикъ
	27:	Поелику	Такъ какъ
	28:	Леона Грамматика	Льва Грамматика
	29:	когда онъ говоритъ	увѣряющаго
	31:	случилось между Греками и Пацинаками то, что я только что разсказалъ выше.	случилось у Грековъ и Пацинаковъ событіе, разсказанное мною сей часъ выше.
	36:	вестъ войну	воевать

Стр.	стр.	*Напечатано:*	*Читайте:*
24	4:	тогда какъ В. Князь былъ въ отсутствіи и велъ войну съ Болгарами и Греками.	во время отсутствія В. Князя на войнѣ съ Греками и Булгарами.
	12 снизу:	и испыталъ на себѣ худыя слѣдствія отъ того	и поплатился за то
25	16 снизу:	съ переди и съ тылу и съ обѣихъ сторонъ	съ обѣихъ сторонъ, спереди и съ тылу
	7:	согласился потребовать отъ Пацинаковъ чрезъ пословъ, чтобы они были союзниками и друзьями Грековъ, не переходили бы болѣе чрезъ Дунай, для опустошенія Булгаріи и позволили бы	согласился отправить пословъ къ Пацинакамъ съ требованіемъ, чтобы они .... не переходили болѣе Дуная..... и позволили
26	28:	Стугну	Стугнѣ
27	16	къ Булгаріи	въ Булгарію
	27:	вшелъ	вошелъ
	28:	жившими	обитавшими
28	3:	Въ правленіе Императора Романа въ Греціи	Въ правленіе Греческаго императора Романа
	33:	Кегенесъ	Кенегесъ
29	30:	не прекратился	не прекратится.
	6 снизу:	не слышали прежде, и потому пили его такъ что получили ужасный рѣзъ и многіе изъ нихъ умирали отъ него каждый день	Не слыхали прежде, и потому пили съ такой жадностью, что получили отъ того ужасную рѣзь, отъ которой многіе изъ нихъ умирали ежедневно.
30	2:	не причиняла	не причинила
	31:	Надлежало бы	слѣдовало
	4 снизу:	Аріанитою	Аріаниты
	3:	былъ принужденъ	принужденъ
31	2:	множество воды	множество водъ
	19:	Но искалъ	Ища
	22:	Не примѣчала	не примѣчаютъ
	24—25	Они всѣ вмѣстѣ... и грабили	всѣ вмѣстѣ.... и принялись грабить.
	34:	кв	къ

Стр.	стр.	*Напечатано:*	*Читайте:*
	38:	для вязанія	чтобъ связать
32	2:	полководцемъ..какъ съ западными такъ и восточными войскомъ	полководца.... съ Запад. и Восточн. войсками.
	9:	начать тогда	тогда начать
	10—12:	которое и было проиграно, не смотря на то, что не много было убитыхъ, между которыми были впрочемъ........	которое и проиграно, хотя не много убито, между коими, впрочемъ, находились....
	14:	которые старались	старавшимися
	26:	и убивали	убивая
	27:	Такъ дерзки	до того дерзки
33	29:	и на равнинѣ,	даже на равнинѣ,
	30:	была взята	взята
	34:	ратныхъ мужей	воиновъ
34	9:	сошла	спустились
	17:	что онъ и привелъ въ исполненіе.	въ чемъ онъ и успѣлъ
	22:	Что онъ	Далѣе, что онъ
	31:	сопротивниковъ	противниковъ
	36:	случилось различное	случились разныя происшествія
35	2:	женился между скиѳами на дочери одного знатнаго человѣка	женился на дочери одного знатнаго Скиѳа.
	13:	которые были взяты потомъ въ плѣнъ и проданы	коихъ взяли потомъ въ плѣнъ и продали.
	17:	которые еще во время Зонара чрезъ свое потомство	коихъ потомки еще во время Зонара
	19:	еще до того времени	уже до того времени
	26:	ту землю	эту землю
36	3:	соединилъ свою силу	соединилъ свое войско
	14:	бывшій предводителемъ	предводитель
	18:	изъ которыхъ	изъ коихъ
	21:	и выиграли сраженіе, такъ что много Скиѳовъ осталось на мѣстѣ	....На коемъ много Скиѳовъ осталось на мѣстѣ

Стр.	стр.	*Напечатано:*	*Читайте:*
	30:	Мавроккатакалонъ Григорій	Григорій Мавроккатакалонъ
37	7 снизу:	для нападенія на тѣхъ	чтобы напасть на тѣхъ
38	6:	а прямо предъ сраженіемъ	а передъ самымъ сраженіемъ
	17:	Тогда	когда
	27:	Когда Западные или Латинскіе Христіане во многомъ числѣ	когда многочисленныя толпы Западныхъ или Латинскихъ Христіанъ
39	4:	будучи вооружены	вооруженные
	9:	знатнѣйшій	замѣчательнѣйшій
	21:	взятые	взяты
	23:	въ разстояніи на 10 стадій	въ разстояніи 10 стадій.
	28:	чрезъ что пріобрѣлъ случай	а это доставило ему случай
40	3:	Но ихъ было мало	но это было ничто
	8:	они люди	люди
	14:	то, что обѣщалъ	обѣщанное
	8 снизу:	покалы	бокалы
14	12:	обнаружилъ	показалъ
	17:	Императоръ имѣлъ впрочемъ	Впрочемъ импер. имѣлъ
	27:	возложили	положила
	7 снизу:	поставить лагерь	составить лагерь
42	2:	Онъ побѣдилъ Влаховъ въ одной битвѣ	Онъ побѣдилъ въ одной битвѣ Волоховъ
	3:	Воложскій	Волошскій
	6:	Въ его время случилось, что храбрый императоръ	Въ его время ... императоръ
	7 снизу:	производить	выводить
43	2:	изъ Тогармы	отъ Тогармы
	9:	имѣлъ несчастіе, что Іоаннъ разбилъ его	имѣлъ несчастіе быть разбитымъ отъ Іоанна
	16:	Тогда же случилось, что Скиѳы приказали бить кнутомъ	Тогда же Скиѳы приказали бить кнутомъ
44	9:	и это	что
	18:	въ разсѣяніи	разсѣянно
	21:	а чуждое	чуждое же.
	23:	, и что	; что
	24:	неопровергаемымъ	неопровержимымъ
	28:	ровную страну въ въ Македоніи	ровную страну Македоніи

Стр.	стр.	*Напечатано:*	*Читайте:*
	30:	взяла въ плѣнъ	плѣнила
	38:	Въ правленіе его случилось то, что Царь Болгарскій	Въ правленіе его Царь Вулгар.
45	11:	разсказывалъ	разсказываетъ
	12:	изъ странъ при Дунаѣ	изъ Придунайскихъ странъ
	14:	опустошитъ	разоритъ
46	8:	несравненно важнѣйшіе, нежели Страленбергъ	гораздо больше замѣчательные Страленберга
	19:	по причнѣ	по причинѣ
47	24:	что дѣлаетъ то вѣроятнѣйшимъ, что они были	что въ особенности дѣлаетъ вѣроятнымъ то обстоятельство, что ....
48	12:	обращаемъ	обратимъ
	14:	находимъ	видимъ
	15:	нѣчто особенно чужеземное	кое-что чужое
	20:	не должно согласиться на то	не льзя согласиться съ тѣмъ
	21:	такъ что оно	отъ чего оно